Исторический вестник

1898, июнь

БИБЛИОТЕКА
Трудовой Школы №6
Ул. Горького д. №2
ПО КАТАЛОГУ
ОТД. В 14
ПОДОТД.
№ 21076

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СОДЕРЖАНІЕ.

ІЮНЬ, 1898 г.

стр.

I. Коржинскіе коршуны. (Романъ-хроника). XVI—XVII. (Продолженіе). **Н. И. Мердеръ** 713

II. Воспоминанія **Константина Карловича Жерве**. III—IV. (Продолженіе). 732

III. Деревенскіе дѣльцы. (Изъ воспоминаній земскаго начальника). I. Радѣтель. **В. А. Тимашева-Беринга**. 777

IV. Забытый поэтъ. (Психологическій этюдъ). **С. А. Адріанова**. . . 805

V. Театральныя воспоминанія. (Продолженіе). Главы III—IV. **В. А. Тихонова** 811

VI. Китайская казнь. **Н. А. фонъ-Фохта** 844

VII. Изъ исторіи лютеранскаго сектантства въ Эстляндіи. (Очерки). **С. И. Уманца** 850

VIII. Правда о боярынѣ М. Б. Шеинѣ. **Н. Н. Оглоблина** 877

IX. Виновники польскаго возстанія 1863 года. (По польскимъ источникамъ). **Ив. Н. Захарьина (Якунина)** 898

X. Крайности сравнительнаго метода. **П. Е. Щеголева** 923

XI. В. Г. Бѣлинскій и чествованія его памяти. I—VIII. **Б. Б. Глинскаго** . 936

Иллюстраціи: 1 и 2) Два портрета В. Г. Бѣлинскаго.— 3) Жена, дочь и сестра Бѣлинскаго.—4) Бѣлинскій передъ смертью.

XII. Новый трудъ по расколу 978

XIII. Разработка данныхъ о языкѣ въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ. **С. К. Патканова** 985

XIV. Памяти Гладстона. **В. А. Тимирязева** 1003

Иллюстраціи: Вилліамъ Эвартъ Гладстонъ.

XV. По китайскому побережью. III. Городъ Чи-фу. IV. Городъ Нинпо-фу. (Продолженіе). **В. Д. Черевкова** 1012

XVI. Критика и библіографія. 1037

1) Думы о счастьѣ М. О. Меньшикова. Спб. 1898. **А. Фаресова**.— 2) Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ. По Г. Шлюмберже. М. Н. Ремезова. Москва. 1898. **Σ.**—3) Хива («Зимній походъ въ Хиву Перовскаго въ 1839 году» и «Первое посольство въ Хиву въ 1842 году»). И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 1898. **Б.**—4) Ал. Лазаревскій. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Вып. IV. Съ рисункомъ. Кіевъ. 1898. **К. Х.** — 5) Г. Карнуа. Легенды Франціи. Переводъ съ французскаго С. Лысцовой. Съ рисунками Н. Н. Соболева. Москва. 1898. **К. Лосскаго.**—6) Драматическій театръ въ Кіевѣ (1803—1893). Историческій очеркъ Н. И. Николаева. Кіевъ. 1898. **В. К.** — 7) А. В. Кругловъ. Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Изд. 2-е, Спиридонова. М. 1898. **А. Н.**—8) Л. Волковъ. Адамъ Мицкевичъ и его произведенія. Критико-біографическій очеркъ. Спб. 1898. **Н. Л.** — 9) Игорь, князь Сѣверскій. Древне-русская поэма въ поэтическомъ переложеніи Д. Бохана. Съ введеніемъ, примѣчаніями и историческими комментаріями. Минскъ. 1897. **П. Щ.**

См. слѣд. стр.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

XIII
28

БИБЛІОТЕКИ
КІЕВСКАГО
РЕАЛЬНАГО
УЧИЛИЩА.

СОДЕРЖАНІЕ СЕМЬДЕСЯТЪ ВТОРОГО ТОМА.

(АПРѢЛЬ, МАЙ и ІЮНЬ 1898 года).

стр.

Коржинскіе коршуны. (Романъ-хроника). IX — XVII. (Продолженіе). **Н. И. Мердеръ**. 5, 361, 713

Изъ воспоминаній баронессы **М. П. Фредериксъ**. (Посвящается другу дѣтства Его Императорскому Высочеству Великому Князю Михаилу Николаевичу). Часть вторая. (Окончаніе). 49, 396

Лента вдовицы. (Разсказъ). **И. Н. Потапенко**. 80

На царскомъ пути. (Черты изъ жизни графа Д. Е. Остенъ-Сакена). **Д. В. Ѳедорова**. 103

Неудобоносимое иго. (Изъ давнихъ воспоминаній). **П. Н. Полевого**. . . 122

Недавніе люди. (Характеристики и воспоминанія). Степанъ Стамбуловъ. (Окончаніе). **А. В. Амфитеатрова**. 132

Къ біографіи Н. В. Успенскаго. **Я. П. Полонскаго**. 148

Поѣздка на Мурманъ. (Путевыя замѣтки). III—V. (Окончаніе). **А. Г. Слезскинскаго**. 152

Иллюстраціи: 1) Становище Еретики (портъ Владиміра).—2) Колонія Малая Мотка.—3) Колонія Печенга.—4) Церковь въ Печенгскомъ монастырѣ.—5) Домъ общежитія въ Печенгскомъ монастырѣ.—6) Гостиница въ Печенгскомъ монастырѣ. — 7) Пазрѣцкій погостъ. Церковь св. Бориса и Глѣба.—8) Городъ Кола.—9) Лопарская тупа.—10) Островъ Маланья на Имандрѣ.—11) Расноволоцкая станція.—12) Поморская казарма.

Еврейскія колоніи въ Аргентинѣ. **Марка Басанина**. 192

По китайскому побережью. I. Городъ Вей-ха-вей. II. Таліенванъ и Портъ-Артуръ. III. Городъ Чи-фу. IV. Городъ Нин-по-фу. **В. Д. Черевкова**. 229, 606, 1012

Иллюстраціи: 1) Карта сѣверо-восточной части Китая.—2) Видъ Портъ-Артура. 3) Докъ въ Портъ-Артурѣ.—4) Видъ форта Гошанъ въ Таліенванѣ.—5) Внутренность форта Гошанъ въ Таліенванѣ.

Русскіе дипломаты XVIII столѣтія въ Англіи. **В. А. Тимирязева**. . 243, 567

Иллюстраціи: 1) Андрей Артамоновичъ Матвѣевъ.—2) Князь Борисъ Ивановичъ Куракинъ.—3) Князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ.—4) Графъ Семенъ Романовичъ Воронцовъ. — 5) Графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стр.

Литературный памятникъ Н. В. Гоголю. **Б. Б. Глинскаго.** 267
Послѣдняя княжна Ромодановская. **А. В. Верещагина.** 414
Воспоминанія **Константина Карловича Жерве.** I—IV. 419, 732
Землетрясеніе. (Очеркъ). **А. В. Амфитеатрова.** 450
Театральныя воспоминанія. I—IV. **В. А. Тихонова.** 464, 811
Эвакуація. (Разсказъ офицера). **П. М. Невѣжина.** 489
Въ смѣшанной семьѣ. (Изъ временъ польскаго возстанія 1863—1864 гг.). **А. И. Писанецкаго.** 506
Воспоминанія о Θедорѣ Ивановичѣ Буслаевѣ. **А. И. Кирпичникова.** . . . 512
Наканунѣ Бѣлинскаго. (Посвящается М. Л.). **С. А. Адріанова.** 532
Бѣлинскій въ русской литературѣ. **Д. Я—ва.** 563
Воспоминанія французскаго солдата о походѣ 1812 года. **Б. М. С.** . . 585
Деревенскіе дѣльцы. (Изъ воспоминаній земскаго начальника). I—VI. **В. А. Тимашева-Беринга.** 777
Забытый поэтъ. (Психологическій этюдъ). **С. А. Адріанова.** 805
Китайская казнь. Сообщеніе **Н. А. фонъ-Фохта.** 844
Изъ исторіи лютеранскаго сектантства въ Эстляндіи. (Очерки). **С. И. Уманца.** 850
Правда о боярынѣ М. Б. Шеинѣ. **Н. Н. Оглоблина.** 877
Виновники польскаго возстанія 1863 года. (По польскимъ источникамъ). **Ив. Н. Захарьина (Якунина).** 898
Крайности сравнительнаго метода. **П. Е. Щеголева.** 923
В. Г. Бѣлинскій и чествованія его памяти. I—VIII. **Б. Б. Глинскаго.** . 936

Иллюстраціи: Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.—2) Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.—3) Жена Бѣлинскаго—Марья Васильевна, сестра ея—дѣвица Агриппина Васильевна Орлова, дочь Бѣлинскаго—Ольга.—4) Бѣлинскій передъ смертью.

Новый трудъ по расколу. 978
Разработка данныхъ о языкѣ въ центральномъ статистическомъ комитетѣ. **С. К. Патканова.** 985
Памяти Гладстона. **В. А. Тимирязева.** 1003

Иллюстрація: Вилліамъ Эвартъ Гладстонъ.

КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. 276, 635, 1037

1) Жизнь и труды М. П. Погодина. Николая Барсукова. Книга двѣнадцатая. Спб. 1898. **Б. Глинскаго.** — 2) А. Сорель. Монтескье. Переводъ М. Г. Васильевскаго, подъ редакціей и съ предисловіемъ Н. И. Карѣева. Спб. 1898. **К—скаго.** — 3) Θ. М. Уманецъ. Гетманъ Мазепа. Историческая монографія. Спб. 1897. **Щ.** — 4) А. Газо. Шуты и скоморохи всѣхъ временъ и народовъ. Переводъ и дополненія Н. Федоровой. Съ рисунками въ текстѣ. Спб. 1898. **В. П.** — 5) У синя моря. Кн. Дм. Голицынъ (Муравлинъ). Спб. 1898. **А. Фаресова.** — 6) Очеркъ жизни и дѣятельности въ Возѣ почивающаго великаго князя Михаила Павловича. Къ столѣтію со дня его рожденія. 1798—1898. Съ двумя портретами. Составилъ генералъ-отъ-артиллеріи М. С. Лалаевъ. Спб. 1898. Первый царственный генералъ-фельдцейхмейстеръ, великій князь Михаилъ Павловичъ, 1798—1898. Біографическій очеркъ съ 8-ю портретами и автографомъ. Составилъ И. Н. Божеряновъ. Спб. 1898. **В. Т.** — 7) А. Н. Неустроевъ. Литературные дѣятели XVIII вѣка. I. Василій Григорьевичъ Рубанъ. Спб. 1898. Н. С. Тихонравовъ. Сочиненія. III, ч. I. М. 1898. **Проф. А. Архангельскаго.** — 8) Н. Дружининъ. Юридическое положеніе крестьянъ. Спб. 1897. **Б. Г.** — 9) На сибирскихъ золотыхъ пріискахъ. Н. Латкинъ. Спб. 1898. **А. Фаресова.** — 10) И. Е. Тимошенко. Литературные первоисточники и прототипы трехсотъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Кіевъ. 1897. **С.** — 11) Очерки современной Японіи. Женщины-врача А. А. Черевковой. Съ 12-ю гравюрами. Спб. 1898. **Л. Ж.** — 12) Альбомъ картинъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и рисунковъ И. Е. Рѣпина. Изданіе В, В. Матэ. Выпускъ первый. Спб. 1898. С. Ш.— 13) Гаспари Адольфъ. Исторія итальянской литературы. Томъ II-й. Итальянская литература эпохи возрожденія. Переводъ К. Бальмонта. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1897. А. К. — 14) Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія въ Россію въ половинѣ XVII вѣка, описанное его сыномъ, архидіакономъ Павломъ Алеппскимъ. Переводъ съ арабскаго, г. Муркоса (по рукописи московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ). Выпускъ второй (отъ Днѣстра до Москвы). Москва. 1897. С. — 15) Капиталъ. Критика политической экономіи. Сочиненіе Карла Маркса. Второе изданіе. Томъ первый. Спб. 1898. А. Фаресова. — 16) Archivъ исторіи литературы и просвѣщенія въ Польшѣ (Archiwum do dziejow literatury i oswiaty w Polsce). Изданіе академіи наукъ въ Краковѣ. Томъ IX-й. 1898. І. К. — 17) Аполлонъ Николаевичъ Майковъ (1821—1897 г.), біографическій очеркъ, составленъ М. Л. Златковскимъ. Изданіе второе, значительно дополненное. Спб. 1898. С. У—ца. — 18) Извѣстія русскаго археологическаго института въ Константинополѣ. Томъ второй. Одесса. 1897. Σ.— 19) Adam Darowski. Szkice historyczne. Serja trzecia. Petersburg. 1897. К. Х. — 20) Левъ Дембовскій. Мои воспоминанія. «Leon Dembowski. Moje wspomnienia». 2 тома. Спб. 1898. І. К. — 21) Nasza literatura dramatyczna. Szkice nakresione przez Piotra Chmielowskiego. Petersburg. 1898. К. Х. — 22) С. Л. Пташицкій. Средневѣковыя западно-европейскія повѣсти въ русской и славянскихъ литературахъ I. Повѣсти изъ Римскихъ дѣяній. (Gesta Romanorum). Спб. 1897. Щ. — 23) Думы о счастьѣ М. О. Меньшикова. Спб. 1898. А. Фаресова. — 24) Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ. По Г. Шлюмберже. М. Н. Ремезова. Москва. 1898. Σ.—25) Хива («Зимній походъ въ Хиву Перовскаго въ 1839 году» и «Первое посольство въ Хиву въ 1842 году»). И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 1898. Б. — 26) Ал. Лазаревскій. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Вып. IV. Съ рисункомъ. Кіевъ. 1898. К, Х.—27) Г. Карнуа. Легенды Франціи. Переводъ съ французскаго С. Лысцовой. Съ рисунками Н. Н. Соболева. Москва. 1898. К. Лосскаго. — 28) Драматическій театръ въ Кіевѣ (1803—1893). Историческій очеркъ Н. И. Николаева. Кіевъ. 1898. В. К.—29) А. В. Кругловъ. Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Изд. 2-е, Спиридонова. М. 1898. А. Н. — 30) Л. Волковъ. Адамъ Мицкевичъ и его произведенія. Критико-біографическій очеркъ. Спб. 1898. Н. Л.—31) Игорь, князь Сѣверскій. Древне-русская поэма въ поэтическомъ переложеніи. Д. Бохана. Съ введеніемъ, примѣчаніями и историческими комментаріями. Минскъ. 1897. П. Щ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ и МЕЛОЧИ . . 310, 653, 1050

1) Новая монографія о Платонѣ.—2) Легенда о Тангейзерѣ.— 3) Іоанна д'Аркъ и ея сподвижники. — 4) Былъ ли Леонардъ Да-Винчи магомъ? — 5) Мазаньелло.—6) Окончательное разрѣшеніе вопроса о Желѣзной Маскѣ.— 7) Воспоминанія герцогини Деказъ о княгинѣ Д. Х. Ливенъ.—8) Новая біографія Гладстона. — 9) Портной-радикалъ. — 10) Столѣтній юбилей «Algemeine Zeitung».—11) Пятидесятилѣтіе перваго германскаго парламента.— 12) Новооткрытыя сокровища Ватиканской библіотеки.—13) Платоническая любовь графини Христины Фонтань къ Александру I.—14) Историческія и археологическія находки. — 15) Гробница Чингисъ-хана. — 16) Юбилей Васко-де-Гама. — 17) Французскій король Америки. — 18) Вольтеръ, Людовикъ XV и Фридрихъ II. — 19) Автобіографія Артура Юнга. — 20) Наполеонъ на Эльбѣ и св. Еленѣ.— 21) Любимцы Шатобріана. — 22) Оттолоски 1848 года. — 23) Письма Виктора Гюго. — 24) Воспоминанія американки о мексиканскомъ императорѣ. — 25) Англійскія книги, статьи и пьесы о Россіи.— 26) Авторша Одиссеи. — 27) Возстаніе англійскихъ поселянъ въ XIV вѣкѣ.—28) Прототипъ шекспировскаго Фальстафа.—29) Частная жизнь въ старой Франціи.— 30) Мемуары графа Молліена.— 31) Политическія предсказанія Наполеона I.—32) Юбилей Мишле.— 33) Египетъ въ XIX вѣкѣ. — 34) Прусскій военный агентъ въ Вѣнѣ во время Крымской кампаніи. — 35) Воспоминанія двухъ итальянскихъ генераловъ. — 36) Взглядъ американскаго посланника на К. П. Побѣдоносцева.

ИЗЪ ПРОШЛАГО 238, 675

1) Великопостное посланіе. П. И. Григорьева. — 2) Къ исторіи декабристовъ. Сообщено А. Е. П.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СТР.

СМѢСЬ 335, 678, 1066

1) Археологическое общество въ Москвѣ. — 2) Кіевское общество Нестора лѣтописца.—3) Общество любителей древней письменности. — 4) Собраніе общества ревнителей русскаго просвѣщенія.—5) Историческое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ.—6) Географическое общество.—7) Философское общество.—8) Археологическій институтъ.—9) Чествованіе памяти Ѳ. И. Буслаева.— 10) Русскій музей императора Александра III.—11) Музей изящныхъ искусствъ имени императора Александра III въ Москвѣ.—12) Двадцатилѣтіе казанскаго археологическаго общества.—13) Историческое общество. — 14) Общество любителей древней письменности. — 15) Союзъ ревнителей русскаго слова. — 16) Московскій библіографическій кружокъ.—17) Географическое общество. I.—18) Философское общество.—19) Романовскій отдѣлъ при костромской архивной комиссіи. — 20) Преміи митрополита Макарія и епископа Михаила. — 21) Муравьевскій музей. — 22) Чествованіе памяти П. С. Мочалова.—23) Общество любителей древней письменности. — 24) Премія Г. Ѳ. Карпова. — 25) Воронежская публичная библіотека. — 26) Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки. — 27) Книжный складъ и типографія Саратовскаго земства.—28) Городецкій музей Волынской губерніи. — 29) Некрологи: П. А. Безсоновъ; Г. П. Смирновъ-Платоновъ; Я. Ѳ. Березинъ-Ширяевъ; В. Н. Чиколевъ; А. Ворковская; И. И. Шишкинъ; І. И. Паульсонъ; И. И. Святскій; А. А. Григорьевъ; Н. Г. Шильдеръ; Л. П. Сабанѣевъ; Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій; Ѳ. Г. Топоровъ; П. В. Дворжецкій-Богдановичъ; А. И. Лебедевъ.

ЗАМѢТКИ и ПОПРАВКИ. 355, 701, 1077

1) Къ статьѣ «Товарищи Достоевскаго». **М. Базанова.**—2) Отвѣтъ проф. Д. В. Цвѣтаеву. **Г. А. Воробьева.**—3) Еще объ усыпальницѣ Шуйскихъ. (Замѣтка на «Отвѣтъ» г. Воробьева). **Профессора Дм. Цвѣтаева.**—4) Къ біографіи А. П. Щапова. **С—ва.**— 5) Письмо въ редакцію. **Сергѣя Протопопова.**—6) О пресѣкшихся дворянскихъ родахъ князей Ромодановскихъ и князей Ромодановскихъ-Лодыженскихъ. **Дмитрія Анучина.**—7) Путешествіе русскаго матроса. **В. Ч.**

Отчетъ Кассы взаимопомощи при Обществѣ для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ за 1897 годъ. 707

Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портреты графа Остенъ-Сакена, Ѳ. И. Буслаева и И. П. Клюшникова. — 2) Невѣста короля. (A. Fountain Sealet). Романъ **Вальтера Безанта.** Переводъ съ англійскаго.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИВАНЪ ПЕТРОВИЧЪ КЛЮШНИКОВЪ

ДОЗВ. ЦЕНЗ. 26 МАЯ 1898 Г. СПБ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

9/05-1
И90

Державна історична
БІБЛІОТЕКА УРСР

БИБЛІОТЕКИ
КІЕВСКАГО
РЕАЛЬНАГО
УЧИЛИЩА.

42259

ЗАТВЕРДЖЕНО 1961 р.

КОРЖИНСКІЕ КОРШУНЫ [1].

Романъ-хроника.

XVI.

НАСТУПИЛЪ день совершеннолѣтія Екатерины Артемьевны.

Наканунѣ пріѣхалъ Леонтій Артемьевичъ. Онъ былъ озабоченъ и нѣсколько разъ принимался говорить съ нею о счетахъ и отчетахъ опеки, но вся поглощенная тревогой о ребенкѣ, у котораго начинали прорѣзываться зубы, разстроенная, съ кое-какъ подколотыми волосами, выбивавшимися густыми локонами изъ-подъ черепаховой гребенки, въ перемятомъ батистовомъ пудрмантелѣ и въ туфелькахъ, блѣдная и измученная безсонными ночами, она изъ всѣхъ его словъ одно только поняла, что ей надо будетъ завтра съ утра быть одѣтой, видѣться съ чужими людьми, что-то такое читать и подписывать, и что, можетъ быть, это продлится долго, нѣсколько часовъ...

— А нельзя какъ нибудь обойтись безъ этого?—спросила она, безпрестанно оглядываясь на дверь, отпертую въ сосѣднюю комнату, гдѣ была дѣтская, чтобъ сорваться съ мѣста и бѣжать туда при малѣйшемъ шорохѣ.

— Я долженъ сдать тебѣ твое состояніе,—съ завтрашняго дня ты совершеннолѣтняя, и опекуна тебѣ больше не надо...

---

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXII, стр. 361.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ему не дали кончить, въ дѣтской раздался крикъ, и Катя опрометью побѣжала туда. Минутъ черезъ пять она вернулась съ ребенкомъ на рукахъ, завернутымъ въ теплое одѣяло.

— Посмотри его глазки! Совсѣмъ мутные! И все жаръ... А старый дуракъ, Людвигъ Францевичъ, увѣряетъ, что ему сегодня гораздо лучше, чѣмъ вчера, и повторяетъ, чтобъ я не безпокоилась... Какъ будто я могу быть покойна, когда мой Свѣтикъ страдаетъ!— вскричала она съ отчаяніемъ. — Я хочу другого доктора, Леонтій, привези мнѣ самаго лучшаго,—продолжала она съ возростающимъ жаромъ, прижимая къ своему лицу раскраснѣвшуюся щечку мальчика и тревожно ощупывая его горячую головенку, съ торчащими бѣлокурыми вихрами.

— Я привезу тебѣ кого хочешь, но ты напрасно безпокоишься: у этого молодца ровно ничего нѣтъ опаснаго, у всѣхъ дѣтей бываетъ жаръ, когда у нихъ прорѣзываются зубы,—попытался было уговорить ее Леонтій Артемьевичъ, но это ни къ чему не повело, и она тогда только немножко успокоилась, когда послали человѣка на дрожкахъ за лучшимъ, т. е. самымъ дорогимъ, докторомъ въ городѣ.

Ребенокъ тихо лежалъ на колѣняхъ матери, прижимаясь головенкой къ ея груди и, устремивъ пристальный взглядъ своихъ большихъ черныхъ глазъ въ пространство, смотрѣлъ съ тѣмъ серьезнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ, съ которымъ смотрятъ на Божій міръ дѣти, явившіяся на свѣтъ при исключительныхъ обстоятельствахъ и отъ матерей съ искалѣченной душой, а она то прислушивалась къ его дыханію, то щупала его тѣльце, съ ужасомъ убѣждаясь, что жаръ усиливается съ каждой минутой.

Леонтій Артемьевичъ опять заговорилъ про дѣла, но она съ раздраженіемъ объявила, что не можетъ его слушать.

— Я слишкомъ разстроена... Неужели ты не можешь все это устроить безъ меня? Развѣ я могу управлять моимъ состояніемъ?.. разъѣзжать по имѣніямъ, хлопотать съ управляющими... развѣ для меня это мыслимо, когда у меня ребенокъ, котораго я ни на минуту не могу покинуть!.. Возьми отъ меня какую хочешь довѣренность, только оставь меня, ради Бога, въ покоѣ.

— Ну, смотри, не попрекай меня потомъ,—со смѣхомъ замѣтилъ на это Леонтій Артемьевичъ.

Слова эти скользнули тогда мимо ея ушей, ни на мгновеніе не останавливая ея вниманія, но какъ часто приходилось ей впослѣдствіи ихъ вспоминать и проклинать свое ослѣпленіе!

Все благопріятствовало Коржину. Въ ночь ребенку стало хуже. Знаменитаго доктора не нашли дома, пришлось посылать за другимъ, который пріѣхалъ только къ утру и скорчилъ такую глубокомысленную гримасу, осматривая Свѣтика, что если Катя не лишилась чувствъ, то только благодаря тому, что она напрягла всѣ свои силы, чтобъ сохранить сознаніе и устоять на ногахъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

За эту ночь она такъ осунулась, что на нее страшно было смотрѣть; уходя, новый докторъ сказалъ Демьяновнѣ, чтобъ она ни на минуту не оставляла свою госпожу одну, и употребила бы всѣ усилія, чтобъ заставить ее принять тѣ сонные порошки, которые онъ ей прописалъ.

— Если она не заснетъ, скверно можетъ кончиться,—прибавилъ онъ, краснорѣчивымъ жестомъ притрогиваясь пальцемъ къ своему лбу.

Леонтія Атемьевича не было дома; онъ чуть свѣтъ уѣхалъ по дѣламъ и вернулся только къ обѣду и не одинъ, а съ какимъ-то чиновникомъ, въ сюртукѣ съ свѣтлыми пуговицами и съ портфелемъ подъ мышкой. Оба прошли въ кабинетъ, и, побывъ тамъ съ полчаса, г. Коржинъ, съ бумагой въ рукахъ, вышелъ въ залу, куда велѣлъ позвать Демьяновну.

— Ну, что у васъ дѣлается?

Старуха, находясь все еще подъ впечатлѣніемъ предостереженія доктора, стала жаловаться на то, что барышня не хочетъ и слышать о сонномъ порошкѣ, а дохтуръ сказалъ, что она въ умѣ можетъ помѣшаться, если хоть на часочекъ не заснетъ.

— Вторую ночь не раздѣвается, въ ротъ крохи не беретъ; какъ еще жива, дивиться только надо.

— А маленькаго онъ какъ нашелъ?

— Свѣтикъ ничего, слава Богу, по всѣмъ примѣтамъ видать, что зубокъ безпремѣнно сегодня прорѣжется, на деснѣ ужъ шишечка вздулась.

Не дослушавъ ея рѣчи, Леонтій Артемьевичъ отправился въ дѣтскую, и, повидимому, ему удалось подѣйствовать на молодую мать, потому что не прошло и десяти минутъ, какъ онъ снова прошелъ большими шагами и съ улыбающимся лицомъ черезъ залу; приказавъ мимоходомъ Демьяновнѣ, чтобъ она шла скорѣе дать лѣкарство, прописанное барышнѣ докторомъ, онъ вошелъ въ кабинетъ, посидѣлъ тамъ еще нѣсколько минутъ съ своимъ гостемъ, а затѣмъ съ нимъ же и уѣхалъ, объявивъ лакею, провожавшему ихъ, что кушать онъ дома не будетъ, но вернется домой непремѣнно въ седьмомъ часу.

Катя приняла лѣкарство и тотчасъ же заснула крѣпкимъ сномъ, а когда она часа черезъ три проснулась, ей объявили, что у малютки прорѣзался зубокъ, и что онъ тоже започивалъ.

Не помня себя отъ радости, она кинулась обнимать свою старую няньку, потомъ, упавъ на колѣни передъ кіотомъ съ образами, вслухъ произнесла обѣтъ выстроить церковь во имя Богородицы «Утоли мои печали» и подарила горничной Агашкѣ свою, совсѣмъ еще новую, атласную душегрѣйку съ дорогимъ мѣхомъ, которую эта самая Агашка накидывала ей на плечи, когда она ночью сидѣла у колыбельки ребенка или, напѣвая пѣсенку, чтобъ его усыпить, ходила съ нимъ по комнатѣ взадъ и впередъ, безъ устали, по многу часовъ сряду, пока

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

онъ не забудется. Теперь ничего этого не нужно было, чтобъ его успокоить; онъ такъ крѣпко спалъ, что можно было къ нему подходить, притрогиваться къ его головкѣ съ сырыми отъ обильнаго пота волосиками и съ полуоткрытымъ алымъ ротикомъ, изъ котораго вылетало ровное дыханіе.

Внѣ себя отъ радости, Катерина Артемьевна забыла все, что предшествовало этой блаженной минутѣ. Она вспомнила про Леонтія Артемьевича только тогда, когда ей пришли доложить, что обѣдъ поданъ, и къ этому прибавили, что баринъ дома не кушаетъ, но къ вечеру обѣщалъ непремѣнно пріѣхать. Баринъ? Да! вѣдь Леонтій здѣсь... Онъ пріѣхалъ по дѣламъ опеки и надоѣдалъ ей вчера какими-то отчетами... Это было, когда Свѣтикъ горѣлъ въ жару, когда глазки у него были мутные, и ей казалось, что онъ непремѣнно умретъ... Какъ далеко это время! Нельзя даже себѣ представить, чтобъ это было только нѣсколько часовъ тому назадъ.

Вернувшись домой, Леонтій Артемьевичъ засталъ Катю играющей съ ребенкомъ на широкой, двуспальной кровати. Мальчикъ былъ еще блѣденъ и слабъ, но веселъ, а мать его совсѣмъ ожила, даже принарядилась и съ радостно сверкающими глазами, безпрерывно прерывая свою рѣчь веселымъ смѣхомъ, разсказывала про потѣшныя выходки своего малютки.

Весь вечеръ прошелъ въ этихъ разговорахъ, а на другой день Леонтій Артемьевичъ уѣхалъ изъ Москвы, и о томъ, что послѣдовало затѣмъ, мы узнаемъ только изъ его переписки съ Катериной Артемьевной, весьма небогатой событіями и почти исключительно посвященной съ ея стороны—ребенку, а съ его—дѣламъ. Тутъ, въ его письмахъ, время отъ времени, проскальзываютъ намеки на необходимость экономіи, для поправленія какихъ-то хозяйственныхъ неудачъ и денежныхъ утратъ, и упреки за то, что она не хочетъ думать о будущемъ. На это она отвѣчаетъ подробностями о ребенкѣ, о его умѣ, красотѣ и любви къ ней. На замѣчаніе, что она его нестерпимо балуетъ и сдѣлаетъ изъ него несноснаго и ни къ чему неспособнаго человѣка, она выставляетъ въ примѣръ себя: развѣ она не выучилась въ два года тому, чему его дочери и въ десять лѣтъ не могли научиться? И развѣ, безъ всякихъ стараній съ ея стороны, она не заставляла въ себя влюбляться до безумія такихъ кавалеровъ, которыхъ нельзя упрекнуть въ неразборчивости? А какъ она умѣетъ любить, ему это лучше, чѣмъ кому либо, извѣстно. Знаетъ это также и Свѣтикъ. Одной ей будетъ онъ всѣмъ обязанъ, и никого, кромѣ ея, не будетъ знать. Пріѣзжала изъ деревни кормилица его навѣстить, онъ ее даже не узналъ. Мать ему всѣхъ замѣнитъ—нянекъ, учителей, товарищей.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Между тѣмъ, ужъ и теперь, когда ребенку идетъ всего только третій годъ, издержки на него возростаютъ съ каждымъ мѣсяцемъ. Чтобъ катать его по улицамъ, заводится экипажъ; чтобъ ему веселѣе было бѣгать по саду, садъ всячески украшаютъ: для этого покупаютъ садовника съ семьей и выписываютъ ему на помощь двухъ парней изъ Коржина. Цѣлое лѣто Катя такъ занята садомъ, что письма ея полны описаніемъ новыхъ бесѣдокъ и аллей, которыя въ немъ строятся и насаживаются по ея указаніямъ. Но ей этого мало, и она мечтаетъ о преобразованіи оранжереи при домѣ въ зимній садъ, который соединялся бы теплой галлереей съ столовой.

Изъ писемъ, относящихся къ тому же году (1832-му), мы видимъ, что въ Москву пріѣзжала нарочно, чтобъ навѣстить ее, Лизавета Артемьевна и прожила у нея двѣ недѣли.

«Наскучила до смерти. Вся въ попахъ да въ монахахъ, и все у нея грѣхъ. Заживо всѣхъ отпѣваетъ. Послушать ее—родного ребенка пѣстовать соблазнъ непростительный, за который на томъ свѣтѣ вѣки вѣченскіе въ смолѣ будешь кипѣть. Мы со Свѣтикомъ смѣхомъ на это отвѣчаемъ. Онъ ужъ азбуку выучилъ. Вотъ пріѣдешь—самъ увидишь. А какъ чисто говорить сталъ»!..

Однако, слова сестры произвели таки впечатлѣніе на Катерину Артемьевну, и она съ этой зимы начинаетъ все чаще и чаще останавливаться на мысляхъ о будущности ребенка и мучиться сознаніемъ, что онъ незаконнорожденный. Она требуетъ отъ Леонтія Артемьевича, чтобъ онъ устроилъ какъ нибудь это дѣло, и по его отвѣтамъ видно, что она ужъ сама и черезъ Демьяновну, совѣтовалась на этотъ счетъ съ знающими людьми, которые ее увѣрили, что съ деньгами все можно.

Но г. Коржинъ относится къ этому вопросу довольно равнодушно: онъ или вовсе не отвѣчаетъ на ея требованія и вопросы, или совѣтуетъ не волноваться, не безпокоиться и не торопиться, вышучивая ея заботы съ каждымъ разомъ все безцеремоннѣе и безсердечнѣе. Вообще, по этой перепискѣ можно прослѣдить, какъ нельзя лучше, его охлажденіе къ Катѣ, какъ къ женщинѣ; въ ней часто проскальзываетъ злая иронія и раздраженіе. Есть письма безъ единаго нѣжнаго слова, и даже встрѣчаешь подпись въ концѣ письма: «вашъ покорный слуга Л. Коржинъ». И наконецъ, въ одномъ изъ этихъ посланій, съ извѣщеніемъ о томъ, что онъ больше не губернаторъ, а получилъ важное назначеніе при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и переселяется на постоянное житье въ Петербургъ, молодой коршунъ совсѣмъ ужъ явно выпускаетъ когти и очень развязно рекомендуетъ «сестрицѣ» избрать для жительства мѣсто болѣе отдаленное отъ Петербурга, чѣмъ Москва, чтобъ какъ нибудь до его семьи и до ихъ общихъ знакомыхъ и родственниковъ не доползла вѣсть о ея позорѣ.

Тутъ въ первый разъ начинаетъ ясно проглядывать система,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

которой онъ будетъ держаться съ нею до конца, и благодаря которой онъ во всей этой исторіи вышелъ не только сухимъ изъ воды, но еще съ торжествомъ и почетомъ.

Есть письмо съ такими словами: «до сихъ поръ, благодаря принятымъ мною предосторожностямъ, всѣ думаютъ, что вы по нездоровью пребываете въ тепломъ климатѣ. Поразмысливъ, вы сами должны понять, сколь выгодно для васъ не нарушать этого заблужденія, и переселеніемъ вашимъ въ Одессу подтвердить въ ономъ всеобщее мнѣніе».

Ему удалось опять сойтись съ сестрой Лизаветой (вѣроятно, потакая ея странностямъ, благодаря которымъ вся остальная родня отдалилась отъ нея), и она тоже умоляетъ Катю «поступить, какъ братецъ желаетъ».

Несчастную Лизавету Артемьевну, оглупѣвшую отъ тираніи отца и робѣвшую передъ всѣми, Леонтій Артемьевичъ сумѣлъ такъ напугать и покорить своей волѣ, что она безпрекословно подчиняется всѣмъ его требованіямъ и, наконецъ, даетъ ему полную довѣренность на управленіе всѣмъ ея состояніемъ. Съ этого дня она ужъ смотритъ изъ рукъ брата и за деньги, которыя онъ ей даетъ изъ доходовъ съ ея же имѣнія, униженно благодаритъ, какъ за милость.

Въ семьѣ Коржиныхъ до сихъ поръ разсказываютъ анекдоты про ея дѣтскую наивность, граничащую съ идіотизмомъ: какъ она, напримѣръ, влюбившись въ первый разъ въ жизни, конфузилась при мысли выйти замужъ, терялась при появленіи жениха, ни за что не хотѣла оставаться съ нимъ наединѣ и, наконецъ, когда привезли приданое изъ магазиновъ, гдѣ оно шилось, она такъ испугалась при видѣ бѣлья, перевязаннаго розовыми лентами, капотовъ изъ матерій нѣжныхъ цвѣтовъ, дамскихъ чепцовъ и уборовъ,—ей показалось, что она будетъ такъ смѣшна и несчастна въ новомъ положеніи, что она точно въ припадкѣ безумія, забывъ свойственную ей робость, стала кричать: «не пойду замужъ! не пойду! не пойду!».

И, увы, настояла на своемъ въ первый и въ послѣдній разъ въ жизни. Года три спустя, ничего подобнаго этому упорству она не въ силахъ была противопоставить брату, когда онъ, пользуясь ея безпомощностью, неопытностью и одиночествомъ, мало-по-малу забралъ въ руки и ее и ея состояніе; до конца своей жизни она трепетала передъ нимъ, и мы не разъ видимъ ее изумляющеюся характеру Куклы, у которой хватаетъ духу бороться противъ него.

Такъ, напримѣръ, о переѣздѣ въ Одессу эта послѣдняя первое время и слышать не хотѣла.

Вся поглощенная сыномъ, она не понимала, какъ смѣютъ отъ нея требовать жертвъ во имя свѣтскихъ приличій и удобства родныхъ.

Что ей свѣтъ и родные? Развѣ она нуждается въ нихъ? Да она и сына своего такъ будетъ воспитывать, чтобъ онъ только на себя

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

разсчитывалъ въ жизни и ни на кого бы не надѣялся,—съ горечью объявляетъ она.

Но Леонтію Артемьевичу нужно ее отдалить, и онъ, разумѣется, достигаетъ цѣли. Въ 1832 году, Катя узнаетъ, что домъ, въ которомъ она живетъ въ Москвѣ и который потому ужъ ей особенно дорогъ, что въ немъ родился ея ребенокъ, ей больше не принадлежитъ.

Леонтій Артемьевичъ, по настоянію жены, долженъ былъ продать его своему зятю Ладогину, который къ зимѣ и переселится въ него съ семьей.

Коржинъ нарочно пріѣхалъ въ Москву, чтобъ лично сообщить эту новость Катеринѣ Артемьевнѣ.

Тутъ произошла между ними первая стычка изъ-за денегъ, и въ первый разъ Катя задумывается надъ будущностью своего ребенка, ужъ не по одному только вопросу о его имени, а также опасаясь и за его состояніе. Невзирая на увѣреніе Леонтія Артемьевича, что онъ имѣлъ въ виду ея же интересы, уступая за хорошую цѣну домъ, на ремонтъ котораго пришлось бы истрачивать вдвое больше, чѣмъ онъ стоитъ, она недовольна, что онъ это сдѣлалъ безъ ея позволенія. Оскорбленный ея упреками, онъ предлагаетъ ей искать другаго управляющаго и уѣзжаетъ въ Коржино, гдѣ дѣла на фабрикѣ требуютъ его присутствія, обѣщая вернуться за отвѣтомъ недѣли черезъ три.

Всѣ эти три недѣли Катя не трогается съ мѣста и никого не видитъ; за нее суетится и хлопочетъ Демьяновна, но изъ этого ничего не выходитъ: человѣка, который взялся бы управлять дѣлами ея барышни, не находится. Всѣ опасаются мести Леонтія Артемьевича; онъ такъ ловокъ, уменъ, такъ искусно сумѣлъ подбиться къ начальству, такія важныя завелъ себѣ связи, что тягаться съ нимъ не подъ силу.

XVII.

Срокъ, назначенный Леонтіемъ Артемьевичемъ для пріисканія себѣ замѣстителя, близился къ концу, но Демьяновна энергіи не теряла. Съ лѣтами ея преданность и любовь къ барышнѣ не только не ослабѣвали, но еще усиливались, и, чѣмъ хуже складывались обстоятельства для той, которой она отдала свою жизнь, тѣмъ усерднѣе служила она ей.

Само собою разумѣется, что и въ ребенкѣ ея Демьяновна души не чаяла, и мысль о томъ, что онъ не настоящій баринъ, мучительно угнетала ей сердце. Давно ужъ утратила она всякую вѣру въ Леонтія Артемьевича и, осудивъ его въ глубинѣ души, считала его злодѣемъ и погубителемъ своей барышни. Ничего, кромѣ зла, не ждала она отъ него, но, опасаясь его мести, она тщательно скрывала отъ всѣхъ свои подозрѣнія, и про ея неудавшіеся поиски за новымъ покровителемъ даже и Катя знала только отчасти.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Впрочемъ, эта послѣдняя была такъ поглощена заботами о Свѣтикѣ, что готова была со всѣмъ примириться, лишь бы только ее оставили спокойно утѣшаться сыномъ, и о причинахъ, побуждающихъ старуху измѣнить взглядъ на предложеніе Леонтія Артемьевича и даже одобрять это предложеніе послѣ того, какъ она въ первую минуту пришла отъ него въ негодованіе и ужасъ, Катѣ и въ голову не приходило допытываться.

— Ну, чтожъ, въ Одессу ѣхать, такъ въ Одессу, — говорила Демьяновна, убѣдившись, что имъ въ Москвѣ Леонтія Артемьевича не одолѣть:—здѣсь ихъ слишкомъ хорошо знаютъ и слишкомъ опасаются его прогнѣвить. Можетъ, тамъ мы еще лучше устроимся, чѣмъ здѣсь. Городъ хорошій, говорятъ, большой, зимы, почитай, что и не бываетъ, круглый годъ тепло, фруктовъ много, море, воздухъ такой легкій, что больныхъ туда для поправки возятъ.

Переѣздъ изъ Москвы съ каждымъ днемъ улыбался ей все больше и больше. Смутно сознавала она, что чѣмъ дальше уѣдутъ они отъ своего тирана и утѣснителя (давно ужъ Демьяновна про себя иначе Леонтія Артемьевича не называла), тѣмъ скорѣе удастся имъ найти отъ него защиту, не говоря ужъ о томъ, что и съ барышней ей будетъ вольнѣе разговаривать вдали отъ него и отъ его вліянія. А у нея накопилось много соображеній, которыми она считала необходимымъ съ нею подѣлиться.

Осторожно разспрашивая знакомыхъ людей о ихъ мнѣніи относительно положенія Катерины Артемьевны, ей пришлось, между прочимъ, услышать такой совѣтъ: надо найти ей супруга, благороднаго и чиновнаго господина, который далъ бы имя ея ребенку и высвободилъ бы ея состояніе изъ цѣпкихъ рукъ ея бывшаго опекуна.

Разумѣется, это было бы всего лучше. Чѣмъ больше думала Демьяновна объ этомъ планѣ, тѣмъ соблазнительнѣе онъ ей улыбался. Но чтобъ привести его въ исполненіе, надо было уѣхать въ такое мѣсто, гдѣ никто ихъ не знаетъ, и гдѣ Катерина Артемьевна не стѣснялась бы показываться людямъ. Здѣсь она даже и въ церковь иначе, какъ къ ранней обѣднѣ, не ѣздитъ, изъ опасенія распложать лишніе толки, а когда катается съ сыномъ по улицамъ, то не иначе, какъ въ закрытой каретѣ и подъ густымъ вуалемъ, чтобъ въ окошко ее кто не увидѣлъ. Тамъ ей не для чего будетъ такъ остерегаться, и мало-по-малу можно будетъ съ хорошими господами знакомство завести, а ужъ тогда быть не можетъ, чтобъ женихи не объявились.

Мечтанія эти Демьяновна скрывала отъ своей барышни еще тщательнѣе, чѣмъ свои неудавшіяся хлопоты отыскать управителя, на котораго можно было бы положиться, но, тѣмъ не менѣе, она такъ искусно готовила ее къ мысли о переѣздѣ изъ Москвы, что когда Леонтій Артемьевичъ, вернувшись изъ Коржина, спросилъ у нея: рѣшилась ли она послѣдовать его совѣту, Катерина Артемьевна

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

объявила, что ничего не имѣетъ противъ того, чтобъ пожить въ Одессѣ.

Очень довольный этимъ рѣшеніемъ, онъ похвалилъ ее за благоразуміе, про размолвку, происшедшую между ними до его отъѣзда, ни единымъ словомъ не упомянулъ и принялся дѣятельно хлопотать о томъ, чтобъ обставить ея жизнь въ новомъ мѣстѣ по возможности удобнѣе и приличнѣе. У него были въ Одессѣ преданные люди, которые найдутъ ей отдѣльный домъ съ садомъ, на окраинахъ города, поближе къ морю, а мебель, экипажи и лошадей можно изъ Коржина туда доставить.

— На сколько же времени ты насъ туда ссылаешь? — спросила Катя съ улыбкой, совершенно успокоенная его ласками и перспективой здороваго климата для Свѣтика, который крѣпкимъ сложеніемъ не отличался и былъ очень чувствителенъ къ простудѣ.

— Пока мы не урегулируемъ положеніе ребенка, тебѣ неудобно сюда возвращаться,—возразилъ Коржинъ.—Ты знаешь, что я, какъ семейный человѣкъ, усыновить его и дать ему мое имя не имѣю права...

— Такъ какъ же?

— Надо найти ему подставного отца...

— Чужого?!

— Какъ же быть-то?

— И человѣкъ этотъ будетъ имѣть на него права?! Никогда я на это не соглашусь, никогда! — вскричала она съ ужасомъ. — Не смѣй мнѣ про это и говорить.

— Глупая! Развѣ я могу предлагать тебѣ отказаться отъ твоихъ правъ на сына? Найду такую личность, и непремѣнно изъ потомственныхъ дворянъ, которая только для формы согласилась бы его усыновить, чтобъ дать ему имя и ничего больше.

— Даромъ? Гдѣ же ты такого человѣка найдешь?

— Да онъ у меня уже, можетъ быть, и есть въ виду, — возразилъ Коржинъ съ загадочной улыбкой. — Ты не забывай, что мнѣ приходится сталкиваться со множествомъ людей на свѣтѣ, многимъ оказывать услуги, многихъ выпутывать изъ бѣды. Есть люди, которые и состояніемъ своимъ, и честью своею мнѣ обязаны.

Онъ говорилъ правду, и ей стоило только вспомнить то время, когда онъ повѣрялъ ей всѣ свои дѣла, чтобъ повѣрить его словамъ. Да, многіе, очень многіе люди находились отъ него въ зависимости и готовы были на все, чтобъ доказать ему свою преданность. Изъ страха больше, но не все ли равно, такъ или иначе, а ему стоитъ только захотѣть, чтобъ устроить судьбу ихъ сына.

Рѣшено было, что тѣ самые люди, которые служили ей здѣсь, отправятся съ нею и въ Одессу.

— И тамъ ты ужъ имъ не позволяй себя барышней величать. Можешь выдавать себя за вдову. Впрочемъ я напишу губернатору,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мы съ нимъ пріятели, и онъ сумѣетъ тебя, какъ слѣдуетъ, обставить, не безпокойся.

— А фамилія какъ же?

— Фамилію мѣнять не стоитъ. Коржиныхъ такъ много, что они даже сами другъ друга не знаютъ, и допытываться, какого именно Коржина ты вдова, никто не будетъ. Жизнь ты тамъ будешь вести такую же уединенную, какъ и здѣсь, разумѣется...

— О, конечно!—поспѣшила она заявить.

Но вполнѣ успокоился онъ только послѣ разговора съ Демьяновной. Старуха такъ искусно сумѣла притвориться, такъ убѣдила его въ слѣпой къ нему преданности, съ такимъ чувствомъ и обливаясь слезами цѣловала его руки, умоляя не покидать своими милостями ея барышню и заботиться о ней, какъ раньше, когда она была несовершеннолѣтней, что на него нашло затменіе, и онъ остался въ убѣжденіи, что имѣетъ въ ней вѣрную сообщницу.

Съ Демьяновной толковалъ онъ также и о хозяйственныхъ вопросахъ, разсчитывалъ, сколько имъ надо денегъ на дорогу и на жизнь въ Одессѣ, приказывалъ ей во всемъ соблюдать строжайшую экономію и не переходить за предѣлы назначенной суммы, выставляя на видъ необходимость поправить дѣла, разстроенныя разными непредвидѣнными обстоятельствами, а также безумными тратами на ребенка.

Тутъ онъ въ первый разъ и вскользь намекнулъ на то, что еслибъ Катя съ самаго перваго дня повела себя благоразумнѣе и согласилась бы разстаться съ мальчикомъ, она теперь была бы въ иномъ положеніи и навѣрное была бы ужъ давно замужемъ за знатнымъ бариномъ, жила бы гдѣ ей угодно и не было бы ей никакой надобности скрывать отъ всѣхъ глазъ свой позоръ.

Все это онъ высказывалъ съ апломбомъ человѣка, ни душой, ни тѣломъ не причастнаго къ этому позору и не отвѣтственнаго за него. И съ каждымъ словомъ Демьяновна все больше и больше убѣждалась въ безпомощномъ положеніи своей барышни и въ необходимости, какъ можно скорѣе найти и ей, и ея несчастному ребенку, покровителя.

Тутъ въ первый разъ она явно выступаетъ защитницей ея интересовъ, крайне осторожно, правда, и какъ будто въ пустякахъ, но, какъ мы увидимъ позже, съ рѣдкою предусмотрительностью. Замѣчательно ловко заставляетъ она Леонтія Артемьевича сдать на аренду саратовскому купцу Никитѣ Лексѣеву Катины земли въ Оренбургской губерніи.

Земли эти приносили такъ мало дохода, что Леонтій Артемьевичъ искалъ на нихъ покупателя, и когда сама Катя, подстрекаемая старой нянькой, выразила желаніе, чтобъ ихъ сдать знакомому Демьяновнѣ купцу, онъ безъ труда на это соглашается и по довѣренности, данной ему владѣлицей, подписываетъ условіе съ protegé

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

старухи, который нарочно для этого пріѣзжаетъ въ Москву со старшей дочерью своей Анной, въ то время дѣвицей пятнадцати лѣтъ.

Мы знаемъ, чѣмъ доводился этотъ саратовскій купецъ Демьяновнѣ, а потому намъ легко себѣ уяснить причину Катинаго расположенія къ этому человѣку и къ его дочери. Эту послѣднюю барышня такъ заласкала, что пріобрѣла въ ней преданнѣйшую рабу на всю жизнь, а отецъ ея такъ понравился Леонтію Артемьевичу, что, невзирая на послѣдующія событія, онъ продолжалъ довѣрять ему. Сохранились письма, въ которыхъ г. Коржинъ уже въ сороковыхъ годахъ ведетъ съ Никитой Лексѣевымъ переговоры о пріобрѣтеніи имѣнія для его старшаго сына въ Симбирской губерніи, высылаетъ ему крупную сумму для задатка и тому подобное.

Безъ сомнѣнія, Демьяновна, найдя въ сынѣ человѣка серьезнаго, во всемъ ему открылась при этомъ первомъ съ нимъ свиданіи, потому что впослѣдствіи мы видимъ его дѣйствующимъ вполнѣ согласно съ ея желаніями и въ преданности ея барышнѣ Екатеринѣ Артемьевнѣ ни передъ чѣмъ не останавливающимся. Даже и дочку свою онъ не задумывается оставить при ней, когда узнаетъ, что его Аннушка сумѣла ей понравиться, и что барышнѣ, въ ея одинокомъ положеніи, невозможно обойтись безъ компаньонки, которую и въ экипажъ съ собой не стыдно было бы посадить, когда выѣдетъ покататься, и съ которой словомъ можно было бы при случаѣ перекинуться отъ скуки.

Сама Анна Никитишна, припоминая эту эпоху изъ своей жизни, объясняла мнѣ это событіе такими словами:

— Батюшка меня тогда въ Москву для того взялъ съ собой, чтобъ жениху показать, котораго родные матери сватали. Шестнадцатый годокъ мнѣ тогда только шелъ, и замужъ мнѣ идти страсть какъ не хотѣлось. Но противиться родительской власти, понятно, не смѣла и только, бывало, ночью, когда никто не видитъ, горькими слезами обливалась. Остановились мы на постояломъ дворѣ, и въ тотъ же день тятенька пошелъ къ своей крестной, Аксиньѣ Демьяновнѣ, въ домъ господина Коржина. А я осталась одна его ждать. И вдругъ этта хозяйка, ко мнѣ съ чужимъ мужчиной въ горенку входитъ и говоритъ: «за вами дрожки прислали». А тотъ чужой-то: «Наша барышня желаетъ съ вами познакомиться, говоритъ, собирайтесь скорѣе, онѣ ждать не любятъ». Ну, я и поѣхала, думала на часочекъ, а вышло иначе, барышнѣ я полюбилась, и она меня у себя оставила на всю жизнь. Такъ меня женихъ и не видѣлъ,—прибавила старушка съ усмѣшкой.

— И вы никогда не жалѣли, что не вышли замужъ?—спросилъ я, всматриваясь въ круглое, еще свѣжее лицо съ кроткими голубыми глазами и милой улыбкой, окаймленное туго накрахмаленными кисейными оборками старушечьяго чепца съ большимъ лиловымъ бантомъ на макушкѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

На вопросъ мой она только махнула рукой.

— Да когда было жалѣть-то, вы вотъ что лучше спросите! Сейчасъ это меня, съ перваго же дня, въ дѣло впрягли, вѣдь цѣлымъ домомъ въ дорогу-то поднимались, однѣхъ вещей сколько надо было уложить! А ужъ тамъ, въ Одессѣ-то, такія у насъ пошли дѣла, что о себѣ и подумать-то некогда было. Не для забавы взяла меня отъ родителей крестная,—замѣтила она со вздохомъ.

И помолчавъ немного, прибавила, что вотъ тутъ-то, въ Москвѣ, она и увидала въ первый и послѣдній разъ въ жизни Леонтія Артемьевича.

— И такъ напужана я была слухами о строгости ихъ и строптивости отъ тятеньки и отъ маменьки, что совсѣмъ обробѣла, когда они вошли въ спальню барышни и спросили, указывая на меня пальцемъ: «эта дѣвушка и есть дочь Никиты Лексѣева, которую вы берете съ собой?» И заговорили пофранцузски, посмѣиваясь и на меня посматривая. А меня въ жаръ такъ и бросаетъ, такъ и бросаетъ. И глазъ не смѣю на него поднять. Ужъ потомъ, какъ зачали они вмѣстѣ дитятей заниматься, набралась я храбрости и стала на него исподтишка поглядывать. Красавецъ писанный и даромъ, что за сорокъ ему ужъ тогда перевалило, совсѣмъ молодымъ онъ мнѣ показался. Высокій да стройный, взглядъ пронзительный, зубы бѣлые промежъ алыхъ губъ такъ и сверкаютъ, отъ черныхъ бакеновъ лицо казалось еще бѣлѣе, волосы кудреватые и во всей осанкѣ благородная гордость. Настоящій Малекъ Адель однимъ словомъ,—съ восхищеніемъ разсказывала Анна Никитишна.

И, слушая ее, я думалъ, что дѣйствительно человѣкъ этотъ долженъ былъ обладать неотразимою прелестью, когда даже люди, коротко знавшіе его коварство и безнравственность, не могли безъ восхищенія вспоминать про его красоту и обаятельность.

Надежды Демьяновны не сбылись; питомица ея повела и въ Одессѣ такую же отшельническую жизнь, какъ и въ Москвѣ. Съ отвращеніемъ отказываясь отъ знакомствъ съ здѣшнимъ обществомъ, отъ выѣздовъ въ такія мѣста, гдѣ можно было встрѣчаться съ публикой, и отъ всякихъ свѣтскихъ развлеченій, она продолжала всецѣло отдаваться воспитанію сына, къ которому привязывалась все сильнѣе и сильнѣе. И одновременно съ этою привязанностью, постепенно росло и развивалось духовное ея перерожденіе. Съ каждымъ днемъ яснѣе смотрѣла она на окружающій ее міръ, справедливѣе относилась къ людямъ, сознательнѣе входила въ ихъ положеніе и ощущала потребность дѣлать имъ добро. Завѣса эгоизма, тщеславія и самовластія, закрывавшая передъ ея духовными очами вѣчный свѣтъ любви и правды, мало-по-малу раздиралась, и то, что она начинала прозрѣвать за нею, было такъ прекрасно и от-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

радно, что она все чаще и чаще спрашивала себя, съ ужасомъ оглядываясь на свое прошлое: какъ могла она такъ долго бродить во тьмѣ, когда свѣтъ былъ такъ отъ нея близокъ?

А какъ хорошъ Божій міръ!

Вся поглощенная злыми страстями, она его до сихъ поръ не замѣчала или, лучше сказать, не проникалась имъ всѣмъ своимъ существомъ, какъ теперь, когда въ теплую лѣтнюю ночь, сидя съ своимъ мальчикомъ на берегу моря, съ отражающимися звѣздами въ его черной безднѣ, или прогуливаясь по берегу раннимъ утромъ, когда восходящее солнце, весело играя въ волнахъ, золотило ихъ пурпурнымъ блескомъ, она вся уходила душой въ необъятный, разлитый вокругъ нея чудный міръ, до сихъ поръ недоступный ея духовнымъ очамъ. Какъ мерзки и грязны казались ей тогда прежнія ея вожделѣнія, какъ ничтожны и преступны цѣли, которымъ она посвящала всѣ силы своего ума и сердца! И сколько зла, страшнаго, непоправимаго зла она ужъ успѣла свершить, невзирая на свои юные годы! И ни капли добра ни себѣ, ни другимъ.

Мелькали въ воображеніи блѣдный образъ Маши, ея матери, измученныхъ дворовыхъ...

За что же Господь послалъ ей одного изъ своихъ ангеловъ съ неба на радость и утѣшеніе? Чѣмъ заслужила она такую великую милость?

Впрочемъ, восхищеніе ея Свѣтикомъ раздѣлялось всѣми, кто его видѣлъ. Прелестнѣе ребенка трудно было найти. Не говоря ужъ о замѣчательной красотѣ его, унаслѣдованной отъ родителей, при самомъ счастливомъ сочетаніи нѣжной граціи и миніатюрности матери съ правильностью очертаній отца, у него были свѣтло золотистые волосы, вьющіеся крупными кудрями, а въ темносинихъ глазахъ столько глубины и осмысленной нѣжности, что тотъ, на комъ онъ останавливалъ взглядъ, долго не могъ его забыть.

И не однимъ только этимъ отличался отъ другихъ дѣтей этотъ странный ребенокъ; съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ стало пробуждаться сознаніе, проявлялъ онъ кротость, терпѣніе и сердечную чувствительность, приводившія въ умиленіе окружающихъ. Никогда не требуя ничего для себя, никогда не жалуясь на боль, которую испытывалъ, какъ всѣ дѣти и отъ болѣзней, и отъ случайныхъ причинъ, онъ обливался горькими слезами при видѣ чужихъ страданій, блѣднѣлъ и содрогался, слыша крикъ и брань, кидался цѣловать обиженныхъ, заставлялъ мать и Демьяновну слѣдовать своему примѣру и тогда только былъ счастливъ, когда вокругъ него тѣснились довольныя лица.

Съ лѣтами свойства эти въ немъ развивались все больше и больше; онъ не могъ видѣть равнодушно плохо одѣтаго или больного человѣка, приходилъ въ отчаяніе и заболѣвалъ, когда при немъ били животное, и раздавалъ свои игрушки и лакомства ни-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щимъ дѣтямъ или дворовымъ ребятишкамъ съ такимъ восторгомъ, что лишать его этого счастья никто бы не рѣшился.

Когда онъ сталъ лепетать и началъ пытаться проникнуть въ великія тайны жизни, вопросы его часто приводили въ замѣшательство его мать и Демьяновну. Ему хотѣлось знать, почему есть больные и бѣдные, почему Богъ, Который такой добрый, не пошлетъ первымъ здоровья, а вторымъ всего, что имъ надо и чего у нихъ нѣтъ? Онъ могъ по цѣлымъ часамъ сидѣть неподвижно, устремивъ пристальный взглядъ на небо, улыбаясь таинственнымъ видѣніямъ, которыхъ никто, кромѣ его, не видѣлъ. На вопросъ: «на что онъ смотритъ?» Свѣтикъ, не спуская взгляда съ пространства, прикладывалъ пальчикъ къ губамъ въ знакъ того, чтобъ ему не мѣшали созерцать невидимое. И, убѣдившись, что всякое противодѣйствіе, даже самое ласковое и нѣжное, пагубно вліяетъ на его здоровье, возбуждаетъ въ немъ безсонницу и безпокойство, а иногда и жаръ мать зорко слѣдила за тѣмъ, чтобъ не мѣшали ему предаваться его склонности къ созерцательной жизни. Сидя возлѣ него неподвижно на ступенькахъ террасы, что вела къ морю, или прохаживаясь, держа его за руку, подъ тѣнистыми сводами старыхъ каштановъ, въ саду, медленными шагами и затаивъ дыханіе, чтобъ не нарушить его мечтательное настроеніе, Катерина Артемьевна часто и сама, постепенно поддаваясь этому настроенію, уходила мыслями далеко отъ земли, съ ея дрязгами, грязью и страстями.

Но этимъ минутамъ блаженнаго забвенія всегда предшествовали мучительныя воспоминанія изъ прошлой жизни, и тоска по непоправимому злу, содѣянному въ то время, когда совѣсть въ ней еще не пробуждалась, и въ душѣ ея царилъ мракъ, мучила ее по временамъ нестерпимо.

Слава Богу, что у ея сына никогда не будетъ такихъ угрызеній и воспоминаній! Когда онъ выростетъ и духъ въ немъ окрѣпнетъ на столько, что можно будетъ подвергать его нравственнымъ испытаніямъ, не опасаясь омрачить чистоты его помысловъ и душевной твердости, она разскажетъ ему, какою она была до появленія его на свѣтъ. Все откроетъ она ему, до мельчайшихъ подробностей, и (она въ этомъ не сомнѣвалась) кромѣ состраданія къ ней и еще большей любви, исповѣдь эта ничего въ немъ не возбудитъ. Тогда они будутъ вмѣстѣ еще счастливѣе, чѣмъ теперь; любовь ихъ сдѣлается сознательнѣе, и они будутъ еще лучше понимать другъ друга.

Рядомъ съ этою таинственною, внѣ времени и пространства, жизнью, которою они наслаждались вдвоемъ и которая была понятна только имъ однимъ, шла другая жизнь, явная и земная, представлявшая Катеринѣ Артемьевнѣ широкое поле для примѣненія ея блестящихъ способностей, какъ воспитательницы и учительницы. Сохранились ея тетрадки съ выписками изъ всеобщей исторіи, гео-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

графіи, ботаники и зоологіи, атласы систематически расположенныхъ рисунковъ, сдѣланныхъ ея рукой къ этимъ предметамъ, чтобъ наглядно ознакомить сына съ флорой и фауной далекихъ странъ. Показывали мнѣ также сочиненные ею итальянскіе вокабулы и выбранные съ большимъ вкусомъ отрывки изъ стихотвореній французскихъ классиковъ, а также клавесинъ изъ розоваго дерева, на которомъ Свѣтикъ, сидя на стулѣ съ подушкой, вышитой au petit point шерстями и шелкомъ, разыгрывалъ отчетливо и съ чувствомъ сонаты Моцарта, упражненія Баха и др. произведенія модныхъ въ то время композиторовъ.

Не по лѣтамъ серьезный и съ болѣзненно развитымъ воображеніемъ, мальчикъ до страсти любилъ учиться и всѣхъ изумлялъ своими способностями, особенно къ музыкѣ. Никогда не надоѣдало ему слушать пѣніе матери.—Еще, пожалуйста, еще!—умоляюще складывая ручки, какъ на молитвѣ, и съ сверкающими восторженнымъ умиленіемъ глазами, повторялъ онъ, когда она смолкала. Слушать музыку на ночь его такъ волновало, что ему только по утрамъ доставляли это наслажденіе. Катерина Артемьевна знала біографію Моцарта и была увѣрена, что изъ ея сына выйдетъ такой же геній, если не выше.

Про эти два года она до самой смерти вспоминала съ упоеніемъ. Она забыла бы про прошлое, еслибъ Демьяновна не напоминала ей, что счастье ея построено на пескѣ и можетъ рушиться при первомъ ураганѣ, и что благосостояніе ея находится въ полнѣйшей зависимости отъ Леонтія Артемьевича, которому стоитъ захотѣть, чтобъ лишить ихъ средствъ къ существованію.

— Вѣдь какую ты бумагу-то ему подписала, вспомни только!—шипѣла старуха.—Самую что ни на есть для себя зловредную. Съ этой бумагой ему ничего не стоитъ тебя съ ребенкомъ по міру пустить.

Катя зажимала уши, чтобъ не слышать зловѣщихъ намековъ, сердилась, приказывала ей молчать и помнить, что братецъ дворянинъ и не можетъ дойти до такой низости, чтобъ злоупотребить ея довѣріемъ къ нему и безпомощностью. И наконецъ развѣ Свѣтикъ ему чужой? И развѣ онъ не знаетъ, что изъ-за ребенка, чтобъ спасти его отъ нужды, она на все пойдетъ, ни передъ чѣмъ не остановится? Для себя ей ничего не нужно, ей все равно, гдѣ ни жить, во что одѣваться, пѣшкомъ ли ходить или въ каретѣ ѣздить, дорогими кушаньями или однимъ чернымъ хлѣбомъ питаться, но Свѣтикъ—дѣло другое... Онъ ни въ чемъ не будетъ терпѣть лишенія, она этого не допуститъ, ни за что!

Старуха, съ глубокимъ вздохомъ, покачивая головой, смолкала, и до перваго удобнаго случая все шло попрежнему.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Демьяновна завела знакомства въ городѣ. Она заходила отъ обѣдни къ попу того прихода, къ которому принадлежалъ нанимаемый ими домъ, зналась съ семьей участковаго пристава, носила гостинцы его женѣ и дѣтямъ и учила варить варенье помосковски экономку предводителя дворянства, которая знала всѣхъ господъ не только въ городѣ, но и въ окрестностяхъ. Были у нея также пріятели между чиновниками казенной палаты и губернскаго правленія. Благодаря этимъ связямъ, у барышни ея вскорѣ послѣ ея переселенія сюда образовалась довольно многочисленная партія доброжелателей, готовыхъ всѣмъ и каждому рекемендовать ея умъ, красоту, благородство, богатство и знатное происхожденіе.

Разумѣется, Демьяновна все это клонила къ тому, чтобъ пріискать ей жениха. И дѣло бы наладилось, еслибъ Катерина Артемьевна согласилась хоть крошечку измѣнить свой образъ жизни и хоть немножко заинтересоваться господами, желавшими съ нею познакомиться. Но она такъ втянулась въ одиночество, что слышать объ этомъ не хотѣла. Демьяновна начинала уже приходить въ отчаянье, какъ вдругъ неожиданное событіе воскресило въ ея душѣ надежду и заставило ее съ удвоеннымъ рвеніемъ снова приняться за осуществленіе завѣтной мечты.

Случай былъ безподобный, и упустить его было бы истиннымъ несчастьемъ. Тогда ужъ конецъ всѣмъ надеждамъ на поправленіе судьбы несчастной барышни; такого рода случаи два раза въ жизни не повторяются. Демьяновна сознавала это, какъ нельзя лучше. Понимала она также, какъ много успѣхъ зависитъ отъ перваго приступа, а потому съ каждымъ днемъ все откладывала этотъ приступъ, выжидая благопріятной минуты.

Но и тутъ судьба ей улыбнулась; въ первый затѣмъ почтовый день, завидя изъ окна переходившаго черезъ ихъ дворъ почтальона, старуха подумала: «ужъ не письмо ли отъ Леонтія Артемьича?»— и сердце ея сладостно забилось. Каждый разъ по полученіи отъ него письма барышня приходила въ разстройство; это не одна Демьяновна, а всѣ въ домѣ давно ужъ замѣтили.

Откуда взялась у старухи прыть, чтобъ сбѣжать съ лѣстницы и раньше всѣхъ выхватить изъ рукъ почтальона письмо съ знакомою гербовою печатью, которое онъ, завидя ее, вынулъ изъ сумки?

Наградивъ, по положенію, мѣднымъ пятакомъ посланца, Демьяновна отправилась въ садъ, гдѣ, укрывшись отъ жары подъ тѣнистымъ деревомъ, госпожа ея занимала сына книжкой съ картинками, и подала ей письмо.

Взглянувъ на адресъ, Катя измѣнилась въ лицѣ, и конвертъ слегка задрожалъ въ ея похолодѣвшихъ пальцахъ.

Все это Демьяновна подмѣтила и, сообразивъ, что болѣе удобной минуты ей не дождаться, рѣшилась дѣйствовать.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ну, ты тутъ читай, а мы съ Свѣтикомъ по двору погуляемъ да голубей покормимъ, страсть сколько ихъ тамъ слетѣлось,—сказала она.

И не дожидаясь отвѣта, взяла ребенка за руку и вышла съ нимъ изъ саду.

По двору, дѣйствительно, разгуливали голуби въ ожиданіи обычной подачки, и Свѣтикъ весело захлопалъ въ ладоши отъ предвкушенія любимаго удовольствія.

Принесли тарелку съ крошками, разсыпали ихъ по травѣ, и началось угощеніе. Помогая мальчику защищать слабыхъ отъ сильныхъ и распредѣлять поровну крошки между воркующей пернатой толпой, Демьяновна безпрестанно оглядывалась къ калиткѣ въ садъ, въ ожиданіи Катерины Артемьевны, но время шло, а она не являлась. Наконецъ, ужъ и Свѣтикъ забезпокоился.

— Чтожъ это мама нейдетъ?—спросилъ онъ.

— Она письмо читаетъ.

— Отъ дяди?

— Отъ дяди. Ей мѣшать не надо. Погуляй здѣсь съ Аннушкой, а я къ ней пойду и позову тебя, когда она кончитъ читать.

Внучка Демьяновны была единственная личность, которой Катя, за исключеніемъ самой Демьяновны, довѣряла сына, и, оставивъ съ нею мальчика, старуха отправилась въ садъ, гдѣ застала свою барышню, прохаживающуюся въ сильномъ волненіи по аллеѣ, съ перемятымъ письмомъ въ рукахъ. Она была блѣдна, и, какъ всегда въ минуты сильнаго душевнаго волненія, отъ внутренней дрожи губы ея судорожно сжимались. При появленіи Демьяновны на лицѣ ея выразился испугъ.

— Что случилось? Гдѣ Свѣтикъ?—отрывисто спросила она.

— Свѣтикъ на дворѣ съ Аннушкой голубей кормитъ. А я пришла на тебя посмотрѣть,—съ обычною рѣзкостью проговорила старуха, устремляя на нее пытливый взглядъ.

Барышня въ смущеніи отвернулась.

— Что на меня глядѣть...

— А то, что лица на тебѣ нѣтъ, вотъ что. Ты, можетъ, думаешь, мнѣ легко на твою муку смотрѣть—такъ это ты напрасно, я, можетъ, больше тебя терзаюсь, на тебя да на Свѣтика глядючи...

Напоминаніе о ребенкѣ сломило гордую волю Катерины Артемьевны, у нея не хватило больше силъ сдерживать слезы, подступавшія къ ея горлу, и она разрыдалась.

Демьяновна побѣжала въ домъ и, минуту спустя, вернулась назадъ съ стаканомъ воды. Отпивъ нѣсколько глотковъ, барышня успокоилась настолько, что можно было съ нею говорить.

— Что онъ тебѣ пишетъ? Не таись отъ меня, дурного я тебѣ не присовѣтую. Я, можетъ, всѣ ночи напролетъ не сплю, все о

Державна історична БІБЛІОТЕКА УРСР
НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

твоемъ дѣлѣ думаю, отъ меня худа тебѣ не будетъ, я самой себя для васъ обоихъ не пожалѣю,—прибавила съ угрюмою твердостью старуха.

— Ничего тебѣ противъ него не сдѣлать,—неохотно процѣдила сквозь зубы барышня.

— Почемъ знать!

— Пыталась ужъ въ Москвѣ, ничего не вышло.

— То въ Москвѣ.

— А здѣсь и подавно не найти человѣка, который взялся бы моими дѣлами управлять...

— Да что жъ онъ пишетъ-то?—спросила Демьяновна, указывая на письмо, которое барышня продолжала сжимать въ рукѣ.

— Ничего путнаго. Въ Петербургъ запрещаетъ ѣхать... все объ экономіи толкуетъ... чтобъ денегъ у него до зимы не просить... А сколько вышлетъ, на какую сумму могу я разсчитывать—про это ни слова... Вотъ также про Свѣтика,—продолжала она съ возростающимъ волненіемъ,—какъ вѣдь обѣщалъ устроить, чтобъ у него было имя! И до сихъ поръ—ничего! А ужъ два года прошло, какъ я сюда изъ-за этого переѣхала... и все ему простила... и что домъ мой онъ безъ моего позволенія продалъ, и все...

По мѣрѣ того, какъ она говорила, лицо ея омрачалось, подъ сдвинутыми бровями глаза злобно сверкали, а на лбу начинала прорѣзываться морщинка.

Демьяновна узнавала свою прежнюю барышню. Давно ужъ не видѣла она ее въ такомъ гнѣвѣ.

— Ну, вотъ, я тебѣ все сказала, что же ты можешь?—запальчиво вскричала Катя, выведенная, наконецъ, изъ терпѣнія упорною сдержанностью старой няньки.—Нашла, что ли, кого нибудь, кто бы не побоялся взяться за наше дѣло? Такъ приведи его сюда, я сейчасъ возьму его въ управляющіе и дамъ ему довѣренность, какую онъ потребуетъ... Что же мнѣ дѣлать по-твоему? говори!

Демьяновна только и ждала этого вопроса, чтобъ приступить къ осуществленію взлелѣяннаго плана.

— Я бы сказала, почему не сказать,—начала она нерѣшительно и запинаясь:—да ты меня не послушаешь, вотъ въ чемъ бѣда-то.

— Все равно, скажи, тамъ видно будетъ.

— А ужъ какъ было бы хорошо! Такой человѣкъ, преданнѣе тебѣ не найтить, въ огонь и въ воду за тебя пойдетъ съ радостью...

— Развѣ есть на свѣтѣ такой человѣкъ? Кто онъ такой? Гдѣ ты его видѣла? Неужели здѣсь?—прервала ее барышня.

Любопытство ея было возбуждено до такой степени, что она за-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

была и про письмо Леонтія Артемьевича, и про досаду и горе, которыя причинило ей это письмо.

— Ну, говори же! — повторила она, возвышая голосъ и топая запальчиво ногой.

— А ты меня не понукай, дай съ мыслями собраться, надо все по порядку разсказать, — съ самодовольною усмѣшкой возразила Демьяновна.

Н. И. Мердеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВОСПОМИНАНІЯ КОНСТАНТИНА КАРЛОВИЧА ЖЕРВЕ [1].

III.

Производство въ офицеры. — Назначеніе меня въ Свеаборгскую инженерную команду.—Чухонскій супъ.—Пріѣздъ въ Гельсингфорсъ.—Новые сослуживцы и знакомые. — Радушіе барона Штейнгеля и неожиданный завистникъ. — Полковникъ Абрютинъ и судьба его семейства.—Полковникъ Штрикеръ.—Свеаборгскій клубъ; веселящіяся старушки.—Женитьба подполковника Шведера и обѣдъ у него; мои проказы и ревность «молодого». — Препровожденіе времени въ Гельсингфорсѣ.—Шведско-русскія антипатіи въ обществѣ. — «Война со шведомъ». — Два слова о шведахъ. — Нелюбовь офицеровъ къ Шведеру. — Русская молодежь и ея успѣхи въ обществѣ. — Кузинъ-скооль.—Первая работа. — Взрывъ порохового погреба.—Рискованная продѣлка ради отпуска.—Назначеніе депутатомъ въ судъ.—Дерзость финляндскихъ чиновниковъ.—Хорошій для нихъ урокъ.—Окончаніе слѣдствія.—Поѣздка въ Петербургъ.—Пикникъ.—Столкновеніе съ Латынинымъ и его послѣдствія.—Кончина императора Александра I и вступленіе на престолъ императора Николая I.—Осмотръ финляндскихъ крѣпостей.—Погребеніе императора Александра Павловича.

ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ 5-го декабря 1821 года мы были произведены въ офицеры, и къ этому времени насъ экипировали по ходатайству великаго князя, который приказалъ намъ выдать по 200 рублей ассигнаціями. Чтобы болѣе однообразно одѣть молодыхъ офицеровъ и удешевить обмундированіе, одинъ портной, по подряду, сшилъ намъ платье, а одинъ магазинъ поставилъ офицерскія вещи. Намъ сшили мундиръ, панталоны, сюртукъ и холодную шинель; дали пару эполетъ, треугольную шляпу съ перомъ, шпагу, шарфъ и одну пару ботфортъ. Чего изъ денегъ не-

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», томъ LXXII, стр. 419.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

достало на экипировку, великій князь доплатилъ. Въ ближайшее воскресенье мы должны были явиться къ его высочеству. Онъ насъ принялъ очень ласково и вмѣстѣ съ нами отправился въ Зимній дворецъ для представленія государю. По особой милости къ намъ государь, какъ всегда, былъ очень ласковъ и привѣтливъ.

Послѣ производства я посѣщалъ еще офицерскіе классы, а затѣмъ меня назначили въ Свеаборгскую инженерную команду. По дорогѣ въ Свеаборгъ мнѣ пришлось остановиться, между прочимъ, въ городѣ Борго. Я былъ утомленъ и очень проголодался; время было обѣденное. Зашелъ я въ гостиницу и велѣлъ служанкѣ подать мнѣ супъ. Она принесла мнѣ въ графинѣ водки и поставила на столъ. Жду, жду—больше ничего не несутъ. Я опять крикнулъ, горничная пришла. Говорю ей: «супъ, супъ!». Она показала на столъ, что-то сказала пошведски, проворно обернулась и ушла. Я подождалъ еще, наконецъ, потерялъ терпѣніе, спустился внизъ въ общую залу и спрашиваю, что это значитъ, что мнѣ не даютъ обѣдать, что я жду уже Богъ знаетъ сколько времени. Тутъ нашелся какой-то господинъ, знавшій русскій языкъ; онъ и передалъ мое желаніе хозяйкѣ. Служанка что-то сказала ему, тотъ расхохотался, обратился ко мнѣ и спросилъ:

— Вы просили супъ?

— Да.

— Не прогнѣвайтесь, — отвѣчалъ онъ мнѣ:—слово «супъ» на шведскомъ языкѣ значитъ «водка»; служанка поставила вамъ водки на столъ и была увѣрена, что васъ удовлетворила вполнѣ.

Дѣло объяснилось, я пообѣдалъ и поѣхалъ дальше въ Гельсингфорсъ.

Я зналъ, что тамъ при генералъ-губернаторѣ состоитъ мой старый товарищъ, инженерный поручикъ Теше, и потому, пріѣхавъ въ городъ, разыскалъ его и на первыхъ порахъ остановился у него. Мы другъ другу очень обрадовались, и онъ съ удовольствіемъ пріютилъ меня у себя. На другое утро я поѣхалъ черезъ заливъ въ Свеаборгъ представляться по начальству. Явился къ командиру Свеаборгской инженерной команды, полковнику Шведеру,—сладкій, недалекій нѣмецъ, недуренъ собою, но противная фигура. Затѣмъ къ командиру Финляндскаго инженернаго округа генералъ-лейтенанту Труссону 1-му,—человѣкъ умный, образованный, начитанный и вѣжливый, но страшный чудакъ: ни у кого не бывалъ и ни съ кѣмъ, кромѣ какъ по службѣ, не видался и не знакомился, жилъ одинъ, безъ семейства. Явился также къ коменданту, генералъ-майору Павлу Николаевичу Гебенеру, бывшему саперу. Это презанимательная личность: всегда веселъ, привѣтливъ, обходителенъ и добръ. Послѣ этого я пошелъ къ своимъ новымъ товарищамъ, изъ которыхъ больше всѣхъ мнѣ понравился поручикъ Павелъ Ивановичъ Чеснокъ, славный малый, хохолъ по происхожде-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нію. Мы другъ другу сразу пришлись по душѣ и начали свое знакомство съ того, что онъ предложилъ мнѣ, пока я отыщу себѣ квартиру или получу казенную, поселиться вмѣстѣ съ нимъ; квартиру онъ занималъ довольно большую, и къ тому же у него было свое маленькое хозяйство. Я очень поблагодарилъ его и обѣщалъ воспользоваться его милымъ предложеніемъ. Вообще всѣ мои новые сослуживцы показались мнѣ очень хорошими людьми и товарищами, приняли меня очень ласково и даже дружески, но меня обдало холодомъ, когда я увидѣлъ, что среди нихъ всякое образованіе и даже воспитаніе почти отсутствовали, какія-то странныя, совсѣмъ не свѣтскія манеры меня поразили, никто не зналъ ни одного иностраннаго языка. Одинъ только Чеснокъ имѣлъ вполнѣ приличныя и болѣе свѣтскія манеры, за то онъ какъ-то мало бывалъ въ обществѣ, рѣдко показывался въ клубѣ, а больше сидѣлъ дома и сибаритничалъ. Когда я возвратился въ Гельсингфорсъ къ Теше, онъ повелъ меня въ трактиръ m-me Валундъ, лучшій въ городѣ, особенно усердно посѣщавшійся болѣе аристократическою военною молодежью. Кормили тамъ очень хорошо и почти за безцѣнокъ: за 30 абонементныхъ билетовъ на обѣды мы платили 12 рублей ассигнаціями и получали всегда 5 блюдъ, чашку кофе и рюмку водки (кто ее пилъ). Обѣдъ подавался сытный, аппетитный, прислуживали хорошенькія, молодыя дѣвушки.

Генералъ-губернаторомъ Финляндіи былъ тогда баронъ Штейнгель, старый другъ моего покойнаго отца. Когда я явился къ нему, онъ принялъ меня чрезвычайно любезно и прямо повелъ къ супругѣ своей Натальѣ Николаевнѣ. Она также приняла меня очень ласково, просила бывать во всякое время, когда пожелаю и могу, и сказала, что мнѣ они всегда будутъ рады. Мнѣ, конечно, было весьма пріятно быть коротко знакомымъ въ такомъ важномъ домѣ. Баронъ напомнилъ мнѣ, что здѣсь же я могу найти другихъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, и прежде всего направилъ меня къ Валлену; еще при покойномъ отцѣ онъ былъ губернаторомъ въ Выборгѣ послѣ Шернваля, вдова котораго вышла потомъ за него замужъ. Я отправился къ нимъ и былъ принятъ такъ же ласково и радушно. Дня черезъ три послѣ визита къ Штейнгелю онъ пригласилъ меня къ себѣ обѣдать; у него собралось въ этотъ день довольно много представителей мѣстной знати, которымъ онъ представилъ меня и просилъ полюбить, какъ сына его стараго друга. Барона всѣ очень любили и уважали; вѣроятно, съ его легкой руки я вездѣ былъ принятъ какъ нельзя лучше. Познакомился я также съ состоявшими при баронѣ офицерами и былъ принятъ въ ихъ кругъ, какъ близкій товарищъ. По рекомендаціи барона, мнѣ пришлось еще явиться къ дивизіоннымъ командирамъ: русскихъ войскъ—генералу Теслеву и финскихъ—генералу Эрнроту.

Изъ Свеаборга, гдѣ я поселился съ поручикомъ Чеснокомъ, каждый день ѣздилъ я въ Гельсингфорсъ на званые обѣды и вечера.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Какъ очень молодой офицеръ и лихой танцоръ, вполнѣ владѣвшій французскимъ и нѣмецкимъ языками, я былъ вездѣ принятъ очень хорошо; мои свеаборгскіе товарищи, не имѣвшіе знакомыхъ въ Гельсингфорсѣ, завидовали моей счастливой звѣздѣ, впрочемъ, безъ всякихъ заднихъ мыслей, а моему командиру команды Шведеру очень не нравилось, что, помимо его, генералъ-губернаторъ и вся знать постоянно приглашаютъ меня къ себѣ на обѣды и вечера. Къ тому же случилось однажды, что 28 февраля генералъ-губернаторъ (день его именинъ: Fabian—русское Ѳаддей) устроилъ великолѣпный балъ, на который былъ приглашенъ весь Гельсингфорсъ, а изъ Свеаборга только генералъ Труссонъ, комендантъ и я. Это взорвало Шведера окончательно, и онъ началъ кое въ чемъ придираться ко мнѣ. Товарищи, которые радовались моимъ успѣхамъ въ свѣтѣ, удерживали его, а я прямо объявилъ ему, что если онъ не оставитъ меня въ покоѣ, то я напишу въ Петербуръ Опперману, который меня знаетъ очень коротко, такъ какъ я часто проводилъ у него время; всѣ знавшіе о томъ дѣйствительно подтвердили мои слова. Унялся мой нѣмецъ.

Я познакомился также съ плацъ-майоромъ, полковникомъ Абрютинымъ, человѣкомъ очень старымъ, болѣзненнымъ и съ огромнымъ семействомъ. Когда я обѣдалъ у него въ первый разъ, за столомъ насъ сидѣло 22 человѣка, и я одинъ былъ чужой, всѣ же остальные были самые близкіе родные. Двѣ дочери были замужемъ за флотскими офицерами, старшій сынъ также служилъ во флотѣ. Странная и жестокая участь постигла это семейство. Въ короткій промежутокъ времени оба его зятя замерзли, кажется, въ 1824 году на какомъ-то кораблѣ, шедшемъ изъ Архангельска около и въ виду самаго Кронштадта; жены ихъ съ дѣтьми поѣхали въ деревни покойныхъ своихъ мужей. Лѣтомъ же 1824 года старикъ Абрютинъ умеръ, главнымъ образомъ, отъ горя. Сынъ его, флотскій лейтенантъ, былъ тогда на брантвахтѣ въ Гангеудѣ. Такъ какъ Свеаборгъ островъ, и на немъ кладбища нѣтъ, то при печальныхъ обрядахъ погребенія покойнику отдаютъ послѣднюю воинскую честь въ ту минуту, когда гробъ ставится на катеръ для отвоза его чрезъ заливъ за Гельсингфорсъ на кладбище. Когда батальонъ матросовъ провожалъ тѣло Абрютина послѣднимъ залпомъ, въ ту же минуту слѣдовалъ салютъ изъ пушки съ корабля, входившаго чрезъ проливъ на рейдъ мимо Густавъ-Сверда. Гробъ былъ поставленъ на катеръ, и когда мы причалили къ берегу у кладбища и процессія двинулась дальше, корабль успѣлъ также причалить. На этомъ кораблѣ оказался молодой Абрютинъ. Трудно описать горе несчастнаго сына: встрѣча его съ старухой матерью насъ всѣхъ тронула до слезъ. Черезъ годъ изъ огромнаго семейства остались только мать и сынъ...

Про Абрютина мнѣ разсказывали такой эпизодъ. Графъ Гейденъ [1]) сдѣлалъ представленіе къ Пасхѣ о награжденіи старика Абрю-

[1]) Бывшій ранѣе барона Штейнгеля генералъ-губернаторомъ въ Финляндіи.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тина окладомъ жалованья, въ виду его долголѣтней службы и огромнаго семейства. Но награда эта не вышла, тогда какъ многіе нѣмцы и шведы получили награды. Когда графъ Гейденъ похристосовался со старикомъ въ своемъ пріемномъ залѣ, въ присутствіи всѣхъ генераловъ и офицеровъ гарнизона, и передалъ ему, что награда его не состоялась, старикъ Абрютинъ при всѣхъ сталъ на колѣни предъ образомъ, перекрестился и со слезами на глазахъ громко произнесъ: «Господи милосердный и всесильный! Перекрести меня хоть въ какого нибудь Шванценштрема, — авось тогда помилуютъ!». Графъ очень сконфузился. Старика еле вывели.

Познакомился я также съ другимъ плацъ-майоромъ, полковникомъ Штрикеромъ, также весьма старымъ человѣкомъ и раненымъ въ ротъ: у него не было нёба, такъ что при разговорѣ онъ долженъ былъ вставлять въ ротъ пробку вмѣсто нёба. Онъ былъ женатъ на простой чухонкѣ, которая при всемъ своемъ низкомъ происхожденіи умѣла довольно хорошо держаться въ обществѣ; лишь въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ случаяхъ общественной жизни проглядывали ея простыя замашки, да иногда обнаруживалась страсть къ мелочнымъ сплетнямъ.

Спустя недѣли двѣ послѣ моего пріѣзда, въ свеаборгскомъ собраніи былъ назначенъ танцовальный вечеръ. Клубъ помѣщался въ одномъ изъ офицерскихъ флигелей Вестерсварда; залъ довольно большой, но низкій, освѣщеніе не важное. Когда я пришелъ, по-моему, очень рано, то уже танцовали экосезъ. Собралось всего не болѣе 12 дамъ и въ числѣ ихъ только одна молоденькая, хорошенькая дѣвица Казанцева, прочія же все жены плацъ-майоровъ и другихъ мѣстныхъ жителей, большею частью разряженныя старухи въ огромныхъ чепцахъ и наколкахъ. Какъ вошелъ я въ залъ, такъ и покатился со смѣху и скорѣе выбрался оттуда. Любезные кавалеры не преминули передать о моей веселости дамамъ, и тѣ, конечно, возстали противъ меня. Не видя никакого интереса въ собраніи, я вскорѣ ушелъ оттуда. Моему командиру команды передали о моей нескромности; онъ нахмурился и собрался, вѣроятно, мнѣ что нибудь замѣтить по поводу этого, но поудержался.

Надо сказать, что мѣсяца за два передъ тѣмъ Шведеръ уѣзжалъ въ отпускъ въ Ревель и женился тамъ на очень хорошенькой молодой дѣвицѣ. Сдѣлавъ всѣмъ визиты и получивъ отвѣтные, Шведеръ расщедрился и устроилъ большой обѣдъ для свеаборгской знати и для всѣхъ офицеровъ команды; меня онъ не долюбливалъ, но все-таки исключить было неловко. Я усѣлся за обѣдомъ подлѣ старика Штрикера и противъ Маріи Николаевны Гебенеръ (сестры коменданта). Мы завели съ нею очень оживленный разговоръ и мало обращали вниманія на нѣмецкій этикетъ, царившій вокругъ насъ; я часто смѣшилъ ее, заставляя своего старика-сосѣда то вкладывать въ ротъ пробку вмѣсто неба, то вынимать ее. Какъ водится,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

подавали денщики. Супъ обошелся благополучно; но когда подали соусъ, молодая хозяйка замѣтила, что ложки нѣтъ, нечѣмъ взять,— покраснѣла, а денщикъ стоитъ задумавшись и не знаетъ, что ему дѣлать. Я обернулся къ нему и шепнулъ: «Поставь блюдо на полъ и принеси ложку». Денщикъ такъ и сдѣлалъ: блюдо на полъ, а самъ за ложкой. Поднялся общій смѣхъ. Марья Николаевна смѣясь погрозила мнѣ пальцемъ и сказала: «какой вы злой!». Шведеръ изъ себя выходитъ, но поправить дѣло уже поздно. Прибѣжалъ денщикъ, поднялъ блюдо, положилъ ложку и сталъ обносить. Одно къ одному, бѣсилъ я моего командира на каждомъ шагу. По своему глупому характеру, онъ не умѣлъ отшучиваться и давалъ лишь постоянно поводъ къ столкновеніямъ. Всѣ его выходки привели къ тому, что онъ вооружилъ противъ себя всѣхъ офицеровъ, которые, видя во мнѣ ловкаго коновода, перешли на мою сторону. Послѣ обѣда надо было помириться съ хозяйкой. Я шепнулъ Марьѣ Николаевнѣ: «посмотрите, какъ задобрю хозяйку». Она сидѣла окруженная дамами, которыя были всѣ злы на меня за продѣлку въ собраніи и точили язычки на мой счетъ, но я, нисколько не конфузясь, взялъ стулъ и сѣлъ противъ хозяйки. Я началъ говорить съ нею понѣмецки, разсказывалъ о знакомыхъ въ Ревелѣ, каковыхъ у мемя ни души тамъ не было, приплелъ кое-какіе анекдоты, однимъ словомъ, мы разговорились, любезничали и хохотали безъ умолку. Къ намъ присоединились и другіе гости, а дамы, видя, что съ такимъ шалуномъ лучше жить въ мирѣ, чѣмъ ссориться, также примкнули къ нашему кружку. Всѣ мы отъ души развеселились, и хозяйка такъ мило разговаривала со мною, что мужъ даже началъ ревновать; ходитъ блѣдный, ежится, а моя помощница Марья Николаевна еще подтруниваетъ надъ нимъ. Къ нашему же кружку и подойти трудно: всѣ помираютъ со смѣху и не обращаютъ никакого вниманія на бѣснующагося хозяина. Наконецъ, онъ вышелъ изъ себя, попросилъ сыграть вальсъ, бѣжитъ къ женѣ и кричитъ: «Ein Tänzchen, meine Liebe, ein Tänzchen!». Я, какъ бы не замѣчая его, пригласилъ хозяйку и пошелъ съ нею вальсировать. Шведеръ и руки опустилъ. Гебенеръ, который слѣдилъ за моими продѣлками, хохочетъ такъ, что трясется весь, а Шведеръ потихоньку говоритъ то тому, то другому: «So ein Naseweis schnappt mir meine Dame vor der Nase weg![1])». Наконецъ я кончилъ вальсъ и поблагодарилъ свою даму за танецъ и за тѣ очаровательныя минуты, которыя провелъ въ ея обществѣ. Моя нѣмка растаяла и съ своей стороны поблагодарила меня также довольно горячо за то, что я оживилъ все общество,—и все это въ присутствіи мужа; онъ навѣрное съѣлъ бы меня съ досады, но долженъ былъ также поблагодарить, чтобы не выдать себя.

[1]) «Такой проказникъ, отбиваетъ у меня даму передъ носомъ!»

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ Свеаборгѣ вообще я бывалъ очень мало, только по утрамъ, а послѣ обѣда, иногда же ранѣе, обыкновенно отправлялся въ Гельсингфорсъ, гдѣ имѣлъ очень большой кругъ знакомыхъ. Мои лихіе товарищи составляли славный кружокъ разбитной молодежи, среди которой жилось прекрасно. На офиціальныхъ обѣдахъ и вечерахъ многіе старики и почтенныя дамы, ломая языкъ, съ трудомъ говорили со мной пофранцузски, что было для нихъ невѣроятно трудно. Мнѣ стало совѣстно передъ ними, и я рѣшилъ, во что бы то ни стало, выучиться шведскому языку, что при знаніи другихъ языковъ мнѣ удалось довольно скоро: черезъ мѣсяцъ я уже началъ говорить, а послѣ усвоилъ себѣ языкъ совершенно. Дамскій кругъ Гельсингфорса полюбилъ нашу молодежь, и мы вездѣ были приняты. Такъ какъ я былъ очень молодъ и худенькій, то меня прозвали «lilla leutenant» («маленькій лейтенантъ»). Штатская шведская молодежь стала коситься на насъ за успѣхи у дамъ и дѣвицъ и, гдѣ только можно было, всюду выказывала намъ свое нерасположеніе. Въ Гельсингфорсѣ танцовальные вечера и балы въ Société устроивались каждое воскресенье и были посѣщаемы всѣми сословіями: тутъ былъ beau monde, и купцы и commis. На одномъ изъ вечеровъ наша молодежь была въ особенномъ ударѣ, и шведы что-то сильно точили на насъ зубы. Впрочемъ, самый вечеръ обошелся благополучно; шведы знали, что мы порядочные сорви-головы, ничего даромъ не спустимъ, да и рука-то у насъ сильная: всѣ дамы и аристократія на нашей сторонѣ,—бороться-то трудненько. Подъ конецъ вечера подходитъ къ намъ Гизингеръ [1]) и спрашиваетъ: «Послѣ бала ужинаемъ мы вмѣстѣ?»—«Идетъ»,—отвѣчали мы всѣ въ одинъ голосъ:—«иди, заказывай». Для насъ накрыли столъ въ особой комнатѣ; мы проводили всѣхъ нашихъ дамъ и потомъ сѣли ужинать. Шведы расположились въ общемъ залѣ. Тамъ скромно, тихо, а у насъ веселье, шампанское льется—кутимъ, однимъ словомъ. Чтобы намъ насолить, два шведа набили себѣ трубки и прямо идутъ съ трубками въ нашу комнату. Я увидѣлъ ихъ, мигнулъ Гизингеру. Мы дали обоимъ подойти близко къ дверямъ—и въ мигъ обѣ половинки разомъ захлопнулись, трубки полетѣли, а мы дверь на замокъ. Поднялся хохотъ, виватъ, ура, а шведы бѣсятся, стучатся въ дверь, но ихъ, конечно, не пустили. Прислуга также, получая отъ насъ всегда достаточно, распорядилась такъ, чтобы все лучшее подавалось намъ. Долго мы пировали и, наконецъ, начали собираться по домамъ. Выходимъ, а шведы стоятъ тѣсно и выжидаютъ насъ. Комнено, уже порядочно навеселѣ, и графъ Армфельдъ [2]) шли

[1]) Гизингеръ былъ адъютантомъ начальника финской дивизіи генерала Эрнрота.

[2]) Л.-гв. Гренадерскаго полка капитанъ Дмитрій Комнено и л.-гв. Преображенскаго полка капитанъ графъ Александръ Армфельдъ состояли адъютантами при баронѣ Штейнгелѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

впереди. Комнено обернулся: «ну, господа, напрямикъ, грудью впередъ»,—и мы дружнымъ натискомъ раздвинули стѣну. Шведы разлетѣлись, а мы себѣ преблагополучно отправились всею гурьбою по домамъ. Шведы, вѣроятно, ожидали разговора или объясненій, но не тутъ-то было: разомъ, приступомъ и конецъ.

Балы и вечера въ Гельсингфорсѣ устроивались чуть не каждый день. Дамы и дѣвицы очень любили танцовать, и гг. сенаторы, дивизіонные начальники, комендантъ и генералъ-губернаторъ чередовались балами, такъ что танцовали мы до упаду и вообще время проводили очень пріятно. Иногда эти вечера принимали болѣе интимный характеръ: приглашали не на чай или на вечеръ, а на кофе: это значило собираться въ 4 часа послѣ обѣда, и танцы начинались днемъ, причемъ въ нихъ участвовалъ только избранный кружокъ близкихъ знакомыхъ. Такіе вечера мы особенно пріятно проводили въ домахъ графа Маннергейма и сенаторовъ Рихтера и барона Котена; хозяйки и дочери ихъ особою любезностью умѣли сдѣлать эти кафé очень оживленными и пріятными. Вообще же шведы, за исключеніемъ аристократіи, жили довольно тихо. Это былъ народъ очень серьезный, опирающійся вездѣ и всегда на свои законы, крайне трудолюбивый, но упрямый и мстительный, нравственности въ городахъ довольно легкой. Дѣвушки и женщины въ Новой Финляндіи вообще очень красивы, услужливы, но любятъ деньгу и весьма легко заманчивы, молодежи раздолье въ особенности военнымъ, но если не полюбятъ, такъ ничѣмъ ихъ не уговоришь, а полюбятъ—все на распашку. За то въ деревняхъ нравственность гораздо строже. Народъ вообще не долюбливаетъ русскихъ, что вкоренено въ нихъ еще прежнимъ поколѣніемъ. Ново-финляндцы крайне удивились, найдя между русскими образованныхъ людей и, надо сказать, гораздо лучше образованныхъ, чѣмъ они сами.

Между тѣмъ, у насъ смѣнили окружного начальника, генералъ-лейтенанта Труссона, и кто займетъ его мѣсто, было неизвѣстно. Въ это междуцарствіе, не помню почему, всѣ наши офицеры были крайне недовольны Шведеромъ. Мы затѣяли какъ-то большое празднество и къ обѣду пригласили военнаго губернатора Шельпинга, коменданта, многихъ лицъ изъ Гельсингфорса и всю знать Свеаборга, но Шведера не пригласили. Мы отпраздновали этотъ день блистательно, воспользовавшись для этого пустою квартирою окружного начальника, бокъ о бокъ съ квартирою Шведера, который долженъ былъ все видѣть и слышать музыку.

Наша молодежь попрежнему была вездѣ принята очень радушно, и мы, въ особенности русскіе офицеры, никогда не позволяли себѣ какихъ нибудь выходокъ, скандальчиковъ и пр., и потому пользовались большимъ расположеніемъ милыхъ дамъ; за то намъ многое сходило съ рукъ, что другимъ не позволялось ни подъ какимъ видомъ. Въ Гельсингфорсѣ, кажется, и во всей Новой Финляндіи былъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

обычай, что послѣ каждаго большого обѣда или бала вся молодежь черезъ день или два дѣлала визитъ тому семейству, которое приглашало насъ. Такъ какъ знакомыхъ домовъ у насъ было чрезвычайно много, а званые вечера устроивались почти ежедневно, то не было никакой возможности успѣвать дѣлать всѣмъ визиты. Поэтому мы дежурили понедѣльно, и всѣ отдавали свои визитныя карточки, по числу визитовъ, очередному дежурному, который развозилъ за насъ карточки по домамъ. Лѣтомъ мы, бывало, цѣлою гурьбою отправлялись за городъ, гдѣ за стаканомъ вина или пива проводили время постуденчески: пѣли, болтали, курили трубки и пр. Къ намъ часто пріѣзжали туда наши друзья съ женами и дочерьми, вполнѣ увѣренные, что мы никогда не переступимъ границъ приличія. Случалось, ѣдутъ они обратно въ коляскахъ, а мы идемъ по бокамъ и поемъ пѣсни по выбору дамъ. Иногда мы задавали серенады передъ окнами тѣхъ дамъ и дѣвицъ, которыхъ все наше общество особенно любило и уважало. Случалось, что иногда мы заранѣе заказывали загородное помѣщеніе съ приличной обстановкой, хорошей музыкой и угощеніемъ и приглашали туда дамъ и дѣвицъ. Веселились мы тамъ дѣйствительно отъ души и, бывало, какъ старички начнутъ собираться по домамъ, упрашиваніямъ остаться еще подольше нѣтъ конца.

Въ Новой Финляндіи существовалъ еще такой обычай. Если молодой человѣкъ близко познакомится съ дамою или дѣвицею и его найдутъ вполнѣ добропорядочнымъ, то имъ предлагаютъ такъ называемый «кузинъ-скооль»: дама и кавалеръ, скрещивая правыя руки, держатъ по бокалу шампанскаго, который должны выпить залпомъ до дна. Послѣ этого они цѣлуются, называютъ съ тѣхъ поръ другъ друга cousin и cousine и говорятъ «ты» (въ родѣ нѣмецкаго Bruderschaft). Это дѣлается при всемъ обществѣ, и никто, даже родители, не осуждаютъ обычая; напротивъ, чѣмъ болѣе у дамы или дѣвицы cousin, тѣмъ болѣе она выигрываетъ во мнѣніи другихъ.

На лѣто мнѣ дали работу: производить каменную ломку и по шаблонамъ грубо притесывать каменные параллелопипеды для Ревельскаго рейда. Работа эта должна была производиться на Скотъ-Ландѣ, голомъ каменномъ островѣ, лежащемъ противъ Густавъ-Сверда. Этими двумя островами для судовъ Свеаборгскаго рейда образуется не широкій, но глубокій проходъ. На островъ командировали 300 человѣкъ арестантовъ, около 30 человѣкъ военнорабочихъ и для содержанія постовъ у острога офицерскій караулъ, который смѣнялся ежедневно Я квартировалъ въ отдѣльномъ домѣ, въ двухъ комнатахъ. Положеніе было весьма незавидное. Зная мстительный и суровый характеръ финляндскихъ арестантовъ, ихъ угрюмость и ненависть ко всему русскому, я всегда ходилъ съ палкою, свитою изъ желѣзныхъ шомполовъ, и съ двумя заряженными пистолетами въ карманѣ. Арестанты работали отдѣльными группами, разбросан-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ными по всему острову, очень неохотно исполняли приказанія русскаго офицера, особенно такого молодого, какимъ былъ я, вынуждали имъ дѣлать выговоры за медленность или за отступленіе отъ шаблона. Только смѣлость и настойчивость со стороны офицеровъ и убѣжденіе въ арестантахъ, что при первомъ дерзкомъ пріемѣ каждаго изъ нихъ наповалъ положатъ на мѣстѣ,—держали ихъ въ границахъ полнаго повиновенія. Грубо обтесанные камни нагружались на суда и отвозились въ Ревель. Кончалась моя нагрузка и вмѣстѣ съ нею моя работа.

Пять мѣсяцевъ я провелъ почти безвыходно одинъ на этомъ печальномъ голомъ островѣ, только въ праздничные дни бывалъ я въ Свеаборгѣ или Гельсингфорсѣ.

Въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ я былъ у нашего офицера Смирнова, который жилъ въ Вестерсвардѣ, въ офицерскомъ флигелѣ, построенномъ лицомъ къ площади на довольно высокой скалѣ. Онъ съ товарищами игралъ въ карты, а я смотрѣлъ ихъ игру. Началась довольно сильная гроза, и одинъ ударъ былъ настолько силенъ, что мы, сколько насъ было, были сброшены со стульевъ. Послышался страшный взрывъ. Дѣйствительно, молнія ударила въ пороховой погребъ на равнинѣ, между Вестерсвардомъ и Густавъ-Свардомъ, и его снесло безслѣдно. Мы всѣ выбѣжали на улицу. Поднявшійся столбъ камней, осколковъ, пыли и мусора сдѣлалъ буквально затменіе, и долго-долго спустя все это начало сыпаться внизъ, большею частью на прибрежье Гельсингфорса и пролива. Какъ только паденіе крупныхъ предметовъ нѣсколько прекратилось, мы пошли осмотрѣть мѣстность, гдѣ былъ погребъ, и нашли ее, какъ ладонь, гладкою. О часовомъ ни слуху, ни духу. Затѣмъ пошли въ Густавъ-Свардъ и увидѣли, что ударомъ молніи въ противолежащую скалу Скотланда ее раскололо такъ, что образовалась трещина вершковъ въ восемь шириною, а отъ внизу стоявшихъ лодочекъ поплыли только два пучечка самыхъ мелкихъ щепочекъ. Трудно себѣ вообразить силу подобнаго удара, такъ какъ въ погребѣ было до двадцати тысячъ пудовъ пороху. Не будь погребъ такъ далекъ отъ крѣпостныхъ стѣнъ, онъ навѣрное повредилъ бы ихъ сильно.

Хотя зиму проводилъ я пріятно, но меня все-таки очень тянуло въ Петербургъ, къ роднымъ. Просился я въ отпускъ у подполковника Шведера 2-го, такъ какъ окружного начальника не было, но онъ отказалъ, тѣмъ болѣе, что я просилъ и денегъ въ счетъ жалованья на проѣздъ. Встрѣчаю коменданта Штевена и разсказываю свое горе. Старикъ утѣшаетъ заявленіемъ, что, молъ, и здѣсь повеселимся. А я ему говорю, что очень хочется съѣздить домой. Старикъ на это мнѣ говоритъ: «Коли нужна помощь,—готовъ, буду служить». По какому-то случаю попался мнѣ въ руки «Инвалидъ» или приказъ по инженерному корпусу. Въ этомъ приказѣ Шведера 1-го, который тогда былъ командиромъ инженерной команды въ Бобруйскѣ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

произвели изъ подполковниковъ въ полковники. Пришла же мнѣ блажная мысль въ голову: взялъ да подмочилъ подлѣ фамиліи Шведера единицу и приклеилъ 2. Съ этимъ приказомъ и съ радостнымъ лицомъ иду къ Шведеру, поздравляю его съ производствомъ въ полковники и показываю приказъ. Тотъ сдуру-то и повѣрилъ. Тутъ я вынулъ свой отпускъ и приказаніе цейгвахтеру [1]) о выдачѣ мнѣ впередъ третного жалованья. Шведеръ съ радости подписалъ мнѣ все. Я тотчасъ же къ Мельгунову, который любилъ меня за мой всегда веселый характеръ; онъ сію же минуту выдалъ деньги подъ росписку. Отъ него—къ коменданту; разсказалъ ему всю продѣлку. Тотъ хохоталъ до слезъ. Тотчасъ приказалъ выдать мнѣ подорожную, какъ можно скорѣе велѣлъ запрячь сани и самъ съ сестрою повезъ меня въ Гельсингфорсъ. Спѣшили мы, ибо легко могло случиться, что Шведеръ опомнится, и тогда не обошлось бы безъ исторіи. Они меня благословили, и я полетѣлъ въ Петербургъ. Проказникъ комендантъ, какъ послѣ разсказывалъ мнѣ, чтобы поддержать меня, на другой день надѣлъ мундиръ и поѣхалъ поздравлять Шведера, будто, молъ, и онъ прочелъ въ приказѣ о его производствѣ. Шведеръ принялъ его и очень благодарилъ, а тотъ едва удерживался, чтобы не расхохотаться.

При возвращеніи изъ отпуска, подъѣзжая къ Свеаборгу, я чувствовалъ себя не совсѣмъ ловко, и на душѣ было не ясно. Прибывъ на мѣсто, я поѣхалъ являться къ Шведеру. Принялъ онъ меня, разумѣется, холодно, сухо, видно было, что былъ взбѣшонъ, но на столько хватило ума, что о производствѣ ничего не упомянулъ. Такъ дѣло и осталось.

Лѣтомъ въ томъ же году я получилъ порученіе быть военнымъ депутатомъ по одному уголовному дѣлу. Суть въ томъ, что денщикъ нашего инженернаго капитана Шатаева, по дѣламъ своего барина, былъ посланъ въ какую-то деревню за покупками. Онъ проходилъ мимо корчмы, по большой почтовой дорогѣ, въ воскресенье, въ то время, когда совершалось богослуженіе. Въ корчмѣ было нѣсколько мужиковъ (Bunde—хозяевъ-собственниковъ), которые подкутили. Подстрекнули ли ихъ или просто забрало ихъ, но, увидя проходившаго солдата, они вскрикнули: «rüsse! rüsse!», выскочили изъ корчмы и побили денщика такъ сильно, что разбили ему голову. Уже послѣ его нашли безъ чувствъ на дорогѣ и отвезли въ лазаретъ, гдѣ онъ пролежалъ мѣсяца четыре. Шатаевъ подалъ рапортъ по командѣ. По законамъ финляндскимъ, дѣло представлялось очень серьезнымъ, вслѣдствіе увеличивающихъ вину обстоятельствъ: времени — воскресный день и мѣста — большая дорога. Произвели дознаніе, нашли виновныхъ, всѣ доводы оказались очень тяжкими. Когда дали знать суду, что денщикъ выздоровѣлъ, его

[1]) Инженерный чиновникъ. В. Ж.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вытребовали къ мѣсту засѣданія суда, въ деревню, верстахъ въ 20-ти отъ Гельсингфорса. По этому-то дѣлу меня и назначили депутатомъ.

Пріѣзжаю въ эту деревню, вижу довольно большой домъ и около него порядочный съѣздъ, много экипажей. Спрашиваю, гдѣ мнѣ назначена квартира,—никто не обращаетъ вниманія. Спрашиваю, гдѣ судья,—показываютъ на большой домъ, а тамъ, я вижу, суетня, стряпня. Дѣлать нечего, гдѣ-то въ углу умылся я, надѣлъ мундиръ, считая неловкимъ явиться къ судьѣ въ первый разъ въ дорожномъ костюмѣ, въ сюртукѣ, и вхожу въ домъ. Около огромнаго стола сидятъ человѣкъ двадцать, обѣдаютъ. Мнѣ показали, что судья сидитъ на концѣ стола на хозяйскомъ мѣстѣ. Подхожу къ нему и говорю порусски, что прибылъ сюда депутатомъ. Я зналъ шведскій языкъ, хорошо читалъ и писалъ пошведски, но не хотѣлъ показать этого шведамъ, такъ какъ для военнаго депутата вовсе не обязательно знать ихъ языкъ, при томъ, когда они увѣрены, что я не знаю языка, то могутъ сказать что нибудь такое, что мнѣ можетъ пригодиться. Судья повернулъ голову, не всталъ съ мѣста и опять сталъ хлебать свой супъ, не сказавъ мнѣ ни слова. Тогда я обратился громогласно къ обществу и спросилъ, нѣтъ ли въ числѣ присутствующихъ кого нибудь, кто бы могъ перевести г-ну судьѣ, что русскій офицеръ, по порученію начальства, прибылъ депутатомъ въ судъ. Какой-то господинъ передалъ ему это пошведски; тотъ сказалъ, что, молъ, хорошо, и когда очередь дѣлу наступитъ, меня позовутъ. Господинъ передалъ мнѣ все это довольно порядочно порусски. На это я попросилъ господина передать судьѣ, что когда русскій офицеръ пріѣзжаетъ по казенному дѣлу, ему вездѣ отводятъ квартиру, а потому я прошу судью о распоряженіи отвести мнѣ какую либо комнатку на время моего пребыванія. Судья черезъ господина отвѣтилъ мнѣ, что у него нѣтъ для меня квартиры. Тогда я попросилъ этого же господина передать судьѣ, что русскій офицеръ говоритъ съ нимъ вѣжливо и стоя и желалъ бы, чтобы тотъ, къ кому онъ обращается, былъ также вѣжливъ и не отворачивался, а такъ какъ г-нъ судья явно невѣжливъ относительно меня и квартиры у меня нѣтъ, то пусть г. судья меня ужъ извинитъ, если я отплачу ему тою же монетою и распоряжусь по-своему.

Въ концѣ этой обширной залы стоялъ большой диванъ и передъ нимъ столъ. Я повернулся отъ общества и слышалъ, какъ господинъ слово-въ-слово передалъ все мною сказанное судьѣ, а тотъ разсмѣялся. Тогда я подошелъ къ двери, крикнулъ денщика и сказалъ ему:

— Принеси сюда мой чемоданъ, погребецъ, шинель и пистолеты; скажи ямщику, чтобы помогъ тебѣ.

Внесли вещи; я заплатилъ ямщику, тотъ поблагодарилъ и отправился.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Открылъ я чемоданъ, вынулъ халатъ, положилъ свою подушку на диванъ, снялъ саблю (которая по формѣ тогда еще не полагалась; я возилъ ее съ собою только въ дорогѣ), мундиръ, надѣлъ халатъ и закурилъ трубку. Громко приказалъ денщику купить водки и хлѣба, отварить нѣсколько яицъ, достать сливокъ или чего-нибудь другого; велѣлъ не торговаться и платить, что спросятъ, и, когда будетъ готово, принести все сюда. Самъ разлегся на диванѣ и курю, зная, что всѣ шведы вообще считаютъ большимъ невѣжествомъ курить тамъ, гдѣ другіе ѣдятъ. Саблю и пистолеты я положилъ на столъ такъ, чтобы въ случаѣ нужды они тотчасъ были подъ рукою. Шведы мои стали что-то шептаться; судья замѣтно поблѣднѣлъ. Въ чемъ было дѣло, я никакъ не могъ разслышать, потому что они говорили очень тихо. Вижу, одинъ изъ господъ вышелъ изъ комнаты, а другой подошелъ къ моему столу. Я тотчасъ положилъ саблю на диванъ и оба пистолета подлѣ себя. Этотъ господинъ довольно чисто порусски сказалъ мнѣ, что г. судья проситъ меня не обращать ихъ столовой въ казарму, и что тамъ, гдѣ другіе обѣдаютъ, курить и лежать неприлично. На это я отвѣтилъ:

— Передайте г. судьѣ, что я былъ изысканно вѣжливъ, пришелъ къ нему въ мундирѣ, а онъ принялъ меня, какъ невѣжа, и что съ такими людьми, которые съ перваго раза берутъ на себя смѣлость оскорблять русскаго офицера, я никакихъ дальнѣйшихъ правилъ общежитія соблюдать не намѣренъ. А если ему это не нравится, то я предоставляю его доброй волѣ или объясниться со мною или жаловаться. Но пусть онъ будетъ увѣренъ, что еще малѣйшая попытка съ его стороны оскорбить меня еще разъ, и я всажу ему пулю въ лобъ безъ всякихъ разговоровъ.

Шведъ даже отскочилъ, какъ будто я уже цѣлилъ въ него. Судьѣ передали мои слова. Вслѣдъ затѣмъ и тотъ господинъ, который со мною говорилъ, также вышелъ. Спустя минутъ десять, возвратились оба и сообщили, что очистили мнѣ квартиру. Я позвалъ человѣка и приказалъ перенести свои вещи. Вижу, дѣвушка накрываетъ на столъ, подаютъ обѣдъ, какъ слѣдуетъ; я пообѣдалъ. Денщикъ мнѣ доложилъ, что и его накормили и не приказали ничего не покупать, что все будетъ готово.

Между тѣмъ, жду часъ, два... Наконецъ, приходитъ какой-то господинъ и проситъ меня пожаловать въ судъ. Я взялъ денщика, вхожу въ залъ. Съ правой стороны, на скамейкахъ, поставленныхъ амфитеатромъ, сидятъ 12 мужиковъ; посреди комнаты большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ; зерцала нѣтъ. За этимъ столомъ сидятъ всѣ тѣ лица, которыхъ я видѣлъ во время обѣда. При входѣ я раскланялся очень вѣжливо; судья привсталъ и также поклонился. Смотрю, мнѣ стула нѣтъ. Я понимаю, подсудимый и обвинитель должны стоя давать показанія, но депутату-то зачѣмъ стоять? Пока

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

я присѣлъ на окно, позади судьи. Окинувъ всѣхъ взглядомъ, я замѣтилъ, что кто-то изъ присутствующихъ всталъ и вышелъ. Я подошелъ къ его мѣсту, взялъ стулъ, поставилъ его поодаль отъ судьи и сѣлъ. Никто не пикнулъ. Выходившій господинъ возвратился; не найдя стула, посмотрѣлъ на меня, но не сказалъ ни слова, подошелъ къ двери и велѣлъ себѣ принести стулъ. Дѣло начали читать пошведски громко. Правда, кое въ чемъ обвинили мужика, который избилъ денщика, но обо многомъ, что увеличивало вину подсудимаго и размѣръ штрафныхъ денегъ, умолчали. Я все слушаю. Наконецъ, судъ дѣлаетъ свое заключеніе, что мужикъ по закону подлежитъ такому-то наказанію. Если же онъ согласенъ внести 150 рублей ассигнаціями, то будетъ освобожденъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія, при чемъ изъ этихъ денегъ 70 рублей слѣдуетъ суду за веденіе дѣла и гербовую бумагу, а остальные 80 рублей денщику. Вмѣстѣ съ этимъ мнѣ подносятъ бумаги для подписи. Я спрашиваю:

— А что, русскаго перевода этой резолюціи нѣтъ?

Они мнѣ отвѣтили, что русскій переводъ пошлется по начальству, а теперь пока надо подписать эти бумаги.

Я спрашиваю ихъ, какимъ образомъ они требуютъ отъ меня подписи въ дѣлѣ, котораго я не знаю, и говорю, что подписать дѣла не могу. Тогда они сказали мнѣ:

— Напишите это объясненіе особой запиской.

— Извольте, напишу,— отвѣтилъ я,— и прибавлю еще, что недоволенъ рѣшеніемъ суда, такъ какъ въ дѣлѣ главные пункты обвиненія подсудимаго вовсе не упомянуты, и судъ явно пристрастно судилъ о поступкахъ мужика.

На это спросили меня:

— Какимъ же образомъ вы можете это доказать?

— Очень легко: у васъ пропущено, что дѣло было въ воскресенье, во время богослуженія и на большой почтовой дорогѣ.

Они очень сконфузились, не зная, почему мнѣ могло быть это извѣстно, и передали мой отвѣтъ судьѣ. Тотъ сильно встревожился, очень пристально посмотрѣлъ на меня и передалъ, чтобы я объяснилъ ему, на чемъ я основываю свой выводъ. Тогда я началъ громко читать шведскую бумагу!.. Надо было видѣть ихъ физіономіи! Я чуть не расхохотался имъ въ лицо. Пошли извиненія и Herr Lieutenant и проч. и проч. Мнѣ надоѣло возиться съ ними; они передѣлали указанныя мною мѣста въ бумагѣ и присудили мужика къ штрафу въ 600 рублей. Мнѣ выдали 530 рублей, приготовили лошадей и безъ прогоновъ довезли меня до Гельсингфорса. Отгуда я пріѣхалъ въ Свеаборгъ, гдѣ сдалъ бумаги и деньги денщика.

Послѣ мнѣ говорили, что съ судьи и всего его синклита я могъ бы содрать порядочный кушъ денегъ, да и судья навѣрное слетѣлъ бы съ мѣста. На это я отвѣчалъ, что русскому офицеру взятки брать не приходится и въ такія дѣла пускаться не слѣдуетъ, а

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

прошколить иногда не мѣшаетъ. Я впослѣдствіи встрѣчался съ этимъ судьей въ Гельсингфорсѣ; онъ всегда мнѣ очень вѣжливо кланялся. Денщикъ считалъ себя богачемъ и капиталистомъ, тѣмъ болѣе, что въ томъ же году онъ выходилъ въ отставку. Дня черезъ два послѣ моего пріѣзда мы, нѣсколько товарищей, зашли къ Шатаеву пить чай. Денщикъ его вдругъ таинственно подходитъ ко мнѣ и что-то говоритъ шепотомъ по секрету. Оказалось, что онъ предлагалъ мнѣ за мои хлопоты 50 рублей. Мы всѣ расхохотались; но это навело меня на мысль, зачѣмъ я даромъ съѣздилъ въ судъ. Я тутъ же предложилъ Шатаеву, чтобы онъ отъ себя написалъ въ судъ бумагу съ извѣщеніемъ, что деньги за перенесенные побои денщикъ получилъ, но что съ него требуютъ въ госпиталь 64 рубля за то, что онъ пролежалъ тамъ 4 мѣсяца и 9 дней. Шатаевъ сначала не соглашался, потому что судъ могъ не выплатить денегъ и, пожалуй, довести до свѣдѣнія начальства его требованіе; но я увѣрилъ его, что судъ такъ напуганъ, что навѣрное вышлетъ деньги. Тогда мы, всѣ товарищи, общими силами написали бумагу въ судъ. И что же вы думаете? Не прошло и пяти дней, какъ судъ прислалъ деньги съ нарочнымъ прямо къ Шатаеву. Тотъ росписался въ полученіи денегъ, но, конечно, не послалъ ихъ въ госпиталь, который ихъ никогда и не требовалъ. Вмѣсто того мы рѣшили въ ближайшій праздникъ устроить загородную поѣздку и пригласить всѣхъ нашихъ знакомыхъ дамъ и нѣсколькихъ товарищей изъ Гельсингфорса. Черезъ главнаго командира и коменданта мы достали катера и музыку и отправились на Сандъ-Гаммъ чрезъ заливъ. Цѣлый день провели прекраснѣйшимъ образомъ. Коменданту потомъ мы разсказали всю продѣлку съ начала до конца. Онъ ужасно хохоталъ.

— Экій проказникъ, — сказалъ онъ мнѣ, — и все съ рукъ сходитъ. Ну, молодецъ! А мы на твое здоровье и шведскія денежки отлично погуляли.

Зимою 1824 года я ѣздилъ въ отпускъ въ Петербургъ, гдѣ останавливался у брата Любима Карловича. Этотъ годъ памятенъ навсегда Петербургу наводненіемъ 7-го ноября, слѣды котораго я видѣлъ ясно въ февралѣ 1825 года. Братъ жилъ въ нижнемъ этажѣ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, и при наводненіи вода проникла въ его квартиру, поднявшись тамъ на высоту болѣе аршина; вся мебель его поплыла, фортепіано расклеилось, вещи и бѣлье пострадали. Поэтому ему немедленно отвели такую же квартиру, какую онъ занималъ, только этажемъ выше, а убытки вознаградили какимъ-то пособіемъ. Мать наша также жила въ Петербургѣ, и я съ большимъ удовольствіемъ провелъ время въ обществѣ ея и другихъ родныхъ.

По возвращеніи изъ отпуска я явился Латынину, который не задолго до того былъ назначенъ къ намъ окружнымъ начальникомъ. Онъ какъ будто обрадовался моему пріѣзду и пригласилъ меня къ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

себѣ на танцовальный вечеръ на слѣдующій день. Комендантъ и его сестра встрѣтили меня чрезвычайно дружески; они также собирались на балъ къ Латынинымъ. На балу собралось довольно много народу, но изъ Гельсингфорса почти никого не было, все больше свой кружокъ.

Въ ту же зиму былъ большой балъ у генералъ-губернатора, и на этомъ балу въ первый разъ танцовали только что вошедшую тогда въ моду французскую кадриль; она оказалась довольно схожею съ шведскою кадрилью, которая всѣмъ намъ была знакома. Вообще и эта зима пролетѣла довольно весело. Лѣтомъ, кажется, въ іюнѣ, были именины или рожденіе m-me Матизенъ[1]), и она предположила этотъ день отпраздновать на славу. Меня пригласили заранѣе, и я пожелалъ на этотъ разъ непремѣнно сдѣлать ей сюрпризъ. Въ этотъ день,— то было воскресенье,— я обѣдалъ у Павла Николаевича и выпросилъ у него его большой комендантскій 12-ти-весельный катеръ и чрезъ него же досталъ полный хоръ флотской музыки. Погода стояла великолѣпная. Послѣ обѣда я сѣлъ на катеръ, посадилъ музыкантовъ и отплылъ къ мызѣ Munksnäs, гдѣ должна была собраться вся наша компанія. Подъѣзжая къ мызѣ, я приказалъ музыкѣ заиграть, и легко себѣ представить, какое это произвело впечатлѣніе на все общество; всѣ высыпали мнѣ на встрѣчу и въ томъ числѣ милая хозяйка, которая сердечно благодарила меня за сюрпризъ. Долго мы веселись, такъ что музыку я отпустилъ уже очень поздно.

Я завѣдывалъ въ то время небольшимъ казеннымъ кирпичнымъ заводомъ, отстоявшимъ отъ Гельсингфорса верстъ на шесть. Заводъ лежалъ недалеко отъ Финскаго залива, а казарма для мастеровыхъ и въ одномъ концѣ ея моя квартира стояли на пригоркѣ въ лѣсу. На заводѣ состояла команда человѣкъ изъ 40 или 45 военно-рабочихъ и 3-хъ унтеръ-офицеровъ. Съ завода я очень часто пріѣзжалъ въ Гельсингфорсъ и Свеаборгъ. Однажды я пріѣхалъ въ Свеаборгъ, въ субботу, по дѣламъ, на своей казенной шлюпкѣ. Это было послѣ обѣда. Выхожу на берегъ и вижу — идетъ Латынинъ пошатываясь (онъ часто попивалъ). Встрѣтясь съ нимъ, я поклонился какъ слѣдуетъ. Отвѣта на поклонъ не послѣдовало, а онъ прямо спрашиваетъ меня:

— Вы по какому случаю прибыли сюда?

Меня нѣсколько удивилъ этотъ вопросъ, но я отвѣтилъ, что имѣю дѣло въ командѣ.

— А вы спрашивали у командира команды разрѣшенія прибыть сюда?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ я, — потому что по сіе время это никогда не водилось.

---

[1]) Жена помѣщика Матизенъ, владѣлица мызы Munksnäs.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Безъ спроса вы не должны отлучаться съ вашего поста. Пожалуйте завтра утромъ къ девяти часамъ ко мнѣ.

Своимъ солдатскимъ обхожденіемъ и суровостью Латынинъ уже успѣлъ вселить нѣкоторый страхъ во всѣхъ окружавшихъ. На другой день я пришелъ къ нему, какъ водится, въ мундирѣ и засталъ у него нѣсколькихъ собравшихся офицеровъ, военно-рабочихъ, ординарца и вѣстового, командира роты, окружного адъютанта поручика Тванева, окружного помощника подполковника Богданова и другихъ. Вышелъ Латынинъ съ подобающею начальническою надутостью, принялъ ординарцевъ и затѣмъ обратился прямо ко мнѣ:

— Вы отлучаетесь съ мѣста вашего служенія безъ спроса.

Я отвѣтилъ, что по данной мнѣ инструкціи имѣю право по дѣламъ службы отлучаться безъ всякаго разрѣшенія.

— А что за ливрея на васъ? — обращается онъ ко мнѣ. — Это не мундиръ.

Ему показались, вѣроятно, петлицы слишкомъ длинными.

— Въ этой «ливреѣ» я представлялся его высочеству генералъ-инспектору и генералу Опперману, и никто изъ нихъ мнѣ не сдѣлалъ замѣчанія.

— Это не въ порядкѣ вещей,—нашелся Латынинъ.—Вы позволяете себѣ слишкомъ много отвѣчать начальству, я васъ арестую. Поручикъ Тваневъ, потрудитесь отвести г. Жерве на гауптвахту.

Я не выдержалъ и засмѣялся. Латынинъ весь затрясся отъ злости и сказалъ мнѣ:

— Я донесу объ этомъ въ Петербургъ.

— Да и я не смолчу, полковникъ, и все подробно опишу генералу Опперману,—отвѣтилъ я вѣжливо и спокойно.

Отправились мы къ коменданту. Павелъ Николаевичъ ужасно разсердился. «Экая пьяная рожа!»—сказалъ онъ громко. Эти слова впослѣдствіи были переданы Латынину. Дѣлать нечего, пошелъ я на гауптвахту противъ дома коменданта. Онъ послалъ со мною плацъ-адъютанта Жукова, и мнѣ очистили въ этомъ флигелѣ комнату. Марья Николаевна прислала мнѣ отличный обѣдъ и велѣла передать, что вечеромъ она съ братомъ будетъ чай пить у меня. Такъ и сдѣлали. Пришелъ ко мнѣ комендантъ съ сестрою и привелъ съ собою майора Мазылева, командира какого-то армейскаго баталіона, его близкаго знакомаго, очень добраго и хорошаго человѣка; пришелъ также нашъ поручикъ Чеснокъ, который всегда меня очень любилъ. Отъ Марьи Николаевны принесли мнѣ чай и разное угощеніе. Спустя около часу послѣ этого, я сидѣлъ съ Марьей Николаевной на окнѣ, а между нами стоялъ Павелъ Николаевичъ и разсказывалъ что-то очень смѣшное. Какъ разъ въ это время проходитъ Латынинъ и только взглянулъ на наше веселое общество. Мы всѣ видѣли, какъ онъ поблѣднѣлъ, но сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ и не слышитъ, хотя окно было раскрыто. Онъ и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

все его семейство прошли очень медленно, но никакихъ поклоновъ и привѣтствій не было. Четверть часа спустя, прислали коменданту бумагу объ освобожденіи меня изъ-подъ ареста. Мы тотчасъ всѣ вмѣстѣ отправились къ коменданту, а потомъ поѣхали кататься на катерѣ. Такъ обошлась эта исторія. Латынинъ не писалъ въ Петербургъ, я, конечно, также, а ѣздилъ попрежнему съ завода, когда хотѣлъ, и никакихъ придирокъ больше не было.

Уже мѣсяца два спустя, чрезъ Гельсингфорсъ проѣзжалъ на Аландъ инженеръ-генералъ-маіоръ Труссонъ 2-й для составленія тамъ проекта оборонительныхъ казармъ. Латынинъ представлялся ему, и чрезъ него мнѣ было приказано явиться къ Труссону. Не знаю, струсилъ ли Латынинъ, только передавая это приказаніе, предупредилъ меня, чтобы я былъ остороженъ, что это человѣкъ близкій къ Опперману. Я явился къ Труссону. Онъ принялъ меня очень вѣжливо и, какъ весьма умный человѣкъ, дипломатически старался вывѣдать у меня кое-что о Латынинѣ; намекалъ, что если я имѣю что либо противъ него, то меня легко перевести, куда я пожелаю. Но я счелъ неблагороднымъ принять вспышку Латынина за оскорбленіе и постарался обойти этотъ щекотливый вопросъ, не высказываясь откровенно. Повидимому, Труссонъ остался мною очень доволенъ и сказалъ, что если я пожелаю перевода, чтобы написалъ ему только слово, и мое желаніе будетъ исполнено. Я очень поблагодарилъ его и ушелъ. Послѣ того Латынинъ былъ у него еще разъ, кажется, также остался мною очень доволенъ, и съ тѣхъ поръ мы оставались съ нимъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Однако, я не могъ себѣ объяснить, почему изъ всей команды Труссонъ пожелалъ видѣть именно меня и имѣть со мною подобный разговоръ. Но дѣло объяснилось. Вскорѣ послѣ этого я былъ у Павла Николаевича и выразилъ ему свое недоумѣніе по поводу бесѣды съ Труссономъ. Павелъ Николаевичъ сознался мнѣ тогда, что о поступкѣ Латынина онъ написалъ въ Петербургъ одному своему пріятелю, который передалъ объ этомъ Опперману — и, благодаря этому, я поставленъ впредь въ болѣе или менѣе независимое положеніе. Немного спустя, Латынинъ возвратилъ меня съ завода въ команду, найдя мнѣ подходящую должность; зиму я проводилъ пріятно и очень часто ѣздилъ въ Гельсингфорсъ, на что Латынинъ смотрѣлъ очень благосклонно, поощряя всѣ мои связи съ городомъ и даже высказывая полное свое удовольствіе по поводу того, что его офицеръ такъ хорошо принятъ во всѣхъ аристократическихъ домахъ Гельсингфорса.

Осенью 1825 года до насъ начали доходить смутные слухи о болѣзни императора Александра I. Я исполнялъ тогда должность дежурнаго офицера свеаборгской команды. Однажды, въ двадцатыхъ числахъ ноября, меня ночью будятъ. «Прислана,—говорятъ,—эстафета отъ генералъ-губернатора. Объявляютъ, что государь императоръ Александръ I скончался 19-го ноября въ Таганрогѣ». На мнѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лежала непріятная обязанность будить всѣхъ начальствующихъ лицъ и объявить имъ страшную вѣсть. Нечего дѣлать, я одѣлся, пошелъ къ Латынину [1]). Его разбудили. Онъ встрѣтилъ меня съ встревоженнымъ и испуганнымъ видомъ, и когда я объявилъ ему печальную вѣсть, онъ страшно зарыдалъ. Я показалъ ему полученную бумагу и заявилъ, что тотчасъ же иду къ коменданту. Павелъ Николаевичъ [2]) уже всталъ, былъ одѣтъ и въ слезахъ. Онъ уже зналъ все и дѣлалъ распоряженіе, чтобы къ 9-ти часамъ утра былъ собранъ весь гарнизонъ, которому будетъ объявлена печальная вѣсть; затѣмъ надлежало привести гарнизонъ къ присягѣ вступившему на царскій престолъ великому князю цесаревичу Константину Павловичу. Такъ гласила полученная бумага. Гарнизонъ былъ собранъ къ утру на большой площади. Комендантъ самъ прочелъ манифестъ; слезы лились у него ручьемъ и голосъ прерывался часто. Затѣмъ священникъ прочелъ листъ присяги, и мы всѣ присягнули новому царю—Константину. Черезъ часъ всѣ отправились въ церковь отслужить панихиду за упокой благочестивѣйшаго государя Александра I. Надо сказать правду, потеря для всѣхъ была весьма чувствительная, печаль о смерти государя была общая, какъ для русскихъ, такъ и для финляндцевъ. Къ нему были всѣ привязаны и очень его любили. Всѣ безъ исключенія дамы въ Гельсингфорсѣ наложили на себя глубокій трауръ: черныя суконныя платья съ плерезами на подолѣ и рукавахъ, бѣлые тонкіе батистовые передники, которые закрывали и грудь, черный рюшъ на воротникахъ; дамы всѣ въ бѣлыхъ чепцахъ съ фалборами особаго покроя. Такъ одѣвались всѣ безъ исключенія, такъ что въ обществѣ всѣ дамы имѣли однообразно печальный видъ.

Между тѣмъ до насъ доходили смутные слухи, что въ Петербургѣ несовсѣмъ благополучно, что тамъ бунтъ. Не было видно, чтобы у насъ, на всякій случай, принимались особыя мѣры предосторожности; но явно было и въ администраціи, и въ начальствующихъ лицахъ страшное безпокойство, уныніе, какое-то тягостное положеніе. И дѣйствительно, послѣ короткаго промежутка времени, присланъ былъ новый манифестъ, въ которомъ объявлялось отъ высшей государственной комиссіи, что цесаревичъ великій князь Константинъ Павловичъ отказывается отъ престола и всѣ свои права передаетъ младшему своему брату Николаю Павловичу, который и вступилъ на всероссійскій престолъ. Опять былъ собранъ весь гарнизонъ, и всѣ принесли вновь присягу—императору Николаю I. Между тѣмъ общее безпокойство продолжалось, слышно было уже болѣе ясно, что 14-го декабря былъ бунтъ въ Петербургѣ, что Милорадовичъ убитъ, что стрѣляли въ бунтовщиковъ

[1]) Полковникъ, окружной командиръ.
[2]) П. Н. Гебенеръ, свеаборгскій комендантъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и проч. и проч. Все-таки слухи были еще неполные, неясные. Наконецъ, спустя нѣсколько времени, Латынинъ получаетъ чрезъ курьера предписаніе осмотрѣть всѣ крѣпости въ Финляндіи и какъ можно скорѣе приспособить казематы для принятія арестантовъ. Латынинъ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ, такъ какъ ему былъ нуженъ человѣкъ, который хорошо знаетъ нѣмецкій и шведскій языки. Собрались, поѣхали на курьерскихъ. Прежде заѣхали въ Фридрихсгамъ, затѣмъ въ Швартгольмъ. Здѣсь мы нашли старика арестанта, о которомъ никто не зналъ, какъ и когда поступилъ онъ въ казематы. Такъ какъ эти казематы оказались очень удобными, то Латынинъ тотчасъ же сдѣлалъ распоряженіе, чтобы старика перевели въ богадѣльню въ Выборгъ, и донесъ объ этомъ распоряженіи въ Петербургъ. Затѣмъ поѣхали въ Сердоболь. Тутъ дорога идетъ лѣсами, въ глуши; станціи настолько отвратительны, что на одной изъ нихъ въ жиломъ помѣщеніи съ хозяиномъ, его женою и дѣтьми мы нашли телятъ и свиней, запахъ былъ нестерпимый. Хотя мы порядочно проголодались, все-таки никакъ не могли рѣшиться остановиться въ этой гадости; на слѣдующей станціи то же самое. Дѣло было уже къ утру; намъ отыскали избу какого-то хозяина-мужика; тамъ мы откололи хорошій кусокъ замороженныхъ щей, которые везли съ собою, съѣли нѣсколько яицъ, напились чаю и отправились въ Сердоболь. Осмотрѣвъ тамъ казематы, мы вернулись обратно домой. Латынинъ вездѣ на мѣстѣ разрѣшалъ командирамъ командъ необходимыя приспособленія и назначалъ сроки, къ которымъ работы должны были быть окончены. Съ каждаго пункта онъ доносилъ въ Петербургъ какъ о своемъ распоряженіи, такъ и о количествѣ людей, которыхъ можно было помѣщать въ казематахъ; всѣмъ же комендантамъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія, далъ отъ себя отзывъ, чтобы они всѣми возможными средствами содѣйствовали командирамъ инженерныхъ командъ окончить къ сроку предположенныя работы. Въ Финляндіи все было совершенно тихо, все подавлено было нелицемѣрною грустью. Даже рождественскіе праздники прошли чрезвычайно тихо; собирались иногда, но не иначе, какъ въ платьяхъ глубокаго траура, разговоры даже общіе имѣли какой-то особый отпечатокъ грусти и страха. Какъ видно было, императора Николая побаивались не на шутку: не зная почему, но по какому-то внутреннему голосу, всѣ ожидали перемѣнъ и, какъ можно было полагать по грустнымъ и напряженнымъ разговорамъ,—не къ лучшему. Фельдъегеря летали безпрерывно къ генералъ-губернатору и отъ него въ Петербургъ. Сенатъ финляндскій нѣсколько разъ собирался экстренно, но что тамъ дѣлалось, что говорилось, что писалось—намъ, молодежи, было недоступно.

Въ это время сдѣлалось офиціально извѣстно, что тѣло покойнаго государя привезутъ въ мартѣ въ Петербургъ. Мнѣ очень хо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тѣлось видѣть эту процессію, и я отпросился въ отпускъ. Пріѣхалъ я въ Петербургъ 16-го февраля 1826 года, явился по начальству, въ томъ числѣ и новому генералъ-инспектору великому князю Михаилу Павловичу. Онъ спросилъ меня, имѣю ли я здѣсь родныхъ; я отвѣтилъ, что мать моя живетъ здѣсь. Въ инженерномъ департаментѣ меня спросили, не желаю ли я участвовать въ процессіи погребенія; я отказался, потому что хотѣлъ видѣть всю процессію. Выхлопотали мы себѣ очень хорошія мѣста во флигелѣ ассигнаціоннаго банка, окнами на Большую Садовую, противъ Апраксиныхъ лавокъ.

Въ назначенный для погребенія день весь гвардейскій корпусъ былъ поставленъ шпалерами отъ Московской заставы до Казанской церкви. Въ $11^1/_2$ часовъ государь проѣхалъ верхомъ изъ Зимняго дворца къ Московской заставѣ. Началось шествіе кортежа. Впереди оберъ-полицеймейстеръ и жандармы, за ними ямщики и крестьяне окрестныхъ селъ, многіе въ дарованныхъ кафтанахъ съ золотыми позументами. Затѣмъ мѣщане, разные цехи со своими значками, купечество. Потомъ разныя министерства и вѣдомства, всѣ безъ исключенія въ длинныхъ черныхъ мантіяхъ, плоскихъ, круглыхъ шляпахъ съ большими полями. Одинъ рыцарь на черномъ конѣ въ черныхъ латахъ, другой на бѣломъ конѣ въ золотыхъ латахъ. Тогда говорили, что такъ какъ латы эти довольно тяжелы, то въ черныя латы одѣли выписаннаго изъ Ярославля мясника, а въ золотыхъ латахъ былъ актеръ Каратыгинъ 1-й, здоровенный, высокій мужчина. Затѣмъ понесли государственныя знамена и гербы, за ними гербы губерній, областей, булавы и знамена казачьихъ земель; потомъ государственныя регаліи и короны царства Польскаго, великаго княжества Финляндскаго, казанскую и проч. Пошло духовенство по обѣимъ сторонамъ всего кортежа; въ равномѣрномъ разстояніи одни отъ другого шли воспитанники военно-учебныхъ заведеній, имѣя ружья «на погребеніе». Затѣмъ вплоть за митрополитомъ печальная колесница въ 8 лошадей. Кучеръ покойнаго императора Илья сидѣлъ на козлахъ, и слезы градомъ текли по его лицу. У кистей и подлѣ гроба находились генералъ-адъютанты. Вплоть за гробомъ шелъ государь Николай I, имѣя ассистентами артиллерійскихъ генераловъ Эйлера и Костенецкаго, оба огромнаго роста. Государь былъ пѣшкомъ, какъ и всѣ прочіе члены (мужчины) царской фамиліи, въ длинной, черной мантіи и въ круглой съ широкими полями шляпѣ. За нимъ члены царской семьи, боевой конь покойнаго, затѣмъ рядъ траурныхъ каретъ, эскадроны и полки гвардейской кирасирской дивизіи, гусары, уланы, казаки, пѣхота и проч., съ музыкою, игравшею траурные марши поочередно.

Послѣ обѣда я пошелъ въ Казанскій соборъ, гдѣ стояло тѣло императора. Соборъ внутри весь былъ обтянутъ чернымъ сукномъ съ бѣлыми каймами и фестонами, по которому были разсыпаны

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

большія посеребреныя медали въ память 1812 года, гербы губерній, государственный орелъ и проч. Гробъ стоялъ на огромномъ возвышеніи, ступеней въ двадцать; весь катафалкъ былъ обитъ чернымъ сукномъ и отдѣланъ серебряными позументами. Почетный караулъ, дежурные генералъ-адъютанты, флигель-адъютанты, придворные чины и проч. соблюдали строжайшую тишину и порядокъ. Народъ впускался для прикладыванія въ извѣстные часы. Такимъ образомъ тѣло стояло 8 дней. Уже на девятый день его перевезли почти съ тѣмъ же церемоніаломъ, какъ выше описано, въ крѣпость, гдѣ оно и погребено.

IV.

Переходъ на службу въ Бобруйскую крѣпость. — Бобруйское общество. — Исторія Розенмарка съ Мельниковымъ. — Семейство командира Берга. — Генералъ Нагель. — Ссора съ Латынинымъ. — Полковникъ Козьминъ. — Арестантскія роты. — Разжалованный офицеръ Бекъ. — Посѣщеніе Бобруйска императоромъ Николаемъ I. — Балъ въ честь Нагеля. — Иванъ Никитичъ Скобелевъ. — Моя женитьба. — Командировка генерала К. Л. Жерве для осмотра чумныхъ госпиталей и ея послѣдствія. — Приведеніе Бобруйска на военное положеніе. — Столкновеніе съ Мочульскимъ. — Финскіе стрѣлки. — Генералъ Денъ. — Полковникъ Дзичканецъ. — Интриги противъ него. — Генералъ Фельдманъ. — Два приключенія со мной. — Дѣятельность плацъ-майора Пушкарева. — Осмотръ государемъ моихъ инженерныхъ работъ. — Смерть Берга.

Послѣ этого я еще нѣсколько дней оставался въ Петербургѣ и затѣмъ уѣхалъ обратно въ Свеаборгъ. Время текло тамъ нѣсколько тише, чѣмъ прежде, но все-таки я проводилъ его пріятно. Въ это время женился плацъ-адъютантъ Жуковъ, здоровенный огромнаго роста, изъ фельдфебелей. Вздумалъ онъ меня просить въ шафера. Когда въ церкви мнѣ пришлось держать надъ нимъ вѣнецъ, я долженъ былъ стоять чуть не на ципочкахъ и вытягивать руку. Комендантъ подошелъ ко мнѣ. «Что, братъ?—сказалъ онъ. — Натура не помогаетъ? Ну, я помогу». Взялъ меня подъ бока, поднялъ и продержалъ такъ съ минуту. Всѣ расхохотались, даже священникъ улыбнулся. Вообще Павелъ Николаевичъ [1]) былъ превеселый, прелюбезный всегда, въ особенности со мною.

Уже ближе къ лѣту полученъ былъ приказъ, что полковникъ Латынинъ назначается строителемъ Бобруйской крѣпости. Какъ это могло случиться, я не понимаю, потому что Латынинъ далеко не былъ знатокомъ въ строительномъ искусствѣ, въ особенности въ долговременныхъ фортификаціонныхъ сооруженіяхъ. Онъ, естественно, былъ очень доволенъ своимъ назначеніемъ и предложилъ мнѣ быть переведеннымъ также въ Бобруйскъ. Въ Свеаборгѣ положеніе мое, какъ инженернаго офицера, натурально, было незавидное; тутъ

[1]) Гебенеръ, комендантъ Свеаборга.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ничему не выучишься и никакой карьеры не сдѣлаешь, вѣчно просидишь прапорщикомъ, а въ Бобруйскѣ, гдѣ открывались большія инженерныя работы, конечно, можно было имѣть больше видовъ выиграть по службѣ. Какъ ни грустно мнѣ было разстаться съ тѣми искренними друзьями, которыхъ я пріобрѣлъ въ Свеаборгѣ и Гельсингфорсѣ, какъ ни притягивалъ меня магнитъ дамскаго ко мнѣ расположенія, я рѣшился на переводъ. Латынинъ объявилъ мнѣ, что онъ тотчасъ отправляется въ Петербургъ, тамъ устроитъ мой переводъ и отбудетъ къ новому своему назначенію. Чтобы дорога мнѣ ничего не стоила, онъ поручилъ мнѣ свое семейство, которое въ собственномъ экипажѣ, въ большой четырехмѣстной каретѣ, отправилось вслѣдъ за нимъ, какъ только получило о томъ извѣщеніе изъ Петербурга. Мнѣ оставалось только благодарить Латынина за его попеченіе обо мнѣ и довѣріе.

До пріѣзда моего въ Бобруйскъ командиромъ команды и строителемъ крѣпости былъ инженеръ-полковникъ Розенмаркъ. Это былъ славный командиръ, дѣловой и знающій и вмѣстѣ съ тѣмъ добрый, отличный человѣкъ, славный товарищъ; любилъ иногда и кутнуть. Онъ былъ женатъ на дочери инженеръ-полковника Кульмана, который былъ командиромъ Выборгской инженерной команды, когда отецъ мой былъ тамъ комендантомъ. Кульманъ былъ высокаго роста, сырой человѣкъ, замѣчательный своей неимовѣрной толщиной; по тяжести своей, онъ не могъ иначе ѣздить, какъ въ дрожкахъ тройкою. Впрочемъ, въ Бобруйскѣ я засталъ еще почтмейстера и жену его, обоихъ также неимовѣрной толщины; съ форштадта въ костелъ они ѣздили отдѣльно, каждый въ дрожкахъ, запряженныхъ тройками. М-me Розенмаркъ была очень милая, красивая, хорошо воспитанная дама, общая любимица бобруйскаго общества. Бывшій смотритель госпиталя Мельниковъ, набившій себѣ карманъ разными непозволительными средствами, скопилъ порядочный капиталъ и любилъ разыгрывать роль grand-seigneur'a. Когда онъ уже достаточно разбогатѣлъ, то подобру-поздорову убрался и вышелъ въ отставку съ незапятнаннымъ аттестатомъ. Жена его была очень добрая, образованная женщина, держала себя очень прилично. Дѣла Мельникова, какъ и всѣмъ другимъ, были извѣстны Розенмарку, который въ одной веселой компаніи, разсказывая его продѣлки, назвалъ Мельникова подлецомъ и воромъ. Неизвѣстно кто изъ присутствовавшихъ въ этой компаніи передалъ все Мельникову. Тотъ хотя чувствовалъ, что Розенмаркъ попалъ этимъ въ глазъ, зналъ, однако, что для оправданія этихъ эпитетовъ ни у Розенмарка, ни у кого либо другого документальныхъ доказательствъ нѣтъ, такъ какъ онъ вышелъ въ отставку по собственному прошенію и получилъ ее совершенно чисто и законно. Между тѣмъ, онъ разсчитывалъ и на то, что если не прекратить сразу подобныхъ слуховъ, то они могутъ дойти и выше;

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

немудрено, если обратятъ на нихъ вниманіе и при малѣйшемъ подозрѣніи въ справедливости ихъ, несмотря на чистую отставку, потянутъ къ суду. Мельниковъ, какъ человѣкъ неглупый и ловкій, разсчиталъ все довольно вѣрно. Оставалось одно только средство оправдать себя предъ всею публикою и начальствомъ: прикинуться отзывами Розенмарка крайне обиженнымъ, надѣлать какой нибудь скандалъ или заставить Розенмарка взять свои слова назадъ и извиниться передъ нимъ. Вскорѣ послѣ этого былъ обѣдъ у коменданта на дачѣ, за городомъ. Обѣдъ кончился благополучно. Розенмаркъ, по обыкновенію, подпилъ порядкомъ. Мельниковъ подмѣтилъ, когда около Розенмарка собрался кружокъ, въ которомъ находился и комендантъ, втерся въ него и прямо сталъ требовать у Розенмарка объясненія, на какомъ основаніи и по какому праву онъ шельмуетъ его за спиною; что если онъ честный человѣкъ, то долженъ относиться прямо къ лицу, а не клеветать за спиною. Розенмаркъ оказался въ очень непріятномъ положеніи и увидѣлъ, что сказанныя въ интимномъ кружкѣ слова его переданы самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Между тѣмъ онъ никогда не отрекался отъ своихъ словъ и сказалъ тутъ же, при всѣхъ: «Что же? вѣдь всѣмъ и мнѣ очень хорошо извѣстно, что ты воришка и подлецъ». Мельниковъ, недолго думая, тутъ же отвѣсилъ Розенмарку звонкую оплеуху. Это было при свидѣтеляхъ. Пока Розенмаркъ опомнился, Мельниковъ скрылся. Изловить его было негдѣ, на вызовъ онъ не шелъ. Розенмаркъ ѣздилъ нѣсколько дней по городу съ пистолетами, обѣщая убить Мельникова, гдѣ бы ни встрѣтилъ его, но нигдѣ его не нашелъ. Между тѣмъ все это имѣло громадное вліяніе на Розенмарка; къ тому же его жена заболѣла серьезно и вскорѣ умерла, а за нею въ весьма непродолжительномъ времени умеръ его единственный сынъ, мальчикъ лѣтъ 6—7. Это страшно потрясло всю натуру его, онъ сталъ сильно кутить, пилъ горькую чашу. Въ этомъ поддерживалъ его какой-то пьяница, двоюродный братъ его, Иванъ Сутгофъ, съ нимъ вмѣстѣ жившій, такъ что дѣло Мельникова уже отодвинулось далеко на второй планъ. Вскорѣ Розенмарка произвели въ генералы и назначили окружнымъ начальникомъ въ Финляндію. Онъ туда отправился и взялъ съ собой двухъ страшныхъ пьяницъ: вышеупомянутаго Сутгофа и еще одного офицера бобруйской команды—Прохорова. Когда Розенмаркъ былъ въ Бобруйскѣ, я нѣсколько разъ у него обѣдалъ, и всегда было разливное море; при сдачѣ же команды оказалось на 25.000 рублей ассигнаціями недостатковъ. Шведеръ [1]) не зналъ, что дѣлать, но офицеры просили его принять команду и дать Розенмарку чистую квитанцію, а долгъ обѣщали пополнить, что̀ и исполнили въ томъ же году.

[1]) Е. Ѳ. Шведеръ I, инженеръ-полковникъ, начальникъ инженерной команды послѣ Розенмарка.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Розенмаркъ прибылъ въ Финляндію благополучно, жилъ въ Выборгѣ, но недолго, спился и умеръ.

Шведеръ, имѣвшій большое семейство, жилъ въ большомъ деревянномъ домѣ, который назначался окружному командиру, а Латынинъ въ каменномъ флигелѣ, подлѣ офицерскаго корпуса; послѣдній весь былъ занятъ инженерными офицерами, и я тамъ жилъ. Приказомъ по командѣ я былъ назначенъ состоять по особымъ порученіямъ при Латынинѣ и дистанціи не имѣлъ. Не помню, чтобы Латынинъ когда нибудь давалъ мнѣ «особыя порученія» по службѣ, но мое дѣло было всякій день обѣдать и даже ужинать у него. Цѣль его была сблизить меня какъ можно болѣе съ дочерью Лизаветой Ивановной и, вѣроятно, женить меня на ней, потому что я пользовался весьма большимъ расположеніемъ какъ матери, такъ и дочери. Благодаря моему веселому и беззаботному характеру, я вскорѣ сдѣлался общимъ любимцемъ своихъ товарищей. Нельзя не сказать, что и товарищи были отличные люди, по крайней мѣрѣ тѣ, съ которыми я болѣе сблизился: Дзичканецъ, Теше, Мерле, Руденковъ и Аврежіо; мы всегда были неразлучны. Познакомился я также съ комендантомъ Бергомъ, полковникомъ Девелемъ, плацъ-майоромъ Пупкаревымъ, подполковнимъ Витковскимъ. Вездѣ меня принимали очень хорошо. Комендантъ жилъ въ крѣпости, въ деревянномъ, довольно большомъ домѣ. У него была дочь и три сына. Комендантша была маленькая, толстая, проворная и добрая финляндка, у которой все дѣлалось живо, но безъ всякихъ церемоній. Они имѣли для лѣтняго пребыванія на Минскомъ форштадтѣ очень хорошую дачу съ большимъ садомъ и огородомъ, у самаго берега Березины. Тутъ мы часто веселились, когда собирались по вечерамъ. Все было очень просто, и часто, натанцовавшись, ужинали биркезомъ, бутербродами и холоднымъ жаркимъ или картофелемъ въ мундирѣ. Комендантъ Бергъ былъ добрѣйшій, отличный человѣкъ, но любилъ разсказывать анекдоты объ удальствѣ въ своей молодости и страшно вралъ. Надъ его анекдотами много посмѣивались, особенно надъ его разсказами о томъ, какъ онъ верхомъ на щукѣ выѣхалъ изъ моря и шпорилъ ее, какъ онъ выточилъ, по недостатку тарелокъ въ деревнѣ, гдѣ принималъ графа Штейнгеля, изъ сосны въ два часа двѣ дюжины тарелокъ, и пр. и пр. Но эту слабость ему охотно прощали, потому что, при всемъ томъ, онъ былъ все-таки честнѣйшимъ и добрѣйшимъ человѣкомъ.

Генералъ Нагель[1]) жилъ подлѣ коменданта въ деревянномъ большомъ домѣ, также съ садикомъ. Жена его была очень нѣжная, всегда хворая женщина, съ огромнымъ семействомъ. Нагель жили также очень хорошо, у нихъ обыкновенно по воскресеньямъ

[1]) Генералъ-майоръ П. Л. Нагель командовалъ въ Бобруйскѣ отрядомъ, находившимся тамъ постоянно лѣтомъ на работахъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бывали обѣды, въ которыхъ я нерѣдко участвовалъ. Въ этомъ домѣ я былъ знакомъ короче другихъ моихъ товарищей, потому что двоюродный братъ мой, Карлъ Леонтьевичъ Жерве, служилъ подъ начальствомъ Нагеля. Вообще же наши офицеры не долюбливали его за разныя его выходки относительно формы, дисциплины и пр. Но онъ не могъ сладить съ ними, что и было причиною нѣсколько холодныхъ отношеній между Нагелемъ и его подчиненными.

... Между тѣмъ Латынинъ, находясь иногда въ нетрезвомъ видѣ, имѣлъ уже разныя стычки съ офицерами. Самъ небойко понимая дѣла, онъ принималъ начальническій тонъ, осѣкался, а отъ такихъ дѣловыхъ и славныхъ офицеровъ отпоръ бывалъ иногда очень чувствителенъ. Латынинъ, котораго я посѣщалъ по обязанности всякій день, былъ постоянно въ раздраженномъ состояніи духа. Въ Бобруйскѣ семейство подполковника Витковскаго было мнѣ очень близко, потому что дочь генеральши Реренъ, Марья Ивановна, была его женою. Витковскій женился тогда, когда отецъ мой былъ еще комендантомъ въ Выборгѣ, и такъ какъ генеральша Реренъ была бѣдная женщина и очень коротко знакома съ нашимъ семействомъ, то и свадьба была у насъ въ домѣ. Генеральша Реренъ, веселая, умная и славная старушка, жила съ дочерью и, естественно, въ память прежней дружбы съ моими родителями, я у нихъ былъ принятъ, какъ свой человѣкъ. При ней жила еще младшая ея дочь Дарья Ивановна, только что выпущенная изъ института, молоденькая, недурненькая дѣвица. Онѣ жили на Минскомъ форштадтѣ въ домѣ капитана герцога Веллингтона полка Воронова, женатаго на родной сестрѣ нашего офицера Дзичканца. У нихъ какъ-то я былъ на вечерѣ, гдѣ повеселились, поужинали, и я довольно поздно возвратился домой. Дома мнѣ сказали, что Латынинъ уже два раза присылалъ за мной, но такъ какъ уже было поздно, то я сталъ раздѣваться, чтобы лечь спать, и думалъ на другой день утромъ пойти къ нему. Вдругъ прибѣгаетъ посланный въ третій разъ и требуетъ меня къ Латынину. Я пошелъ. Прихожу, а они всѣ трое — онъ, жена и дочь — сидятъ за ужиномъ и ждутъ меня. Я вхожу и спрашиваю: «Что вамъ угодно, Иванъ Николаевичъ?» Онъ былъ уже порядочно подъ хмелькомъ и весьма грубо отвѣтилъ: «Да что вы заставляете насъ ждать себя? Мы уже давно сидимъ и ждемъ васъ». Я возразилъ ему, что былъ на вечерѣ и что никакъ не полагалъ своею обязанностью быть всякій день за ужиномъ у нихъ, что у меня много знакомыхъ въ городѣ, и я себя связывать такимъ образомъ не могу,—однако сѣлъ на приготовленное мнѣ мѣсто. Латынинъ на мой отвѣтъ взбѣсился и сказалъ мнѣ какую-то дерзость. Я вскочилъ, взялъ въ руки ножъ и навѣрное пырнулъ бы его, если бы меня не удержала Анна Васильевна [1]).

[1]) М-me Латынина.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Я бросилъ ножъ и убѣжалъ. За мною выбѣжала дочь, плакала и просила не сердиться, говоря, что ея папа сказалъ это сгоряча и пр. и пр., но я тутъ же объявилъ, что моя нога у нихъ въ домѣ больше не будетъ, и ушелъ. На другое утро я разсказалъ все своимъ товарищамъ, которые и такъ уже были довольно раздражены противъ Латынина. Рѣшили мы общимъ совѣтомъ, чтобы я къ нему больше не ходилъ, ждалъ, что будетъ дальше, и при малѣйшей съ его стороны выходкѣ далъ бы дѣлу офиціальный ходъ. Между тѣмъ старшіе офицеры сочли долгомъ пойти къ командиру команды и передать, что случилось со мною. Командиромъ команды былъ Шведеръ, добрый, но не энергичный человѣкъ; офицеровъ уважалъ, но для нихъ что нибудь предпринять не было въ его характерѣ. Въ тотъ же день я не пошелъ обѣдать къ Латынину, такъ же и въ слѣдующіе дни, несмотря на то, что Анна Васильевна присылала мнѣ пирожное и разныя лакомства, а Лизавета Ивановна— записочки съ приглашеніями и изъявленіями искренней дружбы и любви. Ничто не помогло: я отсталъ совершенно отъ дома и былъ впослѣдствіи назначенъ въ помощь Дзичканцу на дистанцію. Встрѣчались мы съ Латынинымъ только по службѣ и всегда холодно.

Шведера вскорѣ послѣ этого перевели отъ насъ, и на мѣсто его изъ Архангельска былъ назначенъ къ намъ командиромъ полковникъ Алексѣй Васильевичъ Козьминъ. Онъ былъ изъ простого званія, служилъ барабанщикомъ въ архангельскомъ гарнизонномъ батальонѣ, потомъ переименовался въ писаря, затѣмъ въ кондукторы, занялся науками и былъ произведенъ въ полевые инженеръ-прапорщики. Въ то время это было весьма возможно: училище еще не существовало. Козьминъ былъ, впрочемъ, прекрасный, толковый, дѣловой и энергичный старикъ. Хотя по строительной части онъ не имѣлъ очень обширныхъ знаній, зато предоставлялъ тѣмъ офицерамъ, у которыхъ работы были на рукахъ, производить ихъ согласно новыхъ правилъ науки. Разсматривая проекты и смѣты и видя производство работъ, своимъ практичнымъ взглядомъ на нихъ онъ приносилъ много пользы. Командныя дѣла онъ зналъ превосходно, велъ ихъ честно, довѣрчиво и благородно. Мы всѣ его полюбили отъ души; онъ умѣлъ это цѣнить и съ нами обходился скорѣе, какъ старый опытный товарищъ, чѣмъ какъ начальникъ. Умный старикъ очень хорошо и скоро замѣтилъ, что это былъ лучшій путь, потому что, видя его довѣріе къ намъ, офицеры оказывали ему еще больше довѣрія и, дѣйствительно, безъ его согласія шагу не дѣлали. Разъяснили ему положеніе офицеровъ относительно Латынина, поразсказали его продѣлки. Козьминъ увѣрилъ насъ, что каждый изъ насъ найдетъ въ немъ защиту, если только правда на нашей сторонѣ.

Между тѣмъ натянутыя отношенія офицеровъ и Латынина усиливались все болѣе и болѣе. Даже и въ обществѣ онъ имѣлъ нѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сколько весьма непріятныхъ столкновеній, такъ что, наконецъ, мы всѣ рѣшили не ходить въ тѣ общества, въ которыя будетъ приглашенъ Латынинъ или, если мы не знаемъ, будетъ онъ или нѣтъ, то по приходѣ его тотчасъ уходить. Сказано—сдѣлано. Мы составляли, такъ сказать, душу общества, и вездѣ, гдѣ желали веселья и видѣть нашъ кружокъ офицеровъ, Латынина не приглашали, зная, что мы непремѣнно уйдемъ, если онъ будетъ. Случился опять танцовальный вечеръ въ клубѣ. Всѣ наши офицеры пришли въ клубъ, начались танцы. Такъ какъ всѣ дамы насъ очень любили, то мы и ангажировали ихъ съ тѣмъ, что если Латынинъ придетъ въ клубъ хотя бы среди танца, мы тотчасъ уходимъ; всѣ согласились. И дѣйствительно, уже послѣ польскаго, во время экосеза, Латынинъ входитъ. Мы тотчасъ же сдѣлали поклонъ нашимъ дамамъ, надѣли шпаги, взяли шляпы и ушли. Латынину было очень неловко, но онъ все-таки съ часокъ остался, потомъ ушелъ. Дамы тотчасъ дали намъ знать, что Латынинъ ушелъ, и мы мигомъ вернулись назадъ, танцовали очень долго и затѣмъ ужинали.

Въ это лѣто [1]) къ намъ пріѣхалъ генералъ Опперманъ осмотрѣть работы. До него дошли слухи о столкновеніяхъ офицеровъ съ Латынинымъ, и говорили даже, что Опперманъ пожурилъ его, но дѣло обошлось безъ особыхъ послѣдствій. При осмотрѣ работъ, въ свитѣ слѣдовали и всѣ частные начальники крѣпостного гарнизона, такъ какъ производились постройки, касавшіяся ихъ. Между прочимъ былъ отстроенъ внутри крѣпости понтонный сарай для храненія обоза и принадлежностей саперныхъ понтоновъ. Всѣмъ извѣстно было, что Опперманъ не долюбливалъ генерала Нагеля именно за то, что онъ съ нашими офицерами былъ всегда несовсѣмъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Понтонный сарай былъ легкой, дешевой постройки, а потому для многихъ скрѣпленій, дабы не тратить денегъ на гвозди, были употреблены деревянные толстые гвозди, которые съ наружной стороны расклинивались (эти деревянные гвозди технически называются нагелями); такъ было предположено и по смѣтѣ. Опперманъ очень хорошо понималъ, что такое скрѣпленіе для этой постройки достаточно, но обратился съ вопросомъ къ дистанціонному офицеру: «А при сильномъ вѣтрѣ не повредится ли сарай, будучи скрѣпленъ этими деревянными скрѣпами?» Офицеръ отвѣтилъ, что сарай очень хорошо скрѣпленъ нагелями. На это Опперманъ сказалъ: «Ужъ эти мнѣ нагели, нагели!»—намекая на генерала Нагеля.

У насъ въ Бобруйскѣ содержалось много декабристовъ изъ числа бунтовавшихъ 14-го декабря: Норовъ, Дивовъ, Бодиско, человѣкъ десять студентовъ бывшей Виленской медицинской академіи и еще другіе. Мы уговорили плацъ-майора содержать ихъ нѣсколько отдѣльно. На день отвели имъ въ нашихъ мастерскихъ двѣ отдѣль-

[1]) 1827 года.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ныя комнаты, гдѣ они свободно могли читать, писать и заниматься чѣмъ хотѣли. Они часто получали отъ родныхъ деньги, которыя приходили на имя кого нибудь изъ нашихъ офицеровъ и потомъ передавались имъ; такимъ образомъ, они имѣли свой чай и улучшенную пищу, которая имъ варилась по ихъ назначенію въ мастерскихъ. Молодые люди были большею частью хорошо образованные и изъ хорошихъ фамилій. Все это имъ позволялось, но только съ тѣмъ условіемъ, что, въ случаѣ пріѣзда высшихъ лицъ или членовъ царской фамиліи, имъ тотчасъ брили головы и высылали на работы, на что всѣ эти молодые люди согласились, не желая за дѣлаемое имъ добро подвергать свое прямое начальство отвѣтственности весьма серьезной. Такъ, однажды, при пріѣздѣ нашего генералъ-инспектора великаго князя Михаила Павловича вся эта молодежь была выслана на работу. Великій князь, проходя мимо кузницы, увидѣлъ Бодиско, который приводилъ въ движеніе мѣха, и тотчасъ узналъ его: «А, Бодиско!»—сказалъ великій князь и отвернулся. Бодиско служилъ мичманомъ въ гвардейскомъ экипажѣ, въ корпусѣ, въ которомъ командовалъ великій князь Михаилъ Павловичъ. По необыкновенной памяти почти всѣхъ членовъ царской фамиліи, великій князь зналъ фамиліи если не всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, огромнаго большинства гвардейскихъ офицеровъ.

Арестантскія роты раздѣлялись тогда на нѣсколько разрядовъ. Первый—вѣчно каторжные. Они ходили въ черныхъ куртkахъ, брюкахъ и шапкахъ, съ четвероугольникомъ сѣраго сукна въ видѣ бубноваго туза на спинѣ. У нихъ головы были обриты поперекъ, отъ затылка ко лбу, вся правая половина. Въ этомъ разрядѣ было много закоренѣлыхъ преступниковъ, и большая половина ихъ всегда была закована въ цѣпяхъ; такъ въ кандалахъ и выходили на работу. Второй разрядъ—временные, на долгіе сроки—15, 12 и 10 лѣтъ. Они одѣвались въ сѣрыя куртки, брюки и шапки, имѣя на спинѣ бубноваго туза изъ чернаго сукна. Имъ брили полъ-головы отъ уха до уха. Третій разрядъ — исправительныя роты: онѣ ходили въ одеждѣ такой же, какъ и второй разрядъ, но имъ головъ не брили, за хорошее поведеніе переводили изъ второго разряда въ третій и уменьшали сроки заключенія. Изъ третьяго разряда, отличавшихся хорошимъ поведеніемъ выбирали рядовыми въ военно-рабочія роты. Арестанты раздѣлялись на роты; каждая рота имѣла своего ротнаго командира, двухъ-трехъ субалтернъ-офицеровъ и до двадцати унтеръ-офицеровъ. Офицеры и унтеръ-офицеры носили ту же форму, что и офицеры и унтеръ-офицеры военно-рабочихъ ротъ, только у офицеровъ арестантскихъ ротъ на рогожкѣ эполетъ, кромѣ № роты, была вышита еще буква А (арестантской). Всѣ офицеры и унтеръ-офицеры имѣли толстыя камышевыя трости, съ набалдачникомъ и ремешкомъ, съ которыми они выходили во фронтъ и на работы.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Сначала, когда плацъ-майоръ Пушкаревъ вступилъ въ командованіе батальономъ арестантскихъ ротъ, порядокъ у нихъ былъ очень плохой. Часто случались побѣги, а за каждаго бѣжавшаго арестанта, о которомъ обязаны были доносить въ Петербургъ, всегда получались отъ генералъ-инспектора болѣе или менѣе строгія замѣчанія. Какъ ни старался Пушкаревъ искоренить зло, это сопряжено было съ большими затрудненіями; съ каждымъ десяткомъ арестантовъ на работы выходилъ одинъ унтеръ-офицеръ и два конвойныхъ; работы были разбросаны большею частью за крѣпостью, укрываться было легко, а затѣмъ ужъ и бѣжать не трудно, тѣмъ болѣе, что Бобруйскъ былъ окруженъ лѣсами, гдѣ арестанты, бывало, скрывались, пока не отростутъ волосы, а потомъ безъ труда, переодѣвшись въ крестьянское платье, бродяжничали. Хотя Пушкаревъ завелъ такой порядокъ, что весь десятокъ отвѣчаетъ за бѣжавшаго изъ среды его и наказывалъ оставшихся, однако не могъ искоренить побѣговъ. Поэтому, дабы по крайней мѣрѣ избавиться отъ упрековъ и замѣчаній изъ-за неизбѣжнаго зла, Пушкаревъ мало-по-малу набралъ изъ проходящихъ арестантскихъ командъ человѣкъ десять, которые нигдѣ по спискамъ не показывались. Какъ только одинъ убѣжитъ, его тотчасъ замѣняютъ запаснымъ, котораго крестятъ именемъ и фамиліей бѣжавшаго; если же поймается первый, то отрекаются отъ него. Такимъ образомъ отдѣлывались отъ всякихъ послѣдствій. Арестанты жили въ крѣпости, въ свѣтлыхъ и сухихъ казармахъ, которыя, какъ и кухни, попеченіемъ плацъ-майора содержались дѣйствительно въ отличномъ состояніи; чистота, хорошій воздухъ были строго соблюдаемы, и арестантскія казармы могли вполнѣ служить образцовыми. Другой отдѣлъ арестантовъ жилъ въ особо устроенныхъ помѣщеніяхъ въ редюитахъ равелиновъ въ укрѣпленіи «Фридрихъ-Вильгельмъ», а третій отдѣлъ на казенномъ кирпичномъ заводѣ, верстахъ въ четырехъ за городомъ, въ отдѣльномъ острогѣ. Пушкаревъ и туда часто заглядывалъ и за всякое упущеніе строго взыскивалъ съ ротныхъ командировъ, которымъ, впрочемъ, доставлялъ и нѣкоторыя льготы, такъ что они жили въ довольно порядочныхъ отношеніяхъ.

Въ это время уже разнеслись слухи о разрывѣ съ Турціей и о приближеніи войны. И дѣйствительно съ весны 1828 года началось движеніе войскъ. Наши отношенія съ отряднымъ начальникомъ генералъ-лейтенантомъ Нагелемъ очень улучшились съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря его стараніямъ, Латынинъ былъ смѣненъ. Незадолго до этого случился эпизодъ, крайне непріятный какъ для него, такъ для Карла Леонтьевича [1]) и полкового командира Симишина. Въ

[1]) К. Л. Жерве, двоюродный братъ дѣда, командовалъ въ Бобруйскѣ бригадою. В. Ж.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Бобруйскъ былъ присланъ, по сентенціи военнаго суда, разжалованный изъ капитановъ въ рядовые, Бекъ или Бекеръ, который поступилъ въ Могилевскій пѣхотный полкъ. Снисходительное и доброе къ такимъ несчастливцамъ судьбы начальство разрѣшило жить рядовому Беку на форштадтѣ въ наемной квартирѣ, дабы хоть нѣсколько облегчить его горькую участь. Впрочемъ, своею скромностью и вообще видомъ порядочнаго человѣка Бекъ всѣмъ понравился; жилъ онъ тихо и о немъ какъ-то всѣ забыли. Но дѣло въ томъ, что Бекъ считалъ себя совершенно правымъ въ дѣлѣ, изъ-за котораго онъ пострадалъ, умственныя же его способности отъ постигшаго его несчастія нѣсколько разстроились. Видя, что начальство о немъ совершенно забыло, онъ воспользовался этимъ и отправился тайкомъ въ Петербургъ прямо къ генералъ-инспектору и объявилъ, что онъ невинно разжалованъ. Его, конечно, схватили, и великій князь отправилъ его къ Опперману, который предпринималъ поѣздку въ Динабургъ и Бобруйскъ. Опперманъ пріѣзжаетъ въ Бобруйскъ, къ нему является отрядный начальникъ генералъ-лейтенантъ Нагель. Опперманъ его спрашиваетъ:

— Скажите, Павелъ Ларіоновичъ, того-того (привычка Оппермана), у васъ есть здѣсь какой-то разжалованный изъ капитановъ рядовой Бекъ?

— Есть, ваше высокопревосходительство.

— Потрудитесь приказать привести его ко мнѣ.

— Сейчасъ, — былъ отвѣтъ.

Передали приказаніе генерала Оппермана Карлу Леонтьевичу, тотъ—полковому командиру Симишину. Полетѣли искать Бека, но въ квартирѣ его и слѣдъ простылъ; знали только, что онъ уже съ мѣсяцъ тому назадъ ушелъ, будто бы, въ лагерь и послѣ уже не возвращался. Какъ ни непріятно было, но, нечего дѣлать, Нагель донесъ Опперману, что Бекъ бѣжалъ, и только потому, что имѣлась въ виду турецкая война, дѣло обошлось не очень строгимъ взысканіемъ: замѣчанія и выговоры порѣшили все. Бекъ уже не былъ возвращенъ, и что съ нимъ сталось, я не знаю.

Нагель, Карлъ Леонтьевичъ и Рупертъ [1]) отправились въ походъ. Мы очень любили Руперта и задали ему и саперамъ предъ выступленіемъ обѣдъ на славу. Попировали и распростились съ нашими милыми саперами. Къ намъ поступили на работы другія армейскія войска, сначала дивизія генералъ-лейтенанта Юшкова.

Между тѣмъ Карлъ Ефимовичъ Теше, по обширности ему порученныхъ работъ, долженъ былъ сдать должность дежурнаго при командѣ офицера, и меня назначили на его мѣсто. Въ этой должности было весьма трудно ладить съ Мочульскимъ [2]), съ которымъ

[1]) Вильгельмъ Яковлевичъ Рупертъ командовалъ въ Бобруйскѣ саперной бригадой.

[2]) Полковникъ Мочульскій былъ назначенъ въ Бобруйскъ строителемъ крѣпости вмѣсто переведеннаго въ Кіевъ Латынина.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ежедневно приходилось быть въ сношеніяхъ; а съ такимъ взбалмошнымъ и притомъ совершенно не знавшимъ ни искусственной инженерной части, ни хода командныхъ дѣлъ не легко было ужиться. Это видѣлъ хитрый Теше и отдѣлался отъ этой должности. Кое-какъ я ладилъ съ нимъ.

Государь Николай I посѣтилъ насъ въ 1828 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, проѣздомъ въ дѣйствующую противъ Турціи армію. Онъ осматривалъ работы и остался очень доволенъ. Государь долженъ былъ переночевать въ Бобруйскѣ и на другой день утромъ отправиться дальше. Въ эту ночь изъ турецкой арміи было получено множество трофеевъ, въ особенности значковъ, знаменъ и бунчуковъ. Въ ночь надѣлали для нихъ древокъ, кое-какъ выкрасили, прибили къ нимъ значки и, воткнувъ въ землю, поставили ихъ по всему бульвару около церкви, предъ окнами дворца, занятаго государемъ. Вставъ утромъ, онъ увидѣлъ всѣ эти трофеи и остался очень доволенъ; приказалъ отправить ихъ въ Петербургъ, оставивъ въ нашей церкви два знамени.

Въ 1829 году, зимой, Павелъ Ларіоновичъ Нагель на нѣсколько дней пріѣхалъ въ отпускъ повидаться съ семействомъ своимъ. Онъ узналъ отъ жены, какъ инженерные офицеры заботились объ ея спокойствіи, какъ мило предупреждали всѣ ея желанія и пр., и поэтому принялъ насъ чрезвычайно ласково. А такъ какъ до насъ дошли слухи изъ нѣдръ дѣйствующихъ войскъ, что Нагель въ кампаніи отличный начальникъ, всегда очень ласковъ и предупредителенъ къ нашимъ офицерамъ, которымъ доставляетъ при всякой возможности награды и отличія, то мы рѣшили дать ему большой балъ. Балъ устроили въ клубномъ залѣ, гдѣ все было убрано военными арматурами и зеленью. Ужинъ былъ отличный, шампанское лилось, тосты ему и ей повторялись не разъ, мы его качали. Нагель былъ тронутъ до слезъ и не зналъ, какъ выразить намъ свою благодарность за настоящее вниманіе и за ту любезность, которую мы оказывали его семейству въ его отсутствіе. Наконецъ, дабы вполнѣ выразить, какъ глубоко онъ цѣнитъ такое общее къ нему расположеніе, онъ посреди залы сталъ на одно колѣно и выпилъ за наше дорогое ему здоровье. Восторгъ достигъ апогея. Вскорѣ онъ уѣхалъ въ армію, и ни мы, ни семейство его болѣе не увидѣли: онъ умеръ въ Силистріи отъ страшной чумной эпидеміи. Мы крѣпко о немъ пожалѣли.

Я забылъ упомянуть, что въ началѣ этого года Карлъ Леонтьевичъ вернулся изъ турецкой арміи совершенно изнуренный злокачественною лихорадкою, но онъ мѣсяца черезъ два-три поправился. Когда государь проѣзжалъ черезъ Бобруйскъ въ іюнѣ мѣсяцѣ, то Карлъ Леонтьевичъ представлялся ему, какъ выздоровѣвшій и отправлявшійся обратно въ дѣйствующую армію. Между тѣмъ дивизія генерала Юшкова отправилась дальше, а мѣсто ея заступила въ 1830 году 10-я дивизія. Начальникомъ дивизіи былъ генералъ-лей-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тенантъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ, замѣчательный старикъ, достигшій высшихъ чиновъ изъ простого званія и бойко владѣвшій перомъ. Онъ былъ видный, высокій, статный мужчина, пріятный собесѣдникъ, и разсказы его изъ солдатской и походной жизни были увлекательны. Онъ былъ женатъ на калужской помѣщицѣ, довольно дородной, высокой и еще красивой женщинѣ, съ довольно хорошимъ состояніемъ. У нихъ были сынъ и дочь. Скобелевъ жилъ хорошо и въ царскіе дни давалъ обыкновенно торжественные обѣды, на которые собиралъ всю знать крѣпости и большую часть нашихъ офицеровъ. На одномъ изъ такихъ обѣдовъ онъ разсказывалъ свои похожденія въ отечественную войну и, между прочимъ, прибавилъ, что многіе также были въ кампаніи, а изъ нея ничего не вынесли, не умѣя придать настоящей энергіи и настоящаго значенія походной жизни. Нашъ любезнѣйшій городничій Кобылинскій всталъ и сказалъ Ивану Никитичу:

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, я имѣю награду за отличіе (у него была Анна 4 ст. на шпагѣ).

Иванъ Никитичъ разсмѣялся и отвѣтилъ: «Да, я и забылъ, что у тебя какая-то короста на шпагѣ». Онъ не долюбливалъ Кобылинскаго, какъ поляка. Тогда уже смутно ходили какіе-то не совсѣмъ пріятные слухи о полякахъ.

Въ Бобруйскѣ я близко познакомился съ семействомъ плацъ-майора Пушкарева, и мнѣ чрезвычайно понравилась сестра m-me Пушкаревой, Софья Семеновна Буссау. Мы скоро почувствовали взаимную симпатію, которая затѣмъ перешла въ любовь. Въ апрѣлѣ 1830 года я сдѣлалъ ей предложеніе, на которое она отвѣтила полнымъ согласіемъ. Послѣ этого я написалъ матери въ Петербургъ и получилъ отъ нея благословеніе; она крайне сожалѣла, что ея преклонныя лѣта лишали ее возможности пріѣхать въ Бобруйскъ, такъ что изъ близкихъ родныхъ на моей свадьбѣ никому не пришлось быть. День свадьбы былъ назначенъ на 17-е августа 1830 года. Посаженымъ отцомъ я просилъ нашего дивизіоннаго генерала Ивана Никитича Скобелева, который охотно согласился меня благословить; посаженою матерью я просилъ родную тетку Софіи Семеновны, Лизавету Евстафьевну Гебель. Но когда я пріѣхалъ домой отъ Скобелева, онъ прислалъ за мною и объявилъ, что жена его желаетъ быть у меня посаженою матерью, чѣмъ считаетъ обязанною показать мнѣ свое особое вниманіе. Мнѣ было это очень пріятно, но сколько стоило труда уговорить старушку Гебель уступить свое мѣсто. Вѣнчаніе было назначено въ 6 часовъ вечера въ крѣпостной церкви. Весь лучшій кругъ города былъ приглашенъ на свадьбу, цугъ экипажей стоялъ огромный. Изъ церкви всѣ гости поѣхали въ домъ Я. П. Пушкарева. Вечеръ провели съ музыкой и танцами и закончили его ужиномъ. Молодежь много веселилась и только въ 3 часа утра всѣ разошлись. Старикъ полковникъ Де-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вель всегда очень любилъ и уважалъ мою жену еще дѣвицею и, въ честь насъ, на другой день свадьбы устроилъ балъ въ своемъ загородномъ домѣ за Минскимъ форштадтомъ.

Подъ конецъ турецкой кампаніи между войсками русской арміи развилась сильнѣйшая чума. Генералъ-фельдмаршалъ Дибичъ положилъ непремѣнно послать кого либо изъ генераловъ подробно осмотрѣть всѣ чумные лазареты и госпитали. Онъ предлагалъ уже двумъ генераламъ эту командировку, но оба подъ разными предлогами успѣли отказаться. Тогда корпусный командиръ генералъ Ротъ посовѣтовалъ фельдмаршалу послать генерала Жерве,—тотъ не откажется. Фельдмаршалъ и предложилъ Карлу Леонтьевичу съѣздить въ Сизополь, главный притонъ чумы и средоточіе госпиталей. Карлъ Леонтьевичъ, имѣя правиломъ никогда не отказываться отъ какихъ бы то ни было порученій по службѣ, принялъ предложеніе и готовился въ дорогу. Онъ тогда жилъ вмѣстѣ съ генераломъ Капелемъ, командиромъ саперной бригады. Такъ какъ Карлъ Леонтьевичъ ѣхалъ почти на вѣрную смерть, то написалъ женѣ своей Лизаветѣ Алексѣевнѣ письмо, приготовляя ее къ тому, что онъ скоро умретъ, сдѣлалъ всѣ распоряженія по своимъ дѣламъ, относительно семейства и дѣтей. Письмо было написано въ страшномъ состояніи духа, и онъ просилъ генерала Капеля отправить это письмо къ женѣ своей, а самъ пустился въ дорогу, взявъ съ собою одного только молодого офицера Малѣева, который впослѣдствіи былъ у него бригаднымъ адъютантомъ. Онъ нашелъ лазареты и госпитали въ отвратительномъ безпорядкѣ. Чумные лежали скученными вмѣстѣ съ другими больными, подлѣ живого лежало тѣло умершаго чумнаго безъ малѣйшаго присмотра; нельзя было нигдѣ отыскать ни смотрителей, ни доктора, ни даже фельдшера. Смотрителя выводили огромные счета, а на мѣстѣ никого не было. Карлъ Леонтьевичъ ходилъ по всѣмъ лазаретамъ и госпиталямъ безъ всякой предосторожности, но не допускалъ ни за что Малѣева слѣдовать за собою, говоря, что молодому человѣку надо еще жить. Но Богъ помиловалъ Карла Леонтьевича, и онъ возвратился живъ и здоровъ. Согласно данному ему лично фельдмаршаломъ приказанію, онъ доложилъ, въ какомъ видѣ нашелъ госпитали и лазареты, присовокупивъ, что слѣдуетъ употребить самыя энергическія и скорыя мѣры, чтобы уничтожить существующія злоупотребленія и страшныя упущенія, а не то никто тамъ отъ чумы не спасется. Фельдмаршалъ очень благодарилъ Карла Леонтьевича, но страшно разсердился, узнавъ все это, тотчасъ же послалъ за Ротомъ, разбранилъ его за всѣ найденные безпорядки и приказалъ принять строжайшія мѣры, чтобы тотчасъ же все привести въ надлежащій порядокъ. Приказанія фельдмаршала были исполнены, дѣло поправили, но Карлъ Леонтьевичъ нажилъ въ лицѣ Рота непримиримаго врага. Ротъ ему выговаривалъ, почему онъ прежде не при-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шелъ къ нему, а прямо доложилъ фельдмаршалу обо всемъ, что онъ нашелъ. Карлъ Леонтьевичъ отвѣтилъ, что сдѣлалъ это потому, что хотя бы онъ и передалъ Роту прежде все, что видѣлъ,— все-таки передъ фельдмаршаломъ не солгалъ бы и сказалъ бы всю правду, какъ она есть. Къ несчастью Карла Леонтьевича, онъ былъ назначенъ командиромъ бригады въ корпусъ Рота. Тотъ его послалъ послѣ кампаніи въ Севастополь, а туда прибыли съ Кавказа полки, обмундированные изъ рукъ вонъ дурно, не знавшіе фронтовой части, такъ что Карлъ Леонтьевичъ ахнулъ, увидя этотъ сбродъ. А Ротъ тотчасъ же назначилъ смотръ этой бригадѣ. Тогда Карлъ Леонтьевичъ сказался больнымъ и предоставилъ старшему полковому командиру представить бригаду.

У Карла Леонтьевича была еще большая непріятность съ севастопольскимъ комендантомъ полковникомъ Печковскимъ. Однажды, въ воскресенье, онъ дѣлаетъ разводъ. Въ это время подъѣзжаетъ комендантъ, останавливаетъ разводъ и говоритъ Карлу Леонтьевичу, что онъ не имѣетъ права дѣлать разводъ безъ него, коменданта. Тутъ завязался споръ передъ фронтомъ, но Карлъ Леонтьевичъ докончилъ разводъ и, какъ ни былъ всегда тихъ и скроменъ, донесъ однако рапортомъ по командѣ о поступкѣ коменданта. Того смѣнили, посадили на 3 мѣсяца на гауптвахту и потомъ назначили комендантомъ на Кавказъ, въ Шемаху.

Между тѣмъ Ротъ поѣхалъ въ Петербургъ и, будучи у государя за обѣдомъ, началъ чернить Карла Леонтьевича ужасно. Но покойный государь вспомнилъ, что онъ командовалъ бригадой въ отрядѣ въ Бобруйскѣ и былъ всегда на отличномъ счету. Однако Ротъ увѣрялъ государя, что послѣ турецкой кампаніи онъ сдѣлался болѣзненнымъ, желчнымъ и вялымъ. Послѣдствіемъ этого наговора было то, что Карлъ Леонтьевичъ былъ назначенъ комендантомъ въ Тирасполь вмѣсто того, чтобы получить дивизію, на которую имѣлъ всѣ права. Надо же было случиться, что сынъ его Константинъ, тогда уже бывшій камеръ-пажомъ, находился при столѣ во время клеветы Рота и слышалъ весь разговоръ его съ государемъ. Онъ послѣ разсказывалъ, что едва съ ногъ не свалился, зная всю несправедливость наговора на его отца. Вотъ почему и вся продѣлка Рота сдѣлалась извѣстною [1]).

---

[1]) Въ доказательство справедливости словъ дѣда объ отличной службѣ Карла Леонтьевича Жерве, позволю себѣ сослаться на послужной списокъ послѣдняго. Страницы его даютъ длинный списокъ походовъ и сраженій, въ которыхъ участвовалъ К. Л. Онъ былъ въ кампаніяхъ 1806—1809, 1810—1813, 1828—1829 гг. и личнымъ участникомъ болѣе чѣмъ 25 сраженій. Не перечисляю всѣхъ сраженій, упомяну лишь пункты важнѣйшихъ изъ нихъ: Прейсишъ-Эйлау, Фридландъ, Шумла и Рущукъ, переправа французовъ черезъ Березину, Данцигъ, Варна и др. За отличіе въ сраженіи 7 и 8 октября 1812 г. при р. Ушачѣ К. Л. переведенъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ. «За отличіе оказанное при покореніи крѣпости Кистенжи и въ дѣлахъ, оному предшествовавшихъ, получилъ Именное Высочайшее

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ 1830-мъ году вспыхнулъ польскій мятежъ. Бобруйскъ приказано было привести въ оборонительное положеніе, вооружить артиллеріей. Закипѣла работа. Мы проработали всѣ праздники Рождества по колѣна въ снѣгу. Крѣпость была объявлена на военномъ положеніи; съ сумерекъ всѣ крѣпостныя ворота запирались, безъ пароля и лозунга никого не пропускали. Къ намъ то и дѣло привозили плѣнныхъ, многихъ безъ означенія именъ и фамилій, подъ номерами; привезли какого-то епископа въ каретѣ съ конвоемъ изъ 18 человѣкъ казаковъ. Вскорѣ у насъ набралось до 500 штабъ и оберъ-офицеровъ и 3.000 человѣкъ нижнихъ чиновъ польскихъ плѣнныхъ. Довольствовать ихъ пищею и одеждою было очень трудно, такъ какъ у насъ находилось уже 2.000 человѣкъ плѣнныхъ турокъ. Войска же въ крѣпости было очень мало: всего 5 армейскихъ резервныхъ батальоновъ и резервный саперный батальонъ, который былъ ненадеженъ потому, что въ немъ большая часть людей состояла изъ уроженцевъ Виленской губерніи. Случалось, что ставятъ часового, когда же приходитъ смѣна, оказывается, что амуниція виситъ въ будкѣ, а часовой бѣжалъ. Много покушеній было со стороны поляковъ къ бѣгству. Такъ, одному капитану Таубе удалось бѣжать съ гауптвахты; въ погоню за нимъ по всѣмъ дорогамъ послали жандармовъ, на Глусской дорогѣ его поймали и уже закованнаго привезли въ крѣпость. Распространились слухи, что даже въ

благоволеніе, объявленное въ Высочайшемъ приказѣ 5 іюня (1828 г.)»... «За отличіе по прекращенію существовавшей въ г. Сизополѣ заразы, Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Анны 2-ой степени, императорскою короною украшеннымъ 1830 г. августа 22». Кромѣ другихъ наградъ, К. Л. удостоился получить 8 разъ Именное Высочайшее благоволеніе и два раза—«въ числѣ прочихъ». Въ гражданской службѣ, въ которой, быть можетъ, онъ надѣялся найти больше счастья, чѣмъ въ военной, К. Л. также имѣлъ случай обратить на себя вниманіе, когда занималъ должность начальника Гродненскаго таможеннаго округа: «Высочайшимъ рескриптомъ, на имя г. министра внутреннихъ дѣлъ послѣдовавшимъ, объявлена признательность и совершенное Всемилостивѣйшее благоволеніе за своевременное окончаніе 5-го рекрутскаго набора».—К. Л. скончался 18 февраля 1852 года.

Сынъ его, Константинъ Карловичъ Жерве, о которомъ упоминается въ интересномъ разсказѣ дѣда, блестяще окончилъ курсъ въ Пажескомъ корпусѣ въ 1836 году. Въ этомъ году, какъ фельдфебель и первый ученикъ, онъ былъ записанъ на мраморную доску, но, за недостиженіемъ 18-ти лѣтняго возраста, отставленъ отъ производства въ офицеры. По Высочайшему повелѣнію, К. К. былъ награжденъ золотымъ шеврономъ и на особыхъ льготныхъ условіяхъ оставленъ на 1 годъ въ корпусѣ. Въ слѣдующемъ (1837 году) онъ снова записанъ на мраморную доску и выпущенъ л.-гв. въ Измайловскій полкъ. Если не ошибаюсь, въ томъ же году онъ поступилъ въ академію генеральнаго штаба, откуда былъ зачисленъ въ гвардейскій генеральный штабъ. Къ сожалѣнію, молодая жизнь, а съ нею блестящая карьера человѣка, которому такъ улыбалась судьба, скоро прекратилась: въ чинѣ капитана, кажется, на Кавказѣ, онъ былъ сброшенъ лошадью и при паденіи ударился спиною о камень, послѣ чего вскорѣ скончался въ городѣ Ковно, 3 іюня 1849 года. В. Ж.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

самой крѣпости есть приверженцы возстанія. Надо отдать справедливость, что одинъ только Пушкаревъ въ это время дѣйствовалъ энергически и дѣятельно. Онъ слѣдилъ зорко за поляками внутри крѣпости и по всему околотку, имѣлъ всюду своихъ лазутчиковъ.

Такъ прошла зима. Отношенія нашихъ офицеровъ съ Мочульскимъ принимали болѣе и болѣе непріязненный характеръ. На Святую офицеры всего корпуса пошли къ Мочульскому христосоваться. Онъ долго не выходилъ; мы узнали, что онъ намѣренъ прежде христосоваться съ командою писарей и мастеровыхъ, и дѣйствительно онъ пошелъ къ нимъ. Офицеры разсердились и ушли. Возвратившись въ пустую залу и узнавъ, что офицеры ушли, Мочульскій страшно разсердился, но съ цѣлаго корпуса офицеровъ взять нечего было, а потому онъ придрался ко мнѣ, почему я, какъ дежурный офицеръ, не находился при командѣ. Въ этомъ отчасти онъ былъ правъ и потому отправилъ меня съ окружнымъ адъютантомъ подъ арестъ. Прихожу я къ коменданту. Старикъ взбѣсился, началъ ругать Мочульскаго, прямо объявилъ, что меня на гауптвахту не принимаетъ и тотчасъ донесетъ въ Петербургъ о поступкѣ Мочульскаго. Никакія просьбы мои, ни убѣжденія, что изъ этого можетъ произойти весьма непріятная исторія, которая повредитъ ему и мнѣ,— ничто не помогло. Вышли мы отъ коменданта, адъютантъ Дементьевъ уже повернулъ было къ Мочульскому, но я вернулъ его, и мы пошли къ старику Девелю. Когда ему передали о случившемся, пылкій старикъ также взбѣсился, разразился бранью, но все-таки, по моимъ убѣжденіямъ, предвидя послѣдствія, понялъ, что для старика коменданта можетъ выйти весьма скверная исторія. Онъ пошелъ съ нами, сталъ уговаривать Берга, и мы насилу-насилу уговорили добрѣйшаго старика дать приказаніе плацъ-майору посадить меня на гауптвахту, куда я пожелаю. Я зашелъ къ женѣ. Сначала она встревожилась, но, видя меня совершенно веселымъ, успокоилась, такъ какъ мы уже заранѣе сговорились всѣ сегодняшній день провести у Мерле на заводѣ. Плацъ-майоръ поѣхалъ самъ на гауптвахту на кирпичный заводъ и передалъ караульному офицеру, что у него на гауптвахтѣ будетъ числиться такой-то; но что онъ, плацъ-майоръ, и комендантъ берутъ на себя всю отвѣтственность въ томъ, что офицеръ на гауптвахту не явится, чтобы такъ передавали и офицерамъ, которые поступятъ на смѣну. Мерле, узнавъ о продѣлкѣ Мочульскаго, тотчасъ самъ поѣхалъ къ коменданту и къ Девелю и просилъ ихъ къ себѣ обѣдать. Всѣ пріѣхали, и мы провели у него этотъ день очень весело. Мочульскій же, считая себя глубокимъ дипломатомъ, былъ у моей жены съ визитомъ, но не засталъ ея дома. Чтобы мнѣ не скучно было, Мерле и на другой день пригласилъ кое-кого къ себѣ. На третій день я явился къ Мочульскому, онъ извинился предо мною и сказалъ: «Вы жертва политики». Я разсмѣялся и ушелъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Однако Мочульскому стало неловко въ обществѣ: его нигдѣ, кромѣ какъ по службѣ, не принимали. Чтобы загладить свой поступокъ, онъ приготовилъ большой обѣдъ и письменно всѣхъ пригласилъ къ себѣ къ обѣду, но никто на обѣдъ не пріѣхалъ, и онъ обѣдалъ вдвоемъ съ адъютантомъ. Это его окончательно взбѣсило. Мочульскій сталъ сильно придираться къ Мерле и добился его ареста.

Тогда всѣ офицеры собрались къ нему и предупредили его пресерьезно, что если онъ не уймется, то конецъ будетъ очень плачевный. Когда же Мочульскій сталъ отговариваться и обвинять Мерле, то Мерле подошелъ къ нему и хотя на ухо и вполголоса, но такъ, что близко стоявшіе все могли слышать, разругалъ его послѣдними словами, прибавивъ, что если онъ только пикнетъ, то при всѣхъ разобьетъ ему всю рожу въ кровь. Мочульскій поблѣднѣлъ, какъ полотно, и выбѣжалъ изъ комнаты. Съ этихъ поръ онъ никогда ни одного офицера, въ томъ числѣ и меня, какъ дежурнаго офицера, обязаннаго приходить къ нему ежедневно по утру съ рапортомъ, принималъ не иначе, какъ призвавъ предварительно вѣстового, который долженъ былъ присутствовать во все время аудіенціи: онъ боялся, что его поколотятъ. Между тѣмъ все здѣшнее начальство, въ томъ числѣ и нашъ командиръ команды, старикъ Козьминъ, написали въ Петербургъ весьма нелестные отзывы о Мочульскомъ. Лѣтомъ Мочульскій поѣхалъ въ Кіевъ дѣлать инспекторскій смотръ, но ему показали высочайшій приказъ, которымъ онъ уволенъ отъ службы съ полнымъ пенсіономъ. Это его, какъ громомъ, поразило. Онъ возвратился, забралъ свои вещи и отправился куда-то на югъ. Такъ мы избавились отъ этого господина.

На мѣсто Мочульскаго, командиромъ Кіевскаго инженернаго округа и строителемъ Бобруйской крѣпости назначили инженеръ генералъ-майора Христофора Ѳедоровича Клеменса, добрѣйшаго старика, но мало развитого, плохо понимавшаго строительную часть, находившагося подъ башмакомъ супруги своей, но какъ-то мало чувствовавшаго свою ферулу.

Въ Польшѣ возстаніе приняло обширные размѣры; двинули туда гренадерскій корпусъ и гвардію. Фельдмаршалъ Дибичъ былъ главнокомандующимъ и пилъ горькую чашу, говорили, что въ день онъ выпивалъ по восьми бутылокъ рому. Великій князь цесаревичъ выѣхалъ изъ Варшавы и по дорогѣ въ Петербургъ захворалъ въ Витебскѣ; здѣсь онъ болѣлъ недѣли двѣ и умеръ. Тѣло его привезли въ Петербургъ и похоронили съ подобающими почестями. Гренадерскій корпусъ, свѣжій, не бывшій въ дѣлахъ съ 1812 года, пустили въ дѣло въ первый разъ, кажется, подъ Остроленкою, и гренадеры такъ остервенились, что ни отбой, ни личныя приказанія великаго князя Михаила Павловича не помогли: они прекратили бой тогда, когда переперебили всѣхъ поляковъ и не осталось съ кѣмъ сражаться.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Великій князь Михаилъ Павловичъ командовалъ тогда гвардейскимъ и гренадерскимъ корпусами. Въ составъ гвардіи входилъ и Гвардейскій Финскій стрѣлковый батальонъ—отличные стрѣлки. Покойный государь Николай I много слышалъ объ отличной стрѣльбѣ этого батальона, захотѣлъ самъ удостовѣриться въ этомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ поощрить стрѣлковъ. Для этого государь приказалъ остановить батальонъ въ Царскомъ Селѣ. Батальонъ былъ въ полномъ составѣ 1.000 человѣкъ. Государь подъѣхалъ къ стрѣлкамъ, поздоровался съ ними и объявилъ, что дастъ каждому, кто попадетъ въ яблоко мишени, по 10 рублей. Началась стрѣльба, и ни одинъ человѣкъ не далъ промаха, всѣ безъ исключенія попали въ яблоко. Государь былъ чрезвычайно доволенъ, смѣясь сказалъ: «Хорошо наказали»,—и приказалъ выдать 10.000 рублей.

Во время польской кампаніи великій князь Михаилъ Павловичъ однажды выѣхалъ на пригорокъ около рѣчки, чтобы осмотрѣть мѣстность и сдѣлать дизлокацію войскамъ. При немъ былъ весь его штабъ. На другой сторонѣ рѣчки, съ высокаго берега ея какой-то польскій офицеръ, сидя на бѣлой лошади, нѣсколько разъ стрѣлялъ въ то мѣсто, гдѣ былъ великій князь, въ толпу окружавшихъ его. Наконецъ, это надоѣло великому князю. Онъ оглянулся и недалеко отъ себя увидѣлъ Финскаго стрѣлковаго батальона капитана Вендта, бывшаго моего товарища, отличнаго стрѣлка. Михаилъ Павловичъ обратился къ нему и сказалъ:

— Вендтъ, нельзя ли угомонить этого нахальнаго поляка?

Вендтъ взялъ ружье и, когда всадникъ подъѣхалъ, такъ что былъ виденъ, прицѣлился, выстрѣлилъ, и всѣ видѣли, какъ въ тотъ же моментъ полякъ свалился съ лошади. Великій князь кивнулъ Вендту и сказалъ:

— Молодецъ!..

Скобелевъ со своей дивизіей также былъ въ дѣйствующей арміи. Не помню, въ какомъ дѣлѣ, когда онъ велъ дивизію, ему оторвало лѣвую руку. Скобелеву сдѣлали ампутацію. Замѣчательно, съ какимъ самоотверженіемъ и съ какою силою воли этотъ почтенный старикъ переносилъ ампутацію; во время самой операціи онъ диктовалъ приказъ по дивизіи, въ которомъ прощался съ нею, такъ какъ ему надо было вернуться въ Россію лѣчиться. Приказъ былъ замѣчательно хорошо написанъ. Въ дивизіи Скобелева служилъ сначала полковымъ командиромъ (тогда я его зналъ въ Бобруйскѣ), а потомъ бригаднымъ генералъ-майоръ фонъ-деръ-Бриггенъ. У него было прекрасное семейство, мы были знакомы. При штурмѣ Варшавы, во главѣ своей бригады, онъ былъ однимъ изъ первыхъ убитъ наповалъ, оставивъ вдову и большое семейство безъ средствъ. Вдовѣ дали хорошій пенсіонъ, благодаря вліянію Скобелева, и самъ онъ всегда поддерживалъ это семейство, сколько могъ. Слышалъ я, что Скобелевъ получалъ какой-то пожизненный пенсіонъ, данный

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ему въ прежнія времена, и будто онъ отдавалъ этотъ пенсіонъ сполна генеральшѣ Бриггенъ; насколько это справедливо, не знаю.

Наконецъ Варшаву взяли, поляковъ усмирили, войска возвращались домой. Началась разборка, и конфисковали огромное количество имѣній тѣхъ лицъ, которыя бѣжали за границу. Покойный императоръ Николай I щедрою рукою раздавалъ почти всѣмъ начальствующимъ лицамъ и даже нѣкоторымъ полковымъ командирамъ майораты. Генералъ Денъ, который командовалъ раньше въ Бобруйскѣ сапернымъ баталіономъ и провелъ все время въ Польской кампаніи, былъ назначенъ начальникомъ инженеровъ царства Польскаго.

Чтобы нѣсколько обрисовать характеръ Дена, я разскажу всѣмъ извѣстный въ Бобруйскѣ случай, бывшій тамъ еще до моего пріѣзда. Когда государь Николай I до вступленія на престолъ былъ генералъ-инспекторомъ по инженерной части, онъ пріѣхалъ однажды въ Бобруйскъ, сдѣлалъ смотръ саперной бригадѣ, остался очень недоволенъ ею, разсердился и посадилъ на гауптвахту всѣхъ трехъ батальонныхъ командировъ: Дена, Гебенера и Руперта, при чемъ Дену приказалъ прибыть къ нему съ гауптвахты въ 3 часа послѣ обѣда. Денъ пріѣхалъ и говоритъ человѣку великаго князя:

— Доложи его высочеству, что полковникъ Денъ пріѣхалъ.

Тотъ возражаетъ, что его высочество отдыхаетъ, и онъ не можетъ доложить.

На это Денъ ему отвѣчаетъ:

— Не твое дѣло разсуждать. А я, полковникъ Денъ, приказываю тебѣ доложить его высочеству, что я пріѣхалъ.

— Много такихъ полковниковъ,—отвѣтилъ человѣкъ.

— Ахъ, ты мерзавецъ!—воскликнулъ Денъ, схватилъ его за шиворотъ и вытащилъ на дворъ. (Великій князь останавливался въ деревянномъ домѣ коменданта). Тамъ какъ разъ случились ординарцы его батальона. Онъ приказалъ придержать человѣка и велѣлъ ординарцу дать ему 25 ударовъ тесакомъ. По экзекуціи, Денъ сказалъ человѣку:

— Теперь иди, доложи.

Тотъ избитый, весь въ слезахъ, побѣжалъ къ великому князю. Минутъ черезъ пять великій князь вышелъ, поговорилъ съ Деномъ по службѣ, но о человѣкѣ не сказалъ ни слова.

Когда въ 1832 году государь былъ у насъ въ Бобруйскѣ, то чрезвычайно остался доволенъ работами подполковника Дзичканца [1]) по третьему полигону и на мѣстѣ произвелъ его въ слѣдующій чинъ. Вслѣдствіе польскаго мятежа нужно было принять болѣе строгія мѣры, и Кіевъ казался государю довольно важнымъ пунктомъ, который положено было укрѣпить. Для производства работъ

[1]) Іосифъ Гедеоновичъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и проектовъ государь самъ назначилъ Дзичканца командиромъ Кіевской инженерной команды. Когда государь въ 1834 году былъ проѣздомъ въ Кіевѣ, то начатыми работами остался чрезвычайно доволенъ, отличалъ Дзичканца на всякомъ шагу и постоянно приглашалъ его къ себѣ къ обѣду. Генералъ-адъютантъ Фельдманъ испугался особаго расположенія государя къ Дзичканцу и, управляя тогда инженернымъ департаментомъ, придумывалъ разныя средства, какъ бы повредить Дзичканцу во мнѣніи государя,—и вотъ что наконецъ придумалъ.

У него былъ племянникъ, инженерный поручикъ Кесслеръ. Онъ послалъ его въ Кіевъ и далъ ему наставленіе, какъ дѣйствовать, чтобы на какой нибудь незаконности поймать Дзичканца. Дзичканецъ былъ увѣренъ, что работы, назначенныя на слѣдующее лѣто и указанныя самимъ государемъ, будутъ утверждены и, дабы къ открытію работъ поставка матеріаловъ не задержала возможно ранняго ихъ производства, разрѣшилъ подрядчикамъ ставить матеріалъ для неразрѣшенныхъ еще работъ будущаго года; нѣкоторымъ изъ нихъ на это онъ выдалъ даже квитанціи и небольшія суммы денегъ. Положимъ, что по строгому смыслу закона нельзя допускать поставку матеріаловъ для работъ, которыя еще не получили полнаго утвержденія и не разрѣшены къ производству, но такъ какъ это дѣлалось въ виду выигрыша времени и для успѣшности работъ, то въ этомъ особаго вреда не могло быть. Кесслеръ, выслѣдивъ всѣ дѣйствія Дзичканца, сдѣлалъ доносъ о незаконныхъ дѣйствіяхъ его въ такомъ видѣ, будто это дѣлалось для выгодъ подрядчиковъ и въ стачкѣ съ ними. Доносъ этотъ Кесслеръ отправилъ не въ инженерный департаментъ, а чрезъ жандармскаго штабъ-офицера въ III Отдѣленіе, которое и обязано было довести обо всемъ до свѣдѣнія государя. Государю это было очень непріятно, но, дѣлать было нечего, онъ приказалъ произвести слѣдствіе. У Дзичканца въ Петербургѣ было много друзей; они ему и дали тайкомъ знать о доносѣ и о предположенномъ слѣдствіи. Такъ какъ офицеры и подрядчики очень любили Дзичканца за его аккуратность и честность, то онъ, получивъ это извѣстіе, собралъ тѣхъ и другихъ,—и всѣ выданныя квитанціи были тотчасъ уничтожены, деньги возвращены и весь поставленный матеріалъ свезенъ съ дистанціи чутъ ли не въ одну ночь. Слѣдствіе прибыло и ничего не нашло. Дзичканца совершенно оправдали, но то, чего желалъ Фельдманъ, достигнуть удалось: Дзичканецъ, какъ бывшій подъ слѣдствіемъ, не получилъ званія флигель-адъютанта, котораго ожидалъ. Кесслера же за фальшивый доносъ сослали на Кавказъ.

Фельдманъ былъ выпущенъ поручикомъ изъ главнаго инженернаго училища и посланъ на казенный счетъ за границу для объѣзда крѣпостей и усовершенствованія въ инженерной наукѣ. Онъ былъ вообще добрый старикъ, но мало сдѣлалъ пользы инже-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нерному корпусу. Уже въ чинѣ подполковника онъ былъ командиромъ ревельской инженерной команды. Когда великій князь Николай Павловичъ женился въ Берлинѣ, то молодая супруга его дала себѣ зарокъ употребить всѣ силы, чтобы вліяніемъ своимъ составить счастіе первому русскому офицеру, котораго она встрѣтитъ, вступая на Русскую землю, и который заговоритъ съ нею при этомъ на ея родномъ нѣмецкомъ языкѣ. Великая княгиня Александра Ѳеодоровна изъ Пруссіи прибыла въ Россію на пароходѣ и вышла на берегъ въ Ревелѣ. Тутъ, въ числѣ прочихъ, встрѣтилъ ее и Фельдманъ, который заговорилъ съ нею на чистомъ нѣмецкомъ языкѣ. Вотъ что было причиною того, что, по протекціи великой княгини, Фельдманъ сдѣланъ былъ флигель-адъютантомъ.

Когда, въ 1832 году, государь посѣтилъ Бобруйскъ, у меня были огромныя работы по засыпкѣ рѣки Бобруйки, провода канала со шлюзами около укрѣпленія «Фридрихъ-Вильгельмъ», по устройству эспланады и проч., а вмѣстѣ съ тѣмъ я былъ и дежурнымъ по командѣ офицеромъ. У меня работали на дистанціи люди изъ двухъ дивизій. Два штабъ-офицера и нѣсколько офицеровъ дежурили съ людьми. Работали 2.000 плѣнныхъ турокъ, 2 арестантскія роты, около 3.000 вольнонаемныхъ мастеровыхъ и 800 подводъ, такъ что всѣхъ рабочихъ было около 11.000. Государь, осматривая работы по укрѣпленію «Фридрихъ-Вильгельмъ», много ходилъ и спускался по лѣстницамъ и валгангамъ. Старикъ Оппермань усталъ, и ему сдѣлалось дурно. Его посадили на кресло, принесли кусокъ чернаго хлѣба съ солью, воды,—оправился старичекъ, и тутъ государь поздравилъ его съ титуломъ графа и далъ въ аренду на 50 лѣтъ огромное имѣніе въ 50-ти верстахъ около Бобруйска. А тому, у кого на дистанціи возвели Оппермана въ графское достоинство, по представленію любезнаго начальства, дали 125 рублей ассигнаціями въ награду. Вотъ какъ тогда награждали!

За нѣсколько времени до пріѣзда государя, когда люди къ обѣденному времени сходили съ работы, бѣжали четыре арестанта изъ числа работавшихъ у меня на дистанціи. Видно было, какъ они бѣжали по эспланадѣ берега къ Березинѣ, чтобы, вѣроятно, переплыть ее и укрыться въ лѣсу на противоположномъ берегу. Арестанты были въ сборѣ. Я тотчасъ же послалъ всѣхъ конвойныхъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ въ погоню за бѣжавшими и приказалъ хоть стрѣлять по нимъ, но возвратить живыми или мертвыми. Только тогда замѣтилъ я, что остался одинъ съ двумя ротами арестантовъ, которые могли бы меня убить весьма легко и разбѣжаться. Изъ четырехъ бѣжавшихъ одного убили на мѣстѣ, трехъ другихъ ранили значительно, и черезъ часъ времени всѣ возвратились назадъ. Признаюсь откровенно, я былъ крайне доволенъ, когда всѣ вернулись, хотя въ этомъ довольно непріятномъ положеніи не подавалъ ни малѣйшаго вида опасенія, а стоялъ смѣло и поддержи-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

валъ охотниковъ крикомъ и знаками. Усердно перекрестился я, когда вся эта процедура кончилась.

Почти въ это же время былъ со мной другой случай. Устраивался новый деревянный заборъ на довольно большой пустынной площади противъ казенной кузницы. Наверху, на не очень высокихъ подмосткахъ, работалъ плотникъ-арестантъ и ставилъ обшивку около забориаго столба криво. Я велѣлъ обшивку отодрать и показалъ потомъ, какъ надо дѣлать. Спросилъ:

— Понялъ?

— Понялъ, ваше благородіе,—отвѣтилъ мнѣ плотникъ.

Послѣ обѣда, обходя работу, подхожу къ этому же плотнику и вижу, что онъ опять такъ же криво прибиваетъ обшивку. Тутъ я уже выругалъ его порядкомъ, опять приказалъ отодрать обшивку и передѣлать. Возвращаясь уже подъ вечеръ назадъ, иду мимо работы, а плотникъ попрежнему криво прибиваетъ обшивку и прехладнокровно продолжаетъ свою работу, видя, что я подхожу. Здѣсь уже замѣтно было явное и намѣренное непослушаніе; меня это взбѣсило, и я приказалъ унтеръ-офицеру стащить его съ подмостковъ. Пока, однако, унтеръ-офицеръ успѣлъ подойти къ нему, онъ со всего розмаха пустилъ въ меня топоромъ. Къ счастью, я замѣтилъ его движеніе, нагнулся и топоръ, зазвенѣвъ, впился въ заборъ. Если бы я не нагнулся, онъ на мѣстѣ убилъ бы меня. Голубчика схватили. Какъ разъ тутъ случился и плацъ-майоръ. На всѣ спросы арестантъ не отвѣчалъ ничего. Дѣло же сейчасъ рѣшили: какъ только люди собрались съ работы, его сію же минуту пропустили черезъ 2.000 человѣкъ сквозь строй. Удивляюсь, какъ онъ выдержалъ это наказаніе: никто такъ жестоко не наказываетъ, какъ арестанты своего брата. Вскорѣ его отправили въ каторжную работу въ рудники.

Въ томъ же 1832 году государь, пріѣхавъ къ намъ, смотрѣлъ арестантскія роты, остался чрезвычайно доволенъ всѣми распоряженіями плацъ-майора Пушкарева, произвелъ его на мѣстѣ въ подполковники и далъ ему Владиміра 4-й степени. Но, кажется, сверхъ того, и другое обстоятельство много повліяло на удовольствіе государя. Во время польской кампаніи въ окрестностяхъ Бобруйска было очень неспокойно. Поляки шайками пробирались до самаго Минска и были даже ближе къ Бобруйску, верстахъ въ 80-ти, грабили, жгли, и только страхъ сильной крѣпости Бобруйска, можетъ быть, удержалъ всю страну эту если не отъ возстанія, то, по крайней мѣрѣ, отъ тревожныхъ безпорядковъ. Поляки распространяли свои сѣти въ самую крѣпость Бобруйскъ; были агенты, которые имѣли сношенія съ повстанцами. Пушкаревъ не зѣвалъ: также разсылалъ разныхъ личностей въ окрестности и энергично дѣйствовалъ черезъ жидовъ, которые ему были очень преданы изъ-за выгодъ въ разныхъ поставкахъ для арестантскихъ ротъ и въ другихъ коммерче-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скихъ оборотахъ. Онъ положительно узналъ, что нѣкоторыя личности замѣшаны въ заговорѣ, и просилъ коменданта Берга, генерала Клеменса, но тѣ никакъ не рѣшались помогать ему. Пушкаревъ рѣшился, наконецъ, дѣйствовать самостоятельно, принимая всѣ послѣдствія на свою отвѣтственность. Онъ арестовалъ городничаго капитана Кобылинскаго, начальника уѣзднаго училища Кукеля и помѣщика Жабу, проживавшаго въ городѣ на форштадтѣ. Этого послѣдняго арестовали въ костелѣ, когда онъ лежалъ распростертый на полу и молился. Всѣхъ за преступныя сношенія съ поляками Пушкаревъ посадилъ въ казематы и прямо отъ себя донесъ въ Петербургъ. Для суда надъ ними ихъ увезли, но куда—неизвѣстно. Кобылинскаго спасла его сестра, вдова генерала Нагеля; его исключили изъ службы. Жабу сначала сослали въ Сибирь, какъ и многихъ другихъ, но потомъ онъ былъ солдатомъ. Изъ осмотрѣнныхъ тогда арестантовъ государь многихъ освободилъ, въ томъ числѣ и декабристовъ Норова и Дивова. Послѣдняго отправили на Кавказъ, Бодиско—въ Польшу. Бодиско посчастливилось выслужиться: онъ былъ произведенъ въ офицеры и получилъ Анну 3-й степени, потомъ вышелъ въ отставку и жилъ у себя въ имѣніи. Норовъ умеръ на Кавказѣ, а Дивовъ, кажется, былъ убитъ.

Въ 1833 году, государь, опять будучи въ Бобруйскѣ, очень заинтересовался моими обширными работами. Я устраивалъ эспланаду между крѣпостью и укрѣпленіемъ «Фридрихъ-Вильгельмъ», прорывалъ каналъ со шлюзами и проч. Онъ пріѣзжалъ на мою дистанцію очень часто, а иногда въ совершенно неурочное время. Такъ, государь разъ пріѣхалъ на мои работы около 9 часовъ вечера, вдвоемъ съ прусскимъ генераломъ Редереромъ. Я встрѣтилъ государя. Онъ спросилъ меня:

— Отчего люди работаютъ такъ поздно?

— Это, ваше величество, плѣнные турки,—отвѣтилъ я.—Они съ десятаго часа утра уходятъ съ работы, просили, чтобы ихъ не заставляли работать въ жаръ, и приходятъ вновь на работу уже около пяти часовъ.

— А уроки вырабатываютъ?—спросилъ государь.

— Вырабатываютъ, ваше величество.

Государь подошелъ къ туркамъ. Они собрались около него большою толпою, въ нѣсколько рядовъ, и не могли надивиться, что государь и я въ одинаковой одеждѣ (мы оба были въ сюртукахъ), и насъ различаютъ только эполеты. Всѣ дотрогивались до моего сюртука и говорили: «Султанъ, султанъ» и «паша»,—пашой они называли меня. Изъ рядовъ вышелъ одинъ турокъ и, показывая на плечо, сказалъ порусски: «Султанъ, больно». Государь приказалъ обнажить плечо, оно оказалось красноватымъ; приказалъ открыть другое—оказалось здоровымъ. Государь показалъ турку, чтобы онъ положилъ мѣшокъ на здоровое плечо, и сказалъ ему: «гайда!» Турки всѣ разсмѣялись и долго-долго не умолкали.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Государь съ Редереромъ пошелъ на возвышенное мѣсто около укрѣпленія и началъ понѣмецки объяснять Редереру переправу французовъ черезъ Березину въ 1812 году. Государь сказалъ что-то смѣшное, и я разсмѣялся, хотя тихо; но государь оглянулся и сказалъ Редереру: «Ich habe ganz vergessen dass dieser Offizier besser deutsch spricht, als ich; das ist ihr wahrer Bruder» [1]). Съ тѣхъ поръ, гдѣ бы я ни повстрѣчалъ генерала Редерера, онъ тотчасъ протягивалъ мнѣ руку: «Ah, Herr Bruder!» и начиналъ говорить со мною понѣмецки. Въ этотъ пріѣздъ государь пожаловалъ Пушкареву Анну на шею.

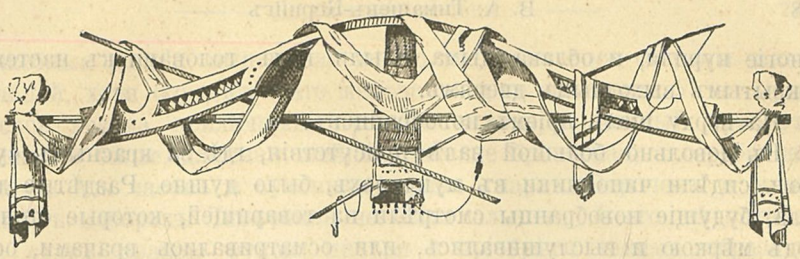
Въ томъ же году, лѣтомъ, нашъ добрѣйшій комендантъ К. К. Бергъ сильно заболѣлъ. Во время болѣзни онъ жилъ постоянно въ своемъ загородномъ домѣ на Минскомъ форштадтѣ. Онъ не перенесъ болѣзни и умеръ. Надо было видѣть общую печаль, которую выразили всѣ сословія города. Такъ какъ нѣмецкаго пастора въ Бобруйскѣ не было, а самъ старикъ и все его семейство совершенно обрусѣли и въ душѣ были русскіе, то, по общему желанію, рѣшено было похоронить его по русскому обряду. Священники служили панихиды, въ день похоронъ его вывезли съ дачи въ православную крѣпостную церковь, народъ выпрягъ лошадей изъ печальной колесницы, самъ впрягся и везъ колесницу до самой церкви на себѣ; огромное количество евреевъ, и даже изъ болѣе значительныхъ, впряглись и везли наравнѣ съ другими. Въ церкви поставили гробъ на приготовленный катафалкъ, отпѣли какъ слѣдуетъ и потомъ вновь съ полною почестью отвезли, также опять народомъ, на кладбище и похоронили.

Викторъ Жерве.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

[1]) «Я совсѣмъ забылъ, что этотъ офицеръ говоритъ понѣмецки лучше меня; это вашъ настоящій братъ».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ



ДЕРЕВЕНСКІЕ ДѢЛЬЦЫ.

(Изъ воспоминаній земскаго начальника).

I.

Радѣтель.

На ПЛОЩАДИ маленькаго уѣзднаго городка средней Россіи было людно. Группы мужиковъ стояли, разговаривая между собою. Но разговоръ ихъ не былъ оживленъ. Они скучливо перебрасывались отрывочными фразами, поглядывая на окна большаго казеннаго дома, выкрашеннаго въ свѣтло-желтый цвѣтъ. Другія группы ютились на крыльцѣ этого дома, гдѣ помѣщалось воинское присутствіе. Между мужиками толклись «партикулярные» люди въ пиджакахъ и пальто, съ панталонами поверхъ сапогъ.

На площади отдѣльно отъ мужиковъ стояли бабы старыя и молодыя, дѣвки и молодые ребята. Здѣсь было больше движенія, говоръ былъ оживленнѣе, шумнѣе. Въ иныхъ группахъ бабъ даже слышался тотъ напряженный визгъ женскихъ голосовъ, который всегда сопровождаетъ бесѣду деревенскихъ бабъ, гдѣ либо встрѣтившихся и говорящихъ разомъ, въ нѣсколько голосовъ.

На крутой неопрятной лѣстницѣ, ведущей во второй этажъ казеннаго дома, почти сплошь стояли молодые люди призывнаго возроста. Здѣсь было тихо. Не только не было слышно крика, но даже громкаго разговора. Лишь изрѣдка доносился чей нибудь шепотъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Многіе курили, и облака дыма плыли надъ головами къ настежь открытымъ выходнымъ дверямъ.

На верху шелъ пріемъ новобранцевъ.

Въ довольно большой залѣ присутствія, гдѣ за краснымъ сукномъ сидѣли чиновники въ мундирахъ, было душно. Раздѣтые догола, будущіе новобранцы смотрѣли на товарищей, которые стояли подъ мѣркою и выслушивались, или осматривались врачами, особенно напряженно ожидая рѣшающаго «годенъ» или «негоденъ». Въ углу стояли старшины тѣхъ волостей, коихъ новобранцы ставились. Позади ихъ, вытянувъ шею и внимательно слѣдя за всѣмъ, что дѣлалось, стоялъ одинъ изъ «партикулярныхъ» [1]), землевладѣлецъ новой формаціи, господинъ Лисичкинъ. Онъ носилъ длинные сѣдые волосы, закинутыми назадъ, отчего большой покатый лобъ его казался еще больше. Длинный, прямой носъ на худомъ бритомъ лицѣ, маленькіе, сѣрые, постоянно бѣгавшіе подъ густыми бровями, глаза, довольно острый и выступающій впередъ подбородокъ, придавали Лисичкину сходство съ Францемъ Листомъ. На немъ была короткая сѣренькаго трико поддевка и высокіе, поверхъ панталонъ, сапоги.

Въ послѣдній дореформенный годъ, Ванька Лисичкинъ, нынѣ Иванъ Ѳедоровичъ, такъ же, какъ и сверстники его, бѣгалъ по улицѣ родного села, шлепая по пыли и по грязи босыми ногами, такъ же, какъ они, пахалъ землю, косилъ траву и работалъ въ домѣ своего отца, крутого, но дѣльнаго старика.

Село, гдѣ жилъ Ванька Лисичкинъ, было большое, торговое: въ немъ находились двѣ церкви, два или три мучныхъ лабаза и нѣсколько «царевыхъ» кабаковъ. Была и школа; учитель попался въ село не пьяный, толковый и весьма усердный, поэтому и учениковъ было много, и свѣдѣнія, выносимыя ими изъ училища, были не показныя, а довольно основательныя.

Ванька Лисичкинъ, обладавшій прекрасными способностями, кончилъ курсъ въ сельскомъ училищѣ блестяще, и, когда наступила реформа, за смышленость, хорошій почеркъ и бойкое чтеніе попалъ въ помощники волостнаго писаря, который становился старъ и плохо сталъ видѣть. Съ этой поры Ванька пересталъ быть Ванькой и сталъ Иваномъ. Нѣкоторые уже звали Лисичкина Иваномъ Ѳедоровичемъ, хотя волостное начальство продолжало именовать его просто Иваномъ, несмотря на триковый пиджакъ и серебряные часы съ бронзовой цѣпочкой, которые Иванъ скоро успѣлъ пріобрѣсти на получаемые невинные доходы.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Лисичкинъ продолжалъ усердно заниматься дѣлопроизводствомъ въ волостномъ правленіи, пріобрѣтая

---

[1]) «Партикулярными» или «вольными» крестьяне называютъ всякаго, носящаго некрестьянское и невоенное платье.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

служебныя знанія, выигрывая въ то же время и со стороны матеріальной, хотя опредѣленнаго жалованья и не получалъ. У него уже завелся весьма приличный, пузатый самоваръ, чайный приборъ, новенькое бѣлье, длинная шейная, уже не бронзовая, а серебряная цѣпочка для часовъ и суконная черная «пара». Впрочемъ о незаконныхъ поборахъ Лисичкина не было слышно. Всего вѣроятнѣе, что, ставъ правою рукою писаря и пріобрѣтя такимъ образомъ извѣстное вліяніе на старшину и дѣла волости, Лисичкинъ не брезговалъ добровольными даяніями, то-есть тѣмъ, что въ настоящее время носитъ скромное названіе «благодарности». Съ другой стороны все шире и шире расходилась въ народѣ слава о немъ, какъ о «ловкачѣ» въ дѣлахъ тяжебныхъ, и на самомъ дѣлѣ выходило почти всегда такъ, что тѣ дѣла, по которымъ Лисичкинъ давалъ совѣты, оканчивались къ удовольствію его довѣрителей. Такіе результаты имѣли свои послѣдствія. Все болѣе закрѣпляя за собою репутацію ловкаго дѣльца, Лисичкинъ въ то же время самъ увѣровалъ въ свой умъ и служебную опытность; соразмѣрно съ этимъ онъ сталъ «много о себѣ понимать» и, какъ выражались мужики, «загордѣлъ» не только въ отношеніяхъ своихъ къ простому народу, но и съ волостнымъ начальствомъ, не встрѣчая ни отъ кого хоть сколько нибудь вѣскаго отпора...

Послѣ 19 февраля, когда съ сокрушеніемъ старыхъ устоевъ послѣдовало и преобразованіе волостей, слѣпой писарь былъ уволенъ, а на мѣсто его опредѣленъ Лисичкинъ, который сумѣлъ заслужить милостивое расположеніе и новаго старшины и посредника.

Ставъ прочно на служебной почвѣ, Лисичкинъ еще выше поднялъ голову и сдѣлался смѣлѣе въ дѣлѣ совѣтовъ, подаваемыхъ своимъ кліентамъ. Онъ такъ ловко умѣлъ направлять дѣла, что не проходило дня безъ посѣщенія кліентовъ. Но теперь уже Иванъ Ѳедоровичъ мало стѣснялся и сталъ брать «за совѣты» по опредѣленной таксѣ. Случалось, что онъ одновременно направлялъ и истца и отвѣтчика, и обвинителя и обвиняемаго, беря съ обоихъ за «труды», и затѣмъ улаживалъ дѣло такъ (если оно рѣшалось въ томъ судѣ, гдѣ Иванъ Ѳедоровичъ состоялъ дѣлопроизводителемъ), что гражданскій отвѣтъ или уголовное обвиненіе кончались ничѣмъ. Въ случаяхъ обжалованія, Лисичкину стоило только поѣхать въ городъ и зайти къ своему куму и пріятелю, секретарю уѣзднаго присутствія, и дѣло всегда налаживалось такъ, какъ этого хотѣлъ Иванъ Ѳедоровичъ. Забравъ такимъ образомъ силу, Лисичкинъ совсѣмъ обнаглѣлъ и, отбросивъ всякія церемоніи и личину безсребренника, не только сталъ брать весьма солидные куши за то, чтобы «провести дѣла» по инстанціямъ, но началъ изобрѣтать такія «штуки», которыя прямо могли бы показаться невѣроятными, если бы доказательства не были на лицо. Такъ достовѣрно извѣстно, что въ бытность свою писаремъ Иванъ Ѳедоровичъ созвалъ сельскихъ старостъ и объявилъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

по волости, что вышелъ указъ, чтобы къ предстоящему рекрутскому набору готовили ставить въ казаки деревенскихъ дѣвокъ. Какъ ни мало вѣроятно было объявленное распоряженіе, но народъ повѣрилъ ему [1]). По деревнямъ пошелъ вопль и плачъ. Громче всѣхъ, конечно, выли дѣвки, а за ними и бабы, стали служить молебны, подымать иконы. Мужики образумились довольно скоро и, полагая, что нѣтъ того положенія, отъ котораго нельзя было бы откупиться, прямо взяли «быка за рога» и просили «его милость» Ивана Ѳедоровича не оставить ихъ совѣтомъ: нельзя ли де откупить дѣвокъ отъ «казачества» помощью рекрутскихъ квитанцій, такъ какъ эти послѣднія тогда были узаконены и имѣлись въ достаточномъ количествѣ. Этого и было нужно Ивану Ѳедоровичу. Онъ устроилъ такъ, что всѣ дѣвки «призывнаго возроста» оказались свободными, и по деревнямъ по этому случаю народъ учинилъ такое пьянство, какого никто не запомнитъ.

Чтобы никого не соблазнять и не дразнить гусей, Лисичкинъ выждалъ года полтора, два, и пріобрѣлъ съ торговъ на имя жены прекрасное имѣніе въ нѣсколько сотъ десятинъ земли съ усадьбой. Прежній Васька сталъ крупнымъ землевладѣльцемъ.

Правда, противъ Лисичкина и по этому дѣлу было возбуждено судебное преслѣдованіе, но... потому ли, что на слѣдствіи фактъ подложнаго указа о наборѣ «дѣвокъ въ казаки» и обнародованіи его Лисичкинымъ съ цѣлью извлечь для себя пользу недостаточно подтвердился, потому ли, что начальство его, въ то время необыкновенно любезничавшее съ меньшей братіей, нашло наборъ дѣвокъ чрезвычайно остроумною и даже милою шуткой, или, можетъ быть, по другимъ причинамъ, оставшимся тайной,—это дѣло въ судебномъ порядкѣ «за недоказанностью» окончилось безъ непріятныхъ послѣдствій для Ивана Ѳедоровича. Пріятныхъ послѣдствій для него, наоборотъ, оно имѣло достаточно. Не считая пріобрѣтенія большой земельной собственности, оно дало возможность новому Цинцинату почить отъ служебныхъ дѣлъ своихъ, удалясь въ свою усадьбу, и не только сажать тамъ капусту, какъ нѣкогда это дѣлалъ славный римскій диктаторъ, но и открыть «совѣщательный кабинетъ» для всѣхъ, нуждавшихся въ его просвѣщенной помощи и совѣтѣ. Народъ бѣжалъ къ новому землевладѣльцу за совѣтомъ и руководствомъ такъ же усердно, какъ тогда, когда онъ былъ волостнымъ писаремъ, и Лисичкинъ, усугубивъ горделивую осанку и щеголяя вновь пріобрѣтеннымъ носовымъ говоркомъ, уснащалъ рѣчь иностранными выраженіями, смыслъ которыхъ оставался непонятнымъ не только другимъ, но даже иногда и ему самому. Теперь Иванъ Ѳедоровичъ считалъ себя бариномъ и притомъ той именно либеральной окраски, какая въ 1860-хъ годахъ была въ модѣ. Онъ разыгрывалъ изъ себя

[1]) Производство по этому дѣлу хранится въ мѣстномъ губернскомъ правленіи.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

народника; тамъ, гдѣ заводилось какое нибудь выкупное дѣло или размежеваніе крестьянъ съ помѣщикомъ, тамъ уже непремѣнно фигурировалъ Иванъ Ѳедоровичъ, считавшій пріятнѣйшимъ долгомъ натравливать крестьянъ на ихъ бывшихъ помѣщиковъ, вертѣть, кутермить и путать, насколько было возможно, затягивая самое простое, незамысловатое дѣло въ мертвый узелъ, чаще всего къ неудовольствію и убытку обѣихъ сторонъ.

II.

Осмотръ новобранцевъ шелъ своимъ порядкомъ. Слышалось звяканье подымаемой и опускаемой надъ головами новобранцевъ мѣрки, холодныя, равнодушныя «годенъ» и «негоденъ» врачей и глухой топотъ босыхъ ногъ по крашенному полу.

Предводитель разсѣянно чертилъ что-то перомъ на развернутомъ передъ нимъ листѣ бумаги. Исправникъ, старый человѣкъ въ синихъ очкахъ, совершенно раскисъ. Нижняя губа его отвисла. Правой рукой онъ опирался на шашку, а лѣвой барабанилъ по столу, покрытому чернымъ съ золотыми кистями сукномъ. Остальные члены смотрѣли также безотрадно. Одинъ только воинскій начальникъ, бѣлый, какъ лунь, старикъ, тщательно одѣтый, бодро и ловко сидѣлъ на своемъ креслѣ и дѣлалъ отмѣтки въ лежавшемъ передъ нимъ журналѣ.

Боковая дверь залы, возлѣ которой стояли старшины и Лисичкинъ, слегка скрипнула. Лисичкинъ обернулся и увидалъ въ дверную щель вспутанную голову сторожа Бориса, который дѣлалъ ему знаки глазами. Лисичкинъ вышелъ въ прихожую.

Борисъ объяснилъ ему, что на лѣстницѣ его ожидаетъ какой-то мужичекъ, который непремѣнно хочетъ говорить съ нимъ.

— Какой такой мужичекъ?..

— Говоритъ, дѣло есть.

— Да мужикъ-то какой?—переспросилъ настойчиво Лисичкинъ своимъ грубоватымъ баскомъ.

— Выйдите за дверь, да и посмотрите... мужикъ съ бородой, въ зипунѣ да въ шапкѣ, мужикъ уполнѣ по всей хвормѣ...

Лисичкинъ надѣлъ фуражку, накинулъ на плечи полушубокъ и вышелъ на лѣстницу. Сквозь облака табачнаго дыма онъ сначала ничего не могъ разобрать. Но кто-то дернулъ его за рукавъ, Лисичкинъ обернулся и увидалъ передъ собою небольшаго роста мужика съ черноватой бородой, въ зипунѣ и шапкѣ, какъ сказалъ ему сторожъ. Мужикъ смотрѣлъ на Ивана Ѳедоровича красными, воспаленными, плутовски бѣгающими, глазами и широко улыбался беззубымъ ртомъ, изъ котораго пахло виномъ.

— Чего тебѣ?..—спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— Не узнаешь?.. Милости твоей поклонъ, значитъ... — неловко кривляясь и шутовскимъ тономъ проговорилъ мужикъ, снимая мѣ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ховую, не по головѣ просторную, шапку обѣими руками, отвѣшивая поклонъ Лисичкину.

— Да ты чей?..

— Царевъ да Божій, матушкинъ да дядюшкинъ, изъ своей деревни... осклабился мужиченокъ.

Иванъ Ѳедоровичъ въ упоръ воззрился на мужиченка изъ-подъ нависшихъ бровей и, сдѣлавъ шагъ по направленію къ двери, сказалъ не безъ достоинства: «Матушкинъ да дядюшкинъ?.. ну, и ступай въ свою деревню, а мнѣ зубоскалить некогда»... Мужиченокъ сейчасъ же пересталъ склабиться и, остановивъ Лисичкина, сказалъ:

— Эхъ, милъ человѣкъ, чаво гнѣваться... не съ обидой мы... этта, значитъ,... а съ открытой душей... потому, значитъ, дѣло до тебя у насъ есть.

Лисичкинъ остановился.

— Какое-жъ дѣло?

— Га... снова весело осклабился выпившій мужиченокъ, заморгавъ воспаленными глазами. — Га, дѣло?... Ужъ одное слово—дѣло...

— Да ты, братъ, надо полагать, хлебнулъ малость...—презрительно вымолвилъ Лисичкинъ.

— Что-жъ, може, и хлебнулъ...—возразилъ мужиченокъ, ядовито посмотрѣвъ на Лисичкина,—може, и хлебнулъ... На свои, вишь, не на ваши!.. Виноватъ, что не успросился!..

Лисичкинъ равнодушно повелъ плечами.

— Вотъ, значитъ, какъ мы къ твоей милости таперича за дѣломъ...—продолжалъ онъ, снова широко распустивъ улыбку на своемъ лицѣ,—а тутъ-отъ-ка, ишъ кольки народу крещенаго... стало быть.. пойдемъ у трахтеръ... потому тамъ ослобона... поговоримъ, то-ись.. по душамъ!..

Иванъ Ѳедоровичъ какъ будто колебался.

— Не сумлявайся, братецъ ты мой... Деньги есть... На твои нонче угощаться не согласны,—весело добавилъ мужиченокъ, отвернувъ полу зинуна и побрякивая рукою по карману, въ которомъ зазвенѣло нѣсколько мѣдныхъ монетъ.

Лисичкинъ ничего не отвѣтилъ и, вмѣстѣ съ мужиченкомъ спустившись съ лѣстницы, вышелъ на площадь, гдѣ толпился народъ.

Здѣсь говоръ сталъ оживленнѣе, чѣмъ прежде, со всѣхъ концовъ площади доносились пронзительные голоса бабъ. Слышалась пьяная пѣсня нѣсколькихъ голосовъ. Мѣстами встрѣчались группы, къ которымъ уже присоединились не принятые на службу новобранцы. Здѣсь слышался веселый голосъ, смѣхъ и оживленные разсказы о томъ, какъ у одного не вышла мѣра въ груди, у другого обнаруженъ старый поломъ руки, ноги, подслѣповатость глазъ, неправильность посадки реберъ, какой нибудь наростъ, вывихъ сустава...

Лисичкинъ и его спутникъ, переходя грязную площадь, наткнулись на иную группу. Старый мужикъ съ окладистою серебристою

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

бородою шелъ впереди, заложивъ руки за спину и сосредоточенно глядя подъ ноги. Рядомъ съ нимъ, заломивъ новенькую, очевидно только-что купленную фуражку набекрень, съ выбившеюся изъ-подъ нея прядью жирныхъ намасленныхъ волосъ на лбу, въ разстегнутомъ пиджакѣ поверхъ жилетки съ яркими пуговицами, шелъ молодой безусый малый, слегка пошатываясь, грызя подсолнухи и беззаботно сплевывая шелуху. Лицо его выражало отупѣлое равнодушіе. Проходя мимо собора, онъ, однако же, пересталъ лакомиться, набожно снялъ новенькую фуражку и, встряхивая жирными волосами, сталъ быстро креститься. Позади ихъ двѣ старухи, должно быть, мать и какая нибудь родственница, вели подъ руки молодую и довольно красивую бабенку, которая едва переставляла ноги и отчаянно голосила на всю площадь. Никто не обращалъ на нее вниманія.

— Экъ, ее разобрало...—хладнокровно замѣтилъ спутникъ Ивана Ѳедоровича.

III.

Они прошли, не останавливаясь, первую комнату трактира. Мужичекъ, снявъ шапку и не позаботившись хоть нѣсколько пригладить свои взъерошенные волосы, остановился передъ иконой въ углу, гдѣ теплилась лампада, и сталъ истово креститься. Иванъ Ѳедоровичъ не снялъ своей шапки и прошелъ между столами, отвѣчая горделивыми кивками головы на привѣтствія конторщика за прилавкомъ и нѣкоторыхъ случившихся здѣсь знакомыхъ посѣтителей.

Они помѣстились въ особой, почему-то называемой дворянской, комнатѣ трактира. Комната эта была ни болѣе ни менѣе, какъ отгороженный досками грязный уголъ. Оборванные, мѣстами засаленные клочки обоевъ плохо прикрывали щелистыя стѣнки, единственное окно было завѣшено ситцевой, на отвисломъ шнурѣ мотавшейся, занавѣской...

— Ну, какое же дѣло?—забасилъ Лисичкинъ, усаживаясь противъ мужиченка за столикъ, накрытый криво постланной тканьевой скатерткой...

— Дѣловъ много, хоть отбавляй...—отвѣчалъ мужиченокъ, зачесавъ всей пятерней всклоченные волосы.

— Это на счетъ чего же?

— А вотъ перво-наперво, значитъ, на счетъ тово... Илюшки... Этта, то-ись, самоважнѣющее...—началъ мужиченокъ, когда «прислужающій» принесъ и уставилъ на столѣ пеструю и неопрятную «пару чаю».

— Ну, что-жъ?..—хладнокровно спросилъ Лисичкинъ.

— А то-жъ, вотъ вишь, завтра этому самому Илюшкѣ, мому сыну, подъ «шланбомъ» становиться... Вотъ оно, дѣло-то какое...—сказалъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мужиченокъ, мигая и ухмыляясь, какъ будто сообщилъ Лисичкину невѣсть какую радость.

— Такъ что-жъ?—тѣмъ же тономъ спросилъ снова Лисичкинъ:— коли становиться, то нехай и становится... — и Лисичкинъ сосредоточенно втягивалъ въ себя горячій чай изъ блюдечка, которое очень искусно держалъ на четырехъ пальцахъ лѣвой руки, какъ на подставкахъ.

Мужиченокъ пересталъ ухмыляться и съ удивленіемъ посмотрѣлъ на Ивана Ѳедоровича.

Лисичкинъ выдержалъ взглядъ, не проронивъ ни слова.

— Иванъ Хведоровичъ, а Иванъ Хведорычъ... Ай не слышишь? Илюшку завтра ставить.

— Ну, слышу,—еще холоднѣе пробасилъ Лисичкинъ, шумно откусывая кусокъ сахару и втягивая въ себя горячій чай.

— Выручи, кормиляцъ... стань за отца—за мать...

— Ты самъ-то собковскій будешь?—спросилъ Иванъ Ѳедоровичъ, взглянувъ на мужиченка изъ-подъ нависшихъ бровей.

— Собковскій, кормиляцъ, собковскій,—обрадовался мужиченокъ, распуская лицо въ широкую улыбку и усиленно замигавъ воспаленными глазами.—Крючковъ, собковскій... Ишшо надысь, когда ты пріѣзжалъ въ Собково на сходъ... объ дѣловъ толковать, супротивъ моей хаты конь твой стоялъ, у ракиты, коли у память?.. Ужъ и конь.., то-ись... этта... усѣмъ конямъ конь, право, велико слово!..

— Можетъ быть,—равнодушно сказалъ Лисичкинъ,—что-то не въ память: нешто мнѣ мало доводилось перевидать вашей братьи на своемъ вѣку...

Лисичкинъ говорилъ неправду; онъ не только припоминалъ обстоятельства, при которыхъ видалъ Крючкова, но и помнилъ отлично, что Крючковъ былъ одинъ изъ тѣхъ горлановъ, которые въ прошломъ году разстроили собковскій сходъ уступить Лисичкину аренду общественныхъ луговъ, которой онъ домогался.

— Постой, братъ, посчитаемся,—подумалъ Иванъ Ѳедоровичъ взглянувъ на Крючкова еще разъ, какъ бы стараясь припомнить его лицо, и потомъ прибавилъ громко: — не въ память что-то... запамятовалъ.

— Гдѣ ужъ... звѣстное дѣло,—согласился Крючковъ.

Наступило молчаніе. Лисичкинъ продолжалъ усердно втягивать чай губами и внимательно смотрѣлъ на блюдечко.

Крючковъ, видимо, хотѣлъ начать разговоръ. Онъ вертѣлся на стулѣ, покручивалъ головой, поминутно запуская руки въ всклоченные волосы. Иванъ Ѳедоровичъ упорно молчалъ, выжидая, чтобы мужиченокъ самъ началъ говорить о своемъ дѣлѣ.

— Иванъ Ѳедоровичъ,—наконецъ, не выдержавъ, сказалъ Крючковъ.

— Ну?..

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Какъ же... то-ись... насчетъ Илюшки-то? Заберутъ похоже?

— Почему я-то знаю?—равнодушно пробасилъ Иванъ Ѳедоровичъ.

— То-то... Мы и сами такъ-то про себя... этта мекаемъ: откелѣ-жъ табѣ знать?.. Нужно бы... то-ись... объ эвтимъ разсказать, поговорить промежь себя...

— Ну, и разсказывай... Затѣмъ сюда и шли,—процѣдилъ Лисичкинъ, опрокидывая чашку на блюдцо и кладя обгрызанный кусочекъ сахара на дно чашки.

Крючковъ принялся разсказывать. Илюшка, родной его сынъ, подлежалъ ставкѣ въ солдаты. Второму сыну Крючкова въ это время еще не было восемнадцати лѣтъ, почему Илюшка долженъ былъ пользоваться льготой. Но о лѣтахъ младшаго сына и о томъ, что въ виду его собственнаго возроста, Ильюшка могъ пользоваться льготой, Крючковъ узналъ слишкомъ поздно и притомъ совершенно случайно, разговорившись съ приходскимъ псаломщикомъ, такъ что при повѣркѣ призывныхъ списковъ по семьямъ онъ не заявилъ старшинѣ о правѣ на льготу. Теперь, въ моментъ набора, когда Илюшка уже вытянулъ жребій, и завтра ему предстояло становиться «подъ шланбомъ», заявлять было уже поздно.

— Какъ же быть-то?.. Ась?.. Болѣзна-а-а-й!.. Какъ, этта... значитъ, малаго мово ослобонить?—спросилъ Крючковъ, окончивъ разсказъ и умильно поглядывая на Лисичкина.

Иванъ Ѳедоровичъ сидѣлъ, оперевъ голову на обѣ руки, какъ будто погруженный въ глубокую думу. Помолчавъ довольно долго, онъ откинулся на спинку стула и сказалъ:

— Ну, что же?.. Можно, пожалуй...

Ефремъ весь просіялъ и привскочилъ на своемъ стулѣ.

— Батюшка... Кормиляцъ... Отецъ родной,—запищалъ Крючковъ слезливымъ голосомъ:—заставь за себя вѣчно Богу молить... А ужъ мы табѣ во какъ... Что хошь, значитъ, эвтихъ самыхъ благодарностевъ... не то что, право велико слово...

— Врешь все,—оборвалъ Лисичкинъ холодно.

Мужиченко опѣшилъ.

— А кто лѣтось на сходѣ, когда я затѣялъ снять у васъ луга на аренду, громче всѣхъ горланилъ на сходѣ?.. А?.. Кто отваживалъ общество?.. А?.. Не помнишь?. Ну, такъ я теперь вспомнилъ, другъ любезный, харю-то твою неумытую,— быстро и желчно выпалилъ Лисичкинъ, стрѣляя въ мужиченка своими ястребиными глазами.

Крючковъ еще больше растерялся отъ неожиданной отповѣди и, не зная, что сказать, безсмысленно мигалъ подслѣповатыми глазами, тупо устремленными на Лисичкина. «Ишь,—думалъ онъ,—въ ротъ ти лапоть... Помнитъ, праликъ»... И потомъ, справившись съ одолѣвшимъ было его смущеніемъ и принявъ слезливый, обиженный видъ, сказалъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да что вы, Иванъ Хведорычъ, Бога-бъ ты побоялси на меня, сироту, таку напраслину взводить... Это, похоже, и не я былъ-то:.. Ей-Богу, не я... Мы, этта... то-ись... завсегда съ пріятностью, а не токмо что горланить, аль отводъ дѣлать... Нешто это возможно?.. Помилуй, Богъ...

— Врешь,—отрѣзалъ Лисичкинъ,—я твой патретъ хорошо запомнилъ.

— Истинный Господь, не я... Крючковъ перекрестился на уголъ коморки, гдѣ предполагался образъ,—не дойтить до двора...

— А я говорю, брешишь,—еще настойчивѣе проговорилъ Лисичкинъ, зная по опыту, какую цѣну надо придавать божбѣ мужика.—Ну, да ладно, не божись, все одно, не повѣрю,—перебилъ онъ Крючкова, желая прекратить этотъ ни къ чему не ведущій споръ:—Богъ съ тобой ужъ, я зла не помню, изволь, помогу...

Крючковъ снова было забожился и принялся убѣждать Лисичкина въ своей преданности, но Лисичкинъ сейчасъ же остановилъ его.

— Сядь,—сказалъ онъ повелительно,—сядь и слушай, что буду говорить... Помочь, пожалуй, помогу... конечно, не даромъ...

Крючковъ завозился на стулѣ и сдѣлалъ жестъ безусловнаго согласія. Иванъ Ѳедоровичъ продолжалъ: денегъ у тебя, конечно, нѣтъ, не было, да и не будетъ никогда... Возьму съ тебя натурой... Слышь, чтоль?.. Перва-на-перво, ты долженъ помочь, чтобы у васъ въ Собковѣ былъ кабакъ...

Крючковъ при этомъ словѣ распустилъ лицо въ широкую улыбку. Глаза сдѣлались масляными.

— Кабакъ?—повторилъ онъ умиленно:—на что-жъ лучше?

— У меня одинъ хорошій человѣкъ на примѣтѣ есть,—продолжалъ Иванъ Ѳедоровичъ,—онъ не прочь снять. Обществу платилъ бы за кабакъ хорошія деньги. Какъ думаешь, дадутъ мужики приговоръ?

— Для-че не дать,—ухмыльнулся Крючковъ.—Кабакъ ставить—не поданя платить, всякому, то-ись, къ примѣру—лестно.

Лисичкинъ ядовито улыбнулся.

— То-то... извѣстно, не поданя,—подтвердилъ онъ,—да только, вишь, боюсь я человѣка, человѣка обнадежишь, анъ, гляди, ничего и не выйдетъ. Общество-то ваше маненько ненадежно.

— Этта... то-ись... насчетъ кабака-то?—переспросилъ Крючковъ.

— Да, тверезыхъ много.

— Да и питуховъ кольки нибудь сыщется,—радостно возразилъ Крючковъ.

— А Иванъ Алифановъ-то?—какъ бы невзначай замѣтилъ Лисичкинъ.

— Иванъ Алифанычъ что?—презрительно поморщился Крючковъ,—нешто онъ, то-ись, противъ міра могитъ пойти одинъ?.. Небось усѣхъ не одолѣетъ... Почесть онъ одинъ изъ тверезыхъ-то со своимъ кумомъ бобылемъ, только всяго.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Гм... стало быть, дѣло-то повести можно?—пробасилъ Иванъ Ѳедорычъ послѣ недолгаго раздумья.

— Отчего-жъ... уполнѣ можно. Не сумлявайся, Иванъ Хведорычъ.

— Теперь тоже и объ лугахъ,—сказалъ Лисичкинъ.

— А объ луговъ-то, что жа?—спрочилъ Крючковъ, морща лобъ и какъ бы не понимая Лисичкина.

— Что, что?—передразнилъ Лисичкинъ,—снять хочу луга ваши, вотъ что. Кабы не ты лѣтошній годъ помѣшалъ...

Крючковъ опять было запротестовалъ, но Лисичкинъ перебилъ его:

— Ну, ладно, молчи ужъ... Коли говорю, такъ не зря, знаю... И потомъ, смягчивъ тонъ, продолжалъ:—подсобить надо, поговорить тамъ кое съ кѣмъ изъ вашихъ, понялъ? и на сходѣ тожъ... Чай знаешь, какъ у васъ: одинъ загалдитъ и всѣ за нимъ.

— Что и говорить, Иванъ Хведорычъ... Этта... значитъ, вы точно...

Крючковъ снова началъ клясться и божиться, завѣряя Ивана Ѳедоровича, что онъ и на счетъ кабака и на счетъ луговъ будетъ стараться изо всѣхъ силъ и вообще готовъ сдѣлать для него все, что только онъ прикажетъ.

— Ну, ладно, стало быть,—сказалъ Лисичкинъ,—давай писать будемъ. Но если ты, с....ъ с..ъ, обманешь,—прошипѣлъ онъ съ угрозой въ голосѣ, когда по требованію его были принесены бумага, чернила и перо,—смотри ужъ, не прощу... Не думай, что за дурно, какъ въ этотъ разъ отвертишься... Я те со дна морского добуду!

Онъ погрозилъ пальцемъ передъ самымъ носомъ Крючкова. Крючковъ снова разсыпался въ увѣреніяхъ, божбѣ и клятвахъ.

Иванъ Ѳедоровичъ обмокнулъ запачканное чернилами перо и сталъ бойко писать прошеніе. Въ этомъ прошеніи, на имя воинскаго присутствія, Лисичкинъ не только излагалъ обстоятельства, по коимъ сыну Крючкова слѣдовала льгота перваго разряда, но и жаловался на мѣстнаго старшину, обвиняя его въ томъ, что онъ не повѣрялъ, какъ это требуется, льготныхъ списковъ, почему Крючковъ де былъ лишенъ возможности заявить объ этомъ своевременно.

Раздѣлывая старшину, какъ на голую кость,—Лисичкинъ враждовалъ съ нимъ по какимъ-то старымъ счетамъ,—онъ зацѣпилъ мимоходомъ и земскаго начальника, такъ какъ въ качествѣ «либерала» ненавидѣлъ это учрежденіе.

— Ну, смотри же, Крючковъ, помни мой совѣтъ,—пробасилъ Лисичкинъ, когда мужиченокъ поставилъ на прошеніи три креста по неграмотству и, получивъ бумагу изъ рукъ Ивана Ѳедоровича, бережно опустилъ ее въ карманъ.—Помни, с....ъ с..ъ, со дна морского, говорю, достану, ежели что сфальшивишь!..

Не дослушавъ клятвы и божбы Крючкова служить Лисичкину «по гробъ доски», Лисичкинъ не безъ нѣкоторой гадливости пожалъ немытую, потную руку Крючкова и вышелъ изъ трактира.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

IV.

На другой день, въ обширномъ селѣ Собковѣ было людно и оживленно на улицѣ. Наступалъ вечеръ. Убирали скотину, только что пригнавъ ее съ водопоя. На широкой улицѣ, гдѣ лѣтняя грязь застыла отъ бывшаго въ тотъ день мороза, еще бродили кое-гдѣ коровы, телята, лошади, овцы, свиньи. На дальнемъ концѣ села слышался отчаянный лай собакъ, гонявшихся за теленкомъ, который, высоко задравъ хвостъ, носился, какъ угорѣлый, вышвыривая задними ногами. За собаками бѣжали босоногіе чумазые ребятишки и, притворяясь, что унимаютъ ихъ, кидали въ нихъ комками земли и камешками.

У колодца стояли бабы съ коромыслами и ведрами. Двѣ изъ нихъ качали воду, заткувъ концы занавѣсокъ за подпояски, и громко перегорланивали между собою. Молодыя надъ чѣмъ-то пересмѣивались, старыя пересуживали отсутствующихъ односельчанскъ.

Противъ одной избы, которая рѣзко выдѣлялась изъ ряда остальныхъ новымъ, опрятнымъ видомъ, съ расписными ставнями у оконъ, между развѣсистыми ракитами, сытый меринъ, обростав-шій уже длинной зимней шерстью на животѣ и ляжкахъ, сосредоточенно лизалъ развѣшанныя на жердяхъ еще мокрыя рубахи и портки.

Бѣлоголовый мальчуганъ, лѣтъ 4-хъ или 5-ти, босоногій и безъ шапки, но въ плотно застегнутомъ полушубчикѣ, тщетно старался отогнать мерина, не безъ дѣтской робости изловчаясь ударить его обротью, которую держалъ въ рукѣ. Но меринъ не обращалъ никакого вниманія на мальчугана, возившагося около него, и продолжалъ лизать развѣшенное бѣлье и даже подергивать его зубами.

На крыльцѣ новенькаго дома сидѣлъ осанистый, лѣтъ пятидесяти, мужикъ въ нагольномъ полушубкѣ и теплой шапкѣ. Онъ смотрѣлъ на тщетныя попытки своего внука, мальчугана, и широко улыбался.

— Здорово, Иванъ Алифанычъ,—сказалъ чей-то голосъ на улицѣ, сзади крыльца.

Мужикъ обернулся и, не вставая съ лавки, приподнялъ шапку и спросилъ:—ты что, Семенъ?

— Да вотъ,—отвѣчалъ пришедшій,—чуточку нехватка, Иванъ Алифанычъ. Завтра надумалъ было на мельницу... да вишь мѣшка одного не хватаетъ! Одолжи, сдѣлай такую милость.

— Ну, что жъ, дадимъ сосѣду! Ай много задумалъ молоть?—сказалъ Иванъ Алифанычъ, вставая съ лавки и облокачиваясь грудью на перильца.

— Какое!.. уныло отвѣтилъ Семенъ, махнувъ рукой,—двѣ четверточки. Мѣрки три и не влѣзли, а мѣшка-то и нѣтути! Э-эхъ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Головушка безталанная... Какіе у насъ—бобылье дѣло, достатки? Самъ небось знаешь!

Алифанычъ молча глядѣлъ въ темнѣвшую даль изъ-подъ бараньей шапки, сдвинутой имъ на самыя брови.

— Максимъ, а Максимъ!—позвалъ онъ, не перемѣняя позы.

На зовъ его изъ сѣнецъ вышелъ рослый, широкоплечій, еще безусый, парень. Онъ пережевывалъ что-то и рукавомъ рубашки вытиралъ ротъ.

— Максимъ, вынеси мѣшокъ, вотъ Семену занадобился!—сказалъ сыну Алифанычъ и, увидавъ жующій ротъ его, прибавилъ:—аль ужинать собрали?

— Собрали! Ступай, тятя, поснѣдай! — отвѣтилъ парень, удаляясь въ избу за мѣшкомъ.

— Эко, малый-то,—подмигнулъ Семенъ на уходящаго Максима,—красота, одно слово...

Алифанычъ довольно ухмыльнулся.

— Благодарить Господа!—сказалъ онъ,—они у меня оба ребята хорошіе, смирные, покорливые...

— Э-хъ, ма,—въ тонъ отвѣтилъ Семенъ,—такъ-то такъ. Да вотъ рѣшилъ одного Господь.

— На то воля Божія!.. отвѣтилъ Алифанычъ, глубоко вздохнувъ.

— Звѣстно, кто говоритъ!—убѣжденно подтвердилъ Семенъ Бобыль и потомъ снова съ печалью и участіемъ онъ прибавилъ:—Божья-то воля—это, двистительно точно! Одначе и не на солдатскую лямку, похоже, растилъ ты малаго то... Ась?..

— Честной компаніи...—вдругъ послышался сиповатый голосъ позади разговаривавшихъ.

Иванъ Алифанычъ и Бобыль оглянулись на говорившаго. Въ сгустившихся сумеркахъ и нельзя было разсмотрѣть того, кто говорилъ. Только при свѣтѣ изъ окна избы, когда тотъ подошелъ къ крыльцу ближе, они узнали моргавшую и осклабленную физіономію Крючкова.

— Здорово, сосѣдъ,—сказалъ Бобыль довольно сухо.

Иванъ Алифанычъ только приподнялъ шапку.

Крючковъ былъ по обыкновенію выпивши.

— О чемъ это гуторите?—спросилъ онъ, не обращая никакого вниманія на сухой пріемъ.

Онъ продолжалъ стоять у крыльца, поставивъ одну ногу на внѣшній край его, на ногу онъ оперся локтемъ, подперевъ щеку рукой.

Бобыль и Алифанычъ молчали и только, когда нахальный Крючковъ повторилъ вопросъ, Бобыль неохотно процѣдилъ:

— Такъ, промежъ себя объ своихъ дѣловъ...

Крючковъ хихикнулъ.

— Что, братъ, Иванъ Алифанычъ,—обратился онъ уже въ упоръ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

къ послѣднему,—что не веселъ?.. Чай сынка жалѣешь, у солдатчину проводимши?

— Божья воля...—угрюмо сказалъ Иванъ Алифанычъ, не оборачиваясь на Крючкова.

Въ эту минуту Максимъ вынесъ мѣшокъ и, подавъ его Бобылю, тотчасъ же вернулся въ избу.

— Такъ-то оно такъ,—началъ Крючковъ, отвѣчая на слова Алифаныча,—анъ вонъ вишь, у меня-то и безъ яго воли дѣло обошлось... Мово-то Илюху, значитъ, ослобонили увовся, вотъ что!

— Ишь, вотъ,—качнулъ Бобыль въ сторону Крючкова, какъ бы въ самомъ дѣлѣ удивляясь этой новости, хотя зналъ такъ же, какъ и вся деревня, о томъ, что Илюхѣ дана льгота.

— Пра!..—продолжалъ словоохотливый Крючковъ, которому, очевидно, хотѣлось разсказать подробно о томъ, какъ его Илюха отдѣлался отъ солдатчины.—Вызволилъ кормиляцъ Иванъ Хведорычъ, дай Богъ яму, чаво ему хотится,—восторженно сказалъ Крючковъ, искоса поглядывая въ сторону Алифаныча.

Алифаныча передернуло при этой похвалѣ Лисичкину, котораго онъ ненавидѣлъ.

— Вызволилъ?—спросилъ Бобыль, представляясь удивленнымъ.

— Ужъ вотъ уродился козырь, пра!.. — принялся разсказывать Крючковъ, всходя на ступеньку крыльца и облокачиваясь на перила.

— Какъ я разсказалъ яму, у чемъ дѣло, онъ... этта... сичасъ за бумагу и прошенію эву ту самую, братецъ ты мой, однимъ, то-ись, духомъ и написалъ... хорошо!.. прихожу этта я сичасъ у присутствію и бацъ у ноги. Вотъ, молъ, значитъ, моя прошенія, говорю, станьте за отца, за мать, господа честные, ваша благородія!.. Ну, оны, значитъ, сичасъ этта переглянулись между собой. Ты, говоритъ, кто таковъ будешь, добрый мужичекъ?.. Такъ и такъ говорю, Крючковъ—я, крестьянинъ, значитъ, съ Собковой деревни!.. Ну, значитъ, этта... объяснимши, они сичасъ... тае... прошенію-то мою узяли и говорятъ: завтра, молъ, приходи сюда, усѣ, значитъ, дѣла табѣ справимъ!..

Крючковъ остановился и перевелъ духъ.

— Ну?..—подогналъ его Бобыль.

Крючковъ чвакнулъ губами, вытеръ усы рукавомъ дранаго полушубка и продолжалъ:

— Ну, значитъ, назавтра прихожу, этта, я опять у присутствію. Выходитъ ко мнѣ членъ, что ли ейный, самый, то-ись... запамятовалъ я чтой-то, какъ его звать-то, пра...

— Исправникъ, чтоль-ча?—спросилъ Бобыль.

— А-а-а... не... не исправникъ... похожа, яшшо выша!..

— Призвадитель?..

— Не!..

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Эхъ, братецъ ты мой,—укорилъ Бобыль разсказчика,—какъ же ты такъ? Ну, легистраторъ, што-ль, какой?..

— Дыть хто-жъ е знаетъ?—отозвался Крючковъ, махнувъ рукой.—Запамятовалъ, значитъ... Ну, да все одно, наплявать!

Онъ снова чавкнулъ губами и продолжалъ:

— Выходитъ этотъ самый членъ, значитъ, и говоритъ: кто, говоритъ, здѣсь Крючковъ, Ехремъ Халимоновъ, Собковскій?—пра, велико слово, такъ и отлепортовалъ!—Подхожу, этта, я сичасъ, ну, и объявился: говорю, я—Крючковъ съ Собковой.—Ехремъ Халимоновъ? говоритъ.—Такъ точно, говорю, Ехремъ, значитъ, Халимоновъ.—Это, ты, говоритъ, увчера прошенію подалъ насчетъ сына у присутствію?—Я, молъ, говорю, ваша благородія.—А кто-жъ, говоритъ, табѣ прошенію-то энту самую писалъ, а?—Ну, значитъ, я тутъ маненечко этта замялся... Потому, значитъ, какъ мы, этта, посулились Лисичкину-то про эвти дѣла не упоминать, значитъ, неловко!.. Тамъ, говорю, одинъ человѣчекъ написалъ!.. Какъ енъ топнетъ ногой-то, эвтотъ самый членъ, братцы мои, альни я сробѣлъ чуточкю.—Какой такой человѣчекъ, говоритъ? Ай ты, говоритъ, не знаешь, кто писалъ?..—Не могу знать, говорю, ваша милость, потому, значитъ, не помню, запамятовалъ!..—А какое-жъ ты, говоритъ, полное право имѣешь на старшину мараль пущать?.. Я, братцы мои, тутъ такъ и обомлѣлъ, потому Лисичкинъ-то, пострѣли яго, прошенію-то, значитъ, мнѣ не читалъ. Ну, одначе, хоша мнѣ чуточкю жутко стало, ну, я, то-ись, на нѣтъ не сошелъ!.. Пра!.. Говорю эвтому самому члену: каку таку мараль, ваша благородія, потому мы объ эвтихъ дѣловъ ничаво, значитъ, не понимаемъ!.. А таку, говоритъ, мараль, быдто старшина списковъ некрутскихъ по вашему сялу не повѣрялъ?.. Ну, думаю, этта промежъ себя, все одно ужъ такъ, значитъ, написано, надо то-ись такъ и потрафлять!.. Такъ что, говорю, ваша благородія, этта правильно... уполнѣ... потому старшина не повѣрялъ, значитъ, у насъ списковъ-то!.. И ты, говоритъ, можешь уполнѣ доказать?.. Могу, то-ись, уполнѣ... потому, значитъ, у прошеніи правильно усе показано!.. Ну, значитъ, прошенію твою, говоритъ, въ ходъ пустимъ, а малаго твово сичасъ, усе рамно, принимать станемъ, потому, говоритъ, законъ!

Крючковъ снова остановился, обтеръ усы рукавомъ полушубка, чавкнулъ губами и продолжалъ:

— Да!.. Ну, значитъ, какъ членъ-то ушелъ у канцелярію, я тожъ сабѣ, то-ись, выхожу у прихожую, глянулъ, а Иванъ-то Хведорычъ—вотъ анъ! Полушубокъ скидаетъ. Я, значитъ, къ яму. Такъ и такъ, молъ, говорю... меня, молъ, членъ пыталъ. Смотрю, смѣется. Какой, говоритъ, членъ? Эвто, говоритъ, никакой не членъ, а во кто! Ну, все одно... говорю—запамятовалъ, какъ енъ, то-ись, прозывается! Что-жъ, говоритъ, спрашивалъ, кто прошенію писалъ? Какъ же, говорю, не спросить, спрашивалъ! Ну, а ты что-жъ? Да

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ничаво, говорю! Неузли-жъ я, то-ись, трехъ денъ молоденъ, что скажу? Нябось!.. То-то, говоритъ, смотри, не болтай зря! Ну, а между прочимъ, говоритъ, по мнѣ хошь болтай, хошь нѣтъ. Плявать, говоритъ, мнѣ по ту сторону зубовъ, потому, этта мы, говоритъ, мы ишшо не такія дѣла отводили! Во что!.. Да... Тутъ, этта, значитъ, пошелъ енъ у кальцелярію, къ писарямъ, чтоль-ча!.. Маненько повременимши, гляжу, началась присутствія. Нашу волость стали выкликать. Гряха не утаишь, братцы, душа застыла! Жуть добре узяла! Вотъ словно ворогуша затряпала меня на отдѣлку, шабашъ!.. Стою, этта, я—ни живъ, ни мертвъ, рамно по спинѣ кто льдиной водить сталъ, а самъ весь, какъ мышь, мокрый, добре взопрѣлъ, ей-Богу, пра!

Крючковъ опять чвакнулъ губами и, кашлянувъ, продолжалъ:

— Да... стали выкликать, этта, Моховскихъ допрежъ, потомъ Леонтьевскихъ, Калининскихъ. Потомъ, этта, вдругъ слышу: Илья Ехремовъ Крючковъ, деревни Собковой, кричатъ. Этта самого, мовото малаго, значитъ, Илюху выкликаютъ. Тутъ ужъ и вовсе я памяти рѣшилси... глазами-то гляжу, а голова замутилась!.. Быдто кто обухомъ, къ примѣру, вдарилъ по затылку, аккуратъ!.

Крючковъ остановился и тяжело перевелъ духъ.

— Такъ-то, братцы мои...—продолжалъ онъ нѣсколько спокойнѣе.—То-жъ, дѣтишша родная!.. Какъ ни на есть, поилъ, кормилъ, ростилъ, то-ись, къ примѣру! А тутъ, вишь, отымаютъ! Ну, потомъ оглядѣлся, значитъ, вижу, Иванъ-то Хведорычъ воколо меня стоитъ, ухмыляется... чтой-то, говоритъ, ты на покойника сталъ похожъ?.. Ай, говоритъ, за сердце узяло? Не замай, говоритъ, вызволимъ малаго-то! Въ ту-жъ пору слышу, этта, члены-то ейные межъ собой: «не годится», говорятъ, да ишшо, этта, межъ собой шушукаются чтой-то... Добре, то-ись, у головѣ колясомъ заходило. А Лисичкинъ, этта, толкъ меня у бокъ. Не упомню, какъ я за имъ на лѣстницу выкатился. Вишь, говоритъ, вызволилъ я малаго-то! А тутъ Илюха оттеда выскочилъ, реветъ: «отпустили!» а самъ въ присядку, этта, по лѣстницѣ!.. Обезумѣлъ малый на отдѣлку.

— Что-жъ малаго-то вызволилъ, а старшину въ пролубь?—сказалъ Алифанычъ, неожиданно прерывая разсказъ Крючкова, въ увлеченіи и за темнотою совершенно забывшаго о его присутствіи.

— Экъ ты, чтобъ табѣ!—выругался Крючковъ мысленно, сообразивъ только теперь, что говорилъ много лишняго, и что о Лисичкинѣ никакъ не слѣдовало распространяться при Алифанычѣ.

— Нѣтъ, братецъ ты мой, обождать надоть,—продолжалъ Алифанычъ, не оглядываясь на Крючкова.—Ты себѣ колдуй со своимъ собачьимъ сыномъ, Иваномъ Хведоровымъ, а старшину не замай! Потому эвто у прошеніи набрехано—старшина былъ и списки повѣрялъ. Я самъ былъ на сходѣ у ту пору. Малаго-то у меня узяли, кажись, а я вотъ ничаво, потому по закону! Помни, коли

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ежели что—мы съ Бобылемъ у свидѣтели пойдемъ, потому вызволять-то ты своего малаго вызволяй, а кляузы на людей писать не моги! Во что!

Крючковъ молчалъ, не проронивъ ни одного звука.

— Прошшавай, Семенъ, пора мнѣ на печку...—сказалъ Алифанычъ, приподнимая шапку въ сторону Бобыля и не удостоивъ даже кивкомъ головы растерявшагося Крючкова. Онъ, не спѣша, вошелъ въ избу и задвинулъ за собою деревянный засовъ.

. . . . . .

Хотя на улицѣ давно уже было темно, но бабій говоръ еще слышался у колодца. Среди крупнаго смѣха и взрыва голосовъ можно было различить взвизги хохота Агаѳьи, жены старшаго сына Алифаныча, того самаго, что недавно угнали въ солдаты. Она бойко разговаривала съ солдатомъ, сосѣдомъ по избѣ, недавно пришедшимъ домой на побывку. Солдатъ, со всѣми ухватками просвѣщеннаго службой человѣка, перебрасывался шуточками съ красивой молодухой и курилъ папиросу.

Агаѳья не безъ задора отвѣчала ему, но ради соблюденія деревенскихъ обычаевъ отъ времени до времени заговаривала со старухами или со стоявшей съ нею рядомъ пріятельницей своей, Сошкой, дочерью Ефрема Крючкова. Сошкинъ ушатъ былъ давно полонъ, но она не двигалась съ мѣста и стояла молча, опершись на водоносъ и прислушиваясь къ рѣчамъ Агаѳьи, а въ особенности солдата.

Максимъ, второй сынъ Алифаныча, стоялъ тутъ же. Не спуская жаднаго взгляда съ Сошки Крючковой, онъ разсѣянно вертѣлъ колесо колодца, выкачивая воду.

Выкачавъ, наконецъ, воду и поставивъ плескавшуюся бадью на комягу, онъ незамѣтно протолкнулся между стоявшими къ Сошкѣ Крючковой. Она отвернулась немного, притворяясь, что не замѣчаетъ его.

— Подсобить, что ль?—спросилъ Максимъ, видя, что Сошка собирается поднять водоносъ на плечи.

— Ну, что-жъ,—отозвалась она, оборачиваясь къ парню и улыбаясь ему.

Максимъ вздѣлъ водоносъ съ полными бадьями на свое могучее плечо и тихо пошелъ по направленію хаты Крючкова. Сошка шла рядомъ съ нимъ.

— Тиша, лѣшій!.. Воду расплескаешь...—слышался въ темнотѣ смѣющійся голосъ Сошки. Максимъ, тоже смѣясь, отвѣчалъ что-то. Но они уже отошли далеко, и разобрать словъ было нельзя.

На крыльцѣ Крючковскаго дома Максимъ и Сошка столкнулись съ Крючковымъ, возвращавшимся отъ Алифаныча. Сошка сейчасъ же прошмыгнула въ избу.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Вотъ парню спасибо,—сказалъ Крючковъ Максиму, осторожно снимавшему водоносъ изъ-подъ дужекъ ведеръ.—Вотъ, то-ись, настоящинскій малый, дѣвку, значитъ, пожалѣлъ.

Максимъ, немного смущенный, пробормоталъ что-то и, простившись наскоро съ Крючковымъ, поспѣшилъ домой.

— Ишь разрумянилась, — думалъ Крючковъ, сидя за столомъ, гдѣ ужинала Сошка съ домашними, и взглядывая на свою красивую дочь плутовскими глазами. — Ну, что-жъ, нехай погуляютъ покель что... только бы Алихванычъ не заартачился, песъ яго возьми, а не то и окрутить можно... Будетъ день, нябось...

V.

Черезъ нѣсколько дней, утромъ, у воротъ старостинаго дома въ Собковѣ, стояла сытая вороная лошадь, запряженная въ дрожки. Лошадь, повидимому, стояла тутъ уже давно. Выставивъ правую заднюю ногу впередъ, понуря косматую голову и отвѣсивъ нижнюю губу, она сладко дремала, пригрѣтая солнцемъ, и повременамъ вздрагивала холкой около сѣделки.

У старосты въ избѣ сидѣлъ кабатчикъ изъ уѣзднаго города, мѣщанинъ Сергѣй Даниловъ. Тутъ же находились человѣкъ пять, шесть собковскихъ «стариковъ». Въ хатѣ было душно и накурено махоркой.

Кабатчикъ, небольшого роста человѣкъ, въ сѣрой поддевкѣ и черныхъ суконныхъ штанахъ на выпускъ, имѣлъ какой-то унылый видъ. Лицо его было блѣдно-сѣраго цвѣта, глаза никогда прямо не смотрѣли, а какъ-то неожиданно вскидывались куда-то кверху такъ, что не представлялось даже возможнымъ опредѣлить ихъ цвѣта. Онъ почти никогда ничего не говорилъ, даже со своими домашними, и только въ крайнихъ неизбѣжныхъ случаяхъ ронялъ нѣсколько словъ и то съ такимъ очевиднымъ трудомъ, какъ будто это стоило ему громадныхъ усилій. Вообще, вся личность Сергѣя Данилова носила отпечатокъ неопредѣленности, но чувствовалось какъ-то невольно, при первомъ же взглядѣ на него, что онъ изъ породы тѣхъ именно собакъ, которыя, хотя и не лаютъ, но больно кусаются.

На столѣ стояла немного недопитая бутыль вина съ яркимъ пестрымъ этикетомъ, миска съ остатками соленыхъ огурцовъ, лежали корки объѣденнаго хлѣба. За столомъ, на лавкѣ, засѣдало нѣсколько человѣкъ мужиковъ и среди нихъ Крючковъ, успѣвшій уже замѣтно охмелѣть. Остальные хотя тоже выпили, но меньше.

— Выгоритъ, нябось,—ораторствовалъ одинъ изъ нихъ, русый, съ всклоченной головой и густой бородой, начинавшейся у самыхъ глазъ, — выгоритъ безпремѣнно, потому — міръ, противу міра кто-жъ могитъ супротивничать. Дѣло обнаковенное... Потому міръ Значитъ міръ и есть, болѣ ничаво...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Выгоритъ... — не то съ сомнѣніемъ, не то съ укоризной кому-то заговорилъ другой, болѣе степенный, совершенно лысый, но съ огромной «библейской» бородой...—Выгоритъ? А ну-ка-сь земской не пропуститъ... тае, приговора? Ась?.. — и на жестъ всклоченнаго мужика, что, молъ, это пустякъ, надъ которымъ и задумываться не слѣдуетъ, продолжалъ:—Воченно просто... нонѣ не то время, когда, значитъ, безпремѣнные члены спали по угламъ, нонѣ земской, слышь, всѣ дѣла орудуетъ. А нашъ-то, и вовсе приговоръ подъ орѣхъ раздѣлаетъ... Да. Нябось не знаешь яво? На кабакъ, какъ на тигру лютую глядитъ, не въ обиду чести твоей,—онъ глянулъ въ сторону Сергѣя Даниловича.

Кабатчикъ ничего на это не сказалъ и только еще ниже опустилъ глаза, метнувъ ими предварительно въ сторону говорившаго.

— Какъ на тигру лютую, истинный Господь...— продолжалъ мужикъ.—Надысь, слышь, былъ я у яво въ кальцеляріи... Въ ту-жъ пору и кабашникъ изъ Верховой. Вотъ тутъ-то я, братцы, слыхалъ, какъ енъ, значитъ, эвтаго самаго кабашника раздѣлывалъ. Бяда... Альни меня-то у потъ вдарило... Ахъ, ты, говоритъ, мошенникъ, кровопивецъ. Изъ народа кровь пьешь, на грабительскія деньги дома да земли скупаешь... Да какъ пошелъ ямў разборку, значитъ, дѣлать — шабашъ... Всѣ кабашники іудова племени, христопродавцы — это земской яму, — завсегда готовы кого ни на есть продать... Да...

Мужики хохотали надъ разсказомъ и отпускали по поводу этого довольно тяжеловѣсныя шуточки. Сергѣй Даниловъ, по обыкновенію, молчалъ. Онъ только одинъ разъ вскинулъ глазами на разсказчика и сейчасъ же снова опустилъ ихъ.

— О чемъ это вы? — послышался басокъ вошедшаго въ избу Ивана Ѳедоровича Лисичкина.

Ему разсказали.

— Ну, такъ что-жъ?.. И очень глупо, если земской ртачится противъ кабаковъ,— проговорилъ онъ, окидывая присутствующихъ взглядомъ, искавшимъ сочувствія.

— Развратъ, говоритъ, только одинъ, ваши кабаки и боля ничаво...—перебилъ Лисичкина мужикъ, который разсказывалъ только что о земскомъ начальникѣ и верховскомъ кабатчикѣ.

— Какой же развратъ, когда одна только польза... — возразилъ Лисичкинъ.—Вѣдь, что-жъ тутъ толковать, надо-жъ рабочему человѣку гдѣ ни на есть душу отвести, собраться вмѣстѣ, поговорить о дѣлахъ...

— Тэ-э-э-к-съ, — протянулъ Крючковъ изъ своего угла, — т-э-э-э-ксъ, Иванъ Хведорычъ, это вы точно... потому рабочему человѣку, наморемши, то-ись... гдѣ-жъ и выпить, какъ не въ кабакѣ.

Лисичкинъ презрительно кинулъ взглядъ на пьяненькаго Крючкова.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Это справедливо,—согласился и мужикъ-разсказчикъ, встряхнувъ мохнатой головой,—не токмо, что выпить, да и поговорить съ нужнымъ человѣчкомъ объ своихъ дѣловъ надоть... Это вы справедливо, Иванъ Хведорычъ...

— Поговорить-то надо,—сказалъ Лисичкинъ, принимая не то грустное, не то соболѣзнующее выраженіе,—да толковать-то вы не умѣете. Плакать вамъ надо, горько плакать, да и того вы не разумѣете...

— Это вы насчетъ чаво, Иванъ Хведорычъ?—отозвался мужикъ-разсказчикъ, хитро поглядѣвъ на Лисичкина, а потомъ, незамѣтно для послѣдняго, обведя остальныхъ быстрымъ взглядомъ.—Это, значитъ, вы объ какихъ такихъ слезъ-то толкуете?.. Похоже, плакать-то намъ покель не о чемъ?..

— И не видите вы своего горя, не чуете его,—продолжалъ Лисичкинъ тѣмъ же тономъ.—Отъ рожденія до самой смерти горбъ гнуть и все-жъ околѣть нищимъ, не веселая штука. А на кого вы работаете-то? А?.. Подумали ли вы когда нибудь объ этомъ?.. Куда эта уймища денегъ-то идетъ, что съ васъ собираютъ каждый годъ становые да земство?.. На нихъ же на голодаевъ идетъ, не на васъ... Вамъ-то что же легче отъ нихъ жить?.. Какъ допрежъ дорогъ нѣтъ, мостовъ нѣтъ, такъ и теперь. Какъ допрежъ доктора морили васъ, такъ и теперь морятъ. И аптеку-то порядочную завести не умѣютъ... Хлѣбъ ни по чемъ, жрать вволю и то не даютъ, а у васъ-то шкуры трещатъ. Такъ, что-ль, говорю я?..

Мужики молча переглянулись между собою.

— А не будь этихъ самыхъ обиральщиковъ-то, и платежей было бы много меньше. Вѣдь жалованье-то имъ идетъ отъ васъ,—продолжалъ Лисичкинъ.—Опять съ землей... вишь, земли-то надѣльной совсѣмъ мало стало. Народу сколько прибавилось противъ прежняго, а земли-то столько же... А гдѣ же земля-то?.. Вся у господъ, вся... Пора бы подумать объ этомъ.

Лисичкинъ замолкъ. Мужики тоже молчали. Даже Крючковъ пересталъ ухмыляться, видимо отрезвѣлъ, что дѣлалось у него очень быстро.

— Ну, что-жъ вы бороды-то уставили?—забасилъ Лисичкинъ, видя, что неловкое молчаніе продолжается.

Мужики снова переглянулись и какъ-то выпрямились разомъ.

— Да что, Иванъ Хведорычъ...—началъ староста, поглядывая на мужиковъ и запуская руку въ волоса на затылкѣ,—такъ-то оно такъ, може... Потому, може, и справедливо. Кто-жъ е знаетъ... А намъ-то, какъ будто, говорить про эвти самыя дѣла не гожается... Потому, то-ись, къ примѣру, подань... подань и есть. Какъ же, значитъ, поданей не платить?.. Требуютъ—ну, мы, значитъ, тае, не супротивничаемъ, плотимъ... Дѣло казенное, какъ не платить?..

— Звѣстное дѣло, какъ жа не платимши,—согласился кудлатый мужикъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Знамо, надо платить,—отозвались остальные,—что говорить..

Въ эту минуту десятскій съ улицы постучалъ пальцами по стеклу и, заслонивъ руками лицо отъ свѣта, посмотрѣлъ внутрь избы.

— Староста, ребята, выходите на сходку, почесть всѣ уже собрались,—проговорилъ онъ.

Мужики стали выходить изъ избы на улицу. Лисичкинъ, недовольный результатами закинутой имъ «удочки», бормоталъ себѣ что-то подъ носъ и вслѣдъ за другими вышелъ изъ избы на улицу.

Сходка, дѣйствительно, была уже въ сборѣ. Группа мужиковъ на заваленкѣ сосѣдняго дома сидѣла и курила. Нѣкоторые разговаривали между собой. Другіе окружили вышедшихъ изъ избы старосту, Крючкова, Лисичкина и Сергѣя Данилова, толковали о чемъ-то съ ними и между собой. Отдѣльно отъ всѣхъ стоялъ Иванъ Алифанычъ и, не говоря ни съ кѣмъ, повидимому, крѣпко задумавшись, тыкалъ длиннымъ костылемъ въ мерзлую землю. Рядомъ съ нимъ стоялъ Семенъ Бобылевъ и тоже молчалъ. Никто не обращалъ на нихъ вниманія.

Крючковъ и нѣкоторые другіе мужики, единомышленники его, перебѣгали отъ одной группы мужиковъ къ другой и о чемъ-то шушукались и смѣялись съ ними. Всѣ были возбуждены. Лисичкинъ и съ нимъ нѣсколько мужиковъ составили отдѣльную группу. Онъ толковалъ имъ что-то, поминутно тыкая пальцемъ то въ того, то въ другого, а иногда бралъ кого нибудь изъ собесѣдниковъ за застежку полушубка, шепча ему на ухо.

Мало-по-малу группы сблизились въ одну общую, которая не переставала громко говорить, спорить и перебраниваться. Галдежъ стономъ стоялъ надъ толпой, такъ что староста, нѣсколько разъ пытавшійся перекричать ее, бросилъ свои попытки и сталъ выжидать минуты, когда крикъ утихнетъ самъ по себѣ.

Говорили о собковскихъ лугахъ и спорили о томъ, кому отдать ихъ въ аренду предстоящей зимой и за какую цѣну. Прошлые года луга эти сдавались по двадцати рублей за десятину купцу изъ сосѣдняго уѣзднаго городка, хотя по качеству своему стоили чуть ли не вдвое. Большая половина схода была недовольна не дешевизной арендной платы, а тѣмъ самымъ купцомъ, который снималъ ихъ. Его укоряли въ томъ, что онъ будто бы не въ срокъ платилъ деньги, мало обходителенъ и «не хочетъ уважить обществу»... Нехотѣніе «уважить обществу» состояло въ томъ, что купецъ, будучи изъ старовѣровъ, никогда самъ не пилъ вина и не любилъ ставить магарычи, что, по понятіямъ крестьянъ, составляетъ главную прелесть и непремѣнное условіе каждой сдѣлки. Лисичкинъ, тайно мечтавшій снять эти луга, былъ доволенъ заварившеюся кашей и стоялъ теперь въ самой серединѣ образовавшагося круга, ехидно улыбаясь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Ну, что-жъ... не желается вамъ Хрячковъ (такъ звали купца), нехай, другой у насъ будетъ, — прокричалъ староста, воспользовавшись минутнымъ затишьемъ схода.

— Не желается, не желается... Ну, яго къ сухарямъ... [1]). Давай изымемъ другого...—слышались голоса. И снова все спуталось, перемѣшалось и слилось въ общій гомонъ.

— Что-жъ, видимое дѣло, не желается имъ Хрячекъ,—пробасилъ Лисичкинъ на ухо старостѣ.—Не желается — я сниму луга. Скажи имъ, староста. Небось, и я деньги заплачу.

Староста махнулъ рукой и крикнулъ что-то, но за общимъ гуломъ его совершенно не было слышно.

Многія головы, однако же, вытянулись и стали переспрашивать старосту, не дослышавъ за шумомъ то, что онъ сказалъ.

— Замолчите, дьяволы...—изо всей силы крикнулъ староста.—Замолчите, окаянные... Ишь, раззяпались... Нешто я одинъ перекричу усю громаду?..

У него надулись жилы на лбу и на шеѣ, лицо его побагровѣло отъ усилія.

— Вотъ тутотка Иванъ Хведорычъ хотитъ вамъ сказать,—сказалъ онъ тише, когда сходка стихла.

Лисичкинъ откашлянулся, тщательно отеръ рукою углы бритаго рта и проговорилъ неспѣша:

— Что-жъ, братцы, не желается вамъ Хрячекъ — можно и другого. Земля не клиномъ сошлась. Неужли-жъ другого охотника на свои луга не найдете? Вѣдь собственность-то ваша — вольны вы распорядиться своимъ имуществомъ, какъ вамъ желается. Не крѣпостное право нонче.

— Звѣстно, не крѣпостные мы. Какъ хотимъ, такъ и отдадимъ... Луга—наши, не чьи нибудь.

— Вотъ и думайте теперь,—досказалъ Иванъ Ѳедоровичъ, когда всѣ затихли.

Настало молчаніе. Мужики задумались и переглядывались между собою.

— То-то, вотъ... этта... толковать-то мы толкуемъ... то-ись... объ луговъ, а, къ примѣру... съемшиковъ, опричь Хрячка, похоже, не предвидится,—прокричалъ изъ толпы тонкій голосъ Крючкова.

— Экъ, политику-то подводитъ,—подумалъ Лисичкинъ.

— Какъ такъ — съемшиковъ нѣтъ? — сказалъ онъ вслухъ, не давъ сходу снова загалдѣть.—Найдутся охотники, луга-то ваши не бросовые.

— Чтобы вамъ-то узять, Иванъ Хведорычъ, ась? — сказалъ Крючковъ, протискиваясь изъ толпы на середину круга и распуская улыбку во всю ширину беззубаго рта.

---

[1]) Намекъ на сухія, безъ могорычей, заключенія сдѣлокъ Хрячкова.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да вѣдь я лѣтошный годъ предлагалъ вамъ — не пожелали тогда, — сказалъ онъ съ укоризной. — А впрочемъ спасибо, что не отдали,—прибавилъ онъ, поклонясь сходу.—Тяжело... не одолѣлъ бы.

— Нябось одолѣлъ бы,—весело засмѣялся кудлатый мужикъ, который вмѣстѣ съ другими былъ въ старостиной избѣ и пилъ вино.

— Одолѣешь, одолѣешь, Иванъ Хведорычъ... Чаго тутъ...—слышались голоса.

Лисичкинъ, повидимому, оставался спокоенъ.

— А какую-жъ вы цѣну положите? — спросилъ онъ.—Противъ Хрячка-то надыть уважить сколько нибудь. Сами знаете? Только вамъ хочется удовольствіе сдѣлать. Пожалѣйте, братцы, я человѣчекъ махонькій.

— Махонькій... э-хо-хо...—съ злой усмѣшкой сказалъ Иванъ Алифанычъ, незамѣтно протискавшійся въ кругъ и впиваясь своими черными, какъ уголь, глазами въ Лисичкина.—Махонькій... отъ семисотъ-то десятинъ земли? Нябось и Хрячкова, и насъ усѣхъ, живмя слопаешь, не поморщишься.

Мужики захохотали.

Лисичкинъ злобно воззрился на Алифаныча, но, не выдержавъ его взгляда, отвернулся и сталъ выжидательно смотрѣть на толпу.

— Какую-жъ цѣну положите, братцы? — переспросилъ онъ, желая отвлечь общее вниманіе въ другую сторону и загладить невыгодное для себя впечатлѣніе, произведенное на сходъ насмѣшкой Алифаныча.

— Надо бы накинуть противъ Хрячка,—заговорили мужики.

— Нѣтъ! — сказалъ Лисичкинъ твердо. — Накинуть противъ Хрячка—я не накину, потому—не изъ чего. Желаете—буду платить то же, что и онъ.

Мужики снова молча переглянулись.

— А не накинетъ, чаво-жъ намъ, братцы, и домогаться,— спокойно сказалъ Алифанычъ.

Лисичкинъ не смотрѣлъ на Алифаныча и даже показалъ видъ, что не слышитъ его словъ.

— Вѣдь вотъ, вы, небось, знаете,—продолжалъ онъ, обращаясь къ мужикамъ,—что не нынче-завтра вамъ неминуючи придется вести размежевку съ помѣщикомъ. Что-жъ, ежели желаете, возьмите меня повѣреннымъ. Я, пожалуй, труды свои накину на цѣну.

— Слышь, малый...—сказалъ Крючковъ сосѣднему мужику, подталкивая его локтемъ. — Этта ёнъ правильно, потому, то-ись, аблаката намъ, братъ, не миновать. Вотъ полтораста рублевъ—на кости... Этта енъ точно.

Еще нѣсколько мужиковъ изъ единомышленниковъ Крючкова подхватили эту мысль и пошли шушукаться съ сосѣдями.

— А кольки-жъ, по вашему, накинули вы намъ своими, значитъ, трудами?—спросилъ Алифанычъ Лисичкина.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Послѣдній отлично слышалъ вопросъ, но, избѣгая отвѣта, воспользовался снова подымавшимся на сходѣ шумомъ и отвернулся.

Алифанычъ, не торопясь, подошелъ къ Ивану Ѳедорову и, ставъ передъ нимъ такъ, что тому уже отвернуться было некуда, повторилъ вопросъ.

Сходка затихла. Лисичкинъ снова хотѣлъ было увернуться, но Алифанычъ остановилъ его за рукавъ.

— Нѣтъ, ты постой, — говорилъ Алифанычъ. — Ты отвѣчай-ка: кольки твоихъ трудовъ-то эвтихъ самыхъ будетъ? На рубли покажь. Знаемъ мы... неча темнить...

Лисичкинъ, который чувствовалъ, что уйти отъ этого вопроса уже нельзя, безпомощно сверкалъ на Алифаныча сердитымъ взглядомъ.

— Да что ты прилипъ?—огрызнулся онъ.—Какъ тутъ на рубли показать? Нешто возможно? Дѣло большое, путанное, сами, я чай, понимаете?—прибавилъ онъ, обращаясь къ Крючкову и его единомышленникамъ.

— Оно, конечно... то-ись... къ примѣру... рублевъ на двѣсти эвтихъ самыхъ трудовъ... потому... нешто мало за ими хлопотъ?.. И прошенію писать и отвѣтъ держать.

— А сколько разъ въ «губернію-то» [1]) придется махать? — подхватилъ Лисичкинъ, обрадовавшись поддержкѣ. — Опять же вамъ хорошо извѣстно, что ужъ я не проморгаю. Десятокъ-то десятинъ барской земли, а, можетъ быть, и больше, занепремѣнно къ вамъ отойдетъ. Это вѣрно. Вы, небось, знаете меня?

— Какъ не знать, наслышаны... Не даромъ дѣвокъ у казаки отдавалъ, да вотъ по волѣ ходишь,—злобно крикнулъ Алифанычъ.

Нѣсколько человѣкъ фыркнуло, гдѣ-то въ толпѣ громко захохотали.

Лисичкинъ позеленѣлъ отъ злости.

— Кажись, чаво бы ишшо?..—подхватилъ Крючковъ, обращаясь къ сходу. — Давай, рябята, ударимъ по рукамъ... потому для насъ эвта самая дѣла, значитъ, самая пользительная... — И не дождавшись отвѣта, онъ обернулся къ Ивану Ѳедоровичу и своею грязной, мозолистой рукой какъ-то неловко, одними концами пальцевъ, пожалъ руку Лисичкина.

Увлеченные примѣромъ Крючкова, и другіе мужики стали подходить къ Лисичкину и тоже жали его руку. Лисичкинъ, тяжело отдуваясь послѣ одержанной побѣды, отвѣчалъ на пожатія, въ промежуткахъ утирая платкомъ струившійся по лицу потъ.

— Стало, всѣ согласны?.. — спросилъ онъ, обводя всѣхъ торжествующимъ взглядомъ и останавливая его на Алифанычѣ съ непередаваемымъ оттѣнкомъ злой иронiи.

— Стало, усѣ! — крикнулъ Крючковъ погромче, чтобы всѣ слышали.

---

[1]) Губернскій городъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Я не согласенъ,—громко сказалъ Алифанычъ, который молчалъ все время послѣ того, какъ его протестъ противъ сдѣлки съ Лисичкинымъ былъ обойденъ молчаніемъ.

— И я тоже, значитъ, не въ согласіи,—робко проговорилъ стоявшій рядомъ съ Алифанычемъ кумъ, Семенъ Бобыль. Лисичкинъ гордо воззрился на нихъ и со злой усмѣшкой пробасилъ:

— Га, и не требуется оно, ваше согласіе-то... безъ васъ почти всѣ согласны.

Алифанычъ знаменательно сплюнулъ въ сторону Лисичкина и, не проговоривъ ни одного слова, медленно побрелъ съ Бобылемъ къ своей хатѣ.

— Серчаетъ,—глядя ему въ слѣдъ, сказалъ Лисичкину Крючковъ, снова распуская беззубый ротъ въ обычную улыбку и бѣгая плутоватыми глазами.

VI.

Между тѣмъ, могорычъ, невидимо появившійся откуда-то, какъ по мановенію волшебнаго жезла, дѣлалъ свое дѣло. Мужики пьянѣли и горланили громче прежняго. Сходъ рѣдѣлъ, снова образовались группы. Многіе курили, сидя по заваленкамъ и разговаривая между собою. Лисичкинъ, староста и цѣлая толпа мужиковъ удалились въ сборную избу писать приговоръ объ отдачѣ луговъ Лисичкину. Молчаливый кабатчикъ, Сергѣй Даниловъ, ходилъ по мужикамъ и «подносилъ», наливая вино изъ полуведерной бутыли.

Иванъ Алифанычъ видѣлъ все это съ крыльца своего дома и злобствовалъ.

«Подавитесь вы вашимъ зельемъ,—думалъ онъ, угрюмо взирая на картину пьянства передъ собой.—Подавитесь, прогуляли луга-то... И достались кому же? Лисичкину! А? Антихристъ... Истинный Господь, антихристъ... Прости Богъ мое согрѣшеніе».

Тѣмъ временемъ приговоръ о сдачѣ собковскихъ луговъ Лисичкину былъ написанъ и разносился для подписи по опьянѣвшимъ мужикамъ. За неграмотныхъ подписывался какой-то молодой безусый парень въ драной кумачевой рубашкѣ съ густо напомаженными рыжеватыми волосами. Многихъ, значившихся, хотя и не было на лицо, но парень, побуждаемый Крючковымъ, старательно выводилъ ихъ на бумагѣ. Когда всѣ были подписаны, и староста, накоптивъ должностную печать, приложилъ ее къ приговору и передалъ послѣдній десятскому для доставленія земскому начальнику на разсмотрѣніе, сходъ снова собрался въ кружокъ для рѣшенія другихъ общественныхъ вопросовъ, между прочимъ и учрежденія въ Собковѣ питейнаго заведенія. Этотъ вопросъ прошелъ совершенно гладко, безъ всякаго возраженія. Угощеніе водкой продолжалось. Наливалъ вино уже не самъ Даниловъ, а успѣвшій совершенно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«набраться» Крючковъ, который при этомъ съ трудомъ попадалъ въ стаканъ и беззаботно проливалъ вино на землю. Приговоръ объ открытіи кабака въ Собковѣ появился изъ кармана кабатчика готовымъ. Оставалось только отобрать подписи, въ чемъ уже не было затрудненія. Въ приговорѣ значилось, что согласіе на открытіе кабака въ Собковѣ дано было вслѣдствіе крайне затруднительнаго экономическаго положенія крестьянъ, что кабатчикъ по новому закону обязуется платить обществу за содержаніе заведенія въ селѣ сто рублей ежегодно, что эта сумма предназначается крестьянами на покрытіе недоимокъ, что наконецъ мѣщанинъ Сергѣй Даниловъ хорошо имъ, собковскимъ крестьянамъ, извѣстенъ за отличнаго, безупречнаго поведенія человѣка, и что такимъ образомъ открытіе въ Собковѣ питейнаго заведенія «никакого вреда, окромя только великой пользы для населенія, принести не можетъ». Словомъ, по приговору крестьянъ выходило такъ, что безподобный человѣкъ, кабатчикъ Даниловъ, собираясь учредить собковскій кабакъ, какъ бы являетъ примѣръ необычайной доблести и великодушія, собираясь облагодѣтельствовать своимъ заведеніемъ мѣстное населеніе. По исполненіи всѣхъ надлежащихъ формальностей, староста, собиравшійся передать и этотъ приговоръ десятскому для представленія земскому начальнику, былъ остановленъ Лисичкинымъ, который сказалъ:

— Погоди... что-жъ не всѣмъ домохозяевамъ далъ подписать-то?...

— Какъ не всѣмъ?—усомнился староста.

— А что-жъ Алифаныча-то забылъ?

— Эге, и то,—отозвался староста, ища глазами вокругъ себя:— да куда же онъ пропалъ?

— Вонъ на крыльцѣ сидитъ,—отозвался Лисичкинъ, указывая по направленію Алифанычева дома.—Ишь вонъ пузырится... серчаетъ, что его не взяла.

Оба дружно расхохотались.

— А ну-ка, мы съ тобой, староста, пойдемъ, не подмахнетъ ли приговора,—добавилъ Иванъ Ѳедоровичъ съ ѣдкою улыбкой.

— Ну яво, — сказалъ староста, махнувъ рукой,—что жъ яво тревожить, нехай отойдетъ.

Но Лисичкинъ, у котораго созрѣлъ новый планъ по поводу отместки Алифанычу за его непокорливость и всѣ выходки противъ него, настоялъ на требованіи предложить Алифанычу къ подписи приговоръ о кабакѣ, и онъ вмѣстѣ со старостой, Крючковымъ и нѣсколькими крестьянами двинулся по направленію дома Алифаныча.

— Дядя Алифанычъ... Вотъ мы, стало быть, къ тебѣ,—сказалъ староста, подойдя къ крыльцу вмѣстѣ съ Лисичкинымъ и остальными.

— Что прикажешь?—сказалъ Алифанычъ, вставая съ лавки и дѣлая шагъ впередъ.

— Да вотъ приговорецъ подписать требуется,—сказалъ староста, смущенно переминаясь съ ноги на ногу и глядя куда-то въ сторону.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Это насчетъ чаво?—сурово спросилъ Алифанычъ.

— Да, нябось, знаешь... Тутъ... этта... объ эвтимъ самомъ заведеніи...—еще болѣе смущаясь, проговорилъ староста, ворочая плечами въ полушубкѣ и поправляя знакъ безъ всякой надобности, какъ будто онъ жалъ ему шею.

— Нѣтъ, староста, не подпишу,—серьезно и твердо сказалъ Алифанычъ.—Не подпишу, потому эфтотъ самый кабатчикъ кровь нашу пить станетъ... Рукъ на себя налагать не могу, такого аблиманту [1]) на себя принять не жалаю.

— Однако же, подписать приговоръ долженъ каждый домохозяинъ... такъ въ законѣ сказано...—нахально сказалъ Лисичкинъ, выхвативъ приговоръ изъ рукъ старосты и помахивая бумагою передъ старикомъ.

— Эхъ-ма... староста, староста,—съ печальнымъ укоромъ въ голосѣ продолжалъ Алифанычъ, не обращая никакого вниманія на выходку Лисичкина. Одумайтесь, братцы, что вы дѣлаете?... И сейчасъ плохо живемъ, во тьмѣ ходимъ, а станетъ кабакъ торговать, значитъ, и вовсе мы усѣ на нѣтъ сойдемъ... Бяда... Истинный Господь, пропадемъ... И что за неволя вамъ приспѣла закабалить себя всякому прохожему «шарлатану» [2]), а?... Не пойму я...

— Это кто-жъ такой шарлатанъ по-твоему?—вызывающе спросилъ Лисичкинъ, перебивая Алифаныча.—Тебя никто не спрашиваетъ про эти дѣла, а вотъ староста велитъ приговоръ подписать,—добавилъ онъ, подымаясь на камень у порога крыльца и почти насильно всовывая бумагу въ руку Алифаныча. Старикъ при этой новой дерзости вспыхнулъ, глаза его заискрились. Не помня себя отъ раздраженія, онъ высоко поднялъ сложенный вчетверо приговоръ рукой и, потрясая имъ въ воздухѣ, заревѣлъ на Ивана Ѳедорова:

— Кто шарлатанъ у насъ?... Да ты шарлатанъ, да кабашникъ твой—шарлатанъ, бездомцы, проходимые люди, кровопійцы наши, душегубители, вотъ кто шарлатаны... Будь вамъ пусто на томъ и на этомъ свѣтѣ... И бросивъ въ Лисичкина сложеннымъ приговоромъ, Алифанычъ повернулся и быстро вошелъ въ избу, затворивъ за собою дверь на засовъ. Лисичкинъ широко улыбнулся, но, спохватившись, сейчасъ же состроилъ обиженное лицо и, поднимая съ земли растрепанный приговоръ, сказалъ сопровождавшему его старостѣ, мужикамъ и притулившемуся къ заваленкѣ Крючкову:

— Ну, братцы, будьте же свидѣтелями... Слышали, видѣли? Я жаловаться буду за оскорбленіе на словахъ и дѣйствіемъ въ публичномъ мѣстѣ.

---

[1]) Мѣстное выраженіе, употребляемое въ смыслѣ: покоръ, стыдъ. Этимологія этого слова неизвѣстна.

[2]) Это слово у крестьянъ употребляется въ смыслѣ болѣе сильномъ, чѣмъ настоящее его значеніе.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Погоди же, голубчикъ, я изъ тебя спесь-то вышибу... поклонишься... И мнѣ и кабаку поклонишься...—думалъ Иванъ Ѳедоровъ по адресу Алифаныча, нѣсколько времени спустя, когда онъ вмѣстѣ съ кабатчикомъ, чрезвычайно довольный успѣхомъ дня, возвращался домой изъ Собкова». Погоди, дай срокъ... Сломаю я тѣ голову... Позабудешь ты, какъ Иванъ Ѳедоровъ Лисичкинъ дѣвокъ въ казаки отдавалъ»...

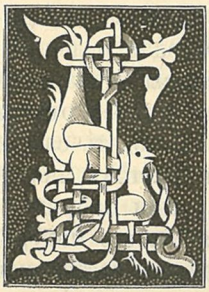
В. Тимашевъ-Берингъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЗАБЫТЫЙ ПОЭТЪ.

(Психологическій этюдъ).



ЫВАЮТЪ ЛЮДИ, которымъ удается разъ въ жизни сыграть крупную роль, обратить на себя всеобщее вниманіе. Про ихъ существованіе узнаетъ широкій кругъ людей, о нихъ много говорятъ. Но затѣмъ человѣкъ, совершивъ свое дѣло или сказавъ свое слово, снова удаляется изъ небольшого, ярко освѣщеннаго круга исторіи и пропадаетъ въ туманѣ частной жизни. И всѣ забываютъ про него. А онъ продолжаетъ жить въ безвѣстности. Проходитъ одно десятилѣтіе за другимъ, нарождаются и вступаютъ въ жизнь новыя поколѣнія, гибнутъ старые интересы и стремленія, выростаютъ новыя; событія, съ которыми уже навѣки связано имя того уединившагося человѣка, отходятъ въ область исторіи, о нихъ говорятъ уже, какъ о какой-то старинѣ, быльемъ поросшей. И вдругъ въ газетахъ появляется краткое извѣстіе о томъ, что умеръ такой-то. «Какой это? — съ изумленіемъ спрашиваетъ публика,— неужели тотъ, который тогда?... Неужели онъ до сихъ поръ живъ былъ? Да вѣдь это же такая старина стародавняя!..»

Такъ было и въ 1895 году, когда скончался Иванъ Петровичъ Клюшниковъ, который въ концѣ тридцатыхъ и началѣ сороковыхъ годовъ считался однимъ изъ талантливѣйшихъ нашихъ поэтовъ, которымъ восторгался Бѣлинскій, предъ которымъ преклонялась публика. А черезъ полвѣка никто уже не могъ хорошенько разсказать, что такое собственно былъ Клюшниковъ, и почему постигло его такое странное забвеніе. И теперь совсѣмъ уже немного осталось людей, которые лично знали Клюшникова въ лучшую пору его жизни. Одинъ изъ этихъ немногихъ — нашъ маститый поэтъ, Я. П. Полонскій. Я не разъ имѣлъ случай бесѣдовать съ нимъ объ его старомъ другѣ и вынесъ изъ этихъ разговоровъ яркое пред-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ставленіе о Клюшниковѣ, которое даетъ возможность уяснить забытую, но весьма характерную для своего времени фигуру этого поэта.

Иванъ Петровичъ Клюшниковъ родился въ 1811 году. Отецъ его былъ помѣщикъ Сумскаго уѣзда Харьковской губерніи. Первоначальное воспитаніе поэтъ получилъ въ деревнѣ подъ руководствомъ гувернера учителя, продолжалъ образованіе въ московской первой гимназіи, а въ 1831 году поступилъ на словесное отдѣленіе Московскаго университета, въ которомъ и окончилъ курсъ со степенью кандидата въ 1835 году. Университетскіе годы Клюшниковъ провелъ въ усиленныхъ занятіяхъ и пріобрѣлъ обширныя и солидныя познанія, особенно въ области исторіи и литературы. Въ то же время онъ сблизился съ кружкомъ Станкевича и сталъ ближайшимъ другомъ самого главы кружка и Бѣлинскаго. Увлеченіе нѣмецкой философіей, царившее въ кружкѣ Станкевича, не прошло и мимо Клюшникова, который изучалъ вмѣстѣ съ Станкевичемъ Шеллинга, а затѣмъ «Критику чистаго разума» Канта. Но занятія философіей, въ которыя сверстники и друзья Клюшникова вкладывали всю свою душу, не увлекали его самого. Обладая недюжиннымъ умомъ, онъ быстро и легко воспринималъ основы германской метафизики, но былъ далекъ отъ того, чтобы искать въ ней отвѣта на жгучіе жизненные запросы. Онъ предпочиталъ наблюдать самую жизнь и людей, вникать въ смыслъ подмѣченныхъ фактовъ, анализировать психику чужую и свою. Вредныя послѣдствія напряженнаго самоанализа не замедлили пагубно отразиться на его натурѣ. Уже отъ природы у него умъ перевѣшивалъ сердце, а постоянное самоуглубленіе окончательно убило у него непосредственное чувство и превратило его въ головного, разсудочнаго человѣка, въ рефлектика, въ прототипъ «Гамлета Щигровскаго уѣзда» и его родственниковъ, «заѣденныхъ рефлексіей». А между тѣмъ у Клюшникова постоянно стояли передъ глазами такія сердечныя и искреннія личности, какъ Станкевичъ и Бѣлинскій. Онъ не могъ не понимать, что при всемъ своемъ умѣ онъ стоитъ гораздо ниже этихъ людей, потому что потерялъ цѣльность и непосредственность, безъ которой невозможно ни глубокихъ чувствъ, ни стойкихъ убѣжденій, ни искренней вѣры въ какое нибудь дѣло, а слѣдовательно, невозможно и самое дѣло. Клюшниковъ понялъ, что онъ «лишній человѣкъ», что его безплодное сердце неспособно хоть сколько нибудь приблизиться къ прекрасному идеалу, который онъ постигъ умомъ, а на половинѣ онъ мириться не хотѣлъ: онъ требовалъ всего, либо отказывался отъ всего. Первое оказалось недостижимымъ, и Клюшниковъ съ удивительною твердостью отрекся отъ всего, что составляло прелесть его юности.

Уже съ самаго вступленія въ кружокъ Станкевича Клюшниковъ оказался неподходящимъ къ юнымъ энтузіастамъ. Оставаясь холоднымъ среди ихъ увлеченій, онъ сдѣлался Мефистофелемъ кружка, зло и ѣдко подсмѣиваясь надъ идеальными стремленіями

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

своихъ пріятелей. Когда Станкевичъ благоговѣйно вникалъ въ философскія построенія Шеллинга и Канта, Клюшниковъ сопровождалъ чтеніе такими комментаріями, что смѣтливый Станкевичъ помиралъ отъ хохота, и въ концѣ концовъ отказался отъ совмѣстнаго чтенія съ Клюшниковымъ, который мѣшалъ ему серьезно отнестись къ занятіямъ. Обладая замѣчательнымъ остроуміемъ, Клюшниковъ сыпалъ экспромтами, каламбурами и шуточными стихотвореніями, въ которыхъ его пріятели видѣли живость ума и истинный юморъ, не замѣчая, что за насмѣшливымъ расположеніемъ его скрывалась тяжелая тоска, вызванная сознаніемъ собственной неспособности серьезно и всею душею отдаться чему нибудь. А между тѣмъ не всегда удавалось Клюшникову спрятаться за личиною веселости, настроить себя на саркастическій ладъ, и въ такія минуты имъ овладѣвала ипохондрія, которой онъ не въ силахъ уже былъ скрыть. Во всякомъ случаѣ, въ сознаніи своихъ университетскихъ друзей Клюшниковъ оставался талантливымъ и веселымъ малымъ.

По окончаніи университета Клюшниковъ попробовалъ заняться дѣломъ. Въ 1835 году, онъ принялъ участіе въ редакціи «Телескопа», который послѣ отъѣзда Надеждина за границу перешелъ въ руки кружка Станкевича. Но этотъ журналъ вскорѣ совсѣмъ прекратился. Въ томъ же 1835 году Клюшниковъ поступилъ учителемъ въ Московскую первую гимназію и, кромѣ того, занялся частными уроками. Первое время его преподаваніе сопровождалось блестящимъ успѣхомъ. Обиліе свѣдѣній, передаваемыхъ въ яркихъ, красочныхъ формахъ, глубина и новизна идей — все это покоряло его учениковъ и создало ему славу превосходнаго педагога. Онъ попалъ во многіе московскіе аристократическіе и интеллигентные дома, обучалъ, между прочимъ, Юрія Самарина, его брата и сестру. Но вскорѣ душевный разладъ, царившій въ душѣ Клюшникова, отразился и на его преподаваніи. Ведя своихъ учениковъ къ познанію прекраснаго идеала, онъ въ концѣ концовъ оказывался не въ состояніи отвѣтить на тѣ самые запросы, которые самъ же будилъ въ нихъ. Онъ съ самаго начала бралъ тонъ не столько учителя, сколько воспитателя, а между тѣмъ могъ ли человѣкъ, не умѣвшій правильно воспитать себя, воспитывать другихъ? Особенно ярко сказался этотъ фактъ въ отношеніяхъ Клюшникова съ Самаринымъ. «Сначала Клюшниковъ совершенно овладѣлъ мною, говорилъ Самаринъ, но вліяніе это стало наконецъ тягостно, ужасно; я убѣжалъ отъ него, иначе развязаться я не могъ бы никакъ». Пламенная, впечатлительная натура ученика чуяла мертвенность безплоднаго сердца въ Клюшниковѣ и невольно отшатнулась отъ учителя. Клюшниковъ самъ быстро понялъ, что изъ него не выйдетъ педагога, и уже въ 1837 году оставилъ гимназію, а вслѣдъ затѣмъ одинъ за другимъ бросилъ и частные уроки.

Онъ рѣшилъ испробовать свои силы на другомъ поприщѣ. Еще студентомъ писалъ онъ много стиховъ, и при томъ не только шу-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

точныхъ. Нѣтъ, обладая истиннымъ лирическимъ талантомъ, онъ изливалъ въ поэтической формѣ всѣ свои душевныя состоянія: и порывы къ идеалу, и психическій разладъ, и попытки найти почву для примиренія этого разлада. Долгое время онъ не рѣшался пустить въ публику эти автобіографическіе отрывки, желая сохранить въ тайнѣ свои сердечныя раны. Только мысль явиться на судъ общества подъ псевдонимомъ успокоила его. Послѣ нѣкотораго колебанія онъ избралъ для своей подписи букву ѳиту съ двумя тире по бокамъ (—Ѳ—) и, подписавъ этимъ знакомъ два своихъ стихотворенія, отправилъ ихъ въ 1838 году въ редакцію «Московскаго Наблюдателя». Эти пьески вскорѣ были напечатаны и вызвали одобреніе публики и критики. Особенно восторгался ими Бѣлинскій. Успѣхъ ободрилъ Клюшникова и въ теченіе 1839 и 1840 годовъ онъ помѣстилъ въ «Московскомъ Наблюдателѣ», «Отечественныхъ Запискахъ» и «Современникѣ» еще 24 стихотворенія. Въ 1841 году въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась еще одна его пьеса: «Воспоминаніе»,— безспорно лучшая изъ всего, писаннаго Клюшниковымъ. Этимъ и оборвалась надолго его литературная дѣятельность, если не считать плохенькаго разсказа: «Привидѣніе перваго мужа» (въ «Литературной Газетѣ» 1841 года) и шаблонной повѣсти: «Любовная сказка» (въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1849 года).

Содержаніе лирики Клюшникова немногосложно. Всѣ попытки изобразить бодрое настроеніе, могучій порывъ къ идеалу или заняться объективнымъ творчествомъ,— все это не удавалось ему совершенно, и это понятно при дряблости его сердца. Но тѣмъ искреннѣе звучатъ у него струны душевнаго разлада, тѣмъ правдивѣе жалобы на сердечное безсиліе. Онъ вполнѣ понимаетъ, «какъ немного надобно для счастья»:

На грудь любви довѣрчиво склонясь,
За мигъ одинъ горячаго участья
Я-бъ отдалъ эту жизнь сто разъ...

Но въ то же время это счастье для него недоступно: онъ слишкомъ холоденъ, слишкомъ разсудоченъ, онъ

прекрасное въ природѣ
Не сердцемъ, а умомъ безплодно понималъ.

Это было его мукою, онъ пытался воззвать свое сердце къ жизни, пытался разбудить въ немъ любовь. Но, если даже онъ и успѣвалъ вызвать искреннее чувство у женщины, то все же изъ этого ничего не выходило, потому что его-то собственное сердце оставалось безмолвнымъ, а онъ былъ слишкомъ честенъ для того, чтобы «обладать не любя». И вотъ онъ обрываетъ романъ въ самомъ началѣ. Причиной разрыва онъ иногда выставляетъ прошедшую, утраченную любовь, не рѣшаясь прямо сознаться въ томъ, что повелъ нехорошую игру:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Непостижимой, тайной силой
Она всегда, вездѣ со мной,—
И на груди твоей, другъ милый,
Я сталъ бы думать о другой.

Между тѣмъ въ другомъ стихотвореніи онъ на вопросъ: «Любилъ ли я когда нибудь?» отвѣчаетъ прямо: «Нѣтъ!.. Мнѣ нечѣмъ юность помянуть!».

Въ другой разъ онъ уже прямо кается въ своемъ сердечномъ безсиліи:

больной моей душою
Я никого не буду здѣсь любить...
О, не кляни меня! Я обманулъ природу,
Тебя, себя, когда въ волшебный мигъ
Я сердце праздное и бѣдную свободу
Повергъ въ слезахъ у милыхъ ногъ твоихъ.
Я не люблю тебя. Но, полюбивъ другую,
Я проклиналъ бы горько самъ себя,
И, какъ безумный, я и плачу, и тоскую,
И все о томъ, что не люблю тебя...

Поэтъ ищетъ любви, но какъ только ему улыбнется успѣхъ, такъ сейчасъ же обнаруживается отсутствіе у него истиннаго чувства. Иллюзія любви поддерживается въ немъ только до тѣхъ поръ, пока онъ добивается взаимности. Въ случаѣ если его искательства остаются отвергнутыми или даже просто нераздѣленными, эта иллюзія достигаетъ такой напряженности, что вызванные ею стихи звучатъ неподдѣльнымъ чувствомъ. Этимъ объясняется искренность стихотворенія «Воспоминаніе».

Я васъ любилъ... давно, безъ упованья...
За арфою, въ вечерней тишинѣ,
Неясныя души моей желанья
Вы звуками высказывали мнѣ.

Лилися въ душу сладостные звуки;
Внимая имъ, въ восторгѣ я рыдалъ —
И счастливъ былъ: блаженство сладкой муки
Любить и плакать я впервые зналъ.

Онъ былъ далеко не ребенокъ,
Я васъ любилъ... Невѣста молодая...
Онъ васъ плѣнилъ, красавецъ молодой —
И, радостью небесною сіяя,
Вы шли къ вѣнцу прекрасною четой...

Я былъ въ толпѣ... и, притаивъ дыханье,
Спокойно на обрядъ святой глядѣлъ...
Я спряталъ отъ людей свое страданье,
Я въ тишинѣ оплакалъ свой удѣлъ...

Я васъ любилъ! Склонясь на изголовье
Младенца-ангела прозрачною рукой;
Глядѣли вы съ надеждой и любовью
На первенца любви своей святой.

И я глядѣлъ — и сердцемъ забывался...
Души моей завѣтный идеалъ
Я видѣлъ въ васъ — я вами любовался,
И свято васъ любилъ — и не страдалъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Всего три года печаталъ Клюшниковъ свои стихотворенія, и въ короткій срокъ успѣлъ вылить всѣ настроенія, которыя были ему доступны. И опять-таки онъ прежде всѣхъ понялъ, что уже сказалъ все, что могъ сказать. Несмотря на настоянія друзей, пророчившихъ ему славную поэтическую карьеру, онъ отказался отъ поэзіи. И въ этой сферѣ дѣятельности его хватило ненадолго, и на этомъ поприщѣ онъ оказался лишнимъ. Тогда Клюшниковъ рѣшилъ совершенно порвать съ кружкомъ интеллигентныхъ тружениковъ, гдѣ ему не нашлось мѣста, и въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, покинувъ Москву, уединился въ свое наслѣдственное имѣніе, гдѣ и сталъ жить вдали отъ всякой литературной и общественной дѣятельности. Лишь въ 1880 году онъ ненадолго покинулъ деревню и посѣтилъ Москву. Тогда же редакція «Русскаго Вѣстника» получила отъ него четыре стихотворенія, которыя и напечатаны въ февральской книжкѣ этого журнала за 1883 годъ. Но въ этихъ пьесахъ не видно уже и тѣни прежняго поэтическаго таланта Клюшникова. Въ деревнѣ онъ видимо опустился и совсѣмъ уже не походилъ на того человѣка, про котораго Я. П. Полонскій нѣкогда сказалъ:

Все понималъ: и жизнь, и вѣкъ,
Зло и добро — былъ добръ и тонокъ,
Но — въ свѣтѣ лишній человѣкъ.
Какъ часто, самъ сознавшись въ этомъ,
Искалъ онъ дѣла — и грустилъ;
Хотѣлъ ученымъ быть, поэтомъ,
Рвался и выбился изъ силъ.
Онъ бѣденъ былъ, но не нуждался,
Хотѣлъ любить — и не влюблялся,
Какъ будто жаръ его любви
Былъ въ головѣ, а не въ крови.

Эта превосходная характеристика Клюшникова находится въ поэмѣ «Свѣжее преданіе», гдѣ онъ выведенъ въ качествѣ главнаго героя подъ именемъ Камкова. Знакомство Я. П. Полонскаго съ Клюшниковымъ относится къ самому концу 30-хъ годовъ. Характеръ поэта, обстановка его жизни и тогдашнее отношеніе Я. П. Полонскаго къ нему переданы съ полною правдивостью въ «Свѣжемъ преданіи», но вся романическая часть поэмы — плодъ поэтическаго творчества. «Я желалъ представить,—говоритъ Я. П. Полонскій,— какъ поступилъ бы Клюшниковъ, если бы попалъ въ такое положеніе». Насколько такая задача удалась нашему маститому поэту, видно изъ того, что Клюшниковъ, прочитавъ «Свѣжее преданіе», сразу узналъ въ Камковѣ свой портретъ [1]).

С. Адріановъ.

---

[1]) При составленіи этой статьи я пользовался слѣдующими источниками: Личные разсказы Я. П. Полонскаго.— П. В. Анненковъ. «Николай Владиміровичъ Станкевичъ. Переписка его и біографія», М. 1857.— Н. В. Гербель. «Русскіе поэты въ біографіяхъ и образцахъ». Спб. 1873.— «Черезъ сорокъ лѣтъ» (въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1883 года, февраль).— Письма Ю. Самарина къ К. С. Аксакову (въ «Русскомъ Архивѣ», 1880 года, II, 273).— Къ біографіи Надеждина (тамъ же 1885 года, августъ, 583).— Лучшія пьесы Клюшникова перепечатаны въ Христоматіяхъ Гербеля и Щербины.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ТЕАТРАЛЬНЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ [1].

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Домашніе спектакли. — Спектакли въ пансіонѣ. — Авторство. — Тифлисскіе любители: кн. А. И. Сумбатовъ и Вл. И. Немировичъ-Данченко. — Тифлисскіе клубы. — Общественная жизнь. — «Тифлисскій кружокъ». — Любительская труппа кружка, ея распорядители и организація. — Мой дебютъ. — Непреодолимая робость. — «На бойкомъ мѣстѣ» и «Счастливый день». — Счастливый вечеръ. — Я становлюсь членомъ кружковской труппы. — Первая рецензія. — Буква «л». — Пятидесятилѣтіе со дня кончины Грибоѣдова. — Юбилейное представленіе ком. «Горе отъ ума», на сценѣ Тифлисскаго кружка. — Цѣны на мѣста. — Отставка. — Поступленіе на сцену городскаго Тифлисскаго театра. — Актеръ въ мундирѣ.

I.

НАЧАЛОСЬ это, конечно, съ любительскихъ спектаклей.

До сихъ поръ я никода не дерзалъ появляться на сценѣ. Одна мысль подойти къ освѣщенной рампѣ и заговорить передъ публикой — приводила меня въ трепетъ. Конечно, нельзя считать игрою на сценѣ тѣ дѣтскія попытки, на которыя я рѣшался у себя дома и въ пансіонѣ въ Москвѣ. Дома мы устраивали спектакли самаго неожиданнаго характера: сшивали двѣ, три простыни и, перегородивъ ими какой нибудь коридоръ, лицедѣйствовали передъ домочадцами, то-есть экономками, нянъками, горничными. Декорацію клеили изъ писчей бумаги и при одной и той же разыгрывали «Прощаніе Гектора съ Андромахой», сцены изъ «Аскольдовой могилы» и все, что

[1] Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXII, стр. 464.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мы могли найти въ христоматіяхъ и разныхъ книжечкахъ. Очень часто импровизировали пьесы даже прямо на сценѣ, и невзыскательная публика, въ числѣ которой появлялся иногда даже нашъ кучеръ Иванъ, оставалась вполнѣ довольна. Болѣе серьезными попытками надо считать мое участіе въ двухъ спектакляхъ, устроенныхъ у насъ въ пансіонѣ. Въ первомъ играли второй актъ изъ «Ревизора», «Тяжбу» Гоголя и какой-то водевиль. Въ «Ревизорѣ» я игралъ городничаго и, по отзывамъ товарищей, игралъ бы и недурно, если бы могъ сдѣлать свой голосъ погрубѣе, «а то, говорили они, играешь ты городничаго, а говоришь, какъ дѣвчонка». Въ водевилѣ я игралъ роль молоденькой жены и тутъ, должно быть, не совсѣмъ удачно, потому что при женскомъ голосѣ у меня прорывались мужскія манеры. Тогда мнѣ было лѣтъ четырнадцать, голосъ ломался и изъ сопрано превращался въ баритонъ.

Во второмъ пансіонскомъ представленіи я фигурировалъ уже, какъ драматургъ. Товарищи мои устроили кукольный театръ и разыграли на немъ пьесу моего сочиненія, подъ названіемъ «Путаница». Путаница была, кажется, дѣйствительно невообразимая.

И во всѣхъ этихъ случаяхъ, я помню, что робѣлъ невыносимо. Въ городничемъ у меня буквально подкашивались ноги, а когда розыгрывали мою «Путаницу», я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ. А между тѣмъ, кажется, чего бы робѣть-то? Вѣдь зрителями были мои же товарищи, съ которыми я ежедневно учился, шалилъ, бранился и даже дирался.

«Какая же робость должна охватить меня, думалось мнѣ, если я рѣшусь выступить въ большомъ любительскомъ спектаклѣ. Да я рта не раскрою, слова не вымолвлю»... А между тѣмъ желаніе пофигурировать на сценѣ, сыграть ту или другую облюбованную роль, уже зародилось въ моей душѣ и разросталось.

Пріѣхавъ послѣ кампаніи въ Тифлисъ, я какъ-то сразу попалъ въ кружокъ ярыхъ любителей театра. Весной, на каникулы, въ Тифлисъ пріѣхалъ молодой студентъ, князь А. И. Сумбатовъ. Мы скоро съ нимъ познакомились и даже подружились. А. И. былъ тогда уже завзятымъ театраломъ и, кажется, поигрывалъ въ Петербургѣ на клубныхъ сценахъ.

Вмѣстѣ съ нимъ гостилъ въ Тифлисѣ другой молодой человѣкъ, Вл. И. Немировичъ-Данченко. Оба они теперь уже стяжали извѣстность, какъ драматурги, а Сумбатовъ, кромѣ того, занялъ мѣсто премьера, подъ фамиліей Южина, на сценѣ Малаго московскаго театра.

Въ Тифлисѣ къ нимъ примкнуло еще нѣсколько молодыхъ любителей, изъ которыхъ могу упомянуть г-жу Бродовскую и г. Черникова. Этотъ импровизированный кружокъ поставилъ нѣсколько спектаклей, изъ которыхъ я помню только одинъ, гдѣ играли комедію Дьяченки «Современная барышня» и водевиль «Вспышку у

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

домашняго очага». Героями этого вечера были: Сумбатовъ и Немировичъ-Данченко. Но я оставался все еще зрителемъ, не рѣшаясь еще переступить завѣтную черту, отдѣлявшую публику отъ артистовъ.

А въ Тифлисѣ, между тѣмъ, была масса маленькихъ любительскихъ кружковъ. Во многихъ изъ нихъ я имѣлъ знакомыхъ и легко бы могъ пристроиться къ любому въ качествѣ исполнителя, но робость заставляла каждый разъ отказываться отъ лестныхъ предложеній. Бывали случаи даже, что я бралъ роль, училъ ее, приходилъ въ восторгъ отъ разныхъ монологовъ, но на первой же репетиціи отказывался подъ разными благовидными предлогами, стыдясь сознаться въ главномъ, то-есть, непреодолимомъ страхѣ передъ сценой.

Настала осень, и въ тифлисскихъ клубахъ, перебравшихся изъ лѣтнихъ квартиръ на зимнія, закипѣла усиленная дѣятельность. Тифлисъ жилъ въ то время весело. Нѣкоторые изъ клубовъ его, какъ, напримѣръ, «Кружокъ» и «Общественное Собраніе», насчитывали до полуторы тысячи членовъ каждый. Попытаюсь, впрочемъ, сдѣлать краткую характеристику тифлисскихъ клубовъ, начиная снизу. Во-первыхъ:—«Ремесленное собраніе», членами-старшинами котораго были тифлисскіе ремесленники и разный скромный людъ. Въ клубѣ этомъ устраивались танцовальные вечера и маскарады. Подборъ публики, конечно, былъ довольно сѣрый и нравы развязны. Затѣмъ—«Нѣмецкій клубъ». Составъ членовъ чуточку повыше, но собраніе имѣло уже свою сцену, на которой изрѣдка давались любительскіе спектакли, а танцовальные вечера и маскарады въ этомъ клубѣ носили характеръ уже весьма разнузданный и пьяный. Далѣе—«Общественное собраніе», или, какъ его называли тифлисцы, «Бурдючный клубъ». Посѣщался этотъ клубъ главнымъ образомъ мѣстнымъ купечествомъ и кореннымъ кавказскимъ дворянствомъ. Собраніе занимало обширное и прекрасное помѣщеніе, было очень богато, въ немъ велась крупная картежная игра, а на танцовальныхъ вечерахъ собирался, что называется, весь городъ или, вѣрнѣе, верхніе и средніе слои его. У клуба было отличное лѣтнее помѣщеніе въ одномъ изъ садовъ за Курой. Здѣсь можно было прекрасно поужинать, послушать «сазандари»—національныхъ кавказскихъ музыкантовъ и пѣвцовъ. Хорошенькія грузинки и армянки изъ тифлисской аристократіи и буржуазіи нерѣдко танцовали здѣсь лезгинку. Клубъ этотъ можно было бы назвать мѣстнымъ національнымъ клубомъ. Кавказское дворянство и купечество щедро поддерживало это собраніе. Помѣщалось оно на лучшей въ городѣ улицѣ, на Головинскомъ проспектѣ, въ домѣ князя Багратіонъ-Мухранскаго.

Рядомъ съ нимъ по богатству и обилію членовъ можно было поставить «Тифлисскій кружокъ». Къ этому клубу я сейчасъ вернусь и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

поговорю поподробнѣе. Затѣмъ слѣдовало «Военное собраніе», прекрасно организованное учрежденіе, щедро субсидируемое военнымъ вѣдомствомъ и представлявшее, такъ сказать, сборный пунктъ для всего офицерства кавказской арміи. Танцовальные вечера бывали здѣсь рѣдко, но отличались многолюдствомъ и оживленіемъ. Баснословно дешевая кухня давала возможность небогатымъ офицерамъ прилично и дешево продовольствоваться здѣсь. Вечера этого собранія иногда удостоивалъ своимъ посѣщеніемъ великій князь-намѣстникъ.

Затѣмъ слѣдовалъ «Англійскій клубъ», строго замкнутое собраніе высшихъ сановниковъ края и наиболѣе видныхъ представителей мѣстнаго населенія. Здѣсь никакихъ вечеровъ не бывало, дамы не допускались а почтенные посѣтители этого клуба солидно поигрывали въ карты да лакомились хорошей кухней. Кромѣ того, было въ Тифлисѣ еще «Музыкальное общество», но такъ какъ я тамъ никогда не бывалъ, то и сказать ничего не могу.

Весело и богато жилъ въ то время Тифлисъ и, несмотря на дороговизну всякихъ развлеченій и особенно ресторановъ, всюду жизнь кипѣла ключомъ, всюду было шумно, людно и весело. Театры, концерты были всегда полны публикой. Дамы щеголяли нарядами, тратились большія деньги, иногда, можетъ быть, и послѣднія... Но вернемся къ «Тифлисскому кружку». Помѣщался онъ въ громадномъ и великолѣпномъ домѣ Аршакуни, къ несчастію, построенномъ на одной изъ плохенькихъ и грязныхъ улицъ. Но это не мѣшало быть ему самымъ любимымъ мѣстомъ сборищъ тифлисцевъ. Клубъ этотъ въ противоположность «Городскому Общественному собранію» являлся созданіемъ пришлаго на Кавказѣ люда. Членами здѣсь были чиновники, военные, доктора, педагоги, адвокаты, и между ними русскій элементъ не терялся, какъ это было въ другихъ клубахъ, среди массы туземцевъ. Каждый поселившійся или хотя на время пріѣхавшій въ Тифлисъ русскій чиновникъ дѣлался посѣтителемъ кружка. Среди старшинъ этого клуба особенно выдѣлялся своей дѣятельностью и заботами о процвѣтаніи его тифлисскій плацъ-майоръ полковникъ Эрнстъ [1]). Эрнстъ былъ горячій любитель театра, и «Тифлисскій кружокъ» много обязанъ ему по части устройства всякихъ развлеченій. Помѣщеніе этого клуба, какъ я уже сказалъ выше, было обширно и богато. Помимо нѣсколькихъ большихъ столовыхъ, нѣсколькихъ карточныхъ и билліардныхъ комнатъ, цѣлой амфилады изящно убранныхъ гостиныхъ, въ «Собраніи» еще было два громадныхъ зала, одно для танцевъ и другое спеціально театральное, съ отлично устроенной сценой и даже уборными для артистовъ. Вотъ здѣсь-то мнѣ и пришлось впервые испытать свои силы въ качествѣ лицедѣя.

---

[1]) Впослѣдствіи генералъ и сначала александропольскій, а затѣмъ и тифлисскій комендантъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

II.

При «Тифлисскомъ кружкѣ» была почти правильно организованная и постоянная труппа любителей. Богатыя средства клуба и хорошіе сборы со спектаклей давали возможность распорядителямъ не останавливаться передъ расходами, и, благодаря этому, каждый, исполнитель, участвовавшій въ спектакляхъ, могъ не тратить ничего изъ своихъ средствъ. Всѣ, даже самые обыкновенные костюмы, какъ, напримѣръ, сюртуки, піджаки и фраки, а такъ же и дамскія платья, поставлялись портными и портнихами за извѣстную прокатную плату на счетъ кружка. Мало того, даже извозчики для г. г. любителей, пріѣзжавшихъ на репетиціи и на спектакли, оплачивались «Собраніемъ». Труппа Кружка состояла главнымъ образомъ изъ молодыхъ офицеровъ, ихъ женъ и родственницъ. Были, конечно, и штатскіе, но военный элементъ все-таки преобладалъ. Во главѣ труппы, въ то время, когда я примкнулъ къ ней, стоялъ энергичный и распорядительный капитанъ Т—овъ, а постояннымъ его помощникомъ былъ горячій любитель театральнаго искусства, штабсъ-капитанъ Пр—скій. Оба они, конечно, были въ то же время и первыми персонажами труппы. Изъ женскаго персонала особенно выдѣлялись жена одного офицера, г-жа Н—ова, обладавшая премилымъ голоскомъ, благодаря чему кружокъ могъ ставить даже такія вещички, какъ «Дочь второго полка», и двѣ родныя сестры, одна г-жа О. С. П—ева и вторая, еще дѣвица, Е. С. М—съ. Всѣ эти три исполнительницы ранѣе были настоящими профессіональными артистками и только по разнымъ семейнымъ обстоятельствамъ оставили сцену, не переставая, однако, усердно подвизаться на любительскихъ спектакляхъ.

Всѣ пьесы разыгрывались на сценѣ кружка съ такою стройностью и ансамблемъ, какіе нечасто встрѣтишь даже и на большихъ провинціальныхъ сценахъ. Зато и публика посѣщала эти спектакли необычайно усердно. Пустыхъ мѣстъ почти никогда не было, а давалось спектаклей не менѣе шести въ мѣсяцъ, иногда же доходили и до десяти представленій.

Разскажу теперь о моемъ первомъ дебютѣ. Я участвовалъ сразу въ обѣихъ пьесахъ, шедшихъ въ одинъ спектакль, правда, играя и въ той, и въ другой вторыя роли. Первой шла комедія Островскаго «На бойкомъ мѣстѣ» и второй—комедія Островскаго же и Соловьева: «Счастливый день». Въ первой комедіи я игралъ роль Пыжикова, во второй доктора Нивина. Боже мой, какъ я робѣлъ! На репетиціяхъ еще шло туда-сюда, но уже ночь наканунѣ спектакля я провелъ всю безъ сна. То и дѣло мнѣ казалось, что я забылъ роли, я съ ужасомъ вскакивалъ съ постели, зажигалъ свѣчу, хватался за тетрадки и каждый разъ убѣждался, что знаю ихъ отъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

перваго до послѣдняго слова; то мнѣ представлялось, что завтра, выйдя на сцену, я не въ состояніи буду разинуть рта, и начиналъ уже придумывать благовидные предлоги, подъ которыми я бы могъ отказаться отъ участія въ спектаклѣ. Правда, минутами проскальзывала робкая надежда, что я сыграю недурно, можетъ быть, даже хорошо, можетъ быть, даже отлично, но я быстро гналъ эту надежду прочь, и мое воображеніе сейчасъ же рисовало полный провалъ, позоръ, поношеніе...

Настало утро дня спектакля. Я едва могъ принудить себя выпить стаканъ чая и намного раньше всѣхъ явился на репетицію въ «Кружокъ». Право, ни передъ однимъ серьезнымъ боемъ только что минувшей кампаніи я не робѣлъ такъ, какъ робѣлъ передъ предстоящимъ дебютомъ. Но какъ только явились другіе артисты нашей любительской труппы, я сейчасъ же овладѣлъ собой, и едва ли кто нибудь изъ нихъ могъ замѣтить во мнѣ хотя какіе либо признаки волненія въ то время, кога я внутренно весь содрогался. Мнѣ вспомнилось, какъ во время одной канонады подъ Карсомъ я заслужилъ похвалу моего ротнаго командира за полное хладнокровіе и выдержку въ то время, когда я самъ внутренно чувствовалъ, что моя душа уходитъ въ пятки. Такъ было и теперь.

Репетиція прошла благополучно, и послѣ нея кое-кто изъ участниковъ, въ томъ числѣ и я, остались въ «Собраніи», чтобы пообѣдать, да тутъ же и отдохнуть до спектакля. Раньше всѣхъ одѣлся и загримировался я. Штатскій костюмъ Пыжикова меня порядкомъ таки стѣснялъ, но, не подавая никому вида, я съ наружнымъ спокойствіемъ ожидалъ поднятія занавѣса. Вотъ она взвилась, и я, стоя за кулисами, слышу уже, какъ Пр — скій началъ свою роль Безсуднаго, придавая голосу грубоватые, басовые оттѣнки. Внимательно слушалъ я, что дѣлалось на сценѣ, и тутъ только замѣтилъ, что не только свою роль, но и всю пьесу я знаю наизусть.

— Намъ выходить, — сказалъ мнѣ Т — евъ, игравшій Миловидова, и распахнулъ дверь.

Яркій свѣтъ рампы рѣзнулъ мнѣ глаза, ноги задрожали, застучало въ вискахъ, стиснулись зубы... и я вышелъ на сцену. Что-то сѣрое, туманное клубится по ту сторону рампы. Я знаю, что это публика, но не вижу ея. И какъ это хорошо, что не вижу. Какъ хорошо, что я снялъ пенсне съ моихъ близорукихъ глазъ, а то, можетъ быть, разглядѣлъ бы чье нибудь лицо, прочиталъ бы на немъ насмѣшку надъ моей робостью и тогда пропалъ бы совсѣмъ. Какъ дрожатъ у меня руки, но это ничего: у Пыжикова, котораго я изображаю, онѣ тоже, навѣрное, дрожали... Но вотъ я слышу реплику, и не успѣлъ еще суфлеръ подать мнѣ, какъ я уже совсѣмъ во-время, безъ малѣйшей паузы, говорю мои первыя слова. Но что это? Развѣ это я сказалъ? Какой чужой, незнакомый голосъ про-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

звучалъ у меня въ груди?.. Вотъ и опять... и опять... «Боже мой, какъ, должно быть, скверно я играю!» лѣзетъ мнѣ въ голову, а игры-то вѣдь всего нѣсколько словъ. Да, это для публики, а для меня это цѣлый кусокъ моей жизни... Но вотъ ужъ я и за кулисами, и актъ кончился. Кто-то подошелъ ко мнѣ и поздоровался. Я хотѣлъ спросить:

— Ну, что?

Но языкъ не повернулся. Да зачѣмъ? Я уже зналъ, что я былъ гадокъ и скверенъ. Кончилась первая пьеса, начался «Счастливый день». И опять тѣ же муки, та же пытка. Даже еще хуже. Во-первыхъ, роль несравненно больше, а, во-вторыхъ, если Пыжикову и позволительно дрожать, то Нивину это не полагалось никоимъ образомъ. Но я уже махнулъ на все рукой и играю, а сердце мучительно ноетъ, голова кружится... Вотъ у меня сцена съ Липочкой. Мнѣ грустно и въ то же время какъ-то тепло становится на сердцѣ. Три акта—цѣлая пытка, цѣлая жизнь—прошли, занавѣсъ опускается, публика энергично хлопаетъ и вызываетъ всѣхъ исполнителей. Меня тоже тащатъ на сцену, я прячусь за спины другихъ и даже не кланяюсь. Зачѣмъ? Вѣдь не по моему адресу раздаются эти шумные апплодисменты, и принимать ихъ на свой счетъ было бы съ моей стороны глупо и смѣшно...

Спектакль оконченъ. Я уже въ уборной, раздѣваюсь и стираю гримировку.

— Прекрасно, прекрасно!—говоритъ кто-то сзади меня и треплетъ по плечу.

Я смотрю въ зеркало, стоящее напротивъ меня на столикѣ, и вижу, что за спиной у меня добродушно улыбается лицо одного моего добраго знакомаго.

— Прекрасно, прекрасно,—повторяетъ онъ.

Я молчу, потому что знаю, что это не похвала, а просто слова утѣшенія добраго друга.

— Какъ вы хорошо играли,—шепчетъ мнѣ молоденькая барышня, когда я, уже переодѣтый, прохожу въ общую артистическую комнату.

Я готовъ сразу влюбиться въ нее за это. Я чувствую, что и она жалѣетъ меня, и сердце мое преисполнено благодарности. Я не успѣваю влюбиться только потому, что нашъ режиссеръ, Пр—скій, подхватываетъ меня подъ руку и подводитъ къ какому-то почтенному генералу.

— Прекрасно, прекрасно, молодой человѣкъ,—говоритъ генералъ, кивая мнѣ бровями.—И того, знаете... этого... мелкопомѣстнаго... и доктора... Очень хорошо. Типы настоящіе, цѣльные типы.

«Что за чортъ? Что со мной дѣлается?» По ногамъ у меня бѣгаютъ мурашки, пробираются на спину, и я чувствую, какъ губы мои растягиваются въ сладчайшую улыбку. Вотъ какая-то почтенная дама подошла ко мнѣ и говоритъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Мило! Очень мило!

— Ну, и я то же говорю: настоящіе, цѣльные типы,—повторяетъ опять генералъ съ видомъ истиннаго цѣнителя.

Кто-то крѣпко жметъ мнѣ руку. Я оборачиваюсь. Одинъ изъ мѣстныхъ педагоговъ, съ которымъ я до этого вечера былъ знакомъ только шапочно, вытягиваетъ шею и почти прямо въ ухо шепчетъ мнѣ:

— Отлично-съ, отлично-съ... Пять съ крестомъ!

Я уже влюбленъ и въ педагога, и въ почтенную даму, и въ генерала, и въ барышню... Не правда ли, какіе они всѣ милые, прекрасные люди? На барышнѣ я готовъ даже жениться!..

Итакъ, я не провалился! Итакъ, позора нѣтъ, и я смѣло могу принять участіе... въ общемъ ужинѣ, который обыкновенно дѣлаетъ собраніе для всѣхъ исполнителей спектакля.

За ужиномъ я счастливъ выше мѣры. Пьютъ за здоровье исполнителей, не забываютъ и меня. Правда, тутъ вниманіе уже отвлечено на первыхъ персонажей, но и я далеко не въ загонѣ. Начинаются толки о слѣдующихъ спектакляхъ, распредѣляются роли, и режиссеръ то и дѣло упоминаетъ мою фамилію. Я принятъ въ труппу кружка, я тутъ уже свой, я артистъ... хотя еще любитель.

Слѣдующій день у меня весь свободенъ, и я хожу по знакомымъ и то и дѣло выслушиваю комплименты моей вчерашней игрѣ. Никто и не думаетъ, что вчера я первый разъ вышелъ на сцену. Со мной говорятъ, какъ съ любителемъ уже опытнымъ, и я не тороплюсь разочаровывать никого. Пускай думаютъ, что хотятъ. Развѣ мнѣ хуже отъ этого? Да, я и дѣйствительно опытенъ. Развѣ не выросъ я среди театральной атмосферы? Развѣ не былъ я самымъ усерднымъ посѣтителемъ всякихъ спектаклей? Развѣ не переигралъ я въ своемъ воображеніи сотни ролей?

Но вотъ проходитъ еще день, я являюсь на репетицію въ кружокъ съ довольно уже серьезной ролью въ карманѣ, а тамъ меня ждетъ самый пріятный сюрпризъ: въ «Тифлисскомъ Листкѣ» появилась подробная рецензія о нашемъ спектаклѣ, и, о верхъ счастія! рецензентъ не только не позабылъ меня, но даже подчеркнулъ особенно и въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ. Ну, теперь все свершилось—я достигъ всего: меня признала пресса, и все улыбнулось мнѣ, всѣ препятствія пройдены — остается только буква «л». Да, для полнаго благополучія нужно преодолѣть только букву «л», и то не во всѣхъ случаяхъ, а только когда послѣ нея стоятъ «а», «о», «у», «ы» и «ъ». Для артиста непростительно вмѣсто «молоко» говорить «моуоко», вмѣсто «калачъ» — «кауачъ», вмѣсто «былъ» — «быуъ». А я говорю именно такимъ образомъ. Но, вѣдь, Демосѳенъ побѣдилъ свое косноязычіе, отчего же мнѣ не быть вторымъ Демосѳеномъ и не побѣдить буквы «л» всего въ пяти случаяхъ? И я принялся за дрессировку моего языка. Не прошло и двухъ недѣль,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

какъ побѣда была почти полная, буква «л» поддалась, я торжествовалъ, и даже мой денщикъ, Василій Лелюшкинъ, понялъ теперь, почему я, по цѣлымъ часамъ расхаживая по своей комнатѣ, настойчиво твердилъ: «ла», «ло», «лы» и т. д.

Теперь дѣло вошло въ свою колею, и я участвовалъ почти въ каждомъ спектаклѣ кружка.

III.

Приближался 1879 годъ, и наши распорядители стали подумывать о юбилейномъ спектаклѣ въ день пятидесятилѣтія со дня кончины А. С. Грибоѣдова. Рѣшено было поставить «Горе отъ ума», съ строгимъ соблюденіемъ обстановки и костюмовъ того времени. Средства кружка были прекрасны, да, кромѣ того, мы не безъ основанія разсчитывали на три полныхъ сбора, при чемъ на первое представленіе, 30-го января, рѣшено было цѣны на мѣста значительно повысить, чтобы не только окупить расходы, но и получить значительный излишекъ для цѣли благотворительной, въ память Грибоѣдова.

Хлопоты господъ распорядителей увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ: юбилейный спектакль удался на славу. Билеты задолго еще были всѣ распроданы, несмотря на то, что цѣны на мѣста были непомѣрно высоки. Такъ: кресла отъ 1-го до 5-го ряда стоили десять рублей, отъ 5-го до 10-го — восемь, отъ 10-го до 15-го — пять, отъ 15-го до 20-го — три и самыя послѣднія мѣста — по два рубля. Не даромъ же тифлисцы такъ высоко чтутъ память Грибоѣдова, а комедія «Горе отъ ума» — ихъ излюбленнѣйшая пьеса.

Въ городскомъ театрѣ въ этотъ вечеръ, конечно, ставили тоже эту безсмертную комедію, и тамъ всѣ мѣста, даже съ приставными, были задолго распроданы.

Спектакль кружка удостоилъ своимъ посѣщеніемъ великій князь намѣстникъ Михаилъ Николаевичъ. Помню, что для его высочества и для нѣкоторыхъ лицъ его свиты было поставлено десять мягкихъ креселъ передъ первымъ рядомъ. Послѣ спектакля, закончившагося апоѳеозомъ памяти Грибоѣдова, великій князь изволилъ милостиво бесѣдовать съ нѣкоторыми исполнителями и благодарилъ распорядителей кружка.

Спектакль сошелъ крайне удачно. Главныя женскія роли исполнялись опытными артистками: О. С. П—вой (Лиза), Е. С. М—ксъ (Софья), а для роли Хлестовой и для этого спектакля рѣшилась вспомнить старину одна изъ старѣйшихъ и почтеннѣйшихъ русскихъ артистокъ того времени, Васса Петровна Марксъ, уже задолго передъ этимъ оставившая сцену и жившая на покоѣ у своей дочери О. С. П—вой.

Мужской персоналъ тоже блисталъ исполнителями, хотя между нимъ находился только одинъ профессіональный артистъ, гостив-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шій въ то время въ Тифлисѣ, С. С. Марксъ, сынъ Вассы Петровны, игравшій Загорѣцкаго. Правда, Чацкій (кн. Давидъ Эристовъ) говорилъ съ грузинскимъ акцентомъ, но съ такимъ незначительнымъ, что онъ нисколько не рѣзалъ привычнаго къ нему тифлисскаго уха. Роль Репетилова въ этомъ спектаклѣ игралъ съ большимъ успѣхомъ мѣстный товарищъ прокурора, П. А. Опочининъ, литераторъ и драматургъ, сынъ тифлисскаго коменданта А. П. Опочинина, если не ошибаюсь, лично и хорошо знавшаго самого Грибоѣдова. Маститый генералъ, конечно, присутствовалъ на этомъ спектаклѣ въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ великаго князя.

Спектакль этотъ былъ повторенъ еще два раза при нѣсколько измѣненномъ персоналѣ и по обыкновеннымъ цѣнамъ и далъ полные сборы, такъ что благотворительная цѣль была вполнѣ достигнута.

Я долженъ прибавить, что день 30-го января 1879 г. прошелъ въ Тифлисѣ вообще очень торжественно. На могилѣ Грибоѣдова служилась литургія и панихида, въ учебныхъ заведеніяхъ чествовали память поэта докладами, рѣчами, лекціями и т. п., но я, весь поглощенный нашимъ спектаклемъ, никуда не попалъ.

IV.

— А что бы вамъ не попробовать силы на настоящей сценѣ?— сказалъ мнѣ однажды Александръ Ивановичъ Пальмъ, видавшій нѣсколько разъ мое исполненіе на любительскихъ спектакляхъ.

— Вѣдь я слышалъ, что вы въ отставку собираетесь.

— Да, А. И., я и въ отставку собираюсь, и думаю всецѣло посвятить себя сценѣ,—подтвердилъ я.

— Ну, вотъ и отлично. Хотите, я васъ устрою въ труппу къ моему сыну? Конечно, сразу большого жалованья вамъ не дадутъ, потому что актерская игра—это, вѣдь, не любительскіе спектакли, но я думаю, что и тамъ вы недолго пробудете на второмъ мѣстѣ. Хотите?

Я горячо поблагодарилъ почтеннаго драматурга и заявилъ, что заранѣе принимаю всѣ условія. Съ С. А. Пальмомъ я былъ уже знакомъ давно, и наши переговоры кончились, что называется, въ два слова, и я былъ принятъ въ составъ тифлисской труппы на жалованье шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, что, по тогдашнему времени, считалось довольно сноснымъ окладомъ. Служба моя началась 2-го апрѣля 1879 года. Прошеніе объ отставкѣ было мною уже подано, но отставка еще не выходила, и я числился въ отпуску впредь до нея, носилъ еще военное платье, но уже брилъ усы. Моя завѣтная, давнишняя мечта сдѣлаться настоящимъ артистомъ наконецъ-таки исполнилась.

По многимъ обстоятельствамъ, я не могъ служить на сценѣ подъ своей фамиліей, нужно было выбрать псевдонимъ, и я, подумавъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

немного, изъ Тихонова преобразился въ Старцева. Затѣмъ явился вопросъ о гардеробѣ, и вопросъ для меня, военнаго, отставшаго отъ статскихъ модъ, довольно затруднительный. Но нашлись опытные люди и преподали мнѣ добрые совѣты. Фрачная и сюртучная пара, само собою разумѣется, стали во главѣ гардероба, но въ виду того, что я долженъ былъ играть разныхъ молодыхъ людей, необходимо было заказать щегольской и фатовской костюмы. Въ фатовскомъ костюмѣ главную роль играли широкіе, свѣтленькіе брюки и яркіе, цвѣтные галстухи. Неотъемлемою принадлежностью фата, въ то время между провинціальными артистами, считался почему-то очень бѣлокурый парикъ съ среднимъ проборомъ отъ лба до самой шеи и съ завитыми «капульками» на лбу. Я и парикъ заказалъ. Затѣмъ, накупивъ себѣ гримировальныхъ принадлежностей, я почувствовалъ себя вооруженнымъ съ ногъ до головы для предстоящей дѣятельности.

Итакъ, жребій брошенъ. Я—актеръ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Тифлисская труппа: антрепренеръ С. А. Пальмъ и его семья.—Е. Г. Черновъ.—М. К. Стрѣльскій.—В. В. Шумилинъ.—В. Н. Андреевъ-Бурлакъ: первое мое знакомство съ нимъ.—Ссора и примиреніе.—Талантъ Бурлака.—Незнаніе ролей и «отсебятины»—Вставка въ «Гамлетѣ».—Коронныя роли.—Неровность исполненія.—«Талантъ» особаго рода.—«Записки сумасшедшаго» и «Сцены» изъ Достоевскаго.—Разсказы изъ народнаго быта.—Разсказы въ пользу армянъ.—Имитаторъ.—Докторъ У. и ресторатеръ Ш. на сценѣ и въ партерѣ.—Саратовскіе купцы.—Отзывы А. Н. Островскаго и А. Ѳ. Писемскаго о Бурлакѣ.—Вторая встрѣча съ Бурлакомъ, его замыслы и мечты написать пьесу.—Лебединая пѣснь въ Костромѣ.—Смерть Бурлака въ Казани.—Оркестръ.—Труффи.—Зданіе театра и его садикъ.—Мой первый дебютъ на настоящей сценѣ—Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ.—Проклятый звукъ.—Наши порядки.—Репетиціи.—Курьезы.—Неожиданныя замѣны.—Репертуаръ.—А. И. Пальмъ въ «Королѣ Лирѣ».—Драма «Велизарій», превращенная въ оперетку.—Боржомъ.—Воздушный театръ.—Нѣмецъ-учитель гимнастики.—Конецъ сезона.—Прощаніе съ товарищами и мой отъѣздъ на родину.—Въ семьѣ не безъ урода.

I.

Мое появленіе среди труппы тифлисскаго театра не произвело, кажется, ни малѣйшей сенсаціи, несмотря на то, что среди штатскихъ фигуръ артистовъ мой офицерскій китель и побрякивающая сбоку сабля должны были бы сильно выдѣляться. Но такъ какъ я былъ знакомъ уже ранѣе почти со всѣмъ наличнымъ составомъ труппы и постоянно толкался между ними за кулисами, то ко мнѣ всѣ давно привыкли и присмотрѣлись. Новыхъ лицъ въ труппѣ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

было немного, и я почувствовалъ себя среди моихъ товарищей сразу, какъ дома.

Труппа тифлисскаго театра состояла въ то время изъ артистовъ болѣе или менѣе извѣстныхъ и выдающихся. Антрепренеромъ ея былъ талантливый, молодой комикъ Сергѣй Александровичъ Пальмъ, всегда весело улыбавшійся и державшій себя съ артистами добрымъ товарищемъ, а такъ какъ дѣла его антрепризы въ то время шли блестяще, то и жалованіе онъ платилъ не только аккуратно, но и щедро. У него служила почти вся его семья: его мать, Ксенія Григорьевна, считалась въ то время въ провинціи одной изъ первыхъ комическихъ старухъ. Это была женщина интеллигентная, умная и привѣтливая. Она вполнѣ заслуженно пользовалась любовью, какъ публики, такъ и товарищей. Затѣмъ, въ роляхъ простаковъ и въ опереткахъ подвизался младшій братъ антрепренера—Григорій Ал. Арбенинъ. Подъ фамиліей Слободиной играла сестра антрепренера Кс. Ал. Пальмъ. Другая сестра его, Ал. Ал., по мужу Тхоржевская, принимала тоже иногда участіе въ спектакляхъ, подъ фамиліей Островской. Наконецъ, отецъ ихъ, драматургъ, Алекс. Ив. Пальмъ тоже время отъ времени появлялся на сценѣ нашего театра. Я не буду перечислять всѣхъ другихъ членовъ нашей труппы, но не могу умолчать о нѣкоторыхъ изъ нихъ, напримѣръ, о милѣйшемъ и добродушнѣйшемъ Е. Г. Черновѣ, игравшемъ у насъ резонеровъ и много облегчившемъ мнѣ первые шаги на сценѣ своими дружескими совѣтами, а главное чисто товарищескимъ участіемъ. Этого человѣка любила вся труппа за его прекрасный, незлобивый характеръ и сердечное отношеніе ко всѣмъ до самыхъ третьестепенныхъ актеровъ. Затѣмъ, такою же любовью и уваженіемъ пользовался талантливый артистъ М. К. Стрѣльскій. Не могу не упомянуть и о В. В. Шумилинѣ. Это одна изъ самыхъ замѣчательныхъ фигуръ, встрѣченныхъ мною на театральномъ поприщѣ. Въ то время молодой и очень красивый собою, всегда изящно, но безъ малѣйшаго фатовства, одѣтый, В. В. считался однимъ изъ лучшихъ драматическихъ любовниковъ въ провинціи. Но странная судьба была у этого артиста. Въ то время, какъ въ одномъ городѣ (какъ, напримѣръ, въ Тифлисѣ) его превозносили до небесъ, въ другомъ какомъ нибудь мѣстѣ публика относилась къ нему холодно, почти равнодушно. Въ Тифлисѣ появленіе Шумилина на сценѣ всегда сопровождалось громомъ рукоплесканій и безконечными вызовами, а исполненіе его роли Чацкаго считалось прямо таки образцовымъ, и это въ Тифлисѣ, гдѣ каждый зритель зналъ «Горе отъ ума» почти что наизусть, гдѣ каждое представленіе этой комедіи являлось событіемъ, гдѣ не мало Чацкихъ уходило за кулисы ошиканныхъ и освистанныхъ взыскательною къ исполненію этой пьесы публикою. И этотъ же самый Шумилинъ, какъ говорили мнѣ, не могъ дослужить въ нѣкоторыхъ городахъ до конца сезона, совершенно обезкуражен-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ный равнодушіемъ публики. И страннѣе всего, что, по словамъ людей, хорошо и давно знавшихъ В. В., онъ дѣйствительно въ одномъ городѣ игралъ совсѣмъ не такъ, какъ въ другомъ. Нервный и впечатлительный, онъ, вѣроятно, не могъ сдерживать своего волненія, и потому игра его была такъ неровна. Я прослужилъ съ Шумилинымъ одиннадцать мѣсяцевъ и сохранилъ о немъ самое лучшее воспоминаніе, какъ объ артистѣ, такъ и о человѣкѣ. Сцену и вообще театральное дѣло Шумилинъ любилъ, какъ никто. Не было артиста болѣе добросовѣстнаго въ исполненіи своихъ актерскихъ обязанностей. Говорить нечего, что всѣ свои роли онъ зналъ наизусть и волновался на сценѣ не только за себя, но и за всѣхъ товарищей, всегда готовый помочь и выручить ихъ въ критическую минуту. Какъ человѣкъ, В. В. отличался щепетильною честностью. Онъ не только ни разу не покривилъ душой даже въ самыхъ мелочахъ, но не переносилъ этого и въ другихъ, и всегда горячо, съ юношескимъ энтузіазмомъ набрасывался на всякую неправду. Много лѣтъ вращался я въ актерскомъ мірѣ, но такого рыцаря правды и чести не встрѣчалъ среди русскихъ лицедѣевъ. Съ грустью мнѣ пришлось потомъ слышать, что успѣхъ этого артиста съ каждымъ годомъ все падалъ и падалъ, и въ концѣ концовъ В. В. больной, разочарованный, оставилъ сцену, отдавъ ей предварительно всѣ лучшіе годы жизни, всѣ струны своего сердца и свое здоровье. Всегда нервный, слегка желчный въ разговорахъ, онъ держался въ труппѣ почти особнякомъ. Онъ не любилъ актерскаго амикошонства, не участвовалъ въ попойкахъ, сторонился всякихъ сплетенъ, былъ рѣзокъ и правдивъ въ своихъ замѣчаніяхъ, и потому его не только уважали и любили, но даже и побаивались.

— Скажите, пожалуйста, Старцевъ,—обратился онъ однажды ко мнѣ, — зачѣмъ это вы такъ усердно добиваетесь ролей молодыхъ людей съ драматическимъ оттѣнкомъ? Развѣ вы не замѣчаете, какъ вы плохи и деревянны въ нихъ?

Я такъ и опѣшилъ: драматическіе любовники были моей всегдашнею завѣтною мечтою. Максъ Холминъ и ему подобные страдающіе нервные молодые люди были моимъ идеаломъ.

— А между тѣмъ, — продолжалъ Шумилинъ, — у васъ есть несомнѣнный комическій талантъ, есть мимика, очень характерная, и вы не идете по этой дорогѣ. Мой совѣтъ — выбросить изъ головы любовниковъ и вырабатывать изъ себя комика, и вы сдѣлаетесь актеромъ.

Мое самолюбіе было уязвлено. Я былъ огорченъ выше мѣры, мои мечты рушились, но я любилъ Шумилина, вѣрилъ въ искренность его словъ и послѣдовалъ его совѣту. И если впослѣдствіи у меня когда нибудь были удачныя роли, то всегда изъ комическаго или характернаго репертуара.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

II.

Изъ другихъ моихъ сослуживцевъ того времени я долженъ отвести большое мѣсто извѣстному всей Россіи артисту Василію Николаевичу Андрееву-Бурлаку. Слава его уже и въ то время была громка въ провинціи и предшествовала его появленію въ Тифлисѣ. Помню ясно первую встрѣчу и первое мое знакомство съ нимъ.

— Андреевъ-Бурлакъ, — указалъ мнѣ одинъ изъ моихъ новыхъ товарищей на человѣка средняго роста, худощаваго, слегка сутуловатаго, одѣтаго въ довольно поношенный черный сюртучекъ и чуть ли не въ стоптанные сапоги.

Бурлака мы ждали уже съ недѣлю, но онъ почему-то опоздалъ пріѣздомъ и появился, когда сезонъ уже начался. Тогда ему было немного болѣе тридцати лѣтъ, а между тѣмъ онъ производилъ впечатлѣніе пожилого человѣка. Въ темнорусыхъ, короткихъ волосахъ его уже кое-гдѣ блестѣли бѣлыя нити; довольно большой, красивой формы, лобъ былъ перерѣзанъ глубокою вертикальною морщиною, придававшею его лицу серьезный, вдумчивый видъ. Сѣрые глаза на выкатѣ смотрѣли не то насмѣшливо, не то презрительно. Глубокія складки, шедшія отъ носа къ губамъ, а отъ губъ къ подбородку, придавали всему лицу брюзгливое и надменное выраженіе, а очень большая и выпятившаяся нижняя губа это выраженіе еще болѣе усиливала. Говорилъ онъ отрывисто, хриповатымъ голосомъ. И лицо и фигуру его нельзя было назвать красивыми, но въ нихъ было что-то значительное, что-то сразу выдѣлявшее его изъ гладко выбритой и если не всегда изящно, то во всякомъ случаѣ претенціозно одѣтой актерской братіи.

Въ тотъ же вечеръ мнѣ пришлось и познакомиться съ В. Н. Насъ представилъ другъ другу въ лѣтнемъ помѣщеніи тифлисскаго кружка, за ужиномъ, одинъ изъ артистовъ нашей труппы. Бурлакъ отнесся ко мнѣ крайне небрежно, почти презрительно. Насмѣшливо посматривалъ на меня своими сѣрыми, вызывающими глазами и раза два прошелся на мой счетъ болѣе или менѣе остроумно. Я стерпѣлъ, въ душѣ проклиная мою ненаходчивость и даже нѣкоторую робость передъ извѣстнымъ артистомъ. Изъ клуба мы вышли довольно поздно, и такъ какъ извозчиковъ уже не оказалось, то втроемъ пошли пѣшкомъ домой. А путь былъ дальній: кружокъ лѣтомъ помѣщался за Курой. Былъ ли Бурлакъ въ подпитіи, что съ нимъ случалось часто, или просто я не понравился ему, но онъ всю дорогу продолжалъ подтрунивать на мой счетъ, а я, какъ на зло, не могъ прибрать ни одного насмѣшливаго слова, ни одной остроумной фразы ему въ отместку. Видя мою безотвѣтность, Бурлакъ становился все смѣлѣе и даже нахальнѣе. Наконецъ, я потерялъ терпѣніе и сказалъ ему, что пора и прекратить потокъ его остроумія,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

что я уже ясно убѣдился въ томъ, что онъ можетъ занять первое мѣсто по части острословія въ любой лакейской. Это его взорвало, онъ сказалъ какую-то дерзость, и... не будь съ нами нашего спутника, человѣка энергичнаго, Богъ знаетъ, чѣмъ кончилась бы эта размолвка, но во всякомъ случаѣ—очень печально. Вмѣшательство же третьяго лица отрезвило Бурлака, и онъ совершенно искренно попросилъ извиненія, видимо понявъ, что за предѣломъ моего терпѣнія для него крылось нѣчто весьма опасное и нешуточное.

На другой день, на репетиціи, Бурлакъ первый подошелъ ко мнѣ и вторично очень горячо извинился. И съ этого дня наши отношенія приняли самый дружескій оттѣнокъ. Даже въ подпитіи, когда Бурлакъ былъ особенно неразборчивъ въ выраженіяхъ, со мной онъ бывалъ всегда остороженъ и ровенъ. А между тѣмъ, мы съ нимъ проводили много времени вмѣстѣ, нерѣдко одѣвались и гримировались въ одной и той же уборной, но никогда болѣе ни малѣйшихъ недоразумѣній между нами не было.

Въ труппѣ Бурлакъ сразу занялъ первенствующее мѣсто и послѣ двухъ-трехъ спектаклей сдѣлался однимъ изъ самыхъ горячихъ любимцевъ публики.

Пестрый и неровный человѣкъ былъ В. Н., какъ въ жизни, такъ и на сценѣ. Это былъ артистъ вдохновенія, съ одной стороны, и артистъ мельчайшей детальной отдѣлки ролей—съ другой. Чего бы кажется лучше? И вдохновеніе и работа вмѣстѣ, а между тѣмъ при его громадномъ талантѣ онъ бывалъ въ исполненіи нѣкоторыхъ ролей неузнаваемо плохъ. Пробурчитъ куда-то себѣ подъ носъ всю роль, и дѣло съ концомъ. Иногда же вдругъ поразитъ публику такой тонкой, такъ сказать, филигранной работой, такимъ глубокимъ внутреннимъ комизмомъ или теплотой, что долго, долго, ходятъ всѣ подъ впечатлѣніемъ его игры, какъ очарованные. Прежде всего Бурлакъ былъ замѣчательный гримеръ, и когда бывало не лѣнился, то давалъ удивительно живыя и типичныя физіономіи. Гримировался онъ очень своеобразно, чуть что не лѣпилъ свое лицо, и смѣшны были рядомъ съ нимъ гримы другихъ артистовъ, шаблонно превращавшихъ свои лица въ какія-то географическія карты съ системой рѣкъ и линій желѣзныхъ дорогъ. Слаба ли память была у этого артиста или вообще онъ былъ лѣнивъ учить роли, но онъ не только широко пользовался услугами суфлера, но сплошь да рядомъ позволялъ себѣ разныя «отсебятины» и иногда всю роль цѣликомъ передавалъ своими словами. Къ сожалѣнію, ни имя автора, ни полная законченность пьесы не останавливали въ этомъ отношеніи Андреева-Бурлака. Я помню, какъ я былъ пораженъ и оскорбленъ даже въ моемъ уваженіи къ геніальнымъ писателямъ, когда Бурлакъ, играя городничаго, самымъ беззастѣнчивымъ образомъ переиначивалъ слова Гоголя, а другой разъ, изображая перваго могильщика въ Гамлетѣ, позволилъ себѣ самую непростительную «отсебятину».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Дѣло было такимъ образомъ: роль второго могильщика игралъ третьестепенный актерикъ, Митя (такъ называли его постоянно въ труппѣ). Митя этотъ отличался тѣмъ, что всегда дѣлалъ ошибки въ удареніяхъ. И вотъ, копая могилу, онъ обратился съ слѣдующими словами къ первому могильщику:

— А скажи, дяденька, что всего прочнѣе строѝтся на свѣтѣ?

— Ахъ ты, дуракъ, дуракъ! Играешь Шекспира, а порусски говорить не умѣешь. Надо сказать «стро̀ится», а не «строѝтся»,— ничто же сумняшеся и совершенно громко замѣтилъ ему Бурлакъ и сталъ продолжать свою роль.

И публика простила ему эту беззастѣнчивую выходку, какъ прощала многое за художественные моменты, которыми Бурлакъ нерѣдко дарилъ ее со сцены.

Кто видѣлъ Бурлака въ роли денщика Архипа (Маіорша, др. Шпажинскаго), Порфирія Головлева (др. Іудушка), Аркашки Счастливцева и Оброшенова (ком. Островскаго: Лѣсъ и Шутники), тотъ видѣлъ передъ собою неподражаемаго, чуднаго артиста. Да трудно пересчитать всѣ удачныя роли Василія Николаевича, тѣмъ болѣе, что неудачная сегодня роль завтра возводилась чуть ли не въ перлъ созданія и наоборотъ. Такъ, напримѣръ, дебютируя ролью Оброшенова на сценѣ Александринскаго театра, одною изъ своихъ лучшихъ ролей, Бурлакъ былъ плохъ и не имѣлъ никакого успѣха.

Въ большинствѣ случаевъ это зависѣло отъ той свѣжести головы, съ которою онъ выступалъ на сцену, а голова его, къ прискорбію, рѣдко была совершенно свѣжа, а иногда даже бывала и вовсе туманна. В. Н. былъ невоздержанъ по части питій, и это губило его талантъ, подрывало его здоровье и въ концѣ-концовъ свело въ преждевременную могилу. Помню, бывало за кулисами неизмѣнно присутствуетъ его лакей, Игнатъ, съ большою кружкою, всегда наполненною бѣлымъ кахетинскимъ виномъ.

— Игнатъ, таланту!—прохрипитъ В. Н. передъ выходомъ, отопьетъ добрую треть кружки, откашляется и пойдетъ на сцену.

И такъ чуть ли не въ каждомъ явленіи.

— Василій Николаевичъ—это не талантъ твой носитъ Игнатъ за тобою въ кружкѣ, а гибель твоего таланта, смерть твою,—сказала однажды ему одна почтенная, пожилая актриса.

— Игнатъ, гибель таланта!—прохрипѣлъ Бурлакъ и выпилъ всю кружку залпомъ.

Андрееву-Бурлаку первому пришла мысль читать съ полной сценической обстановкой отрывки изъ нѣкоторыхъ произведеній выдающихся русскихъ писателей, и благодаря ему «Записки Сумасшедшаго» (Гоголя), «Діалогъ Мармеладова съ Раскольниковымъ» и «Капитана Снигирева съ Алешей Карамазовымъ» (Достоевскаго) — сдѣлались достояніемъ русской сцены. Необычайно художественно и съ глубокимъ пониманіемъ созданныхъ писателями лицъ читалъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Бурлакъ эти отрывки. Я знаю, что передъ чтеніемъ «Записокъ Сумасшедшаго», Бурлакъ посѣщалъ палату умалишенныхъ и присматривался къ больнымъ.

— Больше для гриму,— говорилъ онъ мнѣ, когда я выразилъ сомнѣніе, чтобы онъ могъ встрѣтить больнаго, читающаго вслухъ такіе монологи, которые Поприщинъ писалъ въ своихъ запискахъ.

Кромѣ того, В. Н. Андреевъ-Бурлакъ былъ неподражаемый разсказчикъ сценъ изъ народнаго быта, и разсказы, созданные имъ, отличались всегда не одними смѣшными словечками, а серьезнымъ, литературнымъ содержаніемъ. Онъ не глумился надъ невѣжественностью простаго народа, а скорбѣлъ всѣмъ своимъ русскимъ сердцемъ за него, находящагося еще во власти тьмы. Кто не слыхалъ, тотъ, навѣрное, читалъ, а кто не читалъ, пусть прочтетъ разсказы Андреева-Бурлака, имѣющіе полное право встать на ряду съ нѣкоторыми произведеніями Левитова, Николая Успенскаго, Слѣпцова.

Публика, даже тифлисская, т. е. почти совсѣмъ не русская публика, слушала разсказы В. Н. съ самымъ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Послѣ И. Ѳ. Горбунова только одинъ В. Н. Андреевъ-Бурлакъ имѣетъ право называться разсказчикомъ-художникомъ, разсказчикомъ-беллетристомъ, потому что всѣ другіе артисты этого рода, ужъ не говоря о разности въ талантахъ съ двумя выше названными артистами, или жалко перековеркивали ихъ же разсказы или сочиняли свои, ничего не значащія, пустыя сценки, въ лучшемъ случаѣ, вызывавшія мимолетный смѣхъ у публики.

Съ любителями разсказовъ В. Н. произошелъ однажды довольно курьезный случай. Почтенный артистъ, окончивши спектакль, пріѣхалъ поужинать въ лѣтнее помѣщеніе Тифлисскаго кружка, ну, и, конечно, сейчасъ же былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ горячими поклонниками его таланта.

— Къ намъ, Василій Николаевичъ, къ намъ, за нашъ столъ!.. Съ нами поужинайте!—упрашивали его со всѣхъ сторонъ.

И Бурлакъ почти насильно былъ усаженъ за большой столъ веселой компаніи, состоявшей, впрочемъ, изъ людей почтенныхъ и солидныхъ. Врядъ ли и половину изъ нихъ Бурлакъ зналъ въ лицо, но они-то хорошо его знали и, конечно, небезкорыстно затащили въ свою компанію: «авось, дескать, поужинаетъ, подопьетъ слегка, да и разскажетъ намъ что нибудь». Бурлакъ поужиналъ, подпилъ, но разсказывать, кажется, и не думалъ совсѣмъ. Начались намеки, но и они какъ-то скользили мимо ушей артиста. Наконецъ кто-то довольно откровенно заявилъ Бурлаку, что всѣ здѣсь присутствующіе съ нетерпѣніемъ ждутъ, не разскажетъ ли онъ имъ какую нибудь сценку. Съ неменьшею откровенностью Бурлакъ заявилъ имъ на это, что даромъ разсказывать сегодня онъ не хочетъ, а вотъ если они согласятся заплатить, ну, хоть по три рубля каждый за каждую же разсказанную имъ сцену, то онъ готовъ разсказывать

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

до утра. Всѣ охотно согласились, нѣкоторые, можетъ быть, принимая это просто за шутку, а нѣкоторые и впрямь не жалѣя какой нибудь трехрублевки — и Бурлакъ началъ. Разсказалъ одну сцену, попросили другую, третью, четвертую, пятую ужъ онъ предложилъ самъ, на шестой начали заминаться и посматривать косо на этого беззастѣнчиваго артиста, отъ седьмой нѣкоторые думали уже уклониться и ужъ съ досадой благодарили разсказчика. Бурлакъ кончилъ и сталъ собирать деньги. Нѣкоторые платили очень весело, охотно, нѣкоторые ежились, но дѣлали bonne mine, нѣкоторые почти фыркали, уплачивая сумму составлявшую можетъ быть только десятую часть ихъ ежедневнаго проигрыша въ карты, но Бурлакъ, словно не замѣчая ничего, спокойно собиралъ деньги. Составилась очень солидная сумма. И тогда В. Н. обратился къ бывшему тутъ же дежурному старшинѣ и попросилъ у него книгу, въ которую вписывались пожертвованія въ пользу голодающихъ армянъ, переселенцевъ изъ Азіатской Турціи. Пожертвованія эти собирались тогда по всему Закавказью, но шли, кажется, не особенно ходко, и вотъ В. Н., пересчитавъ собранныя деньги, внесъ ихъ въ книгу отъ имени любителей разсказовъ и сценъ изъ русскаго народнаго быта, а затѣмъ, доставъ свой тощій бумажникъ, вынулъ оттуда едва ли не послѣдніе пятьдесятъ рублей и присоединилъ ихъ къ общей суммѣ «для круглаго счета», какъ сказалъ онъ, не отмѣтивъ даже своей фамиліи.

Сцена эта произвела, конечно, на всѣхъ самое благопріятное впечатлѣніе, но гг. тифлисскіе любители «разсказовъ изъ народнаго быта» съ тѣхъ поръ почему-то рѣдко приставали къ Андрееву-Бурлаку съ просьбой разсказать что нибудь.

Будучи не только прекраснымъ гримёромъ, но и замѣчательнымъ имитаторомъ, В. Н. позволялъ себѣ иногда на сценѣ разныя шутки, копируя то того, то другаго изъ своихъ знакомыхъ. Такъ однажды онъ обратился къ антрепренеру съ заявленіемъ, что хочетъ съиграть роль доктора въ одной изъ стоявшихъ на репертуарѣ пьесъ,— роль, совершенно не подходившую къ его средствамъ, да и не блестящую, не эффектную. Антрепренеръ, конечно, удивился, что В. Н. полѣзъ вдругъ во «вторые любовники», но тотъ настойчиво повторилъ свое желаніе, и роль ему была передана. Насталъ спектакль, и мы всѣ были крайне смущены, встрѣтивъ за кулисами одного изъ очень популярныхъ тифлисскихъ врачей рука объ руку съ какимъ-то своимъ двойникомъ. Оказалось, что Бурлакъ загримировался для роли доктора своимъ пріятелемъ, докторомъ У. Въ публикѣ же эффектъ былъ еще большій, когда одинъ докторъ У. уже послѣ поднятія занавѣса прошелъ въ первый рядъ, а другой докторъ У. въ то же самое время вышелъ на сцену. Многіе потомъ увѣряли даже, что на сценѣ былъ настоящій докторъ У., а въ партерѣ сидѣлъ загримированный Андреевъ-Бурлакъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Другой случай былъ еще комичнѣе и эффектнѣе. Въ Тифлисѣ, въ городскомъ Александровскомъ саду помѣщался очень недурной ресторанъ, содержимый нѣкіемъ Ш. Этотъ г. Ш. былъ великой руки оригиналомъ и, благодаря этому, однимъ изъ популярнѣйшихъ лицъ въ городѣ. Ресторанъ его посѣщали очень охотно не только вслѣдствіе его удачнаго мѣстоположенія, но и ради его забавника-хозяина. Ш. подходилъ почти къ каждому посѣтителю и заговаривалъ въ шутливо-грубоватомъ тонѣ. Пользуясь преимуществомъ шутовъ, онъ позволялъ себѣ говорить прямо-таки грубости и рѣзкости и все ему сходило съ рукъ. Такъ ужъ это принято было. Неопытныхъ предупреждали заранѣе, что Ш., во-первыхъ, большой шутникъ, а, во-вторыхъ, находится постоянно въ слегка подогрѣтомъ видѣ. Послѣднее обстоятельство всегда привлекало Ш. къ тоже любившему выпить Бурлаку, но В. Н. дѣлалъ видъ, что совершенно не замѣчаетъ заигрываній съ нимъ ресторатора-нѣмца. Да, надо еще прибавить, что Ш. былъ раньше капельмейстеромъ театральнаго оркестра и, благодаря этому, считалъ себя театру не чуждымъ. Какъ-то разъ Бурлакъ зашелъ позавтракать въ ресторанъ Ш. и занялъ столикъ на открытой террасѣ. Ш., сидѣвшій не вдалекѣ за бутылкой кахетинскаго, сейчасъ же началъ «придираться» къ своему посѣтителю.

— Плохой актеръ... Ничего не понимайтъ и по сценѣ ходитъ, какъ слѣпая козла́,—бурчалъ онъ себѣ подъ носъ, какъ бы и не глядя на В. Н.

А тотъ, въ свою очередь, отвернувшись куда-то въ сторону, съ поразительною точностью копируя Ш., забурчалъ себѣ подъ носъ:

— Дрянная кабакъ... Какая старая осла содержитъ его?

— И нисколько не похоже, — закричалъ вдругъ Ш., замѣтивъ, что Бурлакъ старается его копировать.—Эта актершикъ не умѣйтъ подражайтъ и копировайтъ меня не можитъ.

Бурлакъ вдругъ круто повернулся къ нему и совершенно фамильярно заявилъ:

— А давай пари, что можетъ!

Ш. подскочилъ къ нему.

— Давай! Давай!—загорячился онъ.

Пари состоялось и пари довольно крупное. Было условлено, что Бурлакъ изобразитъ Ш. на сценѣ въ одномъ изъ ближайшихъ спектаклей. Выбраны были судьи, которые должны были рѣшить: хорошо или нехорошо скопируетъ онъ Ш. и, слѣдовательно, выиграетъ или проиграетъ пари. Ш. оказался настолько великодушнымъ, что самъ предложилъ Бурлаку и свой костюмъ и свою фотографическую карточку для грима. Пари это заинтересовало посвященныхъ въ него, впрочемъ, очень немногихъ членовъ нашей труппы, и мы ждали его рѣшенія съ нетерпѣніемъ, но разъигралось оно совершенно неожиданно. Черезъ нѣсколько дней на сценѣ нашего театра была поставлена оперетка «Легкая кавалерія». Сборъ, по обыкновенію, былъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

полный, и все шло своимъ порядкомъ. Вдругъ въ одномъ изъ явленій, когда члены муниципалитета распѣваютъ свои куплеты, изъ-за кулисъ на сцену, пятясь спиной и видимо горячо перебраниваясь съ помощникомъ режиссера, вышелъ Ш. Повернувшись къ публикѣ и съ удивленіемъ замѣтивъ, что занавѣсъ поднятъ и на сценѣ идетъ представленіе, онъ сначала хотѣлъ было юркнуть за кулисы, но потомъ, махнулъ рукой, подошелъ къ самой рампѣ и сталъ слѣдить и за оркестромъ и за актерами, то и дѣло вмѣшиваясь въ исполненіе и вставляя свои замѣчанія. Въ публикѣ произошло необычайное смятеніе. Можно съ увѣренностью сказать, что тамъ не было ни одного человѣка, который бы сомнѣвался въ подлинности стоявшаго на сценѣ Ш., да и появленіе его между актерами было дѣломъ возможнымъ: «Толкался, дескать, за кулисами и будучи въ высокомъ градусѣ, сначала по разсѣянности выпятился на сцену, а потомъ осмѣлѣлъ и принялся куролесить». Часть публики неудержимо хохотала, другая же часть начинала протестовать. Раздавались крики: «что это за безобразіе! Да уберите же Ш. со сцены! Долой Ш.! Уберите пьянаго Ш.!». Эти крики вывели изъ терпѣнія настоящаго Ш., сидѣвшаго спокойно въ первомъ ряду. Онъ всталъ и, громко заявивъ, что «это не онъ, пьяный, а Андреевъ-Бурлакъ!» пошелъ вонъ изъ партера. Единовременно съ этимъ исчезъ Ш. и со сцены.

Боже мой! Какой гомерическій хохотъ поднялся въ театрѣ. Оперетку уже почти не слушали и единодушно и нескончаемо вызывали Андреева-Бурлака. Ш. самъ призналъ, что пари было имъ проиграно.

— Дѣйствительно онъ, Бурлякъ, копироваль меня хорошо,—бурчалъ онъ, стоя въ антрактѣ возлѣ буфета,—но только я никогда не буль такимъ пьянымъ, какъ онъ изображаль меня сегодня на сцена.

Въ этомъ послѣднемъ многіе и не безъ основанія сомнѣвались.

По истинѣ Андреевъ-Бурлакъ былъ однимъ изъ самыхъ горячихъ любимцевъ тифлисской публики, да и не одной тифлисской. Всюду, гдѣ только ни служилъ онъ, его не менѣе горячо любили. Разсказываютъ, между прочимъ, что, прослуживъ сезонъ въ Саратовѣ, онъ, не возобновивъ контракта съ антрепренеромъ, уѣхалъ въ Москву. Мѣстные театралы были страшно опечалены этимъ извѣстіемъ и пристали къ своему импрессаріо съ требованіемъ пригласить Бурлака и на слѣдующій сезонъ.

— Невозможно! Не пріѣдетъ онъ ни за что,—заявилъ импрессаріо.

— Почему такъ?

— Да очень ужъ онъ много здѣшнимъ купцамъ задолжалъ.

— Напишите ему,—скопомъ заявили саратовскіе купцы,— что мы всѣ прежніе его долги пустимъ на смарку, а на будущее время готовы и утроить ему кредитъ, лишь бы пріѣхалъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Про Бурлака существуетъ масса анекдотовъ, появившихся уже въ печати, и потому повторять ихъ я не считаю нужнымъ. Упомяну только о томъ, какъ А. Н. Островскій, увидавъ его играющимъ въ своей пьесѣ «Лѣсъ» роль Аркашки Счастливцева, пришелъ къ нему за кулисы и сталъ горячо расхваливать его исполненіе.

— Прекрасно играете, безукоризненно,—говорилъ маститый драматургъ, пожимая руку совсѣмъ посвѣтлѣвшаго отъ этой похвалы артиста.—Вотъ вамъ бы у меня въ «Лѣсѣ» Аркашку сыграть!

Бурлакъ даже назадъ попятился.

— Да я же, Александръ Николаевичъ, и играю Аркашку въ «Лѣсѣ?»—сконфузясь отвѣтилъ онъ.

— Аркашку?—какъ бы изумляясь, проговорилъ Островскій,—а я и не узналъ. Вижу, что другіе-то артисты «Лѣсъ» играютъ, а вы что-то свое.

Этимъ замѣчаніемъ Бурлакъ получилъ заслуженный урокъ за свою слабость не учить роли и позволять себѣ всякія «отсебятины».

Другой нашъ знаменитый драматургъ А. Ѳ. Писемскій, человѣкъ на похвалы вообще очень скупой, пришелъ почти въ восторгъ, увидавъ Андреева-Бурлака въ своей драмѣ «Горькая Судьбина» въ роли бурмистра,

Спустя безъ малаго десять лѣтъ, мнѣ пришлось опять встрѣтиться съ Андреевымъ-Бурлакомъ въ Москвѣ, я даже испугался, увидѣвъ его: это была какая-то руина, вѣчно кашляющая и тяжело, со свистомъ, дышащая. По всему было видно, что дни его сочтены. Неумѣренныя возліянія на жертвенникъ Бахуса доканали его окончательно, но самъ онъ, видимо, не замѣчалъ этого. Въ головѣ у него зрѣли разные планы и проекты на будущее.

— Поѣдемъ со мной въ Парижъ,—почти съ первыхъ же словъ предложилъ онъ мнѣ.

— Зачѣмъ?—удивился я.

— Да, видишь ли—я хочу тамъ читать «Записки Сумасшедшаго» и монологи изъ Достоевскаго... Ну, и еще кое-какія вещички я приготовилъ. А съ тобой бы мнѣ было это очень удобно: ты бывалый человѣкъ, ну, и прочее.

А на другой день онъ зашелъ ко мнѣ въ номеръ уже съ новымъ предложеніемъ:

— Послушай, давай, напишемъ вмѣстѣ пьесу,—заговорилъ онъ хрипя и кашляя.—Знаешь, у меня даже... этакъ... и планъ въ головѣ вертится. Возьмемъ бытъ бѣдныхъ и раздраженныхъ бѣдностью людей. Понимаешь, все ихъ раздражаетъ. Поднимается занавѣсъ... на сценѣ мать и дочь... мать спрашиваетъ: «Глаша, куда ты мой наперстокъ дѣвала?»—А дочь ей: «Ахъ, маменька! Что это, право? Я за вашимъ наперсткомъ, какъ собаченка бѣгать буду?» Ну, и... понимаешь? Все въ ней дрожитъ ужъ отъ этой бѣдности-то...

И вдругъ передо мной ясно, совсѣмъ ясно обозначилась малень-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кая бѣдная комнатка, надорванная жизнью и горемъ старуха мать и надрывающаяся надъ работой, чувствующая и въ будущемъ одни темные, ненастные дни да горе безпросвѣтное, да нужду, да лишеніе молодая, красивая, но уже почти больная, дѣвушка. Онѣ горячо любятъ другъ друга, онѣ готовы умереть одна за другую, а между тѣмъ самый пустой вопросъ уже раздражаетъ ихъ, измученныхъ трудомъ и бѣдностью...

И всю эту картину нарисовалъ мнѣ Бурлакъ двумя-тремя фразами, освѣтивъ ихъ своей необычайной мимикой и оттѣнивъ неожиданными интонаціями своего глубокаго, словно изъ могилы вырывающагося уже голоса. Такова была сила таланта этого человѣка.

Бурлакъ умеръ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ нашей этой встрѣчи. Весной онъ собралъ товарищество артистовъ и поѣхалъ съ ними по Волгѣ, давать спектакли. Но самъ почти уже не могъ принимать въ нихъ участія, несмотря на то, что рвался къ тому всѣми силами своей артистической души.

Одинъ изъ участниковъ этого товарищества разсказывалъ мнѣ, что лебединою пѣснью В. Н. былъ монологъ Мармеладова, читанный имъ въ Костромѣ и читанный съ такимъ необычайнымъ воодушевленіемъ и силой, что нельзя было и повѣрить, что этотъ человѣкъ стоитъ уже одной ногой въ могилѣ.

Онъ умеръ въ г. Казани, по окончаніи спектакля, въ которомъ, впрочемъ, не участвовалъ и даже не присутствовалъ въ театрѣ вслѣдствіе нездоровья, но на другой день онъ собирался непремѣнно выступить передъ казанской публикой. По окончаніи представленія нѣсколько артистовъ зашли къ нему въ номеръ гостиницы, гдѣ онъ квартировалъ. Онъ ихъ разспрашивалъ, какъ сошелъ спектакль, говорилъ, что завтра онъ непремѣнно будетъ играть, что онъ уже отдохнулъ, и ему гораздо лучше. Говоря все это, онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, потомъ вдругъ остановился, схватился за грудь, захрипѣлъ... Къ нему бросились, подхватили подъ руки, посадили въ кресло, и... одного изъ даровитѣйшихъ русскихъ артистовъ-художниковъ не стало.

Погребенъ Василій Николаевичъ Андреевъ-Бурлакъ на казанскомъ кладбищѣ, называемомъ Куртино. Надъ его могилой поставленъ небольшой памятникъ, а память о немъ, вѣроятно, надолго еще сохранится въ обитателяхъ Поволжья, уроженцомъ котораго онъ былъ, и какъ всякій волгарь, горячо любилъ кормилицу-Волгу и въ молодости своей даже служилъ въ качествѣ командира одного изъ волжскихъ пароходовъ, въ честь котораго и присоединилъ къ своей фамиліи Андреевъ и названіе его: Бурлакъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

III.

За два сезона, которые я прослужилъ въ труппѣ С. А. Пальма, мнѣ пришлось, конечно, столкнуться съ очень многими артистами. Перечислять ихъ всѣхъ не считаю нужнымъ и, упомянувъ еще кое о комъ, перейду прямо къ нашему дѣлу.

Изъ артистокъ выдавались и пользовались большимъ успѣхомъ М. М. Глѣбова, С. П. Волгина и пріѣзжавшая къ намъ на десять гастролей О. Ф. Козловская, сразу очаровавшая меня не столько своей игрой и наружностью, какъ чуднымъ, мягкимъ, незлобивымъ характеромъ. Въ опереткѣ подвизались жена нашего антрепренера О. В. Кольцова и начинавшая еще тогда Волынская. Объ остальныхъ можно и не упоминать. Впрочемъ скажу два-три слова о нашемъ оркестрѣ. Дирижировалъ имъ маэстро Труффи, молодой, красивый итальянецъ, прекрасный капельмейстеръ и симпатичный человѣкъ. Оркестръ имъ былъ составленъ отлично. Было нѣсколько прекрасныхъ солистовъ, изъ которыхъ нельзя не вспомнить о талантливомъ и симпатичномъ Торіани (віолончель).

Тифлисскій театръ въ то время помѣщался и зиму и лѣто въ деревянномъ зданіи съ примыкавшимъ къ нему хорошенькимъ, уютнымъ садомъ. Старый каменный театръ въ караванъ-сараѣ Тамамшева уже сгорѣлъ, а вновь проектированный грандіозный городской театръ былъ еще не выстроенъ. Нашъ театрикъ былъ не великъ. Полный сборъ, по обыкновеннымъ цѣнамъ, немногимъ превышалъ семьсотъ рублей. Зато сборы были дѣйствительно почти всегда полные. При театрѣ не было фойе—его и зимой илѣтомъ замѣнялъ садъ, любимый уголокъ тифлисской публики. Очень нерѣдко бывало, что когда всѣ мѣста въ партерѣ и въ ложахъ распроданы, публика прямо брала билеты на входъ въ садъ и, несмотря, на то, что плата за этотъ входъ непомѣрно высока—1 рубль сер.—охотниковъ посѣщать это мѣсто и поужинать въ театральномъ буфетѣ, помѣщавшемся на особой верандѣ въ саду же, было всегда очень достаточно. Тифлисъ тогда освѣщался керосиномъ, но театрикъ имѣлъ свой небольшой заводикъ, и нашъ садикъ всегда весело сіялъ огнями газовыхъ фонариковъ. Въ саду были фонтанчики, и ужъ благодаря право не знаю чему, былъ самый прохладный уголокъ въ несносно жаркомъ Тифлисѣ. Мы, артисты, цѣлые дни проводили здѣсь, обѣдая, завтракая и ужиная въ нашемъ недорогомъ театральномъ буфетѣ.

— Въ чемъ вы хотите первый разъ выступить?—весело улыбаясь, спросилъ меня С. А. Пальмъ.

Я даже испугался этого вопроса. Выступить первый разъ на настоящей сценѣ, съ настоящими актерами—это, вѣдь, не шутка.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Въ какой нибудь безсловесной роли,—робко заявилъ я.

Пальмъ расхохотался.

— Почему же въ безсловесной?—спросилъ онъ.

— Да мнѣ, видите ли, на первый разъ хотѣлось бы просто посидѣть на сценѣ, посмотрѣть на публику и послушать актеровъ, когда они говорятъ не черезъ рампу отъ меня, а рядомъ.

— Ну, когда такъ, такъ вотъ послѣ завтра у насъ идетъ «Ревизоръ», и для вашего дебюта я вамъ назначаю роль Христіана Ивановича Гибнера, знаете, доктора, который только выражается звуками, а не словами.

Помощникъ режиссера вручилъ мнѣ рольку, въ которой въ нѣсколькихъ мѣстахъ было обозначено, что докторъ издаетъ звукъ средній, между «э» и «и».

— Что же это за чортовъ звукъ?—ломалъ я себѣ голову, не умѣя подыскать ничего соотвѣтствующаго среднему между «э» и «и». У меня все выходило или «эй» или «ээ». И къ чему это Гоголю понадобилось такое точное опредѣленіе звука? Ну, развѣ не могъ онъ написать: «утвердительно мычитъ», «хрипитъ», «кряхтитъ» или что нибудь въ родѣ этого? А то извольте отыскивать среднее между «э» и «и». А не отыскать это среднее, замѣнить его какимъ нибудь другимъ звукомъ я считалъ себя не вправѣ, видя въ этомъ искаженіе мысли автора. Долго я ломалъ не голову, конечно, а свой голосъ, и наконецъ подыскалъ требуемый звукъ. Теперь нужно было обдумать гримъ. Воображаю, какъ разсмѣялись бы мои товарищи, если бы они узнали, сколько я труда кладу на отдѣлку такой роли, какъ Христіанъ Ивановичъ Гибнеръ, но, поступая на сцену, я выбралъ себѣ девизомъ, что «дрянныхъ ролей нѣтъ, а есть только дрянные актеры», и рѣшилъ разъ навсегда всякую роль, какъ бы ни ничтожна казалась она, отдѣлывать до послѣдней детали и относиться къ ней съ неменьшимъ уваженіемъ, какъ и къ самымъ первоклассномъ ролямъ. Къ стыду моему я долженъ сознаться, что впослѣдствіи я частенько отступалъ отъ этого рѣшенія не только въ роляхъ ничтожныхъ, но и въ первоклассныхъ. Но роль Христіана Ивановича Гибнера, роль, состоящая всего только изъ нѣсколько разъ повтореннаго звука, была отдѣлана мною самымъ детальнымъ образомъ.

Но вотъ насталъ часъ спектакля, мнѣ тщательно загримированному и «обдуманно» одѣтому, указали мое мѣсто на сценѣ, гдѣ-то сзади, въ углу. Я усѣлся на мой стулъ, другіе артисты размѣстились на первомъ планѣ, занавѣсъ взвился и... у меня совершенно также, какъ при первомъ выходѣ въ роли Пыжикова, задрожали ноги. Мой, съ тяжелымъ трудомъ выработанный, звукъ я произносилъ во время съ соотвѣтствующей мимикой и жестами, я внимательно слушалъ,—что говорятъ другіе, и старательно изображалъ на своемъ лицѣ, что, какъ истый нѣмецъ, плохо понимаю

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

русскую рѣчь, но во всякомъ случаѣ принимаю горячее участіе въ общемъ дѣлѣ. Когда настало время уйти со сцены, я и ушелъ понѣмецки и не просто понѣмецки, а понѣмецки докторски. Было ли хоть одно лицо среди публики, которое оцѣнило мою добросовѣстную работу? Да нѣтъ, что оцѣнило? Замѣтилъ ли кто нибудь просто, что я былъ на сценѣ? Навѣрное—нѣтъ. Но, снимая парикъ и стирая гримъ, я настойчиво повторялъ себѣ: «помни, что нѣтъ дрянныхъ ролей, а есть дурные актеры».

Я не скажу, чтобы теперь я вполнѣ раздѣлялъ это мнѣніе: есть дурные актеры, да много и дурныхъ ролей, но мало найдется зрителей, умѣющихъ отличать актера отъ роли. Какъ часто мы видимъ, что публика неистово аплодируетъ бездарному и деревянному лицедѣю только потому, что онъ со сцены произноситъ хорошія слова, и какъ нерѣдко другой, талантливый артистъ, тутъ же, рядомъ, безукоризненно играющій свою третьестепенную рольку, уходитъ незамѣченнымъ, неоцѣненнымъ. Вспоминаютъ, напримѣръ, про знаменитаго московскаго актера Никифорова, замѣчательно игравшаго въ «Горе отъ ума» роль господина Д., но и только! Да и то вспоминаютъ только потому, что это былъ Никифоровъ, артистъ прославившійся уже ранѣе, а какъ часто публика просматриваетъ художественное исполненіе ролей второстепенныхъ. Но пусть исполнители не унываютъ, пусть они также добросовѣстно продолжаютъ дѣлать свое маленькое дѣло, пусть они не опускаютъ рукъ, а терпѣливо ждутъ, когда колесо фортуны вынесетъ ихъ на первое мѣсто. Выдвинутые туда честнымъ трудомъ, они займутъ его прочно и затмятъ сразу дутыхъ знаменитостей, обязанныхъ своимъ успѣхомъ нахальству, съ которымъ они хватаются за все и выѣзжаютъ на фальшивомъ паѳосѣ ихъ игры да на хорошихъ словахъ, вложенныхъ въ ихъ уста авторами пьесъ. А если и не вынесетъ колесо фортуны, если судьба такъ и обречетъ остаться на второмъ мѣстѣ, то сознаніе честно выполненнаго долга, право, есть уже хорошая награда. Да наконецъ, найдется же кто нибудь въ этой многотысячной толпѣ зрителей, кто замѣтитъ, пойметъ и оцѣнитъ, Право, оцѣнка одного такого зрителя для настоящаго артиста должна быть дороже, чѣмъ неистовый ревъ полумыслящей толпы. Меня, вотъ, навѣрное въ Христіанѣ Ивановичѣ Гибнерѣ никто не замѣтилъ, не понялъ и не оцѣнилъ, а право, я былъ счастливъ въ тотъ вечеръ сознаніемъ добросовѣстно исполненнаго долга и потомъ часто и горячо скорбѣлъ о томъ, что не выполнилъ согрѣвавшаго меня тогда рѣшенія, отступилъ отъ тяжелаго и тернистаго пути, опустилъ руки, сталъ небрежничать и кончилъ тѣмъ, что совсѣмъ бросилъ опостылѣвшую мнѣ сцену. А относись-ка я къ каждой послѣдующей роли съ тою же любовью, съ тою же добросовѣстностью, какъ къ Христіану Ивановичу, я, можетъ быть... Ну, да что объ этомъ говорить—дѣло непоправимое.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

IV.

Съ легкой руки Христіана Ивановича Гибнера я сталъ играть каждый день. Рольки мнѣ все давались крупнѣе и крупнѣе, и относился я къ нимъ все небрежнѣе и небрежнѣе, зараженный общимъ царившимъ въ нашей труппѣ, халатнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Трудно себѣ представить, какимъ образомъ, при существовавшихъ у насъ порядкахъ, или, вѣрнѣе сказать, безпорядкахъ, дѣло могло идти. Такъ, напримѣръ, ролей не училъ никто, за исключеніемъ Шумилина, Тернова, да двухъ-трехъ дамъ. Репетицій никогда не было болѣе двухъ, да и двѣ репетиціи бывали на долю какихъ нибудь трехъ-четырехъ пьесъ въ продолженіе двухъ сезоновъ. Да и единственная-то эта репетиція велась Богъ знаетъ какъ. Соберутся артисты и артистки съ тетрадками въ рукахъ, въ шляпяхъ, а зимой въ пальто и калошахъ, у всѣхъ въ зубахъ папиросы, и всѣ что-то бурчатъ себѣ подъ носъ, переходя съ мѣста на мѣсто. И у всѣхъ одна главная забота, какъ можно болѣе сократить свою роль. Нѣкоторыя роли зачастую совсѣмъ вычеркивались. Вычеркивались и цѣлые акты изъ пьесы. Рѣдко кто имѣлъ представленіе о всей пьесѣ цѣликомъ: каждый интересовался только своей ролькой, да и то не особенно. Потому происходило, конечно, не мало курьезовъ. Такъ иногда, актеръ играющій старика, являлся на сцену въ гримѣ молодого человѣка. Лѣтомъ всѣ старались избѣгать наклеекъ, т. е. наклеиванія усовъ и бородъ: отъ жары они то и дѣло отклеивались, и потому случалось, что по пьесѣ о дѣйствующемъ лицѣ до его появленія говорятъ, какъ о черноусомъ красавцѣ, а онъ является на сцену плѣшивенькимъ старичкомъ съ гладковыбритой физіономіей. Былъ такой даже случай: артистъ К. въ одной изъ пьесъ игралъ благороднаго отца и занятъ былъ только въ первомъ и пятомъ дѣйствіи. Окончивъ роль въ первомъ дѣйствіи, онъ снялъ съ себя лысый паричекъ, сорвалъ маленькіе усики и эспаньолку и отправился гулять или даже чуть не въ гости куда-то. Передъ самымъ пятымъ актомъ, онъ вернулся опять въ театръ и торопливо принялся снова гримироваться. Публика была немало удивлена, когда въ пятомъ дѣйствіи, по смыслу пьесы отстоящемъ всего отъ перваго на какихъ нибудь два-три дня, появился на сцену украшенный густыми сѣдыми вьющимися волосами и съ сѣдыми же длинными бакенбардами, но безъ усовъ и эспаньолки тотъ же благородный отецъ, совсѣмъ въ иномъ видѣ фигурировавшій въ первомъ актѣ. А метаморфоза эта произошла чрезвычайно просто: артистъ К., уѣзжая изъ театра, сбросилъ свой паричекъ и усики на свой столикъ въ уборной, парикмахеръ же, думая, что онъ совсѣмъ окончилъ свою роль, убралъ ихъ въ шкафъ, а на мѣсто нихъ приготовилъ на столѣ сѣдой парикъ съ локонами и сѣдыя бакенбарды для

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

другого артиста, занятаго въ водевилѣ. К., вернувшись къ себѣ въ уборную, забылъ, какъ онъ былъ загримированъ въ первомъ дѣйствіи, и надѣлъ лежавшій на его столѣ парикъ.

Трудно и пересчитать всякіе курьезы, происходившіе у насъ отъ отсутствія режиссерскаго наблюденія. А режиссера у насъ не имѣлось. Самъ антрепренеръ, С. А. Пальмъ, очень талантливый артистъ, обходительный и веселый человѣкъ, рѣдко бралъ на себя режиссерскія обязанности, находя, что артисты сами между собой споются лучше всего. И въ самомъ дѣлѣ: хорошо ли, худо ли, а спѣвались. Пьесы шли, и нѣкоторыя изъ нихъ имѣли даже большой успѣхъ, какъ, напримѣръ: «Сестра Тереза», «Убійство Коверлей» и нѣкоторыя оперетки. Ансамбля, конечно, не было никакого и выѣзжали мы на игрѣ отдѣльныхъ, талантливыхъ артистовъ, каковыхъ въ нашей труппѣ было немало. Смѣло можно сказать, что ни одна пьеса не была поставлена не только хорошо, но даже мало-мальски сносно, но за то отдѣльные исполнители бывали въ своихъ роляхъ сплошь да рядомъ прекрасны. Играли мы каждый день, не исключая и субботы. Играли и великимъ постомъ, кромѣ первой и страстной недѣли. Повторенія удостоивались только оперетки да нѣсколько излюбленныхъ пьесъ, большею частью мелодрамъ. Поэтому почти каждый день шло что нибудь новое. Гдѣ жъ тутъ было готовиться, учить роли, дѣлать нѣсколько репетицій? Прошли кое-какъ «мѣста», сдѣлали «купюры» и валяй! Авось кривая вывезетъ. Для начинающаго актера школа была не важная, но было въ этомъ кое-что и полезнаго,—этотъ порядокъ вещей невольно заставлялъ быть насторожѣ и развивалъ находчивость. Случалось, что актеру приходилось играть взамѣнъ кого нибудь, неожиданно, не только безъ репетицій, но и не зная даже ни роли, ни самой пьесы. И ничего! сходило иногда довольно удачно. Были такіе случаи и со мной. Одинъ я помню особенно хорошо. Шли у насъ «Бѣшеныя деньги»,—Островскаго. Я этой пьесы еще не видалъ на сценѣ и не читалъ даже, а потому, хотя я въ этомъ спектаклѣ и не былъ занятъ, я пришелъ въ театръ, чтобы посмотрѣть на комедію изъ партера. Музыка уже начала увертюру, когда я вошелъ за кулисы. Вдругъ ко мнѣ подлетаетъ помощникъ режиссера (режиссера у насъ не было, а помощникъ былъ, но вся его обязанность состояла въ томъ, чтобы слѣдить за выходами, то-есть выпускать актеровъ во время на сцену).

— Г. Старцевъ,—говоритъ онъ,—мы васъ ищемъ. Идите поскорѣй, одѣвайтесь. Сергѣй Александровичъ просилъ васъ сыграть сегодня за Гарина, роль Глумова.

— Какъ? Почему?—удивился я.

— Да Гаринъ шелъ въ театръ и по дорогѣ сломалъ ногу, такъ вотъ, чтобы не отмѣнять спектакля, просятъ сыграть васъ.

— Сергѣй Александровичъ,—взмолился я подоспѣвшему къ намъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

антрепренеру.—Какъ же я буду играть, когда я даже ни малѣйшаго понятія о самой пьесѣ не имѣю?

— Ничего, ничего, голубчикъ, сыграйте,—торопился тотъ,—я вамъ все разскажу, только поскорѣй, пожалуйста, уже пора начинать.

— Да позвольте! У меня и гардеробъ-то весь дома.

— Ничего, ничего, Гарина гардеробъ весь ужъ принесли. Одѣвайтесь въ его костюмы.

Мы отправились вдвоемъ въ уборную, я принялся одѣваться, а онъ мнѣ въ это время разсказывалъ приблизительно, конечно, въ чемъ состоитъ роль.

Не прошло и десяти минутъ, какъ я былъ уже на сценѣ и игралъ Глумова и игралъ даже не безъ успѣха, потому что въ одномъ мѣстѣ сорвалъ довольно дружный апплодисментъ. И это произошло черезъ какихъ нибудь шесть мѣсяцевъ послѣ моего поступленія на на сцену. И случай этотъ далеко не единичный. Да! въ подобной школѣ, какъ нашъ театръ, волей-неволей разовьешь въ себѣ находчивость и въ совершенствѣ выучишься слушать суфлера. Но также въ совершенствѣ отучишься учить роли и обработывать ихъ.

V.

Благодаря ежедневнымъ спектаклямъ, репертуаръ у насъ былъ самый смѣшанный. Половину мѣста занимали оперетки, а другая половина наполнялась современной комедіей, драмой, мелодрамой и даже трагедіями. Изъ трагедій у насъ шли только «Гамлетъ», «Отелло» и «Укрощеніе строптивой» со Стрѣльскимъ въ главныхъ роляхъ и «Король Лиръ», поставленный спеціально для Александра Ивановича Пальма. Почтенному драматургу очень хотѣлось сыграть роль Лира, а такъ какъ своя рука владыка, то онъ ее и сыгралъ и даже два раза и оба одинаково плохо. Не буду разбирать подробно его исполненіе. Во-первыхъ, оно уже не свѣжо у меня въ памяти, а, во-вторыхъ, оно и не заслуживаетъ этого. Въ Лирѣ-Пальмѣ не было не только королевскаго, но даже и актерско-королевскаго ничего не было. По сценѣ метался какой-то старичекъ, зачѣмъ-то на всѣхъ покрикивалъ и очень потѣшно пѣтушился. А когда дѣло дошло до одного изъ самыхъ потрясающихъ мѣстъ трагедіи, до того мѣста, гдѣ обезумѣвшій отъ горя Лиръ рыдаетъ надъ прахомъ прекрасной Корделіи, А. И. Пальмъ до слезъ... разсмѣшилъ всю публику, потерявъ свою длинную сѣдую бороду и представъ передъ удивленными зрителями съ растрепанной сѣдой шевелюрой Лира и съ тщательно причесанными сѣренькими бачками петербургскаго чиновника, какіе въ то время носилъ нашъ покойный драматургъ. На второмъ представленіи борода была привязана крѣпче и не отвалилась, но эффекта со стороны публики все-таки не послѣдовало.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Но съ нашей публикой вообще не церемонились. Давали ей что хотѣли и какъ хотѣли, а она все-таки валомъ валила въ театръ. Объяснить это можно главнымъ образомъ, тѣмъ, что и настроеніе общества послѣ кампаніи было сильно поднято, да и денегъ было много на окраинахъ, къ каковымъ можно было отнести и Тифлисъ того времени. Въ театрѣ было всегда и весело и оживлено, и даже самыя слезоточивыя драмы и мелодрамы смотрѣлись чуть не съ улыбками на лицахъ. Правда, и мы, артисты, больше всего, кажется, хлопотали о томъ, чтобы посмѣшить и развеселить публику, невзирая на то, что играемъ. Не забуду никогда, какъ весело разыграли мы жестокую мелодраму «Велизарій». Многіе изъ публики искренно думали, что это какая-то разудалая оперетка. Серьезно къ своему дѣлу изъ всѣхъ исполнителей относился только самъ Велизарій, г. Черновъ. Остальные же всѣ дурачились и кривлялись неудержимо. Особенно весело прошла сцена, когда Велизарій грозитъ вслѣдъ уходящимъ аланамъ и эффектно произноситъ:

«Не водрузить знаменъ вамъ на стѣнахъ священной Византіи:
Тамъ встрѣтите меня, въ лицѣ моихъ полковъ».

Только что аланы (солдаты мѣстнаго гарнизона) скрылись за кулисами и только что замолкли послѣдніе звуки ихъ марша, г. Черновъ, торжественно приподнявъ руку, началъ:

«Не водрузить знаменъ вамъ...

вдругъ изъ-за противоположной кулисы снова грянулъ маршъ алановъ, и снова эти воины замаршировали черезъ сцену. А маршъ былъ веселый, самый масляничный, да и дѣло-то на масляницѣ происходило: музыканты одного изъ военныхъ оркестровъ, тоже переряженные аланами и маршировавшіе во главѣ шествія, лихо наигрывали подъ темпъ марша.

«Ахъ, вы сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои!»

Г. Черновъ опустилъ руку и снова сталъ выжидать, когда эти герои, предводительствуемые однимъ изъ наиболѣе лихихъ на всякія продѣлки артистовъ нашей труппы, скроются и когда замолкнетъ ихъ воинственный маршъ, чтобы снова произнесть имъ свое патетическое напутствіе.

Скрылись. Маршъ замолкъ. Велизарій-Черновъ поднялъ руку и началъ:

«Не водрузить знаменъ вамъ на стѣнахъ священной Визан...»
«Ахъ вы сѣни, мои сѣни,
Сѣни новыя мои!»

грянуло изъ-за кулисъ, и предводитель алановъ, артистъ В., для особаго шика, надѣвъ даже на носъ пенснэ, снова замаршировалъ во главѣ своихъ когортъ черезъ сцену.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

И это повторилось чуть ли не пять разъ. Наконецъ разобиженный г. Черновъ махнулъ рукой и ушелъ со сцены. Занавѣсъ опустился, и радостная, оживленная публика дружно вызывала милыхъ забавниковъ.

Весело играли мы тогда на Тифлисской сценѣ, и ничто не останавливало насъ. Даже на справедливые упреки мѣстныхъ газетъ мы не обращали ни малѣйшаго вниманія. Театръ всегда набитъ биткомъ, касса полна денегъ, а что касается до святаго искусства... Да ну, полноте! Какое тамъ святое искусство! Всякіе разговоры о немъ у насъ вызывали только глумленіе и смѣхъ. Даже простое знаніе ролей и мало-мальски серьезное отношеніе къ дѣлу считалось чуть ли не юродствомъ, и всякій голосъ, рѣшавшійся протестовать противъ того порядка вещей, какъ слова Велизарія:

«Не водрузить знаменъ вамъ на стѣнахъ...»

заглушался разухабистыми звуками опереточныхъ мотивовъ... Всѣ были сыты, всѣ были довольны, а два, три протестанта, въ родѣ Шумилина, не принимавшихъ участія въ милыхъ забавахъ и шуткахъ стояли особнякомъ, махнувъ рукой на насъ, какъ Черновъ-Велизарій на неугомонныхъ алановъ.

Весело служилось тогда въ Тифлисскомъ театрѣ.

VI.

Лѣтомъ часть нашей труппы нѣсколько разъ ѣздила, такъ сказать, на гастроли въ Боржомъ, имѣніе великаго князя-намѣстника. Чудныя это были поѣздки! Послѣ довольно долгаго и томительнаго отъ жары пути, сначала по желѣзной дорогѣ, а потомъ нѣсколько верстъ на лошадяхъ, мы въѣзжали наконецъ въ роскошную долину рѣки Боржомки. Что за растительность! Что за зелень! А главное, что за воздухъ! Истомленные зноемъ и духотой въ Тифлисѣ, мы, словно по волшебству какому, сразу оживлялись и жадно тянули въ себя свѣжія волны насыщеннаго озономъ воздуха. Лица у всѣхъ веселѣли, на щекахъ выступалъ румянецъ, хотѣлось пѣть, плясать и веселиться. Не даромъ же говорятъ туземцы, что рай, гдѣ согрѣшили Адамъ и Ева, былъ именно здѣсь. Дѣйствительно, чисто райскій уголокъ, да и согрѣшить не мудрено здѣсь, когда весь организмъ начинаетъ жить всякою своею порою.

Любили мы эти поѣздки, и быть назначеннымъ играть въ Боржомъ считалось за особое счастіе. Въ самомъ дѣлѣ! Не неся никакихъ расходовъ, побывать въ земномъ раю—развѣ это не счастіе?

Останавливались мы въ Боржомѣ въ такъ называемомъ Кавалерскомъ домѣ, гдѣ намъ заранѣе уже были приготовлены комнаты. Кормили насъ сытно, вино было отличное. Играли мы въ малень-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

комъ деревянномъ театрикѣ. Впрочемъ, деревянными были только одна сцена да уборная, а зрители помѣщались-таки прямо подъ бѣлымъ парусиннымъ наметомъ. Благодаря такому устройству, получился одинъ очень забавный акустическій курьезъ: когда актеры говорили на сценѣ при поднятой занавѣси, въ публику, кромѣ переднихъ рядовъ, голоса ихъ доносились очень глухо и неясно. За то каждое слово, сказанное въ уборныхъ, совершенно отчетливо долетало до ушей зрителей, такъ что къ намъ въ уборныя то и дѣло присылали сказать, чтобы мы не то что говорили тише, а были разборчивѣе въ выраженіяхъ.

Великій князь Михаилъ Николаевичъ и его семейство изволили посѣщать каждое наше представленіе въ Боржомѣ. Многочисленные же дачники всегда усердно наполняли партеръ.

Дольше всѣхъ гостилъ въ Боржомѣ Андреевъ-Бурлакъ. Такъ ему тамъ нравилось, что трудно его было и вытащить въ Тифлисъ. Онъ, благодаря своей общительности, завелъ тамъ много знакомствъ и жилъ, какъ на дачѣ. Любимое мѣсто его прогулки была небольшая площадка, гдѣ какой-то почтенный нѣмецъ училъ дѣтей гимнастикѣ. Нѣмецъ былъ педантъ и строго требовалъ исполненія всевозможныхъ, выдуманныхъ имъ кунстштюковъ.

— Забавный разговоръ пришлось мнѣ тутъ подслушать,—разсказывалъ мнѣ Андреевъ-Бурлакъ въ Боржомѣ.—Учитъ нѣмецъ ребятишекъ ходить по бревну. Все идетъ благополучно, только вдругъ какой-то бойкій карапузъ лѣтъ семи начинаетъ протестовать.

— Не хочу, говоритъ, ходить по бревну.

Нѣмецъ удивленъ.

— Какъ не хочешь, когда это необходимо въ жизни?

— Почему необходимо?—допрашиваетъ мальчуганъ.

— Какъ почему? Мало ли какой случай? Идешь ты, напримѣръ, по полю, и вдругъ рѣка...—начинаетъ пояснять нѣмецъ.

— Ну, я ее въ бродъ перейду,—бойко отрѣзываетъ мальчуганъ.

— Ну, а если она глубока?

— Я ее переплыву.

— А если она широка?

— Ну, что-жъ? Тогда все равно и бревно съ берега на берегъ не достанетъ.

Нѣмецъ на минутку задумывается и потомъ вдругъ сразу выпаливаетъ:

— А если медвѣдь?

Мальчикъ въ недоумѣніи. Другіе всѣ—тоже, но нѣмецъ очень доволенъ своимъ доказательствомъ и тащитъ маленькаго ослушника на бревно.

Поѣздки въ Боржомъ прекрасно разнообразили нашу ежедневную утомительную работу, подкрѣпляли и освѣжали насъ, но осенью онѣ прекратились, и мы опять заиграли по семи спектаклей въ недѣлю.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Прошла и зима, подходилъ и великій постъ, то-есть начало новаго сезона. Каждый изъ насъ думалъ и гадалъ, что его ждетъ въ будущемъ. Прошелъ слухъ, что нашъ антрепренеръ рѣшилъ сильно сократить драматическую труппу и оставить ее только такъ, на всякій случай, ядромъ же своей антрепризы сдѣлать оперу. Мы знали, что оперная труппа формировалась уже. Называли фамиліи извѣстныхъ солистовъ, ангажированныхъ уже С. А. Пальмомъ. Что было сему причиной—я не знаю. Надоѣло ли нашему импрессаріо ставить комедіи, драмы и мелодрамы, другое ли что, но во всякомъ случаѣ опера должна смѣнить насъ. Но результаты этой перемѣны оказались для г. Пальма довольно ощутительными. Все, что заработалъ онъ съ русской драматической труппой, а заработалъ онъ, по его же собственнымъ словамъ, кушъ очень почтенный, все это поглотила опера, и дѣла С. А. Пальма, успѣвшаго уже прослыть однимъ изъ самыхъ солидныхъ, добросовѣстныхъ и щедрыхъ антрепренеровъ, на нѣкоторое время, по крайней мѣрѣ, сильно покачнулись.

Отслуживъ два сезона въ тифлисскомъ театрѣ, я рѣшилъ разстаться съ Кавказомъ и вернуться къ себѣ на родину въ Казань. Тоска по роднымъ мѣстамъ была такъ велика, что я не справлялся, буду ли я имѣть мѣсто въ казанскомъ театрѣ, не интересовался даже о томъ, кто взялъ тамъ антрепризу. Я просто рвался домой, забывъ даже на нѣкоторое время о сценѣ. Распростившись съ моимъ антрепренеромъ, на котораго я не имѣлъ ни малѣйшаго повода претендовать или быть имъ чѣмъ нибудь недовольнымъ, напротивъ, горячо поблагодаривъ его за все сдѣланное мнѣ, распростившись съ моими сослуживцами и товарищами, о которыхъ я сохранилъ самую добрую память, а къ нѣкоторымъ даже умѣлъ сильно привязаться и полюбить ихъ, какъ, напримѣръ, Шумилина, Чернова, Стрѣльскаго, Бурлака и нѣкоторыхъ другихъ, я собралъ свои скромные пожитки и полетѣлъ на далекую родину.

Впрочемъ, во имя истины, я долженъ сказать, что не всѣ товарищи оставили во мнѣ прекрасное воспоминаніе. Было одно исключеніе. И исключеніемъ этимъ являлся мой сравнительно давнишній знакомецъ, встрѣченный мною когда-то въ Царицынѣ и принятый при первомъ взглядѣ за маркера, актерикъ Смѣльскій, игравшій у насъ уже, впрочемъ, подъ другой фамиліей П—скаго. Субъектъ этотъ оказался не только очень жалкимъ актеромъ, не шедшимъ у насъ далѣе третьестепенныхъ ролей, но и человѣкомъ тоже третьестепеннымъ. Наша тифлисская актерская семья состояла чуть ли не изъ сорока человѣкъ. Правда, для такой семьи одно исключеніе не много. Остальные же всѣ были народъ хорошій и добрый. Впослѣдствіи, когда мнѣ придется говорить о собирательномъ, такъ сказать, характерѣ актера, я волей-неволей долженъ буду упомянуть о нѣкоторыхъ его коренныхъ недостаткахъ, но недостатки эти

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нельзя особенно строго ставить въ вину русскому лицедѣю, какъ нельзя винить трубочиста за то, что онъ выпачканъ сажей, кучера за то, что отъ него пахнетъ конюшней, портного—что у него искривлены ноги, швею—что у нея исколоты пальцы иголкой, такъ нельзя и винить актера за то, что... ну, да объ этомъ еще рѣчь впереди, а пока—до свиданія, мои тифлисскіе товарищи.

Вл. А. Тихоновъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КИТАЙСКАЯ КАЗНЬ [1].

КОЛО двадцатыхъ чиселъ декабря 1870 года привезли въ Ургу 24 человѣка монголъ западнаго Халхаскаго аймака Саинъ-Ноина [2]), которые во время взятія инсургентами города Улясутая [3]) и нападенія ихъ на западныя Халхаскія хняжества присоединились къ нимъ и вмѣстѣ производили грабежи; изъ нихъ нѣкоторые были шпіонами. Когда инсургенты послѣ разоренія Улясутая ушли обратно, то эти монголы отстали отъ нихъ и бродили на родинѣ въ Саинъ-Ноинскомъ аймакѣ.

Монгольскій отрядъ, расположенный нынѣ въ Куренѣ Эрдыни-Цзоо [4]), во время развѣдки поймалъ этихъ несчастныхъ монголъ и представилъ ихъ ургинскимъ правителямъ—амбанямъ, которые, находя ихъ виновными въ грабежѣ и другихъ пре-

---

[1]) Статья эта доставлена намъ Николаемъ Александровичемъ фонъ-Фохтомъ при слѣдующемъ письмѣ: «Покойный братъ мой, служившій въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ чиновникомъ особыхъ порученій при генералъ-губернаторѣ Восточной Сибири, М. С. Корсаковѣ, незадолго передъ своею кончиною, передалъ мнѣ различныя бумаги, между которыми я нашелъ препровождаемое при семъ интересное описаніе казни 24-хъ человѣкъ монголъ въ Ургѣ», въ декабрѣ 1870 г. Описаніе это составлено, по словамъ брата, переводчикомъ, состоявшимъ при русскомъ консульствѣ въ Маймачинѣ и сопровождавшимъ брата во время одной изъ его командировокъ къ границамъ Китая. Къ сожалѣнію, фамилія этого переводчика у меня изгладилась изъ памяти».

[2]) Одно изъ 4-хъ Халхаскихъ княжествъ.

[3]) Главный военный пунктъ въ сѣверной Монголіи.

[4]) Гдѣ жилъ первый хутукта.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ступленіяхъ, приговорили ихъ къ смертной казни и отправили приговоръ свой въ Пекинъ къ богдыхану на утвержденіе. Вскорѣ былъ полученъ богдыханскій указъ, которымъ повелѣно отрубить всѣмъ 24-мъ человѣкамъ головы.

Старшій ургинскій манчжурскій амбань предлагалъ младшему амбаню Цыценъ-хану разстрѣлять этихъ монголъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ разставлены пушки, привезенныя изъ Пекина; но Цыценъ-ханъ на это не согласился, отзываясь тѣмъ, что, во-первыхъ, предлагаемое манчжурскимъ амбанемъ мѣсто для казни преступниковъ очень близко къ Ургѣ—святымъ мѣстамъ, гдѣ имѣютъ пребываніе хутукта и прочіе великіе ламы, и, во-вторыхъ, потому, что съ этого мѣста видна священная гора «Ханъ-ола» (царь горъ), въ виду которой по законамъ монголъ нельзя совершать казней и проливать человѣческую кровь. Въ случаѣ нарушенія сего закона, духъ, вѣчно живущій въ этой горѣ, можетъ послать великія бѣдствія на окрестныхъ жителей. Такимъ образомъ Цыценъ-ханъ настоялъ на томъ, чтобы казнить преступниковъ за китайскимъ городомъ Маймаченомъ на сѣверномъ склонѣ горы «Шара-хада», откуда не видна величественная гора «Ханъ-ола».

Маймаченъ, торговый городъ, расположенъ въ 3-хъ верстахъ восточнѣе отъ Урги, гдѣ имѣетъ мѣстопребываніе русское консульство. Въ Ургѣ казнь преступниковъ всегда совершается до разсвѣта. Однажды два преступника, которые за буйство были приговорены къ смертной казни, избавились отъ нея, благодаря лишь тому случайному обстоятельству, что маймаченскій цзаргучей, которому было препоручено исполненіе приговора, за темнотою ночи заблудился и прибылъ къ мѣсту казни, когда уже было совершенно свѣтло.

Вообще въ Китаѣ казнятъ преступниковъ на публичномъ мѣстѣ днемъ, а Урга потому составляетъ въ этомъ отношеніи исключеніе, что представляетъ ламайскій монастырь, въ которомъ постоянно живетъ до 10 тысячъ ламъ и хутукта—живой представитель Абидыбурхана. Монголы почитаютъ непристойнымъ производить въ этихъ святыхъ мѣстахъ казнь днемъ и крайне недовольны, что манчжурскія власти въ недавнее время стали казнить преступниковъ въ Ургѣ. Они твердо убѣждены, что такое нарушеніе народныхъ обычаевъ было причиною наступленія весьма холодныхъ дней, ниспосланныхъ разгнѣваннымъ духомъ-хранителемъ священной горы.

Меня крайне интересовало увидѣть картину казни несчастныхъ монголъ, и я рѣшился ѣхать на мѣсто, гдѣ должна была происходить эта ужасная церемонія. Въ 3 часа утра 4-го февраля я былъ извѣщенъ нашими часовыми, что преступниковъ повезли на телѣгахъ съ зажженными фонарями къ мѣсту казни. Я поспѣшилъ за ними, взявъ съ собой нѣсколько человѣкъ изъ консульства. Когда мы пріѣхали на мѣсто, было еще совершенно темно. Преступники были уже здѣсь и ожидали прибытія двухъ манчжурскихъ чинов-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

никовъ. На открытомъ пространствѣ была приготовлена монгольская войлочная юрта, въ которой для сидѣнія чиновниковъ была поставлена скамейка, покрытая краснымъ бухарскимъ войлокомъ, а предъ ней два столика, съ разставленными на нихъ пятью китайскими блюдцами, съ китайскими конфектами и плодами; на каждомъ столикѣ горѣла коротенькая и толстая красная свѣчка. Сзади юрты была раскинута палатка, для помѣщенія наемныхъ палачей-китайцевъ, которые, въ числѣ 10 человѣкъ, приняли на себя исполненіе казни по 50 ланъ [1]) за каждую голову. Палачи эти обыкновенно принадлежатъ къ рабочему классу населенія и въ праздничные дни принимаютъ на себя роли актеровъ въ театрахъ. Возлѣ юрты въ 3 желѣзныхъ котлахъ варилось мелкоискрошенное мясо съ китайской лапшей, а въ палаткѣ грѣлась въ двухъ такихъ же котлахъ вода.

Преступниковъ привезли на 12 телѣгахъ, запряженныхъ верблюдами, подъ конвоемъ 100 человѣкъ монгольскихъ солдатъ, вооруженныхъ фитильными ружьями и пиками съ длинными бамбуковыми древками, и 20 человѣкъ монгольскихъ чиновниковъ, также вооруженныхъ саблями, весьма древняго образца. Преступники размѣщались на каждой телѣгѣ по два, закованные въ кандалы. Какъ монгольскіе чиновники, такъ и солдаты были уже пьяны, что̀ дѣлалось, вѣроятно, для храбрости. Преступники не вступали въ разговоръ съ посторонними, и каждый читалъ и бормоталъ тибетскія молитвы, отпѣвая себя и молясь за свою душу; по временамъ слышалось между ними восклицаніе «ай гыгенъ» [2]).

Черезъ часъ послѣ нашего пріѣзда прибыли два манчжурскихъ чиновника въ китайскихъ телѣгахъ, весьма похожихъ на гробницу; оба чиновника были одѣты въ красные плащи и башлыки. Остановившись у юрты, они вышли изъ телѣгъ, и старшій изъ нихъ обратился къ монгольскимъ чиновникамъ, привѣтствовавшимъ его колѣноприклоненіемъ, съ вопросомъ, всѣ ли преступники на лицо. Получивъ утвердительный отвѣтъ и не заходя въ юрту, онъ отдалъ приказаніе, чтобы солдаты расположились по своимъ мѣстамъ. Изъ нихъ десять человѣкъ съ заряженными ружьями стали у юрты, а остальные построились покоемъ, оставивъ по срединѣ довольно большую квадратную площадь. Надъ дверьми юрты была вывѣшена красная китайка около 3 аршинъ длины. Приказавъ затѣмъ угостить преступниковъ, распорядитель съ другимъ чиновникомъ вошли въ юрту. Монголы тотчасъ же понесли къ осужденнымъ два котла съ супомъ, а тотъ монголъ, который несъ третій котелъ съ мясомъ, второпяхъ споткнулся и пролилъ весь супъ; кромѣ того, были принесены нѣсколько флягъ китайской водки. Преступники съ жад-

[1]) 50 ланъ составляютъ 100 рублей серебряною монетою.

[2]) Гыгенъ—ургинскій хутукта.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ностью набросились на принесенную пищу и особенно не забывали угощать себя водкой; нѣкоторые ѣли и пили сидя, другіе — лежа. Въ то же время между телѣгами, въ виду преступниковъ, въ двухъ котлахъ въ горячей водой, принесенныхъ изъ-за палатки палачей, нагрѣвались двѣ желѣзныя сѣкиры, длиною около пяти четвертей и шириною вершка полтора, съ деревянными коротенькими рукоятками, 4 ножа немного меньшихъ размѣровъ и 2 топора съ длинными топорищами. Палачи сидѣли возлѣ котловъ, постоянно подкладывая подъ нихъ дрова и любуясь своими инструментами, старались ихъ нагрѣть возможно болѣе, чтобы при совершеніи казни желѣзо смертоносныхъ орудій не прилипало къ человѣческому тѣлу [1]). На всѣхъ лицахъ палачей было замѣтно выраженіе крайняго довольства, ибо, кромѣ непримиримой вражды къ монголамъ, они получили возможность заработать въ самый короткій срокъ 2.400 рублей серебр. монетою.

Палачи были одѣты въ красные передники и съ колпаками на головахъ, а у каждаго преступника на спинѣ за поясомъ была воткнута длинная доска съ надписью: «По высочайшему повелѣнію подлежащій къ смертной казни такой-то».

Затѣмъ были привезены 24 клѣтки, выкрашенныя красною краской. Каждая отсѣченная голова помѣщалась въ отдѣльной клѣткѣ, съ привязанною къ ней дощечкою съ надписью: «Саинъ-Ноинскаго аймака, хошуна такого-то князя, такой-то». Отрубленныя головы подлежали отсылкѣ на родину казненныхъ, для устрашенія народа, а деньги наемнымъ палачамъ по закону платятъ родовичи преступниковъ.

Окончивъ кормленіе осужденныхъ, монгольскіе чиновники доложили объ этомъ манчжурскимъ и получили приказаніе приступить къ казни.

Всѣ телѣги были поставлены въ одну прямую линію, а палачи начали привязывать къ нимъ преступниковъ, положивъ ихъ поперекъ телѣгъ, каждаго головой къ колесу такъ, чтобы шея преступника приходилась на ободѣ колеса. Сорвавъ съ несчастныхъ шапки, палачи оставили ихъ въ тѣхъ костюмахъ, въ которыхъ они были привезены. Преступники въ это время были совершенно пьяны, ничего не говорили и безропотно покорялись своей участи. Чрезъ нѣсколько мгновеній палачи засуетились, блеснулъ топоръ, и первая голова, отдѣлившись отъ туловища, покатилась на холодную землю... Я ушелъ въ юрту, чтобы избавиться отъ столь ужаснаго зрѣлища. Манчжурскіе чиновники сидѣли на скамейкѣ рядомъ, соблюдая между собою старшинство. Столики съ разными яствами и свѣчами, о которыхъ я упомянулъ выше, были теперь поставлены у самаго входа въ юрту, что, вѣроятно, означало жертвоприношеніе какому нибудь

[1]) Такъ какъ казнь происходила зимою.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

богу войны или другому невидимому покровителю Китая. Другихъ священныхъ обрядовъ при этомъ не исполнялось; конфирмація преступникамъ была прочитана еще наканунѣ казни въ тюрьмѣ.

Рубка головъ продолжалась съ четверть часа, причемъ палачи кричали, шумѣли и производили какой-то шипящій звукъ: жа-жа-жа и уо-уо-уо и т. п. Крика преступниковъ не было слышно, ибо они были такъ плотно привязаны, что не могли кричать.

Чиновники, исполнители этой казни, ни разу не подходили къ преступникамъ и не осмотрѣли ихъ, такъ что вмѣсто виновныхъ могли быть казнены другіе, если бы того захотѣли монголы или требовали какія либо обстоятельства. Я, между прочимъ, спросилъ ихъ шутя: «отчего они лично не осмотрѣли преступниковъ, быть можетъ, ихъ подмѣнили дорогой другими?» Чиновники отвѣтили мнѣ, что подлогъ невозможенъ, а смотрѣть ихъ они боятся.

Страхъ ихъ былъ понятенъ, потому что распорядители были старшіе секретари амбанскаго ямуня, люди письменные и мирные. Нашъ разговоръ былъ прерванъ вошедшимъ монгольскимъ чиновникомъ, который, преклонивъ колѣно предъ жертвоприношеніемъ и манчжурскими чиновниками, произнесъ: «отрублены 23-мъ преступникамъ головы». Въ тотъ же моментъ два монгола, стоявшіе по сторонамъ жертвоприношенія, швырнули столики съ яствами въ блюдцахъ и горѣвшія свѣчи. Когда же всѣ вышли изъ юрты, 10 солдатъ дали залпъ изъ ружей, что означало исполненіе богдыханскаго велѣнія.

Палачи, окончивъ свое дѣло, возвращались въ палатку съ обрызганными кровью лицами и руками; они разговаривали между собою шутливымъ тономъ и смѣялись. Я пошелъ къ обезглавленнымъ трупамъ, изъ которыхъ ручьями струилась свѣжая кровь и шелъ теплый паръ; головы лежали на землѣ съ совершенно побѣлѣвшими лицами и закрытыми глазами.

Мнѣ послѣ разсказывали наши русскіе, которые ѣздили вмѣстѣ со мной, что сѣкиры и топоры палачей ступились послѣ отсѣченія нѣсколькихъ головъ, и что потомъ не могли отрубить головы съ двухъ и трехъ ударовъ, такъ что послѣдніе несчастные должны были вынести до 10 ударовъ.

Толкаясь между монголами и возвращаясь къ санямъ своимъ, я спросилъ одного монгольскаго чиновника: «отчего 23-мъ преступникамъ отрублены головы, а 24-го пощадили?» Онъ отвѣтилъ мнѣ, что у нихъ есть иногда обыкновеніе прощать одному изъ преступниковъ, поэтому одного увели къ манчжурскимъ чиновникамъ просить прощенія. Но, увы, ему не прощено и приказано отрубить голову. Несчастнаго снова повлекли къ мѣсту бойни. Онъ горько заливался слезами и умолялъ палачей не рубить ему головы. Но все было напрасно. Его положили на телѣгу къ двумъ обезглавленнымъ трупамъ и привязали головою къ колесу. Палачъ съ какимъ-то оже-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сточеніемъ началъ наносить удары топоромъ по шеѣ. Преступникъ, не издавая звука, только страшными конвульсіями давалъ знать о теплящейся еще искрѣ жизни въ его существѣ. Но прекратились и эти предсмертныя движенія, и съ девятымъ ударомъ отлетѣла послѣдняя 24-я голова.

Этимъ окончилась казнь. Монголы вдругъ засуетились, стали развязывать трупы и разбрасывать ихъ на всѣ четыре стороны, а отрубленныя головы запирать въ клѣтки для отсылки на родину казненныхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ я покинулъ это страшное и позорное зрѣлище. Любопытство мое было удовлетворено, но и оставило тяжелое, неизгладимое впечатлѣніе.

Сообщилъ **Н. фонъ-Фохтъ.**

Г. Ровно. 1898 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИЗЪ ИСТОРІИ ЛЮТЕРАНСКАГО СЕКТАНТСТВА ВЪ ЭСТЛЯНДІИ.

(Очерки).

РЕФОРМАЦІЯ проникла въ Прибалтійскій край въ XVI вѣкѣ, встрѣченная довольно сильнымъ протестомъ со стороны земельнаго дворянства и горожанъ и принятая совершенно пассивно сельскимъ населеніемъ, которому въ сущности было совершенно все равно, будетъ ли оно въ подчиненіи у кзендза или у пастора. Какъ прежнее католичество, такъ и явившееся ему на смѣну въ краѣ лютеранство, было одинаково чуждо простому народу, въ глазахъ котораго, въ виду спутанности и неустойчивости его религіозныхъ воззрѣній, это была религія господъ. Жившіе на днѣ народной души остатки прежнихъ вѣрованій, въ тайнѣ соблюдаемые языческіе обычаи и обряды восполняли собою въ туземномъ населеніи неудовлетворенную религіозную потребность, ощущаемую въ офиціальной церкви съ безжалостнымъ вотчинно-начальническимъ отношеніемъ духовенства къ своей паствѣ.

«Просвѣтительная» дѣятельность лютеранекаго духовенства въ краѣ, до покоренія его Швеціей, выразилась лишь въ томъ, что въ 1555 году былъ впервые изданъ на мѣстномъ языкѣ краткій катехизисъ Лютера. Только въ XVII вѣкѣ, по покореніи Ливоніи шведами при Густавѣ-Адольфѣ, стали появляться тамъ школы и посылаться въ Балтійскій край миссіонеры для искорененія язычества и просвѣщенія народа, о которомъ мало пеклись ливонскіе пасторы.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Шведское правительство заботилось не только объ одномъ просвѣщеніи народа, но и объ ограниченіи произвола помѣщиковъ, распоряжавшихся на своихъ земляхъ по средневѣковымъ обычаямъ, стремясь постепенно къ полному уничтоженію въ краѣ крѣпостного права. Эти стремленія вызывали громкіе протесты со стороны мѣстнаго дворянства. Когда, въ началѣ XVIII столѣтія, по покореніи края Петромъ Великимъ, русское правительство возвратило мѣстнымъ землевладѣльцамъ ихъ прежнія права и привилегіи, дѣятельность шведскихъ миссіонеровъ сразу ослабла, а затѣмъ и совершенно прекратилась. Нѣмецкіе же пасторы держались вдали отъ народа, болѣе заботясь о взиманіи церковныхъ повинностей, чѣмъ о просвѣщеніи паствы...

Трудно и безысходно было положеніе этой несчастной паствы въ прежнія времена, когда кирка была прежде всего лобнымъ мѣстомъ, такъ какъ близъ ея стѣнъ ставился позорный столбъ, у котораго производились экзекуціи надъ крѣпостными, по приказанію свѣтскихъ и духовныхъ господъ, а въ стѣнахъ храма раздавались лишь проповѣди о покорности помѣщикамъ и, конечно, пасторамъ, у которыхъ угнетенный народъ не находилъ ни совѣта, ни утѣшенія, ни поддержки!

Это ужасное время, къ счастью, навсегда миновало, но оно оставило по себѣ, какъ и слѣдовало ожидать, слѣды въ народѣ, въ его теперешнемъ отношеніи къ пасторамъ и киркѣ,—отношеніи, далеко несочувственномъ къ представителямъ лютеранской церкви въ краѣ, и по сіе время недостаточно заботящимся о духовной жизни населенія.

Лютеранскій пасторъ въ краѣ является въ отношеніи населенія тѣмъ же помѣщикомъ. Онъ сдаетъ свой пасторатскій участокъ въ аренду своимъ же «пасомымъ» и частенько на условіяхъ гораздо болѣе тяжкихъ, чѣмъ помѣщикъ-землевладѣлецъ. Совершенно естественно, что крестьяне не могутъ отдѣлить въ своихъ понятіяхъ личности своего пастора, какъ духовнаго наставника, отъ арендадателя и хозяина, то-есть уважать въ немъ духовный санъ, находясь у него въ то же время въ матеріальной кабалѣ. При этомъ корыстолюбіе большинства пасторовъ [1]), ихъ требовательность при взиманіи съ крестьянъ церковныхъ повинностей и общность ихъ интересовъ съ интересами помѣщиковъ,—все это, къ сожалѣнію, возбуждаетъ противъ нихъ крестьянское населеніе края и роняетъ ихъ авторитетъ въ глазахъ послѣдняго.

Что же остается дѣлать народу, не находящему нравственнаго успокоенія въ своей церкви съ пасторомъ-помѣщикомъ во главѣ?

---

1) По всему Прибалтійскому краю ходитъ изъ устъ въ уста масса анекдотовъ, въ которыхъ вышучивается, главнымъ образомъ, корыстолюбіе и жадность мѣстныхъ пасторовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Искать истины въ молитвенныхъ собесѣдованіяхъ такихъ же алчущихъ, устраиваемыхъ въ частныхъ домахъ, внѣ кирки. Тамъ ищущіе правды и нравственнаго успокоенія сходятся во имя любви и, позабывъ хоть на время неизбѣжнаго пастора съ безсердечной проповѣдью о геенѣ огненной за неповиновеніе ему паствы, читаютъ и толкуютъ Евангеліе и Св. Писаніе, толкуютъ часто неправильно... Но, прочтя вышеизложенное, скажите, читатель, можно ли осуждать «малыхъ сихъ»?...

Такъ подготовлялась сама собой почва для сектантства, достигшаго большого распространенія въ краѣ.

Предлагаемые ниже очерки сектантскаго движенія въ Эстляндіи дадутъ читателямъ общее понятіе о лютеранскомъ расколѣ въ Балтійскомъ краѣ и той удивительной роли, которую играетъ въ этомъ движеніи кирка.

I.

Начнемъ съ гернгутеровъ.

Въ Россіи гернгутеры особенно извѣстны по своей колоніи «Сарептѣ», въ Саратовской губерніи. Начало этой секты относится къ XV вѣку. Основателемъ ея былъ чешскій полякъ Чельчицкій, ревностный ученикъ Яна Гуса. Называясь прежде «моравскими» или «богемскими братьями» и сильно разнясь въ своемъ ученіи отъ лютеранства, гернгутеры претерпѣвали, въ первую эпоху основанія своей общины, гоненія и отъ католиковъ, и отъ послѣдователей Лютера. Затѣмъ, въ XVII вѣкѣ, между «братьями» и реформаціей состоялось соглашеніе, и исповѣданіе секты было разрѣшено особымъ эдиктомъ императора Рудольфа II. Подвергшись снова упорному преслѣдованію во время 30-ти-лѣтней войны, «моравскіе братья» нашли себѣ сильнаго покровителя въ лицѣ либеральнаго и просвѣщеннаго графа Цинцелдорфа, крупнаго саксонскаго землевладѣльца, который предложилъ имъ убѣжище въ своемъ имѣніи, гдѣ сектанты и устроили впослѣдствіи свою колонію «Гернгутъ» (Hernhut), давшую собой названіе общинѣ. Въ 1750 году гернгутеры приняли «аугсбургское исповѣданіе» и съ того времени считаются сектой въ лютеранской церкви подъ названіемъ «Евангелическое братское общество».

Гернгутеры отличаются отъ лютеранства взглядомъ на «аугсбургское исповѣданіе», какъ на символическую книгу, которую можно толковать произвольно, и главнымъ образомъ своимъ церковнымъ устройствомъ, имѣя своихъ собственныхъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ, словомъ, свою совершенно особую іерархію.

Въ Прибалтійскій край, а именно въ Лифляндію, гернгутеры проникли въ началѣ прошлаго столѣтія, въ 1729 году, когда мѣст-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ное дворянство пригласило ихъ къ себѣ, будучи недовольно своимъ духовенствомъ. Отсюда вскорѣ гернгутеры проникли и въ сосѣднюю Эстляндію.

Быстрымъ успѣхамъ гернгутеровъ въ Балтійскомъ краѣ очень много способствовали указы императрицы Екатерины II (1764 г.) о разрѣшеніи сектантамъ поселенія въ Россіи съ правомъ свободы совѣсти, исповѣданія и церкви, и императора Александра I (1817), подтвердившаго милости въ отношеніи гернгутеровъ своей великой бабки. Въ 1834 г. секта достигла полнаго процвѣтанія въ Россіи. Въ 1893 г. гернгутеры имѣли въ Эстляндской губерніи 47 молитвенныхъ домовъ въ 36 приходахъ, а въ Лифляндской губерніи 157 молитвенныхъ дома въ 57 приходахъ. Эти 204 молитвенныхъ дома посѣщались, по приблизительному вычисленію, 60.000 постоянныхъ и 30.000 случайныхъ прихожанъ.

Въ послѣдніе годы число посѣтителей гернгутерскихъ молитвенныхъ домовъ, особенно въ эстонской части Лифляндіи, простиралось, въ 1893 г., до 50.000 человѣкъ.

Какъ относится и относилось къ гернгутерамъ современное лютеранское духовенство? Сначала оно строго запрещало своей паствѣ посѣщать гернгутерскія богомоленія, но затѣмъ начало относиться къ этому вопросу съ мудростью практика, заботящагося лишь о формѣ, а не о сущности ученія. Пасторы, приблизительно съ сороковыхъ годовъ, начали позволять лютеранамъ бывать на собраніяхъ гернгутеровъ, но подъ условіемъ не отдѣляться отъ лютеранства и посѣщать по воскресеньямъ и въ праздники кирку. Этимъ лютеранская церковь какъ бы молчаливо санкціонировала гернгутерство въ краѣ. Съ своей стороны гернгутеры не требовали отъ посѣтителей своихъ молитвенныхъ собраній отпаденія отъ той церкви, къ которой они принадлежали. Приходящихъ къ нимъ молиться гернгутеры радостно принимаютъ, признавая ихъ и себя «соединенными между собою братскою любовью и принадлежащими Единому Господу Богу Іисусу Христу» и считая себя и ихъ «одной общиной передъ Господомъ». Члены лютеранской церкви, посѣщающіе молитвенные дома гернгутеровъ, всецѣло остаются въ своей прежней церкви, исполняя ея обряды, прибывшіе же изъ-за границы и принадлежащіе къ «братской церкви» составляютъ совершенно независимую общину, независимую отъ лютеранской церкви, со своимъ особымъ духовенствомъ, рукополагаемымъ особыми епископами. Пресвитеровъ, замѣняющихъ у гернгутеровъ пасторовъ, было въ Эстляндіи, въ 1893 г., пятнадцать человѣкъ. Секта гернгутеровъ въ Эстляндіи въ сущности сама по себѣ не особенно обширна по числу своихъ членовъ, а прибывшихъ сюда изъ-за границы «братьевъ» весьма немного. Значеніе и роль гернгутеровъ въ Балтійскомъ краѣ сказались, главнымъ образомъ, во время религіознаго броженія среди эстонцевъ. Лютеранская церковь очень

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ловко воспользовалась тогда гернгутерами для удержанія отпадавшихъ отъ нея эстовъ: посѣщая молитвенныя собранія «моравскихъ братьевъ», вполнѣ разрѣшенныя киркой, эстонцы оставались тѣмъ самымъ въ лонѣ лютеранства, такъ какъ гернгутеры не требовали отъ нихъ отпаденія отъ прежней церкви. Находя въ гернгутерскихъ богомоленіяхъ нравственное удовлетвореніе, эстонцы, посѣщая ихъ, тѣмъ самымъ не прерывали общенія и съ лютеранствомъ.

Молитвенныя собранія гернгутеровъ происходятъ въ особыхъ домахъ, спеціально для этого отведенныхъ, и находятся подъ надзоромъ «діаконовъ» и ихъ помощниковъ. На этихъ собраніяхъ происходитъ чтеніе и пѣніе молитвъ, толкованіе св. писанія, проповѣди и чтеніе назидательныхъ книгъ.

Кромѣ этихъ общихъ (разъ въ мѣсяцъ) молитвенныхъ собраній и собраній административно-хозяйственнаго характера, устраиваемыхъ братствомъ для укрѣпленія внутренняго порядка общины,— въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Эстляндіи, гдѣ гернгутерство особенно процвѣтаетъ, учреждаются особыя молитвенныя сборища для холостыхъ, женатыхъ, замужнихъ, незамужнихъ и дѣтей. Здѣсь каждому члену братства разъясняются лежащія на немъ религіозно-нравственныя обязанности.

Окружныя гернгутерскія управленія въ Эстляндіи находятся: въ Либертѣ, въ приходѣ Кошъ, Ревельскаго уѣзда, въ гор. Гапсалѣ и въ имѣніи Тудолинъ, въ приходѣ Исаакъ, Везенбергскаго уѣзда.

Вслѣдъ за гернгутерами идутъ, по своему значенію въ краѣ, скакуны.

Начало секты положилъ нѣкто Эстербломъ, назначенный въ 1872 г. евангелически-отечественнымъ институтомъ въ Стокгольмѣ [1]) учителемъ въ содержимую институтомъ на о-вѣ Вормсѣ школу. Хотя миссіонеръ Викандеръ, посѣтившій въ 1884 и 1885 гг. о-ва Вормсъ и Наргенъ, и увѣрялъ въ своихъ отчетахъ, представленныхъ тогдашнему эстляндскому губернатору, князю С. В. Шаховскому, что упомянутый институтъ противодѣйствуетъ развитію сектъ, врядъ ли, однако, можно отнестись съ довѣріемъ къ этому заявленію, такъ какъ названный Эстербломъ, вскорѣ по прибытіи на о-въ Вормсъ, сталъ дѣятельно распространять среди островитянъ брошюрки извѣстнаго «скакуна» Вальденстрема. Въ 1879 г. скакунство на о-вѣ Вормсѣ стало обращать на себя особенное вниманіе. Вышедшіе изъ народа скакунскіе проповѣдники перенесли

[1]) Евангелически-отечественный институтъ въ Стокгольмѣ имѣетъ главною цѣлью обращеніе въ христіанство язычниковъ, главнымъ образомъ, въ Африкѣ. Въ Эстляндіи же институтъ работаетъ лишь въ мѣстахъ, населеніе которыхъ говоритъ пошведски, дѣйствуя, будто бы, въ пользу шведской государственной церкви (отчетъ миссіонера Викандера эстляндскому губернатору, см. дѣло канцел. Эстляндск. губерн., по 1 ст. за № 62). Институтъ содержитъ на Вормсѣ и Наргенѣ училища и учителей.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

его на о-въ Даго и полуостровъ Нукэ. Вскорѣ затѣмъ мы видимъ послѣдователей ученія Эстерблома въ приходахъ Пеналь, Ретель, Мартенсъ, Гольденбекъ, въ Леалѣ, Кфеферѣ и, наконецъ, въ приходахъ Мерьямскомъ, Нисскомъ и Крейцскомъ.

Въ чемъ же заключается ученіе скакуновъ?

Кто читалъ про нашихъ скакуновъ и хлыстовъ, тотъ уже имѣетъ представленіе и о лютеранскомъ скакунствѣ. Произвольное толкованіе св. писанія, составляя общелютеранскій церковный принципъ, соединяется у скакуновъ съ вѣрой въ «освященіе» Св. Духомъ избранниковъ, получающихъ чрезъ это особую духовную прозорливость и даръ проповѣди. Это освященіе свыше происходитъ, по понятію учениковъ Эстерблома, при помощи экстаза. Доведеніе себя искусственными способами до такого именно состоянія и составляетъ всю цѣль скакунскихъ радѣній.

Собравшіеся топаютъ ногами, хлопаютъ въ ладоши, скачутъ, прыгаютъ, вертятся и, доходя до изнеможенія, зачастую впадаютъ въ эпилепсію. Доведя себя до высшей степени экзальтаціи, скакуны начинаютъ «проповѣдывать», и такъ какъ каждый толкуетъ св. писаніе по-своему,—получается полная дисгармонія въ религіозныхъ понятіяхъ, воззрѣніяхъ и вѣрованіяхъ этихъ экзальтированныхъ искателей истины.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что такія собранія сектантовъ не обходятся безъ прискорбныхъ уклоненій, дѣлающихъ изъ нихъ безпутныя оргіи, полныя грубаго разврата [1]). Не говоря уже о томъ, что состояніе духа, до котораго сознательно доводятъ себя скакуны на своихъ сходкахъ, весьма способствуетъ всевозможнымъ физіологическимъ эксцессамъ, самое понятіе объ общественной нравственности у послѣдователей Эстерблома настолько оригинально, что всевозможныя распутства считаются въ скакунствѣ дѣломъ заурядным. Отрицаніе семьи и брачныхъ союзовъ весьма способствуетъ этой разнузданности. Свальный грѣхъ въ корчмахъ, на сѣновалахъ или даже... въ самомъ молитвенномъ домѣ является самымъ обыкновеннымъ концемъ радѣній. Бываетъ также, что доведенные до экстаза «алчущіе Духа Божія» выбѣгаютъ совершенно нагими на крышу дома, гдѣ происходила «духовная бесѣда», и ожидаютъ облака, которое должно унести ихъ на небо [2])... Одинъ изъ послѣдователей секты ирвингіанъ, о которой будетъ говорено въ своемъ мѣстѣ, передавалъ намъ, что, насколько ему извѣстно, скакунскія радѣнія въ Эстляндіи сопровождаются иногда кровосмѣсительствомъ и противоестественными пороками. Принимая во вниманіе экстазъ «радѣющихъ», въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго.

Скакунство имѣетъ большой успѣхъ въ Эстляндіи, особенно въ

---

[1]) «Рижскія Епархіальныя Вѣдомости», № 14, 1891 г.

[2]) Ibid.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

простомъ народѣ, поощряя его чувственные инстинкты. По офиціальнымъ даннымъ, количество скакуновъ въ Эстляндской губерніи доходило въ 1893 г. до 840 человѣкъ, что̀ составляетъ 6,4% всѣхъ вообще сектантовъ въ этой губерніи, считая также и гернгутеровъ; если же откинуть послѣднихъ, что̀ было бы вполнѣ справедливо, такъ какъ эстляндскіе гернгутеры, какъ уже знаютъ читатели, находятся въ единеніи съ лютеранской церковью, то около 84% всѣхъ сектантовъ въ Эстляндіи падаетъ на долю скакуновъ, причемъ 20% изъ числа всѣхъ скакуновъ въ Эстляндіи приходится на Гапсаль и его уѣздъ [1]).

Достойно также вниманія то обстоятельство, что среди эстонскихъ скакуновъ преобладающимъ элементомъ являются женщины: изъ 840 сектантовъ—533 особы прекраснаго пола. Такимъ образомъ секта скакуновъ въ Эстляндіи держится главнымъ образомъ правнучками Евы. Чѣмъ объясняется это, склонностью ли слабаго пола къ ученію, покровительствующему легкому отношенію къ морали и отрицающему тяжелыя «цѣпи Гименея», или тѣмъ, что экстазу, процвѣтающему въ скакунствѣ, особенно подвержены женщины, обладающія болѣе воспріимчивой нервной системой, чѣмъ мужчины,—трудно сказать.

По свѣдѣніямъ ревельской полиціи [2]), скакуны не посѣщаютъ кирокъ, отрицаютъ лютеранскихъ пасторовъ, причащаются св. тайнъ единолично, т. е. каждый причащается св. Тѣла и Крови самъ и затѣмъ передаетъ св. дары другому, а таинство крещенія совершаютъ надъ взрослыми, подготовленными къ понятію о святости таинства.

Мы сказали уже, что въ скакунствѣ является проповѣдникомъ всякій, кто почувствуетъ въ себѣ даръ проповѣди, причемъ каждый объясняетъ св. писаніе по своему. Опредѣленнаго ученія секты поэтому нѣтъ и быть не можетъ. Хотя секта эта и имѣетъ значительный успѣхъ въ Эстляндіи, однако, при процвѣтаніи тамъ другихъ сектъ, болѣе опредѣленнаго характера, скакунство можетъ быть поглощено ими и перестать существовать, какъ отдѣльная община.

Ирвингіанство, о которомъ мы упомянули выше, явилось въ Россію и Прибалтійскій край въ тридцатыхъ годахъ [3]) изъ Англіи, гдѣ пасторы Левисъ Вэй (Way) и Эдвардъ Ирвингъ проповѣдывали о близости второго пришествія Іисуса Христа и о необходимости людямъ приготовиться къ достойной Его встрѣчѣ.

Въ Эстляндію ирвингіанство проникло въ 1874 г. Проповѣдникомъ его въ Ревелѣ былъ нѣкій унтеръ-офицеръ, по фамиліи Карлъ

---

[1]) «Лютеранскія секты въ Эстляндской губерніи», Ревель, 1893 г., стр. 13. (Составлено канцеляріей бывшаго эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховского).

[2]) Ibid., стр. 12.

[3]) Г. Линденбергъ, Протестантскія секты, «Рижскія Епархіальныя Вѣдомости», № 12, 1891 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Крейцманъ, латышъ по происхожденію. Отсюда секта проникла въ волость Кюрьемяги Пенальскаго прихода, гдѣ сразу пріобрѣла 60 прозелитовъ.

По ученію ирвингіанъ, христіанство со временъ апостоловъ совратилось съ пути истины, преподанной людямъ Христомъ Спасителемъ.

Сдѣлать церковь Христову, при помощи реформъ въ области догмы, іерархіи и обряда, такою, какою она была въ вѣкъ апостольскій, составляетъ священную задачу разсматриваемой нами секты.

Въ отличіе отъ лютеранъ, ирвингіане признаютъ таинствами, кромѣ причащенія и крещенія, муропомазаніе, священство, покаяніе и бракъ. Особой оригинальностью, напоминающею собою организацію древне-христіанской общины вѣка апостольскаго, отличается іерархія ирвингіанъ. Такъ, мы видимъ у нихъ «апостоловъ», «пророковъ», «ангеловъ» (епископы въ древне-христіанской общинѣ) и «евангелистовъ». «Апостолы», которыхъ должно быть всегда двѣнадцать, являются высшими правителями ирвингіанской секты, рукополагая церковнослужителей. «Пророки» сектантовъ претендуютъ на всестороннее знаніе и пониманіе ветхозавѣтныхъ книгъ. «Евангелисты» получаютъ отъ «апостоловъ» право проповѣдывать Евангеліе. «Ангелы» руководятъ отдѣльными церковными общинами, совершаютъ богослуженіе, требы и проповѣдуютъ. У ирвингіанъ есть еще «діаконы», которые, не представляя собой особой іерархической степени, спеціально завѣдуютъ дѣлами благотворительности.

Одно изъ важнѣйшихъ вѣрованій ирвингіанъ—это ученіе о двухъ грядущихъ пришествіяхъ въ міръ І. Христа. Первое пришествіе Сына Божія будетъ, по убѣжденію сектантовъ, тайное, видимое только ирвингіанамъ, второе же явное, которое узрятъ всѣ истинно вѣрующіе. Во время второго пришествія І. Христа всѣ, оставшіеся вѣрными Слову Божію, будутъ вознесены облакомъ на небо,—такимъ образомъ вся церковь земная и видимая сдѣлается церковью небесной и невидимой и избавится отъ будущихъ бѣдствій: пришествія антихриста, царства сатаны и свѣтопреставленія...

Ирвингіане имѣютъ, кромѣ послѣдователей секты, проживающихъ въ Ревелѣ и Гапсалѣ и ихъ уѣздахъ, прозелитовъ въ Ригѣ, Митавѣ, Либавѣ и Петербургѣ [1]).

Въ Ревелѣ въ 1886 г. ирвингіанъ насчитывалось 60—70 человѣкъ, въ 1891 г. ихъ было уже 110 (75 женщинъ и 35 мужчинъ).

Въ настоящее время въ Эстляндской губерніи, по частнымъ, имѣющимся у насъ, свѣдѣніямъ, ихъ свыше 250 человѣкъ—секта, очевидно, прогрессируетъ весьма успѣшно.

---

[1]) Прошеніе членовъ апостольской церкви (ирвингіанъ), поданное бывшему эстляндскому губернатору, князю С. В. Шаховскому, въ мартѣ 1886 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ Петербургѣ ирвингіанская община находится подъ непосредственнымъ наблюденіемъ «епископа» В. А. Дитмана, доктора-гомеопата по спеціальности.

Община, называющая себя въ оффиціальныхъ сношеніяхъ «апостольской церковью», имѣетъ свою особую церковь въ лучшей части столицы, а именно на Сергіевской улицѣ, въ домѣ подъ № 10. Церковь довольно помѣстительна и находится во дворѣ. Въ воскресенье и четвергъ здѣсь совершается богослуженіе по ирвингіанскому обряду; въ четвергъ служба происходитъ на русскомъ языкѣ и предназначается спеціально для русскихъ прозелитовъ секты.

Спѣшимъ подѣлиться здѣсь съ читателями нашими личными впечатлѣніями отъ посѣщенія ирвингіанской церкви въ Петербургѣ.

Въ одно изъ вескресеній, осенью прошлаго года, мы поѣхали, въ одиннадцатомъ часу утра «къ Дитману», какъ принято обозначать ирвингіанскія богомоленія на Сергіевской улицѣ въ «свѣтѣ», гдѣ ирвингіанская община пользуется немалымъ успѣхомъ и гдѣ имѣетъ сторонниковъ и покровителей болѣе сильныхъ, чѣмъ всякая иная лютеранская секта въ Россіи... Утро было сѣренькое, слегка моросилъ дождь. Пройдя обширный дворъ, мы повернули налѣво и черезъ небольшія сѣни очутились въ длинноватой, слабо освѣщенной свѣтомъ изъ оконъ, комнатѣ, уставленной поперекъ скамьями, на подобіе внутренности лютеранскаго храма. Налѣво отъ входной двери, въ глубинѣ комнаты, на нѣкоторомъ возвышеніи помѣщался алтарь общелютеранскаго типа.

Мы сѣли на одну изъ серединныхъ скамеекъ и стали прислушиваться къ богослуженію. Какой-то господинъ съ сѣдыми бакенами, красноватымъ лицомъ и сосредоточенно-безучастнымъ взглядомъ, напоминающій собою нѣмецкаго коммерсанта Балтійскаго края, молча подвинулъ къ намъ лежавшую на пюпитрѣ, предъ скамейкой, книгу въ черномъ кожаномъ переплетѣ и затѣмъ указалъ въ ней уже заложенное мѣсто. Это была книга псалмовъ общины, а мѣсто, указанное сосѣдомъ, — псаломъ, только что исполненный присутствовавшими. «Пресвитеръ» въ бѣлой одеждѣ читалъ предъ алтаремъ понѣмецки какую-то молитву. Мы оглянули ряды молящихся. Въ заднихъ рядахъ—мелкіе мастеровые нѣмецкой внѣшности, въ переднихъ — смѣшанный людъ, не имѣющій опредѣленной физіономіи. Здѣсь мы увидѣли и фигуры, напоминающія петербургскихъ чиновниковъ, и военныхъ, и бѣдно одѣтыхъ старушекъ-салопницъ, и сестеръ милосердія въ полумонашескихъ одеждахъ и бѣлоснѣжныхъ капюшонахъ, и свѣтскихъ дамъ и кавалеровъ. У всѣхъ были молитвенники въ рукахъ. «Пресвитеръ» все читалъ молитвы, то быстро и невнятно, то отчеканивая слова и съ разстановкой. Отъ времени до времени присутствовавшіе сразу всѣ вставали и пѣли въ одинъ голосъ и довольно нескладно псалмы, держа передъ глазами молитвенники. Но вотъ чей-то сначала невнятный женскій голосъ съ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

первыхъ скамеекъ вдругъ сталъ сперва тихо, а потомъ все громче и громче, выкрикивать что-то совершенно непонятное. Какіе-то удивительные звуки на несуществующемъ въ мірѣ языкѣ сыпались, какъ горохъ, при общемъ благоговѣйномъ молчаніи...

«Пресвитеръ» и его помощники также притихли и внимали полной пожилой дамѣ въ темномъ дорогомъ ватерпруфѣ (присутствующіе сидѣли въ верхнихъ платьяхъ), уже начинавшей выкрикивать непонятныя слова съ возрастающей экзальтаціей. «Духъ Святый одарилъ ее даромъ языковъ», пояснилъ мнѣ понѣмецки мой сосѣдъ, а между тѣмъ дама продолжала уже кричать во весь голосъ съ замѣтной хрипотой. Вдругъ она неожиданно умолкла, упавъ въ изнеможеніи на руки сидѣвшей возлѣ другой дамы. Ее мгновенно окружили, стараясь привести въ чувства. «Счастливица,—услышали мы вблизи себя,— c'est le Saint Esprit qui l'a fait parler!» —«Oh, yes!»— раздался флегматическій отвѣтъ. Мы оглянулись: это пятнадцатилѣтняя барышня-подростокъ разговаривала съ своей бонной-англичанкой...

Вернемся, однако, къ эстляндскимъ ирвингіанамъ.

Въ мартѣ 1886 г. настоятелемъ ирвингіанской общины Михелемъ Мутсу, діакономъ Парманомъ и подъ-діакономъ П. Мутсу было подано тогдашнему эстляндскому губернатору князю С. В. Шаховскому прошеніе отъ имени прихожанъ Кирьемегскаго общества, Ретельскаго прихода, о разрѣшеніи имъ собираться для молитвы въ особо устроенномъ для сего домѣ. Мотивомъ къ этому ходатайству послужило закрытіе, въ февралѣ того же года, штрандвикскимъ гаккенрихтеромъ (уѣздный начальникъ дореформенной эпохи въ Прибалтійскомъ краѣ) молитвенныхъ собраній ирвингіанъ, по настоянію мѣстнаго пастора Михельсона, старавшагося предотвратить развитіе секты, въ выстроенномъ сектантами собственномъ домикѣ на 50 человѣкъ, куда они перенесли свои бесѣды изъ деревенской избы, послѣ того какъ названнымъ пасторомъ были лишены св. причастія. Слишкомъ ревностный пасторъ своимъ неумѣлымъ образомъ дѣйствій добился совершенно не того, чего желалъ.

Такъ какъ ирвингіанство было разсматриваемо сначала, по малому знакомству съ сектой, какъ баптизмъ, что совершенно ошибочно,—вышеприведенное ходатайство было удовлетворено 7 апрѣля 1886 г., на основаніи высочайше утвержденнаго 27 марта 1879 г. мнѣнія государственнаго совѣта. Однако, впослѣдствіи гапсальскимъ ирвингіанамъ было запрещено собираться для богослуженій [1]).

Въ декабрѣ 1892 г. ирвингіанскій пресвитеръ въ Ревелѣ, Мальмъ, рукоположенный уже знакомымъ читателямъ «епископомъ» В. Дитманомъ, снова подалъ эстляндскому губернатору прошеніе объ официальномъ признаніи за общиной права существованія и проповѣди

[1]) Лютеранскія секты въ Эстляндской губ., Ревель, 1893 г., стр. 19.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

повсемѣстно въ губерніи. Просьба эта объяснялась тѣмъ, что лютеранское духовенство причиняетъ де сектѣ всевозможныя затрудненія, отказывая ей въ совершеніи христіанскихъ требъ и таинствъ [1]).

Намъ неизвѣстно въ точности о результатѣ этого ходатайства пресвитера Мальма, но въ бытность нашу въ Ревелѣ, въ 1893—1895 г.г., тамъ безпрепятственно происходили ирвингіанскія богомоленіи въ одномъ изъ домовъ лучшей улицы въ Ревелѣ, Нарвской, соединяющей русскій рынокъ съ Екатериналемъ. Тогда же намъ привелось видѣть и одного изъ поборниковъ этой секты, графа С., принадлежащаго къ мѣстной аристократіи. Графъ, по слухамъ, пользовался большимъ вліяніемъ на дѣла секты, какъ въ Эстляндіи, такъ и въ Петербургѣ, гдѣ, благодаря своимъ сильнымъ связямъ, ему удавалось оказывать сектѣ немало услугъ.

Родственникъ графа С., живущій въ настоящее время безвыѣздно въ г. Венденѣ, Лифляндской губ., былъ нѣкогда директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Наружность графа С., его манера держаться сразу останавливаютъ на немъ вниманіе. Предъ вами средняго роста пожилой человѣкъ съ удивительно большими, черными, блестящими глазами, взглядъ которыхъ трудно выдержать,—до такой степени они какъ бы проникаютъ къ вамъ въ душу и читаютъ ваши сокровеннѣйшія мысли. На губахъ графа играетъ грустно-скептическая улыбка, а когда онъ говоритъ, то вы невольно заслушаетесь: кого-кого онъ только не зналъ, съ кѣмъ только не встрѣчался въ жизни, чего только не испыталъ! При этомъ всѣ разсказы графа С. покрыты нѣкоторой таинственностью, они всегда словно недосказаны на самомъ интересномъ мѣстѣ, подчасъ даже иносказательны, и съ туманнымъ указаніемъ мѣстъ, лицъ (зачастую историческихъ) и источниковъ, откуда они почерпнуты...

Баптистовъ Эстляндской губерніи, за которыхъ одно время ошибочно принимали ирвингіанъ, какъ развѣтвленіе этой секты, не должно смѣшивать съ анабаптистами Германіи XVI в., образовавшими въ Мюнстерѣ свое государство и выдѣлившими впослѣдствіи отъ себя менонитовъ.

Эстляндскіе баптисты выродились изъ такъ называемыхъ «новыхъ баптистовъ», появившихся въ началѣ XVII в. въ Англіи, подъ вліяніемъ пуританъ и индепендентовъ. «Новые баптисты» держатся буквы св. писанія, не дѣлая различія между Ветхимъ и Новымъ Завѣтами и допускаютъ произвольное толкованіе Библіи, причемъ отвергаютъ какую бы то ни было опредѣленную норму вѣроученія. Секта распадается на множество всевозможныхъ толковъ.

Изъ Англіи баптисты проникли въ Америку, а оттуда перешли въ Германію, гдѣ имѣли большой успѣхъ.

---

[1]) Лютеранскія секты въ Эстляндской губ., Ревель, 1893 г., стр. 19.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Дѣятельность баптистовъ въ Эстляндіи сравнительно недавняя, она появилась тамъ съ 1882 г. [1]). Въ 1883 г. у баптистовъ въ Гапсалѣ былъ уже особый домъ для богомоленій и молитвенныхъ собраній. Въ ноябрѣ того же года крестьяне Михель Краббе, Августъ Іогансенъ и Тенно Лаасъ обратились къ губернскому начальству съ просьбою о разрѣшеніи имъ совершать богослуженіе по баптистскому обряду.

Первоначальное движеніе баптизма стало обнаруживаться на о. Вормсѣ, гдѣ процвѣтало скакунство, и почва для воспріятія всевозможныхъ расколоученій была вполнѣ благопріятна. Ретельскій церковный попечитель доноситъ, отъ 20-го октября 1883 г., инзулярвикскому гаккенрихтеру, что кое-кто изъ молодежи ретельскаго прихода побывалъ, въ сентябрѣ 1882 г., на о. Вормсѣ, и что съ тѣхъ именно поръ въ Ретелѣ обнаружилось движеніе къ баптизму. Во главѣ движенія стояли молодые люди 20 — 30 лѣтъ. Число баптистовъ ретельскаго прихода въ 1883 г. насчитывалось до 70 чел.

Немало содѣйствовалъ также развитію баптизма въ Эстляндіи бывшій проповѣдникъ петербургскаго баптистскаго прихода, пасторъ Шиве, перешедшій въ 1884 г. въ Гапсальскій уѣздъ. Въ первое же время пребыванія своего въ Гапсальскомъ уѣздѣ онъ присоединилъ къ баптизму, по офиціальнымъ свѣдѣніямъ, 30 человѣкъ, а въ іюлѣ того же года перешло въ Гапсалѣ въ баптизмъ 150 человѣкъ. Далѣе, подъ прошеніемъ, поданнымъ мѣстной администраціи, въ октябрѣ 1884 г., объ утвержденіи въ званіи баптистскихъ проповѣдниковъ предназначенныхъ для этого лицъ, значилось уже 173 подписи.

Замѣтимъ здѣсь кстати, что въ баптистскомъ движеніи Балтійскаго края, какъ и въ скакунствѣ, численный перевѣсъ опять остается за женщинами, а именно изъ 173 вышеупомянутыхъ подписей 115 принадлежало женщинамъ и только 58 мужчинамъ.

Изъ Гапсаля Шиве перенесъ свою дѣятельность въ Ревель (гдѣ особаго успѣха не имѣлъ), на Нукэ и на Вормсъ.

Особенностью баптистской секты должно считать церковныя пѣснопѣнія, составляющія главнѣйшую часть богомоленія у баптистовъ. Этимъ пѣснопѣніямъ баптизмъ обязанъ своимъ быстрымъ успѣхомъ среди эстовъ, необыкновенно склонныхъ къ пѣнію, что между прочимъ сказывается и въ великомъ множествѣ у эстонцевъ нашего Балтійскаго края всевозможныхъ пѣвческихъ обществъ. У сосѣднихъ латышей Лифляндіи также обнаруживается страсть къ пѣснѣ. Эта любовь къ пѣнію у народностей, населяющихъ наше балтійское побережье, объясняется угрюмымъ, замкнутымъ и грустнымъ характеромъ этихъ племенъ, сложившимся подъ непрерывнымъ гнетомъ судьбы, отдававшей ихъ поперемѣнно во власть ордена, датчанъ и

[1]) Линденбергъ, op. cit., и Лютеранскія секты въ Эстляндской губ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шведовъ, что поселило въ ихъ душѣ скрытую злобу и ненависть къ притѣснителямъ и наложило на нравственный обликъ эстовъ и латышей тотъ отталкивающій отпечатокъ, который кладетъ на человѣка безпросвѣтное рабство. Только въ своихъ пѣсняхъ, заунывныхъ и нагоняющихъ тоску на самое веселое сердце, маленькія народности нашей Балтики «отводили душу», находили отдохновеніе, хоть на минуту, отъ мрачной дѣйствительности.

Пѣсни баптистскихъ молитвенныхъ собраній охотно распѣваются эстами и привлекаютъ въ баптизмъ голубоглазыхъ и златокудрыхъ потомковъ легендарнаго Калевы. Пѣсни эти изображаютъ мрачными красками всѣ ужасы земной юдоли и вмѣстѣ съ тѣмъ воспѣваютъ блаженства вѣрующихъ «въ новомъ Іерусалимѣ», который они обрящутъ на томъ свѣтѣ.

Съ лютеранскою церковью баптизмъ не могъ прійти къ соглашенію, и лютеранскіе пасторы чуждаются баптистовъ, которые въ свою очередь упорно держатся своей среды и не посѣщаютъ кирки, что дѣлаютъ гернгутеры, имѣющіе въ своей средѣ множество лютеранъ, о чемъ подробно говорено выше.

По офиціальнымъ даннымъ, баптистовъ въ Эстляндской губерніи насчитывалось въ 1893 г. 381 чел., изъ которыхъ около 60% женщины.

Большинство сектантовъ проживаетъ въ г. Гапсалѣ и Гапсальскомъ уѣздѣ.

По самымъ послѣднимъ извѣстіямъ, замѣчается сильное развитіе секты въ Лифляндской губерніи, а именно въ г. Перновѣ. Каждый вечеръ, по словамъ эстонской газеты «Eesti Postimees», въ молитвенныхъ собраніяхъ перновскихъ баптистовъ выступаютъ все новые и новые проповѣдники, прибывающіе сюда изъ Ревеля, Гапсаля и Везенберга. Въ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ выступалъ на этихъ собраніяхъ А. Фрей, авторъ извѣстной книги «Земля, гдѣ жилъ Христосъ», и проповѣдывалъ въ теченіе двухъ вечеровъ сряду. Такъ какъ г. Фрей, латышъ изъ Риги, слабоватъ въ эстонскомъ языкѣ и предпочиталъ говорить на своемъ родномъ, то для многочисленныхъ эстонцевъ, присутствовавшихъ на собраніи, проповѣдь пришлось переводить на эстонскій языкъ.

II.

До сихъ поръ мы говорили о сектахъ Эстляндской губерніи, имѣющихъ хотя какую нибудь организацію.

Слѣдуетъ перейти теперь къ такимъ сектантскимъ ученіямъ, которыя не имѣютъ никакой организаціи и представляются въ нравственно-хаотическомъ состояніи. Ранѣе, однако, чѣмъ перейти къ нимъ, скажемъ нѣсколько словъ еще объ одной сектѣ, подходящей подъ первую категорію сектъ, а именно о сектѣ мальцфельдов-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

цевъ, почти уже совсѣмъ въ настоящее время исчезнувшей изъ Эстляндіи [1]).

Секта эта названа именемъ своего основателя народнаго учителя Іоганна Мальцфельда, изъ деревеньки Лаактъ, подъ Ревелемъ.

Первоначально Мальцфельдъ проповѣдывалъ нравственную этику и возставалъ противъ пороковъ.

Со временемъ, однако, подъ вліяніемъ успѣха своей проповѣди и возросшаго вслѣдствіе этого самомнѣнія, онъ сталъ мнить себя пророкомъ, а затѣмъ во всеуслышаніе объявилъ себя Моисеемъ, предсказывалъ освобожденіе своихъ прозелитовъ «отъ рабства египетскаго» и обѣщалъ вывести «новый Израиль въ обѣтованную землю».

Въ 1862 году Мальцфельдъ, разочаровавшись въ дальнѣйшемъ развитіи своего ученія, которое состояло въ принципѣ воздержанія отъ излишествъ и аскетическихъ подвигахъ, удалился изъ Эстляндіи въ Симбирскую губернію къ нѣмецкимъ колонистамъ, куда вмѣстѣ съ нимъ ушли и нѣкоторые изъ его послѣдователей.

Послѣ Мальцфельда его секту поддерживалъ нѣкоторое время нѣкто Рейцъ, также народный учитель. При немъ сектанты, за усиленное почитаніе субботы, вмѣсто воскреснаго дня, стали называться субботниками.

По переписи 1881 года, въ Эстляндіи насчитывался лишь одинъ послѣдователь ученія Мальцфельда.

Очевидно, секта распалась, и ея приверженцы слились съ другими сектами.

По нашимъ свѣдѣніямъ, въ настоящее время существуетъ, однако, нѣсколько мальцфельдовцевъ въ Гапсальскомъ уѣздѣ, особенно богатомъ всевозможными сектами.

На секту «пробужденная вѣра» слѣдуетъ обратить главнымъ образомъ вниманіе, какъ на реакцію противъ безобразнаго и безнравственнаго скакунства, процвѣтающаго въ Эстляндіи, о которомъ мы подробно говорили въ своемъ мѣстѣ.

Основателемъ секты былъ прежній скакунъ, нѣкто Адо Поомъ, начавшій въ 1884 году уличать товарищей въ отступленіяхъ отъ св. писанія. Онъ учредилъ свою особую общину, не имѣющую опредѣленной физіономіи. У послѣдователей Поома обряды совершаются отчасти по правиламъ лютеранской церкви, но встрѣчаются и значительныя отъ нихъ отступленія. Община, какъ кажется, отрицаетъ бракъ и креститъ дѣтей не тотчасъ послѣ рожденія [2]).

Послѣдователи секты пытались, въ 1890 году, получить признаніе секты правительствомъ, но безуспѣшно.

Число прозелитовъ секты насчитывается въ настоящее время до 60 человѣкъ.

---

[1]) Лютеранскія секты въ Эстляндской губерніи. Ревель. 1893 г.
[2]) Ibidem.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Общество причащенія Св. Тайнъ» или «отдѣльные причастники» (Nattwarssforeningor)—секта, также выдѣлившаяся изъ скакунства, съ которымъ ее и смѣшиваютъ постоянно. Точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній объ этой сектѣ у насъ нѣтъ, и врядъ ли они гдѣ либо имѣются. «Отдѣльныхъ причастниковъ» немного; они встрѣчаются на о. Наргенѣ, близъ Ревеля.

Начало секты относится, кажется, къ 1881 году, а основателемъ ея былъ нѣкій 17-лѣтній юноша, который ввелъ въ употребленіе обычай причащаться каждому отдѣльно у себя на дому. Какъ кажется, послѣдователи этой секты во время своихъ малитвенныхъ собраній, также, какъ и скакуны, приходятъ въ экзальтацію, но, какъ утверждаютъ, они не доходятъ при этомъ до такихъ болѣзненныхъ и часто аномальныхъ явленій, какія мы видимъ въ скакунствѣ. «Отдѣльное» причастіе объясняется у сектантовъ нежеланіемъ причащаться св. тайнъ въ киркѣ, вмѣстѣ съ «грѣшниками», т. е. не принадлежащими къ ихъ толку. Они рѣзко нападаютъ на лютеранскихъ пасторовъ, обвиняя ихъ въ ереси, и осуждаютъ тѣхъ, которые ходятъ причащаться въ кирку.

Въ самое послѣднее время въ Эстляндіи, а именно въ Гапсальскомъ уѣздѣ, появилась новая секта, обязанная своимъ основаніемъ мѣстному милліонеру изъ аристократической среды — барону Вольдемару Икскюлю.

Завербовавъ себѣ въ разныхъ мѣстахъ Ревельскаго и Гапсальскаго уѣздовъ до 850 человѣкъ прозелитовъ (по словамъ самого барона) и устроивъ нѣсколько «приходовъ» съ 44 приходскими старшинами и смотрителями во главѣ, баронъ В. Икскюль обратился, въ 1892 году, къ губернской власти съ ходатайствомъ объ утвержденіи правительствомъ права существованія новаго толка, названнаго его основателемъ «свободною Христовою церковью».

Основанная очень недавно, «свободная церковь» уже завоевываетъ себѣ, однако, твердую почву и является болѣе организованнымъ лютеранскимъ толкомъ, чѣмъ только что описанныя нами «согласія», стремясь къ полному отпаденію отъ кирки и совершенно самостоятельному существованію. Секта, несомнѣнно, развивается, такъ какъ многіе изъ членовъ другихъ расколоученій примкнули къ ней и стали во главѣ ея «приходовъ».

Краеугольный камень ученія барона Икскюля—свободное толкованіе св. писанія, основная канва всевозможныхъ расколовъ лютеранства, явившагося на пути своего стремленія къ произвольному объясненію боговдохновенныхъ книгъ также расколомъ на лонѣ католической церкви. Въ обрядовой сторонѣ «свободной Христовой церкви» есть своя система. Такъ, напримѣръ, крещеніе у сектантовъ производится или однократнымъ обливаніемъ водою или троекратнымъ погруженіемъ въ воду, попреимуществу проточную; бракъ производится посредствомъ наложенія однимъ изъ старѣйшихъ чле-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

новъ «прихода» рукъ на головы брачующихся и произнесенія надъ ними мѣста изъ Библіи и особой молитвы.

У послѣдователей барона Икскюля уже обнаруживаются въ обрядовой сторонѣ нѣкоторыя разновидности, какъ было констатировано во время губернаторской ревизіи 1892 года, что является въ данномъ случаѣ новымъ доказательствомъ успѣха и развитія секты.

Молитвенныя собранія «свободной церкви» носятъ, по офиціальнымъ даннымъ, характеръ гернгутерскихъ сходокъ съ чтеніемъ молитвъ, пѣніемъ псалмовъ, чтеніемъ св. писанія, проповѣдью, колѣнопреклонными молитвами и снова пѣніемъ, но, по нѣкоторымъ достовѣрнымъ слухамъ, иногда на этихъ собраніяхъ происходитъ нѣчто другое, что дѣлаетъ ихъ болѣе похожими на радѣнія скакуновъ со всѣми ихъ послѣдствіями.

Мы обладаемъ многими свѣдѣніями частнаго характера объ основателѣ секты, такъ какъ имѣли случай лично познакомиться въ Ревелѣ, въ 1893—1895 годахъ, съ супругой барона Икскюля (получившей высшей властью право отдѣльнаго жительства) и матерью этой послѣдней, маркизой де Т***, вдовой французскаго дипломата, русской по происхожденію. Упомянемъ здѣсь лишь о томъ, что баронъ В. Икскюль былъ долгое время совершенно равнодушнымъ къ какой бы то ни было церкви, къ религіи и ея обрядамъ вообще относился насмѣшливо и казался атеистомъ, въ лучшемъ случаѣ — человѣкомъ безъ религіозныхъ убѣжденій. Переходъ его въ другую крайность произошелъ совершенно неожиданно, во время заграничнаго путешествія его супруги и тещи. По возвращеніи ихъ въ Лайцъ, родовое имѣніе Икскюлей, въ Гапсальскомъ уѣздѣ, онѣ нашли въ баронѣ страшную перемѣну: онъ сталъ говорить только о спасеніи души и окружилъ себя духовными книгами. Насколько ранѣе онъ казался атеистомъ, настолько онъ теперь имѣлъ видъ ханжи.

Такъ началось его обращеніе къ сектантству...

Существуетъ также предположеніе, что баронъ Вольдемаръ Икскюль-Лайцъ душевно больной.

Основываясь на томъ, что намъ приходилось о немъ слышать отъ близкихъ ему лицъ и хорошихъ его знакомыхъ, есть много данныхъ въ пользу этого предположенія. Однако, съ другой стороны, трудно допустить явное душевное разстройство у главы религіозной общины, собирающаго вокругъ себя ежедневно послѣдователей, внимающихъ его толкованіямъ св. писанія. Мы склонны поэтому допустить существованіе у барона В. Икскюля психическаго разстройства лишь въ очень слабой мѣрѣ и лишь въ той дозѣ, въ какой оно вообще присуще всѣмъ склоннымъ къ разнымъ излишествамъ...

Намъ остается, наконецъ, сказать еще нѣсколько словъ о піэтистахъ, евангеликахъ и «чтецахъ», которыхъ отнюдь нельзя считать за какія либо особыя секты, такъ какъ они въ сущности находятся

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ полномъ согласіи съ лютеранскою церковью и устраиваютъ свои молитвенныя собранія подъ руководствомъ пасторовъ, съ ихъ вѣдома и даже поощренія. На этихъ сходкахъ читается и толкуется св. писаніе или спеціально Евангеліе (у евангеликовъ). Собравшіеся предлагаютъ объясняющему и другъ другу всевозможные вопросы, относящіеся къ разбираемому мѣсту писанія; иногда при этомъ возникаютъ жаркія пренія и споры. Принявъ этотъ видъ раскола «алчущихъ и жаждущихъ правды» подъ свое покровительство, пасторы тѣмъ самымъ отклонили цѣлыя сотни неудовлетворенныхъ киркой отъ окончательнаго отпаденія отъ нея и такъ или иначе удержали ихъ въ лонѣ лютеранства, какъ гернгутеровъ.

III.

Таковы, въ общихъ чертахъ, лютеранскія секты Эстляндскаго края.

Интересенъ и, несомнѣнно, важенъ вопросъ: какъ относится къ нимъ мѣстное населеніе Эстляндіи вообще?

Несмотря на довольно сильное и успѣшное распространеніе въ краѣ нѣкоторыхъ изъ описанныхъ нами сектъ, онѣ, въ сущности, не дѣлаютъ тѣхъ завоеваній въ умахъ и сердцахъ населенія, какъ бы можно было ожидать.

Такъ, напримѣръ, треть жителей о-ва Вормса, что́ составляетъ 800 человѣкъ, говорящихъ лишь пошведски и никогда дотолѣ не бывавшихъ въ русской православной церкви [1]), выразило, въ 1886 г., категорическое желаніе перейти въ православіе.

Очевидно, проповѣди Эстерблома не слишкомъ привлекали къ скакунству островитянъ, и они, не желая переходить въ эту секту и въ то же время оставаться подъ нравственнымъ и физическимъ игомъ пасторовъ, рѣшили перейти въ православную вѣру, хотя и не имѣли о ней вполнѣ яснаго представленія.

Баптистскій проповѣдникъ Шиве, о которомъ читатели уже знаютъ, подвергся, въ 1884 году, на о-вѣ Даго весьма нелюбезному пріему со стороны мѣстныхъ крестьянъ, яростно осаждавшихъ всю ночь домъ, гдѣ проповѣдникъ долженъ былъ произвести обрядъ крещенія надъ вновь принятыми въ баптизмъ прозелитами секты. Шиве жаловался на это мѣстному гаккенрихтеру фонъ-Людеру, но жалоба была оставлена безъ послѣдствій. Мало того: гаккенрихтеръ арестовалъ баптистскаго проповѣдника А. Цейзига и отправилъ въ Ревель, къ губернскому начальству.

Успѣхи остальныхъ сектъ довольно ограничены.

---

[1]) Письмо преосвященнаго Доната, бывшаго епископа рижскаго и литовскаго, къ эстляндскому губернатору, князю С. В. Шаховскому, отъ 16 августа 1886 г. (въ дѣлѣ о переходѣ жителей о-ва Вормса въ православіе).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Мрачный взглядъ на жизнь, узкій аскетизмъ, почти полное отсутствіе сколько нибудь развитой догмы, замѣненной скучными и малознаменательными обрядами, внутреннія распри, ненависть къ другимъ сектамъ,—вотъ что находитъ эстонецъ въ окружающихъ его расколоученіяхъ. Не находя нравственнаго удовлетворенія у пастора, смотрящаго на прихожанъ скорѣе, какъ на батраковъ, работающихъ на пасторатъ, чѣмъ на «духовныхъ чадъ», мѣстные крестьяне не встрѣчаютъ душевнаго успокоенія и въ сектахъ съ однообразно повторяющимися проповѣдниками съ одной стороны и дикими оргіями съ другой.

Этимъ объясняется, что въ періодъ времени съ 1882 по 1887 г. въ православіе перешло 8.201 человѣкъ [1]), а въ сектантство въ теченіе вдвое большаго времени—всего лишь 1.000 человѣкъ съ небольшимъ.

Здѣсь кстати будетъ сказать, что въ отношеніяхъ сектантовъ къ православію въ Эстляндіи наблюдается два рѣзко-противоположныхъ другъ другу направленія: во время массоваго движенія въ пользу православія, въ 1883—1886 гг., сектанты не относились къ нему враждебно; въ послѣднее же время замѣчается совершенно противоположное явленіе.

Однимъ изъ злѣйшихъ враговъ православной церкви былъ много разъ помянутый нами скакунъ Эстербломъ, который энергически противодѣйствовалъ переходу въ православіе жителей острова Вормса, убѣждая ихъ не переходить въ вѣру, которая учитъ «поклоняться дереву» [2]).

Эстерблому удалось, благодаря довольно значительному, сравнительно, успѣху его проповѣди скакунства, отвлечь отъ перехода въ православіе довольно значительное число уже рѣшившихся на этотъ благой шагъ: изъ 800 желавшихъ присоединиться отказались отъ своего намѣренія 200 [3]).

Ревностный сектантъ старался помѣшать переходу въ православіе—даже во время самаго акта присоединенія! Такъ въ первые два дня присоединенія на островѣ Вормсѣ Эстербломъ почти непрерывно находился на мѣстѣ присоединенія, вслѣдствіе чего многія женщины, желавшія присоединиться, но напуганныя страшными проповѣдями Эстерблома противъ православія, завидя его приближеніе, возвращались обратно домой [4]).

И Эстербломъ и вожаки другихъ сектантовъ всячески старались противодѣйствовать распространенію православія на островѣ Вормсѣ.

---

[1]) Сборникъ свѣдѣній по географіи и статистикѣ Эстляндской губерніи.

[2]) Лютеранскія секты въ Эстляндской губ., Ревель, 1893 г., стр. 29.

[3]) Письмо преосвященнаго Доната отъ 8 октября 1886 г. къ эстляндскому губернатору.

[4]) Ibid.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Эта упорная антиправославная агитація имѣла несомнѣнное вліяніе: многіе изъ уже перешедшихъ въ православную вѣру либо снова переходили въ лютеранство, либо совращались въ какую нибудь секту.

Какъ трудно было положеніе присоединившихся къ православію на островѣ Вормсѣ, видно изъ поданнаго прошенія ихъ преосвященному Донату, отъ 20 декабря 1886 г., въ которомъ они горько жалуются на свою судьбу, указывая на всевозможныя притѣсненія и оскорбленія отъ окружающихъ ихъ сектантовъ, одушевляемыхъ Эстербломомъ и «его друзьями», которые де утверждаютъ, что они, перешедшіе въ православіе, «продали душу нечистому», и что тотъ, «кто не хлопаетъ руками и не топчетъ ногами, — въ томъ нѣтъ Духа Божія»...

Такого рода дѣятельность Эстерблома побудила бывшаго эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховскаго принять самыя энергичныя мѣры для пресѣченія вреднаго вліянія этого закоренѣлаго сектанта на населеніе. Въ февралѣ 1887 г. онъ былъ высланъ административнымъ порядкомъ на родину съ лишеніемъ права въѣзда въ Россію. Слухъ объ удаленіи Эстерблома произвелъ большую сенсацію среди скакуновъ острова Вормса. Такъ гапсальскій благочинный о. Николай Полетаевъ, въ рапортѣ своемъ эстляндскому губернатору отъ 24 февраля 1887 г., приводитъ въ дословномъ переводѣ слѣдующее письмо православныхъ крестьянъ деревни Ферби (на островѣ Вормсѣ) вормскому священнику о. Орлову: «Симъ сообщаемъ мы, православные, о нашемъ горѣ. Случилось 17-го февраля, что друзья и апостолы (sic) Эстерблома обходили каждую деревню и старались уговаривать православныхъ и обманывать ихъ разными любезными словами; ходили они по всѣмъ деревнямъ съ дома на домъ и просили желающихъ снова возвратиться въ прекрасную эстербломовскую вѣру, подписаться и поставить три креста, чтобы Эстерблома оставили на островѣ Вормсѣ. Ходившіе же по деревнямъ и обманывавшіе православныхъ суть тѣ, которые мутятъ народъ и заставляютъ хлопать руками и топать ногами (то-есть скакуны)... Они обманули пять душъ».

Удаленіе Эстерблома съ острова Вормса не помѣшало, однако, его сторонникамъ продолжать вести упорную борьбу противъ православія, чему много способствовалъ мѣстный волостной старшина, самъ принадлежавшій къ скакунству и скакунскій проповѣдникъ Матсъ Ренбергъ, ученикъ Эстерблома. Ренбергъ постоянно объѣзжалъ островъ и особенно часто посѣщалъ тѣ деревни, гдѣ преобладало православное населеніе, которое онъ всячески, и не безъ успѣха, старался совращать въ секту.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

IV.

Отношеніе къ сектантству Эстляндской губерніи мѣстнаго лютеранскаго духовенства весьма характерно и являетъ во всемъ блескѣ практическій смыслъ представителей кирки съ одной стороны и ихъ ненависть къ православію съ другой. Пасторы стали въ послѣднее десятилѣтіе на сторону сектантства, дабы тѣмъ предотвратить замѣчаемое въ краѣ, съ 40-хъ годовъ этого столѣтія, стремленіе населенія въ переходу въ православную вѣру.

Здѣсь нельзя не отмѣтить того обстоятельства, что наиболѣе интеллигентныя лица изъ мѣстныхъ пасторовъ хорошо сознавали недостатки лютеранства, породившіе въ его лонѣ множество сектъ и толковъ. Не разъ раздавались на мѣстныхъ синодахъ (съѣздъ пасторовъ) рѣчи [1]), предлагавшія различныя мѣры къ поднятію авторитета лютеранскаго духовенства въ краѣ и привлеченія къ нему населенія, которое видѣло въ своихъ церковнослужителяхъ не что иное, какъ гнѣвныхъ и суровыхъ помѣщиковъ, облачающихся по воскреснымъ днямъ въ ризы и говорящихъ банальныя проповѣди, мало трогавшія сердца крестьянъ, съ которыхъ каждый возвышенный проповѣдникъ чуть не съ ножемъ у горла требовалъ тяжелыхъ пасторскихъ повинностей.

Однако, все это сводилось, въ большинствѣ случаевъ, къ академическимъ разглагольствованіямъ, утѣшавшимъ болѣе всего самихъ ораторовъ и мало приносившимъ пользы дѣлу, ради котораго говорились всѣ эти пышныя фразы о сліяніи народной церкви съ національною жизнью, о единеніи пастырей съ пасомыми въ духѣ истины и взаимной любви, о пасторѣ, какъ носителѣ національной идеи, о мирномъ культурномъ завоеваніи пасторомъ сердецъ мѣстнаго населенія и т. д.

Недоброжелательность эстонцевъ къ пасторамъ, какъ народнымъ эксплоататорамъ, не прекращалась, какъ не угасала никогда ихъ прежняя вражда къ христіанскимъ рыцарямъ-пришельцамъ, явившимся насаждать огнемъ и мечомъ слово Божіе на балтійскомъ поморьѣ. Сектантское движеніе, какъ протестъ алчущаго духа мало говорящей сердцу простотѣ, сухости и прозаичности лютеранскаго вѣроученія, продолжалось, продолжался и массовый переходъ эстонцевъ въ православную вѣру съ ея полнымъ глубины и возвышенности богослуженіемъ и священниками, всецѣло лишенными вотчиннаго духа пасторовъ.

Не будучи въ силахъ удержать прихожанъ отъ перехода въ православіе, пасторы должны были поневолѣ избрать одно изъ двухъ:

---

[1]) Напримѣръ, пастора Галлера, на ревельскомъ синодѣ 1874 г., пастора Нерлинга въ 1873 г., пастора Гиргенсона и др.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

или спокойно смотрѣть на отпаденіе отъ лютеранства въ православіе, или снисходительно относиться къ увлеченію своей паствы всевозможными сектами.

Пасторы, не задумываясь, избрали, конечно, второе и тѣмъ положили начало союза кирки съ сектантствомъ, которое пасторы зачастую стали брать подъ свое покровительство, лишь бы только парализовать стремленіе паствы къ переходу въ православіе. Сектантъ въ глазахъ пастора былъ лишь «заблудшимъ», который можетъ еще вернуться къ родной вѣрѣ; перешедшій же въ православіе считается уже навсегда потеряннымъ для лютеранства.

Отсюда вполнѣ понятно, съ точки зрѣнія пасторской логики, снисходительное отношеніе кирки къ расколу, какъ противовѣсу обращенія прихожанъ въ православную вѣру.

Взявши подъ свое покровительство наименѣе характерныя и вредныя секты, пасторы старались придать имъ миролюбивый характеръ и повернуть дѣло въ свою пользу. Если генералъ-суперъинтендентъ Шульцъ и говорилъ на эстляндскомъ синодѣ 1883 года, что «пасторы, въ виду своихъ упущеній, должны бить себя въ грудь и подчиниться суду Божію» [1]), то, съ другой стороны, онъ же выставляетъ на видъ и то, что «Господь своимъ судомъ не имѣетъ другой цѣли, кромѣ очищенія и возвеличенія своего дома!».

Тотъ же генералъ-суперъинтендентъ и наиболѣе рьяные изъ пасторовъ силились объяснить религіозное броженіе въ Эстляндіи «благодатнымъ дѣйствіемъ Св. Духа»...

Вотъ почему пасторы не только не запрещаютъ прихожанамъ домашнія сходки для религіозныхъ собесѣдованій и толкованіе Св. Писанія, но даже и сами присутствуютъ на нихъ, какъ бы тѣмъ санкціонируя эти собранія, которыя являются краснорѣчивѣйшимъ доказательствомъ неудовлетворенности тѣхъ же прихожанъ своимъ пасторомъ.

Въ высшей степени характернымъ фактомъ для надлежащаго освѣщенія отношеній лютеранства къ сектантамъ и православію является слѣдующій курьезный эпизодъ.

Когда вредная дѣятельность Эстерблома на островѣ Вормсѣ, о которой мы подробно говорили въ своемъ мѣстѣ, стала приносить свои плоды, вышеупомянутый генералъ-суперъинтендентъ Шульцъ обратился къ мѣстной административной власти съ просьбой объ удаленіи Эстерблома изъ Россіи, въ виду его пагубнаго вліянія на населеніе острова. Вскорѣ затѣмъ, когда на Вормсѣ движеніе въ православіе сдѣлало громадные успѣхи, а пропаганда Эстербломомъ скакунства начала переходить всѣ границы, вслѣдствіе чего онъ и былъ высланъ на родину, то тотъ же самый генералъ-суперъин-

[1]) Е. В. Культурно-религіозныя движенія въ Эстляндіи, стр. 94.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тендентъ сталъ на сторону Эстерблома и былъ противъ его удаленія изъ предѣловъ Россіи.

Еще интересный фактъ въ томъ же духѣ.

Какъ только отечественно-евангелическій институтъ въ Швеціи, о которомъ мы уже говорили при описаніи секты скакуновъ и дѣятельности Эстерблома, узналъ о стремленіи населенія острова Вормса къ православію, то рѣшился скорѣе примириться съ тѣмъ, что имъ же посланный на островъ Вормсъ учителемъ Эстербломъ сталъ проповѣдывать скакунство, чѣмъ допустить, чтобы населеніе безповоротно ушло изъ лютеранства въ православіе! Посланный же въ 1884—1885 гг. институтомъ на островъ Вормсъ миссіонеръ Викандеръ, для утвержденія въ вѣрѣ мѣстныхъ шведовъ, защищалъ въ своихъ проповѣдяхъ Эстерблома и нападалъ на православіе, чѣмъ сознательно развивалъ секту и задерживалъ населеніе къ переходу въ шведскую государственную церковь, въ пользу которой долженъ былъ дѣйствовать,—и все это только для того, чтобы не дать восторжествовать православной вѣрѣ!

Если отечественно-патріотическій институтъ бралъ подъ свое покровительство вормскихъ скакуновъ, то въ этомъ дѣлѣ ревностнымъ ему помощникомъ явился мѣстный землевладѣлецъ, баронъ Ш***.

Когда мѣстный пасторъ Нордгренъ поссорился съ Эстербломомъ, и послѣдній долженъ былъ покинуть пасторатъ, гдѣ сначала проживалъ, то тотчасъ же нашелъ себѣ пріютъ у барона Ш***, который, по мѣрѣ силъ, содѣйствовалъ успѣхамъ скакунства на островѣ. У него же нашелъ себѣ пристанище и миссіонеръ Викандеръ. Баронъ въ данномъ случаѣ дѣйствовалъ вполнѣ солидарно съ пасторами: сочувствуя скакунству, онъ старался лишь объ одномъ: затормозить переходъ населенія въ православіе...

Характерно отношеніе барона Ш***, послѣ удаленія съ острова Вормса Эстерблома, къ скакунамъ и принявшимъ уже православіе мѣстнымъ крестьянамъ. Баронъ требовалъ отъ этихъ послѣднихъ чрезмѣрно большой арендной платы, которую они были не въ состояніи платить ему. Вслѣдствіе этого между крестьянами и баронъ происходили постоянные споры, вынудившіе крестьянъ обратиться къ преосвященному Донату, епископу рижскому и литовскому, въ декабрѣ 1886 г., съ просьбой о присылкѣ на островъ православнаго землемѣра [1]).

Совершенную противоположность представляетъ собою отношеніе барона Ш*** къ скакунству.

Когда, послѣ удаленія съ острова Вормса Эстерблома, массовое движеніе населенія въ православіе замѣтно усилилось, а сходбища сектантовъ были запрещаемы по распоряженію мѣстнаго начальства, баронъ сталъ своею властью разрѣшать устройство такихъ собра-

[1]) Лютеранскія секты въ Эстляндской губ., Ревель, 1893 г., стр. 42.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ній, увѣряя крестьянъ, что онъ, баронъ, затѣялъ уже процессъ о неправильномъ, будто бы, удаленіи Эстерблома изъ предѣловъ Россіи.

Результатомъ этого было то, что многіе изъ островитянъ, начавшіе было усердно посѣщать православное богослуженіе, охладѣли постепенно къ новой вѣрѣ и снова примкнули къ скакунской сектѣ.

Вообще пасторы и помѣщики Эстляндской губерніи всюду самыми энергичными мѣрами противодѣйствовали укрѣпленію въ краѣ православія, даже цѣною усиленія сектъ.

Для этой цѣли жена пастора Шпиндлера, въ Леалѣ, стала между прочимъ устраивать для мѣстнаго населенія такъ называемые «бибельштунденъ» (bibelstunden), т. е. часы, посвященные чтенію и толкованію Библіи и вообще душеспасительнымъ бесѣдамъ, на которыхъ, главнымъ образомъ, присутствовавшимъ разсказывались разные ужасы про вѣру, «гдѣ поклоняются дереву», дабы отвлечь отъ перехода въ православіе.

Впослѣдствіи такіе «bibelstunden» стали устраиваться и въ другихъ мѣстахъ Эстляндіи, гдѣ замѣчалось стремленіе къ переходу населенія въ православіе, такъ что, собственно говоря, главнѣйшая забота пасторовъ и помѣщиковъ была направлена не противъ распространенія расколовъ и толковъ въ краѣ, но противъ православія.

Такъ, въ отчетѣ о ревизіи Пюхаленскаго прихода, въ іюнѣ 1885 г., главнымъ церковнымъ попечителемъ фонъ-цуръ-Мюленомъ и другими, прикосновенными къ дѣлу лицами читаемъ, что попечитель поднялъ вопросъ объ очень важномъ для лютеранской церкви обстоятельствѣ, а именно о многочисленныхъ случаяхъ отпаденія отъ оной. Попечитель желалъ знать точную причину такихъ отпаденій. Собраніе пришло къ заключенію, что главнѣйшая тому, будто бы, причина— это надежда отпадающихъ на будущее, съ переходомъ въ православіе, облегченіе въ вопросѣ о «платежахъ и повинностяхъ въ пользу школъ». Услышавъ это, одинъ изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ, баронъ У., весьма расчетливый человѣкъ, не расположенный къ какимъ бы то ни было льготамъ въ пользу крестьянъ, не задумался заявить, что всѣ такія повинности беретъ онъ на себя въ чертѣ своихъ Г—скихъ владѣній.

То же было сдѣлано мѣстными помѣщиками и въ другихъ мѣстахъ Эстляндской губерніи.

Яростными гонителями православной идеи являются въ Прибалтійскомъ краѣ также и такъ называемые «чтецы», о которыхъ мы упоминали. Эти «чтецы», толкователи св. Писанія, пользуются покровительствомъ пасторовъ, хотя и значительно отступаютъ въ своихъ объясненіяхъ Библіи и Евангелія отъ лютеранскаго вѣроученія.

Пасторы дѣлаютъ это «снисхожденіе», конечно, не безъ цѣли: «чтецы» ведутъ неустанную борьбу съ ненавистнымъ киркѣ право-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

славіемъ и этимъ самымъ заслуживаютъ и покровительство и поощреніе.

Характерныя свѣдѣнія объ этихъ пресловутыхъ «чтецахъ» находимъ мы въ одномъ изъ рапортовъ младшаго помощника Ревельскаго уѣзда 3-го участка, въ январѣ 1891 г.

Мы узнаемъ изъ этого рапорта, что нѣкоему «чтецу», Марту Кальбеку, было разрѣшено евангелическо-лютеранской консисторіей устраивать частныя молитвенныя собранія, выходящія изъ предѣловъ домашняго или семейнаго чтенія. Такое собраніе состоялось, между прочимъ, въ декабрѣ 1890 г., въ усадьбѣ Куллама, Оденкатской волости, у крестьянина Ганца Саара. Одинъ изъ присутствовавшихъ на сходкѣ, православный псаломщикъ Михаилъ Коэль, вступилъ въ собесѣдованіе съ Кальбекомъ, упрекая его и его единомышленниковъ въ томъ, что, толкуя о христіанствѣ, они пренебрегаютъ священнымъ его символомъ, крестомъ, и не носятъ его на груди. «Я ношу крестъ внутри, а не снаружи, — отвѣчалъ Кальбекъ и прибавилъ:—зачѣмъ мнѣ носить на себѣ какой нибудь жестяной или деревянный чурбанъ?!» Тутъ собесѣдники горячо заспорили о крестѣ, причемъ Кальбекъ презрительно назвалъ висѣвшій на груди псаломщика крестъ «побрякушкой». Споръ о крестѣ взволновалъ собраніе. Поднялся шумъ и говоръ... «Что вы говорите»,—накинулся на Коэля другой «чтецъ», нѣкій Іусъ, — «да развѣ мы должны носить крестъ? Я вотъ во время военной службы поклонялся русскимъ богамъ (sic) и платилъ имъ деньги (?!), но никто меня не спрашивалъ о крестѣ!» Шумъ и гамъ усиливались... Для прекращенія безпорядка хозяинъ, Ганцъ Сааръ, долженъ былъ унести изъ избы лампу, чтобы присутствующіе, наконецъ, разошлись! Эта картинка можетъ служить интересною и яркою иллюстраціей подобныхъ «собраній», устраиваемыхъ «чтецами», гдѣ грубо издѣваются надъ православіемъ и готовы дойти до рукопашной...

Между тѣмъ мѣстная консисторія, хорошо зная о безчинномъ характерѣ такихъ сходокъ, не только не заботится объ ихъ уменьшеніи, но напротивъ старается о распространеніи необразованныхъ, грубыхъ и рѣдко подготовленныхъ къ своей роли «чтецовъ», которые служатъ киркѣ застрѣльщиками въ дѣлѣ борьбы противъ православія въ краѣ.

Въ 1890—1891 гг. консисторіей было дано разрѣшеніе устраивать «молитвенныя собранія» 106 лицамъ, причемъ 10 «чтецамъ» одновременно въ 5 селеніяхъ; проповѣдники сгруппировались въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ замѣчалось наибольшее стремленіе къ переходу въ православіе.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

V.

О враждебно-пессимистическомъ настроеніи лютеранскаго духовенства Прибалтійскаго края вообще за послѣднее время узнаемъ мы также изъ многочисленныхъ данныхъ, заключающихся въ свѣдѣніяхъ о лютеранскихъ синодахъ Эстляндской губерніи.

Такъ въ синодальныхъ протоколахъ бывшаго Ревельскаго городского консисторіальнаго округа за 1885—1886 гг. находимъ рѣчь предсѣдателя синода 1885 г., генералъ-суперъинтенданта Гиргенсона, открывшаго собраніе привѣтственными словами на текстъ: «одною рукою они совершали работу, въ другой держали оружіе» (Неем. IV, 17). Рѣчь началась характеристикой внутренней жизни церкви въ наше время. «Нынѣ, — говорилъ ораторъ, — враждуетъ противъ стада вѣрующихъ преслѣдованіемъ и соблазномъ сила Антихриста, внутри же раздоръ между вѣрующими, духовная лѣнь и низкая трусость, самые пагубные враги человѣческаго рода!.. Вѣрующіе, въ особенности же носящіе на себѣ духовный санъ, обязаны вмѣстѣ и строить и бороться!»

На синодѣ 1886 г. предсѣдатель генералъ-суперъинтендентъ Галлеръ назвалъ переживаемыя времена особенно тяжелыми.

Тотъ же генералъ-суперъинтендентъ открылъ синодъ 1888 г. рѣчью на текстъ одного изъ посланій Ап. Павла къ евреямъ (X, 36—39). Указывая на древнихъ христіанъ, подвергавшихся гоненіямъ, приходившихъ въ отчаяніе и готовыхъ отступиться отъ истинной вѣры, пасторъ Галлеръ заявилъ, что и теперь лютеранской церкви грозитъ опасность. Поэтому падающіе духомъ нуждаются въ увѣщаніи: «не оставляйте упованія вашего!»

Мы могли бы привести и еще немало примѣровъ пасторскаго пессимизма изъ деликатнаго матеріала, представляемаго протоколами синодскихъ засѣданій въ Эстляндской губ., матеріала недоступнаго непосвященному глазу, но и приведеннаго, въ общемъ, достаточно, чтобы дать нѣкоторое понятіе о намекахъ, ясныхъ для собравшихся, которыми переполняются рѣчи предсѣдателей пасторскихъ съѣздовъ.

Для знающихъ край и тамошнее отношеніе кирки къ православію совершенно понятно, что желаютъ сказать ораторы усиленными указаніями на «тяжелыя времена», «силу антихриста» и «опасность», угрожающую лютеранству...

Если читатели думаютъ, что все это относится къ многочисленнымъ расколамъ, свившимъ себѣ гнѣздо въ лютеранствѣ на балтійскомъ берегу, то они ошибаются. Гораздо правильнѣе будетъ отнести эти полуслова и полумысли къ православію, мѣшающему киркѣ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Православіе, несомнѣнно, привлекаетъ къ себѣ безпочвенныхъ искателей истины и нравственнаго успокоенія на лонѣ кирки; принявшіе его уже не возвращаются

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

въ лютеранство, что сплошь и рядомъ случается въ сектантствѣ; православіе прогрессивно расширяетъ свое благотворное вліяніе въ Балтикѣ и является вмѣстѣ съ тѣмъ оплотомъ русской идеи — и вотъ съ пасторскихъ каѳедръ и на синодахъ пасторовъ раздаются голоса объ опасностяхъ для кирки, о тяжелыхъ временахъ, о попущеніяхъ антихриста! Расколъ заботитъ пасторовъ въ значительно меньшей степени. Онъ уже давно у нихъ подъ контролемъ, какъ уже сказано, и служитъ въ ихъ рукахъ силой, отвлекающей мѣстное населеніе отъ перехода въ православіе. Насколько эстляндскіе пасторы спокойны за расколъ, насколько онъ ихъ мало смущаетъ, видно изъ откровеннаго заявленія пастора Гана на синодѣ 1891 г., что лютеранскому духовенству удалось удержать расколъ «въ здоровой (?) колеѣ», т. е. сдѣлать изъ него послушное орудіе въ томъ направленіи, о которомъ мы только что говорили.

Роль мѣстнаго дворянства въ дѣлѣ религіознаго броженія въ Эстляндской губерніи вполнѣ аналогична съ тѣмъ положеніемъ, которое занимаетъ въ этомъ отношеніи лютеранское духовенство. Эстляндское дворянство (или «рыцарство»—ritterschaft, какъ оно себя все еще величаетъ по средневѣковому) заботится гораздо болѣе о противодѣйствіи православію, чѣмъ объ искорененіи сектъ въ краѣ.

Знаменательной, мало кому извѣстной и въ высшей степени поучительной иллюстраціей въ этомъ отношеніи служитъ одинъ фактъ, обнаруженный при сооруженіи православнаго храма на Богородицкой горѣ, въ Пюхтицѣ, созданнаго неусыпной энергіей бывшаго эстляндскаго губернатора князя С. В. Шаховскаго.

Какъ извѣстно, на Богородицкой горѣ, въ Везенбергскомъ уѣздѣ, въ мѣстности, называемой эстами «Пюхтица», т. е. святое мѣсто, въ виду явленной тамъ иконы Успенія Божіей Матери, стали было строить кирку. Благодаря быстрому и рѣшительному вмѣшательству въ это дѣло тогдашняго губернатора князя С. В. Шаховскаго, сооруженіе кирки было высшей властью пріостановлено и приступлено къ перестройкѣ уже наполовину возведеннаго зданія подъ православный храмъ.

Вотъ при этихъ-то работахъ по перестройкѣ, въ іюлѣ 1893 г., каменщики случайно нашли замурованный въ стѣнѣ, у праваго клироса, жестяной ящикъ, въ которомъ оказалась вложенной бумага, написанная на нѣмецкомъ языкѣ. Въ этомъ документѣ, предназначавшемся, разумѣется, не для тѣхъ, въ руки которыхъ онъ волею судьбы попалъ, совершенно откровенно изложены причины, вызвавшія постройку кирки на Богородицкой горѣ, и указаны источники, изъ которыхъ были получены средства для осуществленія этого предпріятія. Мы считаемъ совершенно невозможнымъ и несвоевременнымъ приводить интересный текстъ этого документа, обнаруживающаго (съ указаніемъ именъ) ревностное стремленіе мѣстныхъ помѣщиковъ и дворянства въ губерніи во что бы то ни стало проти-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

востоять вліянію православной проповѣди и стремленію населенія къ переходу въ православіе въ Эстляндской губерніи...

А между тѣмъ дѣло сооруженія кирки на Богородицкой горѣ всецѣло находилось въ рукахъ нынѣ уже упраздненной мѣстной комиссіи [1]) по увеличенію лютеранскихъ приходовъ, дѣятельность которой должна бы была быть направлена не противъ православія въ краѣ, а лишь противъ распространенія лютеранскаго сектантства—путемъ увеличенія лютеранскихъ приходовъ.

Заговоривъ о лютеранскомъ сектантствѣ въ Эстляндіи, мы невольно во время изложенія перешли къ вопросу о борьбѣ кирки съ православной церковью на нашемъ балтійскомъ поморьѣ... Что же дѣлать, вопросы эти, къ сожалѣнію, слишкомъ тѣсно связаны другъ съ другомъ, такъ какъ сектантство является тамъ главнѣйшимъ способомъ отвлекать жаждущихъ даровъ вѣры православной отъ ея спасительнаго вліянія.

Мы присутствуемъ такимъ образомъ при изумительномъ и нигдѣ, думаемъ мы, не встрѣчающемся явленіи: сектантство покровительствуется въ Балтійскомъ краѣ самой же киркой изъ ненависти къ нашей церкви, при чемъ лютеранство готово скорѣе видѣть своихъ чадъ отпавшими въ расколъ, чѣмъ перешедшими въ нашу вѣру...

С. Уманецъ.

---

[1]) Такія комиссіи были учреждены въ 1843 г. для противодѣйствія распространявшемуся тогда съ особою силою въ Прибалтійскомъ краѣ сектантству. Комиссіи были поставлены подъ главенство губернскихъ предводителей дворянства, и имъ отпускалась ежегодная субсидія изъ дворянскихъ суммъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПРАВДА О БОЯРИНѢ М. Б. ШЕИНѢ.

I.

МЕРТНАЯ КАЗНЬ боярина Михаила Борисовича Шеина въ 1634 году принадлежитъ къ числу выдающихся трагическихъ эпизодовъ нашей исторіи, какими особенно изобиловало смутное время и слѣдовавшая за нимъ переходная эпоха, когда долго еще бурлило и не входило въ берега взволнованное смутою море русской жизни. Невольное участіе вызываетъ трагическая судьба этого незауряднаго человѣка. Въ 1609—1611 гг. онъ мастерски выдерживаетъ почти двухлѣтнюю осаду Смоленска польскимъ королемъ Сигизмундомъ III, подвергается даже, по волѣ короля, пыткамъ за свою необычную воинскую стойкость и затѣмъ 8 лѣтъ томится въ польскомъ полону, откуда возвращается только въ 1619 г., вмѣстѣ съ митрополитомъ Филаретомъ Романовымъ, думнымъ дьякомъ Томилою Луговскимъ и др. Въ народномъ сознаніи той эпохи имя Шеина всегда занимало одно изъ почетныхъ мѣстъ въ ряду тѣхъ рѣдкихъ «прямыхъ» дѣятелей смутнаго времени, которыми была крѣпка «земля», исшатанная «кривыми»... Недаромъ «земская грамота» отъ ярославцевъ къ казанцамъ, въ 1611 г., приравняла Шеина къ патріарху Гермогену—этому «утѣшенію скорбныхъ людей» въ то тяжелое время [1]). И вдругъ, черезъ нѣсколько

[1]) «Исторія Россіи» Соловьева, 11, 972.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лѣтъ, когда буря смуты уже пронеслась, и русская жизнь входила въ свое нормальное русло, бояринъ Шеинъ, этотъ безспорный «прямой» временъ смуты, объявляется «измѣнникомъ» Русской земли и предается смертной казни...

«Боярскій приговоръ» отъ 18-го апрѣля 1634 г. [1]), конечно, утвержденный царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, присуждаетъ Шеина къ смертной казни именно за «измѣну», якобы обнаружившуюся въ неудачахъ такъ называемаго «второго смоленскаго похода», въ 1632—1634 гг. «Измѣну» здѣсь нашли единственно въ томъ, что, послѣ полуторагодичной и, въ сущности, довольно удачной борьбы съ польскими войсками, бояринъ Шеинъ, оставленный Москвою безъ всякой помощи, вынужденъ былъ съ остатками своего измученнаго и изголодавшагося отряда сдаться полякамъ, но на почетномъ условіи пропуска сдавшихся въ Москву.

Долго въ нашей исторической литературѣ господствовала болѣе или менѣе вѣра въ боярскую мотивировку казни Шеина. Но уже С. М. Соловьевъ [2]) своимъ глубокимъ историческимъ чутьемъ прозрѣлъ истину и рѣшительно заявилъ, что «измѣны со стороны Шеина не видно никакой», а всѣ неудачи его второго смоленскаго похода объясняются самымъ естественнымъ образомъ. Главною причиною неудачнаго исхода смоленской операціи Шеина было полное отсутствіе своевременной и сильной поддержки московскихъ резервовъ, обѣщанной Шеину самимъ царемъ и почему-то не осуществленной. А побочными причинами неудачи были «несостоятельность» русскаго войска предъ польскимъ, особенно, по части «воинской дисциплины», стратегическія неудобства положенія Шеина подъ Смоленскомъ, отвратительная организація или, вѣрнѣе сказать, полное отсутствіе какой бы то ни было организаціи провіантской части и т. п.

Соловьевъ пошелъ дальше и угадалъ, что небывалая казнь полководца за естественныя неудачи похода, лежавшія внѣ его воли, была вызвана совсѣмъ не этими неудачами, но единственно местью бояръ: «сильные люди спѣшили отомстить за свое безчестье»... Историкъ разумѣетъ здѣсь знаменитую «рѣчь» Шеина на царской аудіенціи передъ отправленіемъ въ смоленскій походъ, въ 1632 г., о которой мы узнаемъ изъ «боярскаго приговора» 1634 г. Бояре не забыли этой рѣчи гордаго своею службою землѣ боярина Шеина, который съ полнымъ правомъ «вычиталъ» на царской отпускной аудіенціи «прежнія свои службы, съ большою гордостью», упрекая, вполнѣ справедливо, свою «братью бояръ», что когда онъ «служилъ», въ то время «многіе» изъ этой «братьи бояръ» только и дѣ-

[1]) «Акты археограф. экспед.», III, 251. Подлинникъ этого позорнаго для боярства акта, считавшійся въ послѣднее время утраченнымъ, найденъ мною въ столбцахъ сибирскаго приказа, въ моск. архивѣ мин. юстиціи (см. мое «Обозр. столбц. и книгъ сибирск. прик.», I, 272, 273).

[2]) II, 1208, 1209.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лали, что «по запечью сидѣли», и сыскать ихъ было не мочно»... Мало того: Шеинъ, все въ той же рѣчи, «поносилъ всю свою братью передъ государемъ съ большою укоризною, и службою, и отечествомъ никого сверстникомъ (себѣ) не поставилъ» [1]).

«Боярскій приговоръ» отмѣчаетъ, что на эти «многія грубыя и поносныя слова» и царь, и бояре тогда «умолчали» и, именно, потому, какъ наивно сознается актъ боярской мести, что Шеинъ тогда былъ нуженъ и царю, и боярамъ: царь де промолчалъ, «жалуя и щадя тебя, Михайла, для своего государева и земскаго дѣла, и не хотя тебя на путь оскорбить», а бояре де «умолчали» и скушали горькую правду Шеина даже не по тѣмъ высшимъ соображеніямъ, какія руководили царемъ, но изъ боязни «государя раскручинити»...

Но «грубыя и поносныя слова» Шеина глубоко запали въ сердце этихъ ничтожныхъ людей, и они вспомнили о рѣчи боярина въ трудную для него минуту, когда онъ, измученный и разбитый своею послѣднею неудачею, но смѣлый своею правотою, вернулся въ Москву на судъ своихъ враговъ... И бояре ему жестоко отомстили, воспользовавшись тѣмъ, что уже не было въ живыхъ патріарха Филарета, который, несомнѣнно, отстоялъ бы своего сотоварища по польскому плѣну. Слабохарактерный царь Михаилъ не сумѣлъ побороть вліянія боярской партіи и повѣрилъ выдуманной ею «измѣнѣ» Шеина.

Дѣлая намекъ на боярскую месть, доведшую Шеина до плахи, Соловьевъ [2]) основывался только на своемъ историческомъ чутьѣ и прозорливости, не имѣя здѣсь почти никакой фактической документальной основы. Очевидно, тутъ приходилось или вѣрить, или не вѣрить Соловьеву. И ему вѣрило большинство историковъ, не разъ и на многихъ примѣрахъ убѣждавшихся въ необыкновенной чуткости Соловьева, когда онъ, на основаніи самыхъ шаткихъ, казалось, и очень скудныхъ данныхъ, а иногда и при полномъ отсутствіи послѣднихъ, но пользуясь какими нибудь слабыми намеками и блѣдными штрихами, вдохновенно рисовалъ цѣлую картину событія или возстановлялъ образъ историческаго лица, а послѣдующія открытія въ исторіи блистательно подтверждали правдивость этихъ картинъ и образовъ.

Но наивные историки, не обладавшіе и тѣнью исторической прозорливости Соловьева, не шли за нимъ въ шеинскомъ вопросѣ и продолжали вѣрить лживой мотивировкѣ «боярскаго приговора» 1634 г. Еще недавно одинъ изъ этихъ историковъ рѣшился приравнять Шеина — невинную жертву боярскихъ интригъ — къ французскому маршалу Базену и назвать «русскимъ Базеномъ XVII в.» того человѣка, котораго народъ въ смутное время ставилъ рядомъ

[1]) «Акты археогр. экс.», III, 251.
[2]) II, 1206.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

съ патріархомъ Гермогеномъ, какъ «прямаго» дѣятеля, честно служившаго землѣ...

Такому несправедливому отношенію къ памяти одного изъ выдающихся русскихъ людей XVII в. долженъ теперь наступить конецъ. Чутье С. М. Соловьева относительно правды въ шеинскомъ дѣлѣ и на этотъ разъ его не обмануло; эта правда рѣшительно подтверждается недавно открытыми въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи А. Н. Зерцаловымъ [1]) новыми архивными матеріалами о смоленскомъ походѣ Шеина 1632—1634 гг. [2]). Приводя существенныя выдержки изъ этихъ матеріаловъ и дополняя ихъ другими недавно опубликованными данными [3]), Зерцаловъ приходитъ къ выводу, фактически подтверждающему прозорливый намекъ Соловьева, что Шеинъ неповиненъ ни въ какой «измѣнѣ», а палъ жертвою единственно личной ненависти къ нему бояръ.

Нельзя не пожалѣть, что смерть помѣшала Зерцалову довести до конца архивныя розысканія по дѣлу Шеина; при его отличномъ знаніи документовъ московскаго архива министерства юстиціи и рѣдкомъ «архивномъ чутьѣ», Зерцаловъ, несомнѣнно, сумѣлъ бы раскрыть всѣ еще сохранившіеся документы этого дѣла, необходимые для всесторонняго раскрытія его. Но и того, что онъ успѣлъ открыть, если еще мало для уясненія нѣкоторыхъ побочныхъ вопросовъ шеинской исторіи, за то вполнѣ достаточно для полнаго освѣщенія главной сути дѣла—позорной роли боярской клики.

Именно, съ этой главной стороны дѣла я и буду разсматривать открытыя Зерцаловымъ новыя данныя. По своему обыкновенію, почтенный розыскатель ограничивается однимъ фактическимъ изложеніемъ своихъ матеріаловъ, почти безъ всякаго освѣщенія ихъ и безъ послѣдовательной группировки фактовъ. А то и другое необходимо сдѣлать теперь же, чтобы окончательно «сдать въ архивъ» вздорную и возмутительную версію объ «измѣнѣ» Шеина, какъ основанную на лживо и пристрастно составленномъ «боярскомъ приговорѣ» 1634 г.

Излагая дѣло Шеина по новымъ даннымъ Зерцалова, я буду пользоваться и старыми для болѣе полнаго освѣщенія нѣкоторыхъ деталей событія.

---

[1]) Недавно скончавшійся (26-го ноября 1897 г.) дѣйствительный членъ моск. общ. ист. и древн., извѣстенъ многочисленными архивными розысканіями по исторіи земскихъ соборовъ, народныхъ движеній и другихъ цѣнныхъ вопросовъ XVII в.

[2]) Напечатаны подъ заглавіемъ «М. Б. Шеинъ подъ Смоленскомъ» во 2-й книгѣ «Чтеній моск. общ. ист. и древн.» за 1897 г., въ отдѣлѣ «Смѣсь», стр. 11—29.

[3]) «Акты Московскаго государства», т. I (изд. академіи наукъ) и др.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

II.

Еще со временъ царя Бориса Годунова начались у М. Б. Шеина большіе нелады съ значительною и сильною своимъ вліяніемъ кликою московскаго боярства, именно, съ тою частью его, которая во весь періодъ смуты занята была лишь ловлею для себя рыбы въ мутной водѣ, а интересы «земли» ставила на послѣднемъ планѣ. Никогда Шеинъ не принадлежалъ къ этой кликѣ и никогда не служилъ ея низменнымъ эгоистическимъ цѣлямъ, шедшимъ въ разрѣзъ съ истиннымъ служеніемъ землѣ.

Молодой «чашникъ» Шеинъ, сынъ «окольничаго», неожиданно и быстро выдвинулся изъ рядового боярства въ началѣ 1605 г., когда явился въ Москву съ «сеунчемъ» (вѣстью) о побѣдѣ царскихъ войскъ надъ Лжедимитріемъ I при Добрыничахъ (21-го января). Вѣсть такъ порадовала несчастнаго царя Бориса, что онъ произвелъ молодого «сеунщика» прямо въ окольничіе, т. е. въ «чинъ», предшествовавшій чину боярина. Естественно, что такая большая и рѣдкая награда привязала Шеина къ Борису, и первый остался до конца вѣренъ этому незаурядному царю, испортившемуся въ концѣ своего царствованія подъ страхами боярскихъ интригъ... Да и помимо этого чувства признательности, прямой и благородный по характеру Шеинъ не могъ не почувствовать личныхъ симпатій къ трагическому положенію царя, котораго боярство окончательно затравливало...

Понятно, что Шеинъ не могъ принять никакого участія въ той грандіозной боярской интригѣ, которая если не создала самозванца, то очень ловко сумѣла эксплоатировать дѣло самозванца въ интересахъ своей клики и добилась первой своей цѣли — сверженія новой царской династіи Годуновыхъ... Клика тутъ въ первый разъ поняла, что Шеинъ никогда не станетъ въ ея ряды и навсегда останется ея врагомъ—мстителемъ за Годуновыхъ.

Лжедимитрію I Шеинъ присягнулъ въ числѣ послѣднихъ, когда почти вся уже земля ударила ему челомъ, и когда не было никакого другого исхода. Шеинъ позже говорилъ (въ 1611 г., на пыткѣ у поляковъ, послѣ сдачи Смоленска): «когда другіе поклонились Гришкѣ, то и я поклонился...» [1]). Преданность Шеина сверженной династіи стала извѣстна Лжедимитрію, конечно, чрезъ бояръ, и недаромъ новый царь,—какъ говорилъ (тогда же) Шеинъ,—«сначала на меня сердитъ былъ, потомъ сталъ ласковъ, звалъ на службу...». Эта перемѣна могла произойти только вслѣдствіе личнаго знакомства царя съ Шеинымъ, достоинства котораго не могъ не оцѣнить

[1]) Соловьевъ, II, 990.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

умный Лжедимитрій, искавшій энергичныхъ людей, на которыхъ могъ бы опереться.

Очень цѣнна вырвавшаяся тогда же у Шеина фраза, что «при смерти его (Лжедимитрія) я не былъ...». Очевидно, Шеинъ здѣсь намекаетъ на свое полное безучастіе въ новой интригѣ все той же боярской клики, которая свергла Лжедимитрія и очистила дорогу къ престолу одному изъ своей «братьи бояръ...». Прямо и открыто дѣйствовавшій всегда Шеинъ не могъ принять участія въ какой бы то ни было интригѣ, тѣмъ болѣе, если она была направлена противъ лица, становившагося ему симпатичнымъ, и если интрига велась старыми недругами Шеина и исключительно въ ихъ узкихъ личныхъ цѣляхъ.

Рѣшительное столкновеніе и полный разрывъ Шеина съ этой партіей произошли въ 1609—1611 гг., когда осажденный въ Смоленскѣ Сигизмундомъ Шеинъ энергично боролся съ послѣднимъ и тѣмъ самымъ являлся главною помѣхою для осуществленія боярскихъ замысловъ, направленныхъ къ возведенію польскаго короля на московскій престолъ. Шеинъ такъ рѣзко шелъ противъ этихъ плановъ и такъ открыто дѣйствовалъ въ пользу кандидатуры королевича Владислава, что даже во время пытки, т. е., находясь всецѣло въ рукахъ Сигизмунда, не постѣснялся заявить, что онъ «всѣмъ сердцемъ былъ преданъ королевичу...». Недаромъ же боярская клика, дѣйствовавшая въ пользу Сигизмунда, поздравляя послѣдняго со взятіемъ Смоленска, причисляетъ (въ своей грамотѣ) Шеина къ числу «лихихъ людей» [1]), т. е., «лихихъ» для этой партіи и для ея дѣла.

Въ глазахъ этой партіи Шеинъ навсегда остался «лихимъ» человѣкомъ, которому нельзя было простить его политической и нравственной чистоты, проявившейся особенно въ то шаткое время смуты, когда рѣдкій государственный дѣятель оставался не замараннымъ, такъ или иначе. И послѣ смуты боярская клика «кривыхъ» оставалась сильна вліяніемъ и ждала только случая, чтобы отомстить своему давнему и принципіальному противнику... Послѣдній, отличаясь прямотою и рѣзкостью характера, только подливалъ масло въ огонь своими постоянными столкновеніями съ боярствомъ, къ которому онъ не могъ не относиться свысока и презрительно, сравнивая свою службу землѣ съ боярскимъ служеніемъ личнымъ интересамъ и аппетитамъ.

Этой розни между Шеинымъ и московскимъ боярствомъ много содѣйствовало долговременное пребываніе перваго въ Польшѣ. За 8 лѣтъ польскаго плѣна Шеинъ хорошо познакомился съ иною жизнью и лучшими порядками, такъ не похожими на московскіе. Сильно развитая личная и общественная свобода, какою пользова-

[1]) Соловьевъ, II, 992.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лось польское шляхетство, не могла не прельщать гордаго и независимаго Шеина, вынужденнаго на Москвѣ снова превратиться въ «государева холопа»... Такое превращеніе нелегко давалось гордой натурѣ Шеина, привыкшаго и въ долгій періодъ смуты дѣйствовать самостоятельно, а не въ рамкахъ «государева холопства». Естественно, что, надышавшись свободнымъ польскимъ духомъ, Шеинъ не могъ уже хладнокровно выносить московскій духъ съ его холопствомъ и прочими аттрибутами... Естественно также, что на этой почвѣ у Шеина происходили постоянныя столкновенія съ московскимъ боярствомъ и помимо розни политической. Возможно, что польскій плѣнъ отразился на Шеинѣ и во внѣшности—въ его обстановкѣ, обычаяхъ, условіяхъ жизни и проч. Все это, конечно, подмѣчалось его старыми недругами изъ боярства, которымъ не трудно было пустить даже легенду о тайномъ «крестномъ цѣлованіи» Шеина польскому королю, а позже и о прямой «измѣнѣ» боярина Москвѣ...

Насколько Шеинъ освоился съ европейскими порядками польскаго общества и полюбилъ ихъ, это доказываютъ многіе факты его жизни, напр., его дружба съ литовскимъ гетманомъ Радзивиломъ и съ рыцаремъ Мальтійскаго ордена Новодворскимъ [1]), почетная капитуляція Смоленска и т. п. Вообще, не будетъ ошибки, если мы признаемъ М. Б. Шеина однимъ изъ первыхъ русскихъ «европейцевъ» (въ родѣ князя И. А. Хворостинина), которые естественно не пришлись ко двору въ Москвѣ и должны были такъ или иначе погибнуть...

Если сопоставить все это—давнюю политическую рознь между Шеинымъ и боярскою кликою «кривыхъ», его глубокую антипатію къ эгоистической дѣятельности послѣднихъ, его честный, прямой и открытый характеръ, его честную службу землѣ, наконецъ, эти зачатки въ немъ началъ европеизма, — тогда станетъ понятно, что московское боярство не могло не съѣсть Шеина, какъ поѣдало оно не разъ и раньше, и позже многихъ выдающихся людей, даже своей среды, но стоявшихъ особнякомъ и цѣлою головою выше заурядnаго большинства...

Знаменитая рѣзкая рѣчь Шеина противъ бояръ, произнесенная имъ на отпускной царской аудіенціи въ 1632 г., была каплею, переполнившею чашу боярскаго долготерпѣнія... Боярство закипѣло старою ненавистью къ своему гордому и самостоятельному собрату, шедшему въ разрѣзъ съ большинствомъ, и поклялось ему отомстить, пользуясь своимъ вліяніемъ въ Москвѣ. Боярскія интриги противъ Шеина, ловко тормозившія ходъ его военныхъ операцій, начались чуть ли не съ первыхъ же дней приготовленій къ Смоленскому походу 1632—1634 г.г. Перехожу къ изложенію исторіи этихъ интригъ, на основаніи новыхъ матеріаловъ, открытыхъ А. Н. Зерцаловымъ.

[1]) Соловьевъ, 11, 1138, 1215, 1216.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

III.

М. Б. Шеинъ и его товарищи по походу были у царя на прощальной аудіенціи 9 августа 1632 г., а уже 15 августа разрядный приказъ (военное министерство того времени) сообщилъ помѣстному приказу царскій указъ о конфискаціи въ казну помѣстій и вотчинъ Василія Васильевича Волынскаго «за ослушаніе идти съ денежною казною въ походъ съ бояриномъ Шеинымъ»... Кромѣ «отписки» имѣнія на государя, Волынскій былъ еще наказанъ ссылкою въ Казань.

Это былъ первый пробный и сравнительно безобидный выстрѣлъ боярской клики противъ Шеина, ясно однако говорившій объ истинныхъ чувствахъ ея къ человѣку, посланному противъ общаго врага... Намъ извѣстенъ только одинъ этотъ случай съ Волынскимъ, но, въ дѣйствительности, такихъ случаевъ отказа идти съ Шеинымъ въ походъ могло быть много среди московскаго боярства разныхъ ранговъ. Шеинъ не могъ не обратить на нихъ вниманія, пожаловался царю, и тотъ отнесся серьезно къ дѣлу, строго наказалъ Волынскаго, какъ, вѣроятно, и другихъ ослушниковъ царской воли. Но это вниманіе царя сказалось только на первыхъ порахъ, пока Шеинъ былъ еще подъ Москвою, и пока живъ былъ патріархъ Филаретъ, при которомъ бояре не могли вполнѣ овладѣть волею царя... Дальше мы увидимъ, что уже и царь ничего не могъ подѣлать противъ интригъ бояръ, задушившихъ Шеина...

Съ такимъ недобрымъ предзнаменованіемъ Шеинъ выступилъ къ Смоленску, имѣя въ своемъ корпусѣ болѣе 32 тысячъ человѣкъ. Его торопили выходомъ изъ Москвы, чтобы скорѣе отдѣлаться отъ него, оборвать его личное вліяніе на царя и за глазами приняться за свое злое дѣло мести... Между тѣмъ, корпусъ Шеина далеко не былъ организованъ для похода, и всего удобнѣе было бы заняться его организаціей, снабженіемъ провіантомъ, военными запасами и проч., именно, въ Москвѣ, гдѣ всего было изобильно, и все было подъ руками. Но Шеина такъ торопили, якобы въ интересахъ защиты погибающаго отечества, что онъ вышелъ изъ Москвы почти съ голыми руками; довольно сказать, что Шеину, отправленному осаждать первоклассную крѣпость того времени, не дали осадныхъ орудій — «большого пушечнаго наряда»... Обѣщали выслать его немедленно, въ догоню за ушедшимъ корпусомъ, а въ дѣйствительности онъ получилъ нарядъ, послѣ самыхъ настойчивыхъ требованій, только черезъ полгода — въ мартѣ 1633 г. Этого мало: нарядъ прислали, но... безъ «пушечныхъ запасовъ»! Послѣдніе пришли подъ Смоленскъ только черезъ 1½ мѣсяца [1]).

[1]) Зерцаловъ, 26, 26.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

До чего доходило подлое издѣвательство московскаго боярства надъ Шеинымъ уже въ самомъ началѣ похода, достаточно ясно изъ того, что Шеина выпустили изъ Москвы безъ главнаго «нерва войны»—безъ денегъ... 9 августа онъ вышелъ изъ Москвы, 10 августа былъ въ Можайскѣ и здѣсь ровно мѣсяцъ сидѣлъ, до 10 сентября, дожидаясь денегъ, безъ которыхъ не могъ двинуться дальше, такъ какъ нечѣмъ было кормить ратныхъ людей и платить имъ жалованье. Разрядный приказъ только 2 сентября распорядился послать Шеину деньги, въ количествѣ 78 тысячъ рублей [1]).

Всѣ эти незадачи, вызванныя кознями сидѣвшихъ въ Москвѣ «по запечью» бояръ, не испугали Шеина: онъ бодро двинулся изъ Можайска въ походъ и, по мѣткому выраженію «Хронографа» [2]), бралъ у поляковъ города, «какъ птичьи гнѣзда»...

И это, несмотря на то, что осенній походъ былъ крайне труденъ и изнурителенъ для войска, о чемъ не разъ Шеинъ писалъ царю. Такъ, о походѣ къ Вязьмѣ Шеинъ пишетъ: «шли мы... неспѣшно, потому дорога нужна (т. е. нудная, тяжелая) и грязи великія... людямъ въ кормахъ нужа была великая, купити запасовъ не у кого...». Съ дороги къ Дорогобужу Шеинъ снова жалуется: «а ходъ у насъ мѣшкотенъ, потому что дорогою грязи великія и многія лошади... стали..., и мосты водою посносило...». Въ отпискѣ его изъ Дорогобужа читаемъ: «людямъ въ запасахъ нужа великая, вашихъ государевыхъ запасовъ нѣтъ, а купити не у кого, а изъ Вязьмы запасовъ привозятъ понемногу... Русскіе люди съ голоду бѣгаютъ, а нѣмецкіе люди отъ голода заболѣли и помираютъ... Нѣмецкая де пѣхота зимней нужи подняти не могутъ...». По 22 ноября сбѣжало 292 ратныхъ людей [3]).

Очень характерна эта голодовка войска, начавшаяся уже подъ Дорогобужемъ, т. е., въ двухъ шагахъ отъ Москвы, богатой всякими запасами и могшей изобильно прокормить вдвое-втрое бо́льшую армію, чѣмъ какая была у Шеина. Очевидно, корпусъ Шеина выпустили налегкѣ, безъ провіантскаго обоза, и позже, несмотря на всѣ его настоянія, не торопились высылкою ему «кормовъ». Объ этомъ ясно говоритъ выраженіе его дорогобужской отписки, что у него «государевыхъ запасовъ нѣтъ». Послѣдніе подвозились въ Вязьму, а оттуда доставлялись въ Дорогобужъ, но совсѣмъ въ обрѣзъ—«понемногу, телѣгъ по 10 и по 15, и того запасу на одинъ день не становится»...

Если въ оправданіе Москвы замѣтятъ, что она разсчитывала на прокормленіе корпуса Шеина мѣстными средствами, то вѣдь такой расчетъ на средства земли, сильно истощенной рядомъ предше-

[1]) Ibid., 12.
[2]) Соловьевъ, 11, 1209.
[3]) Зерцаловъ, 12, 13.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ствовавшихъ войнъ, черезчуръ былъ бы наивенъ даже для тогдашнихъ московскихъ стратеговъ и военныхъ администраторовъ, засѣдавшихъ въ разрядномъ приказѣ и оттуда руководившихъ операціями Шеина. Но если и былъ такой ошибочный расчетъ разряда, послѣдній обязанъ былъ спохватиться и немедленно поправить свою ошибку послѣ того, какъ Шеинъ въ цѣломъ рядѣ своихъ отписокъ настойчиво твердилъ царю и разряду, что на мѣстѣ «купити запасовъ не у кого...». Насколько онъ настойчивъ былъ въ этихъ указаніяхъ, и какъ нагло разрядъ молчалъ на всѣ требованія Шеина о кормѣ для войска, показываетъ невольно вырвавшійся вопль Шеина въ его дорогобужской отпискѣ, что онъ «напередъ сего многажда писалъ» о нуждѣ въ кормахъ, да толку де нѣтъ: шлютъ ему на 30-ти-тысячный корпусъ по 10—15 телѣгъ хлѣба на день!..

Естественно, что Шеинъ, видя начинающуюся отъ голодовки деморализацію въ своемъ корпусѣ, не рисковалъ идти дальше, тѣмъ болѣе, что все поджидалъ изъ Москвы осадныхъ орудій и припасовъ къ нимъ. Болѣе $1^1/_2$ мѣсяца онъ стоялъ въ Дорогобужѣ, но не дождавшись ни осаднаго парка, ни достаточнаго провіанта, вынужденъ былъ двинуться (24 ноября) къ Смоленску, и именно вслѣдствіе настойчивыхъ приказаній царя, понуждаемаго къ тому московскими благопріятелями Шеина... Послѣдній рискнулъ на это опасное для полуголоднаго корпуса движеніе, можетъ быть, только въ тѣхъ видахъ, что около Дорогобужа все было съѣдено его войскомъ, что только можно было добыть изъ мѣстныхъ средствъ, а подъ Смоленскомъ еще возможно было разсчитывать на кое-какія средства мѣстнаго населенія. Съ другой стороны, Шеинъ могъ думать о какой нибудь случайности, которая отдастъ въ его руки богатый запасами Смоленскъ еще до прихода туда сильной помощи изъ Польши, о чемъ уже ходили слухи.

IV.

6 декабря 1632 г. Шеинъ былъ уже подъ Смоленскомъ и засѣлъ здѣсь надолго, совершенно брошенный Москвою, вопреки всѣмъ увѣреніямъ царя, постоянно обѣщавшаго Шеину всякую и сильную помощь, но ничего не исполнившаго... Шеинъ, однако, упорно вѣрилъ въ царскую поддержку, т. е., собственно, въ поддержку патріарха Филарета, издавна къ нему расположеннаго. Но государь-патріархъ уже былъ на закатѣ своей жизни и не принималъ прежняго дѣятельнаго участія въ государственныхъ дѣлахъ. А съ его смертью (въ 1633 г.) Шеинъ потерялъ послѣднюю свою опору и всецѣло очутился въ рукахъ боярской клики, ясно поставившей себѣ задачу—довести Шеина до гибели... Шеинъ не могъ этого не знать

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и не вѣдать, но, какъ человѣкъ прямой и честный, онъ шелъ напроломъ, наивно вѣря въ правду и пользу своего дѣла и полагая, что, именно, это начало восторжествуетъ надъ подлыми кознями недруговъ... Врядъ ли ему могло и во снѣ тогда сниться, что онъ погибнетъ съ позорною кличкою «измѣнника» отъ руки дѣйствительныхъ предателей земли, не поцеремонившихся связать свою личную месть съ гибелью дѣла, полезнаго землѣ.

Первое время подъ Смоленскомъ корпусъ Шеина нѣсколько отдохнулъ и оправился послѣ Дорогобужской голодовки, дѣятельно собирая мѣстные кормы ближайшими и мѣстными фуражировками. Но скоро и мѣстныя средства были истощены, а далекія фуражировки стали опасны, вслѣдствіе приближенія польской арміи. Подвозы же провіанта изъ Москвы становились все рѣже и рѣже. Снова началось голоданіе шеинскаго корпуса, со всѣми его послѣдствіями.

Авторъ «Хронографа» говоритъ: «русскіе люди въ острожкахъ отъ тѣсноты и скудости въ пищи оцынжали, и сдѣлался моръ большой, изъ Москвы же имъ помощи не даютъ и запасовъ не присылаютъ...» [1]. До чего ратные люди ослабѣли, видно [2]) изъ того, что они уже не могли сами работать надъ возведеніемъ «земляныхъ городковъ и земляныхъ шанцовъ», и Шеинъ вынужденъ былъ нанимать для этихъ работъ крестьянъ и «вольныхъ людей». Дороговизна хлѣба была поражающая: «хлѣбнымъ торговцамъ подъ Смоленскомъ за каждый печеный хлѣбъ платили по алтыну», то-есть, столько, сколько въ то время, при нормальныхъ условіяхъ жизни, стоилъ въ Россіи пудъ муки ржаной. Чтобы добыть денегъ на это дорогое пропитаніе, ратные люди продавали порохъ и проч. Вообще, достаточно сказать, что въ отрядѣ Шеина «умерло съ голоду до 500 человѣкъ» [3]).

Начались побѣги ратныхъ людей въ ужасающей прогрессіи. Въ сентябрьской (1633 г.) отпискѣ Шеинъ жалуется: «писали мы... многижда, что ...ратные люди изъ полковъ бѣгутъ ежедень...», а 25 августа, то-есть, въ день прихода подъ Смоленскъ короля Владислава—«дворянъ и дѣтей боярскихъ сбѣжало однимъ днемъ 271 человѣкъ...» [4]). Побѣги послѣднихъ были вызваны не одною голодовкою, но и дошедшими подъ Смоленскъ вѣстями о вызванномъ Польшею вторженіи крымскихъ татаръ въ московскую Украину и разореніи ими дворянскихъ помѣстій и вотчинъ. Всего, по даннымъ Зерцалова [5]), за первые 8 мѣсяцевъ стоянія Шеина подъ

---

[1]) Ibid., 17.
[2]) Соловьевъ, 11, 1209.
[3]) Зерцаловъ, 16.
[4]) Ibid., 17.
[5]) Ibid., 15.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Смоленскомъ сбѣжало у него ратныхъ людей «не менѣе 4.000 человѣкъ».

Не менѣе людей страдали отъ безкормицы и лошади, падавшія въ громадномъ количествѣ, такъ что Шеинъ въ одной отпискѣ заявляетъ царю: «съ нами конные ратные остаются немногіе». Безлошадица была до того полная, что когда Шеинъ стянулъ всѣ свои отряды въ одинъ «большой острогъ» (въ сентябрѣ 1633 г.), то для перевозки туда осадныхъ и полевыхъ орудій взяли 586 стрѣльцовъ, пушкарей и солдатъ, которые и «отвезли на себѣ большой и меньшой пушечный нарядъ», за что получили по рублю на человѣка.

Выше уже отмѣчено, какъ поздно былъ доставленъ осадный паркъ Шеину, и даже безъ снарядовъ къ орудіямъ. Нужда въ снарядахъ была такъ велика, что Шеинъ платилъ своимъ людямъ большія деньги за собираемые ими непріятельскіе снаряды; «за ядро большого наряда» платилось 3—6 алтынъ и такъ далѣе.

О всѣхъ этихъ вопіющихъ безпорядкахъ Шеинъ доносилъ царю «многижда», требуя ихъ исправленія, что вполнѣ было возможно для Москвы. Но Москва, то-есть бояре, сидѣвшіе по приказамъ, клали эти отписки подъ сукно, да отдѣлывалась словами на всѣ требованія Шеина и, какъ бы въ насмѣшку, дарили изрѣдка боярина царскимъ «милостивымъ словомъ» за его крѣпкое стояніе подъ Смоленскомъ, несмотря на полную деморализацію войска...

А подъ покровомъ этого «милостиваго слова» продѣлывались возмутительныя вещи... Объ одной изъ этихъ продѣлокъ враговъ Шеина разсказываетъ любопытная отписка царю, полковника рейтарскаго строя Самойла-Карла де-Эберта, въ августѣ 1633 г. [1]). Рейтарскій полкъ его былъ отправленъ къ Шеину «наспѣхъ», для чего приказано «и коши (обозъ) пометать» (бросить). Но полковникъ шелъ не самостоятельно, а подъ командою посланныхъ изъ Москвы Ивана Вельяминова и А. Исупова, везшихъ къ Шеину «государеву казну». Въ походѣ рейтаръ вышла большая «мѣшкота», въ которой московскіе посланцы кругомъ обвинили предъ царемъ Эберта, взявшаго будто бы неправильный и неудобный маршрутъ. Но полковникъ съ негодованіемъ отвергаетъ это обвиненіе и прямо говоритъ, что Вельяминовъ и Исуповъ нарочно повели рейтаръ по дальней и скверной дорогѣ, чтобы замедлить его движеніе къ Смоленску... Вотъ слова Эберта: «куды они меня съ вожами (проводниками) вели, туда я дорогою и шелъ; а то они на меня писали къ тебѣ государю ложно. А которая была... мѣшкота, то учинилось отъ нихъ: завели они меня съ войскомъ въ бездорожицу и въ грязь... А все, государь, они (продѣлали) для своей бездѣльной корысти».

Полковникъ не раскрываетъ послѣдняго намека... Выраженіемъ «бездѣльная корысть» на языкѣ XVII вѣка обозначалось не одно

[1]) Зерцаловъ, 28—29.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

только корыстолюбіе, но вообще всякое непохвальное дѣйствіе, направленное къ личной выгодѣ, матеріальной или иной, но связанной съ ущербомъ для другихъ. Никакой прямой корысти Вельяминовъ и Исуповъ не могли сейчасъ же получить отъ того, что замедлили движеніе рейтаръ къ Смоленску. Но если они продѣлали это по внушеніямъ московскихъ благопріятелей Шеина, въ чаяніи какихъ либо милостей отъ нихъ, а, можетъ быть, и цѣною прямого подкупа, тогда понятенъ намекъ Эберта на ихъ «бездѣльную корысть».

Цѣнна здѣсь еще одна характерная подробность. Отписка Вельяминова и Исупова, съ ложными обвиненіями противъ Эберта, дошла до царя и вызвала оправдательную отписку полковника. Но послѣдняя застряла въ иноземскомъ приказѣ и не была «взнесена на верхъ», то-есть къ царю. Если бы царь ее прочелъ, то-есть выслушалъ, самъ ли, или въ боярской думѣ, то на отпискѣ стояла бы помѣта: «государю чтена», или съ прибавкою: «а и боярамъ вѣдома». А на отпискѣ Эберта (подлинной, съ его нѣмецкимъ рукоприкладствомъ) именно и нѣтъ такой помѣты, а находимъ другую, сдѣланную въ иноземскомъ приказѣ и очень многозначительную въ данномъ случаѣ. Въ этой приказной помѣтѣ читаемъ: «вклеить (отписку) въ столпъ», то-есть сдать ее въ архивъ, какъ пустую и безсодержательную бумагу, которую де не стоитъ доводить до свѣдѣнія царя...

И такихъ возмутительныхъ случаевъ было, вѣроятно, немало въ шеинской трагикомедіи... Нужно еще удивляться, какъ онъ долго держался подъ Смоленскомъ, несмотря на всѣ эти козни и помѣхи враговъ, травившихъ его на каждомъ шагу... Несомнѣнно отсюда, что все его сидѣніе подъ Смоленскомъ, особенно со времени прихода туда польскаго короля Владислава III съ 23 тысячнымъ войскомъ (25 августа 1633 г.), есть громкій воинскій подвигъ, свидѣтельствующій о крупномъ военномъ талантѣ Шеина. Если бы С. М. Соловьевъ зналъ всѣ эти подробности о смоленскомъ походѣ Шеина, открытыя А. Н. Зерцаловымъ, онъ отказался бы отъ своихъ, правда, очень осторожныхъ намековъ на отсутствіе у Шеина военнаго таланта [1]). Въ талантливости Шеина нельзя сомнѣваться уже по тому одному, что онъ со своимъ голоднымъ, ослабѣвшимъ отрядомъ несомнѣнно взялъ бы Смоленскъ, если бы Владиславъ не подошелъ туда вовремя, почти наканунѣ сдачи Шеину смоленскаго губернатора Станислава Воеводскаго.

Съ приходомъ короля роли перемѣнились, и шеинскій корпусъ изъ осаждавшаго превратился въ осажденнаго.

---

[1]) 11, 1208.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

V.

Перехожу къ предпослѣднему и самому возмутительному акту шеинской исторіи—къ преслувутой «боярской выручкѣ» Шеина...

Почти полгода (съ 25 августа 1633 г. до 16 февраля 1634 г.) Шеинъ держался съ своимъ измученнымъ и ослабѣвшимъ отрядомъ противъ свѣжаго и хорошо организованнаго польскаго войска, держался въ самыхъ невозможныхъ стратегическихъ и физическихъ условіяхъ, съ скудными остатками провіанта и военныхъ припасовъ, въ холодѣ и голодѣ. Отъ Москвы онъ былъ совершенно отрѣзанъ: «дороги московскія польскіе и литовскіе люди заняли всѣ, и проѣзду ни откуда нѣтъ». Только одиночные гонцы отъ Шеина въ Москву и обратно да дезертиры могли кое-какъ пробираться тайкомъ, да и тѣ часто гибли. При такомъ отчаянномъ положеніи продержаться цѣлыхъ полгода, съ вполнѣ деморализованнымъ войскомъ (достаточно вспомнить эти побѣги, по нѣсколько сотъ человѣкъ въ одинъ день, или извѣстный [1]) случай, когда полковникъ Лесли на глазахъ у Шеина застрѣлилъ полковника Сандерсона, подозрѣвая его въ измѣнѣ, и остался безнаказаннымъ), противъ свѣжаго и европейски устроеннаго непріятеля—это опять таки говоритъ о незаурядномъ военномъ талантѣ Шеина.

Шеинъ стойко выдерживалъ свое невозможное положеніе въ надеждѣ на скорую помощь изъ Москвы. Уже въ сентябрѣ 1633 г., какъ только въ Москвѣ узнали о приходѣ Владислава подъ Смоленскъ и о крайне затруднительномъ положеніи Шеина, царь писалъ [2]) боярину и его товарищу окольничему кн. Семену Васильевичу Прозоровскому, что посылаетъ къ нимъ на помощь «большую рать»; «и вы бы нашихъ ратныхъ людей къ себѣ на помощь ожидали вскорѣ»... Это царское обѣщаніе скорой помощи повторялось и въ другихъ грамотахъ къ Шеину, бодрило его и войско, поддерживало ихъ духъ до послѣдней крайности. Цѣлыхъ полгода Шеинъ жилъ только надеждою на обѣщанную помощь, но такъ и не дождался отъ Москвы ни одного воина, ни фунта пороху, ни куска хлѣба!.. А взамѣнъ всего этого—одни слова и слова...

А между тѣмъ, съ приходомъ Владислава, Москва, несомнѣнно, зашевелилась, такъ какъ теперь опасность угрожала уже не одному Шеину, но и самой Москвѣ. Въ Можайскѣ стали формировать корпусъ подъ начальствомъ бояръ князя Дмитрія Мамстрюковича Черкасскаго и князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго (извѣстный дѣятель смутнаго времени). Можайскій корпусъ имѣлъ прямое назна-

---

[1]) Соловьевъ, 11, 1202, 1203.
[2]) Зерцаловъ, 19.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ченіе—«идти подъ Смоленскъ выручать боярина М. Б. Шеина съ товарищи» и вообще «помогать ему всячески».

Сборъ ратныхъ людей подъ Можайскомъ и организація корпуса предполагались еще въ сентябрѣ 1633 г., если вѣрить сентябрьской царской грамотѣ къ Шеину. Однако, рѣшительный царскій указъ о сформированіи вспомогательнаго корпуса состоялся — вслѣдствіе «смоленскихъ вѣстей» — только 18 октября. «Воеводскій наказъ» князьямъ Черкасскому и Пожарскому, и ихъ дьякамъ Никифору Шипулину и Василью Волкову выданъ изъ разряда только 30 декабря. Раньше этого дня, то-есть, безъ наказа, они не могли и выѣхать изъ Москвы; значитъ, если ратные люди и собирались раньше пріѣзда своего начальства въ Можайскъ, то подъ наблюденіемъ мѣстныхъ воеводъ. Бояре же, назначенные для скорой «выручки» Шеина, предпочитали сидѣть въ Москвѣ «по запечью» и тронулись оттуда ровно черезъ 4 мѣсяца послѣ того, какъ царь утѣшилъ Шеина обѣщаніемъ выручить его «вскорѣ»... Вотъ какъ торопились въ Москвѣ «выручать» Шеина и какъ осуществляли царское обѣщаніе «скорой» помощи!..

Сборъ ратныхъ людей для «смоленской службы» производился и въ другихъ пунктахъ—въ Калугѣ, Ржевѣ-Володимеровой и проч. Въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи сохранилась 21 «десятня» о верстаньѣ ратныхъ людей въ этихъ городахъ и раздачѣ имъ для похода денежнаго жалованья. Наказы стольникамъ и дьякамъ, посланнымъ въ эти города, выданы разрядомъ въ первыхъ числахъ декабря. Но все же здѣсь, вдали отъ Москвы и ея зловреднаго вліянія, дѣло велось довольно добросовѣстно, и ратные быстро собирались. Спѣшка была такая очевидная, что, напримѣръ, въ Калугѣ и Ржевѣ верстанье производилось «днемъ и ночью». Въ половинѣ января 1634 г. въ Калугѣ собралось уже около $1^1/_2$ тысячи ратныхъ.

Между тѣмъ, въ главномъ вспомогательномъ корпусѣ, въ Можайскѣ, 3 января было всего 357 ратныхъ, какъ видно изъ отписки бояръ князя Черкасскаго и князя Пожарскаго, тронувшихся, наконецъ, изъ Москвы на «выручку» Шеина... Впрочемъ, бояре-воеводы начали просыпаться, и къ концу января подъ ихъ командою собрался значительный корпусъ въ 12 тысячъ людей.

Съ такимъ составомъ можно было бы если не выручить Шеина изъ польскихъ тисковъ, то хотя бы сдѣлать рѣшительную диверсію къ Смоленску и тѣмъ остановить Владислава отъ его послѣднихъ дѣйствій противъ Шеина, а этого воздержать отъ рѣшенія сдаться королю. Въ концѣ января еще не поздно было произвести съ пользою такую выручку или диверсію. Отъ Можайска до Смоленска 12-ти-тысячный корпусъ могъ легко передвинуться въ 6—7 дней, а то при желаніи и скорѣе. Выручка явилась бы въ самый критическій моментъ, когда Шеину ничего уже не оставалось, кромѣ сдачи... Даже простая диверсія къ Смоленску произвела бы громадный эффектъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на поляковъ. Есть данныя, говорящія, что «поляки боялись русскаго войска, стоявшаго въ Можайскѣ», и преувеличивали его составъ до 30 тысячъ [1]).

Но бояре продолжали сидѣть въ Можайскѣ и пальца о палецъ не ударили, чтобы показать хотя тѣнь готовности идти на выручку Шеина... Есть только одинъ намекъ на какую-то слабую рекогносцировку около Вязьмы [2]).

Особенно характерны нечестныя отношенія Москвы къ Шеину въ послѣдніе моменты его борьбы съ королемъ Владиславомъ... 1-го февраля получена въ Москвѣ послѣдняя отписка Михаила Борисовича изъ-подъ Смоленска, гдѣ онъ ясно рисовалъ свое отчаянное положеніе—полное «утѣсненіе» отъ польскихъ войскъ и «большое оскудѣнье въ хлѣбныхъ запасахъ и въ соли»...

Казалось бы, такъ естественно, при нормальномъ ходѣ вещей и честномъ отношеніи къ дѣлу, что Москва сейчасъ же строго-настрого прикажетъ князьямъ Черкасскому и Пожарскому идти «наспѣхъ» къ Смоленску и рѣшительно выручать Шеина... Но, нѣтъ! Москва, очевидно, только нагло смѣялась надъ попавшимъ въ западню гордымъ бояриномъ и своею «волокитою» издѣвалась надъ нимъ вволю...

Судите сами: 1 февраля получена отчаянная отписка Шеина, а царь только 2 февраля надумался послать въ Можайскъ окольничаго князя Григорья Волконскаго и совсѣмъ не для того, чтобы двинуть къ Смоленску бояръ-сидней, но... чтобы «съ ними посовѣтовать, какъ бы... Шеину съ товарищи... помочь учинити» [3])». И это, когда дорогъ каждый моментъ, когда въ Москвѣ отлично знали, что Шеинъ виситъ на волоскѣ, когда Москва отлично понимала, что съ гибелью Шеина погибнутъ крупные интересы государства... Но какое было дѣло этимъ жалкимъ людямъ до интересовъ земли, разъ имъ представился такой благопріятный случай погубить своего личнаго врага!..

Князь Волконскій «совѣтовался» съ княземъ Черкасскимъ и княземъ Пожарскимъ ровно... трое сутокъ! Только 6 февраля онъ вернулся въ Москву и «доложилъ государю о готовности (sic!..) князя Черкасскаго идти на помощь Шеину»... Цѣлыя сутки еще Москва обсуждала эту «готовность» бояръ вылѣзть изъ «запечья» и только 8 февраля рискнула отдать приказъ князю Черкасскому «о выступленіи въ походъ» къ Смоленску.

Когда князь Черкасскій получилъ о томъ царскую грамоту и когда въ дѣйствительности выступилъ въ походъ,—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что разрядный приказъ его не торо

---

[1]) Зерцаловъ, 22, 23.
[2]) Ibid., 29.
[3]) Ibid., 21.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

пилъ, ибо только 11 февраля отправилъ грамоту въ Калугу, къ воеводамъ князю Куракину и князю Волконскому, формировавшимъ тамъ отрядъ ратныхъ людей, съ приказомъ—идти имъ въ Можайскъ, «на сходъ» (соединеніе) къ князю Черкасскому, чтобы съ нимъ двинуться къ Смоленску «для освобожденія Шеина». Значитъ, и 11-го февраля князь Черкасскій еще стоялъ въ Можайскѣ, дожидаясь калужскаго отряда, и, вѣроятно, не дождался его и 16 февраля, когда никакая уже «выручка» не нужна была Шеину, сдавшемуся въ этотъ день королю Владиславу на условіяхъ почетной капитуляціи, то-есть, съ пропускомъ его геройскаго отряда въ Москву...

Бояре могли ликовать, что добились своего—унизили врага... Но на этомъ они не остановились и довели свое подлое дѣло до желаннаго для нихъ конца—до казни открытаго ими «измѣнника»... боярскимъ интересамъ и боярской «бездѣльной корысти»...

VI.

Шеинъ вернулся въ Москву въ первыхъ числахъ марта, съ остатками своего корпуса, около 8 тысячъ человѣкъ (изъ 32 тысячъ). Возвращался онъ смѣло, имѣя въ рукахъ тысячи доказательствъ того, что виною неудачнаго конца его похода была именно Москва, съ ея нарочитою и усиленною «волокитою» и всяческими помѣхами. Но... участь его была уже предрѣшена боярскою кликою, ловко пустившею въ оборотъ легенду объ «измѣнѣ» Шеина... Послѣдній еще только подходилъ къ Москвѣ, а уже 2 марта состоялся царскій указъ объ образованіи надъ нимъ и его товарищами судной комиссіи изъ бояръ князя А. И. Шуйскаго и князя А. В. Хилкова, окольничаго В. И. Стрѣшнева и дьяковъ Т. Бормосова и Д. Прокофьева. Суду преданы бояринъ М. Б. Шеинъ, его товарищи, окольничіе: князь С. В. Прозоровской, Артемій Васильевичъ Измайловъ, князь Михаилъ Васильевичъ Бѣлосельской, сынъ Шеина Иванъ, сыновья Измайлова Василій и Семенъ и другія лица изъ штаба Шеина. Изъ всѣхъ этихъ лицъ сравнительно слабо были наказаны (ссылкою и конфискаціей имѣнія) именно самые «породные» и имѣвшіе большія связи въ боярствѣ, князья Прозоровской и Бѣлосельской... Князь Прозоровской черезъ годъ былъ уже прощенъ и вернулся изъ своей нестрашной ссылки въ Нижнемъ Новгородѣ. Вѣроятно, то же было и съ княземъ Бѣлосельскимъ.

Больше же всѣхъ пострадали—погибли на плахѣ, кромѣ самого «лихого» для боярства человѣка Шеина, его близкій другъ и помощникъ, но невидный человѣкъ въ боярствѣ, окольничій А. В. Измайловъ, да сынъ послѣдняго, стольникъ Василій. Главною виною послѣдняго—по «боярскому приговору»—были разныя «непригожія

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рѣчи» на счетъ «московскаго плюгавства» [1]) и, вообще, хорошо подмѣченная боярскими «шишами» (шпіонами, очевидно кишѣвшими въ станѣ Шеина) наклонность молодого стольника къ порядкамъ и условіямъ польской, то-есть, европейской жизни... За такія же рѣчи о «московскомъ плюгавствѣ» [2]) и, вообще, за «непригожія рѣчи» наказаны кнутомъ и ссылкою въ Сибирь Семенъ Измайловъ, Гаврило Бакинъ и Любимъ Ананьевъ. Послѣдній былъ «шишомъ» у Шеина, то-есть человѣкомъ, стоявшимъ поперекъ дороги у боярскихъ «шишей»; за то онъ и пострадалъ...

Нарочно обращаю вниманіе на этотъ трагикомическій элементъ въ «боярскомъ приговорѣ» 1634 г. Ниоткуда, какъ только отъ шишей, Москва не могла бы узнать этихъ тайныхъ «непригожихъ рѣчей» Измайловыхъ и др. лицъ. А разъ Шеинъ, какъ и его близкіе, былъ окруженъ боярскими шишами, слѣдившими за каждымъ его шагомъ, за всякимъ словомъ и чуть ли не помышленіемъ, значитъ, какой богатый матеріалъ они должны были собрать въ улику «измѣны» Шеина! А между тѣмъ шиши ровно ничего не могли собрать противъ Шеина, не подслушали ни одного его «непригожаго слова» и не отмѣтили ни одного его тайнаго дѣянія; уже это одно рѣшительно говоритъ противъ обвиненія Шеина въ «измѣнѣ». Боярскій приговоръ построилъ свои обвиненія на другой основѣ, еще болѣе шаткой и совершенно бездоказательной...

Но напередъ отмѣчу, что судъ надъ Шеинымъ тянулся болѣе мѣсяца (2 марта—18 апрѣля), очевидно, потому, что никакихъ прямыхъ и сразу уличающихъ «измѣну» фактовъ у судей не было, и они ревностно собирали отовсюду всякія косвенныя и шаткія улики, чтобы мотивировать ими заранѣе уже предрѣшенный смертный приговоръ надъ несчастными бояриномъ и Измайловыми... Несомнѣнно, съ другой стороны, что Шеинъ, по натурѣ своей, не могъ молчать, тѣмъ болѣе, что имѣлъ въ свою защиту массу и документальныхъ оправданій, и показаній очевидцевъ. Его защитительныя рѣчи намъ неизвѣстны, но они, несомнѣнно, были, и, судя по его натурѣ и по знаменитой анти-боярской рѣчи 1632 г., его рѣчи въ судной комиссіи были самыя горячія, страстныя, содержательныя, надъ которыми московскимъ дьякамъ приходилось немало поломать голову, чтобы, хотя для соблюденія формальности и хотя бы съ внѣшней стороны, подорвать ихъ значеніе.

Знаменательно, что боярскій приговоръ начинаетъ перечень своихъ обвиненій противъ Шеина не съ его «измѣны», о которой трактуется много ниже, а именно, съ того оскорбленія, которое онъ нанесъ боярамъ въ своей рѣчи 1632 г.; вотъ главная вина Шеина въ

---

[1]) Соловьевъ, 11, 1207.
[2]) Ibid., 1208.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

глазахъ бояръ—измѣна боярству!.. Такъ оно и было на дѣлѣ—именно, за эту измѣну и погибъ Шеинъ..

Не стоитъ серьезно останавливаться надъ тѣми наивными доказательствами другой — политической—«измѣны» Шеина, измѣны яко бы государству, о которой говоритъ боярскій приговоръ. Все это обвиненіе шито такими бѣлыми нитками, которыхъ не могутъ видѣть развѣ только такіе историки, которые смѣло, но бездоказательно приравниваютъ Шеина къ маршалу Базену... Но эти историки одного не могутъ сообразить, что если бы Шеинъ продался Владиславу, то развѣ посмѣлъ бы онъ явиться въ Москву и развѣ не могъ бы «отъѣхать» (даже временно, подъ видомъ плѣна) въ Польшу, къ которой у него, несомнѣнно, были симпатіи послѣ долгаго польскаго полона?! Кромѣ того, если бы Владиславъ одержалъ верхъ надъ Шеинымъ, благодаря измѣнѣ его, то развѣ не проговорились бы объ этомъ при случаѣ сами поляки? А между тѣмъ, мы какъ разъ имѣемъ совершенно обратное доказательство съ польской стороны.

Объ этомъ фактѣ [1]) стоитъ напомнить въ поученіе «наивнымъ» историкамъ. Во время Поляновскихъ переговоровъ о мирѣ (весною 1634 г.) московскіе послы съ истинно «московскимъ плюгавствомъ» потребовали возвращенія шеинскаго «народа», взятаго подъ Смоленскомъ, и особенно тѣхъ 12 пушекъ, «которыя король отдалъ Шеину, но тотъ не взялъ измѣною своему государю»... Эти 12 пушекъ фигурируютъ въ боярскомъ приговорѣ, какъ одно изъ доказательствъ «измѣны» Шеина. На это требованіе одинъ изъ польскихъ пословъ, литовскій гетманъ Радзивилъ, съ искреннимъ негодованіемъ отвѣтилъ, по поводу брошеннаго москвичами намека на «измѣну» Шеина: «вамъ бы такого слова не говорить и въ письмѣ не писать, потому взялъ весь нарядъ государь нашъ своею ратною силою, а не по чьей нибудь измѣнѣ! 12 же пушекъ, которыя были Шеину отданы, онъ подарилъ мнѣ по любви, а не по неволѣ, и тѣ пушки у меня, а не у короля, и отдать ихъ назадъ непригоже, потому что Шеинъ ими меня подарилъ». Пусть Шеинъ и не имѣлъ права дарить царскій нарядъ своему пріятелю, но не могъ же онъ заставить своихъ измученныхъ людей тащить на себѣ (лошадей не было) нарядъ до Москвы, т. е., цѣлыхъ двѣнадцать дней пути.

Вотъ единственное польское свидѣтельство о пресловутой «измѣнѣ» Шеина и, притомъ, сдѣланное лицомъ, несомнѣнно близкимъ Шеину, которое въ случаѣ какихъ либо малѣйшихъ подозрѣній на счетъ честности Шеина промолчало бы на обвиненіе, высказанное московскими послами. Но для Радзивила это обвиненіе было такъ нелѣпо, что онъ не смолчалъ и рѣшительно выступилъ на защиту друга.

---

[1]) Соловьевъ, 11, 1215, 1216,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Помимо отдачи полякамъ этихъ 12 пушекъ и остального наряда, приговоръ видитъ «измѣну» Шеина въ томъ, что онъ «крестнымъ цѣлованіемъ» подтвердилъ святость своего договора съ Владиславомъ о почетной сдачѣ, а въ числѣ статей договора были и такія, что Шеинъ съ своимъ отрядомъ не будетъ принимать участія въ польской войнѣ въ продолженіе 4 мѣсяцевъ, что въ моментъ сдачи русскія знамена преклоняются предъ польскимъ королемъ и проч. Но если для Москвы эти и другія церемоніи и условія почетной капитуляціи казались не только не слыханною диковинкою, но даже прямою «измѣною» московскому государю, то для Шеина съ его европейскими симпатіями и замашками всѣ эти условія сдачи были вполнѣ нормальными, какъ издавна практиковавшіяся въ европейскихъ арміяхъ.

Наконецъ, еще одна курьезная улика боярскаго приговора на счетъ «измѣны» Шеина: будто бы онъ въ литовскомъ полону «цѣловалъ крестъ» на вѣрность Сигизмунду и Владиславу, а, вернувшись въ Москву, о томъ «не объявилъ» и 15 лѣтъ «содержалъ это крестное цѣлованіе тайно», а нынѣ де подъ Смоленскомъ «исполнялъ» цѣлованіе—«во всемъ радѣлъ» Владиславу. Авторъ «Хронографа», напротивъ, увѣряетъ, что эта тайная клятва «была извѣстна и царю, и патріарху»...

Но въ послѣднемъ случаѣ Шеинъ давно уже былъ бы наказанъ Москвою, именно сейчасъ же по возвращеніи изъ плѣна, а теперь (въ 1632 г.) царь не рискнулъ бы отправить противъ поляковъ клятвопреступника и завѣдомаго «измѣнника». Если же вѣрить боярскому приговору, тогда странно, почему же Шеинъ не постарался отбояриться отъ тяжелаго для него порученія быть главнокомандующимъ въ войнѣ противъ того Владислава, которому онъ, 15 лѣтъ назадъ, «цѣловалъ крестъ»?. При своемъ видномъ положеніи стараго, заслуженнаго боярина, да еще при несомнѣнномъ покровительствѣ всемогущаго государя-патріарха, Шеину ничего не стоило отдѣлаться отъ назначенія въ походъ и подъ самыми благовидными предлогами усѣсться на «запечьѣ» въ Москвѣ или въ своей вотчинѣ.

Такими же бѣлыми нитками сшиты и всѣ остальныя обвиненія боярскаго приговора, ставящаго въ вину Шеину тѣ неудачи его военныхъ операцій, въ которыхъ, какъ мы видѣли, цѣликомъ была повинна сама Москва, съ умышленною «волокитою» и всякими нарочитыми помѣхами... Тутъ обвиненія и въ медленности движенія къ Смоленску, и въ голодовкѣ ратныхъ людей, и въ отсутствіи будто бы «промысла» надъ непріятелемъ, и въ рѣдкой посылкѣ царю отписокъ изъ-подъ Смоленска (вспомнимъ постоянную фразу шеинскихъ отписокъ, что онъ писалъ въ Москву «многижда»!) и проч., и проч.

Но вся эта наглая ложь и возмутительная подтасовка фактовъ блистательно опровергнута новыми данными, открытыми А. Н. Зерцаловымъ и вышеприведенными. Для интересующихся подробностями

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

отмѣчу, что г. Зерцаловъ сдѣлалъ (сс. 24—27) параллельныя выписки лживыхъ обвинительныхъ пунктовъ боярскаго приговора и документальныхъ оправданій Шеина. Теперь этотъ боярскій приговоръ 18 апрѣля 1634 г. смѣло слѣдуетъ назвать однимъ изъ позорнѣйшихъ актовъ, созданныхъ русскимъ боярствомъ...

Жертва и мученикъ боярскихъ интригъ, Михаилъ Борисовичъ Шеинъ казненъ (вмѣстѣ съ А. В. и В. А. Измайловыми) 28 апрѣля 1634 года. Какое страшно тяжелое впечатлѣніе произвела эта возмутительная казнь на народъ, слишкомъ далекій отъ боярскихъ интригъ, достаточно свидѣтельствуетъ приводимое Соловьевымъ (11, 1211) показаніе современника-москвича, что когда «на Москвѣ Шеина и Измайлова казнили, и за это учинилась въ людяхъ рознь великая, да на Москвѣ же были пожары большіе, выгорѣла Москва мало не вся»... Этими пожарами, когда выгорѣла масса боярскихъ дворовъ, народъ отомстилъ боярамъ за неповинную кровь Шеина...

Н. Оглоблинъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ВИНОВНИКИ ПОЛЬСКАГО ВОЗСТАНІЯ 1863 ГОДА.

(По польскимъ источникамъ).

«Исторія Польши, съ самаго начала ея, можетъ быть опредѣлена словами: постепенный упадокъ. Цивилизація ея въ средніе вѣка была не что иное, какъ восточная роскошь; литература ея — только контрфакція латинизма, а республика — лексиконъ, заимствованный изъ древняго быта, или оперная декорація; ея набожность—крайнее ханжество. У нея не было ничего истиннаго; ничего не было опредѣленнаго у этихъ чувственныхъ людей, преданныхъ изступленію всѣхъ страстей. Кого поляки должны обвинять въ своихъ несчастіяхъ? — Самихъ себя, и только самихъ себя»... Прудонъ.

ОСЛѢ раздѣла 1772 года, политическая дѣятельность и жизнь всѣхъ выдающихся лучшихъ людей Польши была направлена къ возстановленію утраченной государственной самостоятельности. Въ послѣдніе годы владычества императора Наполеона I, надежды эти сильно оживились, но не осуществились. Возстаніе 1831 года было новою попыткою въ томъ же родѣ: получить самостоятельное государственное устройство—«крулевство». Возстаніе 1863 года было послѣднимъ порывомъ поляковъ — добиться осуществленія своей завѣтной мечты. Главная ошибка польскихъ патріотовъ заключалась, въ данномъ случаѣ, лишь въ томъ, что они не желали уразумѣть великаго историческаго закона, въ силу коего, по

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

образному выраженію нашего великаго поэта, всѣ «славянскіе ручьи» должны были «слиться въ русскомъ морѣ»... Пылкая, несчастная нація не желала этого понять и, легко доступная иллюзіямъ и обману, позволила вовлечь себя, еще разъ, въ политику приключеній, и поплатилась за это легковѣріе цѣлыми потоками своей горячей крови и страшнымъ разореніемъ своей прекрасной страны.

Но кто же главные виновники этихъ не битвъ, а боенъ 1863 года? Почему до сихъ поръ несчастный польскій народъ несъ на себѣ одномъ, en masse, всю тяжкую отвѣтственность за свою мнимую вину? Почему виновники сумѣли такъ долго выгораживать себя и передъ судомъ исторіи, и предъ лицомъ той многострадальной націи, которая, «въ испугѣ не понявъ несчастья своего», отвернулась отъ своихъ русскихъ единоплеменныхъ друзей и стародавнихъ сосѣдей и бросилась въ продажныя объятія и предательскія ласки политическихъ интригановъ?...

Все это произошло потому, что истинные виновники смуты 1863 года сумѣли тщательно замести свой слѣдъ и ушли за кулисы, предоставивъ погубленныя ими массы людей самимъ себѣ и ихъ злой судьбѣ; произошло потому, что еще не наступилъ судъ исторіи, а увлекающаяся нація долго и старательно скрывала подробныя дѣянія своихъ иноземныхъ смутьяновъ, не желая, при томъ, по чувству ложнаго стыда, признаться въ главной и едва ли не единственной своей винѣ—легковѣріи.

Но вотъ, со времени этого кроваваго безумія прошло 35 лѣтъ, и исторія начинаетъ мало-по-малу вступать въ свои права и приподнимать завѣсу съ минувшихъ событій... Находятся мужественные и образованные люди, которые рѣшаются, наконецъ, не только открыто признаться въ этомъ массовомъ безуміи, которому они отдались въ 1863 году, но и разсказать подробно, шагъ за шагомъ, всю кровавую эпопею этого «замѣшанья», и даже назвать главныхъ виновниковъ, на которыхъ и должна лечь вся неповинно и безполезно пролитая кровь лучшихъ силъ Польши того времени — ея юношества.

Таковъ именно трудъ г. Станислава Козьмяна «Rzecz o roku 1863», заслуживающій внимательнаго изученія и являющій собою цѣнный вкладъ въ историческую литературу. Передъ нами—первая безпристрастная исторія возстанія 1863 года, написанная полякомъ. Этотъ капитальный и талантливо исполненный трудъ вышелъ недавно въ Краковѣ, въ трехъ томахъ,— и его авторъ не только самолично участвовалъ въ дѣлѣ возстанія, но, по своему исключительному и привилегированному положенію (какъ сынъ интимнаго друга графа Валевскаго и какъ сотрудникъ газетъ «Часъ» и «Парижское Бюро»), былъ въ довольно близкихъ и постоянныхъ сношеніяхъ со всѣми главарями и руководителями возстанія, находившимися въ Варшавѣ, Галиціи и Парижѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Мы внимательно ознакомились со всѣми тремя томами сочиненія г. Козьмяна и находимъ интереснымъ остановиться на тѣхъ именно событіяхъ, которыя собственно предшествовали возстанію 1863 года, подготовили и создали его. Мы, при этомъ, не будемъ вовсе говорить о самомъ возстаніи, такъ какъ эти событія, въ качествѣ фактовъ, происшедшихъ у всѣхъ на глазахъ, описаны давно уже, очень подробно и много разъ,— и повторять ихъ здѣсь, въ нашей короткой статьѣ, было бы совершенно излишне.

I.

Благопріятныя условія для возстанія.— Провозглашеніе принципа народностей.— Сочувствіе къ полякамъ со стороны императора Наполеона III, императрицы Евгеніи и принца Плонъ-Плона.— Двуличіе Австріи и сочувствіе Англіи.— Два князя Горчаковыхъ и генералъ Назимовъ.— Ожиданіе революціи въ Россіи.— Надежды на «уступки» императора Александра II.— Подготовительныя работы къ возстанію. — Сельско-хозяйственное общество и графъ Андрей Замойскій. — Маркизъ Александръ Велепольскій.— Оппозиція «красныхъ» и покушенія на жизнь Велепольскаго, Лидерса и великаго князя Константина Николаевича.— Ненадежность Литвы.— Отель Ламберъ въ Парижѣ.— Комитетъ въ Краковѣ и общество «Лава» въ Львовѣ.— Циркуляръ «Лавы» и революціонная присяга.

Все, повидимому, благопріятствовало давно уже подготовляемому политическому взрыву въ Польшѣ и Литвѣ. Незадолго передъ тѣмъ, императоромъ Франціи Наполеономъ III былъ провозглашенъ принципъ народностей, въ силу коего и свершилось объединеніе Италіи и даже маленькой Румыніи [1]). На престолѣ Франціи сидѣлъ человѣкъ съ большимъ умомъ и недюжинными способностями, который, задолго еще до своего воцаренія, заигрывалъ съ Польшей, называя ее «сестрой Франціи» и утверждая, что она, подобно Италіи, имѣетъ право требовать единенія, во имя измышленнаго имъ принципа національностей. Потомъ, во время Крымской войны, тотъ же Наполеонъ прямо хотѣлъ, чтобы въ Польшѣ началась революція (чтобы Россія скорѣе склонилась къ миру), а затѣмъ не только допустилъ сформированіе князьями Чарторыйскими, въ Турціи, особаго польскаго легіона, но еще и принялъ на себя обмундированіе этого войска. Впослѣдствіи, во время наступившаго послѣ войны парижскаго конгресса, со стороны представителей Франціи не разъ были дѣлаемы попытки поднять польскій вопросъ, и лишь энергичный отпоръ русскаго уполномоченнаго князя Орлова воспрепятствовалъ дальнѣйшимъ сужденіямъ объ участи Польши.

[1]) Во имя этого самаго принципа, Польшѣ слѣдовало бы слиться воедино съ Россіей и всѣми остальными славянскими племенами; но она желала поступить какъ разъ наоборотъ, то-есть, отдѣлиться отъ Россіи и образовать изъ себя особое государство. Въ этомъ и заключается вся роковая ошибка этого рокового вопроса. И. З.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Тѣмъ не менѣе, въ слѣдующемъ же 1857 году, во время свиданія съ императоромъ Александромъ II въ Штутгартѣ, Наполеонъ дозволилъ себѣ еще разъ завести рѣчь о Польшѣ... Едва ли, конечно, надо говорить о томъ, что всѣ эти авансы французскаго императора быстро доходили до поляковъ и, вдобавокъ, въ искаженномъ и преувеличенномъ видѣ.

Постъ министра иностранныхъ дѣлъ въ той же Франціи занималъ графъ Валевскій, побочный сынъ Наполеона I, личность въ высшей степени даровитая, блестяще образованная и съ выдающимися государственными способностями. Онъ, будучи сыномъ польки, не только не скрывалъ своихъ симпатій и тяготѣній къ Польшѣ, но, какъ увидимъ ниже, громко и открыто сочувствовалъ возстанію и былъ, въ сущности, однимъ изъ главныхъ виновниковъ того обстоятельства, что искра раздута была въ пожаръ.

Немалую долю вліянія на иностранную политику Франціи имѣлъ въ то время и двоюродный братъ императора принцъ Наполеонъ (Плонъ-Плонъ), личность, какъ извѣстно, мелкая и недостойная; но онъ явно сочувствовалъ Польшѣ и подготовлявшемуся въ ней возстанію и въ этомъ именно смыслѣ и велъ свою политику интриги противъ Россіи. Полякамъ сочувствовала также и императрица Евгенія и не скрывала этого: польскій вопросъ былъ для нея вопросомъ католицизма [1]).

Правительство сосѣдней Австріи было тоже очень расположено къ полякамъ и питало даже несбыточныя иллюзіи, что польскій престолъ, по его возстановленіи, долженъ будетъ перейти къ австрійскому дому. Въ силу такой двоедушной политики, столь свойственной Австріи, она потомъ смотрѣла сквозь пальцы на переходы на русскую территорію изъ Галиціи цѣлыхъ вооруженныхъ бандъ, сформированныхъ въ ея предѣлахъ.

Въ Англіи, какъ мы видимъ изъ книги Козьмяна, въ верхней палатѣ, лордъ Элленборугъ произнесъ рѣчь, въ которой прямо выразилъ слѣдующее мнѣніе о польскомъ вопросѣ: онъ находилъ, что было бы странно, если бы англійское правительство, разъ уже признавшее принципъ національности (въ дѣлѣ объединенія Италіи), не признало бы этотъ же принципъ и въ дѣлѣ поляковъ. Въ нижней же палатѣ, министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Россель прямо

---

[1]) Императрица имѣла неосторожность выражать свои симпатіи къ возстанію публично. Такъ, однажды, на балу въ Тюильри, во время кадрили, когда австрійскій посланникъ, князь Меттернихъ, подавалъ ей руку, то императрица спросила его: «Развѣ вы нисколько не сочувствуете этимъ бѣднымъ полякамъ?» (она хотѣла сказать: «подадите ли вы точно также руку помощи полякамъ?»). На это Меттернихъ отвѣтилъ: «Не такъ уже мы безчувственны по отношенію къ нимъ, какъ думаете, ваше величество»... Это были пробные шары относительно Австріи, которую Франція желала втянуть въ свою политику открытаго вмѣшательства въ польскія дѣла.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

осуждалъ несправедливое, по его мнѣнію, поведеніе Россіи относительно поляковъ.

Во главѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ стоялъ заслуженный канцлеръ князь Горчаковъ, который, въ данномъ случаѣ, ставилъ выше національныхъ интересовъ заботу о томъ что скажетъ о насъ Европа... который разрѣшеніе польскаго вопроса видѣлъ въ политикѣ примиренія и натворилъ въ этомъ роковомъ «спорѣ» такъ много неизвиняемыхъ политическихъ ошибокъ, которыя едва ли даже были искуплены послѣдовавшею затѣмъ дипломатическою побѣдою извѣстной отвѣтной ноты князя на дерзкій со стороны Англіи и Франціи вопросъ по поводу происходившей у насъ польской смуты.

Намѣстникомъ въ царствѣ Польскомъ былъ другой князь Горчаковъ (М. Д.), замѣнившій суровый режимъ князя Паскевича благосклонною политикою колебаній и послабленій. Князь Горчаковъ былъ, за его смертію, замѣненъ бывшимъ военнымъ министромъ, престарѣлымъ генераломъ Сухозанетомъ, котораго вскорѣ смѣнилъ полуфранцузъ графъ Ламбертъ, незнакомый ни съ Россіей, въ которой онъ служилъ, ни съ Польшей, которою призванъ былъ управлять. Затѣмъ, его опять смѣнилъ Сухозанетъ, далѣе—великій князь Константинъ Николаевичъ,—и всѣ эти перемѣны и смѣщенія произошли втеченіе какихъ нибудь 4—5 лѣтъ... Въ то же время, генералъ-губернаторомъ Литвы (въ Вильнѣ) былъ генералъ Назимовъ, не избѣжавшій всесильнаго польскаго вліянія.

Въ самой Россіи, по предположеніямъ поляковъ (Козьмянъ, т. I, гл. VIII), должна была неминуемо вспыхнуть революція и начаться внутреннія междоусобія, вслѣдствіе несовершенства реформы 19-го февраля 1861 года, освободившей крестьянъ: ожидалось, что крестьяне, недовольные, будто бы, этою реформою, повѣрятъ раскидываемымъ по Волгѣ (польскими эмиссарами) золотымъ грамотамъ и начнутъ бунтъ и рѣзню помѣщиковъ.

Главное же, что поддерживало поляковъ въ ихъ политическихъ иллюзіяхъ и вожделѣніяхъ, это была кроткая и гуманная личность государя Александра II, миролюбивѣйшаго изъ царей, занимавшаго въ то время всероссійскій престолъ. На «уступкахъ» съ его стороны и сооружалось величественное зданіе будущей Польши—«отъ моря до моря», отъ Одера до Карпатъ и Днѣпра...

Вотъ, какіе розовые горизонты представлялись пламенному воображенію поляковъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ!.. Нечего, конечно, и говорить о томъ, что большинство этихъ надеждъ были тщетны,—начиная, напр., съ вѣры въ сердечность расположенія Австріи и кончая ожидаемыми междоусобицами внутри самой Россіи и «уступками» со стороны императора Александра II.

Подготовительныя работы, въ цѣляхъ возбужденія возстанія, шли почти одновременно—въ различныхъ мѣстахъ: въ Варшавѣ, въ Парижѣ, въ Львовѣ, въ Краковѣ, въ Литвѣ...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ Варшавѣ существовало такъ называемое сельско-хозяйственное общество, съ графомъ Андреемъ Замойскимъ во главѣ и съ многочисленными членами, въ числѣ коихъ были крупные и вліятельные землевладѣльцы края, какъ, напримѣръ, графъ Ѳома Потоцкій, Александръ Островскій, Адольфъ Курцъ, Людвигъ Гурскій, графъ Александровичъ, Венглинскій, Желинскій и мн. др. Президентъ общества графъ Андрей Замойскій былъ непримиримымъ врагомъ Россіи, отрицавшимъ всякое соглашеніе съ нею на почвѣ уступокъ, мирныхъ переговоровъ и компромиссовъ.

Совершенно иного взгляда на дѣло былъ маркизъ Велепольскій, человѣкъ чрезвычайно богатый, со всестороннимъ образованіемъ и твердою, непреклонною волею. Онъ вскорѣ былъ поставленъ императоромъ Александромъ Николаевичемъ во главѣ гражданскаго управленія царства Польскаго, добившись въ Петербургѣ согласія почти на всѣ проектированныя имъ реформы. Маркизъ, какъ и государственный канцлеръ кн. Горчаковъ, вѣрилъ, что политика примиренія погаситъ начинающійся пожаръ, и явился въ Варшаву (изъ Петербурга) въ званіи всевластнаго министра, свободнаго отъ подчиненія русскимъ властямъ и съ самыми широкими полномочіями и прерогативами: такъ, напримѣръ, съ учрежденіемъ въ Варшавѣ особаго «государственнаго совѣта», коему подчинялись всѣ власти и чиновники въ царствѣ Польскомъ, за исключеніемъ военныхъ властей, которыя и были совсѣмъ отдѣлены отъ гражданскаго управленія въ краѣ.

Но поляки крайней, красной партіи, добивавшіеся непремѣнно возстанія, встрѣтили мирнаго диктатора Польши, маркиза Велепольскаго, крайне враждебно и, предводительствуемые тайнымъ комитетомъ, «ржóндомъ народóвымъ», и агентами проживавшаго въ Парижѣ генерала Мѣрославскаго, отвѣтили на примирительную политику маркиза цѣлымъ рядомъ покушеній на жизнь высокопоставленныхъ лицъ, начиная съ того же Велепольскаго и кончая командующимъ войсками генераломъ Лидерсомъ и, наконецъ, самимъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, только что прибывшимъ въ Варшаву въ санѣ намѣстника царства. Тайный заговоръ покрылъ сѣтью всю Польшу, возникнувъ вначалѣ между молодежью—воспитанниками медицинской академіи, которые образовали вскорѣ особые конспиративные кружки, распространившіеся въ различныхъ мѣстностяхъ царства Польскаго и въ западныхъ губерніяхъ.

Въ Вильнѣ и Ковнѣ нѣсколько магнатовъ, какъ, напримѣръ, графы Плятеры, Тышкевичи и др., открыто высказывали свое сочувствіе подготовлявшемуся возстанію и, исподоволь, устраивали для него, при помощи своего вліянія и матеріальныхъ средствъ, будущую почву.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что всѣ добрыя мѣропріятія рус-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скаго правительства были парализованы въ самомъ началѣ самими же поляками, то-есть тѣмъ пассивнымъ отпоромъ, а также явнымъ и тайнымъ многоначаліемъ, которые существовали въ самой Варшавѣ.

Въ то же время въ Парижѣ существовалъ такъ называемый отель Ламберъ, во главѣ котораго стоялъ вначалѣ знаменитый князь Адамъ Чарторыйскій, а затѣмъ, когда онъ въ 1861 году умеръ, его замѣнилъ столь же «непримиримый» сынъ Владиславъ Чарторыйскій, при которомъ группировались и многіе другіе выдающіеся польскіе магнаты, какъ, напримѣръ, графъ Владиславъ Замойскій (родной братъ варшавскаго князя Андрея), Эдуардъ Козьмянъ, Юліанъ Клячко и др. При отелѣ Ламберъ была основана даже особая газета «Парижское Бюро», въ которой, какъ мы упоминали, участвовалъ авторъ инкриминируемаго нами сочиненія, г. Станиславъ Козьмянъ. Главари отеля Ламберъ склонялись болѣе въ сторону дѣйствія и шли, иногда, по камертону тюильрійскаго кабинета.

Въ Краковѣ и Львовѣ образовались тоже отдѣльные комитеты для подготовленія возстанія. Такъ, въ первомъ изъ этихъ городовъ сформировалась «Краковская Община», главная задача которой, по требованію отеля Ламберъ, состояла въ томъ, что она посылала чрезъ тотъ же отель французскому правительству и заграничнымъ газетамъ, главнымъ образомъ, парижскимъ, телеграммы и письма съ извѣстіями о возстаніи и вообще о событіяхъ, происходящихъ въ Польшѣ. Свѣдѣнія эти, къ сожалѣнію, не всегда были правдивы, а когда шла рѣчь объ успѣхахъ польскаго оружія, то свѣдѣнія эти были совсѣмъ мнимыя; но—«это было необходимо для того, чтобы подогрѣвать общественное мнѣніе»,—поясняетъ г. Козьмянъ...

Нѣсколько иной характеръ имѣло тайное общество «Лава», образовавшееся во Львовѣ. Оттуда, изъ среды этого общества, раздавались иногда и трезвые голоса, предостерегавшіе своихъ соотечественниковъ отъ излишнихъ порывовъ. Въ этомъ отношеніи весьма характеренъ, вообще, циркуляръ «Лавы» отъ 21 ноября 1862 года, который мы и приведемъ здѣсь, такъ какъ интересъ его заключается еще и въ томъ, что онъ даетъ нѣкоторое представленіе объ организаціи и цѣляхъ «Лавы». Вотъ этотъ циркуляръ:

«Львовская Лава къ своимъ подчиненнымъ.

«Центральный народный комитетъ, находящійся въ Варшавѣ, отдалъ приказаніе, дабы было приступлено какъ можно поспѣшнѣе, къ устройству народной организаціи въ Галиціи. Вслѣдствіе этого, львовская «Лава», въ качествѣ автономной власти (въ Галиціи) объявляетъ всѣмъ принявшимъ присягу, что она постановляетъ слѣдующее:

1) «До «Лавы» дошло извѣстіе, что нѣсколько молодыхъ людей, не принадлежащихъ вовсе къ организаціи, желаютъ подать ей руку отъ имени воспитанниковъ низшихъ учебныхъ заведеній, обѣщаю-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щихъ будущею весною присоединиться къ отрядамъ генерала Мѣрославскаго. Не говоря уже о легкомыслiи подобнаго поступка, безъ нужды отрывающаго отъ занятій молодежь низшихъ учебныхъ заведеній, мы не можемъ допустить такихъ дѣйствій на собственный рискъ, учреждая новый порядокъ организаціи на ряду съ существующей, состоящей въ вѣдѣніи центральнаго народнаго комитета.

2) «Обращаемъ вниманіе своихъ подчиненныхъ на то, что появляются новые организаторы, которые увѣряютъ всѣхъ, будто они дѣйствуютъ по распоряженію центральнаго народнаго комитета; но они напрасно ссылаются на этотъ комитетъ. Въ дѣйствительности же ихъ агитація ведется подъ руководствомъ генерала Мѣрославскаго, съ которымъ, какъ извѣстно, названный комитетъ не имѣетъ ничего общаго. А потому объявляется для тѣхъ, кто желалъ бы присоединиться къ нимъ: у нихъ есть свой статутъ революціоннаго союза, состоящій изъ 11-ти пунктовъ и короткой присяги; на печати же у нихъ—молотъ и надпись «свобода».

3) «До свѣдѣнія «Лавы» дошло также, что лица, не принадлежащія къ организаціи нашей, отправлялись уже въ нѣкоторыя мѣстности собирать подати. Поэтому мы увѣдомляемъ своихъ подчиненныхъ, что никто не имѣетъ права брать подати отъ частныхъ лицъ безъ особаго разрѣшенія «Лавы», даннаго на имя сборщика, и безъ особой шнуровой книги и квитанцій, которыя сотскіе должны выдавать десятскимъ, а десятскіе—членамъ, вносящимъ въ кассу подати.

4) «Всѣмъ, состоящимъ подъ присягой, повелѣваемъ: не принимать никого въ свою среду, не сообщивъ объ этомъ, предварительно, начальству.

5) «Въ виду усиленнаго надзора со стороны правительства, мы положительно воспрещаемъ принимать въ нашу среду постороннихъ лицъ, и просимъ соблюдать, вообще, крайнюю осторожность, въ то же время стараться распространить военную и податную организаціи среди вполнѣ надежныхъ и развитыхъ людей. Кромѣ того, наши подчиненные обязаны слѣдить за тѣмъ, чтобы молодежь низшихъ учебныхъ заведеній не отрывалась отъ занятій, сбитая съ толку посторонней агитаціей, такъ какъ это скорѣе всего можетъ обратить на себя вниманіе правительства и компрометировать наши организаціонныя работы предъ посторонними, непосвященными людьми. Вообще, всѣ подчиненные должны наблюдать за поведеніемъ молодежи низшихъ учебныхъ заведеній, которая должна узнать обо всемъ лишь за нѣсколько дней до возстанія.

«Ни подъ какимъ видомъ не разрѣшается показывать это распоряженіе постороннимъ лицамъ».

(Печать—польскій одноглавый орелъ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Здѣсь, кстати, приведемъ форму присяги общества «Лава»:

«Клянусь съ оружіемъ въ рукахъ возстать противъ нашихъ враговъ. Не буду просить ни у кого помощи,—и одного лишь Бога желаю имѣть въ качествѣ союзника. Обѣщаю покаяніе въ грѣхахъ и исправленіе образа жизни; буду уповать на Господа. Отрекаюсь отъ гордости, лжи и мести (?), дабы оказаться достойнымъ помощи Господа и его Пресвятой Богородицы, царицы моей, какъ теперь, такъ и послѣ смерти моей за родину. Отнынѣ я принадлежу къ народной организаціи,—и всѣ свои силы, всю жизнь и имущество жертвую въ пользу освобожденія родины. Клянусь добросовѣстно исполнять свои обязанности, съ готовностью и при первомъ вызовѣ являться на указанное мѣсто и сражаться съ врагами отечества. Клянусь хранить тайну какъ на свободѣ, такъ и въ темницѣ, несмотря ни на какія мученія (?). Могущество мое въ молчаніи и надеждѣ. Если нарушу сію клятву и сдѣлаюсь предателемъ отечества, да не минуетъ меня заслуженное наказаніе какъ со стороны Бога, такъ и со стороны людей. Да помогутъ мнѣ Богъ, Пресвятая Богородица и всѣ святые!»

Для иновѣрцевъ (предполагались поляки моисеева закона, т. е. евреи, а также и ополячившіеся татары, проживающіе въ нѣкоторыхъ губерніяхъ Сѣверо-Западнаго края) въ этой присягѣ дѣлались соотвѣтственныя измѣненія.

II.

Голоса́ благоразумія.—«Актъ» львовскаго комитета.—Лозунгъ руководителей возстанія.—Двуличіе Австріи.—Попытки русскаго правительства къ примиренію.—Сигналъ къ дѣйствію со стороны отеля Ламберъ.—Миссія Л. Водзицкаго.—Бесѣды В. Чарторыйскаго съ Наполеономъ.—Зажигательная рѣчь принца Плонъ-Плона въ сенатѣ.—Мнимыя польскія побѣды надъ русскими войсками.—Горькія воспоминанія г. Козьмяна.

Не одна львовская «Лава» отличалась нѣкоторымъ благоразуміемъ и жалостью, по крайней мѣрѣ, относительно тѣхъ молодыхъ людей «изъ низшихъ учебныхъ заведеній», которые стремились принять активное участіе въ возстаніи. Раздавалось много и другихъ голосовъ предосторожности, которые всячески пытались пріостановить и даже не допускать самое начало кровавыхъ столкновеній польскихъ повстанцевъ съ русскими войсками. Такъ, напримѣръ, изъ книги Козьмяна мы узнаемъ, что даже изъ отеля Ламберъ чрезвычайный «гонецъ», нѣкто Г. Ф., извѣщалъ главарей Галиціи, что «возстаніе представляетъ собою безумный, плачевный поступокъ», потому что оно не можетъ разсчитывать, навѣрняка, на помощь со стороны Наполеона III. «Богъ слишкомъ высоко, а Франція очень далеко»,—этими словами прекрасно характеризуется положеніе дѣлъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

такъ какъ общее мнѣніе (во Франціи) не одобрило бы войны за освобожденіе Польши». А графъ Левъ Ржевусскій прямо, однажды, высказалъ г. Козьмяну: «L'empereur n'aime pas la cuisine qu'il n'a pas faite»,—намекая этимъ на всѣмъ извѣстную любовь Наполеона къ устроенію самолично заговоровъ.

Или, напримѣръ, вотъ какой сравнительно умѣренный «актъ» былъ составленъ и опубликованъ партіею бѣлыхъ въ Львовѣ, которая, по примѣру краковскаго «Комитета о раненыхъ», настаивала на выжидательномъ положеніи:

«Добросовѣстно разсмотрѣвъ полученныя нами свѣдѣнія о волненіяхъ въ Конгрессовкѣ, мы, къ несчастію, должны считать этотъ шагъ преждевременнымъ, такъ какъ онъ сдѣланъ безъ надлежащей осмотрительности и даже безъ подготовки съѣстныхъ припасовъ и денежныхъ средствъ, не вовремя и при совершенно неподходящихъ какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ условіяхъ. Оправдывать (?) его можетъ только то ужасное положеніе, въ которомъ находится теперь Польша. Упомянутое волненіе (т. е. возстаніе) не можетъ быть названо народнымъ возстаніемъ, а только защитой отъ жестокихъ наборовъ. Если бы, съ первой же минуты, мы (львовскіе поляки) приняли въ немъ дѣятельное участіе, неосмотрительно увлекая и нашу молодежь, плохо или даже совсѣмъ не вооруженную, туда (т. е. въ Польшу), гдѣ недостатокъ оружія превосходитъ недостатокъ людей, гдѣ нѣтъ никакой организаціи, то этимъ мы не принесли бы отечеству никакой пользы; лишеніе же нашей стороны этой молодежи, безъ всякой для польскаго вопроса выгоды, или съ весьма сомнительной, было бы если не преступленіемъ, то во всякомъ случаѣ легкомысліемъ по отношенію къ дѣлу, которому мы хотимъ помогать. И вотъ, мы, проникнутые горячей любовью къ отечеству и полагая, что священный долгъ нашъ состоитъ въ томъ, чтобы высказать это наше глубокое убѣжденіе, обращаемся ко всѣмъ своимъ соотечественникамъ, проживающимъ въ этой части Польши (т. е. въ Галиціи), и предлагаемъ имъ: какъ бы ни было горячо ихъ желаніе помочь отечеству, пусть все-таки примкнутъ къ намъ и примутъ, въ качествѣ пароля, слово—«ждать».

«Ждать слѣдуетъ потому, что неблагопріятныя въ настоящую минуту внѣшнія обстоятельства могутъ въ самомъ скоромъ времени сдѣлаться весьма благопріятными, и тогда намъ понадобятся значительныя свѣжія силы. Всѣ благоразумные полководцы, обыкновенно, посылаютъ прежде всего передовые отряды, а затѣмъ уже выступаютъ сами съ главнымъ корпусомъ, оставляя все еще часть войска въ запасѣ; и уже неоднократно бывали примѣры, что запасный отрядъ выигрывалъ битву. Этимъ запаснымъ отрядомъ должны быть мы (т. е. поляки австрійскихъ провинцій). Но да не будетъ наше выжиданіе мертвымъ и бездѣятельнымъ, тѣмъ выжиданіемъ, которое поощряетъ праздность, лѣнь и низкій эгоизмъ!—мы должны

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

поддерживать воодушевленіе, собирая при этомъ средства и военныя силы. Итакъ, мы повторяемъ, что настоящее волненіе въ Конгрессовкѣ не представляетъ собой всеобщаго возстанія. Подобно тому, какъ въ 1846 и 1848 годахъ, во время возстанія въ княжествѣ Познанскомъ, жителямъ другихъ частей Польши не только никто не ставилъ въ упрекъ, что они не торопились жертвовать своею жизнью и имуществомъ,—напротивъ, всѣ признавали, что благоразуміе и истинный патріотизмъ повелѣваетъ не обрекать всѣхъ польскихъ силъ на вѣрную гибель въ этомъ мятежѣ, который никоимъ образомъ не можетъ послужить къ освобожденію отечества, такъ и теперь мы совѣтуемъ, прежде чѣмъ примкнуть къ возстанію, хорошенько подумать, можетъ ли это принести пользу нашему общему дѣлу, или нѣтъ? По нашему мнѣнію, Галиція только тогда можетъ и должна примкнуть со всѣми силами къ мятежу въ Конгрессовкѣ, когда послѣдній, не имѣющій въ настоящее время большого значенія, сдѣлается всеобщимъ, то-есть, когда въ немъ примутъ участіе всѣ классы населенія, въ особенности, если къ нему, хотя отчасти, присоединятся крестьяне, или же, если хотя сколько нибудь измѣнятся внѣшнія обстоятельства: главнымъ образомъ, если въ Россіи произойдутъ болѣе значительныя волненія среди крестьянъ и въ войскѣ, или же, если весной (1863 г.) вспыхнетъ война на Востокѣ, потому что то и другое должно будетъ отвлечь значительную часть русской военной силы; выступивъ же противъ всей ея массы, мы не можемъ питать ни малѣйшей надежды на успѣхъ. Но мы должны признать, что всѣ эти необходимыя условія возстанія могутъ наступить скоро, а потому мы не осуждаемъ его, а только напоминаемъ, что долгъ каждаго патріота—ждать и въ то же время немедленно приступать къ приготовленіямъ, которыя, въ случаѣ надобности немедленно примкнуть къ мятежу въ Конгрессовкѣ, дадутъ намъ возможность оказать могущественную и дѣятельную помощь».

Этотъ въ высшей степени интересный «актъ», изданный въ Львовѣ 4-го февраля 1863 года, довольно рельефно обрисовываетъ не только то выжидательное положеніе, которое приняли львовскій и краковскій комитеты относительно начавшагося уже въ русской Польшѣ открытаго мятежа, но и тѣ несбыточные мечты и расчеты, которые, повидимому, питали всѣ вожаки и главари возстанія по части ожидаемыхъ бѣдствій и смутъ внутри самой Россіи...

Всѣ болѣе благоразумные и опытные люди въ Польшѣ и Литвѣ не одобряли террора, установленнаго тайнымъ правительствомъ въ Варшавѣ, а равно злоупотребленій и самовольныхъ экзекуцій, коимъ подвергали очень часто, по доносамъ и ошибкамъ, совсѣмъ неповинныхъ людей. Самъ авторъ книги, г. Козьмянъ, находилъ въ то

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

время, что было трудно, почти невозможно, съ расчетомъ на какой бы то ни было успѣхъ, защищать сторонниковъ идеи о возстановленіи Польши въ границахъ 1772 года; а между тѣмъ, этотъ «народный догматъ» былъ лозунгомъ, основаннымъ на совершившемся фактѣ только что объединенной Италіи, и этотъ лозунгъ былъ на знамени взбунтовавшейся Польши и у всѣхъ руководителей возстанія.

Интересно при этомъ сопоставить только что приведенный нами «актъ» львовскаго комитета съ официальными распоряженіями австрійскаго правительства, которыя, по удивительной случайности, совпали одновременно съ появленіемъ на свѣтъ божій этого акта. Такъ, того же 4-го февраля 1863 года, по угламъ краковскихъ улицъ были развѣшены объявленія «отъ полицейской дирекціи» слѣдующаго содержанія:

«Правительство принуждено предостеречь жителей Кракова, что всякія дѣйствія, ведущія къ измѣнѣ отечеству или къ нарушенію общественной безопасности, хотя бы таковыя были предприняты противъ другого государства, съ которымъ Австрія связана особыми договорами, имѣющими силу закона, составляютъ преступленіе и, на основаніи § 66 положенія о наказаніяхъ, будутъ преслѣдуемы заключеніемъ въ тюрьмѣ, отъ одного года до пяти лѣтъ. И такъ, мы совѣтуемъ жителямъ Кракова воздержаться отъ какого бы то ни было участія въ возстаніи, вспыхнувшемъ въ царствѣ Польскомъ. Полагаясь на здравый разсудокъ населенія, надѣемся, что никакіе подобнаго рода безпорядки не нарушатъ покоя и безопасности страны, и что правительство не будетъ вынуждено направлять противъ преступниковъ всю суровость закона».

Въ то же время, и во Львовѣ, всего лишь двумя днями раньше, то-есть, 2-го февраля, было распубликовано слѣдующее «объявленіе»:

«Уже втеченіе нѣсколькихъ дней въ здѣшней столицѣ вербуютъ людей съ цѣлью перейти границу и соединиться съ повстанцами. Уже значительное количество вооруженной молодежи оставило нашъ городъ. Поэтому дирекція полиціи вынуждена предостеречь, что не только наборъ людей съ указанною цѣлью, но и переходъ черезъ границу, хотя бы только предпринятый, повлекутъ за собою примѣненіе § 66 положенія о наказаніяхъ».

Это были официальныя, гласныя, такъ сказать, распоряженія австрійскихъ властей. Въ дѣйствительности же, это двуличное правительство допускало, какъ указываетъ г. Козьмянъ въ своемъ сочиненіи, явное потворство формированію возстанія и прямо-таки закрывало глаза на все, что происходило съ этою цѣлью на австрійской территоріи. Такъ, напримѣръ, наборъ отрядовъ посредствомъ списка происходилъ въ Краковѣ явно. «Военныя власти ни въ чемъ не препятствовали молодежи, принявшей присягу и спѣшившей въ царство Польское. Наказанія, положенныя за утрату ружей, были настолько незначительны, что какъ бы поощряли эти «утраты»... Газеты, даже подцензурныя, могли свободно писать о возстаніи и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

почти всѣ были благосклонны къ полякамъ. Вообще, снисходительность австрійскихъ властей, несмотря на вывѣшенныя ими объявленія, доходила до того, что если иногда и задерживали на границѣ немногочисленныя группы (до 40 человѣкъ), направлявшіяся въ царство Польское, то ихъ, по арестованіи, выпускали вскорѣ на волю и не мѣшали, затѣмъ, добраться до лагеря въ Ойцовѣ. Далѣе, офиціальная «Львовская газета» объявила, того же 4-го февраля 1863 года, что покупка оружія въ Львовѣ и Краковѣ допускается лишь съ соизволенія полиціи; между тѣмъ эта покупка продолжалась почти безпрепятственно и на глазахъ у всѣхъ. «Для виду, производились иногда обыски у лицъ, не особенно подозрительныхъ, напримѣръ, въ Краковѣ, у драматической актрисы Германъ; а въ то же время, тайное общество «Лава» (расходившееся съ партіею бѣлыхъ, или умѣренныхъ, существовавшею въ томъ же Львовѣ) могло безнаказанно посылать молодежь въ польскіе отряды. Случалось, конфисковали иногда кое-какой номеръ «Часа» и «Газеты народовой», но вообще позволяли послѣднимъ писать многое о событіяхъ въ Конгрессовкѣ и одобрительно отзываться о нихъ...

Эти интересныя свѣдѣнія о двоедушіи Австріи сообщаетъ г. Козьмянъ въ своей книгѣ, и мы, такимъ образомъ, находимъ въ рядахъ главныхъ виновниковъ возстанія 1863 года еще одного и совершенно неожиданно...

Русское правительство, съ своей стороны, дѣлало все, что только было возможно сдѣлать, не нарушая своего государственнаго достоинства, чтобы предотвратить кровавыя столкновенія войскъ съ собирающимися въ варшавскихъ костелахъ и на площадяхъ, а равно и въ лѣсахъ царства, нафанатизированными массами польской молодежи. Воспослѣдовалъ цѣлый рядъ милостей и амнистій, рядомъ съ особыми правами и привилегіями для гражданскаго управленія царства, которыхъ не имѣли коренныя великорусскія провинціи имперіи. Мы уже говорили выше о тѣхъ особыхъ полномочіяхъ, которыя были даны правителю гражданской части въ царствѣ маркизу Велепольскому. Затѣмъ, когда умершаго князя Горчакова смѣнили, быстро слѣдуя одинъ за другимъ, генералы Сухозанетъ и Ламбертъ, взамѣнъ ихъ былъ назначенъ, въ маѣ 1862 года, намѣстникомъ царства родной братъ государя великій князь Константинъ Николаевичъ. Еще ранѣе, была объявлена амнистія всѣмъ тѣмъ изъ повстанцевъ, кто сложитъ оружіе до 1-го мая. Манифестъ императора Александра II, объявлявшій эту амнистію, обѣщалъ, въ то же время, продолжать реформенную организацію въ царствѣ Польскомъ, начатую, какъ извѣстно, маркизомъ Велепольскимъ, при которой всѣ русскіе гражданскіе чиновники изгонялись со службы въ царствѣ Польскомъ поголовно и замѣнялись поляками, мѣстными уроженцами.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Но, по мѣрѣ уступокъ со стороны Россіи, требованія поляковъ становились смѣлѣе и обширнѣе, и они стали уже выражать желаніе о возстановленіи автономной Польши въ границахъ цвѣтущаго ягелоновскаго времени. Становилось очевидно, что злая судьба поляковъ подготовляла разрѣшеніе этого рокового вопроса оружіемъ и кровью... Къ этой развязкѣ наталкивали поляковъ со всѣхъ сторонъ.

Изъ отеля Ламберъ пришло распоряженіе, чтобы начинали и, по возможности, долѣе поддерживали войну. Полуправительственныя парижскія газеты и даже «Moniteur» старались придавать повстанцамъ энергію и стали помѣщать о событіяхъ въ Польшѣ очень подробныя извѣстія и разбирать дѣйствія поляковъ съ большою снисходительностью. Наконецъ, самъ Наполеонъ и его правительство, какъ оповѣстилъ комитеты отель Ламберъ, стали высказывать совершенно иное, чѣмъ до сихъ поръ, мнѣніе о возстаніи; они открыто выразили убѣжденіе, что оно послужитъ къ поднятію польскаго вопроса. Дипломатическія дѣйствія уже начаты. Французское правительство сдѣлало первые шаги въ Берлинѣ по случаю конвенціи. «Существованіе возстанія,—говорилось въ письмахъ отеля,—необходимо для благопріятнаго исхода начатаго дѣла и для успѣшности переговоровъ». Затѣмъ, стало извѣстно, что князь Владиславъ Чарторыйскій былъ лично у императора Наполеона и бесѣдовалъ съ нимъ. Въ словахъ послѣдняго видна была нерѣшительность, но онъ не былъ противъ возстанія и далъ понять, что дѣятельность его будетъ зависѣть отъ Англіи и Австріи, къ которымъ онъ, правитель Франціи, и обратился съ вопросомъ по этому дѣлу».

Для большаго убѣжденія поляковъ въ необходимости открытаго возстанія отель Ламберъ, по разсказу Козьмяна, требовалъ, чтобы къ нимъ въ Парижъ выслано было особое уполномоченное отъ комитетовъ лицо, которое бы могло убѣдиться de visu et auditu, каковы шансы на внѣшнюю помощь и поддержку. Такимъ уполномоченнымъ лицомъ былъ избранъ Людовикъ Водзицкій, и вотъ разсказъ Козьмяна объ этой миссіи.

«Водзицкій прибылъ въ Парижъ въ минуту, если можно это сказать, удачную, даже самую подходящую для нашего дѣла: именно, тогда происходили серьезные переговоры между державами. Наполеонъ и его правительство были воодушевлены лучшими надеждами и желаніемъ помочь полякамъ. Это желаніе уже поддерживалось въ то время содѣйствіемъ Англіи, а въ особенности Австріи. Водзицкій былъ въ отелѣ Ламберъ, а также у французскихъ министровъ, имѣвшихъ преимущественное вліяніе на внѣшнюю политику у графа Валевскаго и Друэнъ-де-Люиса и видѣлся съ довѣреннымъ лицомъ и секретаремъ императора Моккар'омъ. Всюду и отъ всѣхъ онъ услышалъ то же самое, а именно, что еще ни разу, со времени раздѣла Польши, послѣдняя не имѣла больше шансовъ на помощь со стороны Европы, чѣмъ теперь. Министры поддерживали и распространяли это мнѣніе

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и до нѣкоторой степени наталкивали на него тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, не долженъ былъ оставаться равнодушнымъ къ ихъ словамъ. Врядъ ли нужно прибавлять, что главнымъ содержаніемъ ихъ разговоровъ съ Водзицкимъ была необходимость поддерживать возстаніе. Графъ Валевскій особенно долго бесѣдовалъ съ Водзицкимъ, объяснилъ ему положеніе дѣлъ и указалъ на необыкновенно благопріятныя условія рѣшенія польскаго вопроса въ данное время: «Правительство,—говорилъ онъ,—вступило въ переговоры съ Англіей и Австріей для того, чтобы начать дѣйствія, первымъ изъ которыхъ будетъ предъявленіе Россіи требованія дать Польшѣ то устройство, которое было въ 1831 году, и при томъ расширить территорію... Въ случаѣ отказа, Польша будетъ объявлена независимой, и на престолъ ея взойдетъ эрцгерцогъ австрійскій. Для исполненія этого,—говорилъ Валевскій,—необходимо, чтобы возстаніе не прекращалось, необходимо, чтобы оно получило характеръ общенародный и было очищено отъ революціонной окраски: «Faites durer et faites élargir les limites de l'insurrection»,—прибавилъ онъ...

«Наконецъ, Водзицкій видѣлся съ человѣкомъ, пользовавшимся наибольшимъ довѣріемъ Наполеона, съ человѣкомъ, перо котораго чаще всего выражало мнѣнія самого императора,—съ его личнымъ секретаремъ Моккар'омъ. Онъ подтвердилъ во всей полнотѣ то, что Водзицкій только что услышалъ отъ государственнаго министра графа Валевскаго, но при этомъ Моккаръ еще въ болѣе яркихъ краскахъ представилъ ему необходимость продолженія возстанія и съ еще большей выразительностью сказалъ: «Etendez l'insurrection territorialement, car cela peut influer sur les limites dans les quelles la reconnaissance des droits nationaux sera exigée et comprise».

Такъ какъ князь В. Чарторыйскій въ первую свою аудіенцію у Наполеона не добился разрѣшенія главнаго вопроса относительно продолженія возстанія, то онъ, вскорѣ же, имѣлъ возможность говорить съ императоромъ еще разъ и, желая непремѣнно узнать его мнѣніе, прямо спросилъ: «Думаете ли, ваше величество, что продолженіе возстанія еще необходимо?» — Да,—отвѣтилъ императоръ,—и я даже уполномочиваю васъ сказать «да!»..

Принцъ же Наполеонъ (Плонъ-Плонъ) пошелъ еще далѣе. Во время разбирательства въ сенатѣ петицій, касающихся польскаго вопроса, начатаго 17-го марта (1863 г.), принцъ произнесъ длинную и красивую по своей формѣ рѣчь въ пользу Польши и заключилъ ее слѣдующими словами: «Печально было бы совѣтовать Польшѣ прекращеніе возстанія, такъ какъ обстоятельства теперь особенно благопріятны: императоръ въ расцвѣтѣ лѣтъ и генія своего, а имя Франціи пользуется въ настоящую минуту громаднымъ авторитетомъ. Пришло время дѣйствовать. Дѣйствуйте поэтому, какъ можно, скорѣе! Какимъ образомъ?—не знаю, не могу этого знать, но дѣй-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ствуйте. Возстаніе будетъ продолжаться, если его будутъ поощрять. Пусть императоръ дѣлаетъ, что хочетъ. Жребій брошенъ; всякій пусть повинуется голосу своей совѣсти. Что касается меня, то я увѣренъ, что дѣло, за которое принялся императоръ, окончится благополучно».

Вотъ какія авторитетныя уста бросали искры въ пороховой погребъ легковѣрной польской націи!.. И несчастная нація слѣпо повѣрила этимъ политическимъ авантюристамъ и начала «дѣйствовать»... Посыпались телеграммы и корреспонденціи въ парижскія и вѣнскія газеты о поголовномъ, будто бы, возстаніи народа въ русской Польшѣ и Литвѣ, о постоянныхъ сраженіяхъ и побѣдахъ, одержанныхъ надъ русскими войсками... «Побѣды» эти были иногда настолько невѣроятны, что имъ не вѣрили даже сами поляки, когда имъ приходилось читать о нихъ! Такъ, напр., однажды вышелъ такой забавный случай, разсказанный Козьмяномъ: когда онъ прибылъ изъ Кракова въ Парижъ и зашелъ въ отель Ламберъ, то въ это время какъ разъ была получена въ отелѣ телеграмма, извѣщающая о большой побѣдѣ, одержанной польскими войсками. Клячко прочиталъ эту телеграмму (изъ Кракова) вслухъ Козьмяну и спросилъ:—Возможно ли это?—«Да,—отвѣтилъ Козьмянъ,—коль скоро не я выслалъ эту телеграмму»...

«Безразсудныя предпріятія,—съ горечью говоритъ и вспоминаетъ г. Козьмянъ,—въ большей мѣрѣ, чѣмъ всякія другія, нуждаются во лжи. Умышленно преувеличенныя и оптимистическія извѣстія первоначально принесли пользу, но послѣдствія были вредны. Дурными средствами можно помочь разумнымъ предпріятіямъ, но безразсудныхъ предпріятій они не спасаютъ и только оставляютъ послѣ себя унижающее воспоминаніе о пользованіи ими».

III.

Послабленія русскихъ властей и заискиванія предъ поляками.—Взглядъ Бисмарка на это дѣло.—Приглашеніе на вечеръ къ великому князю Константину Николаевичу.—Варѳоломеевская ночь.—Роль въ возстаніи польскаго духовенства и женщинъ.—Рекрутскій наборъ въ царствѣ.—Открытый мятежъ и первые отряды въ лѣсахъ.—Сочувствіе простого народа русскимъ властямъ.—Взаимныя жестокости на войнѣ. — Объявленіе амнистіи и непринятіе ея.—Вмѣшательство западныхъ державъ.—Отпоръ князя Горчакова и результаты вмѣшательства.—Результаты возстанія.

Если бы русскія власти въ 1861 и 1862 гг. были хотя немножко суровѣе и, въ виду обостряющихся событій, перестали бы вести опасную игру въ великодушіе, то, по всей вѣроятности, не было бы вовсе возстанія, а если бы и проявились вспышки мятежа, то

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

онъ не охватилъ бы всей Польши и западныхъ губерній [1]); кровавыхъ жертвъ было бы принесено, вѣроятно, вдесятеро меньше, и край не былъ бы такъ опустошенъ и разоренъ, какъ это произошло потомъ. Не только сами поляки того времени, т. е. болѣе благоразумные изъ нихъ, сѣтовали на эту неумѣстную галантность и колебанія русскихъ властей, но даже и теперь, спустя 35 лѣтъ, г. Козьмянъ не разъ указываетъ въ своемъ правдивомъ сочиненіи на этотъ удивительный фактъ постоянныхъ расшаркиваній русскихъ властей предъ поляками, въ Варшавѣ, наканунѣ, такъ сказать, возстанія... Мы просто поражаемся, видя на каждомъ шагу неумѣстныя послабленія, робкія заигрыванія и даже искательства, недостойныя сильной власти, представительницы такого мощнаго государства, какъ Россія.

Эти наши авансы предъ поляками немало удивляли бывшаго въ то время въ Петербургѣ прусскаго посланника фонъ-Бисмарка, который рѣшился даже высказать свои по этому поводу недоумѣнія нашему государственному канцлеру, объяснивъ ему, что въ либеральныхъ реформахъ [2]), даруемыхъ Польшѣ, западныя государства склонны увидѣть уступки и страхъ предъ политическимъ натискомъ поляковъ... Но князь Горчаковъ, однако, не только отвергъ мудрый совѣтъ великаго дипломата нашего времени, но еще и далъ ему понять, что его совѣты—излишни, что Россіи уже наскучило быть въ глазахъ Европы какимъ-то варварскимъ государствомъ, вѣчно давящимъ Польшу...

Еще болѣе могло придать чванства и бодрости польской аристо-

---

[1]) Пишущему эти строки довелось быть, всего годъ спустя послѣ окончанія возстанія, мировымъ посредникомъ въ Могилевской губерніи, въ которой во время возстанія 1831 года были приняты бывшимъ въ то время губернаторомъ М. Н. Муравьевымъ слѣдующія мѣры. Какъ только начался бунтъ въ Варшавѣ, Муравьевъ вызвалъ въ Могилевъ всѣхъ уѣздныхъ предводителей дворянства и объявилъ имъ слѣдующее: что всѣ они вызваны сюда въ видѣ, такъ сказать, заложниковъ и останутся въ губернскомъ городѣ до конца возстанія, происходящаго въ Польшѣ. Если же произойдутъ въ ихъ уѣздахъ бунтъ или политическія убійства, то гг. маршалки отвѣтятъ не только своею свободою, но и жизнію... Муравьевъ хорошо зналъ, конечно, что всѣ польскія смуты—дѣло панскихъ рукъ, а не народа,—и достигъ цѣли: въ 1831 году Могилевская губернія была спокойна. И. З.

[2]) Реформы эти, въ главномъ, сводились къ слѣдующему: по проекту маркиза Велепольскаго, предполагалось возстановить конституцію, или, во всякомъ случаѣ, либеральное устройство, дарованное Польшѣ въ 1815 году, оставить неприкосновеннымъ варшавскій сенатъ, произвести должныя реформы въ сферѣ высшаго образованія, при обязательномъ открытіи вновь Варшавскаго университета; затѣмъ разрѣшить, въ либеральномъ же духѣ, крестьянскій вопросъ, даровать евреямъ всѣ гражданскія права, а прежде всего уволить всѣхъ русскихъ чиновниковъ въ край, замѣнивъ ихъ мѣстными уроженцами. Эта послѣдняя «реформа», приведенная въ исполненіе, дала потомъ, во время вспыхнувшей революціи, доминирующее положеніе нѣсколькимъ стамъ агентамъ этой революціи.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

кратіи, то-есть главарямъ возстанія, такое, напримѣръ, происшествіе, передаваемое въ книгѣ г. Козьмяна.

«Когда, однажды, пришло въ Варшаву извѣстіе о какомъ-то кровопролитномъ сраженіи русскаго войска съ поляками, члены варшавскаго сената получили приглашеніе на вечеръ къ великому князю Константину Николаевичу. Братья Левонскіе—генералъ и сенаторъ,—Грушецкій, Александръ Куржъ, Венглинскій и другіе собрались, чтобы посовѣтоваться, что имъ дѣлать... На этомъ собраніи присутствовали и не сенаторы. А. Куржемъ было громко высказано мнѣніе, что въ то время, когда проливается кровь, нельзя идти пить чай къ великому князю... Венглинскій тотчасъ же согласился съ Куржемъ. Но одинъ изъ сенаторовъ настаивалъ на томъ, чтобы принять приглашеніе великаго князя, чтобы отказомъ не оскорбить его, а главное, чтобы изъ-за такого пустяка не перемѣнять направленіе въ принятой ими политикѣ (?)... Кто-то даже предостерегъ, что могутъ быть дурныя послѣдствія, и что, принимая ихъ во вниманіе, приглашенные должны идти. Рѣшили, однако, не ходить. Тотъ сенаторъ, который былъ противоположнаго мнѣнія, исполнилъ по крайней мѣрѣ приличіе и написалъ графу Хребтовичу, управляющему дворомъ великаго князя, что по болѣзни матери не можетъ прійти...

«Уайтъ, замѣнявшій англійскаго консула, бывшій въ тотъ вечеръ во дворцѣ въ числѣ же приглашенныхъ, сказалъ потомъ одному изъ неявившихся сенаторовъ: «Что же вы сдѣлали?! Глаза великаго князя были все время обращены на дверь, и онъ съ безпокойствомъ смотрѣлъ, придете ли вы»...

«Всѣ эти господа не видѣлись больше съ великимъ княземъ»,—прибавляетъ г. Козьмянъ. Но зато они еще смѣлѣе стали подливать масло въ огонь...

Собственно возстаніе, или открытый мятежъ, началось рѣзнею ни въ чемъ не повинныхъ русскихъ солдатъ въ ночь съ 23 на 24 января 1863 года. Къ сожалѣнію, русскія военныя власти не были достаточно предувѣдомлены, такъ какъ всѣ служащіе, даже мелкіе полицейскіе чины и варшавскіе городовые, были поляки и считали, конечно, своимъ долгомъ служить «ойчизнѣ», а не русскому правительству.

Вслѣдъ за этою безжалостною, ночною рѣзней, возстаніе открыто заявило себя въ краѣ и охватило постепенно даже такія исконныя русскія области, какъ, напримѣръ, Бѣлоруссію (гдѣ даже былъ взятъ польскимъ отрядомъ и разграбленъ уѣздный городъ Горки) и Кіевскую губернію... Пожаръ захватывалъ очень большой раіонъ,—и совершенно неожиданно для русскихъ властей, такъ что, напримѣръ, въ Могилевской губерніи не оказалось вовсе войскъ... Въ лѣсахъ Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и даже Кіевской и Волынской губерніи появились многочисленные польскіе отряды, сформированные изъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шляхты, учащейся молодежи, дворовой челяди и разнаго городскаго люда. Отряды эти не были ни достаточно вооружены, ни обучены, такъ что обрекались на вѣрнѣйшую гибель. Польское духовенство стало въ костелахъ призывать всѣхъ къ оружію и фанатизировало женщинъ, а тѣ, въ свою очередь, посылали въ лѣса своихъ сыновей, мужей и братьевъ...

Стало извѣстно, что распространеніе пожара идетъ по сигналу изъ Тюильри: по крайней мѣрѣ, Козьмянъ въ одномъ мѣстѣ своего повѣствованія говоритъ: «Я долженъ замѣтить, что князь В. Чарторыйскій совершенно ясно помнитъ, какъ гр. Валевскій, въ присутствіи моего отца, употребилъ выраженіе, что «кровь возстанія обозначитъ будущія границы Польши»,—и Чарторыйскій при этихъ словахъ сдѣлалъ движеніе, выражающее удивленіе и нѣкоторое опасеніе». И вотъ, когда, напримѣръ, во Львовѣ сталъ формироваться отрядъ для похода въ Волынь и Подолію, и всѣ благоразумные и честные патріоты, какъ Францискъ Смолка, стали умолять не дѣлать этого, не губить польскихъ мужей и юношей, посылая ихъ на вѣрную смерть, то «Комитетъ» восточной Галиціи, во главѣ котораго стоялъ князь Адамъ Сапѣга, прямо объявилъ, что онъ выполняетъ лишь желаніе Парижскаго правленія «расширить область возстанія до дальнихъ странъ», такъ какъ границы будущей Польши будутъ означены кровію возстанія...

Такимъ образомъ, изъ нашего бѣглаго очерка читатели видятъ, кто были главные виновники польскаго возстанія въ 1863 году, кто его подготовилъ, сложилъ пригодный для него горючій матеріалъ и поджегъ... Западные историки возстанія утверждаютъ, что искрою, брошенною въ порохъ, было, будто бы, распоряженіе русскаго правительства произвести рекрутскій наборъ въ царствѣ Польскомъ. Но едва ли можно ставить въ вину правительству, что оно задумало привести въ исполненіе самое ординарное и законное свое распоряженіе произвесть наборъ, котораго давно уже, то-есть со времени крымской войны, не было. Правда, наборъ этотъ, или конскрипція, какъ называли его поляки, происходилъ не особенно удачно: предполагалось забрать въ рекруты самые безпокойные элементы въ Варшавѣ и въ краѣ, а между тѣмъ, когда начался наборъ, то изъ намѣченныхъ къ призыву 4.500 молодыхъ людей явилось въ присутствіе менѣе трети; все остальное и какъ разъ всѣ подозрѣваемые въ политической неблагонадежности успѣли скрыться и затѣмъ образовали изъ себя первые отряды въ лѣсахъ вблизи Варшавы, Люблина и Петрокова. Наборъ можно признать лишь удачнымъ предлогомъ, послужившимъ къ открытому бунту: такъ, наборъ былъ производимъ въ ночь съ 14 на 15 января 1863 года, а всего десять дней спустя, именно въ ночь съ 24 на 25 января, поляки устроили новую варѳоломеевскую ночь и пустили въ дѣло цѣлый

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

отрядъ жандармовъ-вѣшателей, послѣ чего, понятно, спала завѣса съ глазъ русскаго правительства, и никакіе уже компромиссы съ виновниками пролитія русской крови стали немыслимы.

Въ Польшу и въ западныя губерніи были двинуты войска. Въ царство Польское назначенъ былъ намѣстникомъ графъ Бергъ, въ Вильну посланъ былъ всевластнымъ диктаторомъ М. Н. Муравьевъ, и возстаніе было въ нѣсколько мѣсяцевъ совершенно подавлено. Это было тѣмъ легче для русскихъ войскъ, что простой народъ, крестьяне, только что получившіе предъ тѣмъ свободу, не только не участвовали въ мятежѣ, но открыто стали на сторону законной власти и много даже помогали отрядамъ русскихъ войскъ при преслѣдованіи и разбитіи бандъ, скрывавшихся въ громадныхъ лѣсахъ Польши, Литвы, Бѣлоруссіи и Волыни.

При подавленіи возстанія было немало, конечно, пролито крови съ обѣихъ сторонъ и немало учинено жестокостей. Поляки немилосердно казнили всѣхъ, кого подозрѣвали въ измѣнѣ, часто ошибочно, иногда казнили даже безоружныхъ и беззащитныхъ стариковъ и женщинъ, нѣсколькихъ священниковъ и старообрядцевъ, заподозрѣнныхъ въ услугахъ русскимъ войскамъ; въ Горкахъ раненыхъ русскихъ солдатъ (изъ мѣстной инвалидной команды) брали за руки и за ноги, раскачивали и кидали въ середину горящихъ домовъ. Русскіе одинаково казнили жандармовъ-вѣшателей и разстрѣливали главныхъ начальниковъ бандъ, взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ, а равно и всѣхъ тѣхъ бывшихъ русскихъ офицеровъ, которые дезертировали въ лѣса, въ польскіе отряды, изъ рядовъ арміи.

Какъ только были разбиты и уничтожены главные отряды польскихъ повстанцевъ и мятежъ утратилъ уже свой общій характеръ, русское правительство, не желая далѣе проливать кровь своихъ подданныхъ, объявило 12 апрѣля 1863 года всеобщую амнистію всѣмъ, кто сложитъ оружіе до 1-го мая. Газета «Часъ» получила, по словамъ г. Козьмяна, депешу объ этой амнистіи въ тотъ же день, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Манифестъ императора Александра даетъ полякамъ амнистію, съ условіемъ сложить оружіе до 1-го мая (ст. стиля). При этомъ, государь обѣщаетъ продолжать организацію царства Польскаго, начатую маркизомъ Велепольскимъ».

Тутъ, кажется, и должно бы было покончиться возстаніе... Самъ Козьмянъ находилъ, что эта амнистія «представляла собою, въ данномъ случаѣ, ниспосылаемый Провидѣніемъ исходъ изъ плачевнаго, почти отчаяннаго положенія»... Между тѣмъ, нашлось очень немного истинно мужественныхъ людей, какъ графъ А. Потоцкій, которые настаивали на принятіи амнистіи. Но ихъ не слушали,—и тогда Потоцкій, въ порывѣ краснорѣчія, кинулъ въ лицо «непримиримымъ» краковскаго Комитета слѣдующую фразу: «На ваши головы упадетъ вся кровь, которая отнынѣ будетъ пролита!» — и ушелъ изъ собранія...

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ тотъ же день, вечеромъ, въ редакціи «Часа» была получена другая телеграфическая депеша тайнаго польскаго «правительства» изъ Варшавы, гласящая, что «ноты державъ посланы въ Петербургъ»... Было ясно, что эта депеша, извѣщающая о нотахъ, которыя въ то время еще не были посланы, хотѣла парализовать доброе впечатлѣніе, произведенное манифестомъ, объявляющимъ амнистію, и не допустить окончательнаго прекращенія возстанія и примиренія поляковъ съ русскими,—и коварная цѣль была достигнута: въ особомъ «прибавленіи» къ газетѣ «Часъ», вышедшемъ въ тотъ же день вечеромъ, были помѣщены обѣ телеграммы рядомъ: одна сообщала о высочайшемъ манифестѣ, а другая объ отправленіи въ Петербургъ нотъ европейскихъ державъ... А на другой день, въ слѣдующемъ номерѣ той же газеты, появилась, по словамъ г. Козьмяна, статья, «нисколько не отступавшая отъ стараго гибельнаго направленія и указывающая на поводъ, по которому, очевидно (?), хочетъ дать амнистію русское правительство, на связь ея съ поссылкою нотъ и возлагающая всѣ надежды на дипломатическое вмѣшательство державъ. Въ этой статьѣ между прочимъ говорилось:

«Манифестъ, обѣщающій амнистію полякамъ, добивающимся съ оружіемъ въ рукахъ народныхъ правъ и свободы, стремится прежде всего сдѣлать польскій вопросъ изъ общеевропейскаго чисто внутреннимъ вопросамъ. Россія не признаетъ за Европой права вмѣшиваться въ ея отношенія къ Польшѣ, и однимъ этимъ шагомъ хочетъ отдѣлаться отъ дипломатическихъ нотъ, которыя уже посланы въ Петербургъ изъ Вѣны, Парижа и Лондона—словомъ, хочетъ поставить дѣло въ тѣсныя границы системы политическаго единства Россійской имперіи. Состояніе польскаго вопроса не столько можетъ измѣниться, сколько выясниться вслѣдствіе этого указа (то-есть, манифеста). Правительства, которыя послали свои представленія въ Петербургъ, застигнуты, такъ сказать, врасплохъ. Указъ вышелъ не до посылки нотъ и не послѣ полученія ихъ; поэтому онъ не могъ быть сдѣланъ по доброй волѣ (?) и не представляетъ собою уступки, вызванной этимъ первымъ шагомъ дипломатическихъ дѣйствій [1]). Дальнѣйшіе поступки державъ не могутъ быть предвидѣны, такъ какъ они будутъ зависѣть отъ того, какъ отнесется къ манифесту Польша... Итакъ, три правительства ожидаютъ результатовъ, которые обнаружатся 1-го (12) мая. Если эти результаты окажутся таковыми, какихъ желаетъ русское правительство, то тремъ державамъ останется только согласиться съ волею народа, который онѣ взялись защищать. Въ противномъ случаѣ, онѣ не могутъ предоставить рѣшеніе польскаго вопроса русскому государю,—чѣмъ онѣ показали бы, что отрекаются отъ правъ, которыя принадлежатъ

[1]) «Указъ» этотъ, увы!—представлялъ именно «уступку», никѣмъ и ничѣмъ не вызванную, если не считать великодушнаго сердца императора Александра II.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

имъ, державамъ, что дало бы Россіи побѣду въ данной дипломатической борьбѣ».

Если мы припомнимъ, что «Часъ» былъ очень вліятельнымъ органомъ въ Польшѣ, и что во главѣ его стояли всесильные люди, рѣшавшіе въ то время судьбу возстанія, то будетъ понятно, что сдѣлала эта статья въ смыслѣ совершенной парализаціи благихъ намѣреній всепрощенія, выраженныхъ въ манифестѣ русскаго правительства...

Наконецъ, въ концѣ апрѣля, были дѣйствительно представлены Россіи первыя ноты трехъ державъ. Г. Козьмянъ такъ характеризуетъ эти ноты: «Французская нота, адресованная къ кн. Монтебелло, французскому посланнику въ Петербургѣ, подписанная Дрюэнъ-де-Люисомъ, отличалась умѣренностью и серьезностью. Англійская, написанная гр. Росселемъ къ англійскому послу лорду Напиру, самая горячая изъ всѣхъ трехъ, основывавшаяся на вѣнскомъ трактатѣ, сильно возставала противъ претензіи Россіи, считавшей польскій вопросъ чисто внутреннимъ дѣломъ. Самой блѣдной изъ этихъ нотъ и въ то же время самой важной была австрійская. Она написана была гр. Рехбергомъ и адресована къ графу Ревертеру, chargé d'affaires въ Петербургѣ. Нота исходила изъ того, что возстаніе принимаетъ уже меньшіе размѣры послѣ того, какъ уже разбиты всѣ наиболѣе значительные отряды, и указывала на опасность для Галиціи въ случаѣ продолженія возстанія. Каждая изъ этихъ трехъ нотъ въ отдѣльности налегала на то, чтобы русское правительство придумало средство, которое бы могло дать Польшѣ условія незыблемаго мира. Лицамъ, получившимъ эти ноты, было поручено прочитать ихъ князю Горчакову, государственному канцлеру».

На эти предварительныя ноты, или, вѣрнѣе, пробные шары [1]), кн. Горчаковъ отвѣчалъ отъ себя г. Балабину, послу въ Вѣнѣ, барону Будбергу въ Парижѣ и барону Бруннову въ Лондонѣ особыми письмами, въ которыхъ съ большою осторожностью, не исключающей необходимости въ дальнѣйшихъ переговорахъ, обращалъ вниманіе кабинетовъ, при которыхъ были аккредитованы эти господа, на то обстоятельство, что онѣ сами—Англія, Франція и Австрія—могутъ способствовать успокоенію царства Польскаго, «такъ какъ надежда и вѣра въ постороннюю помощь суть главные мотивы возстанія».

---

[1]) Мы находимъ не безъинтереснымъ упомянуть здѣсь, со словъ г. Козьмяна, еще объ одной курьезной «нотѣ»—святѣйшаго отца изъ Рима; папа, какъ оказывается, дважды вступался за поляковъ: въ первый разъ онъ обратился къ императору Францу-Іосифу, прося его заступничества за поляковъ, а затѣмъ присоединился къ манифестаціи Европы и самымъ горячимъ образомъ поддерживалъ первыя ноты трехъ державъ въ особомъ своемъ письмѣ къ императору Александру II. И. З.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ отвѣтъ на эти нерѣшительныя депеши кн. Горчакова, посланныя 26 апрѣля, были отправлены въ Петербургъ французская и англійская ноты, а затѣмъ и австрійская. Онѣ заключали въ себѣ шесть пунктовъ, составленныхъ Австріей и нѣсколько измѣненныхъ двумя другими кабинетами. Вотъ эти знаменитые пункты:

1) Полная и всеобщая амнистія.

2) Національное представительство, принимающее участіе въ областномъ законодательствѣ.

3) Доступъ поляковъ къ публичнымъ правительственнымъ должностямъ, дающій возможность развиться особой народной администраціи.

4) Совершенная и полная свобода совѣсти и устраненіе ограниченій въ исполненіи католическихъ обрядовъ.

5) Употребленіе исключительно польскаго языка, какъ официальнаго, въ администраціи, судопроизводствѣ и школахъ, и

6) Правильная и законная рекрутская система.

Кромѣ того, въ этихъ нотахъ былъ намекъ на созваніе международной конференціи державъ, подписавшихся на трактатѣ 1815 г., а графъ Россель прибавилъ пожеланіе, чтобы обѣ воюющія стороны сложили оружіе...

Вотъ до какой неслыханной дерзости дошли непрошенные заступники Польши!.. «Князь Горчаковъ, какъ извѣстно, далъ на эти ноты одинъ изъ самыхъ надменныхъ, смѣлыхъ и дерзкихъ отвѣтовъ, какіе только мы знаемъ,—говоритъ г. Козьмянъ,—въ исторіи международныхъ отношеній. Онъ пріобрѣлъ своимъ отвѣтомъ необыкновенную популярность среди своего народа, усилилъ ненависть его къ польскому народу, лишилъ польскій вопросъ общеевропейскаго характера и превратилъ его передъ глазами изумленнаго свѣта въ чисто русскій вопросъ, нанеся въ то же время ударъ внѣшнему блеску Наполеона, а также и поколебавъ общее убѣжденіе въ непогрѣшимости его политики».

Вотъ какъ неудачно было вмѣшательство иноземной политики въ нашъ «домашній, давній споръ», окончившееся полнѣйшимъ фіаско!.. Къ сожалѣнію, это безтактное дипломатическое вмѣшательство державъ, по словамъ г. Козьмяна, имѣло очень тяжкія послѣдствія именно для тѣхъ, кому оно мнило помочь, то-есть для самихъ поляковъ: «оно не только затянуло возстаніе со всѣми сопряженными съ нимъ дѣйствіями, но и вовлекло въ него цѣлыя толпы благоразумныхъ людей (пребывавшихъ до того въ выжидательномъ положеніи) и побудило «Краковское Общество» поддерживать возстаніе въ теченіе долгаго времени. Въ то же время, это вмѣшательство воспрепятствовало соглашенію поляковъ съ русскимъ правительствомъ и, задѣвая и оскорбляя самолюбіе Россіи, породило и развило глубокую ненависть (?) русскаго общества къ польскому»...

Такъ говоритъ почтенный авторъ «Rzecz'и o roku 1863»,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

забывающій, повидимому, отличительную черту характера русскаго народа, его незлопамятность, исключающую всякую «ненависть» русскаго общества къ польскому.

Не по винѣ добродушнаго и незлобиваго русскаго народа польскій вопросъ сталъ роковымъ: какъ мы видимъ изъ книги того же г. Козьмяна, немало находится виновниковъ этой междоусобной вражды двухъ родственныхъ славянскихъ націй. Самое возбужденіе въ 1863 году вопроса объ автономіи Польши, въ силу провозглашеннаго передъ тѣмъ Наполеономъ III принципа національностей, являлось чистѣйшимъ политическимъ абсурдомъ, такъ какъ въ силу именно этого самаго принципа Польша, какъ государство славянское, должна была слиться воедино съ болѣе крупнымъ славянскимъ же государствомъ—Россіей, а не отдѣляться отъ него.

Замѣтимъ еще, что злой рокъ помѣшалъ полякамъ въ томъ же 1863 году познать и еще одну политическую истину, ясную, какъ божій день: къ числу своихъ друзей и, въ то же время, враговъ ненавистной имъ Россіи они сопричисляли и Австрію, которая всего лишь за 15 лѣтъ передъ тѣмъ самымъ безпощаднымъ образомъ подавила въ Галиціи вспыхнувшее въ то время (въ 1848 году) польское движеніе, ту самую Австрію, которая не разъ уже изумляла міръ дуализмомъ своей иностранной политики, и которая, владѣя обширною польскою провинціей, едва ли могла настойчиво и искренно желать автономіи польскаго государства, хотя бы и съ австрійскимъ принцемъ на ея престолѣ, какъ о томъ фантазировали поляки нѣмецкаго происхожденія.

Наконецъ, какіе устои были подъ этимъ съ виду величественнымъ зданіемъ, выстроеннымъ на пескѣ? Какъ могло удаться возстаніе этой несчастной и легковѣрной, хотя въ то же время въ высшей степени симпатичной и благородной націи, при томъ хаосѣ и усобицѣ, которые не прекратились даже и съ наступленіемъ кроваваго 1863 года? Какая революція изъ всѣхъ, бывшихъ когда либо въ мірѣ, представляетъ такой чудовищный и маловѣроятный фактъ, какъ тотъ, что произошелъ въ Варшавѣ въ самомъ началѣ возстанія, когда двѣнадцать отчаяннѣйшихъ молодыхъ людей, образовавъ изъ себя самозванный «комитетъ» и заказавъ подходящую для того печать, объявили себя распорядителями судебъ возстанія и терроризировали весь край, послушно исполнявшій всѣ приказы—до убійствъ включительно — этихъ таинственныхъ незнакомцевъ, наименовавшихъ себя «ржондомъ народовымъ?»... [1]). Это, впрочемъ, нисколько не мѣшало образованію многочисленныхъ другихъ распорядителей и

[1]) Этотъ «ржондъ» издавалъ иногда такія безтактныя распоряженія, которыя лишь дискредитировали все дѣло, наживая враговъ въ лицѣ Австріи и Пруссіи. Таково, напримѣръ, было обращеніе «ржонда» «Do Narodu», отъ 31 іюля, гдѣ обѣщалось возстановленіе Польши въ границахъ 1772 года. И. З.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

руководителей возстанія, другъ другу противодѣйствующихъ и противорѣчащихъ. Вѣдь стоитъ только припомнить, что «бѣлые» противодѣйствовали «краснымъ», отель Ламберъ шелъ въ разрѣзъ съ распоряженіями галицкаго и львовскаго комитетовъ, дѣйствія Лангевича не согласовались съ распоряженіями Мѣрословскаго и пр... Во всемъ этомъ несчастномъ возстаніи было такое многоначаліе, такой хаосъ и путаница, такія неурядицы и междоусобія, что слѣдуетъ, по истинѣ, удивляться, какъ могло оно просуществовать и продолжаться въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ!..

Неумолимый рокъ,—говоритъ г. Козьмянъ,—родившійся вслѣдствіе незаконной связи заблужденія безумныхъ съ ошибкою разумныхъ, создалъ это ужасное дѣло и толкалъ людей все далѣе и далѣе, все къ новымъ событіямъ и бѣдствіямъ...

Дай Богъ, конечно, чтобы эти «заблужденія» не повторялись, и чтобы уроки исторіи, за которые полякамъ пришлось поплатиться своею кровью, послужили имъ на пользу!

Ив. Захарьинъ (Якунинъ).

С.-Петербургъ
24 февраля, 1898 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КРАЙНОСТИ СРАВНИТЕЛЬНАГО МЕТОДА [1].

Ъ ОДНОЙ изъ аудиторій С.-Петербургскаго университета профессоръ Варшавскаго университета Созоновичъ защищалъ, 3-го мая, диссертацію, представленную имъ для полученія степени доктора русской словесности. «Всѣмъ своимъ содержаніемъ трудъ г. Созоновича входитъ въ область сравнительнаго изученія памятниковъ европейской письменности и народной словесности» (стр. XVI). Авторъ разсмотрѣлъ исторію двухъ поэтическихъ мотивовъ, извѣстныхъ въ многочисленныхъ пересказахъ почти всѣмъ европейскимъ національностямъ. Содержаніе этихъ мотивовъ хорошо знакомо и русской публикѣ: первый—о женихѣ мертвецѣ—послужилъ сюжетомъ бюргеровской «Леноры», переведенной В. А. Жуковскимъ, второй—о мужѣ, возвращающемся къ свадьбѣ своей жены, выходящей за другого,—разработанъ объ былинахъ о Добрынѣ и, между прочимъ, въ кавказской сказкѣ объ Ашикъ-Керибѣ, доступной намъ въ поэтическомъ переложеніи М. Ю. Лермонтова. Г. Созоновичъ собралъ и пересказалъ въ своей книгѣ всѣ извѣстные ему поэтическіе и прозаическіе письменные варіанты этихъ мотивовъ. Чтобы дать представленіе о кропотливости такого труда, достаточно указать на то, что авторъ знакомитъ своихъ читателей съ версіями, изводами, редакціями и варіантами древне-классическими, шведскими, датскими, англійскими, шотландскими, венгерскими, цыганскими, кельтскими, армян-

[1] Къ вопросу о западномъ вліяніи на славянскую и русскую поэзію. Изслѣдованіе И. Созоновича; проф. Варшавскаго университета. Варшава. 1898. XX+567.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скими, лужицкими, чешскими, прусскими, литовскими, польскими, галицко-русскими, малорусскими, бѣлорусскими, албанскими, болгарскими, провансальскими, итальянскими, нормандскими, еврейскими, румынскими, португальскими, ново-греческими и пр. и пр. Но г. Созоновичъ не ограничился одной сводкой матеріала (впрочемъ, было бы довольно странно получить ученую степень за собраніе матеріала!), онъ попробовалъ обработать собранные имъ варіанты, разобраться въ ихъ генетической связи и сдѣлать культурно-историческіе выводы. Вкратцѣ, они сводятся къ слѣдующему. Русскія сказки, воспроизводящія мотивъ о живомъ мертвецѣ, русскія былины о Добрынѣ, отразившія мотивъ о мужѣ, возвращающемся послѣ долгаго отсутствія на свадьбу жены, получили непосредственное начало въ западно и южно-славянскихъ пѣсняхъ съ подобнымъ содержаніемъ. Послѣднія въ свою очередь воспроизводятъ западныя, нѣмецкія и романскія версіи этихъ мотивовъ. Наконецъ, эти версіи восходятъ къ древне-классическимъ источникамъ—сказанію о Протезилаѣ и Лаодаміи и миѳу объ Одиссеѣ, возвращающемся къ своей Пенелопѣ. Вотъ эти-то положенія диссертаціи г. Созоновича и подлежали обсужденію на диспутѣ.

Офиціальные оппоненты, проф. И. Н. Ждановъ и А. И. Соболевскій, въ своихъ замѣчаніяхъ, къ сожалѣнію, едва коснулись выводовъ г. Созоновича. Оставивъ въ сторонѣ методологическіе пріемы диспутанта, оппоненты обратили преимущественно вниманіе на диссертацію, какъ на собраніе матеріаловъ, и съ этой точки зрѣнія критиковали трудъ г. Созоновича. Какъ это всегда водится, въ работахъ, подобныхъ этому труду, г. Созоновичъ не могъ, конечно, не просмотрѣть кое-какихъ западно-европейскихъ варіантовъ. И. Н. Ждановъ отмѣтилъ отсутствіе въ трудѣ диспутанта указаній на соотвѣтствующій матеріалъ у Dunlop'a, Liebrecht'a, Hahn'a, Landau и др. Главнѣйшія же упущенія въ собраніи матеріала, какъ это ни странно для диссертаціи на степень доктора русской словесности, сдѣланы г. Созоновичемъ въ области русскихъ сказаній. Г. Созоновичъ не принялъ во вниманіе даже всѣхъ тѣхъ былинъ, какія можно найти въ извѣстныхъ и общедоступныхъ сборникахъ, какъ, напр., въ изданіи Н. С. Тихонравова и проф. В. Ѳ. Миллера «Русскія былины старой и новой записи». Диспутантъ оправдывалъ свое незнакомство съ русскими источниками ссылкой на неблагопріятное положеніе русскаго книгопродавческаго дѣла. А. И. Соболевскій указалъ на незнакомство г. Созоновича съ изданіями, вышедшими въ Варшавѣ—мѣстѣ его постояннаго пребыванія. Совершенно не изученъ авторомъ диссертаціи кругъ восточныхъ и европейскихъ сказаній, хотя онъ и дѣлаетъ нѣкоторые выводы о зависимости восточныхъ сказаній. Конечно, подобные промахи не могли остаться безъ вліянія на степень достовѣрности заключеній г. Созоновича. Защита г. Созоновича была признана удовлетворительной, и факультетъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

представилъ его къ полученію степени доктора русской словесности.

Безъ сомнѣнія, та или другая наличность матеріала вліяетъ на степень достовѣрности выводовъ, но какъ бы тщательно ни былъ собранъ матеріалъ, какъ бы широко авторъ ни ставилъ своей темы, этого еще недостаточно. Однимъ изъ важнѣйшихъ условій правильности выводовъ является правильность методологическихъ пріемовъ. Въ дальнѣйшемъ своемъ изложеніи мы и остановимся на научныхъ пріемахъ г. Созоновича. Наши замѣчанія будутъ основываться на второй части его труда: «Поэтическій мотивъ о внезапномъ возвращеніи мужа ко времени свадьбы своей жены, собиравшейся выйти замужъ за другого». Первая часть, разсматривающая мотивъ о женихѣ-мертвецѣ, не имѣетъ интереса новизны, такъ какъ она первоначально была напечатана въ видѣ отдѣльной книги подъ заглавіемъ: «Ленора Бюргера и родственные ей сюжеты etc.». Въ свое время эта часть труда г. Созоновича нашла оцѣнку во многихъ статьяхъ и рецензіяхъ, между прочимъ, и въ рецензіи нашего журнала (1893 г., сент., стр. 799—803).

Предварительно подробнѣе ознакомимъ читателя съ содержаніемъ второй части изслѣдованія г. Созоновича. Вы помните былину о Добрынѣ и Алешѣ Поповичѣ... Добрыня собирается въ далекій путь, прощается съ родимой матушкой, съ дорогой женой Настасьей Микуличной. Онъ приказываетъ ей ждать его возвращенія 12 (6, 9) лѣтъ, а потомъ вольна она выйти замужъ за кого угодно, только не за Алешу Поповича... Много времени прошло со времени отъѣзда Добрыни... Тутъ Алешенька догадливъ былъ: онъ сообщилъ, что видѣлъ Добрыню, убитаго въ чистомъ полѣ. Владиміръ-князь приневоливаетъ Настасью выйти за Алешу. Настасья оттягиваетъ срокъ свадьбы еще на нѣсколько лѣтъ. Наконецъ, больше не ждутъ. Назначенъ день свадьбы. Добрыня узнаетъ о немъ чудеснымъ образомъ и мчится домой. Добрыня ѣдетъ прямо во дворъ матери. Мать, спустя нѣкоторое время, узнаетъ сына и сообщаетъ ему, что въ этотъ часъ играютъ свадьбу. Переодѣвшись скоморохомъ, идетъ богатырь на свадьбу. Князь, удивленный его игрой, приглашаетъ его за столъ. Добрыня выпиваетъ поднесенную Настасьей чашу съ виномъ, наливаетъ другую, опускаетъ свой золотой перстень. Настасья пьетъ чашу, находитъ перстень и узнаетъ мужа. Вставала тутъ Настасья на рѣзвыя ноги, «скочила черезъ тѣ столы да дубовые», пала на грудь Добрынѣ.

Задавшись цѣлью опредѣлить генезисъ русской былины, г. Созоновичъ находитъ, что она сложилась подъ вліяніемъ польскихъ пѣсенъ, сказанія о Бовѣ и, главнымъ образомъ, южно-славянскихъ пѣсенъ. Польскія пѣсни внесли въ русскія былины двѣ подробности: а) возвратившійся мужъ подъ видомъ музыканта помѣщается на пиру сперва у печки, а затѣмъ лишь приближается къ столу; б) жена

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

узнаетъ мужа и прыгаетъ къ нему черезъ столы. Вліяніе сказанія о Бовѣ г. Созоновичъ видитъ въ томъ обстоятельствѣ, что нѣкоторыя русскія былины повторяютъ слѣдующую подробность. Входя въ домъ матери, взашей Добрыня отталкиваетъ привратниковъ. Всѣмъ остальнымъ своимъ содержаніемъ русскія былины примыкаютъ къ южно-славянскимъ пѣснямъ. Западно-славянскія версіи нашего мотива восходятъ къ романскимъ обработкамъ, ближайшимъ образомъ, къ итальянскимъ и французскимъ народнымъ пѣснямъ. Эти народныя произведенія возникли изъ книжныхъ обработокъ нашего сюжета, сдѣлавшихся особенно распространенными послѣ крестовыхъ походовъ. Книжныя обработки идутъ еще дальше. Въ разсказѣ хроники Wace'a изъ XII в. о приключеніи Ричарда Безстрашнаго поэтическій мотивъ о внезапномъ возвращеніи мужа передается впервые съ типичными подробностями средневѣковой своей обработки. Въ провансальскомъ разсказѣ изъ XI вѣка про возвращеніе Раймунда du Bousquet изъ плѣна обнаруживается несомнѣнно отраженіе классическаго сказанія о возвращеніи Одиссея.

Г. Созоновичъ увлекся соблазнительной задачей—возвести къ одному источнику всѣ найденныя имъ многочисленныя произведенія, разсказывающія о возвращеніи мужа къ свадьбѣ жены, и установить между ними генетическую связь. Результатомъ изслѣдованія явилась стройная схема развитія нашего сюжета по всѣмъ европейскимъ литературамъ; оказалось возможнымъ привязать къ миѳу объ Одиссеѣ даже сказку объ Ашикъ-Керибѣ («не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что... предполагаемый источникъ въ видѣ турецкой сказки объ Ашикъ-Керибѣ оказывается отраженіемъ западноевропейскаго романическаго теченія, вышедшаго изъ Франціи»... стр. 547).

Если бы не предубѣжденный читатель изъ всей книги г. Созоновича познакомился только съ резюме его выводовъ, сдѣланнымъ въ введеніи, онъ отнесся бы съ большимъ сомнѣніемъ къ этимъ выводамъ. Какъ! неужели всѣ разсказы о возвращеніи мужа, и русскіе, и французскіе, восходятъ къ одному источнику? Неужели нѣтъ ни одного, самостоятельно возникшаго? Вѣдь, кажется, въ бытовой исторіи всякаго народа можно найти множество аналогичныхъ фактовъ, на почвѣ которыхъ вполнѣ самостоятельно могло возникнуть произведеніе съ бытовымъ содержаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ является чѣмъ-то страннымъ и необыкновеннымъ для какой либо страны мужъ, бывшій долгое время въ отлучкѣ и при своемъ возвращеніи находящій жену вышедшей замужъ или пока только собирающейся выйти? Еще до чтенія самой книги г. Созоновича въ сердце непредубѣжденнаго читателя начинаетъ заползать сомнѣніе, а изученіе ея даетъ новую пищу сомнѣнію. Мы обратимъ вниманіе читателя на то, какъ г. Созоновичъ работаетъ надъ своимъ матеріаломъ. Если мы увидимъ, что пріемы г. Созоновича по своему логи-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ческому несовершенству не годятся для полученія достовѣрныхъ выводовъ, мы въ правѣ не принимать ихъ.

Если у насъ подъ руками находится такой обширный матеріалъ, какой собранъ авторомъ разбираемаго труда, то, понятно, прежде, чѣмъ приступить къ какой нибудь работѣ надъ нимъ, его нужно классифицировать. Классификація—необходимое условіе работы. А какой принципъ положить въ основу дѣленія, это каждый изслѣдователь долженъ рѣшать всякій разъ особо, примѣнительно къ своей задачѣ. Можно раздѣлить всѣ варіанты на группы по національностямъ, содержанію, времени возникновенія и т. д. У г. Созоновича мы, къ большому удивленію, не встрѣчаемъ даже попытокъ классифицировать, и мы совершенно не можемъ сказать, почему г. Созоновичъ передаетъ варіанты въ томъ порядкѣ, а не въ другомъ, принципа дѣленія у него нѣтъ. Сначала у него какъ будто варіанты идутъ въ хронологическомъ порядкѣ, потомъ этотъ порядокъ мѣняется на раздѣленіе по національностямъ и т. д. [1]). Отсутствіе классификаціи дѣлаетъ изученіе книги г. Созоновича крайне затруднительнымъ.

Но какой бы принципъ дѣленія ни выставлялъ авторъ, онъ для правильности и вѣрности своихъ выводовъ долженъ строго различать два ряда памятниковъ: произведенія искусственныя, письменныя, могущія быть датированными, и произведенія народныя, безъ хронологіи. Смѣшеніе этихъ двухъ рядовъ должно вести къ ошибочнымъ построеніямъ: если авторъ начинаетъ опредѣлять генетическую связь различныхъ варіантовъ, не дѣлая различія между письменными и устными, то здѣсь заключенія являются сомнительными. Таковы всѣ выводы г. Созоновича, касающіеся зависимости народныхъ пѣсенъ отъ литературныхъ обработокъ. Для г. Созоновича эта зависимость является вполнѣ доказанной, и онъ даже дѣлаетъ слѣдующія теоретическія соображенія: «чѣмъ старше произведеніе, или чѣмъ ближе стоитъ оно къ письменнымъ литературнымъ источникамъ, тѣмъ выдержаннѣе и цѣльнѣе передаетъ оно первоначальную форму схемы, выработанную въ свое время въ высшихъ общественныхъ кругахъ» и т. д... (стр. 356).

Всѣ эти соображенія имѣютъ мѣсто лишь тогда, когда будетъ установлена хронологія народныхъ пѣсенъ, а до тѣхъ поръ мы имѣемъ дѣло съ произвольнымъ допущеніемъ первенства во времени литературныхъ обработокъ, и до тѣхъ поръ я не знаю, почему мнѣ вѣрить г. Созоновичу. Съ равнымъ правомъ я могу утверждать, что формальная сторона народныхъ пѣсенъ возникла гораздо раньше письменныхъ обработокъ на ту же тему, и что народныя пѣсни и есть то ядро, изъ котораго возникли послѣднія. Пренебреженіе къ строгому раздѣленію

---

[1]) На отсутствіе классификаціи указалъ во время диспута проф. И. Н. Ждановъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

варіантовъ — это неудачный методологическій пріемъ, не позволяющій считать достовѣрными всѣ выводы г. Созоновича о зависимости между книжными обработками и народными пѣснями. Такимъ образомъ приходится вынуть одинъ камень изъ стройнаго зданія, возведеннаго г. Созоновичемъ и символизирующаго развитіе нашего сюжета. Посмотримъ теперь, вѣрно ли понята г. Созоновичемъ зависимость между письменными версіями, съ одной стороны, и между устными, съ другой.

Передъ нами—море варіантовъ, изводовъ, редакцій... Какъ найти между ними родственныя связи, которыя дали бы намъ возможность установить зависимыя одна отъ другой группы? Для этой цѣли г. Созоновичъ прибѣгаетъ къ сравненію, и только къ нему. О генетической связи различныхъ произведеній онъ заключаетъ по единству комбинаціи отдѣльныхъ чертъ и по сходству отдѣльныхъ подробностей. Самымъ слабымъ изъ всѣхъ аргументовъ въ пользу заимствованія нужно признать доказательство, основанное на сходствѣ отдѣльныхъ подробностей. Въ большинствѣ случаевъ это сходство вызывается или естественными условіями развитія сюжета, т. е. одинаковостью положенія, или же единствомъ законовъ народно-поэтическаго творчества. Г. Созоновичъ не часто прибѣгаетъ къ такого рода доказательствамъ, но, къ сожалѣнію, нельзя сказать, что онъ совершенно отказался отъ нихъ. На стр. 391 мы, напр., встрѣчаемъ слѣдующее сопоставленіе нѣсколькихъ варіантовъ: «если о возвратившемся изъ плѣна рыцарѣ Hugh de Hatton'ѣ говорится, что онъ былъ неузнаваемъ, потому что «overgrown with hair» (обросъ волосами), то слѣдуетъ припомнить, что про возвратившагося при тѣхъ же условіяхъ и равнымъ образомъ неузнаваемаго герцога Брауншвейгскаго говорится «mit langen haar umbhangen etc. и что точно также обрисовывается въ испанскомъ романсѣ графъ Дирлосъ... Точно также герой сербскаго эпоса Марко Кралевичъ возвращается домой въ одѣяніи чернаго болгарина съ бородой, отросшей «до шелковаго пояса» и т. д.

Но что же доказываетъ это совпаденіе? На взглядъ непредубѣжденнаго читателя ровно ничего. Стоитъ только принять во вниманіе то обстоятельство, что для цѣлей разсказа (все равно, гдѣ бы онъ ни возникъ) нужно было ввести неузнаваемаго героя. А разъ онъ долженъ былъ быть неузнаваемымъ, то различныя версіи будутъ рисовать образъ неузнаваемаго героя однѣми и тѣми же красками, такъ какъ всѣ пѣвцы и составители дадутъ одинъ и тотъ же отвѣтъ на вопросъ, что дѣлаетъ человѣка неузнаваемымъ (то-есть черезъ нѣсколько лѣтъ онъ обростетъ волосами).

Очень шатки также заключенія г. Созоновича, основанныя на слѣдующемъ совпаденіи. Въ одной версіи жена, узнавъ мужа, бросается черезъ столъ съ такою стремительностью, что опрокидываетъ столъ (стр. 365); въ другихъ жена отъ радости при видѣ мужа прыгаетъ че-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

резъ нѣсколько ступеней; въ третьихъ—прыгаетъ черезъ столъ. Опираясь на эту подробность, г. Созоновичъ дѣлаетъ заключеніе о единствѣ источника для всѣхъ сказаній «съ прыжкомъ». Въ нѣкоторыхъ варіантахъ былины о Добрынѣ Настасья, узнавъ мужа, кричитъ: «прямо скочу, безчещу столы»; въ польскихъ пѣсняхъ жена прыгаетъ черезъ 4 стола. Сопоставляя польскія пѣсни съ русскими былинами, г. Созоновичъ допускаетъ извѣстное вліяніе польской народной поэзіи на русскую. Кромѣ этого «прыганія черезъ столъ», нашъ авторъ видитъ основаніе для своего допущенія еще и въ томъ, что какъ въ польскихъ, такъ и въ русскихъ версіяхъ мужъ, переодѣтый музыкантомъ, сидитъ сначала у печки, а потомъ лишь придвигается къ столу. Мы, напримѣръ, склонны объяснять эти совпаденія единственно сходствомъ естественныхъ условій развитія сюжета. Наше объясненіе имѣетъ такое же право на существованіе, какъ и допущеніе г. Созоновича [1]).

Иногда сходство отдѣльныхъ чертъ въ разсказѣ объясняется одинаковыми условіями народно-поэтическаго творчества и вовсе не указываетъ на отношенія заимствованія. Г. Созоновичъ видитъ эти отношенія даже въ совпаденіи чиселъ (стр. 508). Жена ждетъ уѣхавшаго мужа 7, 9, 12 лѣтъ. Но можно ли заключать объ единствѣ источника изъ того, что въ романскихъ и польскихъ пѣсняхъ жена ждетъ мужа 7 лѣтъ (стр. 462)? Семь—обычное, излюбленное число народно-поэтическаго творчества. Или, напримѣръ, можно ли предполагать зависимость между русскими былинами и южно-славянскими пѣснями, если и въ тѣхъ, и въ другихъ герой получаетъ извѣщеніе о свадьбѣ жены отъ своего коня (стр. 470, 527). Конь, или вообще животное, провозвѣщающее о случившемся,—обычный пріемъ въ народномъ творчествѣ. Г. Созоновичъ не обращаетъ никакого вниманія на теорію народно-поэтическаго творчества, а, несомнѣнно, только послѣ пристальнаго изученія процесса народнаго творчества и можно сдѣлать какіе либо выводы о заимствованіи. Онъ нѣсколько разъ подчеркиваетъ заимствованіе формы разсказа, традиціонной эпической формулы и совершенно не останавливается на вопросѣ, какъ далеко можетъ идти сходство въ формальной обработкѣ подробностей, основанное на существованіи въ народномъ творчествѣ извѣстныхъ повторяющихся всегда и вездѣ пріемовъ. Этого вопроса не ставилъ себѣ г. Созоновичъ, а безъ его рѣшенія нельзя и дѣлать выводовъ о заимствованіи въ фолькъ-лорѣ.

Врядъ ли, такимъ образомъ, можно назвать достовѣрными заклю-

[1]) Послѣднее доказательство въ пользу польскаго вліянія на русскія былины г. Созоновичъ видитъ въ совпаденіи именъ тѣхъ героевъ, къ которымъ прикрѣпленъ мотивъ о возвращеніи мужа, Добровы и Добрыни. Ничто не мѣшаетъ считать это совпаденіе случайнымъ. Такимъ образомъ, рухнетъ вся теорія польскаго вліянія на русскія былины о Добрынѣ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ченія, основанныя на совпаденіи отдѣльныхъ чертъ разсказа, и врядъ ли можно считать правильнымъ методъ, пользующійся ими.

Кромѣ этихъ заключеній, г. Созоновичъ для выясненія генетической зависимости различныхъ версій пользуется еще доказательствами, основанными на единствѣ комбинаціи. Конечно, единство комбинаціи, выражающееся въ одинаковой послѣдовательности отдѣльныхъ подробностей разсказа, можетъ служить доказательствомъ зависимости одного разсказа отъ другого. Но возникаетъ вопросъ, всегда ли? Не является ли это сходство въ послѣдовательности отдѣльныхъ звеньевъ результатомъ чего либо другого, а не заимствованія? Очень легко впасть въ ошибку и построить схему распространенія сюжетовъ, принявъ естественную послѣдовательность отдѣльныхъ чертъ разсказа за заимствованную. Нѣкоторые сюжеты, гдѣ бы они ни возникали, всякій разъ и вездѣ будутъ передаваться съ одинаковымъ порядкомъ отдѣльныхъ чертъ. Въ самомъ дѣлѣ, попробуемъ отвѣтить на вопросъ, какъ будутъ народные пѣвцы разсказывать о мужѣ, возвращающемся домой и застающемъ свадьбу своей жены [1]).

Во всякомъ разсказѣ будутъ слѣдующія подробности 1) мужъ уходитъ на долгое время (куда—всякій пѣвецъ рѣшитъ по-своему, но если западно-европейскіе пѣвцы согласно говорятъ, что онъ уходитъ на поклоненіе гробу Господню, то изъ этого обстоятельства вовсе нельзя заключать о заимствованіяхъ); 2) жена, считая мужа погибшимъ, соглашается выйти замужъ; 3) возвращается мужъ послѣ долгой разлуки, очевидно, сильно измѣнившимся; 4) его узнаютъ по знакамъ на тѣлѣ или по какому либо предмету. Такъ какъ кольцо употреблялось при обрученіи у всѣхъ индо-европейскихъ народовъ и являлось символомъ супружеской связи, то естественнѣе всего для узнанія героя ввести въ разсказъ кольцо, и такъ далѣе. Эти подробности (назовемъ ихъ что ли основными) своимъ присутствіемъ почти во всѣхъ извѣстныхъ версіяхъ нашего мотива ничего не доказываютъ. Г. Созоновичъ совершенно не отличаетъ этихъ основныхъ подробностей. По крайней мѣрѣ, онъ настаиваетъ на заимствованіи, находя сходной схему или планъ. Схему же или планъ г. Созоновичъ думаетъ получить, выдѣляя нѣкоторыя черты или, какъ онъ ихъ называетъ, существенныя звенья. А что онъ называетъ главнѣйшими звеньями, объ этомъ нигдѣ въ его книгѣ ничего нельзя узнать. А безъ этихъ объясненій соста-

[1]) Намъ могутъ замѣтить, что присутствіе такой постановки темы и указываетъ на заимствованіе. Почему мужъ возвращается и застаетъ свадьбу жены, а не находитъ ее замужемъ за другимъ? Не говоря о томъ, что существуютъ разсказы второго рода, мы можемъ сослаться на то, что такое рѣзкое сопоставленіе—возвращающійся мужъ и свадьба жены, объясняется стремленіемъ къ эффекту, лежащимъ въ основѣ народнаго творчества и возникающимъ вполнѣ независимо отъ какихъ либо вліяній.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вленіе схемъ и доказательства, основанныя на нихъ, мы можемъ считать вполнѣ произвольными. Отмѣтимъ, что построеніе схемъ и сравненіе ихъ—любимѣйшій пріемъ г. Созоновича (см. стр. 275, 462, 476). Если мы теперь обратимся къ схемамъ, совпаденіе которыхъ имѣетъ такое важное значеніе для выводовъ г. Созоновича, то мы увидимъ въ числѣ звеньевъ основныя подробности. Напримѣръ, на стр. 275 авторъ строитъ такую схему для романа о Раймундѣ du Bousquet:

«а) рыцарь отправляется на поклоненіе гробу Господню; б) считая его погибшимъ, жена выходитъ замужъ за другого; в) послѣ долгихъ скитаній онъ возвращается домой, получивъ въ то же время въ сновидѣніи указаніе объ ожидающемъ его какомъ-то несчастіи; г) онъ возвращается на родину, переодѣтый пилигриммомъ; д) по знакамъ на тѣлѣ его узнаетъ бывшая его возлюбленная; е) силой онъ возвращаетъ себѣ свои владѣнія и прогоняетъ своего соперника; ж) жена, какъ невѣрная, несетъ наказаніе—изгнаніе».

Мы видимъ, что подробности подъ а, б, в, г, д—суть основныя черты разсказа, своимъ присутствіемъ въ различныхъ версіяхъ ничего не доказывающія. Построеніе схемъ и ничѣмъ не мотивированное выдѣленіе существенныхъ звеньевъ, внесеніе въ ихъ число основныхъ подробностей не приноситъ существенной пользы изслѣдователю, такъ какъ не можетъ дать достовѣрныхъ выводовъ.

Исключивъ изъ своихъ схемъ случайныя черты и включивъ основныя подробности, г. Созоновичъ приступаетъ къ сравненію схемъ или плановъ. Насчитавъ нѣсколько сходствъ въ отдѣльныхъ подробностяхъ (выше мы указывали, какъ нужно относиться къ нимъ), г. Созоновичъ дѣлаетъ выводы о зависимости версій. При этомъ въ большинствѣ случаевъ дѣло обстоитъ такъ, что можно насчитать столько же, если не больше, несходствъ и такимъ образомъ отрицать всякую зависимость. Остановлюсь для примѣра на извѣстномъ всѣмъ разсказѣ Одиссея и романѣ о Раймундѣ du Bousquet. Г. Созоновичъ заключаетъ о зависимости романа отъ миѳа, указывая на слѣдующія сходства между тѣмъ и другимъ: «Авторъ этого романа, очевидно, изъ подражанія Гомеру, заставляетъ Раймунда носиться по волнамъ цѣлыхъ три дня и безпрерывно взывать о помощи къ св. Вѣрѣ, подобно Улиссу, взывавшему къ Минервѣ; б) арабы пираты даютъ ему напитокъ, заставляющій его забыть свой домъ и семью, подобно тому, какъ лотофаги съ тою же цѣлью даютъ спутникамъ Улисса отвѣдать свой чудодѣйствующій лотосъ; в) возвращаясь домой, Раймундъ находитъ свой замокъ въ рукахъ своего соперника и скрывается въ хижинѣ одного изъ крестьянъ, подобно тому, какъ Улиссъ находитъ убѣжище у своего пастуха Евмея, г) оба эти героя возвращаются домой переодѣтыми, какъ чужеземцы, признаніе ихъ происходитъ аналогичнымъ образомъ; д) тому и другому приходится возстановлять свои права силой» (стр. 272).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Подробности подъ б изъ сравненія можно исключить, такъ какъ здѣсь и сходства-то никакого нѣтъ; черта г — основная черта разсказа. За вычетомъ двухъ подробностей остаются 2 сходства. Достаточно теперь насчитать 2 несходства, чтобы признать выводы г. Созоновича недостовѣрными, а это сдѣлать легко. Одиссей по своемъ возвращеніи застаетъ жениховъ, а Раймундъ мужа своей жены; это — первая несходная черта; жена Раймунда оказывается враждебной мужу, Пенелопа остается вѣрной; — вторая несходная черта. При наличности 2 несходствъ, вопросъ объ отраженіи классическаго миѳа въ провансальскомъ романѣ не можетъ быть рѣшенъ ни въ положительную, ни въ отрицательную сторону. Если зависимость между романомъ о Раймундѣ du Bousquet и классическимъ миѳомъ подлежитъ сомнѣнію, то безъ всякаго сомнѣнія никакой зависимости отъ классическаго разсказа нельзя найти въ отрывкѣ о Ричардѣ Безстрашномъ изъ хроники Wac'a XII вѣка.

«Здѣсь имѣются слѣдующія подробности, отсутствующія въ романѣ о Раймундѣ du Bousquet: уходя на войну, рыцарь дѣлитъ свое кольцо на двѣ части, одну оставляетъ женѣ, другую беретъ съ собой; онъ попадаетъ въ плѣнъ, гдѣ остается цѣлыхъ семь лѣтъ; жена считаетъ его умершимъ и собирается выйти замужъ за другого; третье лицо, въ данномъ случаѣ Ричардъ, чудеснымъ образомъ попадаетъ на востокъ, сообщаетъ мужу о предстоящемъ событіи, получаетъ отъ него половину кольца, за день до свадьбы возвращается на родину, доказываетъ женѣ рыцаря, что мужъ ея живъ, и та оставляетъ своего новаго жениха и дожидается возвращенія» (стр. 284).

Эти подробности отличаютъ и разсказъ Одиссеи отъ хроники Wac'a. Изъ всѣхъ извѣстныхъ обработокъ г. Созоновичъ лишь двѣ изъ нихъ, только что разобранныя, рѣшается цѣликомъ возводить къ классическимъ источникамъ. Мы видѣли, каково отношеніе этихъ двухъ обработокъ къ классическимъ сюжетамъ. Слѣдовательно, совершенно недоказаннымъ является тезисъ о заимствованіи изъ классическихъ литературныхъ источниковъ темы западно-европейскихъ романтическихъ обработокъ. Такимъ образомъ, изъ-подъ стройнаго зданія, возведеннаго г. Созоновичемъ, приходится взять фундаментъ.

Не касаясь промежуточныхъ выводовъ, остановимся на главнѣйшемъ, возводящемъ русскія былины о Добрынѣ къ южно-славянскимъ. И этотъ выводъ нельзя считать достовѣрнымъ, опять по несовершенству пріемовъ, послужившихъ для доказательства. И здѣсь г. Созоновичъ устанавливаетъ схему или основу сказанія въ сербскихъ пѣсняхъ.

«Если сгруппировать отдѣльныя черты разсказа, удержавшіяся въ сербскихъ пѣсняхъ, то получимъ слѣдующую основу сказанія: а) герой долгое время не возвращается домой въ силу того, что попадаетъ въ плѣнъ или же занятъ войной; б) прождавъ мужа условленное время, жена его собирается вторично выйти замужъ въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

силу принужденія; в) отсутствующій мужъ получаетъ предупрежденіе объ этомъ, благодаря вѣщему сновидѣнію; г) онъ возвращается какъ разъ къ моменту свадебнаго пира, встрѣчая на пути или у дома, обыкновенно, мать, не узнающую сына; д) подъ видомъ нищаго или монаха онъ получаетъ доступъ на пиръ, гдѣ жена его подноситъ ему чашу съ виномъ, куда онъ и опускаетъ свое обручальное кольцо; иной разъ онъ играетъ и поетъ, пѣснью намекая на свое возвращеніе; е) происходитъ признаніе супруговъ, и мужъ, иной разъ, въ замѣнъ своей жены, отдаетъ своему сопернику въ жены свою сестру» (стр. 467, 468).

Какъ видимъ, и въ этой схемѣ въ числѣ звеньевъ попадаются основныя подробности, какъ, напримѣръ, подробности, отмѣченныя подъ а, б, г, отчасти подъ д и е. Съ русскими былинами г. Созоновичъ поступаетъ очень оригинальнымъ и совершенно ненаучнымъ способомъ. Во-первыхъ, онъ очень мало почему-то пользовался доступнымъ намъ былиннымъ матеріаломъ [1]) и тѣмъ лишилъ себя извѣстной широты обобщеній. Во-вторыхъ, говоря о русскихъ былинахъ, г. Созоновичъ не устанавливаетъ даже и схемы, а просто-напросто сводитъ всѣ подробности извѣстныхъ ему нѣсколькихъ былинъ, а затѣмъ, сравнивая русскія былины съ южно-славянскими пѣснями, беретъ сходныя подробности изъ своего свода и отбрасываетъ несходныя. Напримѣръ, въ болгарской пѣснѣ мужъ, находящійся въ отлучкѣ, узнаетъ о свадьбѣ жены чрезъ своего коня. По былинамъ, Добрыня узнаетъ объ этомъ или отъ Ильи Муромца, или отъ калики, или отъ коня, или же, наконецъ, отъ голубя. Такъ какъ г. Созоновичу нужно доказать извѣстнаго рода зависимость, то онъ сближаетъ славянскія и русскія версіи, указывая на встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ былинахъ узнаніе черезъ коня и совершенно не обращая вниманія на другіе способы узнанія.

Если даже оставить въ сторонѣ эти ненаучные методологическіе пріемы, не обезпечивающіе вѣрныхъ выводовъ, то и тогда родственныя связи, соединяющія южно-славянскія пѣсни съ русскими былинами, подлежатъ очень и очень большому сомнѣнію. Несмотря на то, что г. Созоновичъ щедрой рукой черпаетъ сходства изъ свода подробностей различныхъ былинъ, все-таки несходствъ желающій можетъ найти еще больше. Размѣры статьи не позволяютъ намъ привести цѣликомъ плана русскихъ былинъ, изложеннаго г. Созоновичемъ сравнительно съ отмѣченными имъ основными звеньями южно-славянскихъ пѣсенъ и западно-европейскихъ сказаній (стр. 524—536). Совѣтуемъ всякому, кому попадется въ руки книга г. Созоновича, просмотрѣть указанныя намъ страницы. Изъ нихъ читатель

[1]) Очень интересный матеріалъ можно найти въ «Былинахъ старой и новой записи». Любопытны также пѣсни, помѣщенныя въ первомъ томѣ издаваемыхъ проф. Соболевскимъ «Великорусскихъ народныхъ пѣсенъ», стр. 420 и дальше.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

могъ бы убѣдиться какъ разъ въ ложности вывода, дѣлаемаго г. Созоновичемъ. Одно изъ важнѣйшихъ отличій—отсутствіе въ южнославянскихъ пѣсняхъ лица, играющаго роль, присвоенную Алешѣ Поповичу. Появленіе Алеши въ русскихъ былинахъ объясняется г. Созоновичемъ слѣдующимъ образомъ: «Добрыня, оставляя жену, приказываетъ ей ждать его возвращенія опредѣленное время; затѣмъ она можетъ выйти замужъ, за кого захочетъ, но только не за Алешу Поповича и не за Чурилу Пленковича. То же самое говоритъ Марко своей женѣ, разрѣшая ей черезъ девять лѣтъ выйти замужъ за кого угодно, даже за сердаря Пилипа, который сватался къ ней ужъ раньше. Роль Пилипа, сердаря сербской пѣсни, съ нѣкоторымъ измѣненіемъ могла подать поводъ ввести въ дѣйствіе Алешу Поповича или Чурилу Пленковича» (стр. 525).

Этотъ научный пріемъ не требуетъ комментарій. Мы старались отмѣтить несовершенство методологическихъ пріемовъ г. Созоновича, такъ какъ залогомъ правильности выводовъ служитъ правильность метода. Мы едва коснулись положеній г. Созоновича, такъ какъ, по нашему мнѣнію, нельзя ни слова говорить о достовѣрности выводовъ, если мы видимъ, что эти выводы получены при помощи неправильныхъ пріемовъ.

Несостоятельность же методологіи г. Созоновича зависитъ, главнымъ образомъ, отъ того, что въ его работѣ мы собственно наблюдаемъ «вырожденіе» метода, ибо передъ нами голое, абстрактное сравненіе, не осложненное никакими другими критеріями. Мы указывали на то, что г. Созоновичъ считаетъ возможнымъ обойтись даже безъ экскурсій въ область теоріи народно-поэтическаго творчества. Впрочемъ, иногда и онъ дѣлаетъ теоретическія наблюденія, въ родѣ слѣдующихъ:

«Какимъ образомъ объяснить, что часто историческія лица попадаютъ въ герои странствующихъ сказаній? Мнѣ думается, что въ такихъ случаяхъ играетъ преимущественную роль извѣстная аналогія между дѣятельностью историческаго лица и легендой, въ силу которой эта послѣдняя и притягивается съ тѣмъ или инымъ нарушеніемъ исторической правды въ видѣ готовой уже иллюстраціи похожденій того или другого выдающагося историческаго дѣятеля» (стр. 421).

Это теоретическое наблюденіе такъ же говоритъ само за себя, какъ новое положеніе: «мнѣ думается, $2 \times 2 = 4$». Изъ этихъ примѣровъ можно достаточно видѣть, что даже богатѣйшее собраніе матеріала безъ уясненія основъ изслѣдованія способно приводить къ крайне бѣднымъ выводамъ въ теоретическомъ смыслѣ. Но г. Созоновичъ чрезвычайно высоко цѣнитъ свои выводы культурно-историческіе. Въ предисловіи онъ указываетъ, что ему пришлось «знакомиться съ условіями литературнаго развитія (не слишкомъ ли сильно сказано?) каждой народности, усвоившей изучаемый мотивъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и, въ особенности, съ условіями возникновенія каждаго относящагося къ темѣ его произведенія» (стр. XVIII). Такимъ образомъ главное пріобрѣтеніе книги—изученіе литературнаго развитія, т. е. культурная исторія; однако результатомъ такихъ изысканій является глава 3-я въ 1-й части изслѣдованія г. Созоновича (мотивъ о женихѣ мертвецѣ). Въ ней по произведеніямъ индо-европейскихъ народовъ г. Созоновичъ открылъ, что у индо-европейскихъ народовъ существовала вѣра въ загробную жизнь и въ возвращеніе мертвыхъ (это наблюденіе положено въ основу 2-го тезиса «Основныхъ положеній» диссертаціи). Столь же новые выводы даетъ и гл. II-я о значеніи крестовыхъ походовъ.

Всѣ эти соображенія позволяютъ смотрѣть на книгу г. Созоновича только, какъ на собраніе матеріаловъ, не болѣе.

П. Щеголевъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

В. Г. БѢЛИНСКІЙ И ЧЕСТВОВАНІЯ ЕГО ПАМЯТИ.

I.

ЪЪ МАѢ (26-го) текущаго года исполнилось 50 лѣтъ со смерти величайшаго нашего критика и истиннаго основателя русской журнальной публицистики — Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго. Это событіе, само по себѣ не представляющее ничего особенно радостнаго, веселаго и утѣшительнаго, вызвало, однако, въ столичныхъ и нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ нашего отечества рядъ торжествъ, приравненныхъ общественнымъ мнѣніемъ къ разряду самыхъ свѣтлыхъ праздниковъ русскаго слова, русской мысли. И дѣйствительно, что̀, казалось бы, можетъ быть утѣшительнаго и отраднаго въ томъ, что полвѣка тому назадъ преждевременно скончался, сломленный жизнью и невзгодами, непосильными трудами и борьбою за народное и общественное благо, писатель, котораго при жизни даже друзья и близкіе люди мало понимали, котораго враги травили, преслѣдовали, и который всю жизнь былъ обреченъ на жестокую борьбу за существованіе? Казалось бы, тутъ нечему радоваться, нечему рукоплескать и, однако, что же мы видимъ? рядъ торжествъ смѣняется одно другимъ, и сословіе писателей, призывая на эти торжества русскій народъ въ лицѣ разнообразныхъ его представителей, съ гордостью восклицаетъ: «на нашей улицѣ праздникъ!» праздникъ того великаго солнца, которое властно и безпощадно гонитъ духовную тьму человѣчества и обдаетъ его жизнь мощными лучами свободы, братства и любви.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Такое явное противорѣчіе изъ двухъ положеній, двухъ моментовъ исторической жизни, раздѣленныхъ между собою 50-ти-лѣтнимъ промежуткомъ времени, — противорѣчіе только наружное, внѣшнее, служащее наглядною иллюстраціей тому, какъ жестокъ, труденъ и безпощаденъ процессъ достиженія человѣчествомъ счастія на землѣ, и какъ высоко, неизмѣримо высоко, должны мы ставить и чтить память тѣхъ, на чьихъ слезахъ, костяхъ и крови созидается наше скудное духовное благополучіе. И вотъ, когда мы сравниваемъ и сопоставляемъ начало борьбы за это благополучіе съ тѣмъ, что стало въ настоящее время неотъемлемымъ нашимъ достояніемъ, какъ бы ничтожно оно ни было, когда мы вспоминаемъ имена героевъ-борцовъ, мы отметаемъ прочь все мрачное и печальное изъ нашей памяти, останавливаемся лишь на благихъ результатахъ и духовныхъ побѣдахъ, на нихъ, какъ таковыхъ, сосредоточиваемъ вниманіе современниковъ и ихъ-то приравниваемъ къ торжествамъ, достойнымъ радости и ликованія.

Бѣлинскій, одинъ изъ самыхъ видныхъ и блестящихъ борцовъ за просвѣщеніе и свободу русскаго народа, былъ физически раздавленъ непосильнымъ бременемъ жизни. Процессъ его житейской гибели трагиченъ, полонъ ужаса и мрака; но то, во имя чего онъ несъ свой земной крестъ, ради чего онъ боролся, что непрестанно провозглашалъ устно, въ письмахъ, на страницахъ журналовъ, что составляло его истинную жизнь, чѣмъ онъ дышалъ и въ чемъ находилъ настоящую радость и счастіе, о! это все, въ противность житейскому фону сѣрыхъ дней, въ противность повседневнымъ невзрачнымъ кулисамъ жизни, все это отличается удивительно свѣтлымъ колоритомъ, отражено тѣмъ сіяніемъ, что свидѣтельствуетъ и твердитъ намъ о праведности, о чистѣйшей красотѣ, съ чѣмъ соединены главнѣйшіе стимулы нашей жизни — вѣра, надежда, любовь. Вѣра—въ правоту своего дѣла и его святость, надежда—на побѣду этого дѣла надъ неправдою жизни и окружающимъ зломъ, любовь—къ человѣчеству, ради котораго подъята борьба и принесено въ жертву свое земное житейское я.

Каждая народность, каждое сословіе, каждая группа лицъ, объединенныхъ какою нибудь возвышенною задачею, имѣетъ своихъ праведниковъ-героевъ, которыхъ они могутъ въ любой моментъ представить съ гордостью на строгій судъ исторіи. Бѣлинскій—тотъ праведникъ-герой съ чистымъ сердцемъ, чистыми помыслами и непорочною жизнью, котораго именно русская литература можетъ выдвинуть передъ всѣми прочими своими дѣятелями на любой судъ, какъ бы строгъ и безпощаденъ онъ ни былъ. Обращаясь къ памяти великаго критика, Некрасовъ такъ характеризовалъ его:

Наивная и страстная душа,
Въ комъ помыслы прекрасные кипѣли,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Упорствуя, волнуясь и спѣша,
Ты честно шелъ къ одной высокой цѣли,
Кипѣлъ, горѣлъ—и быстро ты угасъ!
. . . . . .
Ты по судьбѣ печальной безпримѣренъ:
Твой трудъ живетъ и долго не умретъ,
А ты погибъ, несчастливъ и незнаемъ!

Въ этихъ строфахъ рядомъ съ вѣрной, хотя и нѣсколько блѣдной, характеристикой нашего критика, встрѣчается и нѣкоторая неточность. Бѣлинскій умеръ дѣйствительно «несчастливъ», будучи «безпримѣренъ печальной судьбой», но зато далеко не незнаемъ. Литературная извѣстность и слава его гремѣли уже и при жизни, хотя полная оцѣнка его дѣятельности, поскольку она отразилась на позднѣйшей русской дѣйствительности, выясняется только въ наши дни, когда 50-ти-лѣтнее чествованіе его памяти обращается въ яркое общественное торжество. Вотъ почему и дальнѣйшіе стихи поэта, стихи пророческаго характера, не встрѣчаютъ подтвержденія въ современной дѣйствительности.

«И съ дерева невѣдомаго плодъ»,— продолжаетъ Некрасовъ,—

Безпечные безпечно мы вкушаемъ.
Намъ дѣла нѣтъ, кто возростилъ его,
Кто посвящалъ ему и трудъ, и время,
И о тебѣ не скажетъ ничего
Своимъ потомкамъ сдержанное племя...
И съ каждымъ днемъ окружена тѣснѣй,
Затеряна давно твоя могила.
И память благородная друзей
Дороги къ ней не проторила...

Пророчество настоящихъ стиховъ не сбылось: современное поколѣніе черезъ своихъ представителей и ихъ былыхъ предшественниковъ знаетъ въ полной мѣрѣ, съ какого дерева мы вкушаемъ плоды нѣкоторой свободы и нѣкотораго просвѣщенія, и къ могильному памятнику Бѣлинскаго проторена уже широкая «народная тропа». Вотъ почему въ настоящіе дни, посвященные памяти великаго учителя, съ бо̀льшею охотою вспоминаются другіе стихи того же поэта, написанные нѣсколько позднѣе, гдѣ мастерски изображено значеніе Бѣлинскаго, и которые всѣхъ лучше объясняютъ намъ, почему поминки его вполнѣ законно относятся русскимъ обществомъ къ категоріи радостныхъ торжествъ. Стихи эти являются отрывкомъ изъ поэмы «Медвѣжья охота»:

«...Молясь твоей многострадальной тѣни,
Учитель! передъ именемъ твоимъ
Позволь смиренно преклонить колѣни!

Въ тѣ дни, какъ все коснѣло на Руси,
Дремля и раболѣпствуя позорно,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Твой умъ кипѣлъ — и новыя стези
Прокладывалъ, работая упорно.

Ты не гнушался никакимъ трудомъ:
«Чернорабочій я — не бѣлоручка»,
Говаривалъ ты намъ — и на проломъ
Шелъ къ истинѣ, великій самоучка!

Ты насъ гуманно мыслить научилъ,
Едваль не первый вспомнилъ о народѣ,
Едваль не первый ты заговорилъ
О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ...».

Эти-то великія и неоспоримыя заслуги передъ родною землею, мѣтко обрисованныя Некрасовымъ, въ соединеніи съ «безпримѣрно печальной судьбою» въ личной жизни, въ соединеніи съ наивностью, съ голубиною чистотою души, окружаютъ имя Виссаріона Григорьевича Бѣлинскаго ореоломъ праведника-героя, о которомъ я говорилъ выше, вѣнцомъ мученика за правду жизни. Это же содержаніе его литературной дѣятельности — проповѣдь гуманности, равенства, свободы и любви къ народу, создаютъ изъ него провозвѣстника позднѣйшихъ «великихъ реформъ», которыми мы по всей справедливости гордимся. Неразрывная связь дѣятельности геніальнаго критика съ лучшими сторонами нашей современной гражданской жизни—фактъ неоспоримый, и вотъ потому-то, переносясь памятью за полвѣка назадъ, къ печальнымъ днямъ мучительной кончины Бѣлинскаго, мы испытываемъ на первыхъ порахъ не чувство щемящей тоски, а горячую признательность «великому самоучкѣ», чувство радости и бодрости передъ сознаніемъ тѣхъ уже завоеванныхъ преимуществъ и благъ общественной жизни, которыми мы пользуемся нынѣ, благодаря его самоотверженной дѣятельности, упорному труду, и беззавѣтной любви къ русскому народу.

Посмотримъ же, какъ отмѣтило общество пятидесятую годовщину смерти своего лучшаго представителя и чѣмъ помянуло оно день его кончины. Эта маленькая хроника нашей общественной жизни и составляетъ главную тему моего текущаго очерка, но составить эту хронику и ничего не сказать о жизни, дѣятельности того, кому посвящается эта хроника, я не считаю удобнымъ, почему и обращаюсь прежде всего къ біографіи и характеристикѣ Бѣлинскаго, но при этомъ считаю долгомъ оговориться. Тѣхъ — кто интересуется предметомъ болѣе обстоятельно и подробно, отсылаю къ извѣстному труду А. Н. Пыпина «Бѣлинскій, его жизнь и переписка» и «Очеркамъ гоголевскаго періода» Чернышевскаго, а также къ новѣйшимъ работамъ, посвященнымъ нашему критику: С. А. Венгерова «Великое сердце» («Русское Богатство» 1898 г.), книгѣ Е. Соловьева «В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ» и «Публичнымъ лекціямъ» В. Острогорскаго «В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и педагогъ». О послѣднихъ трехъ работахъ я буду говорить въ свое время, когда пойдетъ рѣчь объ общественныхъ чествованіяхъ памяти Бѣлинскаго. Кромѣ названныхъ статей и сочиненій, полезно также ознакомиться съ статьми М. М. Филиппова «Философскія убѣжденія Бѣлинскаго» («Научное обозрѣніе», 1897 г.), И. И. Иванова «Исторія русской критики», часть 3-я («Міръ Божій», 1898 г.) и съ небольшой кіевской брошюрой г. Александровскаго «Къ пятидесятилѣтію смерти В. Г. Бѣлинскаго». Я указалъ лишь на работы самаго послѣдняго времени, гдѣ авторы взяли предметъ въ полномъ его объемѣ и обосновали его на всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ печатныхъ матеріалахъ, въ числѣ которыхъ «переписка» критика играетъ существеннѣйшую роль; полная же литература о Бѣлинскомъ помѣщена уже въ статьѣ г. Языкова «Бѣлинскій въ русской литературѣ» («Историческій Вѣстникъ», 1898 г., май), гдѣ интересующіеся могутъ найти указанія на разныя стороны жизни критика и на отдѣльные эпизоды изъ этой жизни.

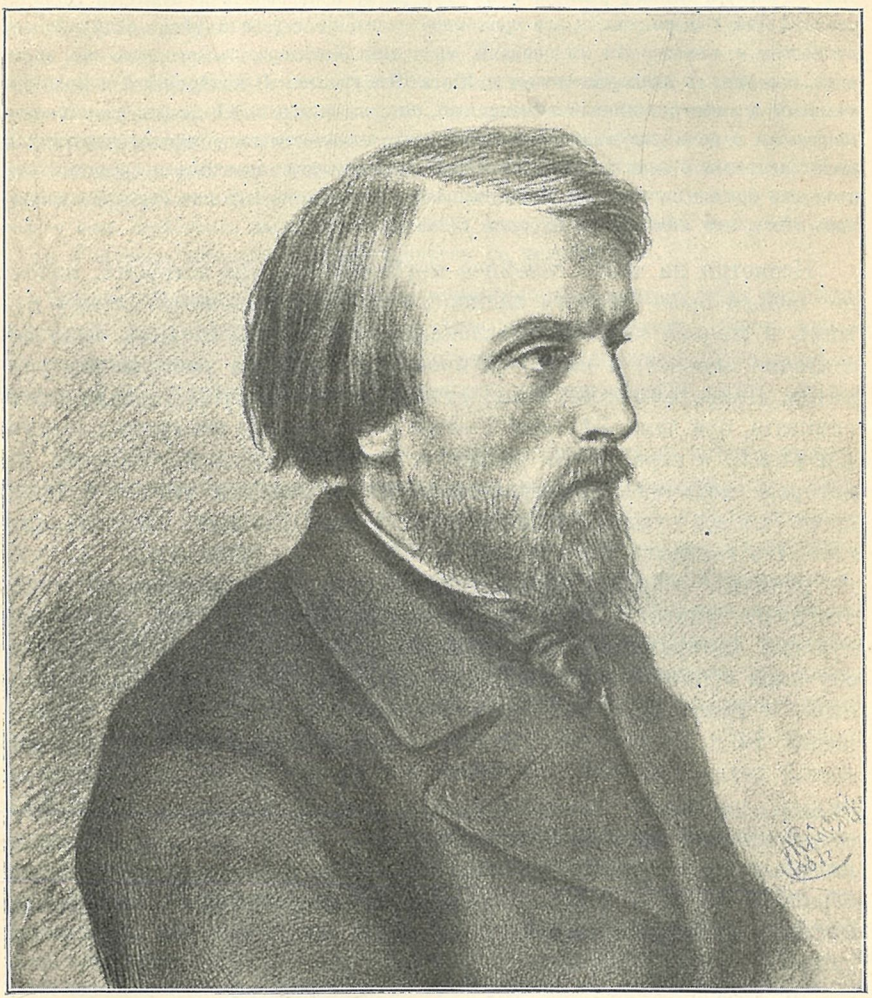
II.

Біографія Бѣлинскаго черезвычайно бѣдна внѣшними фактами, скудна смѣною обстоятельствъ жизни. Вся эта недолгая жизнь протекла въ литературѣ и ради литературы, почему и интересъ жизнеописанія такихъ людей, какъ Бѣлинскій, главнымъ образомъ заключается въ томъ, поскольку ихъ литературная дѣятельность отразилась на складѣ ихъ собственной жизни, а еще болѣе на жизни общественной,—съ одной стороны, и съ другой — какіе общественные мотивы вносила эта жизнь (жизнь индивидуальная и жизнь современнаго имъ общества) въ ихъ литературную дѣятельность, въ работу ихъ ума и сердца. Но какъ бы тамъ ни было, безъ фактовъ не бываетъ жизни, а потому и обратимся къ нимъ прежде всего.

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій родился въ 1810 году въ Свеаборгѣ, гдѣ въ тотъ годъ отецъ его, будучи лѣкаремъ флота, стоялъ съ экипажемъ, но собственно родословная его идетъ изъ села Бѣлыни, Пензенской губерніи, Нижнеломовскаго уѣзда. Тамъ, въ с. Бѣлыни, дѣдъ нашего критика состоялъ священникомъ, и отъ имени этого же села была дана ему фамилія Бѣлынскій (которую Виссаріонъ Григорьевичъ впослѣдствіи уже самъ передѣлалъ въ Бѣлинскій). Такимъ образомъ, по свидѣтельству Тургенева, «въ жилахъ Бѣлинскаго текла безпримѣсная кровь — принадлежность нашего великорусскаго духовенства, столько вѣковъ недоступнаго вліянію иностранной породы». Въ 1816 году Григорій Никифоровичъ Бѣлинскій бросилъ службу въ флотѣ и переѣхалъ на жительство въ родную Пензенскую губернію, гдѣ въ городѣ Чембарѣ занялъ должность уѣзднаго врача. Одно лицо, близко стоявшее къ В. Г. Бѣлинскому, такъ описываетъ домашній бытъ и обстановку, среди которыхъ протекло его дѣтство.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Матеріальныя средства семейства были въ среднемъ уровнѣ уѣздной жизни. У Бѣлинскихъ былъ свой довольно просторный домикъ съ обычными хозяйственными принадлежностями; прислуга состояла изъ семьи крѣпостныхъ дворовыхъ людей. Но жалованье уѣзднаго лѣкаря было очень небольшое, а практика въ уѣздѣ, кажется, довольно значительная, мало вознаграждалась деньгами, а всего чаще при-



Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.
Съ литографіи Астафьева.

сылкой къ большимъ праздникамъ разной провизіи, причемъ особенною щедростью отличалась г-жа Владыкина, родная племянница Бѣлинскаго-отца, бывшая за мужемъ за богатымъ помѣщикомъ. Подъ конецъ средства семьи стали еще уменьшаться, какъ вообще стали разстроиваться отношенія Бѣлинскаго-отца съ чембарскимъ обществомъ и самая домашняя жизнь. Это объясняется съ одной стороны

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

его характеромъ, съ другой—несчастною слабостью, которой онъ сталъ больше и больше поддаваться. Это былъ, по-своему, все-таки образованный человѣкъ и могъ стоять выше малограмотнаго уѣзднаго люда. Отъ многихъ предразсудковъ онъ былъ свободенъ и, склонный къ насмѣшливости, онъ не стѣснялся высказывать мнѣнія, которыя иногда казались слишкомъ рѣзкими. Въ религіозныхъ предметахъ Григорій Никифоровичъ, какъ говорятъ, пользовался репутаціей гоголевскаго Амоса Ѳедоровича, и все грамотное населеніе города и уѣзда обвиняло его въ безбожіи, нехожденіи въ церковь, въ чтеніи Вольтера, съ которымъ онъ, впрочемъ, соединялъ Эккартсгаузена и Юнга-Штиллинга. Недовѣрчивый и подозрительный, а вмѣстѣ лѣнивый и безпечный, онъ разошелся съ уѣзднымъ обществомъ; не находя и дома разумнаго сочувствія, онъ окончательно предался пьянству и мало заботился о семьѣ; съ этимъ стала уменьшаться практика и средства; онъ неохотно брался за лѣченіе, обнаруживалъ притворство, гдѣ оно было, и закончилось тѣмъ, что помѣщичья публика стала избѣгать его».

Несмотря на такое семейное неустройство, при которомъ, конечно, нельзя было ожидать слишкомъ добрыхъ отношеній между мужемъ и женою, положеніе маленькаго Виссаріона въ домѣ было достаточно сносное, и ничто не препятствовало его умственному развитію. Напротивъ даже, между отцомъ и сыномъ существовала явная симпатія, при чемъ Бѣлинскій—отецъ «не могъ не отличить и остроумія рѣчей, и страсти къ чтенію, и пытливой любознательности, съ которою мальчикъ прислушивался къ разсказамъ отца о прошедшемъ, къ его сужденіямъ о предметахъ, вызывающихъ на размышленіе». Въ бесѣдахъ съ отцомъ, въ книгахъ его библіотеки, онъ уже въ раннемъ возростѣ почерпнулъ начала борьбы, протеста и умственнаго упорства, каковыми качествами такъ богата его послѣдующая литературная дѣятельность. Шести лѣтъ уже Виссаріонъ обучился грамотѣ у вольнопрактиковавшей учительницы Ципровской, а тринадцати онъ былъ опредѣленъ въ только-что открывшееся тогда чембарское уѣздное училище. Обстановка и педагогическій персоналъ этого захолустнаго учебнаго заведенія были незавидные, но все же пребываніе здѣсь юнаго Бѣлинскаго было сносное, благодаря мягкой натурѣ смотрителя училища, и не наложило на его душу никакихъ особенно мрачныхъ слѣдовъ. Тогда же онъ обратилъ на себя вниманіе директора Пензенскихъ училищъ, извѣстнаго романиста Лажечникова. По этому предмету Лажечниковъ разсказываетъ слѣдующее:

«Въ 1823 г. ревизовалъ я чембарское училище. Новый домъ для него былъ только-что отстроенъ. Во время дѣлаемаго мною экзамена выступилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтился разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ между тѣмъ на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серіозно... На всѣ дѣлаемые ему вопросы онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностію, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ большею частію своими словами, прибавляя

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ими то, что не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью и, признаюсь, старался сбить его... Мальчилъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ. Это меня пріятно изумило, также и то, что штатный смотритель не конфузился, что его ученикъ говоритъ не слово въ слово по учебной книжкѣ... Напротивъ, лицо добраго и умнаго смотрителя сіяло радостно, какъ будто онъ видѣлъ въ этомъ торжествѣ собственное свое. Я спросилъ его, кто этотъ мальчикъ. «Виссаріонъ Бѣлинскій, сынъ здѣшняго уѣзднаго штабъ-лѣкаря», сказалъ онъ мнѣ. Я поцѣловалъ Бѣлинскаго въ лобъ, съ душевною теплотою привѣтствовалъ его, тутъ же потребовалъ изъ продажной библіотеки какую-то книжонку, на заглавномъ листѣ которой подписалъ «Виссаріону Бѣлинскому за прекрасные успѣхи въ ученіи (или что-то подобное) отъ такого-то, тогда-то». Мальчикъ принялъ отъ меня книгу безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ съ малолѣтства».

Этотъ разсказъ Лажечникова черезвычайно важенъ для характеристики маленькаго Бѣлинскаго. Онъ рисуется намъ, какъ мальчикъ серьезный, съ обширною памятью, выдержанный, самостоятельный, съ независимымъ характеромъ, не привыкшій гнуть спины передъ сильными и властными міра сего.

Въ 1825 году, Бѣлинскій, на шестнадцатомъ году жизни, поступилъ въ четырехклассную Пензенскую гимназію, поселившись вмѣстѣ съ тѣмъ въ городѣ на вольной квартирѣ, гдѣ имѣли жительство и семинаристы. Это сожительство оказало на его умственное развитіе и знакомство съ отвлеченными вопросами формальнаго знанія доброе вліяніе. Въ силу этого онъ вскорѣ заслужилъ среди товарищей-гимназистовъ прозвище «философа» и оказывалъ прекрасные успѣхи по логикѣ, исторіи, географіи и словесности, но плохо учился по математикѣ. Пережившій на много лѣтъ Бѣлинскаго, учитель естественной исторіи и словесности М. Поповъ повѣствуетъ о гимназическихъ годахъ нашего критика слѣдующее:

«Бѣлинскій, несмотря на малые успѣхи въ наукахъ и языкахъ, не считался плохимъ мальчикомъ. Многое мимоходомъ запало въ его крѣпкую память; многое онъ понималъ самъ, своимъ пылкимъ умомъ, еще больше въ немъ набиралось свѣдѣній изъ книгъ, которыя онъ читалъ въ гимназіи. Бывало, поэкзаменуйте его, какъ обыкновенно экзаменуютъ дѣтей,—онъ изъ послѣднихъ, а поговорите съ нимъ дома, подружески, даже о точныхъ наукахъ—онъ первый ученикъ. Онъ бралъ у меня книги и журналы, пересказывалъ мнѣ прочитанное, судилъ и рядилъ обо всемъ, задавалъ мнѣ вопросы за вопросами... По лѣтамъ и тогдашнимъ отношеніямъ нашимъ, онъ былъ неровный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукахъ и литературѣ. Домашнія бесѣды наши продолжались и послѣ того, какъ Бѣлинскій поступилъ въ высшіе классы гимназіи. Дома мы толковали о словесности; въ гимназіи онъ съ другими учениками слушалъ у меня естественную исторію. Но въ Казанскомъ университетѣ я шелъ по филологическому факультету, и русская словесность всегда была моей исключительной страстью. Можете представить себѣ, что иногда происходило въ классѣ естественной исторіи, гдѣ передъ страстнымъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

еще молодымъ въ то время учителемъ, сидѣлъ такой же страстный къ словесности ученикъ. Разумѣется, начиналъ я съ зоологіи, ботаники или орнитологіи и старался держаться этого берега, но съ середины, а случалось и съ начала лекціи, отъ меня ли, отъ Бѣлинскаго ли, Богъ знаетъ, только естественныя науки превращались у насъ въ теорію или исторію литературы. Отъ Бюффона-натуралиста я переходилъ къ Бюффону-писателю, отъ Гумбольдтовой географіи растеній къ его «Картинамъ природы», отъ нихъ къ поэзіи разныхъ странъ, потомъ... къ цѣлому міру въ сочиненіяхъ Тацита и Шекспира, къ поэзіи въ сочиненіяхъ Шиллера и Жуковскаго. А гербаризація? Бывало, когда отправлюсь съ учениками за городъ, во всю дорогу, пока не дойдешь до пасѣки, что̀ позади городского гулянья, или до рощи, что̀ за рѣкой Пензой, Бѣлинскій пристаетъ ко мнѣ съ вопросами о Гёте, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что̀ волновало въ то доброе время наши молодыя сердца».

Въ тѣхъ же своихъ воспоминаніяхъ Поповъ даетъ еще слѣдующія свѣдѣнія о Бѣлинскомъ-гимназистѣ:

«Въ гимназіи,—повѣствуетъ онъ,—по возросту и возмужалости, Бѣлинскій во всѣхъ классахъ былъ старше многихъ сотоварищей. Наружность его мало измѣнилась впослѣдствіи; онъ и тогда былъ неуклюжъ, угловатъ въ движеніяхъ. Неправильныя черты лица его между хорошенькими личиками другихъ дѣтей казались суровыми и старыми. На вакансіи онъ ѣздилъ въ Чембаръ, но не помню, чтобы отецъ его пріѣзжалъ къ нему въ Пензу; не помню, чтобы кто нибудь принималъ въ немъ участіе. Онъ видимо былъ безъ женскаго призора, носилъ платье кое-какое, иногда съ непочиненными прорѣхами. Другой на его мѣстѣ смотрѣлъ бы жалкимъ, заброшеннымъ мальчикомъ, а у него взглядъ и поступки были смѣлые, какъ бы говорившіе, что онъ не нуждается ни въ чьей помощи, ни въ чьемъ покровительствѣ. Таковъ онъ былъ и послѣ, такимъ пошелъ и въ могилу»...

Одинъ изъ товарищей Бѣлинскаго такъ описываетъ внѣшкольное житье Бѣлинскаго: «Онъ жилъ въ большой бѣдности,— говоритъ Ивановъ,— зимой ходилъ въ нагольномъ тулупѣ; на квартирѣ жилъ въ самой дурной части города, вмѣстѣ съ семинаристами; мебель имъ замѣняли квасные боченки... онъ спорилъ съ семинаристами о достоинствѣ произведеній Сумарокова и Хераскова и восхищался романами Радклифъ. Изъ дома моего отца Бѣлинскій впервые получилъ для чтенія романы Вальтеръ-Скотта на русскомъ языкѣ и произведенія лучшихъ нашихъ писателей». Тогда же онъ началъ сильно увлекаться театромъ, который въ Пензѣ содержался помѣщикомъ Гладковымъ.

Сожитель Бѣлинскаго, г. Ивановъ раскрываетъ передъ нами и работу духа своего товарища, освѣщаетъ ту нравственную атмосферу, въ которой складывались его убѣжденія, формировался его характеръ.

«Совмѣстное житье съ семинаристами было благодѣтельно для насъ во многихъ отношеніяхъ,— говоритъ онъ. Видя передъ своими глазами суровую, полную патріархальной простоты жизнь этихъ закаленныхъ въ нуждѣ тружениковъ школьнаго ученія, умѣвшихъ довольствоваться самыми малыми средствами... мы сами

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

Съ гравированнаго портрета Пожалостина.

невольно учились безропотному перенесенію житейскихъ невзгодъ, мужали и крѣпли духомъ, запасались тою силою, безъ которой не возможна никакая борьба ни съ самимъ собою, ни съ жизнью. Не малую пользу приносили Бѣлинскому оживленные споры и бесѣды семинаристовъ о предметахъ, касавшихся философіи, богословія, общественной и частной жизни; при этихъ спорахъ онъ не всегда былъ только простымъ внимательнымъ слушателемъ, но принималъ въ нихъ и самъ дѣятельное участіе; уже здѣсь изощрялась его діалектическая сила... Семинаристы, жившіе съ нами, считали себя въ литературныхъ познаніяхъ ниже Бѣлинскаго,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и настолько довѣряли его вкусу, что нерѣдко просили его выслушать школьныя произведенія пера своего. Бѣлинскій, бывало, читалъ имъ вслухъ статьи изъ добытыхъ имъ журналовъ, сообщалъ свои мнѣнія, дѣлился впечатлѣніями...».

Приводимыя показанія современниковъ Бѣлинскаго-гимназиста свидѣтельствуютъ, что ко времени перехода въ старшій классъ Пензенской гимназіи онъ стоялъ головою выше не только своихъ товарищей по классу, и становился по интересамъ къ вопросамъ литературы, науки и искусства въ ровень не только старшимъ его семинаристамъ, но и учителямъ. Онъ уже не подчиняется глухо и слѣпо ихъ авторитету, но анализируетъ самостоятельно предметъ изученія и по каждому вопросу смѣетъ имѣть свое сужденіе. «Бѣлинскій и въ то время не скоро поддавался на чужое мнѣніе,—говоритъ Поповъ. Когда я объяснялъ ему высокую прелесть въ простотѣ, поворотъ къ самобытности и возростаніе таланта Пушкина, онъ качалъ головой, отмалчивался или говорилъ: «дайте, подумаю, дайте, еще прочту». Если же съ чѣмъ онъ соглашался, то, бывало, отвѣчалъ со страшною увѣренностью: «совершенно справедливо».

Такое свободное отношеніе къ учительскому авторитету ясно показываетъ, что Бѣлинскій переросъ гимназію, которая ни по своему педагогическому персоналу, ни своими учителями, ни программою прохожденія курса уже оказывается не въ силахъ удовлетворить его запросамъ, его жаждѣ знанія. Прямымъ слѣдствіемъ было то, что онъ пересталъ посѣщать опротивѣвшую ему гимназію, а это въ свою очередь послужило основаніемъ къ его исключенію изъ числа воспитанниковъ «за нехожденіе въ классъ». Это «нехожденіе», кромѣ разочарованія въ пользѣ гимназіи для его умственнаго развитія, находилось также въ тѣсной связи съ влеченіемъ къ университету, гдѣ онъ надѣялся найти отвѣты одолѣвшимъ его вопросамъ, надѣялся обрѣсти душевный покой.

Но если гимназія не могла выдать своему питомцу диплома о благополучномъ окончаніи курса, если она снабдила его скуднымъ багажемъ фактическаго знанія, то все-же мы не можемъ отнести ученическихъ годовъ Бѣлинскаго къ пропадшимъ годамъ, поглотившимъ массу времени и не давшимъ взамѣнъ ничего. Въ этотъ періодъ времени, подъ вліяніемъ во всякомъ случаѣ счастливыхъ обстоятельствъ, встрѣтившихся совершенно случайно на его жизненномъ пути (М. Поповъ, семинаристы, обильное чтеніе, театръ), складываются въ опредѣленномъ направленіи его характеръ, его вкусы, его стремленія. Не только на гимназической скамейкѣ, но даже еще когда онъ былъ ученикомъ уѣзднаго училища, въ немъ сказывается будущій литераторъ, которому никогда не суждено избѣгнуть своей участи, для котораго литература и только литература будетъ всегда единой стихіей.

«Еще будучи мальчикомъ и ученикомъ уѣзднаго училища,—говоритъ онъ въ одной рецензіи,—я въ огромныя кипы тетрадей неутомимо, денно и нощно, и безъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Жена Бѣлинскаго, Марья Васильевна (слѣва), сестра ея, дѣвица Агриппина Васильевна Орлова (справа), дочь Бѣлинскаго, Ольга (посрединѣ).

Съ фотографіи, снятой въ концѣ пятидесятыхъ годовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

всякаго разбору, списывалъ стихотворенія Карамзина, Дмитріева, Сумарокова, Державина, Хераскова, Петрова, Станевича, Богдановича, Максима Невзорова, Крылова и другихъ..., и плакалъ, читая «Бѣдную Лизу» и «Марьину Рощу», и вмѣнялъ себѣ въ священную обязанность бродить по полямъ при томномъ свѣтѣ луны, съ понурымъ лицомъ à la Эрастъ Чертополоховъ. Воспоминанія дѣтства такъ обольстительны, къ тому же природа мнѣ дала самое чувствительное сердце и сдѣлала меня поэтомъ, ибо, еще будучи ученикомъ уѣзднаго училища, я писалъ баллады и думалъ, что онѣ не хуже балладъ Жуковскаго, не хуже «Раисы» Карамзина, отъ которой я тогда сходилъ съ ума».

А. Н. Пыпинъ въ своей основной и до настоящихъ дней біографіи Бѣлинскаго подчеркиваетъ писательство нашего критика въ дѣтскихъ еще и юношескихъ годахъ... «Чуть не съ дѣтскихъ лѣтъ въ Бѣлинскомъ сказывалось влеченіе, которое, развиваясь, превратилось въ страсть, наполнившую всю его жизнь,—говоритъ онъ. Въ его натурѣ глубоко вкоренилось это стремленіе къ прекрасному и доброму, и самая любовь къ литературѣ была именно выраженіемъ этого стремленія, для котораго онъ почти исключительно здѣсь находилъ пищу. Бѣлинскій не былъ, что называется, «воспитанъ» на какомъ нибудь изъ великихъ писателей, напротивъ, онъ читалъ безъ разбора все, что попадалось подъ руку; уже съ той поры ему знакома была не только новая, но и старая литература русская; онъ даже восхищался Сумароковымъ... Бѣлинскій вносилъ въ свое чтеніе всю свою страсть; въ нескладныхъ произведеніяхъ XVIII-го вѣка или сентиментальной школѣ онъ могъ находить себѣ удовлетвореніе, потому что и въ нихъ умѣлъ отыскивать и почувствовать проблески истиннаго чувства и намеки на поэзію. Для одного и чтеніе Шекспира или Гёте останется безплодно; для Бѣлинскаго довольно было произведеній, гораздо болѣе скромныхъ, чтобы поддержать въ немъ уже готовыя идеальныя стремленія. Кромѣ того, какова бы ни была литература, которую перечитывалъ тогда Бѣлинскій, это была литература того общества, къ которому онъ самъ принадлежалъ, которому онъ долженъ бытъ нѣкогда служить; и для его «воспитанія» не осталось безъ значенія то обстоятельство, что именно и только эта литература была ему тогда доступна: въ своемъ чтеніи онъ, такъ сказать, пережилъ ее, тѣмъ опредѣленнѣе и ярче было потомъ его представленіе объ ея историческомъ развитіи. Отсутствіе выбора въ чтеніи не повредило и его эстетическому пониманію. Неразвитый дѣтскій вкусъ удовлетворялся и грубоватыми произведеніями XVIII-го вѣка; мало-по-малу этотъ вкусъ развился, становился требовательнѣе, и гимназистъ Бѣлинскій былъ не только поклонникомъ Пушкина, но имѣлъ свои опредѣленныя предпочтенія, и не вдругъ поддавался возраженіямъ, хотя бы они и были довольно авторитетны».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

III.

Въ началѣ 1829 г., по выдержаніи вступительнаго экзамена, Бѣлинскій былъ принятъ въ Московскій университетъ казеннокоштнымъ студентомъ и поселился въ № 11 студенческаго общежитія. Въ университетѣ съ нимъ повторилась почти та же исторія, что и въ Пензенской гимназіи. Само по себѣ высшее учебное заведеніе, какъ таковое, съ его профессорами и обязательными лекціями и административнымъ режимомъ не послужило для него источникомъ умственнаго и душевнаго просвѣтленія, котораго такъ пламенно искала его страстная натура. Увлеченіе университетомъ на первыхъ порахъ вскорѣ уступило мѣсто разочарованію, недовольству и даже антипатіи къ формальной наукѣ. Вся его духовная жизнь, всѣ интересы сосредоточились, какъ нѣкогда на родинѣ, въ товарищескомъ кружкѣ, сплотившемся въ № 11 общежитія, въ спорахъ, въ чтеніи, а также въ близости къ нѣкоторомъ представителямъ тогдашней передовой московской интеллигенціи. № 11-му общежитія суждено было сыграть въ жизни критика выдающуюся роль. Тутъ собралась компанія съ хорошо развитыми литературными вкусами, страстно тяготѣвшая къ театру, восторженная и шумная, шумная въ хорошемъ смыслѣ слова.

«Умственная дѣятельность въ 11-мъ нумерѣ шла бойко,—разсказываетъ Прозоровъ:—споръ о классицизмѣ и романтизмѣ еще не прекращался тогда между литераторами, несмотря на глубокомысленное и многостороннее рѣшеніе этого вопроса Надеждинымъ въ его докторскомъ разсужденіи о происхожденіи и судьбѣ поэзіи романтической... И между студентами были свои классики и романтики, сильно ратовавшіе между собою на словахъ. Нѣкоторые изъ старшихъ студентовъ, слушавшіе теорію краснорѣчія и поэзіи Мерзлякова и напитанные его переводами изъ греческихъ и римскихъ поэтовъ, были въ восторгѣ отъ его перевода Тассова «Іерусалима» и очень неблагосклонно отзывались о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина, только что появившемся въ печати, съ торжествомъ указывая на глумливые о немъ отзывы «Вѣстника Европы». Первогодичные студенты, воспитанные въ школѣ Жуковскаго и Пушкина и не заставшіе уже въ живыхъ Мерзлякова, мало сочувствовали его переводамъ и взамѣнъ этого знали наизусть прекрасныя пѣсни его и безпрестанно декламировали цѣлыя сцены изъ комедіи Грибоѣдова, которая тогда еще не была напечатана. Пушкинъ приводилъ насъ въ неописанный восторгъ. Между младшими студентами самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма былъ Бѣлинскій, который отличался необыкновенной горячностью въ спорахъ и, казалось, готовъ былъ вызвать на битву всѣхъ, кто противорѣчилъ его убѣжденіямъ. Увлекаясь пылкостью, онъ ѣдко и безпощадно преслѣдовалъ все пошлое и фальшивое, былъ жестокимъ гонителемъ всего, что отзывалось реторикою и литературнымъ старовѣрствомъ. Доставалось отъ него не только Ломоносову, но и Державину за реторическіе стихи и пустозвонныя фразы».

Рядомъ съ интересами къ литературѣ высоко стоялъ въ нумерѣ 11-мъ и интересъ къ театру. Уже въ Пензѣ театръ Гладкова былъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тѣмъ прибѣжищемъ, гдѣ гимназистъ-Бѣлинскій находилъ истинное утѣшеніе въ сѣрой окружавшей его жизни; теперь, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ жизни, опять-таки московскій театръ и игра Мочалова становится для него храмомъ, куда онъ страстно несетъ свои молитвы искусству и творчеству, гдѣ его восторженная натура обрѣтаетъ неизсякаемый источникъ блаженства и наслажденій.

Театръ и литература становятся центрами всѣхъ его помысловъ и мечтаній, заслоняя собою все остальное въ жизни, не исключая и университета и профессоровъ. Зачатки литературныхъ наклонностей, проявленные имъ еще въ Чембарскомъ училищѣ, встрѣчаютъ въ эти дни благодарную почву, такъ что на ней рано или поздно неминуемо долженъ былъ реализироваться какой нибудь опредѣленный фактъ литературно-общественнаго характера.

Послѣдній дѣйствительно не заставилъ себя долго ожидать: въ 1831 году онъ преподноситъ товарищамъ по общежитію трагедію въ 5 дѣйствіяхъ, произведеніе очень слабое въ литературномъ отношеніи, но въ высшей степени замѣчательное, какъ явленіе общественнаго характера, сыгравшее въ жизни нашего критика рѣшающую, роковую роль. Я не стану передавать здѣсь содержаніе пьесы, уже достаточно извѣстной въ нашей литературѣ, отмѣчу лишь ея общественное значеніе. Въ этой пьесѣ Бѣлинскій первый послѣ Радищева выступаетъ рѣзкимъ обличителемъ крѣпостного права, истолкователемъ его зла и позора. Въ одномъ изъ монологовъ герой пьесы говоритъ: «Неужели эти люди для того только родятся на свѣтъ, чтобы служить прихотямъ такихъ же людей, какъ и они сами?.. Кто далъ это гибельное право однимъ людямъ порабощать своей власти волю другихъ, подобныхъ имъ существъ, отнимать у нихъ священное сокровище—свободу? Кто позволилъ имъ ругаться надъ правами природы и человѣчества? Господинъ можетъ, для потѣхи или для разсѣянія, содрать шкуру съ своего раба, можетъ продать его, какъ скота, вымѣнять на собаку, на лошадь, на корову, разлучить его на всю жизнь съ отцомъ, съ матерью, съ сестрами, съ братьями и со всѣмъ, что для него мило и драгоцѣнно!.. Милосердный Боже! Отецъ человѣковъ! отвѣтствуй мнѣ: твоя ли премудрая рука произвела на свѣтъ этихъ змѣевъ, этихъ крокодиловъ, этихъ тигровъ, питающихся костями и мясомъ своихъ ближнихъ, и пьющихъ, какъ воду, ихъ кровь и слезы?»

Пьесу свою Бѣлинскій представилъ въ комитетъ цензуры, состоявшій тогда изъ профессоровъ университета, и вотъ каковы дальнѣйшія слѣдствія этого представленія, изложенныя Бѣлинскимъ въ письмѣ къ роднымъ:

«Собравши всѣ обстоятельства моей жизни,—писалъ онъ,—я въ правѣ назвать себя несчастливѣйшимъ человѣкомъ. Въ моей груди сильно пылаетъ пламя тѣхъ чувствъ, высокихъ и благородныхъ, которыя бываютъ удѣломъ немногихъ избранныхъ, и при всемъ томъ меня очень рѣдкіе могутъ цѣнить и понимать... Всѣ мои желанія, намѣренія и предпріятія самыя благородныя, какъ въ разсужденіи самого

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Бѣлинскій передъ смертью.

Съ картины художника Наумова.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

себя, такъ и другихъ, оканчивались или неудачами, или ко вреду мнѣ же и, что всего хуже, навлекали на меня нареканіе и подозрѣніе въ дурныхъ умыслахъ. Доказательства передъ глазами. Вы сами знаете, какъ сладки были лѣта моего младенчества... Учась въ гимназіи, я жилъ въ бѣдности... Поѣхалъ въ Москву съ пламеннымъ желаніемъ опредѣлиться въ университетъ; мое желаніе сбылось. По вѣтренности, а болѣе по неопытности, истратилъ данную мнѣ сумму денегъ, которая въ моихъ глазахъ казалась огромною, неистощимою. Потомъ поступилъ на казенный коштъ... о, да будетъ проклятъ этотъ несчастный день!.. Осужденный страдать на казенномъ коштѣ, я вознамѣрился избавиться отъ него и для этого написалъ книгу (т. е. тетрадь), которая могла скоро разойтись и доставить мнѣ немалыя выгоды. Въ этомъ сочиненіи, со всѣмъ жаромъ сердца, пламенѣющаго любовію къ истинѣ, со всѣмъ негодованіемъ души, ненавидящей несправедливость, я въ картинѣ, довольно живой и вѣрной, представилъ тиранство людей, присвоившихъ себѣ гибельное и несправедливое право мучить себѣ подобныхъ. Герой моей драмы есть человѣкъ пылкій, съ страстями дикими и необузданными: его мысли вольны, поступки бѣшены, и слѣдствіемъ ихъ была его гибель. Вообще скажу, что мое сочиненіе не можетъ оскорбить чувства чистѣйшей нравственности, и что цѣль его есть самая нравственная. Подаю его въ цензуру—и что же вышло?.. Прихожу черезъ недѣлю въ цензурный комитетъ и узнаю, что мое сочиненіе цензоровалъ Л. А. Цвѣтаевъ (заслуженный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ). Прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ ректору, сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: «Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!» Не буду много распространяться, скажу только, что, несмотря на то, что мой цензоръ, въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета, расхвалилъ мое сочиненіе и мои таланты какъ нельзя лучше, оно признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ, и о немъ составили журналъ!.. Но послѣ—дѣло улажено, и ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ ему подавать особыя донесенія... Каково это?.. Я надѣялся на вырученную сумму откупиться отъ казны, жить на квартирѣ и хорошенько экипироваться—и всѣ мои блестящія мечты обратились въ противную дѣйствительность, горькую и бѣдственную».

Таковъ былъ печальный финалъ первой встрѣчи литературнаго опыта съ повседневною дѣйствительностью. Кромѣ печали, разочарованія и горя, ничего отсюда не вышло. Мало того, что идеальныя стремленія юноши были отнесены къ разряду безнравственныхъ дѣяній, они были занесены и въ рубрику поступковъ, достойныхъ отмщенія. Начальство его отмѣтило, держало на виду, готовясь при первомъ случаѣ опустить на его голову возмездіе и наказаніе. Неудача съ комедіей окончательно оттолкнула Бѣлинскаго отъ университетскаго режима, онъ затосковалъ, захандрилъ и сталъ усиленно пропускать лекціи. Вся жизнь его и энергія сосредоточились въ спорѣ съ товарищами, гдѣ онъ заслужилъ, благодаря своей запальчивости, прозвище «неистоваго Виссаріона», въ сходкахъ, въ книгахъ и театрѣ. Все это вмѣстѣ взятое усугубило недовольство начальства, и въ сентябрѣ 1832 г. мы уже видимъ его исключеннымъ изъ университета «за неспособность», выброшеннымъ за порогъ общежитія, на улицу, гдѣ его приняли въ свои объятія голодъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нужда и страхъ передъ каждымъ завтрашнимъ днемъ. Какъ отнесся самъ Бѣлинскій къ своему исключенію изъ университета, всего лучше выясняется изъ письма его къ матери, которое рисуетъ намъ исключеннаго студента въ удивительно симпатичномъ свѣтѣ.

«Девять мѣсяцевъ таилъ я отъ васъ свое несчастіе,—писалъ онъ—обманывалъ всѣхъ чембарскихъ, бывшихъ въ Москвѣ, лгалъ и лицемѣрилъ, скрѣпя сердце, но теперь не могу болѣе. Вѣдь когда нибудь надобно же узнать вамъ. Можетъ даже быть, что вы уже знаете, можетъ быть, сообщено это съ преувеличеніями, а вы—женщина, мать. Чего не надумаетесь вы? При одной мысли объ этомъ сердце мое обливается кровью. Я потому такъ долго молчалъ, что еще надѣялся хоть сколько нибудь поправить свои обстоятельства, чтобы вы могли узнать объ этомъ хладнокровнѣе... Я не щадилъ себя, употреблялъ всѣ усилія къ достиженію своей цѣли, ничего не упускалъ, хватался за каждую соломинку и, претерпѣвая неудачу, не унывалъ и не приходилъ въ отчаяніе—для васъ, только для васъ. Я всегда живо помнилъ и хорошо понималъ мои къ вамъ отношенія и обязанности, терпѣлъ все, боролся съ обстоятельствами, сколько доставало силъ, трудился и, кажется, не безъ успѣха. Вы знаете, что проходитъ уже четвертый годъ, какъ я поступилъ въ университетъ; вы, можетъ быть, считаете по пальцамъ мѣсяцы, недѣли, дни, часы и минуты, насъ раздѣляющіе; думаете съ восторгомъ о томъ времени, о той блаженной минутѣ, когда нежданый и незванный я, какъ снѣгъ на голову, упаду въ объятія семейства кандидатомъ или по крайней мѣрѣ студентомъ!.. Мечта очаровательная! И меня обольщала она нѣкогда! Но, увы, въ сентябрѣ исполнится годъ, какъ я выключенъ изъ университета!!! Предчувствую, что это вамъ будетъ стоить большихъ слезъ, тоски и даже отчаянія, — и это-то самое меня и сокрушаетъ... Но, маменька, все-таки умоляю васъ не отчаиваться и не убивать себя безплодною горестію. Есть счастье въ несчастіи, есть утѣшеніе и въ горести, есть благо и въ самомъ злѣ. Я видѣлъ людей въ тысячу разъ несчастнѣе себя и потому смѣюсь надъ своимъ несчастіемъ».

Также горячо написано и письмо къ отцу.

«Я уже не мальчикъ и свой собственный умъ для меня всего страшнѣе,—говоритъ онъ. Но счастливъ тотъ, кто еще можетъ остановиться во время и употребить себѣ въ пользу собственныя ошибки и суровые уроки судьбы! Я еще только выѣхалъ на своемъ челнѣ въ это открытое море свѣта, а до сего времени держался у береговъ; слѣдовательно, еще не все потеряно. Конецъ вѣнчаетъ дѣло, говорятъ умные люди. Только тогда при плескахъ вызываютъ или освистываютъ актера, когда совсѣмъ разыграетъ свою роль; только тогда можно произнести судъ человѣку, когда онъ совсѣмъ окончилъ свое поприще. Впрочемъ... вы можете быть всегда твердо увѣренными, что ничѣмъ предосудительнымъ не обезчестилъ имени своего отца. Я живу не для себя, помню, что я крѣпкими узами связанъ съ кровными—и вотъ только потому-то и огорчаюсь. Итакъ, простите!»..

Въ этихъ письмахъ къ родителямъ сказывается горячее, благородное сердце Бѣлинскаго. Онъ не сваливаетъ вины цѣликомъ на другихъ, постороннихъ, или на независящія обстоятельства; онъ готовъ принять въ значительной мѣрѣ постигшее его несчастіе за свой счетъ, ни о чемъ родныхъ не проситъ, но спѣшитъ лишь ихъ успокоить словомъ ободренія, спѣшитъ вселить въ нихъ бодрость,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

а главное выражаетъ опасеніе, чтобъ что нибудь грязное, пошлое, недостойное не легло клеймомъ на его благородное сердце, не оскорбило его дѣвственно-чистой души; его совѣсть чиста, ему не за что и не передъ кѣмъ краснѣть, ну, а съ горемъ, съ невзгодами жизни онъ сумѣетъ справиться... Пусть не будетъ только упрековъ, пусть не возмущаютъ понапрасну его и безъ того скорбнаго душевнаго состоянія!

IV.

Итакъ, Бѣлинскій за порогомъ университета, въ состояніи интеллигентнаго нищаго, у котораго просвѣщенное начальство отняло даже казенное платье... «Невесела ты, родная картина!» Вспоминается рядъ послѣдующихъ литературныхъ силуетовъ, которыхъ на зарѣ жизни встрѣтили тоже матеріальныя невзгоды и общественныя неудачи. Мы знаемъ, что̀ было тамъ, мы достаточно оплакивали ихъ паденіе, ихъ разрушеніе духа и тѣла, но Бѣлинскій не былъ созданъ, чтобы пасть, опуститься или прійти къ отчаянію и самоотреченію. Его восторженный духъ разгорался съ каждой невзгодой все пышнѣе, все ярче и чище, и не какимъ нибудь внѣшнимъ обстоятельствамъ суждено было воспрепятствовать его духовной побѣдѣ, которая впослѣдствіи вознесла его выше «главою непокорной Александрійскаго столпа».

По исключеніи изъ университета, для Бѣлинскаго наступаетъ періодъ хроническаго голоданія, въ самомъ прямомъ смыслѣ этого ужаснаго слова; съ этимъ голоданіемъ на сцену выступаютъ и неизбѣжные спутники его—болѣзни. Бѣлинскій начинаетъ страдать одышкою, болью въ груди, кашлемъ. Зловѣщіе симптомы будущей чахотки уже рѣютъ надъ молодою жизнью, кладбищенство откуда-то издали произноситъ свое первое грозное слово... Онъ борется, однако, мужественно за каждый завтрашній день, бѣгая по грошевымъ урокамъ, въ поискахъ любого интеллигентнаго труда, хватаясь даже за переводъ романовъ Поль-де-Кока; какъ ни тяжело, какъ ни больно, онъ вынужденъ обратиться за помощью и въ Чембаръ, въ родительскій домъ, надъ которымъ уже давно повисли черные дни, гдѣ отецъ пилъ мертвую, гдѣ мать выбивалась изъ силъ ради дѣтей, куда нужда уже глубоко запустила свои костлявые и цѣпкіе пальцы. Вотъ одинъ изъ эпизодовъ тогдашняго періода его жизни.

Онъ получилъ свѣдѣнія, что съ оказіей, черезъ одну знакомую барыню г-жу Горнъ, ему высланъ изъ родительскаго дома рубль денегъ; за этимъ рублемъ надо къ Горнъ сходить, но какъ это сдѣлать, когда буквально не въ чемъ выйти на улицу, когда въ гардеробѣ полнѣйшая пустота? Наконецъ, кое-какъ онъ собралъ «съ міра» одежду и отправился.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Я хотѣлъ занять денегъ на извозчика, ибо идти мнѣ нужно было, по крайней мѣрѣ, версты три. Къ счастію, что ни у кого не было ихъ, и мнѣ никто не далъ. Являюсь къ Горнъ, и хотя чужое платье было и не совсѣмъ по мнѣ, однако же я не уронилъ себя. Сынъ ея расцѣловался со мною, какъ со стариннымъ знакомцемъ, и повелъ меня въ гостиную къ своей матери, которая сначала меня не узнала. Я говорилъ съ нею и о томъ, и о семъ, а объ деньгахъ не рѣшался упомянуть, ибо ждалъ, чтобы она сама мнѣ ихъ вручила. Наконецъ я увидѣлъ, что уже пора убираться восвояси, вручилъ ей письмо, простился и ушелъ. Она оставляла меня обѣдать, но я не остался, ибо мнѣ нужны были деньги, а не обѣдъ ея. Вышедши, позабылъ калоши. На другой день я пишу записку къ ея сыну, въ которой прошу его напомнить своей маменькѣ о моихъ деньгахъ, и чтобы онъ велѣлъ отдать калоши, и записку сію послалъ съ сапожникомъ... Какой же я отвѣтъ получилъ? Сына ея не было дома, и потому записку прочла она сама и сказала, что цѣлковый она возвратила моей маменькѣ, и что ссли бы деньги были у ней, то она бы и безъ записки сама отдала бы мнѣ. Потомъ стали искать калоши, но онѣ сплыли, и слѣдъ пропалъ».

Обстановка его жизни въ это тяжкое время описана Лажечниковымъ, пожелавшимъ навѣстить своего пензенскаго «ястребенка». Бѣлинскій квартировалъ, по его словамъ, въ бельэтажѣ, въ какомъ-то переулкѣ между Трубой и Петровкой. Бельэтажъ этотъ былъ ужасенъ. Внизу жили и работали кузнецы. Пробраться къ нему надо было по грязной лѣстницѣ; рядомъ съ его коморкой была прачешная, изъ которой безпрестанно неслись къ нему испаренія мокраго бѣлья и вонючаго мыла. Каково было дышать этимъ воздухомъ, особенно ему, съ слабой грудью! Каково было слышать за дверями упоительную бесѣду прачекъ и подъ собой стукотню отъ молотовъ русскихъ циклоповъ, если не подземныхъ, то подпольныхъ! Обстановка комнаты была самая несчастная, причемъ сама комната не запиралась, такъ какъ изъ нея нечего было украсть; прислуги, конечно, не было, а столоваться приходилось тою же пищею, чѣмъ прокармливались сосѣди. Лажечниковъ принялъ сердечное участіе въ судьбѣ Бѣлинскаго, выхлопоталъ ему мѣсто домашняго секретаря въ одномъ аристократическомъ домѣ, и этимъ самымъ, казалось, судьба его была устроена. Но Бѣлинскій недолго выдержалъ аристократическій режимъ; его плебейскіе вкусы и демократическія убѣжденія пришли въ скорое столкновеніе съ устоями генеральскаго дома; на компромиссы и уступки онъ оказался неспособенъ, и вотъ, въ одно прекрасное утро, завязавъ все свое имущество въ носовой платокъ (!!), онъ бѣжалъ снова въ трущобу, обрекая себя на знакомый уже голодъ, но сохраняя притомъ свою независимость, свою свободу духа и неподкупность убѣжденій.

Послѣ того, не безъ содѣйствія добрыхъ людей, онъ пытался, было, подыскать себѣ новыхъ обезпечивающихъ его постоянныхъ занятій, но ничего путнаго отсюда не выходило, и всѣ замыслы разлетались прахомъ. Надъ его судьбой тяготѣлъ какой-то неизбѣжный рокъ, который точно сознательно и систематически отрѣзалъ его

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

отъ всякихъ путей жизни, стягивалъ его непреоборимымъ рядомъ несчастій и злоключеній... И изъ всѣхъ этихъ путей лишь одна дорога оставалась для него не закрытой, лишь она одна все болѣе и болѣе, день ото дня, согласовалась съ стремленіями, можетъ быть, нѣсколько не оформленными и неясными, его пытливаго ума и бурнаго чувства. Дорога эта была—дорога «литературы россійской», которой нашъ критикъ и отдалъ всецѣло свою «плоть и кровь». Мы уже знаемъ, что, еще будучи въ уѣздномъ училищѣ, онъ писалъ стихи и мнилъ видѣть въ своемъ лицѣ опаснаго соперника Жуковскому; въ университетѣ онъ дѣлаетъ рѣшительный шагъ по литературному пути и терпитъ на первыхъ же порахъ настоящій погромъ. Въ этомъ погромѣ—наличность ряда моментовъ, столь знакомыхъ писательскому сословію въ его прошломъ, настоящемъ и, вѣроятно, еще далекомъ будущемъ. Тутъ съ одной стороны литературный успѣхъ и признаніе даже со стороны врага достоинствъ и качествъ, съ другой, тутъ же — цензорское чернильное крещеніе и административная кара, ломающая всю жизнь и накладывающая на эту жизнь опредѣленный, рѣзко-отчеканенный штемпель. Это одна сторона дѣла, формальная и внѣшняя, но тѣмъ не менѣе для того времени чрезвычайно характерная. Другая же сторона — характеръ писательства, содержаніе литературнаго произведенія и настроеніе ума и чувства въ молодомъ авторѣ. Сѣрая дѣйствительность и проза жизни въ дѣтствѣ и юности, въ обстановкѣ родимой семьи, въ училищѣ, гимназіи и въ университетѣ, рано поставили нашего писателя лицомъ къ лицу съ вопросами о правдѣ и злѣ, съ вопросами о счастіи и горѣ людскомъ, съ задачами соціальнаго порядка. Умъ острый и глубоко-проникающій, чувство пылкое и благородное не могли не остановиться на величайшемъ современномъ злѣ—крѣпостномъ правѣ, и вотъ мы видимъ въ его первомъ литературномъ произведеніи соціальные мотивы, которые здѣсь доминируютъ надъ всѣми другими. Онъ сразу выступаетъ въ роли публициста, чутьемъ предугадывая свое призваніе, сразу становясь на ту дорогу, гдѣ его въ будущемъ ожидаетъ слава и громкая извѣстность. Въ этомъ выборѣ жизненнаго пути онъ повиновался болѣе велѣнію сердца, нежели холоднаго разсудка, и безъ всякаго сторонняго руководительства и вліянія прямо подошелъ къ такой сторонѣ русской жизни, разработка которой лишь черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ стала общимъ дѣломъ всей русской литературы въ лицѣ лучшихъ передовыхъ ея представителей. Писательство дѣлается отнынѣ его почти постояннымъ занятіемъ, тѣмъ средствомъ, гдѣ онъ въ тяжкія минуты жизни обрѣтаетъ даже скудное пропитаніе. «Телескопъ», «Молва», «Листокъ»— вотъ тѣ случайные очаги, у коихъ онъ иногда находилъ себѣ тепло, принося сюда то стихотворенія, то рецензіи, то переводы. Но все это было неопредѣленно, урывчато. Нуженъ былъ человѣкъ, нуженъ былъ заправскій дѣятель печати, который бы тѣснѣе сблизилъ его съ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

столь привлекавшей его писательской профессіей, который бы, угадавъ въ немъ зачатки великаго таланта, явился бы его крестнымъ отцомъ отъ литературы. И такой человѣкъ нашелся въ лицѣ профессора Московскаго университета, издателя «Молвы» и «Телескопа», Надеждина — этого предшественника Бѣлинскаго, которому суждено было сыграть въ жизни нашего критика такую рѣшающую роль.

Именно Надеждину русская литература обязана поддержкой Бѣлинскаго въ самый тяжелый періодъ жизни, когда, казалось, всѣ злыя силы собрались, чтобъ раздавить эту уже надломленную и физически-слабую юную жизнь. Эта поддержка еще недостаточно оцѣнена нашей литературой, и въ дни юбилейныхъ торжествъ Бѣлинскаго мало кто вспомнилъ о бурсакѣ—Надеждинѣ, пригрѣвшемъ и въ своемъ журналѣ и въ своей квартирѣ будущаго автора «Литературныхъ мечтаній». И каковы бы ни были впослѣдствіи ошибки этого злополучнаго дѣятеля нашей литературы, мы во всякомъ случаѣ обязаны ему тѣмъ, что онъ и только онъ вывелъ намъ Бѣлинскаго на широкую дорогу общественнаго служенія Россіи. Это уже одно сама по себѣ столь великая заслуга, за которую Надеждину должны быть отпущены многія его вольныя и невольныя прегрѣшенія... Уже въ августѣ 1834 г. Бѣлинскій писалъ къ брату: «Я перебрался къ Надеждину и живу у него уже двѣ недѣли, жить мнѣ очень недурно; у меня особенная комната... и такъ я совершенно обезпеченъ со стороны содержанія... Вотъ видишь ли, и на моей улицѣ настаетъ праздникъ; терпѣлъ, терпѣлъ, да и вытерпѣлъ. Теперь Надеждинъ уѣхалъ... ревизовать Тульскую и Рязанскую губернію, и поручилъ мнѣ журналъ и домъ, гдѣ я теперь полный хозяинъ... пользуюсь его библіотекой, и живу припѣваючи»...

Итакъ, Надеждинъ не только обогрѣлъ и пріютилъ своего сотрудника, но, что еще важнѣе, онъ призналъ въ немъ настоящаго профессіональнаго писателя, чьи произведенія не только можно печатать, но которому можно даже поручить отвѣтственность за журналъ. Письмо къ брату было писано въ августѣ, а уже съ сентября мѣсяца начался въ «Молвѣ» рядъ статей подъ названіемъ «Литературныя мечтанія. Элегія въ прозѣ», которыя подобно электрической искрѣ обѣжали всю Россію, явились преддверіемъ славы Бѣлинскаго и составили вступительную главу къ исторіи новой русской литературы.

Когда умираетъ какой нибудь нашъ общественный дѣятель, и мы съ благоговѣніемъ обращаемся памятью къ обстановкѣ его жизни и лицамъ, его окружавшимъ, его любившимъ и лелѣявшимъ, мы вполнѣ послѣдовательно переносимъ и на нихъ частицу нашей любви къ почившему. Такъ и съ Надеждинымъ въ отношеніи Бѣлинскаго. «Молва» была тою колыбелью, гдѣ геній нашего критика впервые увидѣлъ свѣтъ, а Надеждинъ былъ тѣмъ пѣстуномъ, который далъ возможность этому генію окрѣпнуть и созрѣть. Вотъ почему и въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

настоящіе юбилейные дни Бѣлинскаго благодарное потомство должно съ признательностью вспомнить и предтечу Бѣлинскаго, чья судьба была также безпримѣрно-печальна, но у котораго не хватало лишь нравственной силы противоборствовать невзгодамъ жизни...

V.

Важный моментъ въ жизни Бѣлинскаго — открытое вступленіе на литературное поприще, совпалъ и съ другимъ не менѣе серьезнымъ моментомъ, имѣвшимъ неотразимое вліяніе на всю его послѣдующую дѣятельность, какъ писателя, какъ философа-публициста. Я разумѣю его сближеніе съ кружкомъ Станкевича, выразителемъ большинства взглядовъ котораго онъ и явился въ своихъ «Литературныхъ мечтаніяхъ». Отсюда, изъ нѣдръ этого кружка, на него хлынули шумнымъ и бурнымъ потокомъ выводы послѣдняго слова философскаго знанія, здѣсь онъ тѣснѣе сроднился съ корифеями европейской литературы—Шекспиромъ, Шиллеромъ, Гёте, а въ особенности Гофманомъ. Кружокъ Станкевича, умственные интересы этого кружка, содержаніе бесѣдъ и споровъ, здѣсь происходившихъ, явились для Бѣлинскаго своего рода новымъ университетомъ, который пополнилъ тотъ фактическій матеріалъ знаній, съ которымъ онъ прибылъ въ Москву еще четыре слишкомъ года тому назадъ изъ глуши Пензенской губерніи и котораго не дали ему официальный университетъ и профессорскія лекціи. Интересы театра и искусства, вопросы религіозные и философскіе въ самыхъ мудреныхъ туманныхъ формахъ и проявленіяхъ — вотъ та пища духовная, которой питались члены кружка и къ которой припалъ жадными устами неофитъ-Бѣлинскій. Далѣе я еще скажу, каковъ былъ запасъ идей, почерпнутыхъ авторомъ «Литературныхъ мечтаній», здѣсь же мнѣ важно лишь отмѣтить, что онъ сблизился съ самой блестящей толпой молодой интеллигентной Москвы 30-хъ годовъ, которой суждено было имѣть такое рѣшающее вліяніе на дальнѣйшія судьбы русскаго просвѣщенія. Каковы же были отношенія кружка къ Бѣлинскому, и какъ онъ самъ относился къ своимъ новымъ друзьямъ-учителямъ?

Къ сожалѣнію, приходится отмѣтить, что отношенія эти носили въ высшей степени ненормальный характеръ, причемъ всѣ симпатіи должны быть положены на вѣсы Бѣлинскаго. Съ одной стороны, мы видимъ кружокъ баричей-дворянъ, наслаждающихся плодами жизни, существующихъ за счетъ крѣпостнаго труда, а потому не понимающихъ значенія этого труда, не интересующихся никакими соціальными болѣзнями и невзгодами. Искусство, литература, религія, философія были для нихъ тѣми роскошными блюдами, которыми они, подобно древнимъ эллинамъ-эпикурейцамъ, наслаждались, запивая свои возвышенныя бесѣды бокалами дорогихъ и тонкихъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

винъ. Съ другой стороны, передъ нами въ ихъ средѣ голодный разночинецъ, прошедшій уже, несмотря на свои юные годы, страшную школу нужды и бѣдъ, человѣкъ, для котораго во всѣхъ этихъ диспутахъ и бесѣдахъ былъ интересенъ не самый процессъ диспута и словопреній, но тотъ конечный финалъ, къ которому они должны были привести. Въ центрѣ этого финала у него положено было человѣческое я, благо этого я, философское значеніе этого я. Но, кромѣ того, свѣдѣнія изъ всѣхъ этихъ областей были для него дороги не только сами по себѣ, но и какъ орудія, долженствовавшія принести ему даже насущный кусокъ хлѣба. Они, эти новые друзья, знакомы съ послѣднимъ словомъ европейской науки, онъ— малосвѣдущъ, односторонне-образованъ и то только въ области нѣкоторыхъ вопросовъ родной жизни. Они разглагольствуютъ, они поучаютъ, онъ жадно внимаетъ всякому слову, впитываетъ въ себя всякую громко высказанную мысль, переработываетъ ее на свой ладъ и спѣшитъ набросать ее на листѣ писчей бумаги. И результатъ такого неравенства положенія и состоянія быстро даетъ о себѣ знать: друзья относятся къ нему съ нѣкоторымъ высокомѣріемъ, погосподски-покровительственно, готовы даже отрицать его талантъ и право на общественное руководительство; больше того, они требуютъ, чтобы Бѣлинскій прекратилъ свою критическую дѣятельность въ журналѣ Надеждина, такъ какъ у него слишкомъ мало «эстетическаго вкуса». Въ этомъ отношеніи кружокъ Станкевича оказался, по своему чутью на людей, ниже издателя «Молвы».

Но какъ ни какъ, а все же этотъ кружокъ, независимо отъ своего личнаго отношенія къ нашему критику, своими духовными интересами принесъ громадную пользу его умственному развитію и снабдилъ его цѣнными богатствами изъ сокровищницы европейскаго знанія.

Что касается душевныхъ, интимныхъ отношеній къ членамъ кружка, какъ они сложились сначала и какъ они, съ видоизмѣненіями впослѣдствіи въ составѣ членовъ, въ свою очередь видоизмѣнялись, то ближе всего онъ сошелся съ Боткинымъ. Этотъ представитель интеллигентной Москвы тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ былъ ему особенно дорогъ, какъ знатокъ европейской изящной литературы и философіи, какъ человѣкъ съ тонкимъ эстетическимъ вкусомъ, какъ цѣнитель всего красиваго, изящнаго. Отношенія съ Боткинымъ у него установились сразу самыя лучшія, и таковыми же они оставались до конца дней, если не считать одной временной размолвки. Сблизился онъ, по отъѣздѣ Станкевича за границу, и съ Бакунинымъ, сошелся съ его семьей, бывалъ у него въ деревнѣ и даже одно время окончательно подпалъ подъ вліяніе этого неистоваго гегеліанца; но впослѣдствіи, съ переѣздомъ въ Петербургъ, его отношенія къ Бакунину значительно охладѣли, онъ сбросилъ съ себя умственное иго будущаго «апостола анархіи»

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и окончательно съ нимъ разошелся. Что касается Герцена, когда онъ послѣ изгнанія появился снова на горизонтѣ московской жизни, то отношенія къ нему Бѣлинскаго прошли нѣсколько стадій; сначала они, было, подружились, потомъ рѣзко разошлись изъ-за принципіальныхъ разногласій по общественнымъ вопросамъ, а затѣмъ снова помирились. Какъ Бѣлинскій Герцена, такъ послѣдній Бѣлинскаго, ставили другъ друга очень высоко, но въ ихъ отношеніяхъ не было тѣхъ элементовъ теплоты и сердечности, какъ это мы видимъ, напримѣръ, въ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ Боткину или Герцена къ Огареву.

Во всякомъ случаѣ индивидуальное одиночество нашего критика въ Москвѣ для меня несомнѣнно. Онъ близокъ и въ добрыхъ отношеніяхъ со всѣми новыми знакомыми, но близость эта имѣетъ главнымъ своимъ основаніемъ не личныя дѣла, не дѣла сердца, а скорѣе элементъ общественности—интересы науки, искусства, журналистики. Бѣлинскій принималъ мало непосредственнаго участія въ домашнихъ дѣлахъ и дрязгахъ своихъ друзей; ихъ ссоры, романы и драмы протекали какъ-то мимо его, не вызывая съ его стороны какого либо активнаго вмѣшательства. Онъ тутъ какъ тутъ, онъ на первомъ планѣ лишь тогда, когда на сцену выступаютъ принципы, идеи, опредѣленныя научныя и философскія положенія. О, тогда онъ весь жизнь, весь кипѣніе, тогда мы видимъ его ссорящимся и мирящимся, дружащимъ и враждующимъ.

Изъ всѣхъ литературныхъ дѣятелей Москвы того времени онъ обнаруживаетъ, даже въ періодъ временно постигшаго его умственнаго квіетизма, наибольшее тяготѣніе къ вопросамъ общественнымъ, наибольшую общественную нервность, столь необходимыя для публициста, для передоваго общественнаго дѣятеля, для общественнаго руководителя. И эта общественная жилка сказывается и видится во всѣхъ его даже первоначальныхъ статьяхъ, главнымъ образомъ сильныхъ своимъ нервнымъ настроеніемъ, своей страстностью, своимъ повышеннымъ темпераментомъ—тѣми аттрибутами, которые являются неотъемлемымъ достояніемъ крупнаго передоваго публициста, общественнаго трибуна. Недаромъ же первая оцѣнка его явилась не изъ круга друзей или людей науки, свысока смотрѣвшихъ на молодаго писателя, какъ на недоучившагося гимназиста и студента, а со стороны читающей публики, той интеллигентной толпы, которая вѣчно ищетъ своего героя, вѣчно чутко прислушивается къ каждому независимому, оригинальному и громкому голосу.

«Литературныя мечтанія» были той ракетою въ дѣятельности Бѣлинскаго, которая возвѣстила читателямъ и обществу, что новый блестящій вождь уже явился на сцену русской жизни, что недалеко то время, когда этотъ вождь займетъ прочное мѣсто, укрѣпится въ занятомъ положеніи и скажетъ то новое, оригинальное и власт-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ное слово, въ которомъ въ данный моментъ чувствуется такая настоятельная надобность.

Послѣ «Литературныхъ мечтаній» въ журналахъ Надеждина появляется непрерывный рядъ статей Бѣлинскаго, онъ временно даже редактируетъ, за отсутствіемъ издателя изъ Москвы, его изданія и становится такимъ образомъ все болѣе извѣстенъ, все болѣе на виду у публики. Послѣ тяжелыхъ годовъ неудачъ и бѣдствій, для Бѣлинскаго, видимо, наступили счастливые дни, принесшіе ему нѣкоторое матеріальное обезпеченіе и душевный покой; но этимъ днямъ не суждено было долго длиться—во второй половинѣ 1836 г.,благодаря извѣстному «философическому письму» Чаадаева, «Телескопъ» и «Молва» были запрещены, издательству Надеждина положенъ конецъ, и Бѣлинскій снова остается не у дѣлъ, безъ работы, безъ куска хлѣба. Конецъ 1836 г. и весь 1837 г. проходятъ для него въ безработицѣ; онъ ведетъ переговоры то съ Полевымъ, то съ Плюшаромъ, то съ Краевскимъ, но изъ всѣхъ этихъ сношеній не выходитъ ничего путнаго и только весною 1838 г. ему удается стать во главѣ «Московскаго Наблюдателя», который подъ его умѣлымъ руководствомъ становится лучшимъ журналомъ того времени, гдѣ принимаютъ самое живое участіе лучшія силы кружка Станкевича. Но благодаря разнымъ обстоятельствамъ, въ числѣ которыхъ играли немалую роль и цензурныя строгости, журналъ шелъ плохо, а еще хуже складывались обстоятельства самого Бѣлинскаго, который въ виду этого все чаще и чаще начинаетъ помышлять о Петербургѣ, въ надеждѣ найти себѣ тамъ болѣе обезпеченный кусокъ хлѣба. Каково было его матеріальное положеніе и состояніе духа въ тѣ дни, всего лучше видно изъ сохранившагося его письма къ Панаеву и изъ воспоминаній послѣдняго о своемъ посѣщеніи нашего критика. Къ Панаеву Бѣлинскій писалъ:

«Безъ 2.000 мнѣ нельзя даже и пѣшкомъ пройти заставу: около этой суммы на мнѣ самаго важнаго долгу, а сверхъ того,—я хожу, какъ нищій въ рубищѣ. Кромѣ г-на Краевскаго, поговорите съ другими, сами отъ себя или черезъ кого нибудь: я продаю себя всѣмъ и каждому отъ Сеньковскаго до (тьфу, гадость какая!) Булгарина,—кто больше дастъ, не стѣсняя притомъ моего образа мыслей, выраженія, словомъ—моей литературной совѣсти, которая для меня такъ дорога, что во всемъ Петербургѣ нѣтъ и приблизительной суммы для ея купли. Если дѣло дойдетъ до того, что мнѣ скажутъ: независимость и самобытность убѣжденій, или голодная смерть,—у меня достанетъ силы скорѣе издохнуть, какъ собакѣ, нежели живому отдаться на позорное съѣденье псамъ... Я готовъ взять на себя даже черновую работу, корректуру и тому подобное, если только за все это будетъ платиться соразмѣрно трудамъ. Денегъ! Денегъ! А работать я могу, если только мнѣ дадутъ мою работу. Итакъ, скорѣе отвѣтъ...»

Въ виду переговоровъ между Бѣлинскимъ и Краевскимъ, Панаевъ, въ качествѣ посредника, посѣтилъ критика въ Москвѣ, и вотъ что онъ разсказываетъ о положеніи Бѣлинскаго и дѣлахъ «Наблюдателя».

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

«Къ Бѣлинскому я заходилъ каждое утро,—повѣствуетъ Панаевъ.—Онъ очень хандрилъ и жаловался на боль въ груди... Обстоятельства его были въ то время печальныя. Степановъ, издатель «Московскаго Наблюдателя», платилъ ему помѣсячно (да и то неаккуратно) какія-то ничтожныя деньги за редакцію. Бѣлинскій сначала былъ увлеченъ мыслію стать во главѣ журнала, сотрудниками котораго должны были сдѣлаться всѣ его молодые и талантливые друзья... Онъ твердо былъ убѣжденъ, что при ихъ содѣйствіи, соединенномъ съ его кипучей, энергической дѣятельностью, — успѣхъ журнала будетъ несомнѣненъ... Но надежды не оправдались. Подписка на «Наблюдатель» оказалась незначительной, и при выходѣ пятой книжки всѣ средства издателя уже совершенно были прекращены. Причинами этого были: невозможность объявить о томъ, что журналъ переходитъ подъ редакцію Бѣлинскаго; непрактичность и издателя и редактора, пустившихъ очень небольшое число объявленій о преобразованіи журнала, въ которыхъ, притомъ, глухо и неопредѣленно сказано было о переходѣ «Наблюдателя» отъ г. Андросова (бывшаго редактора) подъ новую редакцію, и наконецъ, то примирительное направленіе первыхъ книжекъ возобновленнаго «Наблюдателя»,—направленіе, которому публика не могла симпатизировать».

Весною 1839 г. онъ бросилъ «Наблюдатель», и снова очутился временно почти въ безвыходномъ положеніи, а осенью того же года онъ уже становится сотрудникомъ Краевскаго, съ каковаго времени начинается новый, Петербургскій періодъ его жизни.

VI.

Панаевъ повѣствуетъ, что переѣздъ Бѣлинскаго въ Петербургъ былъ рѣшенъ такимъ образомъ. Онъ согласился на условія Краевскаго, который долженъ былъ выслать ему незначительную сумму на уплату долговъ и на отъѣздъ, и обѣщалъ платить ему 3500 руб. асс. въ годъ, съ тѣмъ чтобы Бѣлинскій принялъ на себя весь критическій и библіографическій отдѣлъ «Отеч. Записокъ». Условія эти, конечно, были очень тяжкія, особенно если принять во вниманіе, ту массу, и при томъ безобразную по содержанію библіографіи, которая выпадала на долю нашего критика въ журналѣ Краевскаго, но разсуждать не приходилось много, благо дѣло, литературное дѣло было найдено. Кромѣ того, Бѣлинскому пора была уже ѣхать вонъ изъ Москвы. Москва тогдашнихъ дней дала ему все, что она могла лишь дать, извѣстность его достаточно окрѣпла, за нимъ былъ признанъ авторитетъ всѣми кружками, не исключая и вражескихъ, а публика, чуткій читатель, уже привыкли смотрѣть на него, какъ на глашатая новыхъ истинъ. Содержанія этимъ истинамъ въ Москвѣ не находилось, воздухъ здѣсь для него былъ слишкомъ спертъ; надо было освѣжиться, разорвать съ кружковщиной, надо было перекочевать на новое мѣсто, памятуя то положеніе, «что пророку не бывать въ своемъ отечествѣ».

Петербургъ произвелъ цѣлый переворотъ въ мысляхъ и душѣ Бѣлинскаго; «онъ поразилъ его,—говоритъ Пыпинъ,—какъ новое явле-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ніе русской жизни, невольно приковывавшее къ себѣ вниманіе. Та «дѣйствительность», которой съ такой ревностью доискивался Бѣлинскій въ своихъ кабинетныхъ теоріяхъ, предстала предъ нимъ во всей своей реальности и была рѣшительно не похожа на теорію. Эта дѣйствительность сама бросалась въ глаза; отъ нея нельзя было укрыться, какъ въ Москвѣ, въ своемъ кружкѣ, гдѣ друзья жили, какъ въ укромномъ захолустьѣ, не видя и не слыша той машины, которая управляла ихъ теоретической дѣйствительностью. Здѣсь машина была на лицо, и Бѣлинскій, какъ ни избѣгалъ встрѣчъ съ чужимъ ему міромъ, не могъ ея не видѣть и не чувствовать на себѣ ея толчковъ»...

Послѣднія книжки «Отечеств. Записокъ» 1839 г. и первая 1840 г. могутъ быть, по статьямъ здѣсь Бѣлинскаго, разсматриваемы, какъ послѣдній отголосокъ его московскаго настроенія, но уже въ дальнѣйшемъ мы видимъ его охваченнымъ новыми петербургскими вѣяніями, въ роли того учителя и публициста-борца, которому суждено было сдѣлать настоящій переворотъ въ исторіи нашей литературы, въ нашей журналистикѣ, которому по силѣ слова, по страстности рѣчи и ясности мысли, не было равнаго до тѣхъ поръ, нѣтъ равнаго и о сю пору. Со вступленіемъ Бѣлинскаго въ «Отечественныя Записки», въ сопутствіи блестящей плеяды московскихъ друзей, уже успѣвшихъ къ тому времени признать право на учительство автора «Литературныхъ мечтаній», органъ Краевскаго обращается въ арену кипучей борьбы за гражданскія и человѣческія права русскаго народа, въ ту арену, которая становится историческимъ подножіемъ послѣдующей русской публицистики, отъ временъ сороковыхъ годовъ по наши дни.

Своей высоко-художественной кистью Герценъ рисуетъ намъ Бѣлинскаго тѣхъ дней и его значеніе въ «Отечеств. Запискахъ» слѣдующими красками:

«Въ рядѣ критическихъ статей, онъ кстати и некстати касается всего, вездѣ вѣрный своей ненависти къ авторитетамъ, часто поднимаясь до поэтическаго одушевленія. Разбираемая книга служила ему по большей части матеріальной точкой отправленія, на полдорогѣ онъ бросалъ ее и впивался въ какой нибудь вопросъ. Ему достаточенъ стихъ:

Родные люди вотъ какіе—

въ Онѣгинѣ, чтобы вызвать къ суду семейную жизнь и разобрать до нитки отношенія родства. Кто не помнитъ его статей о «Тарантасѣ», о «Парашѣ» Тургенева, о Державинѣ, о Мочаловѣ, о Гамлетѣ? Какая вѣрность своимъ началамъ, какая неустрашимая послѣдовательность, ловкость плаванія между цензурными отмелями и какая смѣлость въ нападкахъ на литературную аристократію, на писателей первыхъ трехъ классовъ, на статсъ-секретарей литературы, готовыхъ взять противника не мытьемъ, такъ катаньемъ, не антикритикой, такъ доносомъ. Бѣлинскій стегалъ ихъ безпощадно, терзая мелкое самолюбіе чопорныхъ ограниченныхъ творцевъ эклогъ, любителей образованія, благотворительности и нѣжно

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стей; онъ отдавалъ на посмѣяніе ихъ дорогія, задушевныя мысли, ихъ поэтическія мечтанія, цвѣтущія подъ сѣдинами, ихъ наивность, прикрытую лентой! Какъ же за то его и ненавидѣли! Славянофилы съ своей стороны начали оффиціально существовать съ войны противъ Бѣлинскаго; онъ ихъ додразнилъ до мурмулокъ и зипуновъ. Статьи Бѣлинскаго судорожно ожидались въ Москвѣ и Петербургѣ съ 25-го числа каждаго мѣсяца. Пять разъ хаживали студенты въ кофейныя спрашивать, получены ли О. З., тяжелый № рвали изъ рукъ въ руки— «есть Бѣлинскаго статья?» Есть — и она поглощалась съ лихорадочнымъ сочувствіемъ, со смѣхомъ, со спорами... и трехъ-четырехъ вѣрованій, уваженій какъ не бывало. Недаромъ Скобелевъ, комендантъ крѣпости, говорилъ шутя Бѣлинскому, встрѣчаясь на Невскомъ проспектѣ: «Когда же къ намъ, у меня совсѣмъ готовъ тепленькій казематъ, такъ для васъ его и берегу».

Къ этому описанію общественной роли и общественнаго значенія Бѣлинскаго въ началѣ сороковыхъ годовъ, сдѣланному Герценомъ, не приходится много прибавлять. Воспользуемся тѣми же воспоминаніями, чтобъ дорисовать и портретъ нашего критика, характерныя черты его духовнаго образа...

«Въ этомъ застѣнчивомъ человѣкѣ, въ этомъ хиломъ тѣлѣ обитала мощная, гладіаторская натура! Да, это былъ сильный боецъ! Онъ не умѣлъ проповѣдовать, научать, ему надобенъ былъ споръ. Безъ возраженій, безъ раздраженія, онъ не хорошо говорилъ, но когда онъ чувствовалъ себя уязвленнымъ, когда касались до его дорогихъ убѣжденій, когда у него начинали дрожать мышцы щекъ и голосъ прерываться, тутъ надобно было его видѣть: онъ бросался на противника барсомъ, онъ рвалъ его на части, дѣлалъ его смѣшнымъ, дѣлалъ его жалкимъ и по дорогѣ съ необычайной силой, съ необычайной поэзіей развивалъ свою мысль. Споръ оканчивался очень часто кровью, которая у больнаго лилась изъ горла; блѣдный, задыхающійся, съ глазами, остановленными на томъ, съ кѣмъ говорилъ, онъ дрожащей рукой поднималъ платокъ ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный своей физической слабостью... Притѣсняемый денежно-литературными подрядчиками, притѣсняемый нравственно цензурой, окруженный въ Петербургѣ людьми мало-симпатичными, снѣдаемый болѣзнію, для которой балтійскій климатъ былъ убійственень, Бѣлинскій становился раздражительнѣе и раздражительнѣе. Онъ чуждался постороннихъ, былъ до дикости застѣнчивъ и иногда недѣли цѣлыя проводилъ въ мрачномъ бездѣйствіи. Тутъ редакція посылала записку за запиской, требуя оригинала, а закабаленный литераторъ со скрежетомъ зубовъ брался за перо и писалъ тѣ ядовитыя статьи, трепещущія негодованіемъ, тѣ обвинительные акты, которые такъ поражали читателей».

Въ этихъ словахъ черезвычайно важно отмѣтить три указанія Герцена: указаніе на болѣзненное состояніе Бѣлинскаго, на душевное одиночество и на притѣсненія со стороны литературныхъ подрядчиковъ, то-есть со стороны Краевскаго. Дѣйствительно, хотя съ переѣздомъ въ Петербургъ матеріальныя обстоятельства Бѣлинскаго улучшились, но за то непомѣрно возросла и тягота работы. Въ Москвѣ онъ голодалъ, бѣдствовалъ, но не надрывался трудомъ, здѣсь же исчезъ факторъ голоданія, но взамѣнъ явился новый, не менѣе жестокій. Человѣкъ такимъ образомъ явно попалъ изъ огня да въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

полымя. Мы знаемъ, на какихъ условіяхъ Бѣлинскій вступилъ въ журналъ Краевскаго, и должны сказать, что издатель «Отечественныхъ Записокъ» съ лихвой бралъ отъ таланта своего сотрудника погашенія на затрачиваемый капиталъ. Помимо ежемѣсячной статьи, тотъ вынужденъ былъ рецензировать уймищу книгъ самаго вздорнаго содержанія, въ числѣ которыхъ попадались сонники и сочиненія, посвященныя домашнему хозяйству.

Въ послѣднее время въ нашей печати раздался голосъ, пытавшійся, было, реабилитировать Краевскаго заявленіямъ, что по тому времени онъ разсчитывался съ Бѣлинскимъ добропорядочно, и съ его стороны не было никакой эксплоатаціи силъ главнаго сотрудника журнала. Лицо, утверждавшее это, очевидно, никогда не жило чистолитературнымъ трудомъ и не дало себѣ труда, принявшись за неблагодарную защиту, соразмѣрить качество продаваемаго товара съ его покупной цѣной. Если вспомнить, что каждая статья Бѣлинскаго была настоящимъ событіемъ, если вдуматься въ созданный имъ журналу успѣхъ, если дать себѣ трудъ подсчитать, сколькихъ крупныхъ дѣятелей печатнаго слова привелъ за собою къ Краевскому Бѣлинскій, если сообразить, на какую высоту поставилъ онъ журналъ, то, конечно, фактъ эксплоатаціи и выжиманія послѣднихъ соковъ становится безспорнымъ, какъ это уже давно признано и установлено въ литературѣ. При этомъ необходимо имѣть въ виду и то обстоятельство, на какого сорта работу направлялись силы критики и ради какого вздора требовалось напряженіе его больного организма!.. Можетъ быть, на это возразятъ, что таковъ неумолимый законъ издательскаго дѣла, которое не сообразуется съ внутренними и внѣшними обстоятельствами сотрудника и которому нѣтъ дѣла до крови, льющейся изъ горла литературнаго поденщика... можетъ быть, но согласитесь, что тутъ чувствуется какая-то звѣрская жестокость, слишится что-то хищное и злобное. И вотъ почему, какъ бы кто ни старался обѣлить Краевскаго, измученный образъ Бѣлинскаго, съ впалыми блѣдными щеками, лихорадочно блестящими глазами и съ скомканнымъ облитымъ кровью платкомъ въ рукѣ, становится еще болѣе трагичнымъ и достойнымъ слезъ и горечи, по сравненію съ кругленькой и жирненькой фигуркой издателя «Отечеств. Записокъ», уже тогда преисправно откладывавшаго въ банкъ деньги для покупки будущей недвижимой собственности.

Итакъ, во внѣшнія условія жизни Бѣлинскаго Петербургъ мало внесъ утѣшительнаго; достатокъ явился не Богъ вѣсть какой и во всякомъ случаѣ далеко несоразмѣрный затрачиваемымъ силамъ. Жестокая болѣзнь, начало которой положили московскія голодовки и неблагопріятныя санитарныя условія жилыхъ помѣщеній, въ сосѣдствѣ съ прачешными и кузницами, подъ вліяніемъ непомѣрнаго труда, журнальныхъ огорченій и петербургскаго климата, разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, предвѣщая недалекій конецъ этой много-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

страдальной жизни. Ко всему еще одиночество, одиночество больного холостяка, брошеннаго въ водоворотъ огромнаго нервнаго города, гдѣ нѣтъ по близости ни добраго друга, ни любящаго женскаго сердца, съ которымъ бы можно было подѣлить радость и горе. А именно Бѣлинскій, по всей организаціи своей нѣжной души, по своему рыцарски-высокому поклоненію передъ женщиной, болѣе чѣмъ кто нибудь изъ его друзей нуждался въ другѣ женѣ, которая бы внесла тепло и ласку, уходъ и попеченіе въ его сирое и страдальческое существованіе.

VII.

Въ Петербургѣ Бѣлинскій нашелъ знакомыхъ, много знакомыхъ, которые его высоко ставили, какъ человѣка, какъ писателя, какъ журнальнаго вождя, но онъ не обрѣлъ здѣсь новыхъ друзей, могшихъ замѣнить ему старыхъ московскихъ пріятелей, тѣхъ самыхъ, какъ бы хороши или дурны они ни были, съ которыми пережито столько увлеченій и волненій, столько духовныхъ и матеріальныхъ радостей и горестей. Всѣ чувства и ощущенія такого рода остались позади, тамъ, въ Бѣлокаменной, откуда такъ недавно онъ бѣжалъ, отряхая прахъ ногъ своихъ. Въ Петербургъ же онъ пріѣхалъ съ готовымъ, вполнѣ созрѣвшимъ чувствомъ любви къ дѣвушкѣ, которая платила ему горячей взаимностью, и которую онъ страстно стремился назвать скорѣе своею, на всю жизнь. Дѣвушка эта была Марія Васильевна Орлова, классная дама Екатерининскаго института, съ которой нашъ критикъ познакомился еще въ 1835 г.

Орлова родилась въ 1812 г., воспитаніе получила въ Александровскомъ институтѣ, гдѣ кончила курсъ первою съ медалью. Выдѣляясь среди сверстницъ своими умственными способностями, Марія Васильевна отличалась и замѣчательной красотою, на которую еще обратилъ вниманіе Николай I во время коронаціонныхъ празднествъ 1826 г. По окончаніи курса, Орлова оставлена была пепиньеркою при институтѣ, затѣмъ она была гувернанткою въ семьѣ племянницы Лажечникова, а въ 1835 г. поступила классной дамой въ Екатерининскій институтъ. Знакомство ея съ Бѣлинскимъ относится именно къ этому году. Раньше она зачитывалась Бѣлинскимъ, при чемъ особенное впечатлѣніе произвели на нее извѣстныя «Литературныя мечтанія». Познакомилась Орлова съ критикомъ въ домѣ Петрова, впослѣдствіи ученаго оріенталиста. Бѣлинскій посѣщалъ Марію Васильевну въ институтѣ и приносилъ ей книги для чтенія. Лѣтомъ 1843 г. онъ сдѣлалъ ей предложеніе, и въ ноябрѣ того же года состоялась ихъ свадьба.

Это была не первая привязанность Бѣлинскаго. Еще въ тридцатыхъ годахъ, на зарѣ юной жизни, у него былъ романъ, который, однако, кончился неудачно—ему не отвѣтили взаимностью.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Второй романъ былъ удачливѣе; влюбленные вполнѣ сознательно относились другъ къ другу, обоюдно высоко цѣнили нравственныя качества и шли къ разрѣшенію конечной цѣли ихъ отношеній твердымъ, увѣреннымъ шагомъ. Этотъ второй романъ Бѣлинскаго въ настоящее время, благодаря отпечатаннымъ въ 1896 г. его письмамъ къ М. В. Орловой въ «Починѣ», извѣстенъ намъ во всѣхъ подробностяхъ и представляетъ собою удивительно свѣтлыя страницы жизни критика, является матеріаломъ высокой цѣнности для характеристики его нравственнаго облика. По силѣ выраженій, по огненности языка и смѣлости мысли, эти письма къ невѣстѣ должны быть поставлены на ряду съ его знаменитымъ письмомъ къ Гоголю, и во всякомъ случаѣ они стоятъ неизмѣримо выше многаго изъ того, что имъ было напечатано въ журналахъ.

Уже въ первомъ письмѣ къ невѣстѣ онъ говоритъ:

«Я разорванъ пополамъ и чувствую, что не достаетъ цѣлой половины меня самого, что жизнь моя не полна, и что я тогда только буду жить, когда вы будете со мною, подлѣ меня. Бываютъ минуты страстнаго, тоскливаго стремленія къ вамъ. Вотъ полетѣлъ бы хоть на минуту, крѣпко, крѣпко пожалъ бы вамъ руку, тихо сказалъ бы вамъ на ухо, какъ много я люблю васъ, какъ пуста и безсмысленна для меня жизнь безъ васъ. Нѣтъ, нѣтъ скорѣе, скорѣе, или я съ ума сойду»

Въ слѣдующій разъ онъ пишетъ въ заключеніи письма:

«Прощайте. Храни васъ Господь! Пусть добрые духи окружаютъ васъ днемъ, нашептываютъ вамъ слова любви и счастія, а ночью посылаютъ вамъ хорошіе сны. А я—я хотѣлъ бы теперь хоть на минуту увидать васъ, долго, долго посмотрѣть вамъ въ глаза, обнять ваши колѣна и поцѣловать край вашего платья. Но нѣтъ, лучше дольше, какъ можно дольше не видаться, совсѣмъ, нежели увидѣться на одну только минуту, и вновь разстаться, какъ мы уже разстались разъ. Простите меня за эту глупую болтовню; грудь моя горитъ, на глазахъ накипаетъ слеза: въ такомъ глупомъ состояніи обыкновенно хочется сказать много, и ничего не говорится, или говорится очень глупо. Странное дѣло! Въ мечтахъ я лучше говорю съ вами, чѣмъ на письмѣ, какъ нѣкогда заочно я лучше говорилъ съ вами, чѣмъ при свиданіи. Что-то теперь Сокольники? Что завѣтная дорожка, зеленая скамеечка, великолѣпная аллея? Какъ грустно вспоминать обо всемъ этомъ, и сколько отрады и счастія въ грусти этого воспоминанія!»

Въ письмѣ отъ 20-го сентября Бѣлинскій, шутливо возражая на замѣчанія невѣсты о ея недостаткахъ, говоритъ:

«Что же касается до старой, больной, бѣдной, дурной жены, sauvage въ обществѣ и не смыслящей ничего въ хозяйствѣ, которымъ наказываетъ меня Богъ, то позвольте имѣть честь донести вамъ, Маріе, что вы изволите говорить глупости. Я особенно благодаренъ вамъ за эпитетъ бѣдной; въ самомъ дѣлѣ, вы погубили меня своею бѣдностью: вѣдь я было располагалъ жениться на толстой купчихѣ съ черными зубами и 100.000 приданаго. Что касается до вашей старости, я былъ бы отъ нея въ совершенномъ отчаяніи, если бы, во-первыхъ, мнѣ хотѣлось имѣть молоденькую жену, à la madame Manilоff, и, во-вторыхъ, если бы я не видѣлъ и не зналъ людей, которые отъ молодости женъ своихъ страдаютъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

такъ, какъ другіе отъ старости. Изъ этого я заключаю, что дѣло ни въ старости, ни въ молодости, и вообще нѣтъ ничего безполезнѣе, какъ загадывать впередъ и говорить утвердительно о томъ, что еще только будетъ, но ничего еще нѣтъ. Я надѣюсь, что мы будемъ счастливы; но рѣшеніе на этотъ вопросъ можетъ дать не надежда, не предчувствіе, не расчетъ, а только сама дѣйствительность. И потому пойдемъ впередъ безъ оглядокъ и будемъ готовы на все—быть человѣчески достойными счастія, если судьба дастъ намъ его, и съ достоинствомъ, почеловѣчески, нести несчастіе, въ которомъ никто изъ насъ не будетъ виноватъ. Кто не стремится, тотъ и не достигаетъ, кто не дерзаетъ, тотъ и не получаетъ».

Но не только однимъ упоеніемъ любви и бодрымъ призывомъ на новую разумную жизнь были наполнены письма Бѣлинскаго къ невѣстѣ, нѣтъ и тутъ наплись черныя тучи, которыя заволокли, было, чистое небо и грозили бурями и непогодами. Орлова по какимъ-то соображеніямъ пожелала, чтобы ихъ свадьба состоялась въ Москвѣ, по всѣмъ правиламъ стараго этикета, въ присутствіи родныхъ и знакомыхъ. Такія требованія задѣли Бѣлинскаго, противорѣча его убѣжденіямъ и вызывая его на уступки и сдѣлки съ совѣстью, къ которымъ онъ менѣе всего былъ способенъ. Между женихомъ и невѣстой возникла размолвка, поднялась по настоящему предмету цѣлая переписка, и раздраженный Бѣлинскій писалъ между прочимъ:

«Я не думалъ ни о дядюшкахъ и тетушкахъ, ни о м-мъ Chagriot... ни объ офиціальномъ обѣдѣ, съ шампанскимъ и поздравленіями, съ идіотскими улыбками и, можетъ быть, infame! — съ чиновническими шутками и любезностями. Въ этой по истинѣ плѣнительной картинѣ не достаетъ только свахи, смотринъ, сговора, дѣвичника съ свадебными пѣснями. Кажется, и при этой мысли ужасъ проникаетъ холодомъ до костей моихъ—въ посаженомъ отцѣ и посаженой матери недостатка не будетъ, и насъ съ вами встрѣтятъ съ образомъ, и мы будемъ кланяться въ ноги. Знаете ли что!—мнѣ больно не одно то, что вы осуждаете меня на эту позорную пытку, но то, что вы обнаруживаете столько resignation въ этомъ случаѣ въ отношеніи къ самой себѣ. Это для меня всего тяжелѣе. Вы даже не хотите понять причины моего ужаса и отвращенія къ этимъ позорнымъ церемоніямъ и приписываете это трусости Подколесина. Во мнѣ такъ много недостатковъ, что уже ради одной ихъ многочисленности не слѣдуетъ мнѣ приписывать не существующихъ во мнѣ. Подколесинъ труситъ мысли, что вотъ де все былъ неженатъ и вдругъ женатъ. Я понимаю такую мысль, но она не можетъ же испугать меня до того, чтобы я хотя на секунду въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою пожалѣлъ о моемъ рѣшеніи жениться. Въ такомъ случаѣ, я чувствовалъ бы себя недостойнымъ васъ и сталъ бы самъ себя презирать. Такая мысль (т. е. Подколесинскій страхъ женатаго состоянія) можетъ меня безпокоить, какъ необходимость въѣхать въ собраніе или пройти по улицѣ въ мундирѣ, но не больше. Подколесинъ пугается не церемоній и неприличныхъ приличій; напротивъ, онъ не понимаетъ возможности брака безъ нихъ, и безъ нихъ пропалъ бы отъ ужаса, при мысли, что объ этомъ говорятъ. Изъ окна я не выброшусь, но не ручаюсь, что наканунѣ вѣнчанья не проснусь съ сильною просѣдью въ головѣ и что въ эту ночь не переживу длиннаго, длиннаго времени тяжелой внутренней тревоги. И пиша эти строки, я глубоко скорблю и глубоко страдаю отъ мысли, что вы не

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

поймете моего отвращенія къ позорнымъ приличіямъ и шутовскимъ церемоніямъ. Для меня противны слова: невѣста, жена, женихъ, мужъ. Я хотѣлъ бы видѣть въ васъ ma bien aimée, amie de ma vie, ma Eugenie... По моему кровному убѣжденію, союзъ брачный долженъ быть чуждъ всякой публичности, это дѣло только двоихъ—больше никого. Вы боитесь scandale, анаѳемы и толковъ—этого я просто не понимаю, ибо я давно позволилъ безнаказанно проклинать меня и говорить обо мнѣ все, что угодно, тѣмъ, съ которыми я на всю жизнь разстался. Таковые для меня не существуютъ. У меня есть свой кругъ и свое общество, состоящее все изъ людей, женившихся совсѣмъ не пороссійски. Вы пишете, что теперь поняли всю дикость нашего общества и проч. Знаете ли, что вѣдь ваши слова не болѣе, какъ слова, слова и слова? Ибо они не оправдываются дѣломъ. Общество улучшается черезъ благородныхъ своихъ представителей, и вѣдь кому нибудь надо же начинать. Вы похожи на раба-отпущеника, который хотя и знаетъ, что его бывшій баринъ не имѣетъ надъ нимъ никакой власти, но все, по старой привычкѣ, почтительно снимаетъ передъ нимъ шапку и робко потупляетъ передъ нимъ глаза; мнѣ кажется, что разумъ данъ человѣку для того, чтобы онъ разумно жилъ, а не для того только, чтобы онъ видѣлъ, что неразумно живетъ».

Послѣ долгихъ увѣщеваній и доводовъ Бѣлинскій переубѣдилъ Орлову. Она пріѣхала въ Петербургъ, и свадьба ихъ состоялась, какъ онъ на томъ настаивалъ, безъ всякой помпы и торжествъ. Съ этихъ поръ для Бѣлинскаго начинается новая полоса жизни, гдѣ уже исчезаетъ скука и тоска одиночества, но взамѣнъ которыхъ являются новыя тревоги и волненія, сопряженныя съ обязанностями семейнаго человѣка.

Въ нашей литературѣ послѣдняго времени былъ поставленъ вопросъ, дала ли Орлова и семейная жизнь счастье Бѣлинскому, при чемъ нѣкоторые изслѣдователи приходили въ рѣшеніи этого вопроса къ неблагопріятному выводу. Рядомъ съ этимъ живая и понынѣ свояченица Бѣлинскаго, А. В. Орлова, опровергаетъ такое утвержденіе и свидѣтельствуетъ о полномъ согласіи и любви, царившихъ въ семейной жизни ея сестры. Мнѣ кажется, что въ этихъ противорѣчивыхъ показаніяхъ кроется нѣкоторое недоразумѣніе, проистекающее изъ неправильной постановки самаго вопроса: что называется счастьемъ, и кто можетъ считаться истинно-счастливымъ человѣкомъ? Абсолютнаго счастія на землѣ, конечно, нѣтъ, а есть только счастіе относительное, условное. Бѣлинскій, женившись на Орловой, нашелъ въ ней жену-друга, которая высоко ставила его, не только какъ человѣка, но и какъ писателя, какъ общественнаго дѣятеля; она берегла, лелѣяла его, и никакія личныя ссоры и дрязги не нарушали ихъ домашняго покоя. Но она тоже была женщина больная, нервная, и вотъ эта-то нервность отражалась на всемъ, что она дѣлала и говорила. Она слишкомъ, можетъ быть, горячо относилась къ мелочамъ жизни — вопросамъ хозяйства, вопросамъ домашняго обихода, можетъ быть, слишкомъ явно для больного оберегала его здоровіе и опекала отъ всѣхъ и вся; Бѣлинскій же не всегда былъ терпѣливъ, былъ мнителенъ, какъ чахоточный, часто

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

раздражителенъ, переходя безъ достаточнаго основанія отъ восторженнаго состоянія духа къ унынію и огорченію. Отсюда повышенная нервная температура въ ихъ домѣ, кажущіяся мелкія тучи на ясномъ по существу горизонтѣ ихъ жизни, которыя производили неблагопріятное впечатлѣніе на окружающихъ. Сошлись на жизненномъ пути двѣ нервныя больныя натуры, которыя, страстно любя другъ друга, причиняли вмѣстѣ съ тѣмъ другъ другу огорченія и недовольства. Въ одномъ изъ своихъ заграничныхъ писемъ къ женѣ [1]) Бѣлинскій говоритъ:

«Ты пишешь, что разлука сдѣлаетъ насъ уступчивѣе въ отношеніи другъ друга, но и болѣе чуждыми другъ другу. Мнѣ кажется то и другое равно хорошо. Почему хорошо первое, толковать нечего, и такъ ясно; второе хорошо потому, что даетъ случай познакомиться вновь на лучшихъ основаніяхъ. Я уже не въ той порѣ жизни, чтобы тѣшить себя фантазіями, но еще не дошелъ до того сухого отчаянія, чтобы не знать надежды. Я потому жду много добра для обоихъ насъ отъ нашей разлуки. Я никакъ, напримѣръ, не могъ понять твоихъ жалобъ на меня, что будто я дурно съ тобою обращаюсь, и видѣлъ въ этомъ, въ этихъ жалобахъ, величайшую несправедливость ко мнѣ съ твоей стороны, а теперь, когда въ новой для меня сферѣ я смотрю на нашу прежнюю жизнь, какъ на что-то прошедшее, внѣ меня находящееся, то вижу, что если ты была не вполнѣ права, то и не совсѣмъ неправа. Я опирался на глубокомъ сознаніи, что не имѣлъ никакого желанія оскорблять тебя, а ты смотрѣла на факты, а не на внутреннія мои чувства и, въ отношеніи самой себѣ, была права. Ежели разлука и тебя заставитъ войти поглубже въ себя и увидѣть кое-что такое, чего прежде ты въ себѣ видѣть не могла, то разлука эта будетъ очень полезна для насъ: мы будемъ снисходительнѣе, терпимѣе къ недостаткамъ одинъ другаго, и будемъ объяснять ихъ болѣзненностію, нервическою раздражительностію, недостаткомъ воспитанія, а не какими нибудь дурными чувствами, которыхъ, надѣюсь, мы оба чужды. Что же касается до твоихъ словъ, что мужъ, безъ причины оставляющій жену и дѣтей, не любитъ ихъ, — ты права; но, во-первыхъ, я говорилъ тебѣ о разлукѣ съ причиною, хотя бы эта причина была просто желаніемъ разсѣяться и освѣжиться прогулкою, или и прямо желаніемъ освѣжить ею свои семейныя отношенія, и, во-вторыхъ, я кажется, уѣхалъ не безъ причины».

Рядомъ съ этимъ письмомъ, однако, мы находимъ и другія, написанныя въ такомъ повышенно-любовномъ тонѣ, съ такими заботами о домѣ, домочадцахъ, даже и домашней собакѣ, которыя пишутся и посылаются только при наличности большого запаса любви и въ полномъ сознаніи своего семейнаго счастія. Онъ пишетъ, напримѣръ, въ другой разъ:

«Письмо твое отъ 3 (15) іюля, chère Marie, я получилъ въ poste restante, на третій день по пріѣздѣ въ Парижъ. Хотъ ты въ немъ и не говоришь положительно, что твое положеніе опасно, но оно тѣмъ не менѣе почему-то произвело на меня самое тяжелое впечатлѣніе. Я теперь только о томъ и думаю, какъ бы поскорѣе домой, да чтобъ ужъ больше одному не ѣздить отъ семейства дальше, какъ

[1]) См. Армянскій сборникъ, изданный Г. А. Джаншіевымъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

изъ Петербурга въ Москву. Вообще все письмо твое дышитъ нездоровымъ. Конечно, къ нездоровью намъ давно уже пора привыкнуть, какъ къ нормальному нашему положенію, но мнѣ почему-то кажется, что ты не совсѣмъ въ безопасномъ положеніи. День, въ который новое письмо твое разувѣритъ меня въ этомъ предположеніи, будетъ однимъ изъ лучшихъ дней въ моей жизни. Мнѣ такъ тяжело и грустно отъ мысли о твоемъ здоровьѣ, что не хочется писать о себѣ, и если я сдѣлаю это, то потому только, что могу сообщить тебѣ положительно хорошія извѣстія о состояніи моего здоровья и надѣюсь разсѣять твои болѣзненныя предположенія на мой счетъ.»

Еще незадолго передъ тѣмъ, изъ Харькова онъ посылалъ женѣ слѣдующія строки, свидѣтельствующія, сколько нѣжной любви, заботы и трогательнаго чувства питалъ онъ къ своему домашнему очагу.

«Я радъ, что наши псы съ вами, радъ и за нихъ, и еще больше за васъ. И потому Милкѣ жму лапу, и даже дураку Дюку посылаю поклонъ. Объ Ольгѣ не знаю что писать—хотѣлось бы много, а не говорится ничего. Что ты не говоришь мнѣ ни слова, начинаетъ ли она ходить, болтать, и что ея 8-й зубъ? Ахъ, собачка, барашекъ, какъ она теперь уже перемѣнилась для меня—вѣдь уже полтора мѣсяца! Поблагодари ее за память о моемъ портретѣ и за угощеніе его молокомъ и кашею. Она чѣмъ богата, тѣмъ и рада, и понюхать готова дать всякое кушанье. Должно быть, она очень довольна поведеніемъ своего портрета, который позволяетъ ей угощать себя не въ ущербъ ея аппетиту. Изъ Харькова я еще пошлю къ тебѣ письмо. А теперь пока прощай. Будь здорова и спокойна духомъ, та mie, и успокой скорѣе меня на счетъ твоего здоровья. Жму руку Агриппинѣ и желаю ей всего хорошаго, а я не объѣдаюсь и не простужаюсь, какъ она обо мнѣ думаетъ.»

Итакъ, я думаю, что вопросъ о семейномъ счастьѣ Бѣлинскаго и высказанныя по настоящему предмету подозрѣнія разрѣшаются вполнѣ его письмами къ женѣ и свидѣтельствомъ почтенной А. В. Орловой. Бѣлинскій былъ счастливъ, любилъ, былъ любимъ и, если тучки заволакивали подчасъ его жизнь, то у кого же этихъ маленькихъ тучъ не бываетъ, а особенно въ средѣ писательской, гдѣ нервность и бѣдность такъ часто идутъ рука объ руку и такъ часто накладываютъ тѣни тамъ, гдѣ при иныхъ условіяхъ соціальной жизни имъ не было бы мѣста.

VIII.

Въ 1843 г. Бѣлинскій пріѣхалъ въ Петербургъ, вскорѣ затѣмъ женился и въ томъ же году начинаетъ печатаніе въ «Отечественныхъ Запискахъ» рядъ статей о Пушкинѣ, считающихся по всей справедливости классическою работою въ нашей литературѣ, посвященной геніальному поэту. Тогда же онъ открываетъ свою блестящую полемику съ славянофилами, въ которой приняли горячее участіе и остальные его друзья и единомышленники, полемику, столь оживившую нашу журналистику, при помощи которой и подъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

флагомъ которой стало возможнымъ косвенно касаться и современныхъ устоевъ русской жизни, мрачныхъ началъ тогдашней дѣйствительности. Благодаря статьямъ Бѣлинскаго (о Пушкинѣ, Лермонтовѣ, Кольцовѣ, Грибоѣдовѣ и друг.), а также его друзей-единомышленниковъ, журналъ Краевскаго сталъ по количеству подписчиковъ, по живости и занимательности, первымъ журналомъ въ Россіи, увеличивая тѣмъ изъ году въ годъ благоденствіе издателя и высасывая послѣдніе жизненные соки главнаго сотрудника, основной силы журнала. Подъ тяжестью громадной срочной работы Бѣлинскій положительно изнывалъ, чувствовалъ отупеніе, впадалъ все въ большую раздражительность и задумывалъ все чаще разорвать съ Краевскимъ. Касаясь своего тогдашняго состоянія, онъ писалъ московскимъ друзьямъ:

«Я теперь рѣшился оставить «Отечественныя Записки». Это желаніе давно уже было моею idée fixe; но я все надѣялся выполнить его чудеснымъ способомъ, благодаря моей фантазіи, которая у меня услужлива не менѣе фантазіи г. Манилова, и надеждамъ на богатыхъ земли... журнальная срочная работа высасываетъ изъ меня жизненныя силы, какъ вампиръ кровь. Обыкновенно я недѣли двѣ въ мѣсяцъ работаю съ страшнымъ лихорадочнымъ напряженіемъ, до того, что пальцы деревенѣютъ и отказываются держать перо; другія двѣ недѣли я, словно съ похмелья послѣ двухнедѣльной оргіи, праздношатаюсь и считаю за трудъ прочесть даже романъ. Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно заваленная грязью и соромъ россійской словесности. Здоровье видимо разрушается. Но трудъ мнѣ не опротивѣлъ. Я больной писалъ большую статью о жизни и сочиненіяхъ Кольцова и работалъ съ наслажденіемъ; въ другое время я въ три недѣли чуть не изготовилъ къ печати цѣлой книги, и эта работа была мнѣ сладка, сдѣлала меня веселымъ, довольнымъ и бодрымъ духомъ. Стало быть, мнѣ не выносима и вредна только срочная журнальная работа; она тупитъ мою голову, разрушаетъ здоровье, искажаетъ характеръ»...

Насколько тяжело ему было въ журналѣ Краевскаго, видно изъ того, что онъ сравнивалъ «Отечественныя Записки» со скалою, себя съ Прометеемъ, а Краевскаго съ коршуномъ, клюющимъ его тѣло и высасывающимъ его кровь. Отношенія сотрудника и издателя становились натянутѣе, обостреннѣе и, наконецъ, Бѣлинскій рѣшился на важный шагъ—разорвалъ съ Краевскимъ, оставшись такимъ образомъ съ семьей на плечахъ безъ всякаго обезпеченнаго заработка. Надежды матеріальнаго характера были основаны на выпускѣ подъ его редакціей обширнаго «Сборника», куда всѣ пріятели, московскіе и петербургскіе, должны были сдѣлать свои вклады; но пока шли по этому предмету переговоры, и дѣло затягивалось, состояніе его духа, а еще болѣе здоровья, становилось со дня на день хуже и опаснѣе. Въ видахъ поправленія расшатавшихся нервовъ, упадка силъ и возстановленія здоровія, его уговорили предпринять путешествіе на югъ Россіи; деньги для того были найдены, и вотъ 16 мая 1846 г. онъ вмѣстѣ съ Щепкинымъ, предпринимавшимъ артистическое турне по Россіи, двинулся въ путь.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Путешествіе его продолжалось до сентября мѣсяца, а тѣмъ временемъ пріятели успѣли подготовить ему самый лучшій сюрпризъ, котораго онъ только могъ желать или видѣть во снѣ. На средства Панаева былъ пріобрѣтенъ отъ Плетнева захирѣвшій «Современникъ» главнымъ образомъ, какъ говорили въ литературныхъ кружкахъ, для того, чтобы избавить Бѣлинскаго отъ безработицы, отъ угнетавшей его поденщины и вѣчной кабалы у предпринимателей-капиталистовъ. Когда велись переговоры съ Плетневымъ, то дѣло рисовалось такъ, какъ будто Бѣлинскій будетъ полнымъ хозяиномъ журнала, и его имя будетъ стоять на обложкѣ, какъ редактора изданія; на дѣлѣ же оказалось иначе—хозяевами фактическими и юридическими стали Панаевъ и Некрасовъ, Бѣлинскій же снова очутился въ ряду чернорабочихъ, хотя и съ повышенной заработной платой. Несмотря на такую новую невзгоду судьбы, Бѣлинскій горячо принялся за работу и оказалъ журналу сразу такую поддержку, которая и послужила главнымъ основаніемъ успѣха «Современника». Пыпинъ по этому предмету повѣствуетъ:

«Когда появились первыя книжки журнала, въ который перенесена была дѣятельность Бѣлинскаго, гдѣ собрались такія произведенія, какъ «Кто виноватъ?» (полное изданіе) и другіе разсказы Герцена, «Обыкновенная исторія» г. Гончарова, первые «Разсказы охотника» г. Тургенева, повѣсти Григоровича, Дружинина, Достоевскаго, воспоминанія Щепкина, стихотворенія г. Некрасова, статьи Кавелина... Соловьева и проч.,—эти первыя книжки произвели сильное впечатлѣніе, и успѣхъ журнала могъ считаться обезпеченнымъ. Большая доля этого успѣха была именно дѣломъ Бѣлинскаго, нравственный и литературный авторитетъ котораго собралъ эти замѣчательныя силы. Но уже вскорѣ изъ этихъ отношеній журнала возникли тягостныя для Бѣлинскаго недоразумѣнія. Московскіе друзья, горячо принимавшіе къ сердцу интересы Бѣлинскаго, считали новый журналъ не иначе, какъ журналомъ Бѣлинскаго; но уже скоро, недовольные устройствомъ дѣлъ редакціи, гдѣ интересы Бѣлинскаго, по ихъ мнѣнію, не получили достаточнаго къ себѣ вниманія,—начали даже устраняться отъ «Современника».

Такимъ образомъ, и новое дѣло, не сулившее, какъ казалось, ничего иного, какъ счастье и общее довольство, принесло на самомъ дѣлѣ массу душевныхъ волненій и горестей. Не поправило оно и матеріальныхъ обстоятельствъ нашего критика—онъ продолжалъ нуждаться и мучительно биться въ тискахъ жизни. Не принесли облегченія здоровью и поѣздка по Россіи — чахотка разгоралась все сильнѣе и сильнѣе, и доктора гнали его за границу; но на такую поѣздку денегъ не было, и Бѣлинскій печально говорилъ: «поѣздка моя на воды—миѳъ». Однако, этотъ миѳъ вскорѣ обратился въ дѣйствительный фактъ и въ маѣ 1847 года онъ былъ уже въ Берлинѣ, гдѣ его поджидалъ Тургеневъ. Въ эту поѣздку имъ было написано знаменитое «письмо» къ Гоголю по поводу вышедшей «Переписки съ друзьями», облетѣвшее всю Россію и составившее Бѣлинскому репутацію самаго сильнаго и страстнаго

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

борца за свободу русскаго народа. Письмо это почти полностью напечатано нынѣ въ трудѣ о Погодинѣ г. Барсукова, и при чтеніи его даже въ настоящіе дни, по прошествіи 50 лѣтъ, оно производитъ впечатлѣніе одного изъ самыхъ сильныхъ произведеній, которое только когда либо появлялось въ русской литературѣ. Можно же себѣ представить, сколь сильное впечатлѣніе произвело оно тогда, когда все кругомъ, по словамъ поэта, «раболѣпствовало покорно», и всякое проявленіе свободнаго мнѣнія принималось чуть ли не за призывъ къ оружію, чуть ли не за государственное преступленіе. Да и въ наши дни нашлось немало людей, которые пытались, было, набросить тѣнь на письмо Бѣлинскаго и приняли на себя неблагодарную роль реабилитаціи Гоголевской «переписки», дѣлая изъ нея чуть ли не евангеліе, изъ котораго русскому обществу надлежитъ почерпать правила жизни и руководство къ разумѣнію задачъ русскаго просвѣщенія. По счастію, однако, эти не въ мѣру старавшіеся голоса успѣха не имѣли и даже въ трудѣ Шенрока, посвященномъ спеціально произведеніямъ и біографія Гоголя, «Переписка съ друзьями» не отнесена къ числу его лучшихъ произведеній и причислена къ литературѣ психіатрическаго свойства.

Въ теченіе 1848 г. Бѣлинскій успѣлъ сдать въ «Современникъ» работы только для четырехъ книжекъ, и на этомъ прекратилась его литературная дѣятельность, вслѣдъ за чѣмъ вскорѣ и онъ самъ отошелъ въ вѣчность, при самыхъ печальныхъ послѣднихъ минутахъ своей многострадальной жизни.

«Зима 1847—1848 г. тянулась для Бѣлинскаго мучительно,—повѣствуетъ Панаевъ, часто его видавшій.—Съ физическими силами падали и силы его духа. Онъ выходилъ изъ дому рѣдко; дома, когда у него собирались пріятели, онъ мало одушевлялся и часто повторялъ, что ему уже не долго остается жить. Говорятъ, что больные чахоткой обыкновенно не сознаютъ опасности своего положенія... У Бѣлинскаго не было этой иллюзіи; онъ не разсчитывалъ на жизнь и не утѣшалъ себя никакими надеждами... Болѣзненныя страданія его развились страшно въ послѣднее время отъ петербургскаго климата, отъ разныхъ огорченій, непріятностей и отъ тяжелыхъ и смутныхъ предчувствій чего-то недобраго. Стали носиться какіе-то неблагопріятные для него слухи, все какъ-то душнѣе и мрачнѣе становилось кругомъ его, статьи его разсматривались все строже и строже. Онъ получилъ два весьма непріятныя письма, написанныя, впрочемъ, съ большою деликатностью, отъ одного изъ своихъ прежнихъ наставниковъ, котораго онъ очень любилъ и уважалъ. Ему надобно было по поводу ихъ ѣхать объясняться, но онъ уже въ это время не выходилъ изъ дому...»

Эти два письма, о которыхъ упоминаетъ Панаевъ, присланныя ему съ жандармомъ, и послужили канвою для легенды о бывшемъ, будто, у Бѣлинскаго обыскѣ, о появленіи наканунѣ его смерти въ его квартирѣ толпы жандармовъ, пришедшихъ его арестовать. Эта легенда повторена въ напечатанномъ г. Захарьинымъ очеркѣ о Бѣлинскомъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника», и она же по-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

служила какъ будто моментомъ для картины г. Наумова, которая воспроизводится при настоящей статьѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ по наведеннымъ мною архивнымъ справкамъ вполнѣ устанавливается, что никакого обыска и никакой толпы жандармовъ въ квартирѣ Бѣлинскаго не было. То же утверждаетъ и г. Якушкинъ, въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», который со словъ г. Ефремова даетъ слѣдующее объясненіе картины Наумова.

«Художникъ представилъ на картинѣ, какъ около больнаго Бѣлинскаго, лежащаго на диванѣ, сидитъ Некрасовъ и Панаевъ,—говоритъ онъ. И вотъ приходится слышать, что Некрасовъ съ Панаевымъ не были при самой кончинѣ Виссаріона Григорьевича. Панаевъ пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ: «Въ минуту смерти я не присутствовалъ», и что такимъ образомъ картина «Бѣлинскій передъ смертью» даетъ вымышленныя подробности. Здѣсь недоразумѣніе, происходящее отъ не вполнѣ, быть можетъ, точнаго названія картины, отъ буквальнаго его пониманія. «Передъ смертью» не означаетъ при самой кончинѣ, и художникъ изобразилъ Бѣлинскаго во время его послѣдней тяжкой болѣзни, но не въ самые послѣдніе дни, за нѣкоторое время передъ смертью. Извѣстно, что въ 1848 г. бывшій пензенскій учитель Бѣлинскаго Поповъ, служившій тогда въ канцеляріи III Отдѣленія, писалъ ему, вызывая явиться для объясненій. Первое письмо Попова было послано 20 февраля; больной Бѣлинскій не могъ явиться на этотъ зовъ, но былъ встревоженъ такимъ требованіемъ. Прошло болѣе мѣсяца; Бѣлинскому становилось хуже и хуже; 27 марта послѣдовало второе письмо отъ Попова, въ которомъ бывшій учитель успокоивалъ, что приглашаютъ его только затѣмъ, что «желаютъ познакомиться» съ нимъ. Вотъ, 28 марта 1848 года, когда явился посланный со вторичнымъ письмомъ Попова, у больнаго Бѣлинскаго сидѣли Некрасовъ и Панаевъ. Послѣ этого втораго письма Попова, опять повторявшаго приглашеніе явиться, одинъ изъ пріятелей Бѣлинскаго отправился къ Попову для переговоровъ, и бывшій учитель великаго критика «просилъ успокоить больнаго и объяснить ему, что онъ вызывался не по какому либо частному дѣлу или обвиненію, но какъ одинъ изъ замѣчательныхъ дѣятелей на поприщѣ русской литературы, единственно для того, чтобы познакомиться съ начальникомъ вѣдомства (гдѣ служилъ Поповъ), хозяиномъ русской литературы»... Такимъ образомъ Наумовъ изобразилъ на своей картинѣ, какъ 27 марта 1848 г. при Некрасовѣ и Панаевѣ въ квартиру Бѣлинскаго явился посланный Попова».

И г-жа Орлова, присутствовавшая въ домѣ, когда умиралъ Бѣлинскій, ничего не говоритъ объ обыскѣ и жандармахъ, но въ слѣдующемъ простомъ и безыскусственномъ разсказѣ повѣствуетъ о послѣднихъ минутахъ Бѣлинскаго [1]).

«Наканунѣ смерти, 25 мая, онъ былъ очень тихъ, совсѣмъ не кашлялъ. Нѣсколько ночей сряду сестра плохо спала, утомилась сильно и часовъ въ 10 вечера пришла ко мнѣ въ комнату, чтобы уснуть. Я осталась сидѣть въ спальнѣ прямо противъ его постели; взяла какую-то книгу и дѣлала видъ, что читаю, а сама изъ-за книги взглядывала на него. Онъ лежалъ тихо, не кашлялъ, ничего не говорилъ, а глядѣлъ какъ будто на меня такими большими глазами; отъ его взгля-

[1]) «Лепта Бѣлинскаго» въ пользу голодающихъ», М., 1892 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

довъ я не знала, куда дѣваться, а между тѣмъ должна была казаться покойной. Онъ часто просилъ пить и спрашивалъ, который часъ, а самъ все двигался къ краю постели. Я подложила подушку подъ матрасъ, чтобы не упалъ. Сперва онъ пилъ изъ стакана, а потомъ прямо изъ графина и такъ много пилъ, тоска становилась все сильнѣе; все чаще спрашивалъ, который часъ. Такъ пробыла я до 1 часу, потомъ онъ говоритъ: «Позовите жену!» Я побѣжала за ней; она пришла и видитъ, что онъ уже не лежитъ, а сидитъ на постели, волосы поднялись дыбомъ, глаза испуганные. — Ты вѣрно чего нибудь испугался? — «Какъ не испугаться!—живого человѣка жарить хотятъ». Сестра успокоила его, говоря, что это ему приснилось; она уложила его покойнѣе и бѣгомъ побѣжала сказать мнѣ, что агонія началась. Но я заснула крѣпко, она не захотѣла меня будить. Вернувшись въ спальню, видитъ, что Бѣлинскій поднимается; она подложила ему подъ спину подушки и сама рукой поддерживала его. Необыкновенно громко, но отрывочно началъ онъ произносить какъ будто рѣчь къ народу. Онъ говорилъ о геніи, о честности, спѣшилъ, задыхался. Вдругъ съ невыразимой тоской, съ болѣзненнымъ воплемъ говоритъ: «А они меня не понимаютъ, совсѣмъ не понимаютъ!»—Это ничего: теперь не понимаютъ—послѣ поймутъ.—«А ты-то понимаешь ли меня?»—Конечно, понимаю.—«Ну, такъ растолкуй имъ и дѣтямъ». И все тише и невнятнѣе дѣлалась его рѣчь. Сестра уложила его. Онъ все продолжалъ говорить. Вдругъ заплакала его дочь; онъ услышалъ ее: «Бѣдный ребенокъ, ее одну, одну оставили!»—Нѣтъ, она не одна—сестра съ ней.—А я, какъ успокоила ее, тотчасъ же опять уснула. Наконецъ, въ шестомъ часу утра, 22 мая, онъ умеръ тихо. Сестра все время оставалась съ нимъ одна. Въ день смерти пришелъ Панаевъ, прошелъ въ заднюю комнату, гдѣ была сестра, и сказалъ ей захлебывающимся отъ рыданій голосомъ: «Ради Бога, ни о чемъ не заботьтесь, все будетъ сдѣлано». И дѣйствительно, похоронили его въ складчину пріятели, которые и содержали насъ до конца ноября; тутъ мы отправились съ двумя дѣтьми и съ собакой Бѣлинскаго въ Москву, страшно бѣдствовали дорогой.

«Весной передъ смертью Бѣлинскаго денегъ въ домѣ совсѣмъ не было. За квартиру и прислугѣ за нѣсколько мѣсяцевъ не заплачено; пришлось еще при жизни его продать рубашки, что онъ привезъ изъ-за границы. Трауръ не на что было купить, и сестра носила крашеное шолковое платье».

Таковъ былъ печальный конецъ жизни Бѣлинскаго, такъ много поработавшаго на пользу своей отчизны и такъ слабо вознагражденнаго при жизни и по смерти за свои труды. Онъ умеръ нищимъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, и оставилъ по себѣ семью въ нищетѣ и горѣ, столь рельефно описанныхъ дочерью Бѣлинскаго (Ольгою Васильевною Бензи) въ ея недавней бесѣдѣ съ парижскимъ сотрудникомъ «Новостей», г. Семеновымъ.

«Послѣ смерти отца мы остались совершенно безъ средствъ,—говорила О. В.—матушка въ положеніи (она вскорѣ родила сестру Вѣру), тетушка и я. Я, разумѣется, не помню бѣдствій перваго времени. Но уже помню, хотя смутно, нашъ переѣздъ въ Москву. Матушка до замужества воспитывалась и служила въ Александровскомъ институтѣ въ Москвѣ. Начальница института, швейцарка родомъ, г-жа Шарпіо, узнавъ о ея положеніи, предложила ей мѣсто кастелянши въ институтѣ, съ жалованьемъ 11 рублей съ мѣсяцъ... Между голодной смертью и этимъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

заработкомъ выбора, конечно, не могло быть, и мы въ ноябрѣ или декабрѣ отправились въ Москву. Должность кастелянши состояла въ надзорѣ за прачками и за бѣльемъ въ институтѣ (своего рода lingère en chef). Вы можете себѣ представить общественное положеніе, трезвость и, вообще, поведеніе этихъ прачекъ особливо въ то время, когда понятія о человѣческоть достоинствѣ, о гигіенѣ и т. п. были менѣе, чѣмъ элементарны. Никогда не забуду перваго впечатлѣнія, перваго появленія этихъ 6 прачекъ, встрѣчи ихъ будущей начальницы! Когда я впослѣдствіи читала сцену вѣдьмъ въ «Макбетѣ», предо мною всегда возставало это первое появленіе подчиненныхъ моей матушки... Намъ отвели большую комнату, какъ разъ надъ прачешной. Съ содроганіемъ вспоминаю эту комнату во флигелѣ, угловую, большую въ 5 оконъ: 2 окна въ одной стѣнѣ и три въ другой рядомъ; отовсюду дуло; холодъ былъ такой, что вода въ графинѣ замерзала черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, какъ ее приносили въ комнату. У насъ у всѣхъ были тѣневые—какъ ихъ звали—сапоги на мѣху, и то ноги мерзли! Тетушка — мастерица на этотъ счетъ — обила всѣ окна войлокомъ, оставивъ одно только оконцо для свѣта, но это, разумѣется, мало помогло. Меня, я помню, держали изъ-за холода 8 мѣсяцевъ въ году въ постели,—меня, живого, рѣзваго ребенка! Я ужасно отъ этого страдала. Къ этому холоду надо прибавить жизнь почти впроголодь. Насъ было четыре человѣка на одну порцію, которую отпускали матушкѣ, а на одиннадцать рублей въ мѣсяцъ многаго не прибавишь къ одной порціи на четверыхъ! Но ужаснѣе всего были постоянный угаръ и дымъ, проникавшіе къ намъ снизу. Я до сихъ поръ не могу понять, какъ мы остались живы... Потомъ, правда, прачешную перевели въ другое мѣсто и нижнюю комнату топили только разъ въ мѣсяцъ, но и разъ въ мѣсяцъ угаръ, какъ диверсія отъ холода,—это было ужасно! Сестра вскорѣ сдѣлалась жертвой этой ужасной жизни и обстановки и умерла... Я тоже заболѣла, призванный институтскій врачъ оказался разумнымъ человѣкомъ и понялъ мою болѣзнь: «Да ее кормить надо — не то и она умретъ!». Вынесла же горя и страданій моя матушка: всѣ несчастія обрушились на нее. Даже съ квартирой ей не повезло: у нея была помощница, такъ та уже давно была на мѣстѣ и имѣла свою квартиру, а моя матушка пріѣхала новичкомъ, и ей отвели первую попавшуюся комнату. Да, вотъ, эта помощница! Она, очевидно, относилась враждебно къ моей матушкѣ, которую она, вѣроятно, считала помѣхой для своей карьеры (!), для своего положенія—une intrue—и интриговала, какъ и гдѣ могла. Помню, какъ всѣ эти матеріальныя и моральныя мученія отражались на матушкѣ, которая всегда и раньше была нервная, больная... Боже мой! эти семейныя сцены горя и слезъ въ комнатѣ кастелянши! А подчиненныя матушки! Сцены, при которыхъ ей приходилось присутствовать! Рѣчи, которыя ей приходилось слышать! Помню, разъ прибѣжала помощница съ крикомъ: «барыня, барыня! Идите скорѣе внизъ; такая-то и такая-то подрались». Матушка поспѣшила внизъ, я, воспользовавшись суматохой, изъ дѣтскаго любопытства шмыгнула въ открытую дверь за матушкой, и Боже мой! какая картина представилась моимъ глазамъ: двѣ прачки въ изодранномъ въ клочки платьѣ, съ распущенными, растрепанными въ дракѣ волосами, съ окровавленными лицами, оглашали прачешную ужасной бранью!».

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НОВЫЙ ТРУДЪ ПО РАСКОЛУ

АЯ 17-го, въ актовомъ залѣ университета, въ присутствіи многочисленной публики приватъ-доцентъ университета, А. К. Бороздинъ, защищалъ представленную имъ для полученія степени магистра русской словесности диссертацію—«Протопопъ Аввакумъ. Очеркъ изъ исторіи умственной жизни русскаго общества XVII вѣка».

Г. Бороздинъ—давній сотрудникъ «Историческаго Вѣстника», старый знакомый нашихъ читателей, почему намъ особенно пріятно отмѣтить на страницахъ нашего журнала его праздникъ и принести ему искреннія поздравленія съ осуществленіемъ его завѣтной мечты — официально, во всеоружіи завоеванныхъ правъ, занять мѣсто въ рядахъ ученой корпораціи того университета, который еще 12 лѣтъ тому назадъ обратилъ столь лестное вниманіе на даровитаго своего питомца. Намъ тѣмъ пріятнѣе выразить одушевляющія насъ чувства автору ученой диссертаціи, что, помимо личныхъ нашихъ отношеній къ г. Бороздину по журналу, сама диссертація, какъ добросовѣстный ученый трудъ, по всей справедливости должна занять видное мѣсто въ свѣтской литературѣ по расколу. Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ трудѣ и диспутѣ 17-го мая, приведемъ краткое curriculum vitae новаго магистра.

А. К. Бороздинъ, изъ дворянъ Псковской губ., родился въ 1863 году. Сначала онъ воспитывался во 2-й спб. гимназіи, затѣмъ перешелъ въ реформатское училище, откуда, по окончаніи курса въ 1881 г., поступилъ на историко-филологическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Здѣсь онъ рано обратилъ своими

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дарованіями, прилежаніемъ и обширной начитанностью на себя вниманіе товарищей и профессоровъ, которые, когда онъ былъ еще на третьемъ курсѣ, прочили его единодушно въ будущіе ученые. По выбору товарищей онъ завѣдывалъ изданіемъ и составленіемъ нѣкоторыхъ лекцій (по русской исторіи, по расколу), а также являлся виднымъ представителемъ отъ студентовъ историко-филологовъ въ тогдашнемъ студенческомъ «научно-литературномъ обществѣ». Не менѣе товарищей цѣнили его и профессора факультета, изъ коихъ въ особенности слѣдуетъ помянуть въ настоящемъ случаѣ покойныхъ Ореста Ѳедоровича Миллера, Егора Егоровича Замысловскаго и благополучно здравствующаго В. И. Ламанскаго. Когда въ 1883 г. была предложена Ор. Миллеромъ студентамъ тема на медаль по расколу, Бороздинъ представилъ обширную и прекрасную работу, посвященную характеристикѣ и критико-біографическому изслѣдованію личности протопопа Аввакума, каковая работа, удостоенная тогда первой золотой медали, и легла въ основаніе нынѣ вышедшей его диссертаціи.

По окончаніи курса со степенью кандидата въ 1885 г., онъ былъ оставленъ при университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію, и около того же времени начинается и его литературная дѣятельность. Тогда же онъ былъ причисленъ къ министерству государственныхъ имуществъ для занятій по составленію описанія архива горнаго департамента. Въ 1888 г. Бороздинъ былъ командированъ на Кавказъ въ распоряженіе уполномоченнаго министра государственныхъ имуществъ, а въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ чиновникомъ статистической части при закавказскомъ статистическомъ комитетѣ, съ откомандированіемъ къ тифлисскому губернатору. Съ этого же времени начинается и его педагогическая дѣятельность въ тифлисскомъ женскомъ учебномъ заведеніи св. Нины. И здѣсь, какъ нѣкогда студентомъ на историко-филологическомъ факультетѣ въ университетѣ, онъ быстро занялъ видное положеніе и обнаружилъ чрезвычайную энергію въ организаціи добавочныхъ лекцій воспитанницамъ по новѣйшей русской литературѣ. Въ должности преподавателя г. Бороздинъ прослужилъ до 1894 г., когда перевелся на службу въ Петербургъ при государственной канцеляріи по архивной части. Въ 1895 г. онъ сдалъ экзаменъ на степень магистра русской словесности и началъ чтеніе лекцій въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія и на педагогическихъ женскихъ курсахъ; съ 1896 же года онъ открылъ въ качествѣ приватъ-доцента курсъ новой русской литературы при здѣшнемъ университетѣ. Съ 1897 г. онъ былъ приглашенъ преподавателемъ словесности въ Екатерининскій институтъ, а въ теченіе настоящаго 1898 г. принималъ, какъ организаторъ и лекторъ, самое дѣятельное участіе на общеобразовательныхъ курсахъ при обществѣ взаимопомощи педагогамъ. Эта обширная и кипучая педагогическая дѣятельность въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

теченіе какихъ нибудь неполныхъ даже четырехъ лѣтъ создала г. Бороздину репутацію прекраснаго лектора и опытнаго педагога, могущаго имѣть плодотворное вліяніе на самыя разнообразныя аудиторіи. Вотъ почему и провинціальные города въ настоящее время начинаютъ обращать на него серьезное вниманіе и приглашаютъ его къ себѣ для чтенія публичныхъ чтеній.

Педагогическое поприще не отвлекло силъ г. Бороздина отъ излюбленныхъ имъ литературныхъ занятій, и онъ, несмотря на громадное напряженіе своей учительской и профессорской дѣятельности, находитъ, однако, достаточно времени, чтобы иногда появляться въ ученыхъ собраніяхъ съ рефератами и передъ читателями съ небольшими литературными очерками и добросовѣстно составленными рецензіями, напечатанными по преимуществу на страницахъ «Историческаго Вѣстника».

Литературные труды г. Бороздина, со времени окончанія имъ курса въ университетѣ, слѣдующіе. Съ 1886 г. онъ помѣстилъ рядъ статей и рецензій въ «Историческомъ Вѣстникѣ», перечень которыхъ можно найти въ указателяхъ къ журналу. Въ 1888—1889 гг. имъ напечатаны въ «Христіанскомъ Чтеніи» нѣкоторыя сочиненія Аввакума, извлеченныя изъ рукописей императорской публичной библіотеки, казанской духовной академіи, черниговской духовной семинаріи и В. Г. Дружинина. Въ 1886 г. онъ помѣстилъ нѣсколько фельетоновъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» подъ заглавіемъ «Съ Преображенскаго кладбища». Въ бытность свою на Кавказѣ онъ редактировалъ XVI вып. «Сборника матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа», а также составилъ «Статистическое приложеніе къ всеподданнѣйшему отчету тифлисскаго губернатора за 1889 годъ». Съ переѣздомъ въ Петербургъ и съ поступленіемъ на службу въ государственную канцелярію ему поручаютъ редактированіе обзора дѣятельности государственнаго совѣта въ царствованіе императора Александра III, а также привлекаютъ къ участію въ изданіи описаній архива государственнаго совѣта. Кромѣ этихъ работъ, онъ участвуетъ иногда въ газетахъ «Кавказъ», «Новое Время» и др. и въ «Біографическомъ словарѣ императорскаго русскаго историческаго общества» и въ «Словарѣ писателей» С. А. Венгерова.

Г. Бороздинъ состоитъ членомъ кавказскаго отдѣленія императорскаго географическаго общества, императорскаго общества любителей древней письменности, неофилологическаго общества, союза русскихъ писателей, общества взаимопомощи педагогамъ, Амоса Коменскаго и многихъ другихъ.

Трудъ г. Бороздина «Протопопъ Аввакумъ», какъ уже сказано было выше, представляетъ собою основательный вкладъ въ литературу объ этомъ «богатырѣ-протопопѣ», какъ его нѣкогда назвалъ нашъ незабвенный историкъ, С. М. Соловьевъ. Авторъ даетъ намъ первую

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

настоящую подробно обслѣдованную біографію знаменитаго расколоучителя въ связи съ тѣми культурными движеніями, которыя вызвали протестъ защитниковъ старины и обусловили выступленіе Аввакума въ качествѣ литературно-общественнаго бойца. Г. Бороздинъ прежде всего указалъ связи, соединяющія Аввакума съ общимъ движеніемъ по поводу исправленія богослужебныхъ книгъ и обрядовъ, вслѣдствіе чего и остановился на всякаго рода столкновеніяхъ, возникавшихъ въ русской жизни, благодаря усиленію западныхъ новшествъ. При разсмотрѣніи литературныхъ произведеній Аввакума, авторъ старается вездѣ, гдѣ только есть возможность, пріурочить ихъ къ обстоятельствамъ его жизни, которыми многое въ нихъ объясняется, и старательно отмѣчаетъ тѣ ихъ стороны, которыя представляются наиболѣе оригинальными и которыми обусловливается сила Аввакума, какъ расколоучителя; при этомъ г. Бороздинымъ обращено вниманіе и на источники, которыми Аввакумъ могъ пользоваться для своихъ писаній, потому что они опредѣляютъ достаточно полно характеръ и степень его образованія. Изслѣдователь счелъ излишнимъ вдаваться въ детальныя разъясненія въ этомъ направленіи главнымъ образомъ потому, что въ способѣ пользованія источниками Аввакумъ обнаруживаетъ большую самостоятельность, постоянно приноравливая книгу къ пониманію своихъ послѣдователей.

Такая постановка задачъ работы привела г. Бороздина къ слѣдующимъ выводамъ, которые и явились на диспутѣ главными тезисами диссертаціи:

1) Движеніе, выразившееся въ дѣятельности Аввакума, было чисто церковнаго характера; національный же и соціальный элементы, значенія которыхъ нельзя отрицать, играютъ роль подчиненную. Національныя столкновенія въ XVII вѣкѣ являлись причиною усиленія религіозныхъ опасеній, развивавшихся на почвѣ апокалипсическихъ представленій. 2) Доктрина раскола въ главныхъ чертахъ выработалась въ самое первое время его существованія, уже до собора 1666 года. 3) Ученіе объ антихристѣ было въ это время особенно развито Спиридономъ Потемкинымъ, но уже тогда явились такіе взгляды, противъ которыхъ впослѣдствіи возражалъ Аввакумъ. 4) Всѣ сочиненія Аввакума по существу полемическія. 5) Полемикой объясняется рядъ противорѣчій въ сочиненіяхъ Аввакума. 6) Источники сочиненій не всегда выбирались Аввакумомъ осторожно. 7) Пользованіе источниками всегда свободное, обнаруживающее оригинальность Аввакума; часто, вѣроятно, источники цитировались на память, за неимѣніемъ книгъ. 8) Оригинальность проявляется въ реализмѣ толкованій и въ яркости русскаго стиля Аввакума. 9) По вопросу объ отношеніяхъ къ еретикамъ Аввакумъ колеблется между двумя противоположными направленіями, существовавшими у насъ съ конца XV вѣка. 10) Аввакумъ разработалъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

основы безпоповщины, исходя изъ безразличнаго отношенія къ простецамъ и новопоставленнымъ попамъ, переходящимъ въ расколъ. 11) Еретичество Аввакума объясняется, какъ результатъ полемическаго увлеченія, стремленія опровергнуть воображаемую ересь противника и неумѣнія точно выражаться объ отвлеченныхъ богословскихъ предметахъ. 12) Самосожженіе одобрялось Аввакумомъ, не какъ средство душевнаго спасенія, но какъ единственный въ нѣкоторыхъ случаяхъ способъ избѣжать рукъ противниковъ. 13) Многія сочиненія Аввакума подвергались его собственной переработкѣ, а также и передѣлкѣ его послѣдователей.

Врядъ ли приходится много распространяться на тему, какъ добросовѣстно воспользовался авторъ всею литературою, имѣющеюся въ печати по настоящему предмету. Но, кромѣ печатныхъ источниковъ, г. Бороздинъ далъ въ своей книгѣ критическое описаніе рукописей, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ личности и литературному творчеству Аввакума, почерпнутыхъ имъ главнымъ образомъ изъ архива Казанской духовной академіи и впервые обнародованныхъ имъ въ настоящее время въ качествѣ «Приложеній» къ диссертаціи. «Приложенія» придаютъ большую цѣнность работѣ г. Бороздина, и, несмотря на нѣкоторыя неточности здѣсь въ установленіи текста, происшедшія, повидимому, отъ торопливости при печатаніи книги, они даютъ возможность всякому по первоисточнику провѣрить выводы и утвержденія автора. Этихъ «приложеній» имѣется въ книгѣ тридцать одинъ нумеръ, и они занимаютъ почти четверть ея объема.

Главное достоинство книги, какъ литературнаго произведенія, ясность ея изложенія, картинность воспроизведенія эпохи, въ которую дѣйствовалъ Аввакумъ, и обстоятельность подбора фактическаго матеріала, необходимаго для біографіи расколоучителя. Къ сожалѣнію, авторъ поскупился дать единую цѣльную и художественную характеристику своего героя, не собравъ для того въ особую главу разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ книги отдѣльныя черты его характера. Это значительно ослабляетъ яркость впечатлѣнія отъ знакомства съ работой г. Бороздина и побуждаетъ читателя дѣлать усиліе, чтобъ воспроизвести передъ своими глазами оригинальную фигуру одного изъ самыхъ замѣчательныхъ людей своего времени. Означенное обстоятельство даетъ поводъ придирчивой критикѣ поставить г. Бороздину вопросъ: кто же такой былъ Аввакумъ—былъ ли онъ консерваторомъ только въ религіозной области, или консерваторомъ въ широкомъ смыслѣ слова, былъ ли онъ человѣкомъ по тому времени образованнымъ, или коснымъ невѣждой? Конечно, г. Бороздинъ можетъ отвѣтить на это, что вопросы эти разрѣшаются изъ пониманія самой эпохи, когда вопросы объ образованности и о консерватизмѣ разрѣшались самимъ отношеніемъ къ тогдашнимъ интересамъ церкви и къ фактическому участію въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

этихъ интересахъ. Но какъ бы то ни было, все же прямые отвѣты на поставленные выше вопросы не мѣшало бы дать, такъ какъ это избавило бы г. Бороздина отъ возможныхъ придирокъ и строгихъ замѣчаній.

Сопоставляя далѣе работу г. Бороздина съ новѣйшими трудами по расколу, мы видимъ, что онъ стремится воспринять все лучшее, что даютъ разныя школы въ области изученія русскаго религіознаго движенія, избѣгая вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣзкихъ крайностей этихъ школъ. Онъ не примыкаетъ по своимъ симпатіямъ къ школѣ Щапова, видѣвшаго въ расколѣ исключительно земское, соціальное явленіе; не примыкаетъ онъ и къ Влад. Соловьеву, усматривающему въ этомъ движеніи исключительное проявленіе національнаго русскаго духа. Равнымъ образомъ не ограничиваетъ онъ задачъ своего изслѣдованія лишь добросовѣстнымъ подборомъ фактическаго матеріала, каковая тенденція усматривается въ новѣйшихъ работахъ гг. Каптерева, Дружинина, Смирнова и другихъ. Примыкая ближе всего къ изслѣдователямъ послѣдней категоріи, онъ не останавливается лишь на воспроизведеніи фактовъ, а дѣлаетъ попытки осторожнаго ихъ обобщенія въ интересахъ общихъ выводовъ относительно разнообразныхъ сторонъ русской культурной жизни. Но къ этимъ общимъ выводамъ г. Бороздинъ подходитъ чрезвычайно осторожно и не вдается въ крайности и увлеченія, которыми нѣкогда грѣшилъ его покойный руководитель научныхъ занятій, Орестъ Ѳедоровичъ Миллеръ, памяти котораго совмѣстно съ памятью отца г. Бороздинъ и посвятилъ настоящій свой трудъ.

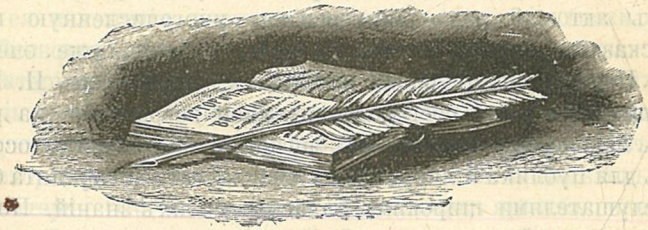
Диспутъ г. Бороздина, несмотря на глухое время сезона, привлекъ въ актовый залъ университета многочисленную публику. Нельзя сказать, однако, чтобы диспутъ протекъ уже очень оживленно. Первый официальный оппонентъ, профессоръ И. Н. Ждановъ, слишкомъ долго сосредоточилъ свои возраженія на разныхъ мелкихъ недочетахъ книги, не могшихъ представить особеннаго интереса для публики и лишавшихъ возможности диспутанта блеснуть передъ слушателями широкимъ запасомъ своихъ знаній. По мнѣнію г. Жданова, самый существенный недостатокъ работы г. Бороздина,— характеръ поспѣшности и нѣкоторой небрежности, благодаря чему особенно пострадали «Приложенія». Второй официальный оппонентъ, профессоръ А. И. Соболевскій, именно указалъ на невыясненность вопроса въ книгѣ, къ какой категоріи слѣдуетъ отнести Аввакума— къ консерваторамъ ли въ общемъ смыслѣ, или къ консерваторамъ исключительно въ религіозной области.

Возражавшими изъ публики были профессора здѣшней духовной академіи, гг. Барсовъ и Смирновъ. Первый изъ нихъ вздумалъ, было, обвинить г. Бороздина въ томъ, что онъ не воспользовался въ Румянцевскомъ музеѣ всѣми имѣющимися тамъ рукописными сочиненіями Аввакума, но такое обвиненіе было разрушено воз-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

раженіемъ г. Смирнова, который заявилъ, что въ Румянцевскомъ музеѣ, какъ ему досконально это извѣстно, никакихъ рукописныхъ сочиненій Аввакума болѣе не имѣется, кромѣ тѣхъ, которыя использованы авторомъ диссертаціи. Что касается возраженій г. Смирнова, то они носили довольно таки серьезный характеръ, такъ какъ этотъ спеціалистъ по расколу и знатокъ церковной исторіи нашелъ въ работѣ г. Бороздина нѣсколько, повидимому, дѣйствительно серьезныхъ оплошностей, относящихся главнымъ образомъ къ установленію хронологическихъ датъ. Диспутантъ, однако, не нашелъ возможнымъ согласиться со сдѣланными ему возраженіями г. Смирновымъ, и вопросъ о хронологіи такимъ образомъ остался невыясненнымъ. Можно съ большею или меньшею вѣроятностью предполагать, что споръ между г. Бороздинымъ и его оппонентомъ перейдетъ современемъ на страницы журналовъ, и тогда только будетъ возможность опредѣлить, кто правъ — представитель ли университетской свѣтской литературы или представитель литературы церковной.

Диспутъ затянулся до 5-го часа и кончился признаніемъ со стороны факультета защиты диссертаціи удовлетворительною и диспутанта достойнымъ искомой степени магистра русской словесности. Рѣшеніе факультета было встрѣчено дружными аплодисментами присутствовавшей публики.



НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

РАЗРАБОТКА ДАННЫХЪ О ЯЗЫКѢ ВЪ ЦЕНТРАЛЬНОМЪ СТАТИСТИЧЕСКОМЪ КОМИТЕТѢ.

АКЪ ВСЯКОЕ новое дѣло, производство первой всенародной переписи въ Россійской имперіи и ея разработка естественно нашли отголосокъ въ столичной періодической прессѣ. Нѣкоторыя изъ статей, посвященныхъ въ послѣднее время этому вопросу [1]), пошли однако дальше спокойнаго обсужденія тѣхъ или другихъ способовъ организаціи переписи, ея значенія и такъ далѣе, и стали критиковать самую разработку ея въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ, подвергая рѣзкому осужденію изданныя имъ для означенной цѣли пособія. Въ виду того, что въ этихъ статьяхъ, написанныхъ авторитетнымъ тономъ, многое указываетъ на неясное пониманіе авторами ихъ самыхъ основъ дѣла, и Комитету приписываются такіе пріемы и методы, которыхъ онъ никогда не придерживался, мы считаемъ необходимымъ, въ видахъ выясненія дѣла и возстановленія истины, вкратцѣ изложить тѣ принципы, которые легли въ основаніе пособій для размѣтки языковъ, а также познакомить читателя съ методами, которыми Центральный Статистическій Комитетъ дѣйствительно руководствуется при разработкѣ данныхъ о языкахъ и нарѣчіяхъ. Сначала же въ нѣсколькихъ словахъ выяснимъ, въ чемъ заключается разработка переписи вообще.

Общій комплектъ работъ, ведущихъ къ подсчету и классификаціи населенія, распадается на три главныхъ фазиса: размѣтку пе-

[1]) «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 89.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

реписнаго матеріала, пробивку личныхъ карточекъ и подсчетъ послѣднихъ на счетныхъ машинахъ. Самой отвѣтственной и серьезной изъ этихъ работъ является размѣтка переписнаго матеріала, состоящая собственно изъ двухъ почти самостоятельныхъ моментовъ: 1) изъ разбора и провѣрки переписныхъ листовъ съ внѣшней стороны и 2) изъ размѣтки записей на этихъ вѣдомостяхъ и ихъ исправленія.

Первая работа заключается въ томъ, что рабочій тщательно разбираетъ весь переписной матеріалъ, по каждому счетному участку особо, съ цѣлью удостовѣриться, находятся ли въ немъ въ наличности всѣ листы разныхъ категорій (формы А, Б и В), которые поименованы въ подсчетныхъ вѣдомостяхъ.

Вторая ея часть начинается съ того, что размѣтчикъ опредѣляетъ по 10 графѣ, въ связи съ показаніями въ другихъ графахъ, находится ли каждое лицо, значащееся въ переписной вѣдомости, въ данномъ мѣстѣ въ наличности (во временномъ пребываніи или на постоянномъ жительствѣ) или во временной или постоянной (или вообще долговременной) отлучкѣ. Затѣмъ рабочій приступаетъ къ внимательному просмотру записей на переписныхъ листахъ и на основаніи ихъ старается составить себѣ опредѣленное понятіе о каждомъ лицѣ. При этомъ обращается вниманіе на то, соотвѣтствуетъ ли показаніе вопросу, поставленному въ заголовкѣ графы, и требованіямъ, которыя предъявляются правилами заполненія переписныхъ листовъ. Въ отрицательныхъ случаяхъ невѣрные или неясные отвѣты исправляются при размѣткѣ листа по соображеніи съ показаніями того же лица въ другихъ графахъ, съ отмѣтками счетчика на наружной сторонѣ листа, а также съ соотвѣтствующими наставленіями.

Самая размѣтка заключается въ замѣнѣ показаній или отвѣтовъ на вопросы каждой графы особыми условными знаками, установленными для этой цѣли и состоящими изъ большихъ и малыхъ буквъ и цифръ. Благодаря этимъ знакамъ, является возможнымъ перенести показанія каждаго лица, путемъ пробивки дырочекъ, на небольшую карточку, удобную для манипуляцій при подсчетѣ населенія на электрическихъ машинахъ, при классификаціи его по тѣмъ или другимъ признакамъ и т. д.

На каждой личной карточкѣ умѣщается всего 264 дырочки или прокола, которые и составляютъ предѣлъ того, что можетъ дать машина. Въ виду того, однако, что число всѣхъ видовъ признаковъ населенія, которые подлежатъ разработкѣ, въ нѣсколько разъ превышаетъ указанное предѣльное число проколовъ, явилась необходимость въ цѣлесообразной граппировкѣ ихъ. Съ этой цѣлью Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ и былъ изданъ цѣлый рядъ пособій для пользованія размѣтчиковъ и, кромѣ того, нѣсколько пособій, носящихъ характеръ справочныхъ книжекъ и предназначен-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ныхъ исключительно для лицъ, наблюдающихъ за ходомъ разработки переписи. Такимъ образомъ, въ пособіи № 7, принадлежащемъ къ первой категоріи, показано, какъ слѣдуетъ воспользоваться для регистраціи 295 № учебныхъ заведеній, значащихся въ ихъ перечнѣ, семью условными знаками, или, что то же самое, семью проколами, которые могли быть отведены для этого признака; въ пособіи № 8—77 вѣроисповѣданій и сектъ сгруппированы въ 16 группъ, соотвѣтственно 16 проколамъ, которыми можно было располагать для этой цѣли, и т. д.

Размѣченный переписной матеріалъ, послѣ тщательной двойной и даже тройной провѣрки лучшими рабочими и лицами, завѣдывающими этой частью разработки переписи, поступаетъ въ пробойное отдѣленіе, гдѣ, какъ указано выше, условные знаки на переписныхъ вѣдомостяхъ переносятся въ видѣ проколовъ на личныя карточки.

Не останавливаясь дольше на описаніи тѣхъ пріемовъ, которые примѣняются при пробивкѣ карточекъ и при подсчетѣ ихъ на счетныхъ машинахъ, что завлекло бы насъ слишкомъ далеко, мы переходимъ къ главному содержанію нашей статьи—разсмотрѣнію способовъ разработки данныхъ о родномъ языкѣ въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ.

Разработкѣ данныхъ о языкахъ и нарѣчіяхъ посвящены три пособія—подъ №№ 10, 15 и 16. Послѣднее представляетъ изъ себя группировку въ лингвистическомъ отношеніи всѣхъ проживающихъ въ предѣлахъ Россійской имперіи народовъ и племенъ въ шесть крупныхъ и довольно рѣзко опредѣленныхъ отдѣловъ или категорій. Нѣкоторые изъ этихъ отдѣловъ прочно установлены наукой. Таковы: индо-европейцы или арійцы и семиты, представляющіе изъ себя цѣлые циклы по большей части родственныхъ народовъ, говорящихъ на языкахъ, между которыми можно прослѣдить генетическую связь. Таковы и урало-алтайцы, населяющіе бо́льшую часть Азіи и раздѣляющіеся на множество народовъ, языки которыхъ близки другъ къ другу по строенію.

Другіе отдѣлы, напротивъ, носятъ болѣе или менѣе искусственный характеръ, какъ, напримѣръ, отдѣлы, въ которые сгруппированы народы Кавказа, культурные народы восточной Азіи (китайцы, корейцы, японцы) и полярныя племена крайняго сѣверно-востока Азіи. Языки народовъ послѣдней категоріи мало изслѣдованы, въ виду чего представляется возможнымъ, что нѣкоторые изъ нихъ по надлежащемъ изученіи будутъ отнесены къ одному изъ предыдущихъ двухъ отдѣловъ.

Каждый изъ этихъ отдѣловъ языковъ подраздѣленъ въ свою очередь на группы и подгруппы, которыя уже состоятъ изъ одного, двухъ или нѣсколькихъ болѣе или менѣе близко стоящихъ другъ къ другу языковъ. Такимъ образомъ, языки индо-европейскаго корня были сгруппированы въ 9 группъ: индусскую, иранскую, роман-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скую, германскую, славянскую и три болѣе мелкихъ; кавказскіе языки—въ 4 почти самостоятельныя группы (картвельскую, черкесскую, чеченскую и лезгинскую), которыя въ сущности, кромѣ географическаго распространенія, не имѣютъ почти ничего общаго между собою. Далѣе урало-алтайскіе языки были подраздѣлены на 5 довольно прочно установленныхъ группъ (тюркскую, финскую, самоѣдскую, монгольскую и тунгузскую). Всѣ перечисленныя въ пособіи № 16 народности съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ мелкихъ и маловажныхъ приведены въ алфавитномъ порядкѣ въ пособіи № 15, гдѣ особые знаки (римскія и арабскія цифры и буквы), соотвѣтствующіе таковымъ же въ пособіи № 16, даютъ возможность сразу опредѣлить ихъ мѣсто среди другихъ народовъ и ихъ взаимную генетическую связь.

Здѣсь необходимо сдѣлать небольшое отступленіе и еще разъ напомнить читателю, что пособія, изданныя Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ, не являются руководствами для самообученія размѣткѣ и не разсчитаны для пользованія безъ надлежащихъ указаній. Дѣйствительно, при размѣткѣ переписныхъ вѣдомостей, какъ въ языкѣ, такъ и въ занятіяхъ, сословіяхъ и другихъ признакахъ, постоянно встрѣчаются случаи, разрѣшеніе которыхъ не подъ силу размѣтчикамъ, въ общемъ не обладающимъ большой опытностью. Такъ, напримѣръ, на нашъ взглядъ было бы рискованно предоставить на ихъ рѣшеніе такой вопросъ, куда отнести языкъ «ламайскій», «тибетскій» и «корсацкій» въ Астраханской губерніи и «фильманскій» въ Кольскомъ уѣздѣ Архангельской, а такіе случаи уже встрѣчались. Послѣдній языкъ размѣтчикъ весьма легко могъ бы принять за искаженіе слова «финляндскій» и отнести его къ финскому, тѣмъ болѣе, что уроженцы вел. кн. Финляндскаго встрѣчаются въ небольшомъ числѣ въ означенномъ уѣздѣ. На дѣлѣ же фильманами русскіе православные лопари называютъ своихъ сородичей и сосѣдей—норвежскихъ и шведскихъ лопарей-лютеранъ, которые говорятъ на особомъ нарѣчіи лопарскаго языка. Что же касается до языка «ламайскаго» и «тибетскаго», то эти выраженія должны означать языкъ калмыковъ ламаитовъ, главный религіозный центръ которыхъ лежитъ въ предѣлахъ Тибета, откуда происходитъ и большая часть ихъ духовной литературы; наконецъ «корсацкій» языкъ есть не что иное, какъ искаженіе слова (киргизъ) «кайсацкій».

Число всѣхъ признаковъ населенія, которые подлежатъ разработкѣ, настолько велико, что языкамъ и нарѣчіямъ представилось возможнымъ удѣлить лишь 43 отверстія, которыхъ, какъ не трудно понять, оказывается далеко недостаточнымъ для того, чтобы каждый языкъ,—общая численность которыхъ, считая и мелкіе, простирается по нашей номенклатурѣ до 200,—могъ бы быть зарегистрированъ особо.

Вотъ какимъ образомъ Комитетъ разрѣшилъ эту задачу при составленіи пособій подъ № 10, 15 и 16. Изъ общаго состава язы-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ковъ онъ выдѣлилъ и снабдилъ соотвѣтствующими буквами 14 важнѣйшихъ и имѣющихъ болѣе или менѣе широкое распространеніе, каковы русскій, малороссійскій, бѣлорусскій, польскій, нѣмецкій, татарскій, эстскій и т. д., коимъ и было пріурочено по одному простому отверстію (прямая отмѣтка). На долю всѣхъ прочихъ языковъ и нарѣчій осталось такимъ образомъ всего 39 проколовъ, комбинированныхъ изъ двухъ отверстій (одно для десятковъ, другое для единицъ). Если бы для всѣхъ языковъ и для всѣхъ мѣстностей была сохранена однообразная нумерація, то, въ виду ограниченности отверстій, пришлось бы искусственно группировать подъ однимъ знакомъ часто малосходные языки. Но, конечно, такъ поступить было неудобно, потому что подобная искусственная группировка языковъ, которые намъ должны служить главнымъ критеріумомъ для сужденія о національности, не дала бы никакихъ результатовъ, могущихъ послужить на пользу этнографіи, демографіи и государственныхъ нуждъ.

Разбивъ поэтому Россійскую имперію въ географическомъ отношеніи на три большихъ раіона, довольно рѣзко отличающихся другъ отъ друга по этнографическому и лингвистическому составу своего населенія, именно на Европейскую Россію и Привислянскій край, Кавказъ и Азіатскую Россію и введя въ каждомъ изъ нихъ самостоятельную нумерацію, Комитетъ этимъ путемъ увеличилъ число показаній, которыя могутъ дать 43 простыхъ и комбинированныхъ прокола, до 112, т. е. почти утроилъ ихъ число. Вотъ какими соображеніями было вызвано то однообразное дѣленіе языковъ въ каждомъ раіонѣ на 39 группъ, которое привело въ такое смущеніе автора одной изъ критическихъ статей.

Не вошли въ эту нумерацію языки лишь тѣхъ народностей, пребываніе которыхъ въ данномъ районѣ носитъ чисто случайный характеръ и численность которыхъ въ каждомъ изъ нихъ не превышаетъ нѣсколькихъ единицъ или десятковъ, развѣ въ исключительномъ случаѣ сотни лицъ. О нихъ рѣчь ниже.

Но и при указанной комбинаціи нельзя было вполнѣ обойтись безъ соединенія нѣкоторыхъ языковъ въ группы, хотя въ настоящемъ своемъ видѣ эти группы и носятъ тѣсный и родственный характеръ. Такимъ образомъ, въ Европейской Россіи № 14 заключаетъ въ себѣ языки испанскій и португальскій, № 25 норвежскій и датскій, № 28 сербскій и хорватскій; на Кавказѣ: № 2 представляетъ аварско-андійскую, № 7 даргинскую, № 22 кюринскую и т. д. подгруппы лезгинскихъ языковъ, перечисленныхъ въ пособіи № 16 (отд. III 4 а-д), далѣе подъ № 5 значатся языки горскихъ или кабардинскихъ татаръ (балкаръ, чегемцевъ и др.) и т. д.

Въ пособіи № 15 показано, какой № присвоенъ каждому изъ народовъ, проживающихъ въ предѣлахъ имперіи, а въ № 10, предназначенномъ для пользованія размѣтчиковъ, приведены языки лишь

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тѣхъ народовъ и племенъ, которые имѣютъ особый нумеръ, и тѣ, которые являются, такъ сказать, представителями цѣлой группы, напр., аварскій, даргинскій для аварско-андійской и даргинской группы языковъ, сербскій для сербскаго и хорватскаго, самоѣдскій для всѣхъ самоѣдскихъ нарѣчій и т. д.

Подобная предлагаемая Комитетомъ группировка населенія имперіи по языкамъ достаточно подробна и однородна, чтобы удовлетворить главнымъ нуждамъ государства. Но съ этнографической, лингвистической и отчасти съ демографической точки зрѣнія въ извѣстныхъ случаяхъ можетъ встрѣтиться необходимость разбить нѣкоторыя группы на ихъ составныя части.

Способовъ такого обособленія отдѣльныхъ національностей или точнѣе группъ населенія, говорящихъ на одномъ языкѣ, въ распоряженіи Комитета имѣется нѣсколько. При однихъ изъ нихъ размѣтка переписнаго матеріала, пробивка карточекъ и подсчетъ населенія совершается обычнымъ порядкомъ, причемъ необходимые выводы дѣлаются лишь изъ сопоставленія по-уѣздныхъ или по-губернскихъ итоговъ вѣдомостей или таблицъ, въ которыя имѣетъ быть облеченъ переписной матеріалъ. Другіе же способы требуютъ нѣкоторыхъ измѣненій въ работахъ, ведущихъ къ подсчету населенія.

Къ первой категоріи принадлежитъ способъ, основанный на дѣленіи отдѣльныхъ племенъ, сгруппированныхъ подъ однимъ нумеромъ, по мѣсту ихъ обитанія. Этотъ способъ можетъ быть съ удобствомъ примѣняемъ для опредѣленія численности родственныхъ вѣтвей того же народа, представляющихъ большое сходство по всѣмъ признакамъ. Необходимымъ условіемъ его является лишь то, чтобы подобныя родственныя племена имѣли рѣзкія границы обитанія, другими словами, чтобы они не встрѣчались совмѣстно въ однихъ и тѣхъ же уѣздахъ. Возьмемъ примѣръ. Хотя буква Т служитъ для обозначенія татаръ казанскихъ, астраханскихъ, крымскихъ и сибирскихъ, но тѣмъ не менѣе, зная распредѣленіе по имперіи отдѣльныхъ вѣтвей татарскаго племени и игнорируя отдѣльныхъ лицъ, проживающихъ вдали отъ родины, можно съ достаточною точностью опредѣлить численность татаръ: казанскихъ (Европ. Россія, кромѣ губерній Таврической, Херсонской и Астраханской), крымскихъ (губ. Таврическая и Херсонская), астраханскихъ (Астраханская губ.), западно-сибирскихъ (Тобольская и отчасти Томская губ. и Степныя области) и барабинскихъ (Каинскій окр. Томской губ.). Такимъ же образомъ китайцы и дунгане, говорящіе на одномъ языкѣ и обозначенные поэтому однимъ знакомъ (№ 14), легко могутъ быть раздѣлены, благодаря этому способу. Именно, послѣдніе проживаютъ почти исключительно въ Иссыккульскомъ и Токмакскомъ уѣздахъ Семирѣченской области [1]), а первые въ южной полосѣ Приморской

[1]) «Алфав. списокъ народовъ, обитающихъ въ Росс. имп.», 1895, стр. 30.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и Амурской областей и въ меньшемъ числѣ въ другихъ пограничныхъ съ Китаемъ областяхъ Восточной Сибири. Также и ингилойцы, входящіе въ одну изъ группъ картвельскаго племени (подъ № 10), проживая исключительно въ Закатальскомъ округѣ, легко могутъ быть отдѣлены этимъ путемъ отъ прочихъ относящихся сюда племенъ (хевсуровъ, тушиновъ, мтіулетиновъ, пшавовъ), обитающихъ въ другихъ уѣздахъ Тифлисской губерніи.

Близокъ къ вышеописанному способъ дѣленія извѣстной группы народностей подъ однимъ № на основаніи другихъ ихъ признаковъ, которыми они болѣе или менѣе рѣзко отличаются другъ отъ друга. Такими признаками являются: вѣроисповѣданіе, подданство, мѣсто рожденія и въ отдѣльныхъ случаяхъ сословіе. Вѣроисповѣданіе, напримѣръ, даетъ возможность раздѣлить лицъ, говорящихъ въ Таврической и Херсонской губерніяхъ на крымско-татарскомъ нарѣчіи, на крымскихъ татаръ и караимовъ. По этому же признаку можно опредѣлить отдѣльно численность татовъ и горскихъ евреевъ, говорящихъ на татскомъ же языкѣ и обозначенныхъ поэтому однимъ нумеромъ. Подданство даетъ возможность раздѣлить лицъ подъ № 14 на представителей испанскаго и португальскаго языка. Руководствуясь сословіемъ, можно изъ числа лицъ, показавшихъ въ Зап. Сибири роднымъ языкомъ татарскій, выдѣлить проживающихъ среди инородцевъ-татаръ бухарцевъ. Нечего и говорить о томъ, что, при примѣненіи подобныхъ пріемовъ не представляется возможнымъ уловить отдѣльныхъ лицъ, которыя въ томъ или другомъ отношеніи составляютъ исключеніе среди своихъ сородичей. Напримѣръ, еврей или караимъ, принявшій мусульманскую вѣру, будетъ сосчитанъ: въ первомъ случаѣ крымскимъ татариномъ, во второмъ—татомъ. Бѣды впрочемъ въ этомъ большой не будетъ, такъ какъ подобныя лица, измѣнившія вѣрѣ своихъ отцевъ и еще ранѣе утратившія родной языкъ и часто нравы и обычаи своей національности, тѣмъ самымъ уже примкнули къ другой. Въ виду этого соображенія подобные единичные случаи, составляющіе впрочемъ сравнительно рѣдкія исключенія, нисколько не могутъ умалять достоинства этого весьма простого способа для раздѣленія нѣкоторыхъ группъ населенія на ихъ составныя части.

Переписной матеріалъ покажетъ, какія еще нарѣчія придется включить въ перечень языковъ того или другого района. Весьма возможно, что для Сибири будетъ признано желательнымъ выдѣлить изъ общей массы языковъ, не имѣющихъ отдѣльнаго нумера, нарѣчія кавказскихъ горцевъ, образовавъ изъ нихъ общую группу, конечно, лишь въ томъ случаѣ, если среди ссыльнаго населенія ихъ окажется достаточное число. Эту группу можно было бы присоединить къ чукотскому языку (№ 36), на которомъ говоритъ народецъ, обитающій на крайнемъ сѣверо-востокѣ Азіи, гдѣ нѣтъ обитателей кавказскихъ горъ. Къ тому же различія тѣхъ и другихъ въ религіи,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мѣсторожденіи, сословіи и занятіяхъ исключаетъ въ данномъ случаѣ всякую возможность ошибки.

Весьма полезнымм пособіями для ознакомленія съ вопросомъ о географическомъ разселеніи различныхъ племенъ въ Россійской имперіи, объ ихъ языкахъ, вѣроисповѣданіяхъ и т. д. могутъ служить изданные Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ «Списки населенныхъ мѣстъ», имѣющіеся для всѣхъ губерній Европейской Россіи и для Западной Сибири, а также «Приложенія ко всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ», памятныя книжки и губернскіе календари. Главнѣйшіе выводы изъ этихъ сборниковъ съ добавленіями изъ нѣкоторыхъ другихъ источниковъ сгруппированы въ брошюрѣ подъ названіемъ «Алфавитный списокъ народовъ, обитающихъ въ Россійской имперіи» (изданіе канцеляріи Комитета Министровъ). Спеціально по Закавказью, по которому не имѣется «Списковъ населенныхъ мѣстъ», существуетъ прекрасный трудъ мѣстнаго статистическаго комитета, озаглавленный: «Сводъ статистическихъ данныхъ о населеніи Закавказскаго края по посемейнымъ спискамъ 1886 г.» (изданіе 1893 г.). Конечно, этимъ перечнемъ пособій не исключаются и другіе серіозные труды, посвященные описанію отдѣльныхъ мѣстностей имперіи въ географическомъ, этнографическомъ, экономическомъ и другихъ отношеніяхъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ для разрѣшенія вопроса о предѣлахъ распространенія различныхъ языковъ съ успѣхомъ можно прибѣгнуть къ лексическимъ матеріаламъ, собраннымъ на мѣстахъ, одновременно съ производствомъ однодневной переписи. Само собою однако понятно, что разсмотрѣніе этихъ матеріаловъ и рѣшеніе относящихся сюда вопросовъ можетъ быть поручено лишь спеціалистамъ дѣла.

Весьма практиченъ также и слѣдующій способъ, примѣняемый Комитетомъ для раздѣленія двухъ и болѣе языковъ, вѣроисповѣданій и другихъ признаковъ, обозначенныхъ однимъ нумеромъ. Размѣтка переписнаго матеріала представляетъ въ данномъ случаѣ лишь то отличіе, что, кромѣ отмѣтки въ 12 графѣ на поляхъ вѣдомости пишется еще названіе одного (или двухъ) изъ языковъ, стоящихъ подъ общимъ №, обыкновенно того, который въ данномъ уѣздѣ или въ данной губерніи пользуется меньшимъ распространеніемъ. Карточки пробиваются, какъ однородныя, причемъ и здѣсь языку, который въ данной мѣстности имѣетъ меньшее значеніе, дѣлаютъ сверхъ того вышеуказанную отмѣтку карандашемъ (см. пособіе № 2, гр. 11. IX).

Послѣ того, какъ надъ карточками продѣланы всѣ необходимыя при подсчетѣ манипуляціи, изъ общаго ихъ числа отбираются ручнымъ способомъ тѣ, которыя снабжены отмѣтками карандашемъ, и подсчитываются. Полученный итогъ и будетъ представлять общее число лицъ, говорящихъ на данномъ языкѣ. Вычтя это число изъ наличнаго числа населенія, для котораго въ графѣ 12 стоитъ об-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щій №, мы узнаемъ, какъ велика численность представителей языка, пользующагося бо̀льшимъ распространеніемъ въ данномъ уѣздѣ или губерніи.

Благодаря такимъ пріемамъ, можно, напримѣръ, легко опредѣлить численность какъ сербовъ, такъ и хорватовъ, значащихся подъ № 28. Воспользоваться же для этой цѣли однимъ изъ предыдущихъ способовъ нельзя, потому что обѣ эти національности живутъ до извѣстной степени черезполосно другъ съ другомъ и въ общемъ не отличаются болѣе или менѣе рѣзко другъ отъ друга ни по вѣроисповѣданію, ни по подданству, ни по мѣсторожденію.

Весьма хорошіе результаты во многихъ болѣе сложныхъ случаяхъ можно получить путемъ примѣненія двухъ или болѣе подобныхъ способовъ одновременно. Пояснимъ это на примѣрѣ. Подъ № 09 на Кавказѣ значится группа языковъ западно-грузинскихъ народовъ, состоящая изъ имеретинскаго и гурійскаго. Предположимъ, что намъ почему либо желательно опредѣлить численность представителей того и другого. Какъ имеретины, такъ и гурійцы, состоятъ русскими подданными и принадлежатъ къ православной церкви. Значитъ, способъ раздѣленія этой группы грузинскаго племени по признакамъ ея составныхъ частей здѣсь не примѣнимъ, хотя данныя о мѣсторожденіи и могутъ дать нѣкоторыя указанія въ этомъ направленіи. Обращаясь къ «Своду данныхъ о населеніи Закавказскаго края», мы въ соотвѣтствующей таблицѣ находимъ, что въ уѣздахъ: Кутаисскомъ, Рачинскомъ, Шаропанскомъ, Лечгумскомъ, Сенакскомъ и Сухумскомъ Кутаисской губерніи изъ обѣихъ группъ населенія подъ № 09 проживаютъ исключительно имеретины, а въ Озургетскомъ уѣздѣ только гурійцы (10.800 душъ). Раздѣлить сельское населеніе той и другой національности не представляетъ такимъ образомъ затрудненій: для этого достаточно картвельцевъ Озургетскаго уѣзда подъ № 09 считать гурійцами, таковыхъ же въ другихъ уѣздахъ той же губерніи имеретинами, хотя бы при этомъ и пришлось пожертвовать единичными лицами той или другой національности, проживающими среди сплошной массы другой. Иначе дѣло обстоитъ въ городахъ данной губерніи: въ Батумѣ, Поти, Озургетахъ и др., гдѣ имеретины и гурійцы живутъ рядомъ и въ перемѣшку другъ съ другомъ (въ 1886 г. около 20.000 д.). Здѣсь численность каждой народности можно опредѣлить лишь по послѣднему способу, именно снабжая тѣ изъ карточекъ подъ № 09, которыя соотвѣтствуютъ менѣе многочисленному племени, въ данномъ случаѣ гурійцамъ, особой отмѣткой.

Этотъ же способъ позволяетъ опредѣлить и численность весьма немногочисленныхъ представителей тѣхъ племенъ и нарѣчій, которыя въ данномъ районѣ не имѣютъ особаго знака. Всѣ подобныя племена или языки можно было бы собрать въ одну группу, хотя бы подъ № 14, подъ которымъ значатся языки испанскій и порту-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гальскій. Число представителей этихъ послѣднихъ, не превышающее въ цѣлой имперіи, 80 человѣкъ, можетъ быть опредѣлено по подданству, а численность лицъ, говорящихъ на другихъ болѣе или менѣе важныхъ языкахъ подъ этимъ №—при помощи только что изложеннаго способа. Всѣ же остальные языки этой категоріи, не имѣющіе въ каждомъ районѣ никакого значенія, можно было бы въ сводныхъ таблицахъ соединить въ одну общую графу подъ заголовкомъ «прочіе» языки.

Практичнѣе, однако, найдено въ данную минуту, въ видахъ болѣе точной регистраціи всѣхъ языковъ этой категоріи, ввести въ упомянутый выше способъ слѣдующее измѣненіе. Въ 12 графѣ ихъ вовсе не размѣчаютъ, а на поляхъ переписной вѣдомости прямо пишутся первыя буквы каждаго языка, не имѣющаго въ данномъ районѣ своего знака. Личныя карточки, соотвѣтствующія такимъ лицамъ, не пробиваются въ VIII полѣ, но взамѣнъ этой пробивки на ней ставится та же отмѣтка, которая была сдѣлана на переписной вѣдомости. На машинахъ эти карточки подлежатъ подсчету по всѣмъ признакамъ, кромѣ языка. Когда очередь дойдетъ до этого послѣдняго, то отмѣченныя карточки, какъ не имѣющія соотвѣтствующихъ дырочекъ, въ счетъ не пойдутъ и выбрасываются машиной. Онѣ сортируются по отдѣльнымъ языкамъ и подсчитываются ручнымъ способомъ, какъ указано выше.

Народы, о которыхъ идетъ рѣчь, суть: въ Европейской Россіи—японцы, китайцы, буряты, сарты и др.; на Кавказѣ—финны, шведы, болгары, мордва, и въ Сибири—единичные представители почти всѣхъ племенъ Европейской Россіи и Кавказа, проживающіе тамъ по большей части въ видѣ ссыльныхъ.

Спѣшимъ оговориться, что въ число языковъ этой сборной группы не имѣлось въ виду включать такіе, которые удобно могли бы быть присоединены къ имѣющимъ въ данномъ районѣ особый знакъ. Такимъ образомъ, мы полагаемъ, что нѣтъ надобности регистрировать особо языки единичныхъ мингрельцевъ, имеретинъ и др. картвельцевъ, проживающихъ въ столицахъ, также и представителей разныхъ горскихъ племенъ Кавказа. Языки первыхъ съ полнымъ успѣхомъ можно было бы присоединить къ грузинскому, съ которымъ они находятся въ близкомъ родствѣ, а вторыхъ къ черкесскому, тѣмъ болѣе, что въ общежитіи подъ именемъ «черкесовъ» подразумѣваются почти всѣ кавказскіе горцы.

Вообще, число подобныхъ чужестранцевъ въ каждомъ районѣ весьма не велико. Доказательствомъ этому могутъ служить послѣднія однодневныя переписи въ наиболѣе крупныхъ городахъ Европейской Россіи: въ С.-Петербургѣ (въ 1890 г.), Москвѣ (1882 г.), и Одессѣ (1891 г.), въ которыхъ, какъ вообще во всѣхъ большихъ торгово-промышленныхъ центрахъ, есть основаніе предполагать наибольшее скопленіе уроженцевъ самыхъ разнообразныхъ мѣстностей имперіи

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

и подданныхъ разныхъ государствъ. За исключеніемъ одного случая всѣ языки, которые въ перечнѣ языковъ по Европейской Россіи (пособ. № 10 и 15) не имѣютъ своего знака, и въ вѣдомостяхъ этихъ переписей соединены въ общую группу «прочихъ языковъ», въ которую часто включены и тѣ, о характерѣ которыхъ переписные листы не дали никакихъ указаній и которые при разработкѣ настоящей переписи будутъ обозначены знакомъ 00. Исключеніе, о которомъ мы упомянули выше, составляетъ японскій языкъ въ С.-Петербургѣ, представителей котораго въ нашей столицѣ въ 1890 г. числилось, однако, всего лишь 9 человѣкъ. Мы не упоминаемъ здѣсь о персидскомъ языкѣ, которому въ вѣдомости однодневныхъ переписей въ городахъ тоже была отведена особая графа, въ виду того, что онъ уже включенъ въ списокъ языковъ Европейской Россіи.

Возвращаясь еще разъ къ способамъ для опредѣленія численности отдѣльныхъ племенъ, замѣтимъ, что ни для цѣлей экономическихъ, ни для государственныхъ нуждъ не представляется необходимымъ дробить всѣ родственныя группы народовъ, говорящихъ на близкихъ языкахъ, на ихъ составныя части. Во-первыхъ, подобная работа, несмотря на кажущуюся простоту пріемовъ, все же требуетъ времени и труда, а главное самаго внимательнаго надзора и контроля, при малѣйшемъ послабленіи которыхъ полученные результаты не соотвѣтствовали бы дѣйствительности. Во-вторыхъ, при недостаточной изученнности многихъ племенъ имперіи, напримѣръ, алтайскихъ и енисейскихъ тюрковъ, полярныхъ народцевъ, кавказскихъ горцевъ и т. д. въ этнографическомъ, антропологическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ, подобная попытка во многихъ случаяхъ встрѣтила бы почти непреодолимыя затрудненія. Дѣйствительно, нѣкоторыя изъ относящихся сюда народностей распадаются на множество болѣе мелкихъ, связанныхъ другъ съ другомъ цѣлымъ рядомъ переходныхъ ступеней и находящихся въ самыхъ разнообразныхъ степеняхъ родства другъ съ другомъ. Да и самыя названія, подъ которыми извѣстны нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, могутъ служить причиной не малыхъ заблужденій, такъ какъ нерѣдко одно и то же племя носитъ нѣсколько именъ, изъ коихъ одними оно называетъ себя само, а подъ другими оно извѣстно у его сосѣдей. Въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, двое и болѣе племенъ, иногда говорящихъ на разныхъ языкахъ, извѣстны подъ однимъ именемъ. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ: коибалы, маторы, бельтиры, составляющіе, какъ и сагайцы, небольшія до извѣстной степени самостоятельныя народности, по языку принадлежащія къ алтайскимъ тюркамъ, иногда всѣ вмѣстѣ называются сагайцами или сагайскими татарами, такъ какъ послѣдніе имѣютъ наиболѣе важное значеніе среди всѣхъ племенъ, образующихъ Аскызскую Степную думу. Часть теленгутовъ (теленгетовъ), живущихъ въ Кузнецкой равнинѣ, образуетъ какъ бы особое племя, называемое ашкиштымами. Одно тюркское племя Бій-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

скаго округа—сойоты, называетъ себя, туба, а у монголовъ оно извѣстно подъ именемъ урянхайцевъ. Это же послѣднее имя монголы даютъ и другимъ племенамъ языческихъ тюрковъ, имѣющихъ въ свою очередь свои собственныя названія. Подъ именемъ туба или тубинцевъ, съ другой стороны, извѣстны, кромѣ урянхайцевъ, еще другія народности Алтая, такъ, напримѣръ, это названіе даютъ алтайцы своимъ сосѣдямъ—черневымъ татарамъ, которые себя сами называютъ именемъ: «йижъ-киши», т. е. «люди черни». Во всѣхъ этихъ случаяхъ, слѣдовательно, слово: сагайскій, тубинскій и т. д., языкъ имѣетъ двоякое и троякое значеніе. Иногда бываютъ и такіе случаи, что однимъ и тѣмъ же именемъ называются, съ одной стороны, извѣстный народецъ, и съ другой—одинъ какой нибудь родъ другого, носящаго самостоятельное имя—слѣдъ племеннаго родства между обоими племенами. Такимъ образомъ туба называются не только урянхайцы, карагасы и черневые татары, но и одно изъ поколѣній качинскихъ татаръ, а среди родовъ шорцевъ мы встрѣчаемъ семь носящихъ названія столькихъ же поколѣній сагайскихъ татаръ.

Разобраться во всѣхъ этихъ случаяхъ, пользуясь почти лишь одною записью о названіи языка, сдѣланною къ тому же по большей части невѣжественными счетчиками, рѣшительно нѣтъ никакой возможности. Даже самая добросовѣстная разработка подобныхъ данныхъ дала бы результаты на столько сомнительнаго достоинства, что полученные выводы могли бы послужить лишь для введенія новой путаницы, этотъ разъ на статистической подкладкѣ, въ безъ того весьма слабо изученныя и крайне неясныя соотношенія между отдѣльными вѣтвями подобныхъ сборныхъ народностей. Въ виду этого Центральный Статистическій Комитетъ, конечно, и не станетъ слишкомъ дробить подобныя сложныя группы и ограничится, быть можетъ, выдѣленіемъ изъ нихъ языковъ болѣе или менѣе крупныхъ и типичныхъ народностей, оставивъ всѣ остальные нераспредѣленными.

Такимъ же образомъ, нѣтъ никакой необходимости, даже если бы это позволилъ переписной матеріалъ, подраздѣлить на основаніи данныхъ о языкѣ каждую изъ группъ лезгинскихъ народовъ на ихъ составныя части, которыхъ не менѣе 30 (пособіе № 16 III, 4 а-д), принимая во вниманіе, съ одной стороны, громадность подобной работы—всѣхъ лезгинъ свыше 600.000 душъ—и, съ другой, недостаточную ихъ изученность и возможность неизбѣжныхъ ошибокъ. Мы идемъ дальше и допускаемъ возможность такого случая, что большая часть народностей этой группы покажетъ своимъ роднымъ языкомъ просто лезгинскій, или такое обобщеніе сдѣлаетъ интеллигентный счетчикъ. Въ такомъ случаѣ намъ придется вовсе отказаться отъ подраздѣленія этого народа даже на пять подгруппъ и соединить всѣхъ ихъ въ одну, избравъ для нея хотя бы знакъ первой (аварско-андійской) группы этого языка (№ 1).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Вообще же во всѣхъ подобныхъ случаяхъ лучше воздержаться рѣшать что либо a priori, такъ какъ та или другая группировка языковъ въ значительной степени будетъ зависѣть отъ качества и характера записей переписнаго матеріала.

Если мы до сихъ поръ упоминали слово «народность» и «національность», то мы подразумѣвали подъ этими выраженіями болѣе или менѣе однородныя группы населенія, говорящія на однихъ языкахъ. Вообще же языкъ и національность суть два понятія, которыя далеко не всегда и не всюду покрываютъ другъ друга.

Напримѣръ, извѣстно, что значительная часть мордвы, зырянъ, вотяковъ, вогуловъ и другихъ финновъ окончательно обрусѣла, что большая часть мещеряковъ и тептярей приняла башкирскій и татарскій языкъ, и часть башкиръ говоритъ на татарскомъ языкѣ. Руководствуясь однимъ указаніемъ языка, всѣ эти ассимилировавшіяся съ сосѣдями племена пришлось бы причислить къ этимъ послѣднимъ и полученныя въ результатѣ данныя представили бы довольно вѣрную картину распространенія языковъ. Но, принимая во вниманіе, что для государственныхъ нуждъ важно знать также и распредѣленіе населенія по національностямъ, а между тѣмъ языкъ, главный нашъ критеріумъ въ этомъ случаѣ, не всегда даетъ нужныя указанія, для данной цѣли пришлось воспользоваться и другими признаками населенія, которые можно было найти въ переписномъ матеріалѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшающее значеніе можетъ имѣть вѣроисповѣданіе; такъ, оно опредѣляетъ національность евреевъ, караимовъ, отчасти армянъ, монголовъ и тюрковъ. Въ другихъ случаяхъ 6 графа о сословіи можетъ намъ помочь до извѣстной степени возстановить настоящую національность лица, усвоившаго чужой языкъ. Одинъ такой случай мы видѣли уже выше (бухарцы). Вернемся къ нашимъ примѣрамъ. Обрусѣлыхъ финновъ, которые, какъ и большая часть русскихъ, являются крестьянами, мы по этому признаку не можемъ выдѣлить изъ состава русскаго населенія извѣстной мѣстности, исключая впрочемъ вогуловъ и остяковъ, которые принадлежатъ къ сословію инородцевъ. Съ нѣсколько большимъ успѣхомъ возможно за то воспользоваться этимъ признакомъ для опредѣленія національности башкиръ, тептярей и мещеряковъ, какъ это и рекомендуется въ пособіи № 2 (гр. 12, § VIII).

Дѣйствительно, хотя всѣ эти народности и перечислены въ крестьяне, но все-же въ качествѣ бывшаго служилаго сословія (башкирское войско) они показываютъ себя: первые—просто башкирами, вторые—по большей части башкирами изъ мещеряковъ и тептярей. Не служилые представители послѣднихъ двухъ племенъ обыкновенно обозначаютъ себя въ графѣ 6 инородцами изъ мещеряковъ и тептярей.

Какъ ни практиченъ на первый взглядъ выше приведенный совѣтъ инструкціи—пользоваться для исправленія 12-й графы ука-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

заніями графъ 6 и другихъ и отмѣчать языкъ отатарившихся мещеряковъ и тептярей не знакомъ Т, а № 21 и № 29, но на дѣлѣ оказывается, что этимъ путемъ можно опредѣлить лишь минимальную численность этихъ и имъ подобныхъ національностей, до извѣстной степени утратившихъ свой языкъ. Мы сказали «минимальную», потому что далеко не всюду можно разсчитывать найти требуемыя указанія въ 6-й графѣ. Такимъ образомъ, небольшая часть мещеряковъ и тептярей, какъ обнаружилось изъ просмотра переписнаго матеріала по Уфимской губерніи, показала себя просто башкирами и инородцами, а обрусѣлые представители этихъ племенъ, численность которыхъ простирается до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ [1]), вѣроятно, отмѣтятъ себя государственными крестьянами.

Комитету слишкомъ хорошо извѣстно изъ практики, что опредѣленіе національности по языку, даже при идеальной разработкѣ переписнаго матеріала, будетъ достигнуто лишь отчасти и должно заключать въ себѣ недочеты. Укажемъ хотя бы еще на то обстоятельство, что выраженіе «родной языкъ» не отличается особою опредѣленностью и ясностью и позволяетъ двоякое толкованіе, тѣмъ болѣе, что въ инструкціи для счетчиковъ не сдѣлано никакихъ разъясненій въ этомъ направленіи. Дѣйствительно, одна часть совершенно обрусѣлыхъ нѣмцевъ и финновъ, вѣроятно, показала при опросѣ своимъ языкомъ русскій, на которомъ многіе говорятъ съ малолѣтства, другіе напротивъ правильно поняли выраженіе «родной языкъ» въ смыслѣ языка той національности, къ которой они принадлежатъ по происхожденію, и показали своимъ языкомъ нѣмецкій и финскій. Также, вѣроятно, поступили и многія изъ тѣхъ лицъ, которыя, живя въ мѣстностяхъ, обитаемыхъ совмѣстно двумя-тремя племенами, въ одинаковомъ совершенствѣ владѣютъ двумя и болѣе языками. Таковы, напримѣръ, многіе латыши и эсты въ городахъ Прибалтійскаго края, въ особенности тѣ, которые происходятъ отъ перекрестныхъ браковъ другъ съ другомъ и съ нѣмцами; таковы литовцы, усвоившіе польскій языкъ, и т. д. Къ тому же одинаковость вѣроисповѣданія и въ большинствѣ случаевъ и сословія не позволяетъ при разработкѣ переписнаго матеріала сдѣлать нужныя поправки, если бы таковыя были признаны необходимыми.

Практичнѣе поэтому поступаютъ, повидимому, финляндцы и бельгійцы, которые въ своихъ переписяхъ требуютъ отъ лицъ, одинаково хорошо владѣющихъ двумя и тремя языками, показаніе каждаго изъ этихъ послѣднихъ. Но, конечно, этотъ способъ регистраціи языковъ, весьма практичный для маленькихъ странъ, представляющихъ мало разнообразія въ своемъ этнографическомъ составѣ, оказался бы непримѣнимымъ для многоплеменной и разноязычной

[1]) Въ губерніяхъ Саратовской и Пензенской числится свыше 35.000 обрусѣлыхъ мещеряковъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Россіи, гдѣ значительная часть населенія говоритъ на нѣсколькихъ языкахъ.

Не лучшіе результаты получились бы, конечно, и въ томъ случаѣ, если бы населенію былъ прямо предложенъ вопросъ о его національности. Въ мѣстностяхъ, напримѣръ, гдѣ населеніе носитъ смѣшанный характеръ, а таковыхъ въ имперіи не мало, отвѣты его на указанный вопросъ далеко не всегда соотвѣтствовали бы дѣйствительности. Въ виду этого соображенія поневолѣ приходится мириться съ нѣкоторыми неудобствами опредѣленія національности по родному языку, въ особенности, если принять во вниманіе, что языкъ является признакомъ вполнѣ объективнымъ и реальнымъ, чего нельзя сказать про національность.

Теперь, когда мы выяснили, какъ организована разработка языковъ въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ и насколько разнообразны средства, которыя находятся въ его распоряженіи для упрощенія дѣла классификаціи населенія по этому признаку, а также для устраненія могущихъ при этомъ вкрасться ошибокъ, мы возвратимся къ упомянутой выше статьѣ. Въ этой статьѣ говорится, что, «благодаря тому, что въ перечнѣ языковъ (брошюра № 10) разные языки показаны подъ одними и тѣми же нумерами, японцы на карточкахъ могутъ превратиться въ шведовъ или чеченцевъ, сарты въ молдаванъ или норвежцевъ, остяки въ турокъ (? курдовъ) и пр. Эти удивительныя превращенія совершаются вполнѣ легко». Авторъ критической замѣтки при этомъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. Размѣтчикъ, который замѣняетъ всѣ показанія населенія особыми знаками, переходящими потомъ въ видѣ проколовъ на карточку, не найдя въ спискѣ языковъ для Европейской Россіи японца, принужденъ искать его въ перечнѣ языковъ другихъ районовъ. Онъ его дѣйствительно находитъ среди языковъ Азіатской Россіи и отмѣчаетъ тѣмъ нумеромъ, подъ которымъ онъ тамъ значится (№ 39). Такимъ же образомъ, отыскивая мѣсто для норвежца въ Азіатской Россіи, онъ заимствуетъ для него знакъ изъ перечня языковъ Европейской—№ 25, а для случайно забредшаго на Кавказъ остяка знакъ, подъ которымъ онъ значится въ родной Сибири—№ 21. Такъ какъ, однако, во всѣхъ районахъ языки подраздѣлены на тѣ же 39 группъ, то естественно, что подъ одними нумерами оказываются зарегистрированными три различныхъ языка, напримѣръ, № 39 будетъ означать какъ шведскій языкъ, такъ и чеченскій и японскій; № 25 норвежскій, молдаванскій и сартскій, № 21 остяцкій, мещерякскій и курдскій.

Когда отмѣтки о языкахъ перенесены въ видѣ проколовъ на карточки и переписной матеріалъ поступилъ въ архивъ, то «лицо, занимающееся разработкой матеріала, говорится въ статьѣ, вдругъ къ своему немалому удивленію должно замѣтить, что японца (нор-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вежца, остяка) на карточкѣ и слѣдъ простылъ, и передъ нимъ стоитъ уже не японецъ (норвежецъ, остякъ), а шведъ (сартъ, мещерякъ) или даже чеченецъ (молдаванъ, курдъ), такъ какъ подъ тѣмъ же нумеромъ показаны именно шведъ и чеченецъ; а такъ какъ къ тому же изъ всего переписнаго листа одна 12-я графа указываетъ на національность лица, о которомъ составленъ листъ, то съ потерей языка опредѣлить дѣйствительную національность уже нельзя».

Начнемъ съ того, что мы находимъ болѣе чѣмъ страннымъ утвержденіе автора статьи, что отмѣтчикъ, не найдя извѣстнаго языка, напримѣръ, въ перечнѣ ихъ, предназначенномъ для Европейской Россіи, долженъ заимствовать для него знакъ, подъ которымъ онъ показанъ въ спискѣ азіатскихъ или кавказскихъ языковъ. Мы, съ своей стороны, смѣемъ удостовѣрить, что размѣтчикъ, не знающій, куда отнести народность, для языка которой не имѣется соотвѣтствующаго знака, долженъ, не мудрствуя лукаво, обратиться къ лицу, подъ руководствомъ котораго онъ работаетъ и которое, обладая большей опытностью въ этомъ отношеніи, поможетъ ему выйти изъ затруднительнаго положенія. Но допустимъ на время, что размѣтчикъ, воспользовавшись временнымъ отсутствіемъ редактора, все-таки снабдилъ японца знакомъ, подъ которымъ въ Европейской Россіи значится шведъ, что размѣченныя переписныя вѣдомости были переданы на пробойники и что лишь послѣ пробивки карточекъ обнаружилось недоразумѣніе.

Вопреки заявленію смѣлаго критика, что лишь 12 графа указываетъ на національность лица, редакторъ, не прибѣгая къ подлинному матеріалу, легко разсортируетъ ошибочно пробитыя карточки на группы, соотвѣтствующія языку каждой національности. Онъ начнетъ съ того, что всѣ карточки подъ № 39, если онѣ касаются, напримѣръ, Прибалтійскаго края, гдѣ числится до 5.000 шведовъ, но гдѣ не имѣется японцевъ, отнесетъ сполна къ первымъ. Если же эти карточки должны служить иллюстраціей населенія Петербурга или вообще крупнаго торгово-промышленнаго центра, гдѣ можно предполагать присутствіе отдѣльныхъ представителей тѣхъ и другихъ, а также чеченцевъ, то онъ, отобравъ изъ этихъ карточекъ весьма немногія, въ которыхъ въ VIII полѣ будетъ отмѣчено японское подданство, узнаетъ численность всѣхъ японцевъ, проживающихъ въ данномъ городѣ. Въ сомнительныхъ случаяхъ онъ, какъ мы видѣли, можетъ прибѣгнуть къ ихъ мѣсторожденію и религіи, которыми представители этого племени рѣзко отличаются отъ шведовъ и чеченцевъ—японцевъ христіанъ очень мало. Затѣмъ онъ изъ оставшихся карточекъ выдѣлитъ лицъ, исповѣдывающихъ мусульманскую вѣру, которыхъ и зачислитъ чеченцами, и очищенную этимъ путемъ отъ японцевъ и чеченцевъ группу карточекъ будетъ считать принадлежащею шведамъ.

Подобнымъ же образомъ онъ легко отдѣлитъ отъ сартовъ-мусуль-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

манъ Средней Азіи единичныхъ, проживающихъ въ этой области, норвежцевъ-лютеранъ и православныхъ молдаванъ. Не представило бы для него затрудненія раздѣлить подобнымъ же образомъ мещеряковъ, остяковъ и курдовъ, хотя въ данномъ случаѣ ему не пришлось бы даже трудиться надъ разборомъ карточекъ. Онъ могъ бы прямо всѣхъ жителей Закавказья, снабженныхъ № 21, отнести къ курдамъ, таковыхъ же въ губерніяхъ Оренбургской, Пермской, Уфимской, Пензенской и Саратовской считать мещеряками, а въ сѣверныхъ уѣздахъ Тобольской губерніи—угорскими остяками. Въ данномъ случаѣ почти невозможна ошибка, такъ какъ остяки внѣ своей родины не проживаютъ, курдовъ нельзя встрѣтить въ восточныхъ губерніяхъ и въ Западной Сибири, а мещеряковъ нѣтъ въ Закавказьѣ.

Но сдѣлаемъ еще одну уступку автору статьи и предположимъ, что ни провѣрщики, ни контроль, ни редакторы, не замѣтили ошибокъ, которыя были допущены, и что карточки были разработаны на машинахъ, какъ однородныя. Постараемся опредѣлить, насколько отъ подобнаго упущенія могли бы пострадать общіе результаты переписки.

Общая численность представителей народностей, языки которыхъ не имѣютъ особаго знака для Европейской Россіи, врядъ ли превышаетъ 700—800 человѣкъ, а съ персами, которыхъ мы уже включили въ перечень подъ № 18, можетъ простираться до 1.000—1.100 душъ, что при населеніи Европейской Россіи и Привислянскаго края въ 1897 году въ 103½ милліона душъ составляетъ не болѣе 1/100.000 части его. Если бы, такимъ образомъ, размѣтчикъ, не обращая вниманія ни на какія указанія редактора, предоставилъ бы полную волю своему расходившемуся воображенію и дѣлалъ самыя невозможныя толкованія пособій, редакторъ же все время отсутствовалъ, а контроль бездѣйствовалъ бы, то и въ этомъ случаѣ получилась бы ошибка, не превышающая 1/1.000%. На Кавказѣ число подобныхъ лицъ можетъ простираться до 700—800 человѣкъ. Это выясняется изъ слѣдующаго соображенія. Изъ свода данныхъ о населеніи Закавказья явствуетъ, что въ 8 губерніяхъ и областяхъ этого края общее число лицъ, принадлежащихъ къ національностямъ, которыя въ пособіи № 15 не имѣютъ особаго знака для Кавказа, простиралось въ 1886 году приблизительно до 400 человѣкъ (въ числѣ которыхъ числилось 107 болгаръ, 250—300 (?) шведовъ и финляндцевъ, показанныхъ совмѣстно съ нѣмцами, и 25 прочихъ). Сопоставивъ число 400 съ наличнымъ населеніемъ Закавказья въ 1886 году въ 4.700.000, мы получаемъ, что подобные чужестранцы составляли всего 0,07% его. Приблизительно таковъ же можетъ быть процентъ представителей «прочихъ» національностей и языковъ въ Сѣверномъ Кавказѣ и развѣ немного бо̀льшій въ Азіатской Россіи,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

именно въ Сибири. Какъ не трудно убѣдиться, эти ошибки, даже если предположить, что онѣ допущены, настолько ничтожны, что о нихъ не стоитъ и говорить.

Предоставляемъ теперь судить читателю, насколько былъ правъ авторъ цитированной критической статьи, утверждая, что въ Центральномъ Статистическомъ Комитетѣ при разработкѣ переписи совершаются превращенія цѣлыхъ народовъ однихъ въ другіе.

Младшій редакторъ Центральнаго Статистическаго Комитета

С. Патканов.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПАМЯТИ ГЛАДСТОНА.

МНОГО было писано о Гладстонѣ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» [1]), и теперь въ виду его смерти остается только резюмировать въ нѣсколькихъ словахъ его шестидесятилѣтнюю благотворную дѣятельность, очертить бѣглыми штрихами его великую фигуру, нарисовать картинку настоящихъ національныхъ похоронъ, устроенныхъ ему всѣми слоями англійскаго общества безъ различія партій или убѣжденій, и указать на то, что писано о немъ за послѣднее время.

Гладстоновская литература уже и при жизни великаго старика имѣла значительные размѣры, а теперь, конечно, она съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе расширяется. Но до сихъ поръ, по случаю его смерти, появилось еще немного стоящихъ вниманія статей, воспоминнаній и этюдовъ[2]), такъ что можно указать только на подробныя

---

[1]) Великій Старикъ. Историко-біографическій очеркъ. «Историч. Вѣстникъ». сентябрь—октябрь 1892 г.

Преемники Гладстона. «Ист. Вѣстн.», апрѣль 1894 г.

Гладстонъ на закатѣ своихъ дней. «Ист. Вѣстн.», февраль 1897 г.

[2]) Конечно, лондонскіе издатели уже ухитрились выпустить нѣсколько книгъ послѣ смерти Гладстона, но это или новыя изданія старыхъ сочиненій, или перепечатки журнальныхъ статей, или наскоро состряпанныя брошюры. Къ первымъ принадлежатъ: «Жизнь Гладстона», Г. Люси, въ «Серіи государственныхъ людей», «Популярная біографія Гладстона» А. Мельрота; обѣ онѣ снабжены нѣсколькими строчками о смерти ихъ героя, очевидно, напечатанными ручнымъ способомъ на чистой страницѣ, оставленной нарочно для этого въ давно подготовленныхъ книгахъ. Ко вторымъ можно отнести собраніе статей В. Стэда, появлявшихся въ различное время въ «Review of Reviews», и «Почеркъ Гладстона»—Е. Дальтона, который находитъ, что по живой энергіи штриховъ сверхъ и подъ строчками почеркъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

біографіи Гладстона, напечатанныя въ Times [1]) безъ подписи автора и въ американской газетѣ «Evening Post» [2]), которая принадлежитъ перу его друга, члену его послѣдняго министерства и извѣстнаго публициста, Брайса, на очерки Криспи въ «La Tribuna» [3]) и Карла Блинда въ вѣнскомъ «Neue Freie Presse» [4]), на статьи въ «Academy» объ афоризмахъ Гладстона, о Гладстонѣ, какъ критикѣ, и о мнѣніи Маколея о Гладстонѣ [5]), на воспоминанія о разговорѣ съ Гладстономъ, Шарля Жиродо, въ «Revue Bleue» [6]) и на нѣсколько страницъ, посвященныхъ въ «Correspondant» Маріей Бронсартъ недостаткамъ Гладстона [7]). Если мы прибавимъ къ этому ряду глубоко сочувственныхъ къ народному Вильяму отзывовъ, среди которыхъ фальшивою нотой звучатъ только разглагольствованія Маріи Бронсартъ, старающейся развѣнчать Гладстона и поставить выше его Льва XIII и Бисмарка, прибавимъ хотя и написанную ранѣе смерти великаго старика, но напечатанную въ майскомъ номерѣ «English Illustrated Magazine» [8]) краткую, но очень любопытную статейку Меткальфа Вуда о первой избирательной кампаніи Гладстона въ Нью-Іоркѣ въ 1892 г., то исчерпаемъ все, что появилось интереснаго за послѣдніе дни о «величайшемъ гражданинѣ нашего времени», какъ называютъ Гладстона американскія газеты. Мы постараемся извлечь изъ этого матеріала всѣ черты, которыя бросаютъ новый свѣтъ на великаго старика, и для большей полноты позаимствуемъ невѣдомыя, оригинальныя свѣдѣнія о немъ изъ недавно написанныхъ книгъ въ теченіе года, именно изъ новой біографіи Гладстона, извѣстнаго ирландскаго парламентскаго дѣятеля и англійскаго романиста Д. Маккарти [9]), сборника его мыслей, изданнаго Ф. Унвиномъ [10]), личныхъ воспоминаній Гарри Фурнлея [11]) о Гладстонѣ въ парламентѣ и статьи М. Вудворда объ его частной жизни [12]).

Гладстона можно только сравнить съ почеркомъ Кромвеля и Бисмарка. Совершенно новыхъ брошюръ только три: краткая біографія, изданная Раутледжемъ, «Гладстонъ какъ человѣкъ»—Д. Вильямсона и «Анекдоты и воспоминанія о Гладстонѣ»—С. Макниля.

[1]) William Ewart Gladstone. Times. 20 may. (14 столбцовъ).

[2]) W. E. Gladstone by M. Bruce.—Evening Post.—19 may. (15 столбцовъ).

[3]) Gladstone di F. Crispi.—Tribuna.—20 maggio.

[4]) Gladstone, von Karl Blind.—Neue Freie Presse. 21 may.

[5]) Ms. Gladstone in Settle.—Mr. Gladstone as a reades ane critic.—Macauley on Gladstone.—Academy.—28 may.

[6]) Une entrevue avec M. Gladstone, par Ch. Giraudeau. Revue Bleue, 28 may.

[7]) Gladstone, par Marie Bronsart.—Correspondant. 25 mai.

[8]) The fieldof Mr. Gladstones first campaign, by Metcalfe Wood. English Illustrated Magazine.—May.

[9]) Story of the life of Gladstone, by J. Maccarthy. London. 1898.

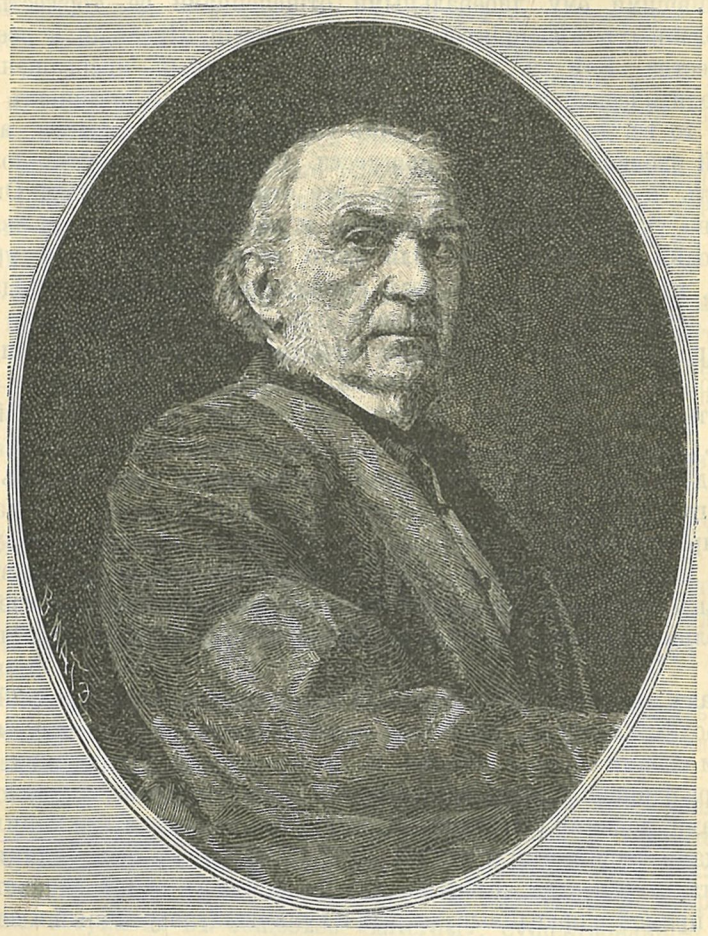
[10]) A roll of thoughts from M. Gladstone. Edited by Fishes Unwin.—London. 1898.

[11]) Glimpses of Gladstone, by H. Furnley.—Century. September. 1897.

[12]) The personal interests of M. Gladstone, by M. Woodword.—Pearsons Magazine. March.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Шестьдесятъ одинъ годъ неустанно трудился Гладстонъ на пользу своего народа и всего человѣчества; даже въ послѣдніе четыре года, проведенные имъ не у дѣлъ, онъ не переставалъ, когда словомъ, когда перомъ, отстаивать оскорбленныхъ и униженныхъ во всемъ свѣтѣ. Дебютировавъ на парламентской аренѣ



Вилліамъ Эвартъ Гладстонъ.

23 лѣтъ отъ роду, въ лагерѣ торіевъ въ 1832 году, онъ постепенно прошелъ всѣ стадіи, отдѣляющія торія отъ радикала, которымъ онъ покинулъ залу св. Стефана въ 1894 г.; въ этотъ длинный періодъ времени онъ былъ двадцать лѣтъ торіемъ и консерваторомъ, занимая второстепенныя должности въ кабинетахъ сэра Роберта Пиля, которому много помогалъ въ проведеніи имъ отмѣны хлѣбной пош-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лины и въ установленіи свободной торговли, потомъ шестнадцать лѣтъ въ качествѣ либерала состоялъ то министромъ финансовъ, то вожакомъ оппозиціи, защищая финансовыя и избирательныя реформы, наконецъ, двадцать шесть лѣтъ, какъ радикалъ, былъ четыре раза первымъ министромъ, а въ промежутки времени на скамьяхъ оппозиціи продолжалъ бороться съ торіями, верхней палатой и измѣнившими ему либеральными отщепенцами за торжество его излюбленныхъ мѣропріятій на благо Англіи, Ирландіи и всего человѣчества. Всѣ съ перваго взгляда странныя превращенія въ его политической и общественной жизни не были шатаніемъ то въ одну, то въ другую сторону изъ самолюбія или корысти, а логической эволюціей по пути прогресса. Онъ стойко, неустанно шелъ впередъ и, по словамъ Брайса, все стремился къ свѣту! Онъ постоянно учился, совершенствовался и развивался, а когда являлась необходимость жертвовать для этого своими отжившими убѣжденіями, то онъ дѣлалъ это безъ сожалѣнія, ради блага народа, все равно своего или чужестраннаго; онъ не жалѣлъ порвать связи съ прошедшимъ и постоянно дѣйствовалъ только въ виду потребностей настоящаго и высшихъ идеаловъ будущаго. Строго нравственная подкладка лежала въ основѣ всѣхъ его дѣйствій, всѣхъ его поступковъ, и вотъ почему его родина и весь свѣтъ проводили въ могилу съ такимъ всеобщимъ сочувствіемъ этого перваго государственнаго человѣка нашего времени, котораго по его нравственнымъ качествамъ и великимъ заслугамъ дѣлу свободы и народнаго блага во всѣхъ странахъ нельзя и сравнивать съ такъ называемыми великими современными государственными дѣятелями: Тьеромъ, Кавуромъ, Бисмаркомъ и лордомъ Биконсфильдомъ.

Какъ министръ, общественный реформаторъ, парламентскій боецъ и народный трибунъ, Гладстонъ десятью головами возвышается надъ всѣми своими современниками. Его колоссальная, благородная, чистая фигура одиноко паритъ надъ юркими Дизи, хитрыми, кровожадными, Тьерами, ловкими, увертливыми Кавурами и желѣзными канцлерами, творцами теоріи огня и желѣза. А какъ человѣкъ, онъ соединялъ въ себѣ такія качества, которыхъ трудно найти въ одной личности: онъ былъ прямой и правдивый, добрый и гуманный, энергичный и не устанный въ трудѣ, мужественный, твердый и отзывчивый на все хорошее и чуткій на все справедливое; онъ откликался на стоны несчастныхъ жертвъ насилія и на нужды бѣдняковъ, онъ является передъ нами образцовымъ семьяниномъ и примѣрнымъ помѣщикомъ, вѣрующимъ христіаниномъ и вѣротерпимымъ мыслителемъ, серьезнымъ ученымъ, изслѣдовавшимъ Гомера и Данте, и рьянымъ живымъ публицистомъ, писавшимъ до послѣдней своей болѣзни безъ устали о всевозможныхъ предметахъ,—однимъ словомъ, въ Шекспировскомъ смыслѣ,— это былъ человѣкъ и ничто человѣческое не было ему чуждо.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Никто не можетъ такъ ясно и рельефно охарактеризовать Гладстона со всѣхъ сторонъ, какъ афиризмы, извлеченные изъ его рѣчей, книгъ, брошюръ, статей и писемъ. Приведемъ на удачу нѣкоторые изъ нихъ:

— Однимъ изъ обыкновенныхъ площадныхъ заблужденій служитъ привычка принимать пламенное, сердечное чувство, жгучую впечатлительность и ничѣмъ не сдерживаемую искренность за нахальное, неистовое выраженіе крайнихъ мнѣній.

— Если мы встанемъ на достаточное возвышеніе, чтобъ обнять весь нравственный кругозоръ, то поймемъ, что во время войны и мира часто побѣдитель является ниже побѣжденнаго.

— Для своего собственнаго развитія и совершенствованія, человѣкъ обязанъ пріобрѣтать наиболѣе полезныхъ знаній, которыми потомъ ему слѣдуетъ дѣлиться со всѣми нуждающимися въ образованіи.

— Между многими благородными мыслями, высказанными Гомеромъ, нѣтъ ни одной благороднѣе его сужденія о рабствѣ. «Въ тотъ день, когда свободный человѣкъ становится рабомъ, — говоритъ онъ,—всевидящій Зевсъ отнимаетъ у него половину его человѣческаго бытія». Онъ такъ говоритъ не потому, что въ то время рабство отличалось жестокостью, чего въ дѣйствительности не было, но по той простой причинѣ, что рабство было рабствомъ.

— Въ комнатѣ, наполненной книгами, никто не можетъ считать себя одинокимъ, такъ какъ книги—лучшіе друзья.

— Для произведеній ума не можетъ быть ни старости, ни вымиранія. Невозможно себѣ представить такого времени, когда Гомеръ, Данте и Шекспиръ не находили бы отголоска въ умѣ образованнаго человѣка.

— Поэзія, это зеркало міра, не можетъ только отражать привлекательную сторону жизни, но должна представлять и отталкивающія ея черты для контраста.

Восьмидесяти-восьми-лѣтняя жизнь Гладстона представляетъ цѣлый рядъ поразительныхъ сценъ, которыя такъ и просятся на полотно. Попробуемъ набросать самыя любопытныя изъ нихъ.

29 октября 1825 г., шестнадцатилѣтній, хорошенькій, кудрявый мальчикъ вступаетъ въ общество «Literati», существовавшее тогда въ Итонской школѣ, и произноситъ свою дѣвственную рѣчь на тему: «Полезно ли воспитаніе для бѣдныхъ?» «Въ нашъ вѣкъ быстро развившагося и развивающагося образованія»—были первыя слова, произнесенныя публично будущимъ великимъ ораторомъ, и это зародышъ народнаго Вильяма, ясно, опредѣленно высказавшагося въ пользу всеобщаго образованія.

Прошло семь лѣтъ, и 22 сентября 1892 г. юноша, только что вышедшій изъ Оксфорда, безбородый, съ большими выразительными глазами и умнымъ лицомъ, явился въ маленькій, уединенный горо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

докъ Англіи, Нью-аркъ, и смѣло поставилъ свою кандидатуру въ депутаты. «На слѣдующій день,—разсказываетъ онъ самъ,—въ 8 часовъ мы начали избирательную агитацію и проработали девять часовъ среди криковъ толпы, оглушительныхъ звуковъ оркестра и безконечнаго числа флаговъ и стакановъ пива или вина; затѣмъ обѣдъ на тридцать или сорокъ человѣкъ съ рѣчами и пѣснями; наконецъ игра въ вистъ, и только въ 1 часъ ночи я легъ въ постель, но не могъ спать отъ волненія и усталости».

Теперь перенесемся въ Неаполь 1850 года. Тамъ царила реакція и неистовствовалъ король Бомба. Бывшій его же конституціонный министръ Карло Поеріо былъ осужденъ и ввергнутъ въ тюрьму за то, что онъ желалъ единства Италіи. Проводившій зимніе мѣсяцы въ Неаполѣ, извѣстный англійскій депутатъ, бывшій сотрудникъ экономическихъ реформъ сэръ Роберта Пиля, присутствовалъ при несправедливомъ судѣ, посѣтилъ тюрьму со всѣми ея ужасами и все это къ изумленію Европы описалъ въ письмахъ къ лорду Абердину, прямо называя политику Фердинанда «отрицаніемъ Бога, возведеннымъ въ правительственную систему».

Спустя три года, пламенный защитникъ угнетенной Италіи дебютировалъ 18 апрѣля 1859 года въ роли министра финансовъ и поразилъ всю палату, всю страну, весь свѣтъ, не только предложенной имъ смѣлой экономической реформой, но, невиданнымъ до него и послѣ него, умѣніемъ придать въ своей рѣчи, продолжавшейся пять часовъ, глубокій интересъ, даже обворожительную прелесть сухимъ цифрамъ. Сразу онъ былъ признанъ первымъ финансистомъ своего времени, и общій восторгъ дошелъ до того, что королева и принцъ Уэльскій написали ему поздравительныя письма, а провинціальные муниципалитеты вотировали благодарственные адресы чудодѣйственному министру.

Минуло семнадцать лѣтъ, первый въ свѣтѣ министръ финансовъ сдѣлался премьеромъ, провелъ цѣлый рядъ благотворныхъ реформъ и, находясь теперь во главѣ оппозиціи, чтобы спасти Англію отъ позорной африканской политики юркаго Дизи, превратившагося въ лорда Биконсфильда, предпринялъ на семьдесятъ первомъ году своей жизни избирательную кампанію въ Эдинбургѣ, твердынѣ торіевъ. Среди зимней непогоды, онъ безостановочно произносилъ по два, по три раза въ день длинныя, блестящія рѣчи, и кончилъ тѣмъ, что одержалъ побѣду, низвергнулъ Биконсфильда и образовалъ свое второе министерство. Въѣзжая въ Эдинбургъ послѣ своего избранія, онъ былъ встрѣченъ восторженными криками рабочихъ: «Да здравствуетъ Гладстонъ, первый человѣкъ въ свѣтѣ».

2 мая 1886 г. произошла въ палатѣ общинъ сцена, съ которой едва ли можетъ сравниться какой либо другой эпизодъ ея исторіи. Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи въ переполненной до того залѣ св. Стефана, что въ первый разъ послѣ столькихъ вѣковъ существо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ванія въ ней появились стулья, семидесятисемилѣтній старикъ, бывшій тогда въ третій разъ премьеромъ, предложилъ баллотировать его биль объ ирландскомъ самоуправленіи. Онъ прямо объявилъ, что наконецъ намѣренъ разомъ покончить съ ирландскимъ вопросомъ, и заключилъ свою рѣчь, которая была убѣдительнѣе и краснорѣчивѣе всего, что онъ когда либо говорилъ, словами: «Подумайте хорошо, подумайте разумно не въ виду настоящаго, а въ виду будущаго, прежде чѣмъ вы отвергнете этотъ биль. Вѣдь на вашей сторонѣ отливъ, а на нашей приливъ». Вся палата безъ различія партій разразилась рукоплесканіями въ честь великаго оратора и великаго государственнаго дѣятеля, приносившаго себя въ жертву справедливости къ вѣками угнетенной странѣ. Затѣмъ среди такого волненія, какого никогда не видала и, по словамъ очевидцевъ, никогда не увидитъ палата общинъ, были поданы голоса, и биль провалень.

Еще разъ, но уже въ послѣдній произнесъ въ февралѣ 1894 г. неутомимый парламентскій боецъ историческую рѣчь на аренѣ столь долгихъ его успѣховъ. Въ четвертый разъ министръ и видя, что всѣ его реформы, начиная отъ ирландскаго самоуправленія, принятаго наконецъ палатой общинъ, отвергаются лордами, онъ произнесъ пламенную филиппику противъ верхней палаты, прямо заявивъ, что во главѣ всѣхъ политическихъ и общественныхъ вопросовъ отнынѣ стоитъ вопросъ объ устраненіи права лордовъ тормозить благотворную дѣятельность народныхъ представителей. Бросая такимъ образомъ перчатку наслѣдственнымъ врагамъ англійскаго народа, восьмидесятичетырехлѣтній старикъ никогда не казался такимъ бодрымъ и свѣжимъ, никогда голосъ его не раздавался такъ ясно, какъ въ этотъ моментъ его прощанія съ парламентомъ. Дѣйствительно, спустя два дня, онъ подалъ въ отставку, а затѣмъ отказался отъ депутатства.

Но эта рѣчь не была еще лебединой пѣснью великаго защитника народной свободы, и въ послѣдній разъ его могучій голосъ раздался 24 сентября 1896 года въ Ливерпулѣ на публичномъ митингѣ. Онъ говорилъ за мученіковъ-армянъ и противъ убійцы султана; онъ громилъ хладнокровное безучастіе европейскихъ державъ и гнѣвно клеймилъ армянскіе ужасы, называя ихъ «самой ужасной и чудовищной страницей въ печальной исторіи человѣческихъ преступленій». Когда умолкъ на этотъ разъ его краснорѣчивый голосъ, то уже міру не суждено было его болѣе слышать.

Достойнымъ увѣнчаніемъ этихъ памятныхъ сценъ въ жизни Гладстона была его мирная и тихая смерть въ Гавардень и національныя похороны, устроенныя ему парламентомъ и всей страной.

Въ началѣ нынѣшняго года, невральгія, которою страдалъ великій старикъ, настолько обострилась, что онъ вернулся изъ Канна въ Гавардень и три мѣсяца терпѣливо сносилъ мучительныя стра-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

данія, отвѣчая на всѣ вопросы о томъ, какъ онъ себя чувствуетъ: «Мнѣ хорошо, но я жду, жду». Но длинной агоніи, за которою съ лихорадочнымъ сочувствіемъ слѣдилъ весь свѣтъ, все-таки наступилъ конецъ. Умирающій заснулъ 18-го мая и рано утромъ на слѣдующій день во снѣ скончался. Послѣдними его словами передъ роковымъ сномъ были: «Доброта, доброта, доброта со всѣхъ сторонъ». Эти слова относились къ заботамъ окружавшей его семьи. Затѣмъ его губы пролепетали «Аминь», и навѣки замолкъ могучій голосъ, такъ долго будившій человѣческую совѣсть, такъ долго отстаивавшій свободу, правду и возвышенные идеалы въ нашу прозаическую эпоху огульной погони за наживой.

«Свѣтъ лишился своего величайшаго гражданина», характеристично выразилась американская газета «Tribune», и эту вѣрную мысль на всѣ лады повторяла печать Стараго и Новаго Свѣта за послѣдніе дни. Но для Англіи было мало славословить своего народнаго Вильяма, она чувствовала, что ей предстояло показать всему міру примѣръ, какъ слѣдуетъ отдавать послѣдній долгъ великому гражданину, и она достойно исполнила этотъ, возложенный на нее судьбою долгъ. Палата общинъ постановила, по примѣру Чатама и Пита, похоронить Гладстона на государственный счетъ и въ Вестминстерѣ, гдѣ находятся могилы или по крайней мѣрѣ памятники почти всѣхъ великихъ людей страны. Эти настоящія національныя похороны продожались четыре дня. Прежде всего тѣло покойнаго было выставлено въ Гаварденской библіотекѣ, и десятки тысячъ сосѣдей, преимущественно поселянъ, поклонились праху великаго дровосѣка, затѣмъ отпѣли его въ Гаварденской церкви, перевезли въ Вестминстеръ, среди сбѣгавшейся со всѣхъ сторонъ несмѣтной толпы, выставили для прощанія въ историческомъ Вестминстеръ-голлѣ, гдѣ въ старину короновались англійскіе короли и происходилъ судъ надъ Карломъ I-мъ, и наконецъ послѣ того, какъ передъ гробомъ прошло болѣе четырехъ сотъ тысячъ человѣкъ, принадлежавшихъ всѣмъ сословіямъ общества, перенесли его въ церковь св. Маргариты въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, гдѣ послѣ церковной службы гробъ опустили въ склепъ, такъ какъ собственно преданіе землѣ Гладстона произойдетъ надняхъ въ присутствіи одного его семейства. Шествіе тѣла изъ Вестминстера въ аббатство представляло никогда еще невиданное зрѣлище: въ немъ участвовали обѣ палаты въ полномъ составѣ, министерство, лондонскій, эдинбургскій и дублинскій лорды-мэры, депутаціи отъ арміи, флота, администраціи, муниципалитетовъ, правительственныхъ совѣтовъ университетовъ, ученыхъ обществъ и т. д.; кисти держали, кромѣ лорда Сальсбери и другихъ представителей теперешняго и Гладстоновскихъ кабинетовъ, герцогъ Уэльскій и старшій его сынъ герцогъ Іоркскій. Такъ какъ мистриссъ Гладстонъ заявила желаніе присутствовать при службѣ въ Вестминстерскомъ аббатствѣ, хотя обыкновенно въ Англіи дамы не бываютъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на похоронахъ, то герцогини Уэльская и Іоркская встрѣтили ее тамъ. Несмотря на національный характеръ похоронъ, онѣ отличались необыкновенною простотой и скромностью, безъ всякаго внѣшняго блеска, который вполнѣ замѣнился всеобщей искренней печалью. Въ этотъ день Лондонъ имѣлъ траурный видъ: почти всѣ магазины были заперты, причемъ на ставняхъ красовалась надпись: «Національный трауръ», а во всѣхъ церквахъ совершались торжественныя службы. То же происходило во всѣхъ городахъ и селеніяхъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи.

Гладстонъ умеръ, и его проводила до могилы вся страна, весь народъ, безъ различія сословій, положеній, партій, мнѣній. Національныя похороны широко отворили ему дверь въ безсмертную область исторіи.

В. Тимирязевъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ПО КИТАЙСКОМУ ПОБЕРЕЖЬЮ [1]

III.

Городъ Чи-фу.

ЧИ-ФУ лежитъ на сѣверѣ Шантунскаго полуострова подъ 37°37′56″ сѣв. шир. и 124°22′33″ вост. долготы, считая отъ Гринвичскаго меридіана.

Огромный, открытый рейдъ его окаймленъ съ сѣвера группой маленькихъ острововъ, нисколько не защищающихъ отъ волненія, какое разводятъ въ осенніе и зимніе мѣсяцы сѣверные вѣтры, господствующіе здѣсь въ это время года. На одномъ изъ такихъ острововъ, при самомъ входѣ на рейдъ, виднѣется бѣлый маякъ; тутъ же небольшой фортъ. Верстахъ въ трехъ къ востоку отъ города, уже на материковомъ выступѣ, который зовется Middle Point, другой фортъ. На материкѣ къ югу и западу подымаются высокіе холмы; по гребню одного изъ нихъ, сбѣгающаго къ морю, вьется длинной лентой старая зубчатая стѣна. Европейская часть Чи-фу ютится на выдавшемся въ море мысѣ, высокомъ и скалистомъ, откуда открывается красивый видъ на заливъ. Собственно говоря, здѣсь нѣтъ рѣзко-обособленнаго европейскаго сетлемента, какъ въ другихъ открытыхъ китайскихъ портахъ, и это обстоятельство представляетъ одно изъ крупныхъ неудобствъ Чи-фу.

[1]) Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. LXXII, стр. 606.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ городѣ имѣются четыре европейскія гостиницы, изъ которыхъ Beech-Hotel и Sea-Vew Hotel, обѣ рядомъ на морскомъ берегу, считаются лучшими. Есть нѣсколько магазиновъ; одинъ изъ нихъ—нѣкоего Сіетаса, представляетъ огромное учрежденіе, гдѣ можно найти все, отъ духовъ, перчатокъ, принадлежностей платья и квартирной обстановки до снастей, якорей и предметовъ судового обихода,— общій типъ большихъ европейскихъ магазиновъ Дальняго Востока.

Европейцевъ, служащихъ въ разныхъ здѣшнихъ консульствахъ, торговыхъ конторахъ, таможняхъ, гостиницахъ и проч., говорятъ, наберется человѣкъ до 200. Русское вицеконсульство основалось въ Чи-фу совсѣмъ недавно. Но русское вліяніе давно уже даетъ себя знать въ этомъ порту. Сказывается она въ весьма оригинальной формѣ, въ видѣ русской рѣчи, которую вы въ первый разъ съ удивленіемъ и страннымъ волненіемъ слышите изъ устъ лодочника-китайца, перевозящаго васъ по бухтѣ. Поразговорившись, вы узнаете, что возница вашъ жилъ болѣе или менѣе долгое время во Владивостокѣ, гдѣ у него остались и родные, и знакомые, и что онъ думаетъ опять пробраться туда же на заработки. Положимъ, вы и раньше знали, что владивостокское китайское населеніе образуютъ почти исключительно выходцы изъ Шантунской провинціи, главнымъ образомъ изъ Чи-фу и его ближайшихъ окрестностей, знали, что, накопивши деньжонокъ, многіе изъ нихъ уѣзжаютъ на родину; казалось бы, поэтому, нѣтъ ничего удивительнаго встрѣтить, напримѣръ, въ Чи-фу китайца, говорящаго порусски; и тѣмъ не менѣе все-таки вы какъ-то радостно теряетесь отъ звуковъ родной, хотя и исковерканной рѣчи, слышимой въ столь необычной обстановкѣ. Между вами и этимъ грязнымъ китайцемъ устанавливается вдругъ какая-то странная связь: вы съ нимъ точно земляки, встрѣтившіеся нежданно-негаданно на чужой сторонѣ; у васъ — общія знакомыя мѣста и лица; въ результатѣ, вы нежножко даже растроганы, и вашъ «землякъ», въ качествѣ «веществennаго знака невещественныхъ отношеній», получаетъ лишніе 10—20 центовъ, что и требовалось, конечно, хитрому китайцу.

Туземный городъ не представляетъ ничего достопримѣчательнаго: жалкіе домишки и нестерпимая грязь и вонь. Жителей въ немъ до 40.000 душъ.

Въ Чи-фу существуетъ, между прочимъ, францисканскій женскій монастырь и при немъ школа для дѣтей. Весною 1895 года, когда наша эскадра стояла здѣсь, готовясь ко всѣмъ случайностямъ тогдашняго смутнаго времени, на дворѣ этого монастыря кипѣла спѣшная работа: наши матросы свозили сюда паруса и все дерево, какое только можно было снять съ кораблей безъ ущерба для дѣла; опытъ недавней войны показалъ, какую роковую роль играютъ деревянныя части въ судовыхъ пожарахъ во время боя, и какія страшныя раны людямъ наноситъ щепа разбиваемаго снарядами дерева;

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рѣшено было, поэтому, освободиться отъ него по возможности, и францисканскій монастырь любезно открылъ намъ свои двери, обративъ свой дворъ временно въ складъ русскихъ рей, стеныъ, парусовъ и проч.

Лѣтъ 20 тому назадъ, миссіонерское дѣло въ Шантунской провинціи находилось исключительно въ рукахъ францисканцевъ. Но затѣмъ произошло раздѣленіе области въ этомъ отношеніи на два епископства: сѣверное и южное. Сѣверное, къ которому принадлежитъ и Чи-фу, осталось за францисканцами; южное перешло къ германскимъ католическимъ священникамъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, личный составъ и учрежденія перваго изъ нихъ составляли: одинъ епископъ, 13 европейскихъ священниковъ, 13 священниковъ-туземцевъ, 212 часовенъ и церквей, 2 семинаріи, 56 мужскихъ школъ съ 2.000 воспитанниковъ, 38 школъ женскихъ съ 1.000 человѣкъ учащихся, одинъ пріютъ для сиротъ-мальчиковъ, въ которомъ числилось 64 пансіонера, 4 такихъ же пріюта для дѣвочекъ, съ 580 воспитанницами, и 28.000 душъ католиковъ-туземцевъ.

Во второмъ: одинъ епископъ, 14 европейскихъ священниковъ, 20 церквей и часовенъ, одна школа и католиковъ-туземцевъ до $3^1/_2$ тысячъ человѣкъ. Протестантская миссія насчитывала тогда же 120 миссіонеровъ и до 10.000 китайцевъ-протестантовъ.

Чи-фу—одинъ изъ самыхъ оживленныхъ пунктовъ прибрежнаго Китая: не говоря уже о массѣ являющихся сюда китайскихъ парусныхъ судовъ, между которыми большія морскія джонки изъ южныхъ портовъ насчитываются многими сотнями,—число пароходовъ, заходящихъ въ Чи-фу, достигаетъ 2.500 въ годъ.

О размѣрахъ торговыхъ оборотовъ мѣстнаго порта даютъ понятіе слѣдующія цифры за 1891 годъ: ввозъ — 8.300,000 тэль (21.000.000 р.), вывозъ—9.125,000 тэль (23.000,000 р.).

Главные предметы иностраннаго ввоза составляютъ: хлопчатобумажные товары, причемъ американскихъ ввозится вдвое больше, чѣмъ англійскихъ; металлы, преимущественно старое желѣзо, идущее здѣсь на нужды мѣстной кузнечной промышленности; индійскій опіумъ, количество котораго, однако, изъ года въ годъ падаетъ, благодаря увеличивающейся культурѣ туземнаго мака; наконецъ керосинъ, главнымъ образомъ американскій; русскій керосинъ появился здѣсь впервые, кажется, въ 1889 году; количество его пока сравнительно ничтожно. Главными предметами туземнаго ввоза являются: сахаръ, бумага, шелкъ, хлопокъ и деревянное масло.

Вывозятъ же изъ Чи-фу: мѣстныя издѣлія изъ соломы, шантунскій шелкъ, бобы и вермишель.

Ввозъ индійскаго, т. е. англійскаго, опіума постоянно падаетъ, благодаря, какъ мы сказали, увеличивающейся культурѣ собственнаго опіума въ Китаѣ и значительно низшей цѣнѣ туземнаго продукта, сравнительно съ привознымъ. Китайскій опіумъ продается

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

приблизительно по 1 р. за фунтъ, индійскій же стоитъ не менѣе 2 р. Одна только Шантунская провинція производитъ ежегодно около 100.000 пудовъ опіума. Изъ 132 заведеній для куренія опіума, существующихъ въ Чи-фу, только 5 продаютъ своимъ потребителямъ чистый индійскій опіумъ, 30 — индійскій въ смѣси съ китайскимъ; наконецъ, 97—торгуютъ исключительно чистымъ туземнымъ опіумомъ. Аналогичное явленіе замѣчается и во всѣхъ остальныхъ открытыхъ портахъ Китая, и недалеко время, когда индійскаго опіума на рынкахъ Небесной имперіи вовсе не будетъ. Такимъ образомъ, естественной силой вещей, англичанамъ въ недалекомъ будущемъ суждено освободиться отъ позорной клички отравителей Китая, какою ихъ такъ охотно клеймятъ, особенно у насъ, совершенно забывая, что водка, по своему непосредственному разрушительному дѣйствію на организмъ человѣка, болѣе могучій агентъ, чѣмъ опіумъ; по неисчислимому же вреду, оказываемому ею на народную нравственность, по той роли, какую она играетъ въ преступленіяхъ, болѣзняхъ, всякаго рода несчастіяхъ, она несомнѣнно стоитъ выше опіума. Китай, «отравляемый» англичанами, тѣмъ не менѣе не вырождается, по крайней мѣрѣ, нѣтъ ни одного признака такого вырожденія. Если онъ порою голодаетъ, то не отъ собственнаго глубокаго невѣжества, не отъ ужасовъ безпомощной темноты народной, а дѣйствительно отъ такихъ стихійныхъ силъ, съ какими ужъ ничего не подѣлаешь. Преступленія подъ вліяніемъ опіума тамъ неизвѣстны; у насъ подъ вліяніемъ водки они такъ велики, что и подсчету-то не поддаются. Мы только знаемъ, что тюрьма и ссылка, гдѣ роль производящихъ причинъ играютъ главнымъ образомъ бѣдность, невѣжество и пьянство, стоятъ Россіи ежегодно 13 милліоновъ рублей, какъ разъ столько, сколько отпускается и на народное образованіе: совпаденіе цифръ удивительно краснорѣчивое. А во что обходится прогулъ рабочихъ дней отъ пьянства, и что стоятъ дни, проводимые алкоголиками въ больницахъ, объ этомъ трудно составить себѣ даже приблизительное представленіе.

Жителей въ Чи-фу, какъ мы сказали, около 40.000 душъ. Изъ нихъ до 5.000 человѣкъ занимаются исключительно кузнечнымъ ремесломъ. Они дѣлаютъ все, начиная отъ якорей для своихъ джонокъ и кончая иголками для шитья; работа изяществомъ не блещетъ, но по прочности можетъ поспорить съ кѣмъ угодно. Главнымъ же образомъ здѣшніе кузнецы мастерятъ подковы, спросъ на которыя громаденъ. Дѣло въ томъ, что Чи-фу конечный пунктъ вьючнаго тракта, идущаго извнутри Шантунской области къ главному морскому порту ея, и сюда ежедневно приходятъ до 3.000 вьючныхъ муловъ, которыхъ, передъ тѣмъ, какъ имъ пуститься въ обратный путь, непремѣнно перековываютъ.

Торговля Чи-фу изъ года въ годъ растетъ. Съ именемъ этого города, благодаря его близости къ Печилійскому заливу, а слѣдо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вательно и къ Пекину, связаны всѣ крупныя событія новѣйшей исторіи Китая, и всѣ они влекли за собой болѣе или менѣе значительное усиленіе торговыхъ оборотовъ этого порта. На ростъ Чи-фу, въ свое время, оказало особенное вліяніе учрежденіе морскихъ станцій въ Вей-ха-веѣ и Портъ-Артурѣ, вызвавшее большой привозъ иностранныхъ машинъ и другихъ вещей, необходимыхъ для оборудованія этихъ портовъ, а также различныхъ орудій и военныхъ матеріаловъ для воздвигавшихся тамъ фортовъ. Все это ввозилось изъ-за границы черезъ Чи-фу и вызвало оживленную дѣятельность его. Какъ отразится на Чи-фу утвержденіе нѣмцевъ въ Кіао-чау, въ 150 миляхъ къ югу отсюда, сказать покамѣстъ трудно. Больше шансовъ за то, что неблагопріятно; но утвержденіе англичанъ въ Вей-ха-веѣ, а въ особенности наше въ Портъ-Артурѣ скажется на первое время значительнымъ увеличеніемъ торговыхъ оборотовъ Чи-фу. Помимо всѣхъ прочихъ обстоятельствъ, здѣсь сыграетъ свою роль и то, что Чи-фу все-таки пока единственный портъ въ области Печилійскаго залива, гдѣ есть извѣстныя европейскія удобства, сносныя гостиницы, порядочное общество и гдѣ возможно устроиться сравнительно недорого. Такъ какъ Таліенванъ представляетъ настоящую пустыню, а Портъ-Артуръ только жалкое китайское мѣстечко, то, вѣроятно, многимъ семьямъ нашихъ моряковъ и другихъ служащихъ, которыхъ судьба закинетъ на эти новыя наши окраины, придется жить въ Чи-фу, пока въ Портъ-Артурѣ устроится хоть что нибудь, похожее на русское жилье. Вообще устройство это, если только правительство не возьметъ въ свои руки дѣло возведенія квартиръ для своего служащаго персонала тамъ или не откроетъ ему какой либо долгосрочной кредитъ для этой цѣли, едва ли окажется подъ силу даже лицамъ, получающимъ исключительно хорошее содержаніе. Когда возникалъ и росъ Владивостокъ, подъ руками у насъ тамъ были превосходные дремучіе мѣса, и срубить себѣ домъ не представляло въ тѣ времена слишкомъ большого расхода. Въ Портъ-Артурѣ ни о какихъ лѣсахъ и помину нѣтъ: все голо. Строить придется каменныя зданія, а кирпичъ, строительные матеріалы, да и все вообще тамъ теперь, конечно, безумно дорого. Какъ бы тамъ ни было, но покамѣстъ жить въ Портъ-Артурѣ русскимъ служащимъ семейнымъ людямъ будетъ прямо-таки невозможно, и волей неволей ихъ семьямъ придется устроиваться въ Чи-фу.

Лѣтомъ Чи-фу—одинъ изъ самыхъ здоровыхъ пунктовъ Китая. Расположенный на берегу моря, обвѣваемый вѣтрами, умѣряющими жаръ лѣтняго солнца, имѣющій прекрасный песчаный берегъ, удобный для морскаго купанья, онъ славится, какъ отличное дачное мѣсто, куда на сезонъ пріѣзжаютъ многіе европейцы изъ Тянъ-цзина, Пекина, Шанхая. Но прелести Чи-фу все-таки очень и очень относительны: весною нерѣдки довольно злокачественныя перемежаю-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

щіяся лихорадки; лѣтомъ—тяжелыя желудочно-кишечныя разстройства; холера тоже иногда навѣщаетъ Чи-фу. Какъ бы тамъ ни было, однако, все же лѣтомъ онъ имѣетъ огромное преимущество передъ портами внутренняго Китая уже въ силу своего непосредственно-приморскаго положенія, дѣлающаго его непохожимъ на тѣ томительныя гигантскія паровыя бани, какія изображаютъ изъ себя въ лѣтніе мѣсяцы, напримѣръ, Тянь-цзинъ, Шанхай, Фу-Чжоу и въ особенности Ханькоу, гдѣ при обычномъ штилѣ и температурѣ, держащейся неизмѣнно (и днемъ, и ночью) около 28—30° R., масса водяныхъ паровъ переполняетъ воздухъ, давая около 100% влажности. Въ сравненіи съ такимъ адомъ, конечно, и Чи-фу рай; но ни онъ, да и никакой другой пунктъ Дальняго Востока не можетъ быть поставленъ въ гигіеническомъ отношеніи на одну доску ни съ однимъ изъ русскихъ тихоокеанскихъ портовъ, ибо какъ ни плохо вообще устроены наши тамошніе порты, но ихъ умѣренный климатъ, рѣдкость эпидемическихъ кишечныхъ заболѣваній, прекрасныя условія для морскихъ купаній, представляемыя многими изъ нихъ, — все это даетъ имъ, въ глазахъ европейца, неизмѣримое преимущество, въ извѣстную пору года, передъ любымъ портомъ Китая и Японіи, не говоря уже о тихо-океанскихъ островахъ субтропическаго и тропическаго поясовъ.

Всякій изъ нашихъ морскихъ врачей, походивши по всѣмъ этимъ южнымъ морямъ и океанамъ, съ приходомъ во Владивостокъ, напримѣръ, замѣчаетъ сейчасъ же уменьшеніе числа больничныхъ дней у себя на суднѣ и общее улучшеніе санитарнаго состоянія команды. А Владивостокъ далеко еще не блещетъ своимъ благоустройствомъ! То же самое наблюдается и на европейскихъ эскадрахъ, являющихся къ берегамъ нашего Уссурійскаго края или Приморской области. Нѣкоторые пункты этого побережья, напримѣръ, заливъ Посьета, бухты Славянка и Находка могли бы играть весьма важную роль въ качествѣ санитарныхъ станцій и мѣстъ морскихъ купаній для многочисленныхъ европейцевъ, попадающихъ волею судебъ на Крайній Востокъ, если бы нашлись средства и люди, которые и пожелали бы и смогли бы устроить это чрезвычайно важное дѣло.

Осень въ Чи-фу, какъ вездѣ на Дальнемъ Востокѣ, представляетъ лучшее время года, когда ясные, тихіе, солнечные дни, полные глубокаго мира, смѣняютъ лѣтніе туманы, ураганы и дожди. Фруктовъ здѣсь тогда много: яблоки, груши, виноградъ, дыни наполняютъ мѣстный рынокъ. Иностранцы, главнымъ образомъ американцы, пробовали разводить въ окрестностяхъ западныя разновидности этихъ плодовъ. Результаты получились блестящіе; но такъ какъ европейскія растенія требуютъ особеннаго ухода, а туземцы не умѣютъ или не хотятъ заботиться о нихъ, то дѣло не прививается, и нѣкоторые прекрасные фруктовые сады, говорятъ, теперь уже не приносятъ ничего.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Чи-фу лежитъ въ Шантунской провинціи; въ 40 миляхъ отъ него на востокъ, въ Вей-ха-вей, временно устроились англичане; въ 150 миляхъ къ югу, въ бухтѣ Кіао-чау, все въ той же Шантунской провинціи,—нѣмцы, надо полагать, тоже только временно; по другую сторону Желтаго моря, въ Портъ-Артурѣ, на южной оконечности Манчжуріи, основались мы, вѣроятно, прочно, разъ навсегда. Любопытно сравнить теперь эти обѣ провинціи: Манчжурію и Шантунгъ, какъ ихъ рисуютъ въ высшей степени добросовѣстные отчеты такъ называемыхъ комиссаровъ императорскаго морского таможеннаго вѣдомства въ Китаѣ, находящагося уже слишкомъ 30 лѣтъ подъ верховнымъ начальствомъ знаменитаго сэра Роберта Харта.

Шантунская область представляетъ 65.184 квадр. мили горъ, долинъ, рѣкъ и озеръ. Она считается самой здоровой частью Китая, благодаря тому, что болѣе половины ея окружности изрѣзано моремъ, умѣряющимъ крайности жара и холода. Дожди выпадаютъ главнымъ образомъ лѣтомъ въ іюнѣ и іюлѣ; зимою въ декабрѣ и январѣ бываетъ порядочно снѣга. Населеніе 29.000.000 душъ,—около 445 на кв. милю. Въ этой провинціи родились Конфуцій и Ментсе; но народъ здѣсь гораздо менѣе грамотенъ, чѣмъ въ другихъ частяхъ имперіи: только 30% изъ всего населенія умѣютъ читать и писать. Гоанго, или Желтая рѣка, держитъ въ вѣчномъ страхѣ значительную часть области. Почти ежегодно, лѣтомъ или ранней весной, разливы ея затопляютъ ту или другую часть провинціи, оставляя послѣ себя сухой песокъ, гальки и т. п. отложенія, совершенно уничтожающія поля. Тысячи разоренныхъ семействъ принуждены бываютъ тогда отправляться въ другія далекія и сравнительно мало населенныя провинціи, въ родѣ Шанзи и Шензи, чтобы начать тамъ наново устроивать свою жизнь. Масса крестьянъ и войскъ несутъ тяжелую повинность исправленія прорывовъ въ тѣхъ плотинахъ, что сдерживаютъ рѣку въ ея берегахъ. Бездна труда тратится на возведеніе новыхъ и укрѣпленіе старыхъ плотинъ. Засухи и наводненія, во время которыхъ люди гибнутъ десятками и сотнями тысячъ, частыя голодовки и выселенія сдѣлали то, что населеніе Шантунской провинціи уже лѣтъ 20 остается какъ бы безъ всякаго прироста: все тѣ же 29.000.000.

Особенно тяжелъ былъ для края 1888 годъ. Масса народа погибла отъ внезапнаго прорыва гигантской рѣкою ея плотинъ; солдаты, посланные поправлять ихъ, возмутились, считая этотъ трудъ совершенно безсмысленнымъ, тѣмъ болѣе, что заработія деньги, имъ отпускавшіяся, попадали въ карманы мандариновъ; они разсѣялись по всему несчастному краю, наводя своими грабежами ужасъ на мирныхъ обывателей. Крестьяне бросились въ города искать спасенія, оставивъ на произволъ судьбы поля съ неубраннымъ хлѣбомъ. Три мѣсяца продолжались страшные безпорядки. Въ то же время на сѣверѣ и западѣ провинціи появилась холера, быстро унесшая до милліона человѣческихъ жизней.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Но всѣ эти ужасы не мѣшаютъ, однако, Шантунской провинціи быть одною изъ богатѣйшихъ областей Китая. Почва ея чрезвычайно плодородна. Нѣдра ея содержатъ въ себѣ золото, серебро, ртуть, желѣзо, мѣдь, свинецъ. Мощныя залежи угольныхъ пластовъ открыты не менѣе, чѣмъ въ 17 мѣстахъ. Въ настоящее время уголь добывается туземцами преимущественно въ Вей-хсіенѣ, По-шан-хсіенѣ и Тсючуанѣ. Въ первомъ ежегодная добыча достигаетъ 300.000 пудовъ. Особенно хорошъ, говорятъ, уголь въ По-шан-хсіенѣ. Только на Тсючуанскихъ угольныхъ копяхъ работаютъ съ помощью европейскихъ машинъ; въ остальныхъ мѣстахъ идетъ самое безобразное, первобытное ковырянье въ родѣ того, какъ у насъ въ Приморской области.

Главныя культурныя растенія провинціи: макъ, бобы, пшеница, просо, маисъ, земляные орѣхи, кунжутъ, финики, хлопокъ, грецкіе орѣхи.

Бобы прессуются здѣсь въ особые круги, которые идутъ частью на кормъ скоту, частью для удобренія полей, при чемъ во время процесса прессовки изъ нихъ извлекается масло, поступающее также въ продажу. Ежегодно черезъ Чи-фу въ другія мѣстности Китая проходитъ нѣсколько милліоновъ пудовъ прессованныхъ бобовъ.

Пшеница и лучшіе сорта тамошняго пшена составляютъ главную пищу зажиточныхъ семей; маисъ и болѣе грубое пшено — рабочихъ классовъ; рисъ не пользуется особой популярностью въ Шантунгѣ: даже тѣ, кто въ состояніи покупать его, предпочитаютъ пшеницу и просо.

Соломенныя издѣлія составляютъ главную промышленность во многихъ частяхъ провинціи. Несомнѣнно, что мѣстные кустари по этой части могутъ соперничать съ европейскими; но въ Италіи, напримѣръ, воздѣлываютъ пшеницу спеціально для соломы, идущей на плетеніе; тогда какъ въ Китаѣ её сѣятъ преимущественно для зерна, утилизируя потомъ солому, причемъ различныя плетенья дѣлаются изъ одной разновидности соломы, цвѣтъ которой разнится, смотря по почвѣ.

Шелкъ представляетъ чрезвычайно важную отрасль мѣстной промышленности. Онъ дѣлится на два сорта: одинъ получается отъ червей, кормимыхъ дубовыми листьями, другой — отъ червей, вскормленныхъ листьями шелковицы. Первый имѣетъ гораздо болѣе важное значеніе для области, хотя онъ и низшаго качества, такъ какъ, благодаря бо̀льшей легкости ухода за червемъ, шелкъ этого сорта производится въ громадныхъ количествахъ. Чтобы черви могли давать хорошій шелкъ, дубовыя деревья, листьями которыхъ они кормятся, должны имѣть не меньше 8-ми лѣтъ. Коконы, собранные съ одного акра такихъ деревьевъ, даютъ отъ 8 до 11 фунтовъ шелка. Шелковичныя деревья иногда разсаживаются маленькими плантаціями, при чемъ на 1 акръ приходится ихъ отъ 10 до 20, смотря по

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

почвѣ; но большею частью ихъ сажаютъ по окраинамъ полей и въ другихъ уголкахъ, которые не могутъ быть употреблены на что либо другое. Шелковица должна имѣть 10 лѣтъ отъ роду, чтобы годиться для червей, дающихъ хорошій шелкъ; такое дерево производитъ до 2-хъ пудовъ листьевъ ежегодно; 2 пуда листьевъ даютъ 5 фунтовъ коконовъ, изъ которыхъ получается около $^1/_3$ фунта шелку. Шелковичныя деревья повторно обрѣзаютъ; такимъ путемъ получается масса молодыхъ побѣговъ, распускающихся ранней весной, и эти нѣжные листья употребляются для кормленія молодыхъ червей, какъ только они вылупятся. Заведеній для производства шелковыхъ тканей здѣсь немного: 10 сосредоточены въ городѣ Чинч-ау-фу, въ 350 верстахъ отъ Чи-фу, и одно въ самомъ Чи-фу. Туземные шелка плохо окрашиваются, что объясняется избыткомъ соды, употребляемой во время разматыванія, для того, чтобы растворить клей коконовъ; и такъ какъ здѣшніе китайцы не знаютъ способа извлекать щелочь химическимъ путемъ, то матеріи не принимаютъ иныхъ цвѣтовъ, кромѣ темно-краснаго, чернаго или сѣраго, и всѣ краски смотрятъ блеклыми. Это относится къ шелку отъ червей, вскормленныхъ дубовыми листьями. Шелкъ отъ червей, воспитанныхъ на листьяхъ шелковицы, окрашивается гораздо лучше.

Теперь Шантунская область не производитъ больше шелковъ для императорскаго двора и знатныхъ фамилій. Ханчеу, Суччоу и Нанкинъ—главныя мѣста такого производства.

Лучшіе шелка, вообще, идутъ изъ провинцій: Ссечуанъ, Хупе, Чекіанъ и Кіаннанъ. Въ Чекіанской провинціи до 600 станковъ дѣлаютъ шелковыя ткани исключительно для двора и высшихъ сановниковъ. Для императора, согласно образцамъ, посылаемымъ изъ Пекина, производится особенный сортъ парчи, которую прочіе смертные носить не могутъ. Здѣсь же, въ этой провинціи, выдѣлывается золотой, тисненый сатинъ исключительно для знаменныхъ войскъ въ Пекинѣ и къ сѣверу отъ него. Такого сорта матеріи стоитъ и здѣсь громадныхъ денегъ.

Шантунская область производитъ, главнымъ образомъ, шелкъ-сырецъ, шелковыя нитки и простыя шелковыя ткани, извѣстныя у насъ подъ именемъ че-чун-чи и фанзы. Здѣшній шелкъ, даже отъ червей, вскормленныхъ листьями шелковичнаго дерева, значительно ниже шелка Кіансу и Чекіана, потому что въ Шантунгѣ шелковица разводится черенками, а тамъ прививками; при прививкахъ же получается листъ болѣе толстый и сочный.

Производство вермишели является тоже оченъ важною отраслью Шантунской промышленности: ея выдѣлывается ежегодно на 5 милліоновъ рублей. Лучшая вермишель приготовляется изъ зеленыхъ бобовъ; низшій сортъ изъ желтыхъ бобовъ или проса, смѣшаннаго съ зелеными бобами: бобы обращаются въ муку и затѣмъ въ тѣсто, которое пропускается черезъ сито съ дырами одинаковой величины;

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сито виситъ надъ котломъ съ кипящей водой, куда и падаютъ нити пропускаемаго тѣста. Спустя немного времени, ихъ вынимаютъ, всполаскиваютъ въ холодной водѣ и затѣмъ сушатъ на солнцѣ.

Соль, добываемая въ Шантунской провинціи выпариваніемъ въ громадныхъ количествахъ, посылается главнымъ образомъ въ Хонанъ. 8.000.000 рублей представляютъ ежегодную стоимость этой промышленности. Такъ какъ въ Китаѣ существуетъ налогъ на соль, то Шантунгъ даетъ казнѣ до $1^1/_2$ милліоновъ рублей одной казенной пошлины.

Но, несмотря на всѣ природныя богатства области, несмотря на крайнее трудолюбіе и умѣренность ея населенія,—народъ здѣсь очень бѣденъ, благодаря постоянной смѣнѣ одного стихійнаго несчастья другимъ: то засуха, то дожди не во время, то Гоанго прорветъ плотины и пуститъ по міру, а то и совсѣмъ на тотъ свѣтъ отправитъ тысячи семей; трудно богатѣть при такихъ условіяхъ.

Манчжурія во многихъ отношеніяхъ представляетъ несравненно бо̀льшія естественныя преимущества, чѣмъ Шантунгъ. Подъ общимъ собирательнымъ именемъ Манчжуріи извѣстны три сѣверо-восточныя провинціи Китая: Фентіенъ, Гиринъ и Хейлюнчіанъ.

Манчжурія граничитъ: на сѣверѣ Амуромъ; на востокѣ—рѣкою Уссури, нашей Приморской областью и Кореей; на югѣ—Желтымъ моремъ и Ліаотунскимъ заливомъ; на западѣ — Монголіей. Эта обширная страна, занимающая пространство въ 280.000 кв. миль, чрезвычайно гориста. Въ сѣверной провинціи — Хейлюнчіанской, горы представляютъ развѣтвленія Хинганскаго хребта; въ средней—Гиринской, — величественный Чан-бо-шанъ является центральнымъ узломъ, отъ котораго отходятъ гряды горныхъ группъ, покрывающихъ значительную часть области и простирающихся отсюда въ южную — Фентіенскую провинцію и Корею. Климатъ Манчжуріи—здоровый, чуждый крайностей томительнаго зноя южно-азіатскихъ странъ и свирѣпой продолжительности зимней стужи нашей даже южной Сибири.

Горы Манчжуріи изобилуютъ драгоцѣнными минералами. Въ обѣихъ сѣверныхъ провинціяхъ найдены мѣдь и свинецъ, но они не разработываются; желѣзо добывается туземцами близъ Ліао-янга; угольныя залежи занимаютъ обширныя пространства земли въ провинціи Фентіенъ, и нѣсколько угольныхъ копей работаютъ въ окрестностяхъ Ліао-янга, у западнаго Кин-чау, Фучау и въ долинѣ рѣки Ялу. Близъ Гирина находятся также обширныя угольныя залежи; тамъ даже добывается довольно значительное количество угля для снабженія мѣстнаго арсенала и пороховыхъ заводовъ необходимымъ топливомъ.

Долины центральной и сѣверной Манчжуріи болѣе или менѣе

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

богаты отложеніями аллювіальнаго золота. До 1888 года добыча золота была здѣсь запрещеннымъ промысломъ; въ этомъ же году разработка нѣкоторыхъ залежей была сдана въ аренду одной туземной компаніи, во главѣ которой, хотя и негласно, стоитъ самъ Лихун-чанъ. Неподалеку отъ нашей крайней южной границы съ Китаемъ, близъ города Хунчуна, открыто, говорятъ, очень богатое золото. Тамъ же, по слухамъ, найдена мощная серебряная жила, гдѣ китайцы будто бы примѣнили даже иностранныя машины.

Населеніе Манчжуріи простирается до 10.000.000 душъ.

Въ 1881 году, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Шантунскаго полуострова, были вывѣшены правительственныя объявленія, въ которыхъ населеніе области, сильно пострадавшее тогда отъ наводненія, приглашалось эмигрировать въ Манчжурію, и селиться въ такихъ мѣстахъ, какъ Хунчунъ, Сан-синъ и Нингута. Китайское правительство преслѣдовало, при этомъ, несомнѣнно и политическія цѣли, стараясь заселить погуще именно тѣ части Манчжуріи, которыя находятся по сосѣдству съ нашимъ южно-уссурійскимъ краемъ. Многіе бѣдняки изъ Шантунской и Чжилійской провинцій бросились на новыя мѣста, и 10 лѣтъ этотъ потокъ эмигрантовъ не прекращался. Правительство сдѣлало съ своей стороны всё, чтобы облегчить переселенцамъ первое время пребыванія въ новой обстановкѣ, и, между прочимъ, освободило ихъ отъ поземельныхъ платежей втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Впрочемъ, лишь немногіе пришли сюда съ семьями; масса явилась безъ женъ. Въ настоящее время большинство переселенцевъ работаютъ, какъ батраки, у другихъ, болѣе зажиточныхъ мѣстныхъ обывателей; многіе занялись исканіемъ золота, собираніемъ дикаго женьшеня, охотой, наконецъ, просто разбоемъ.

Тогда какъ переселеніе въ области, сосѣднія съ южно-уссурійскимъ краемъ, всячески поощрялось,—китайское правительство совершенно иначе отнеслось къ вопросу о заселеніи сѣверной, Хейлюнчіанской провинціи Манчжуріи.

Въ 1889 году, генералъ-губернаторъ этой провинціи предположилъ открыть обширныя, пустыя земли ея для эмигрантовъ изъ внутренняго Китая. Но изъ Пекина отвѣтили, что горы и долины Хейлюн-чіана должны храниться для знаменныхъ войскъ, какъ пастбища для ихъ лошадей и мѣста, гдѣ сами они могутъ заниматься охотой.

Мы сказали, что многіе изъ Шантунскихъ переселенцевъ въ Манчжуріи обратились въ простыхъ придорожныхъ разбойниковъ. Надобно замѣтить, что гористая страна между Гириномъ, Лалиномъ, Ашико, рѣкой Сунгари, Сансиномъ и Нингутой кишмя-кишитъ разбойниками. Говорятъ, что въ Гиринѣ мѣстныя власти ежегодно обезглавливаютъ 400 разбойниковъ, 80% которыхъ—уроженцы Шантунской провинціи.—Чтобы обезпечить свои караваны отъ дерзкихъ нападеній, тамошніе китайскіе купцы прибѣгаютъ къ своеобразной

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

страховкѣ противъ разбойниковъ; страховыя учрежденія этого рода существуютъ во всѣхъ городахъ Манчжуріи и имѣютъ въ своемъ распоряженіи большое число вольнонаемной вооруженной стражи. Купецъ заключаетъ контрактъ съ такимъ обществомъ, уплачивая ему извѣстную сумму, смотря по товару и по количеству провожатыхъ, на каждую повозку его водружается маленькій флагъ того учрежденія, гдѣ она застрахована, и только тогда караванъ можетъ тронуться въ путь. Несомнѣнно, что эти учрежденія имѣютъ тайное соглашеніе съ бандитами.

Важнѣйшими продуктами Манчжуріи являются: шелкъ, который производится главнымъ образомъ въ провинціи Фентіенъ, къ востоку отъ Ліао, въ области, занимающей 100 верстъ съ востока на западъ и 200 верстъ съ сѣвера на югъ. Здѣсь существуютъ два сбора шелковыхъ коконовъ въ годъ: первый,—весенній, такъ называемый малый сборъ; получаемый тогда шелкъ очень тонокъ и нѣженъ; второй, осенній, большой сборъ, результатомъ котораго является продуктъ, гораздо болѣе грубый. Этотъ послѣдній главнымъ образомъ и вывозится. Шелкъ-сырецъ получается въ Манчжуріи преимущественно отъ коконовъ червей, вскормленныхъ листьями дуба, именно той разновидности его, которая зовется Quercus Mongolica. Небольшія количества шелка получаются отъ червей, воспитанныхъ на шелковицѣ и на Ailanthus grandulosa. Въ окрестностяхъ Каучау производится одинъ сортъ природнаго чернаго шелка. Онъ получается отъ червя—Bombix Pernyi, который поѣдаетъ не только мякоть дубоваго листа, но также его черешки, жилки и ребра, отчего тѣло червя и шелкъ, производимый имъ, дѣлаются черными.

Здѣсь коконы продаются не по вѣсу, а по числу: 1000 штукъ стоятъ отъ 1 р. 20 к. до 2 р., смотря по урожаю.—Цѣна дубоваго шелка-сырца около 70 р. за пудъ.

Требуется отъ $4^1/_2$ до 5 тысячъ весенняго, или 4.200 осенняго сбора коконовъ, чтобы выткать на туземномъ станкѣ кусокъ шелка въ $20^1/_2$ арш. длины и $^1/_2$ аршина ширины, и 4.100 весеннихъ или 3.500 осеннихъ коконовъ для куска въ 20 арш. дл. и $^1/_2$ аршина ширины.

Для производства одного куска шелку одинъ ткачъ работаетъ 2 дня и получаетъ отъ 50 коп. до 1 р. за кусокъ, смотря по работѣ; каждый кусокъ продается на вѣсъ; вѣсъ же варьируетъ отъ $2^1/_4$ до 3 фунтовъ, и цѣна соотвѣтственно этому измѣняется отъ $2^1/_2$ до 7 р. за обыкновенный кусокъ и до 10 р. за кусокъ лучшаго сорта.

Одного шелка-сырца вывозится отсюда на $2^1/_2$ милліона рублей въ годъ.

Табакъ является тоже важной отрослью туземной промышленности. Больше всего воздѣлывается его въ провинціи Фентіенъ. Тотъ сортъ, который ростетъ на сѣверѣ ея, больше цѣнится, какъ въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Манчжуріи, такъ въ Чжили и Шантунгѣ. Ежегодная добыча его простирается до 400.000 пудовъ. Въ Манчжуріи сильно развита фабрикація одного опьяняющаго напитка, такъ называемаго самшу, который гонится изъ пшена: въ качествѣ бродильнаго фермента употребляютъ ячмень и маленькіе бобы, вмѣстѣ истолченные, спрессованные въ кирпичики и высушенные на солнцѣ. Около 100 кирпичиковъ такого фермента идетъ на 40 приблизительно пудовъ пшена, при чемъ получается отъ 17 до 20 пудовъ спирта. Цѣна одной бутыли въ $1^1/_2$ пуда вѣсомъ — около $2^1/_2$ рублей.

Масло изъ бобовъ добывается здѣсь въ громадныхъ количествахъ. Въ послѣднее время, черезъ одну Ньючуанскую таможню, проходитъ его до 350.000 пудовъ; но это лишь часть того, что въ дѣйствительности вывозится изъ страны, такъ какъ китайцы, вслѣдствіе хрупкости посудинъ, въ которыхъ перевозится масло, предпочитаютъ грузить его на джонки, а не на пароходы. Бобовъ и бобовыхъ выжимокъ вывозится отсюда болѣе 10 милліоновъ пудовъ.

Знаменитый женьшень занимаетъ тоже видное мѣсто въ вывозѣ. Его три сорта: корейскій, искусственно разводимый; такой же туземный и дико-растущій корень. Изъ нихъ первое мѣсто занимаетъ корейскій, не только потому, что онъ идетъ въ значительно большемъ количествѣ, но и потому, что онъ превосходитъ остальные сорта своей стоимостью. Ежегодно изъ Манчжуріи вывозится около семисотъ пудовъ этого женьшеня, тщательно отсортированнаго, такъ какъ цѣна продукта зависитъ главнымъ образомъ отъ величины (большіе и старые корни цѣнятся дороже); 1 фунтъ такого женьшеня стоитъ отъ 7 до 10 р.; корни упаковываются въ деревянные ящики, содержащіе около 18 ф. каждый. Что касается туземнаго манчжурскаго корня, культивируемаго искусственно, то количество его постоянно падаетъ, а стоимость ростетъ. Такъ, напр., въ 1882 году вывезено было 7.000 пудовъ на сумму около 200.000 р.; въ 1891 году всего 2.500 пудовъ, но уже на сумму 340.000 р. Такъ много было писано о громадныхъ деньгахъ, платимыхъ даже за одинъ корень дикаго женьшеня, что многіе считаютъ этотъ сортъ гораздо цѣннѣе, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Въ 1891 году черезъ таможню Ньючуана его прошло около 7 пудовъ по 50 р. за фунтъ; нерѣдко однако, цѣна доходитъ и до 75 р. фунтъ; въ таможнѣ былъ разъ случай, что нѣсколько корней дикаго манчжурскаго женьшеня были оцѣнены по 150 р. за фунтъ.

Роговъ молодыхъ оленей вывозится около 1.500 паръ на 125.000 р. Шкуръ—на $^1/_2$ милліона рублей. Это—главнымъ образомъ коврики изъ собачьихъ и козлиныхъ шкуръ, которые идутъ въ большомъ количествѣ въ сѣверную Америку. Главнымъ центромъ торговли болѣе дорогой пушниной является городъ Мукденъ. Здѣсь существуетъ нѣсколько большихъ учрежденій, гдѣ шкуры, скупаемыя отъ охотниковъ, выдѣлываются въ мѣха, мѣховыя опушки, отдѣлки для платьевъ, шапки и проч.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Въ 1891 г. весь вывозъ изъ Манчжуріи равнялся 24.000.000 рублей. Ввозъ въ то же время былъ 16.000.000 рублей.

Главные предметы ввоза: хлопокъ и хлопчато-бумажные товары, дрель, холстъ, сахаръ, керосинъ и шелковые товары.

Ввозъ индійскаго опіума и здѣсь поразительно падаетъ, благодаря тому, что въ Манчжуріи начинаетъ широко культивироваться собственный макъ. — Относительно дрели и холста идетъ упорная борьба между англійскими и американскими фабрикантами. По части же хлопка и хлопчато-бумажныхъ издѣлій, помимо Англіи и Америки, выступили на рынки Манчжуріи въ послѣднее время фабрики Шангая и Японіи.

Съ 1848 г. въ Манчжуріи основалась католическая миссія: «La société des missions etrangères de Paris». Личный ея составъ теперь: одинъ епископъ, 23 католическихъ священника, 12 сестеръ францисканскаго ордена, завѣдующихъ двумя благотворительными учрежденіями для туземцевъ; число китайцевъ католиковъ доходитъ до 30.000 душъ.

Протестантскія миссіонерскія общества учредились здѣсь въ 1862 году; въ настоящее время ихъ два съ 17-го миссіонерами. Протестантовъ-туземцевъ—4.000 душъ.

IV.

Городъ Нин-по-фу.

Въ числѣ первыхъ пяти портовъ, открытыхъ Китаемъ для иностранной торговли въ 1842 году, былъ и городъ Нин-по-фу. Онъ лежитъ на рѣкѣ Юнгъ, въ провинціи Чекіангъ, подъ 29°55′ 12″ сѣверн. шир. и 121°22′ вост. долготы.

Мнѣ пришлось побывать въ немъ въ первый разъ въ 1885 году, вскорѣ послѣ того, какъ кончились тогдашнія крупныя недоразумѣнія Китая съ Франціей. Юнгъ недоступенъ для большихъ судовъ: на барѣ самая большая глубина — 20 футъ; отсюда, на разстояніи 18—20 верстъ до города, плаваніе возможно во всякое время лишь для судовъ съ осадкой до 12 футовъ; при приливѣ же для тѣхъ изъ нихъ, которые сидятъ не больше 16-ти. При входѣ въ устье рѣки, на лѣвомъ берегу, на выдавшемся въ море мысѣ, высокомъ и скалистомъ, виднѣется красивая крѣпость, окруженная зубчатыми стѣнами съ башенками въ классическомъ китайскомъ стилѣ, съ загнутыми углами и ребрами, состоящая какъ бы изъ трехъ этажей: нижній этажъ, въ формѣ полукруглой башни, вооруженъ однимъ 24-хъ сантиметровымъ орудіемъ; изъ трехъ амбразуръ второго этажа глядятъ жерла трехъ тоже крупныхъ орудій; въ третьемъ—еще четыре пушки,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

одна изъ нихъ въ 24 сант. У этой крѣпости оканчивается знаменитый Шаогинскій мостъ, идущій отъ города Шаогина (на южномъ берегу Ханчжеуской бухты) къ морю. «Мостъ этотъ имѣетъ около 130 верстъ въ длину и состоитъ почти изъ 40.000 прямоугольныхъ каменныхъ пролетовъ, по которымъ настланъ путь, защищенный каменнымъ же парапетомъ, и относится къ той эпохѣ, когда весь югъ Ханчжеуской бухты представлялъ одно обширное соляное болото. Теперь, когда эта мѣстность уже достаточно осушена, древняя дорога является безполезной; но она была такъ прочно построена, что ею всегда пользовались и пользуются, какъ бичевникомъ для сосѣдняго канала. Здѣсь люди построили самый длинный путеводъ, или мостъ на аркахъ, какой существуетъ на земномъ шарѣ; можно сказать даже, что со времени развитія новѣйшей индустріи западные народы не соорудили ни одного шоссе, которое могло бы сравниться по прочности съ этой насыпной дорогой, построенной китайцами слишкомъ тысячу лѣтъ тому назадъ». За крѣпостью, немного дальше вверхъ по рѣкѣ—фортъ, вооруженный 5 или 6 орудіями средняго калибра. Рѣка затѣмъ образуетъ небольшой заливъ, на оконечности котораго стоятъ рядомъ два форта: одинъ изъ нихъ, имѣющій форму круглой башни, вооруженъ 24 сантм. орудіемъ; другой—тремя орудіями средняго калибра. За этимъ заливомъ, все по тому же лѣвому берегу, верстахъ въ двухъ отъ устья, расположился маленькій городокъ, Цзинхай, или Чинхай, обнесенный каменной стѣной съ цѣлымъ лѣсомъ мачтъ передъ нею: здѣсь постоянно толкутся сотни джонокъ, образуя собою волнующееся продолженіе города. Лѣтомъ 1884 года, ожидая нападенія на городъ французовъ, воевавшихъ тогда съ Китаемъ, мѣстныя туземныя власти распорядились забаррикадировать рѣку у Цзинхая кольями, причемъ былъ оставленъ только очень узкій проходъ, который, въ случаѣ дѣйствителной опасности подобнаго нападенія, долженъ былъ быть закрытъ совсѣмъ путемъ потопленія здѣсь одного судна, нагруженнаго камнями и поставленнаго вплотную къ баррикадѣ. Въ февралѣ 1885 года три китайскихъ военныхъ корабля явились въ Цзинхай, ища здѣсь спасенія отъ преслѣдовавшей ихъ французской эскадры. Туземныя власти, въ избѣжаніе столкновенія съ французами, приказали командирамъ китайскихъ военныхъ судовъ немедленно удалиться отсюда въ Шангай; но командиры,—по пословицѣ: отъ добра добра не ищутъ,—рѣшили, что остаться на якорѣ, подъ защитой собственныхъ береговыхъ фортовъ, будетъ не въ примѣръ благоразумнѣе, чѣмъ идти въ Шангай, рискуя каждую минуту нарваться на французовъ. Такъ и не вышли, пока недоразумѣнія Китая съ Франціей не кончились къ общему благополучію. Если бы французы вздумали тогда форсировать входъ въ рѣку, китайцы дѣйствительно закрыли бы ворота своей баррикады, что̀, конечно, повело бы къ неисчислимымъ потерямъ для города и страны. Въ ноябрѣ 1885 года мы

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

еще видѣли эту баррикаду изъ кольевъ близъ входа въ рѣку. Окончательно она была удалена лишь годъ спустя. Съ правой стороны устье рѣки защищаютъ семь фортовъ: у самаго берега моря — одинъ, съ 5 орудіями средняго калибра; далѣе, на высокомъ мысѣ другой, съ четырьмя 24 сантм. орудіями; неподалеку—третій, у подножія высокаго холма,—съ 5 орудіями небольшаго калибра; на самомъ этомъ холмѣ—грозный фортъ, съ однимъ 24 сантм. орудіемъ; неподалеку отсюда еще фортъ съ 15 или 16 мелкими пушками; далѣе на небольшой скалѣ, повидимому, островѣ—опять фортъ, съ двумя 24 сантм. орудіями; седьмой и послѣдній фортъ лежитъ уже на равнинѣ; вооруженіе его составляютъ съ полдюжины старыхъ пушекъ.

Юнгъ протекаетъ по обширной долинѣ, окаймленной синѣющими на горизонтѣ хребтами горъ. Рѣка то расширяется на сотню — другую сажень, то суживается на десятки ихъ. Берега ровны, низменны. Деревьевъ мало; дерево вообще здѣсь рѣдко и очень дорого цѣнится.

Близъ города Нин-по, въ Юнгъ впадаетъ другая рѣка, такая же судоходная. «Это положеніе при сліяніи двухъ судоходныхъ рѣкъ и въ точкѣ встрѣчи каналовъ, соединяющихся со всѣми городами провинціи Чекіангъ и Кіанси, сдѣлали Нин-по стражемъ богатыхъ равнинъ, которыя простираются на западъ до Великой Рѣки. Всѣ выгоды мѣстоположенія соединились здѣсь: хорошая якорная стоянка, обиліе продовольствія, удобства защиты». И Нин-по издавна служилъ приманкой для различныхъ завоевателей. Въ 1130 г. его безуспѣшно пытались взять татары. Въ 1554 г. не надолго утвердились здѣсь японскіе пираты. Въ 1523 году въ Нин-по явились португальцы, чтобы завязать торговыя сношенія съ Китаемъ. Ихъ приняли хорошо и отвели имъ зданія близъ главныхъ городскихъ воротъ. Ободренные первыми успѣхами, португальцы выхлопотали себѣ право построить свои собственныя зданія для жилья и товарныхъ складовъ. Имъ разрѣшили строиться, но ниже Нин-по, близъ Цзинхая. Мало-по-малу европейская колонія стала разростаться, и можно было надѣяться на ея полное процвѣтаніе въ будущемъ. Однако же ожиданія эти не оправдались. Мошенничества, насилія всякаго рода и другія грязныя дѣянія колонистовъ заставили правительство рѣзко измѣнить свои взгляды по отношенію къ нимъ, и въ 1542 г. губернаторъ Чекіанга приказалъ истребить европейское поселеніе у Цзинхая. Изъ 1200 португальцевъ были убиты при этомъ больше 800 человѣкъ, остальнымъ удалось бѣжать. Втеченіе почти полутораста лѣтъ потомъ, со стороны европейцевъ не было даже и попытокъ завести торговлю съ этимъ городомъ. Въ концѣ 17-го столѣтія Остъ-Индская компанія рѣшила учредить факторію на островѣ Чусанѣ, въ 40 миляхъ отъ Нин-по. Опытъ оказался, однако, неудачнымъ, и факторія вскорѣ была оставлена, послѣ чего портъ Нин-по снова надолго былъ забытъ европейцами. Во время знаме-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нитой войны изъ-за опіума англичане заняли между прочимъ и Нин-по. Взятый въ октябрѣ 1841 года, онъ, вмѣстѣ съ рейдомъ своего передового порта Цзинхая и островами Чусанскаго архипелага, сдѣлался главной опорной базой англичанъ для дѣйствій противъ Нанкина. По мирному договору, въ августѣ 1842-го года, Нин-по, въ числѣ первыхъ пяти портовъ, былъ открытъ для иностранной торговли.

Населеніе Нин-по считается въ 300.000 душъ. Внѣшняя торговля его не особенно велика, что слѣдуетъ приписать близкому сосѣдству Шангая. Общая сумма оборотовъ порта равнялась, однако, въ 1891 году, 13 милліонамъ тэль (около 34 милліон. кред. руб.), которые распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: ввозъ иностранныхъ товаровъ 6 милл. тэль, ввозъ туземныхъ товаровъ 2 милл., общая сумма вывоза—5 милл. тэль. Главными предметами иностраннаго ввоза являются: хлопокъ, хлопчато-бумажные товары, металлы, сахаръ и керосинъ. Русскій керосинъ въ послѣднее время начинаетъ и здѣсь серьезно конкуррировать съ американскимъ, благодаря своей сравнительной дешевизнѣ. Ввозъ индійскаго опіума рѣзко падаетъ изъ года въ годъ.

Главные предметы туземнаго ввоза: лѣкарственныя вещества, табакъ, индиго, деревянное масло, краски, пенька и олово изъ Юннана. Вывозятся же отсюда: зеленый чай, хлопокъ-сырецъ, шелкъ, лѣкарственныя вещества, тростниковыя шляпы, бумажные вѣера, деревянныя рѣзныя издѣлія, масло земляного орѣха и одинъ видъ морскихъ животныхъ изъ породы, повидимому, каракатицъ, которыя во множествѣ появляются близъ устья рѣки Юнгъ ежегодно въ маѣ, доставляя порядочный заработокъ тысячамъ жителей прибрежныхъ селеній.

Нин-по лежитъ на лѣвомъ берегу Юнга, причемъ другая рѣка, впадающая здѣсь въ Юнгъ, тоже слѣва, дѣлитъ городъ на двѣ части: на правомъ берегу ея помѣщается центръ, самая большая и самая главная часть Нин-по, на лѣвой—городское предмѣстье. Европейцы живутъ въ предмѣстьѣ; ихъ немного: человѣкъ 70. Европейскія зданія вытянулись въ одну линію вдоль рѣки, на протяженіи какой нибудь версты, и отъ каждаго дома идетъ каменная лѣстница, спускающаяся прямо въ воду. Позади всѣхъ европейскихъ жилищъ идетъ параллельная рѣкѣ улица. Отсюда начинается уже китайская часть предмѣстья, съ ея магазинами, мастерскими, съѣстными лавками, толкотней, шумомъ, грязью и вонью. Особенно донимаетъ чадъ кунжутнаго масла, который густыми клубами носится по улицѣ отъ походныхъ кухонь, гдѣ готовится пища для разной уличной голи и рабочихъ, которые тутъ же и истребляютъ эту стряпню. Въ Европѣ славятся своею грязью и вонью Константинополь и Москва; но византійско-московская грязь ничто въ сравненіи съ мерзостью большого и богатаго Нинъ-по. Движеніе громадное; но ни

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лошадей, ни быковъ здѣсь на улицахъ нѣтъ: все переносится и перевозится людьми, — гораздо больше переносится: носильщики, съ огромными тяжестями на плечахъ, бѣгущіе какой-то особенной, быстрой походкой: на первый взглядъ кажется, что люди идутъ обыкновеннымъ шагомъ; но попробуйте пойти съ ними врядъ, и вамъ нельзя будетъ угоняться; да впрочемъ, въ европейской обуви и опасно идти скоро по этой скользкой, слизистой грязи, покрывающей широкія плиты мостовой: всѣ отбросы валятся здѣсь прямо на улицу, гдѣ они частью сгниваютъ, частью пожираются худыми, облѣзлыми собаками и жирными, безобразными, свиньями. Интересный фактъ, между прочимъ: несмотря на обиліе собакъ на Дальнемъ Востокѣ, пользующихся тамъ полной свободой, — о случаяхъ бѣшенства между ними вовсе не слышно. Многочисленныя группы острововъ, разсѣянныхъ по Тихому океану, и всё побережье Восточной Азіи, омываемое его водами, повидимому, совершенно незнакомы съ этой страшной болѣзнью. Вернемся, однако, къ европейской части Нин-по. Изъ домовъ здѣсь болѣе всего бросаются въ глаза: таможня, англійское консульство, почтовое бюро и зданія католическаго миссіонерскаго ордена St. Vincent de Paul. Послѣднія расположены близъ моста, соединяющаго городъ съ предмѣстьемъ. Мостъ деревянный, плашкоутный, длиною саженъ триста. На немъ всегда толкотня и давка. По рѣкѣ снуютъ сотни шлюпокъ, на видъ страшно неуклюжихъ, но удивительно поворотливыхъ, плывутъ огромныя джонки, полныя людскаго шума, гама, такихъ неистовыхъ воплей, какъ будто на нихъ идетъ не обычный разговоръ, а отчаянная ругань, которая вотъ-вотъ перейдетъ въ драку; вездѣ ключемъ бьетъ странная жизнь, шумная, крикливая, оставляющая въ душѣ смутно-тяжелое чувство чего-то подавляющеогромнаго. Съ моста мы попадаемъ черезъ ворота и нѣсколько кривыхъ закоулковъ въ одну изъ главныхъ улицъ: начинается какая-то сплошная толчея... Глядя на эти волны народа, шумно текущаго по улицамъ, начинаешь сильно заподозрѣвать вѣрность офиціальной цифры населенія Нин-по: 300 тысячъ. Кто считалъ ихъ? А эти тысячи люда, ежедневно прибывающаго изъ окрестностей Нин-по пѣшкомъ, по рѣкамъ и многочисленнымъ каналамъ? А подвижное рѣчное населеніе, образующее цѣлые водяные пригороды? Это — тотъ человѣческій муравейникъ, тотъ сказочный Китай, о которомъ нѣкогда на улицахъ Венеціи повѣствовалъ Марко-Поло, сыпля милліонами, какъ единственной подходящей мѣрой громадности впечатлѣній... Волны народа катятся взадъ и впередъ во всю ширину длинной улицы. Повсюду пестрѣютъ тысячи вывѣсокъ: узкія деревянныя доски, бѣлыя и черныя, лакированныя, съ красными и золотыми китайскими письменами. Онѣ или висятъ перпендикулярно къ землѣ, и вы идете тогда точно между высячими колоннами, или раскинулись отъ зданія къ зданію, образуя родъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

арокъ. Во многихъ мѣстахъ улица закрыта еще сверху голубыми или желтыми, прозрачными покрывалами. Эффектно, оригинально, странно до крайности! Идешь будто во снѣ. Кругомъ кипитъ могучая, далекая тебѣ жизнь, и чувствуешь себя такимъ заброшеннымъ, одинокимъ, покинутымъ въ этой чуждой, страшно—чуждой толпѣ...

Главная улица—это сплошной рядъ богатыхъ магазиновъ, со всевозможными предметами китайскаго обихода. Вотъ громадные магазины китайской обуви,—мужской, женской, дѣтской: ничего, кромѣ обуви. Вотъ магазины оловянныхъ и мѣдныхъ издѣлій: чайники, чашки, кружки, подсвѣчники, котелки, и проч., и проч.: все—такое непохожее на наше европейское, странное, почти фантастическое по своимъ формамъ. Дальше—магазины фарфора, дешеваго и дорогаго,—цѣлыя груды чашъ, вазъ, статуэтокъ, божковъ и т. д. А тамъ—огромные склады фонарей всевозможныхъ формъ и величины. По словамъ свѣдущихъ людей, китайцы, въ производствѣ фонарей, несомнѣнно превзошли всѣ другіе народы. Причудливое разнообразіе формъ, изящная рѣзьба, красивая позолота и живопись, въ связи съ замѣчательнымъ вкусомъ общей конструкціи, дѣлаютъ эти китайскія издѣлія одними изъ лучшихъ украшеній жилищъ. Ихъ приготовляютъ изъ бумаги, шолка, холста, стекла, рога, соломы, бамбука,—на всякій вкусъ и на любой карманъ: отъ маленькихъ ручныхъ, стоящихъ 3 копейки штука, до великолѣпныхъ люстръ 15-ти футъ въ діаметрѣ и цѣною въ 600—800 рублей. Кромѣ своихъ фонарей, Нин-по славится еще рѣзными издѣліями, деревянной мебелью и лакомъ.

Множество мастерскихъ заняты здѣсь выдѣлываніемъ инкрустированной мебели, не имѣющей себѣ равной по изяществу во всемъ Китаѣ и составляющей предметъ довольно обширной внутренней торговли. Въ одномъ изъ мебельныхъ магазиновъ меня поразило устройство богатой китайской спальни. Представьте себѣ деревянный кубъ мѣрою въ одну сажень: на передней сторонѣ его—выдвижная дверь, остальныя стѣны—глухія; нижняя половина каждой сплошь деревянная; верхняя изображаетъ раму, затянутую особенной, плотной, нѣжнаго цвѣта бумагой, на которой нарисованы разныя сцены изъ китайской жизни: все дерево лакировано и снаружи изукрашено инкрустаціями изъ слоновой кости и рѣзными фигурами; внутри этого куба, у стѣнки противъ входа, придѣлана широкая, деревянная, лакированная кушетка, съ мелкозаплетенной соломой, почти во всю ширину ея: здѣсь же стоятъ лакированные столъ, тубаретъ и умывальникъ. Все это сооруженіе ставится внутрь большой комнаты, назначенной для спанья.

Лакъ Нин-по извѣстенъ на всемъ Востокѣ. Онъ представляетъ темнокрасную жидкость, своеобразнаго, противнаго запаха, содержится въ глиняныхъ сосудахъ, закупоренныхъ смоляной бумагой и является веществомъ, далеко не индифферентнымъ: въ комнатахъ,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гдѣ имъ покрыты полы, лѣстницы или мебель (а здѣсь, въ Нин-по во всѣхъ европейскихъ и китайскихъ домахъ все лакировано), до тѣхъ поръ, пока не выдохнется, не высохнетъ окончательно краска,—жить невозможно; иначе, говорятъ, опухаютъ лице, ноги, руки, развивается общая водянка, упадокъ силъ и можетъ даже послѣдовать смерть. Эти свойства лака Нин-по, цвѣтъ его и способъ укупорки заставляютъ думать, что онъ идентиченъ съ веществомъ, которое описывалъ еще старикъ Де-Гинь, и которое добывается изъ одного дерева, относящагося къ роду сумаховыхъ (Rhus vernicifera). Дерево это своею листвою и корою походитъ на ясень; вышина его около 15 футъ: когда дереву исполнится 7 лѣтъ, кору его ствола надрѣзаютъ и вытекающій сокъ собираютъ лѣтними ночами: съ 1000 деревьевъ въ одну ночь можно получить до 25 фунтовъ соку. Лучшій сортъ сока принимаетъ въ сгущенномъ видѣ красноватый цвѣтъ: держатъ его хорошо закрытымъ отъ воздуха, закупоривая сосудъ, просмоленной бумагой; на рынокъ онъ поступаетъ въ боченкахъ, содержащихъ сгустившіеся куски его. Люди, занимающіеся собираніемъ и приготовленіемъ этого вещества въ продажу, принимаютъ извѣстныя мѣры предосторожности, чтобы предохранить лице и руки отъ соприкосновенія съ нимъ, такъ какъ онъ оказываетъ чрезвычайно раздражающее дѣйствіе на кожу и легкія. Для приготовленія лака изъ сгущеннаго сока, послѣдній разводятъ ключевой водой, прибавляютъ масло земляного орѣха, свиную желчь и рисовый уксусъ, и все это тщательно размѣшиваютъ кистью при яркомъ солнечномъ освѣщеніи. Интересно, что лакъ Нин-по, намазанный прямо на дерево, никогда не засыхаетъ, остается жидкимъ, а на солнцѣ прямо скипается, вздувается пузырями и выгораетъ. Для того, чтобы онъ высохъ, необходимо предварительно смазать дерево особеннымъ составомъ, который съ виду похожъ на жидкую кашицу, состоящую изъ бѣлыхъ раздавленныхъ бобовъ, чего-то въ родѣ сметаны и такой же неизвѣстнаго происхожденія розоватой жидкости. Говорятъ, что составъ этой смазки—секретъ корпораціи мѣстныхъ лакировщиковъ.

Дальнѣйшій осмотръ города и его достопримѣчательностей былъ сдѣланъ нами подъ руководствомъ католическихъ миссіонеровъ, съ которыми мы познакомились по слѣдующему случаю: одинъ изъ нашихъ офицеровъ заболѣлъ перемежающейся лихорадкой, и его рѣшили помѣстить на время стоянки въ лазаретъ миссіонеровъ. Мы отправились въ St. Vincent de Paul. Высокія, каменныя, мрачныя стѣны ограды скрываютъ отъ взоровъ улицы рядъ уютныхъ, привѣтливыхъ зданій, маленькіе палисадники и садики, разбитые на монастырскомъ дворѣ; вездѣ—идеальная чистота и порядокъ. Комната, которую отвели нашему больному, была очень высока, свѣтла, суха. За помѣщеніе, съ прислугой, съ очень порядочнымъ завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ, взяли всего два кредитныхъ рубля въ день.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Мы осмотрѣли благотворительныя учрежденія св. Винцента для китайцевъ. Больницу изображаетъ обыкновенный двухъэтажный домъ, гдѣ китайцы,—болѣе состоятельные за плату (очень небольшую), а бѣдные даромъ,—получаютъ содержаніе и лѣкарства; комнаты—безъ признаковъ европейской мебели, съ рядами кроватей, на которыхъ лежатъ туземныя постели: циновка, ватное одѣяло и продолговато-цилиндрическая подушка. Между бѣдняками больше всего больныхъ перемежающейся лихорадкой, а изъ людей состоятельныхъ тѣ, что лѣчатся отъ куренія опіума; послѣднихъ монахини лѣчатъ опіемъ же, давая его въ пилюляхъ, въ постепенно убывающихъ дозахъ; намъ говорили, будто достаточно двухъ-трехъ-недѣльнаго курса, чтобы вылѣчиться отъ этой несчастной страсти. Въ возможности такого чуда, впрочемъ, позволительно усомниться. Приходящихъ больныхъ бываетъ ежедневно масса; болѣе трудные оставляются, съ ихъ согласія, въ лазаретѣ; а другимъ сестры-фельдшерицы раздаютъ лѣкарства на руки и отпускаютъ домой. Докторъ-англичанинъ бываетъ здѣсь не каждый день, а пріѣзжаетъ—по требованію сестеръ, всякій разъ, когда надо поставить діагнозъ, болѣе сложный, или когда, по его мнѣнію, необходимо сдѣлать операцію одному изъ палатныхъ больныхъ. Кромѣ лазарета, въ монастырѣ св. Винцента существуетъ дѣтская школа для китайскихъ ребятишекъ (мальчиковъ и дѣвочекъ) и пріютъ для маленькихъ сиротъ (главнымъ образомъ, дѣвочекъ), которыхъ бросили отцы и матери, чтобы избавиться отъ лишнихъ ртовъ.

Другая половина монастыря, гдѣ помѣщаются братья ордена св. Іисуса, заключаетъ въ себѣ, между прочимъ, небольшую церковь въ готическомъ стилѣ, построенную по плану Notre Dame de Paris.

Отцы-іезуиты приняли насъ съ изысканной любезностью, угостили порядочнымъ виномъ, сигарами, сластями китайскаго производства и показали храмъ,—красивый, католическій храмъ, гдѣ особенность составляли только китайскія письмена на ряду съ латинскими; затѣмъ мы разстались, причемъ отцы-іезуиты взялись быть нашими проводниками въ другой храмъ,—соборъ мѣстной католической епархіи, расположенный въ центрѣ китайскаго города.

Въ назначенный день и часъ мы застали у Saint-Vincent'a большое количество паланкиновъ, усѣвшись въ которыя, двинулись черезъ мостъ въ городъ. Миновавъ нѣсколько кривыхъ закоулковъ, мы очутились, наконецъ, у высокой каменной стѣны, на одной изъ самыхъ бойкихъ улицъ. Черезъ маленькую дверь въ этой стѣнѣ, изъ-за которой съ улицы ничего не видно, мы попали на обширный дворъ, чистый, прекрасно вымощенный, усаженный громадными, старыми деревьями. Мы вошли въ церковь. Строгая пропорціональность частей, чрезвычайная простота и вмѣстѣ изящество всѣхъ внутреннихъ мелочей обстановки, искусно подобранныя цвѣт-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ныя стекла и узоры въ окнахъ, сквозь которыя внутрь храма падалъ чудный, мягкій свѣтъ, причудливая, громадная китайская люстра, спускающаяся съ вершины купола, и множество фонарей, висящихъ въ разныхъ углахъ храма, большія золотыя письмена на стѣнахъ,—все это было такъ красиво, что мы невольно останавливались, пораженные изумленіемъ.

Во время нашего пребыванія въ храмѣ, туда же вошли нѣсколько китайцевъ. Оказалось, что это—туземные католики. Скоро ихъ набралась цѣлая толпа, которая и принялась во всѣ глаза разсматривать насъ, слѣдя за каждымъ нашимъ движеніемъ. Одинъ изъ офицеровъ перекрестился поправославному; китайцы быстро переглянулись, бросились въ ризницу, около которой мы стояли, и начали что-то искать въ висѣвшей на стѣнѣ табличкѣ: вѣроятно, тамъ имѣлись объясненія различныхъ крестныхъ знаменій; затѣмъ они еще съ большимъ любопытствомъ уставились на насъ и все о чемъ-то шептались. Здѣсь же при храмѣ находится помѣщеніе сестеръ ордена «Jesus Enfant» и рядъ обширныхъ благотворительныхъ учрежденій для туземцевъ: школы грамотности, садоводства и повареннаго искусства, золотошвейная мастерская, сиротскій пріютъ.

Мы побывали какъ-то и въ одной изъ здѣшнихъ протестантскихъ миссій, у которой есть также своя каменная церковь; миссія эта американская, и строгая, пуританская простота, немного холодная, царитъ во всемъ ея обиходѣ; при ней также имѣются школы и пріюты.

Отцы-іезуиты вздумали угостить насъ китайскимъ обѣдомъ. Онъ состоялъ изъ сорока блюдъ, приготовленныхъ китайскимъ поваромъ изъ мѣстныхъ продуктовъ. Я не буду описывать его; я не могъ запомнить даже названій всей этой массы кушаній, которыя приходилось пробовать первый разъ въ жизни. Осталось только общее впечатлѣніе чего-то необыкновенно-оригинальнаго и вкуснаго. Вина были европейскія. Я не пилъ ничего, чтобы не портить оригинальности впечатлѣнія, но тѣмъ не менѣе чувствовалъ странное опьяненіе послѣ этого гомерическаго пиршества: вѣроятно, въ нѣкоторыхъ блюдахъ заключались какія нибудь наркотическія вещества. «Китайцы любятъ покушать, европейскимъ гастрономамъ есть чему поучиться у нихъ, здѣсь цѣлая непочатая еще область наслажденій для этихъ людей»,—сказалъ мнѣ сосѣдъ мой, молодой патеръ, когда я похвалилъ чудесный обѣдъ.

Намъ удалось посмотрѣть и китайскіе храмы Нин-по. Изъ буддійскихъ особенно замѣчателенъ древній монастырь, лежащій въ уединенной части города и занимающій обширное пространство. Высокія стѣны охватываютъ его со всѣхъ сторонъ; но ворота открыты, и входъ совершенно свободенъ. Вы проходите черезъ длинную улицу, идущую отъ воротъ во дворъ, гдѣ вырытъ небольшой прудъ, покрытый зеленою тиною и осѣненный вѣковыми деревьями, и вступ-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

паете въ преддверье главнаго храма; по обѣимъ сторонамъ входа— двѣ огромныя раззолоченныя фигуры самаго грознаго, непривѣтливаго вида: это—духи, стражи святаго мѣста. Самый храмъ внутри представляетъ очень большую и очень высокую комнату, съ колоссальной золоченной статуей Будды недалеко отъ задней стѣны, и такими же золоченными фигурами двухъ другихъ боговъ по бокамъ; передъ ними жертвенникъ съ чашечками, наполненными рисомъ, съ красными бумажками и курительными свѣчами въ видѣ длинныхъ желтыхъ палочекъ, чуть-чуть тлѣющихъ. Въ одномъ углу виситъ «тамъ-тамъ», издающій унылый, протяжный звукъ при ударѣ. Посреди — ряды маленькихъ, низкихъ скамеечекъ, покатыхъ сзади, на которыя преклоняютъ колѣни молящіеся, съ маленькимъ аналоемъ передъ каждой. Прямыя колонны, поддерживающія потолокъ и всѣ испещренныя письменами и изображеніями религіозныхъ сценъ, идутъ рядами по храму. Цѣлыми рядами стоятъ раззолоченные идолы по двумъ боковымъ стѣнамъ его. Изъ главнаго святилища идемъ въ другія комнаты; тамъ тоже идолы; но главное мѣсто ихъ на верху, во второмъ этажѣ одного изъ боковыхъ крыльевъ зданія, гдѣ цѣлые десятки ихъ стоятъ, раззолоченные, вдоль стѣнъ: все это геніи, духи и святые китайскаго буддизма. Кое-гдѣ бродятъ, съ четками и книжками въ рукахъ, въ бѣлыхъ и сѣрыхъ балахонахъ, бритые монахи: лица тупыя, непріятныя; они здѣсь же и живутъ, въ многочисленныхъ кельяхъ при монастырѣ. Повсюду очень чисто.

Кромѣ этого монастыря, мы осмотрѣли еще три храма, но тѣ были гораздо меньшихъ размѣровъ. Одинъ изъ нихъ помѣщается на площади самой бойкой части города, близъ древней пагоды, возвышающейся футъ на семьдесятъ и далеко видной во всѣ стороны. Пагода, состоящая изъ девяти, постепенно убывающихъ, этажей, съ окошками въ каждомъ изъ нихъ, и увѣнчанная остроугольнымъ куполомъ съ загнутыми ребрами, осѣла, покривилась на одну сторону, и кажется, — вотъ, вотъ рухнетъ. Изо всѣхъ щелей лѣзетъ мохъ; во многихъ мѣстахъ вывалились камни; на все налегла тяжелая рука времени. Сѣдой китайской стариной и вмѣстѣ какой-то заброшенностью вѣетъ отъ этого памятника.

Не помню, въ какомъ изъ буддійскихъ храмовъ Нин-по я видѣлъ въ первый разъ большую статую женщины съ золотымъ сіяніемъ вокругъ головы и съ младенцемъ на рукахъ, божественное происхожденіе котораго отмѣчено было такимъ же сіяющимъ ореоломъ. Сходство этой статуи съ католическими изображеніями Мадонны было до того поразительно и казалось такимъ страннымъ въ окружающей обстановкѣ, что я попросилъ разъясненій у патера, сопровождавшаго насъ. Онъ мнѣ сказалъ только, что богиню зовутъ Куаньинь, что при жизни она была въ числѣ самыхъ близкихъ учениковъ Будды, а послѣ смерти сдѣлалась богиней мило-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

сердія. Только впослѣдствіи, ознакомившись ближе съ исторіей религій, я понялъ отчасти это удивительное сходство двухъ, повидимому, столь различныхъ образовъ, какъ буддійская богиня милосердія и христіанская богоматерь. Культъ Куаньинь, таинственнаго божества, имѣющаго, повидимому, связь съ цѣлымъ циклomъ древнѣйшихъ легендъ Азіи, широко распространенъ по всему лицу Востока и представляетъ одинъ изъ интереснѣйшихъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ еще мало изслѣдованныхъ вопросовъ въ исторіи его религіозныхъ ученій.

Бродя по Нин-по, мы не разъ видали особыя арки, состоящія изъ двухъ каменныхъ колоннъ, скрѣпленныхъ вверху широкой и толстой каменной доской съ разными украшеніями на ней. Намъ говорили, что это—монументы, воздвигнутые въ честь разныхъ прославившихся чѣмъ либо въ старину гражданъ Нин-по. Есть тамъ и еще сортъ памятниковъ, составляющихъ очень оригинальную достопримѣчательность города. Дѣло вотъ въ чемъ: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Китая существуетъ обычай воздвигать памятники, въ видѣ такихъ же каменныхъ столбовъ или арокъ, въ честь вдовъ, не пожелавшихъ вторично выйти замужъ; на этихъ колоннахъ пишутся имена чествуемыхъ и изображаются иногда разныя бытовыя сцены. Такъ вотъ въ Нин-по была цѣлая длинная улица, которая вся сплошь состояла изъ подобныхъ арокъ. Теперь ихъ осталось всего 5 или 6, украшенныхъ причудливой рѣзьбой.

Центральный городъ, то-есть тотъ, что лежитъ за рѣкой, на сторонѣ, противоположной европейской части, обнесенъ высокими, толстыми стѣнами, имѣющими шесть верстъ въ окружности. Мы рѣшили предпринять экскурсію на вершину этихъ стѣнъ и въ одно жаркое послѣобѣденное время, усѣвшись въ паланкины, приготовленные заранѣе, двинулись въ путь. Несли насъ, по обыкновенію, очень скоро. Миновавъ мостъ и пройдя ворота, мы сейчасъ же свернули въ одну изъ боковыхъ улицъ, чтобы избѣжать толкотни и давки главныхъ артерій города, и черезъ нѣсколько времени остановились въ довольно пустынной мѣстности у городскихъ стѣнъ. Особенность ея составляло большое количество простыхъ, деревянныхъ китайскихъ гробовъ—колодъ, на глухо заколоченныхъ, обернутыхъ циновками и заключавшихъ въ себѣ, какъ намъ сказали, трупы бѣдныхъ людей, умершихъ въ Нин-по, но уроженцовъ другихъ городовъ или селъ. Эти покойники ждали здѣсь, когда за ними придутъ родственники отвезти ихъ на родину похоронить въ родной землѣ. При нашемъ путешествіи по городскимъ стѣнамъ, мы видѣли еще нѣсколько такихъ же временныхъ открытыхъ кладбищъ. Трупы богатыхъ людей, умершихъ вдали отъ мѣстъ, гдѣ они родились, до времени своего окончательнаго погребенія на этихъ мѣстахъ, хранятся въ храмахъ или ратушахъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Стѣны Нин-по выстроены изъ кирпича очень основательно и прочно и имѣютъ почти 25 футъ высоты; ширина ихъ у основанія—22, а на вершинѣ—15 футъ. По одному изъ широкихъ, пологихъ скатовъ мы взобрались на вершину: высокій парапетъ обрамляетъ наружный край стѣнъ; узкія прорѣзи въ немъ и даютъ этотъ характерный зубчатый видъ; черезъ извѣстные промежутки, въ равномъ разстояніи другъ отъ друга, виднѣются башенки съ бойницами и сторожки для часовыхъ; на всемъ печать унылой заброшенности; кое-гдѣ стоятъ или лежатъ прямо на землѣ, безъ всякой охраны и прикрытія, ржавыя, старинныя, чугунныя пушки, которыя были втащены сюда въ дни ожиданія нападенія французовъ въ 1884 году, да такъ тутъ и остались брошенныя, ненужныя, позабытыя. Видъ на самый Нин-по не представлялъ особаго интереса: кучи однообразныхъ темныхъ зданій и сѣрыхъ крышъ; кое-гдѣ торчащіе кверху шесты, указывающіе на присутствіе правительственныхъ мѣстъ или жилища чиновниковъ, по временамъ—оригинально-изящныя очертанія крышъ кумирень и храмовъ, и высоко вознесшаяся къ небу, царящая надъ городомъ, старинная пагода,—вотъ и все. Я взглянулъ въ одну изъ прорѣзей въ стѣнѣ на окрестности города: внизу, подъ ногами, тянулся параллельно стѣнѣ широкій каналъ; въ него вливались другіе каналы, и одинъ проходилъ сквозь городскую стѣну, подъ высокой каменной аркой; по каналамъ плыли джонки, наполненныя народомъ, нагруженныя тюками товаровъ; а дальше разстилалась широкая, широкая долина, гдѣ, какъ въ чудесной панорамѣ, виднѣлись деревни, города, купы зелени и сверкающія ленты воды, зеленые и бурые квадраты полей, между ними двигались толпы людей, а на горизонтѣ въ голубоватой мглѣ темнѣли горы... Предо мною разстилались равнины, «классическія въ исторіи китайскаго земледѣлія, поля, гдѣ, по преданію, слишкомъ четыре тысячи лѣтъ тому назадъ, императоръ Шунъ держалъ ручку плуга, запряженнаго слономъ»,—и глубокое волненіе охватывало душу при видѣ этой страны стародавней непрерывной цивилизаціи...

В. Д. Черевковъ.

Въ майской книжкѣ журнала, въ статьѣ «По Китайскому побережью» вкрались слѣдующіе ошибки:

На страницѣ 607 внизу въ выноскѣ напечатано: окончаніе, слѣдуетъ читать: продолженіе.

На стр. 609, вмѣсто «Шанхай-Чуанъ» слѣдуетъ: Шаньгай-Гуань.

Затѣмъ перепутаны страницы такимъ образомъ, что послѣ 612-й страницы надо читать 615-ю, 614-ю и 616-ю.

На 633 стр. въ 1-й строкѣ, въ самомъ началѣ ея пропущена буква В. Въ той же строкѣ вмѣсто напечатанныхъ словъ: «въ государственныхъ умахъ извѣстныхъ людей», слѣдуетъ читать: въ умахъ извѣстныхъ государственныхъ людей.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

Думы о счастьѣ. М. О. Меньшикова. Спб. 1898.

КНИГА Г. МЕНЬШИКОВА читается легко и съ интересомъ, хотя содержаніе ея исчерпывается предметами чрезвычайно сложными, какъ семья, народъ, природа, трудъ, цивилизація, прогрессъ и Богъ. Несмотря на обычность и общность темы, г. Меньшиковъ умѣлъ о каждомъ элементѣ счастья сказать оригинальное и прочувствованное слово. Мысли его вполнѣ христіанскаго настроенія, клонящіяся доказать, что все несчастье современнаго человѣка въ томъ, что онъ одинокъ и замкнутъ исключительно въ самомъ себѣ. Между тѣмъ, говоритъ авторъ: «изъ тѣлесной оболочки человѣка какъ бы исходитъ нѣчто, обнимающее собою внѣшній міръ и какъ бы присутствующее въ близкихъ мнѣ людяхъ. Я чувствую и сострадаю этимъ людямъ, значитъ, душою живу въ нихъ. Есть предразсудокъ, будто человѣкъ любитъ всего больше самого себя. Однако, всякій, кто хоть однажды въ жизни искренно любилъ, сознается, что любить можно, кого угодно, только не себя. Свои потребности удовлетворяешь равнодушно, машинально, а потребности тѣхъ, кого любишь,— съ наслажденіемъ. Больно и страшно самому страдать, но видѣть страданія любимаго существа невыносимо. Жизнь своя безсознательно дорога себѣ, но жизнь искренне любимаго человѣка еще дороже, и чѣмъ естественнѣе человѣкъ, чѣмъ менѣе онъ испорченъ ложною культурой,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тѣмъ это чувство проявляется рѣзче, такъ что, въ сущности, любить, какъ и ненавидѣть, можно только другихъ, тотъ маленькій міръ близкихъ, въ которыхъ живешь душою».

Но, горе тѣмъ, у кого нѣтъ маленькаго міра близкихъ людей, въ которыхъ живетъ душа... Г. Меньшиковъ въ своемъ трудѣ доказываетъ, что наша культура не даетъ человѣку именно близкихъ ему людей: «культурная жизнь, соединяя громадныя людскія массы механически, разъединяетъ маленькія естественныя психическія группы, въ которыхъ только и можетъ жить человѣкъ, разрушаетъ тѣсные семейные и родовые кружки людей, столь крѣпкіе въ прежнія времена. Пути сообщенія, желѣзныя дороги, телеграфы, телефоны, газеты, книги, соединяютъ человѣчество, но не сближаютъ людей до непосредственнаго, сердечнаго общенія; они даютъ возможность имѣть въ сто разъ больше знакомыхъ, но часто отрываютъ отъ насъ немногихъ истинныхъ друзей. Старинныя, мало-подвижныя времена были выгоднѣе для семьи и дружбы; большинство людей тогда, гдѣ родились, тамъ и росли и кончали жизнь, въ чертѣ своего околотка, среди нѣсколькихъ десятковъ односельчанъ. Теперь же и образованный, и рабочій классъ кочуютъ съ раннихъ лѣтъ, отыскивая лучшія условія образованія, службы, работы, безпрерывно перемѣшиваясь и поминутно обрывая завязывающіяся отношенія; знакомства пріобрѣтаютъ мимолетный характеръ, не переходятъ въ дружбу, въ родственное чувство долгаго сожительства. Но и кромѣ этихъ чисто механическихъ причинъ, въ цивилизованномъ быту есть могущественныя психическія условія, отдѣляющія человѣка отъ человѣка. Чѣмъ богаче, знатнѣе, образованнѣе человѣкъ, тѣмъ болѣе суживается кругъ возможныхъ для него знакомствъ: сынъ крестьянина, дѣлаясь образованнымъ, сразу какъ бы выселяется изъ многомилліоннаго ему родного міра въ мірокъ изъ нѣсколькихъ тысячъ образованныхъ людей, ему равныхъ. Даже и въ этомъ міркѣ образованіе соединяетъ людей менѣе прочно, чѣмъ въ большомъ народномъ мірѣ ихъ сплочивало невѣжество. Чаще всего образованіе разобщаетъ. По условіямъ нынѣшняго просвѣщенія, чѣмъ человѣкъ ученѣе, тѣмъ онъ болѣе спеціалистъ, то-есть, тѣмъ болѣе чуждъ всему остальному міру».

Казалось бы, что могло быть ближе человѣку, какъ не его собственная семья? А между тѣмъ, «въ городѣ глава семьи, погруженный въ свою спеціальность, непонятную ни женѣ, ни дѣтямъ, органически не связанъ съ ежедневной домашней жизнью; черезъ тридцать, сорокъ лѣтъ совмѣстнаго житья жена ровно ничего не понимаетъ въ работѣ мужа. Подумать вслухъ о своемъ жизненномъ трудѣ у «домашняго очага» человѣкъ уже не можетъ, какъ думаетъ мужикъ и ремесленникъ».

Въ томъ же направленіи современная жизнь разобщаетъ насъ съ народомъ и съ природой; трудъ создаетъ «переутомленіе» и «вырожденіе»; цивилизація состоитъ изъ множества ненужныхъ и искусственныхъ благъ, отнимая у насъ естественный міръ. «Цивилизація не въ техническихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ, а во внутреннемъ богатствѣ человѣческаго духа, въ облагороженіи его, въ изяществѣ его мысли и чувства. Надо запасаться рано сокровищами знаній, чтобы потомъ они освѣщали вамъ всю жизнь и особенно старость,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

когда въ утѣшеніе человѣку, за потухшими страстями, остается одна память, одно воображеніе. Вспомните, какъ утѣшала образованность декабристовъ въ рудникахъ Сибири. Старость та же ссылка, и если кто въ молодости сжился съ великими откровеніями природы, съ чудесами мысли, вся жизнь того будетъ полна счастливыхъ видѣній. Образованность создаетъ родство съ человѣчествомъ и міромъ». Но это родство съ человѣчествомъ и міромъ едва ли возможно тамъ, гдѣ прогрессъ выражается въ милитаризмѣ, капитализмѣ, монополіяхъ, пролетаріатѣ, эмиграціяхъ, революціяхъ и реставраціяхъ. Глубоко потрясающую картину современной жизни рисуетъ г. Меньшиковъ, но небезнадежную и нероковую. Онъ указываетъ на сближеніе съ природой, съ народомъ и естественнымъ трудомъ въ преобразованной семьѣ въ деревнѣ. «Роль деревенской семьи огромна,— говоритъ онъ,— въ ея власти судьбы будущаго. Каждая семья должна сдѣлаться культурнымъ центромъ для созданія новой общественной души, и такъ какъ въ будущемъ зданіи придется жить многимъ поколѣніямъ, элементы для постройки должны быть взяты самые драгоцѣнные, самые чистые. Каждый домъ въ деревнѣ можетъ быть не только жилищемъ, не только мастерской, но и школой, библіотекой, музеемъ, лабораторіей и прежде всего храмомъ. И въ зародышѣ такова патріархальная крестьянская семья. Она—общая мастерская, такъ какъ весь трудъ семьи сосредоточивается около дома и семейнаго гнѣзда. Она—школа, такъ какъ грамотѣ ребятишекъ учитъ мать или старики, или старшія сестры. Она—библіотека, такъ какъ въ ней, въ божницѣ или въ сундукахъ, всегда найдете старинныя дониконовскія книги, библію, житія святыхъ, то-есть, то, что считается стоящимъ вѣчнаго чтенія. Наконецъ, такая изба и храмъ, такъ какъ лучшій передній уголъ занятъ божницею, маленькимъ алтаремъ, къ которому возносится молитва всей семьи много разъ ежедневно. Такова истинно культурная, хотя и первобытная семья. Есть великія вѣчныя книги, которыя всегда будутъ неиссякаемымъ источникомъ самаго святого счастья, но ихъ не много, и каждая такая книга стоитъ не дорого. Не увлекайтесь только корыстью и тщеславіемъ, не собирайте вещей ненужныхъ, и тогда даже самыхъ скромныхъ средствъ хватитъ на необходимыя. Но за то не будетъ «правъ», чина X класса въ 20 лѣтъ и проч. и проч. Да, но съ этимъ ужъ, конечно, нужно примириться; одно изъ двухъ—или естественное счастье, или искусственное. Я говорю лишь о естественномъ счастьѣ, а не о томъ, какъ приспособиться къ химерамъ».

Такимъ образомъ, книга г. Меньшикова исполнена практическаго идеализма и, въ особенности, полезна теперь, когда идетъ усиленная проповѣдь исключительно матеріальнаго прогресса, подъ видомъ «экономическаго матеріализма» или философской «эволюціи», съ неизбѣжностью «меньшихъ золъ» и т. д. Проповѣдь г. Меньшикова направлена къ жизнерадостному идеалу христіанской жизни, и его разсужденія о счастьѣ рѣзко отличаются отъ многочисленныхъ книжныхъ и сухихъ трактатовъ о томъ же. А. Фаресовъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Картины жизни Византіи въ X-мъ вѣкѣ. По Г. Шлюмберже. М. Н. Ремезова. Москва. 1898.

Возникшій у насъ въ послѣднее время интересъ къ изученію исторіи Византіи выражается въ появленіи не только ученыхъ изслѣдованій, посвященныхъ разработкѣ различныхъ сторонъ церковно-общественной жизни малоизвѣстной и на западѣ Византіи, но и популярныхъ статей, имѣющихъ цѣлью ознакомить и читателя-неспеціалиста съ полной глубокаго интереса исторіей средневѣковой греко-восточной имперіи. Нельзя не привѣтствовать и появленіе этихъ послѣднихъ, такъ какъ онѣ удовлетворяютъ хотя и запоздалому, но естественному и вполнѣ понятному стремленію русскаго общества ознакомиться съ судьбами Византіи, связанной съ Русью многосложными и разнообразными связями и оказавшей громадное вліяніе на церковно-общественный строй нашего отечества.

Къ популярнымъ изданіямъ по исторіи Византіи слѣдуетъ отнести и вышеуказанную брошюру г. Ремезова, печатавшуюся раньше на страницахъ «Русской Мысли» (1898, январь и февраль).

Брошюра г. Ремезова не имѣетъ самостоятельнаго значенія, но представляетъ передѣлку нѣкоторыхъ главъ изъ прекрасныхъ сочиненій французскаго ученаго, члена французской академіи, Густава Шлюмберже (Gustave Schlumberger), именно: «Un empereur byzantin au dixième siècle — Nicéphor Phocas» и «L'epopée byzantine à la fin du dixième siècle». Бѣды въ этомъ, конечно, нѣтъ, — разъ авторъ не въ состояніи писать самостоятельно; важно то, насколько правильно съ научной стороны онъ воспользовался чужимъ трудомъ.

Въ своей брошюрѣ г. Ремезовъ изображаетъ весьма интересную сторону въ исторіи Византіи — придворно-политическую жизнь въ X-мъ вѣкѣ. Жизнь и бытъ византійскаго двора отличались такими особенностями, какія трудно встрѣтить въ иныхъ государствахъ. Эта жизнь была по истинѣ бурнымъ волнующимся моремъ, съ которымъ ее сравнивали еще византійскіе писатели, она была полна интригъ, заговоровъ, переворотовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своеволія и деспотизма. Атмосфера козней и фактическаго абсолитизма пропитала всѣхъ, подавила все. Народъ потерялъ довѣріе къ правительству, правительство не довѣряло народу. Ни одинъ императоръ не чувствовалъ себя прочно сидящимъ на престолѣ, такъ какъ былъ окруженъ врагами, одержимыми болѣзнью порфиры. Главною причиною дворцовыхъ революцій было отсутствіе закона о престолонаслѣдіи, почему византійскій престолъ всегда имѣлъ многихъ претендентовъ, искавшихъ случая занять его. И такіе случаи, дѣйствительно, представлялись... Съ другой стороны, придворная жизнь въ Византіи отличалась особымъ блескомъ и роскошью, проявлялась въ торжественныхъ празднествахъ и церемоніяхъ и проводилась необыкновенно пышно и богато. Кромѣ того, въ десятомъ вѣкѣ Византія вела рядъ непрерывныхъ и побѣдоносныхъ войнъ съ сарацинами и болгарами, создавшихъ новыхъ претендентовъ на престолъ; а при дворѣ блистала своею молодостью и красотой императрица Θеофано, бывшая героиней одного изъ самыхъ захватывающихъ историческихъ романовъ. Таковъ фонъ, на которомъ Шлюмберже, а за нимъ г. Ремезовъ, пишетъ рядъ кар-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тинъ изъ придворно-политической жизни Византіи X-го вѣка. Въ указанной брошюрѣ сначала описывается царствованіе императора Романа II, находив шагося подъ вліяніемъ своей очаровательной супруги Θеофано и совершенно не занимавшагося дѣлами имперіи; затѣмъ изображается великій полководецъ Никифоръ Фока, покорившій Критъ, который много лѣтъ находился подъ властью сарацинъ, и одержавшій другія славныя побѣды; въ награду за это онъ получилъ византійскій престолъ и руку красавицы Θеофано, овдовѣвшей послѣ внезапной смерти Романа II. Время царствованія Никифора Фоки было блестящею порою въ исторіи Византіи, такъ какъ императоръ достигъ и внѣшняго умиротворенія государства послѣ цѣлаго ряда удачныхъ походовъ противъ враговъ, и внутренняго благоустройства въ странѣ посредствомъ разнообразныхъ реформъ. Но придворныхъ интригъ онъ уничтожить не могъ и даже палъ жертвою ихъ и по винѣ той же красавицы Θеофано: онъ былъ убитъ полководцемъ-армяниномъ Іоанномъ Цимисхіемъ, дѣйствовавшимъ въ союзѣ съ Θеофано. Послѣ Никифора престолъ былъ занятъ Цимисхіемъ.

Указанныя два царствованія—Романа II и Никифора Фоки—и описываются русскимъ авторомъ. Безспорно, г. Ремезовъ избралъ довольно рельефный моментъ въ исторіи Византіи и описалъ его, при содѣйствіи своего руководителя, довольно живо и картинно. Книга его читается съ интересомъ, который въ значительной мѣрѣ вызывается и самымъ свойствомъ предмета. Но намъ думается, что для составленія популярныхъ книгъ и брошюръ недостаточно одного знанія иностраннаго языка, на которомъ написано то или иное произведеніе, интересное для русскихъ читателей. Составитель популярной книги долженъ обладать и научными знаніями въ той области, популяризировать которую онъ желаетъ. Научныя познанія предохранятъ его отъ ошибокъ, свойственныхъ неспеціалисту, и помѣшаютъ ему вновь распространять среди читателей популярныхъ книгъ тѣ ошибки, которыя имѣются въ оригиналѣ. Правда, популяризаторъ всегда скрывается за какимъ либо авторитетомъ, но и это, по нашему мнѣнію, не избавляетъ его отъ необходимости быть до извѣстной степени научно-образованнымъ, потому что нѣтъ авторитетовъ непогрѣшимыхъ, тѣмъ болѣе въ наукѣ византиновѣдѣнія. Занимающимся византологіей хорошо извѣстно, какъ мало была разработана до недавняго времени эта наука у насъ и за границей, какъ, съ другой стороны, бойко пошла она въ послѣднее время и какъ ежегодно обогащается новыми источниками и документами. Византологія ростетъ на нашихъ глазахъ и развивается довольно быстро: вотъ, между прочимъ, почему нужно постоянно и внимательно слѣдить за ея ростомъ, а съ другой стороны нельзя слѣпо подчиняться тѣмъ или инымъ относительнымъ авторитетамъ въ этой области и рабски копировать ихъ.

Подобныя мысли неизбѣжно возникнутъ у всякаго знакомаго съ византологіей читателя по прочтеніи брошюры г. Ремезова. Словъ нѣтъ, — брошюра написана бойко и живо, но она не свободна отъ ошибокъ, изобличающихъ автора въ невѣдѣніи византійской исторіи. Укажемъ нѣкоторыя изъ нихъ. На стр. 4 г. Ремезовъ пишетъ, что императоръ «Романъ Лакапинъ былъ низвергнутъ Константиномъ (Багрянороднымъ) и заточенъ вмѣстѣ съ сыновьями въ монастырь Проти, гдѣ онъ и умеръ». Но Романъ Лакапинъ былъ лишенъ пре-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стола своими сыновьями Стефаномъ и Константиномъ (не—императоръ) и отвезенъ на одинъ изъ принцевыхъ острововъ (въ Пропонтидѣ)—Проту, и здѣсь постриженъ въ монастырѣ Богородицы. Заключивъ своего отца въ монастырь, Стефанъ и Константинъ составили измѣнническій планъ убить и Константира Багрянороднаго, но измѣна была открыта, оба узурпатора схвачены, пострижены въ монахи и отправлены въ тотъ же монастырь на островѣ Протѣ. Встрѣча отца съ сыновьями была необыкновенно трогательна... Но Романъ просилъ Константина не оставлять его съ тѣми, которые не потерпѣли его присутствія во дворцѣ. Уступивъ этимъ просьбамъ, императоръ удалилъ Стефана на островъ Антигону, а Константина на островъ Теревинѳъ. Объ этомъ подробности можно читать у Кедрина, Зонары, Георгія Амартола и другихъ византійскихъ историковъ. На стр. 7 говорится, что при погребеніи умершаго Константина Порфирогенета находилось высшее духовенство, «безчисленное множество священнослужителей и монаховъ столицы и ея окрестностей, всѣ облаченные въ одеждѣ ангельскаго чина, всѣ сенаторы» и пр. Но подъ «облаченными въ одеждѣ ангельскаго чина» и слѣдуетъ разумѣть, по византійской терминологіи, монаховъ. Значитъ, здѣсь—тождесловіе. Неяснымъ представляется и отношеніе императора Никифора Фоки къ монахамъ: съ одной стороны—явное къ нимъ нерасположеніе, а съ другой — щедрая помощь и покровительство (стр. 77—79) и пр.

Итакъ, и для составленія хорошихъ популярныхъ книгъ нужна до извѣстной степени научная подготовка, а безусловное довѣріе популяризатора знаній извѣстному относительному авторитету можетъ иногда принести мало пользы читателямъ-неспеціалистамъ. Σ.

Хива („Зимній походъ въ Хиву Перовскаго въ 1839 году“ и „Первое посольство въ Хиву въ 1842 году“). И. Н. Захарьина (Якунина). Спб. 1898.

Книжка эта состоитъ, собственно, изъ двухъ вышеназванныхъ статей, съ одною изъ которыхъ читатели «Историческаго Вѣстника» уже знакомы, такъ какъ она была напечатана въ этомъ журналѣ въ 1894 году. Въ настоящее время,—какъ объясняетъ авторъ въ своемъ предисловіи,—въ виду 25-тилѣтія со времени взятія Хивы покойнымъ К. П. Кауфманомъ, эти статьи, нѣсколько исправленныя, соединены въ одну книжку и издаются подъ общимъ заглавіемъ «Хива».

Зимній походъ Перовскаго, въ описаніи г. Захарьина, не вполнѣ согласуется съ тѣми официальными донесеніями и сообщеніями объ этомъ походѣ, которыя были напечатаны когда-то въ «Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ», а равно и въ книгѣ, составленной и изданной полковникомъ Иванинымъ. Самая отличительная разница заключается въ донесеніяхъ и цифрахъ о количествѣ нижнихъ чиновъ и офицеровъ, погибшихъ въ этомъ несчастномъ походѣ отъ страшныхъ морозовъ и степныхъ бурановъ въ суровую зиму 1839 — 1840 г. Такъ, напримѣръ, по официальнымъ донесеніямъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

значилось, что «умерло во время похода офицеровъ 5, нижнихъ чиновъ—1054, да исключительно цынготныхъ умерло 609 человѣкъ. Слѣдовательно, выходило, что умерло всего 5 офицеровъ и 1663 человѣка солдатъ; между тѣмъ, въ дѣйствительности умерло 11 офицеровъ и болѣе трехъ тысячъ нижнихъ чиновъ, такъ какъ изъ пятитысячнаго отряда, вышедшаго изъ Оренбурга, вернулось обратно менѣе двухъ тысячъ человѣкъ.

Страданія и лишенія, испытанныя отрядомъ генерала Перовскаго въ этомъ ужасномъ походѣ, можно сравнить развѣ лишь съ тѣми, что испытывала армія Наполеона I при отступленіи изъ Россіи. Но и тогда морозъ никогда не доходилъ до тѣхъ предѣловъ, до которыхъ онъ достигалъ при походѣ въ Хиву, въ декабрѣ 1839 года отъ 32 до 40° по R., при сильнѣйшемъ сѣверо-восточномъ вѣтрѣ и при совершенномъ отсутствіи, въ степи, матеріала, способнаго для горѣнія, — такъ что приходилось разрывать глубокій снѣгъ, рубить топорами, желѣзными мотыгами мерзлую землю и выбирать изъ нея коренья степныхъ травъ, чтобы развести огонь для кипяченія чайника...

Тѣмъ не менѣе, выступившая изъ Оренбурга колонна прошла все-таки до Черика-Кульскаго укрѣпленія, на разстояніи 670 верстъ. «Путь этотъ со всѣми его лишеніями и бѣдствіями,—говоритъ авторъ,—пройденъ былъ, по истинѣ, съ тѣмъ героизмомъ, которому позавидовали бы закаленные въ походахъ воины Александра Македонскаго и столь же достославные легіоны Юлія Цезаря. Еще не суждено было русскому знамени развѣваться на стѣнахъ древней Хивы,— и необычайная, по своей суровости, зима съ глубокимъ снѣгомъ явилась, на этотъ разъ, преградою на пути нашего отряда».

Военныхъ же, собственно, стычекъ съ непріятелемъ отрядъ генерала Перовскаго почти не имѣлъ,—если не считать нападенія двухтысячнаго коннаго отряда туркменъ-іомудовъ на маленькій рекогносцировочный нашъ отрядъ, находившійся подъ командою поручика Ерофѣева,—нападенія, очень счастливо отбитаго.

Весь разсказъ г. Захарьина о «Зимнемъ походѣ въ Хиву» носитъ на себѣ, такъ сказать, характеръ повѣствованія, разнящагося по живости языка и литературному изложенію отъ военныхъ реляцій и сухихъ офиціальныхъ донесеній. Живости разсказа способствуетъ, независимо отъ таланта разсказчика, главнымъ образомъ еще и то обстоятельство, что свое повѣствованіе г. Захарьинъ составилъ не по офиціальнымъ документамъ и рапортамъ, а по запискамъ участника похода, подполковника Зеленина, передавшаго эти свои записки автору книги. Наконецъ,— что всего важнѣе и интереснѣе,— г. Захарьинъ, проживая нѣсколько лѣтъ въ Оренбургѣ, встрѣтился и познакомился тамъ «съ нѣсколькими, еще находящимися въ живыхъ, свидѣтелями и участниками несчастнаго похода нашихъ войскъ въ Хиву въ 1839 году и слышалъ отъ нихъ живые разсказы и многія интересныя подробности объ этомъ походѣ». Вслѣдствіе этого его книжка представляетъ большой интересъ, какъ для лицъ, спеціально знакомящихся съ нашими военными дѣлами на Востокѣ, такъ и для тѣхъ русскихъ людей, которые вѣрятъ въ необходимость и неизбѣжность нашего дальнѣйшаго поступательнаго движенія въ Среднюю Азію, каковое является, по мнѣнію автора, высказанному имъ въ предисловіи къ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

своей книгѣ, «лишь вопросомъ времени—не болѣе,—и должно неминуемо осуществиться при первомъ же вооруженномъ столкновеніи Россіи съ владычицею морей и нашею вѣковѣчною соперницей на Востокѣ — съ Англіею».

Б.

Ал. Лазаревскій. Очерки, замѣтки и документы по исторіи Малороссіи. Вып. IV. Съ рисункомъ. Кіевъ. 1898.

Вновь вышедшій томикъ «очерковъ» г. Лазаревскаго, подобно прежнимъ выпускамъ, содержитъ много новаго и чрезвычайно любопытнаго историческаго матеріала. Въ статьѣ о графѣ П. А. Румянцовѣ авторъ сосредоточиваетъ вниманіе на административной дѣятельности знаменитаго полководца, по званію президента малороссійской коллегіи. Въ обширной инструкціи, полученной Румянцовымъ отъ императрицы, предъ вступленіемъ своимъ въ управленіе краемъ, встрѣчаемъ весьма интересныя указанія на тѣ ближайшія задачи, которыми озабочивалось тогда правительство въ отношеніи Малороссіи, и выполненіе которыхъ возлагалось на новоназначеннаго президента. «Закоснѣлая почти во всемъ народѣ,—говорится въ инструкціи,—къ земледѣлію и другимъ полезнымъ трудамъ лѣность и также примѣчаемая въ немъ внутренняя противъ великороссійскаго ненависть представляютъ вамъ весьма пространную значительнаго наблюденія и старанія вашего матерію». Въ общемъ, инструкція рекомендуетъ Румянцову мѣры гуманности: «хотя время само собою откроетъ глаза народу и докажетъ, сколь много онъ облегченъ... однако-жъ и въ нынѣшнее время разные способы поспѣшествовать вамъ могутъ праводушіемъ, безкорыстливостью, снисхожденіемъ и ласкою употребить неосновательныя его опасенія и пріобрѣсть къ себѣ любовь его и довѣренность». И Румянцовъ, воинскіе таланты котораго такъ высоко были оцѣнены Фридрихомъ II, въ его фразѣ къ своимъ генераламъ—«остерегайтесь, сколь можно, этого собаки Румянцова!», оказался сверхъ того довольно искуснымъ администраторомъ. Г. Лазаревскій приводитъ нѣсколько случаевъ, когда Румянцевъ обходилъ законныя строгости, выигрывая этимъ довѣріе и расположеніе къ себѣ народа. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи слѣдующій случай. Изъ отряда полковника Кулябки, посланнаго въ 1768 г. усмирять «возмутившихся» жителей с. Клищинецъ, 77 козаковъ, тяготясь бездѣйствіемъ въ рабочее лѣтнее время (Кулябка держалъ село въ осадѣ и ничего рѣшительнаго не предпринималъ), «запрягли возы и отъѣхали въ домы свои самовольно». Преступленіе — очень тяжкое и строго наказуемое вездѣ и всегда. Что же дѣлаетъ Румянцовъ? Онъ выпускаетъ на волю заключенныхъ въ острогъ бѣглецовъ и постановляетъ такое рѣшеніе: «хотя ихъ важное преступленіе надлежало бы большему истязанію, но по единому снисхожденію къ ихъ буйству и сопряженному съ тѣмъ унынію... упущается строгость наказанія, ими заслуженнаго».

Другая болѣе значительная по размѣру статья — «Александръ Михайловичъ Марковичъ» — посвящена жизнеописанію этого малоизвѣстнаго изыскателя малорусской старины и почти вся написана на основаніи рукописнаго матеріала. Весьма любопытна также замѣтка «Какъ основалась «Кіевская Ста-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

рина», написанная по поводу высказаннаго въ «Трудахъ кіевской духовной академіи» голословнаго замѣчанія, будто бы «настоящимъ иниціаторомъ въ основаніи этого журнала» былъ протоіерей П. Г. Лебединцевъ, и нельзя не пожалѣть, что авторъ почему-то не назвалъ тѣхъ «двухъ любителей малорусской старины» (кіевлянина и черниговца), у которыхъ впервые зародилась благая мысль объ изданіи этого журнала, и къ проекту которыхъ протоіерей Лебединцевъ отнесся хотя съ сочувствіемъ, но «посмѣиваясь». Въ статьѣ «Поѣздка въ Полтаву» есть нѣсколько небезъинтересныхъ біографическихъ свѣдѣній о Котляревскомъ; г. Лазаревскому удалось ихъ добыть изъ дневника харьковскаго старожила Стеблинъ-Каменскаго.

Въ настоящемъ выпускѣ всего помѣщено 15 статей и замѣтокъ, въ томъ числѣ четыре — библіографическаго характера. Добрая треть книжки замѣщена свѣдѣніями, имѣющими характеръ первоисточника; имя автора служитъ лучшимъ ручательствомъ полной достовѣрности извѣстій, какія сообщаются впервые.

Съ живѣйшимъ удовольствіемъ привѣтствуемъ книжку г. Лазаревскаго и желаемъ автору подольше сохранить за собою тотъ передовой наблюдательный постъ, какой онъ занимаетъ среди современныхъ изслѣдователей малорусской старины. К. Х.

Г. Карнуа. Легенды Франціи. Переводъ съ французскаго С. Лыскцовой. Съ рисунками Н. Н. Соболева. Москва. 1898.

За послѣдніе два года въ нашемъ обществѣ какъ будто пробуждается интересъ къ средневѣковой народной литературѣ; объ этомъ свидѣтельствуетъ, по крайней мѣрѣ, появленіе за это время на русскомъ языкѣ нѣсколькихъ сборниковъ произведеній этой литературы, изъ коихъ «Рейнскія легенды», а совмѣстно съ ними и «Легенды о старинныхъ замкахъ Бретани», собранныя г-жею Балобановой, были разобраны нами на страницахъ «Историческаго Вѣстника» въ минувшемъ году. Мы указали тогда на тотъ фактъ, что эти прекрасные сборники, съ одной стороны, могутъ обогатить запасомъ новыхъ свѣдѣній каждаго любителя средневѣковой литературы, съ другой же, являются безусловно интереснымъ чтеніемъ и для всякаго другого читателя, въ особенности, для дѣтей школьнаго возроста. Въ послѣднемъ отношеніи вполнѣ удовлетворительными можно признать и вышедшія нынѣ въ очень добропорядочномъ русскомъ переводѣ «Легенды Франціи». Но любитель средневѣковой народной литературы не позаимствуется изъ этой книги ничѣмъ новымъ, что давно не было бы ему извѣстно: такія легенды, какъ «Паладинъ Роландъ и измѣнникъ Ганелонъ», «Вѣчный жидъ», «Робертъ Дьяволъ», «Чудесные подвиги Гаргантуа» и т. п., извѣстны даже и большинству русскихъ читателей по довольно многочисленнымъ переложеніямъ и переводамъ. Къ тому же, надо замѣтить, что Карнуа мало разборчивъ въ выборѣ редакцій собранныхъ имъ легендъ и часто беретъ слишкомъ близкія къ нашему времени, а потому и значительно искаженныя позднѣйшими вставками, между тѣмъ какъ существуютъ гораздо болѣе раннія редакціи, сравнительно ярче передающія безыскусственность и на-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ивность религіозныхъ и политическихъ воззрѣній средневѣковаго человѣчества. Такъ, напримѣръ, легенда о Гаргантуа помѣщена въ сборникѣ въ очень поздней редакціи: въ ней фигурируютъ уже пушки и ядра, о которыхъ нѣтъ и помина въ болѣе древнихъ спискахъ. Въ сущности говоря, «Подвиги Гаргантуа» даже не легенда, въ тѣсномъ смыслѣ, а скорѣе сказка, и притомъ самаго грубаго пошиба; ее съ успѣхомъ можно бы было выбросить изъ сборника, и во всякомъ случаѣ ей не мѣсто находиться рядомъ съ такой прелестной, безыскусственной и глубоко-нравственной легендой, какъ легенда объ Иванѣ-Медвѣдѣ, гальскомъ Геркулесѣ. Чтобы этотъ герой, созданный фантазіей французскаго народа, особенно напоминалъ собою Геркулеса, сказать нельзя, такъ какъ та христіански-нравственная подкладка, на которой основаны подвиги Ивана-Медвѣдя, не имѣетъ ничего общаго со стимулами дѣятельности героя древней Греціи; Иванъ-Медвѣдь изъ героевъ напоминаетъ собою болѣе всѣхъ главнаго богатыря былинъ нашихъ — стараго казака Илью Муромца: оба они не заботятся о самихъ себѣ и собственномъ благѣ, оба стремятся къ торжеству правды на землѣ, оба защищаютъ христіанство отъ нападеній невѣрныхъ. Одна изъ любимѣйшихъ во Франціи легендъ, принадлежащая къ циклу тѣхъ, въ коихъ дѣйствующимъ лицомъ является наиболѣе историческій, а вмѣстѣ и наиболѣе легендарный герой французскій, императоръ Карлъ Великій, легенда о погибели племянника Карла Роланда отъ руки сарацинъ въ Ронсевальской долинѣ, благодаря коварству Ганелона, изложена у Карнуа крайне безцвѣтно и кратко; за то изложеніе легендъ о Робертѣ Дьяволѣ, о Гаспарѣ, благочестивомъ тампліерѣ, который пятьсотъ лѣтъ, по милости Божіей, слушалъ пѣніе очаровавшаго его соловья и благодаря этому избѣгъ печальной участи, постигшей его собратій при уничтоженіи ордена, объ Агасферѣ, вѣчномъ жидѣ, о благочестивой Женевьевѣ Брабантской, не оставляетъ желать ничего лучшаго и ставитъ книгу Карнуа въ разрядъ такихъ, которыя самый разборчивый воспитатель, не задумываясь, можетъ дать въ руки каждому ребенку школьнаго возраста и быть вполнѣ увѣреннымъ, что чтеніе ея послужитъ лишь къ развитію и упорядоченію литературнаго вкуса юнаго читателя.

К. Лосскій.

Драматическій театръ въ Кіевѣ. (1803—1893) Историческій очеркъ Н. И. Николаева. Кіевъ. 1898.

Мы вообще очень бѣдны трудами по исторіи нашихъ провинціальныхъ театровъ. Актерскій съѣздъ въ Москвѣ въ прошломъ году, отчеты объ немъ и статьи по его поводу нѣсколько познакомили съ дѣятельностью провинціальныхъ сценъ; кромѣ того, объ нихъ встрѣчаются свѣдѣнія въ разныхъ мемуарахъ, въ воспоминаніяхъ актеровъ и т. п. Къ сожалѣнію, на съѣздѣ проявлено было немало страстности, которая заполонила дебаты съѣзда большимъ количествомъ празднорѣчія, такъ что въ немъ трудно разобраться съ крупицами истины и типичности. Мемуарамъ тоже можно довѣрять только съ крайнею осторожностью, такъ какъ ихъ авторы часто или стараются говорить больше о себѣ, чѣмъ о дѣлѣ, или наполняютъ свои воспо-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

минанія вздорными анекдотами, нерѣдко перевранными, которые легко читаются публикой, легко забываются и никакой характеристики не даютъ. Книга г. Николаева есть первая работа, послѣдовательная, обстоятельная, представляющая любителю театра и будущему историку его хорошій матеріалъ, чтобы составить себѣ картину театральнаго движенія въ Кіевѣ. Авторъ въ концѣ своей книги говоритъ: «До тѣхъ поръ, покуда не будутъ собраны и сведены въ нѣчто цѣлое и систематическое матеріалы по исторіи развитія и дѣятельности театровъ, хотя бы въ крупныхъ провинціальныхъ центрахъ нашего обширнаго отечества, до тѣхъ поръ невозможна и исторія всероссійскаго театра, а слѣдовательно, и исторія нашего общественнаго развитія. Вотъ, именно, мысль— облегчить задачу будущему историку нашего драматическаго театра, сдѣлавъ за него, по мѣрѣ силъ и возможности, черновую работу собиранія и группировку фактовъ театральной жизни Кіева, и поддерживала автора въ его занятіяхъ. Онъ былъ бы счастливъ и доволенъ, если бы ему удалось, какъ онъ искренно этого желаетъ, сдвинуть своими слабыми усиліями хоть нѣсколько лишнихъ камней съ дороги будущаго историка «русскаго драматическаго всероссійскаго театра». Этотъ нѣсколько восторженный подъемъ задачъ исторіи русскаго театра показываетъ въ авторѣ горячаго любителя сцены, на трудъ котораго можно положиться. Изслѣдованіе г. Николаева вполнѣ отвѣчаетъ намѣченной имъ себѣ задачѣ. Послѣ бѣглаго обзора первыхъ зародышей театральнаго дѣла въ Кіевѣ, въ видѣ представленій въ духовной академіи, хожденія студентовъ академіи съ вертепами, народныхъ интермедій и т. п., авторъ переходитъ къ описанію болѣе правильнаго театральнаго дѣла въ началѣ текущаго столѣтія, когда (1803 г.) былъ построенъ первый постоянный театръ. Первыя антрепризы въ Кіевѣ были, однако, польскія, спектакли давались на польскомъ языкѣ. Только въ 1821 году изъ Полтавы привезъ въ Кіевъ малорусско-русскую труппу М. С. Щепкинъ, впослѣдствіи знаменитый артистъ московскаго императорскаго театра, но тогда еще молодой предпріимчивый антрепренеръ. Его попытка не удалась, и уже значительно позже (1829 г.) окончательно установился въ Кіевѣ русскій театръ. Г. Николаевъ изъ года въ годъ слѣдитъ за дѣятельностью этого театра, приводя довольно подробную хронику всѣхъ явленій этой области и, по возможности, сторонясь отъ всякой критической оцѣнки ихъ. Передъ нами проходитъ цѣлый рядъ артистовъ, какъ постоянныхъ, такъ и наѣзжихъ гастролеровъ, съ помѣткою ихъ исполненій, списки игранныхъ въ разное время пьесъ, отзывы рецензій, постройки новыхъ зданій и проч.; конечно, чѣмъ ближе авторъ подходитъ къ нашему времени, тѣмъ подробнѣе становится его изслѣдованіе. Мы здѣсь встрѣчаемся съ первыми шагами впослѣдствіи очень извѣстныхъ столицамъ актеровъ: Виноградова, Арди, Новикова, Никитина, Ф. Козловской и др. Такимъ образомъ книга г. Николаева есть тщательный статистическій трудъ, за который, несомнѣнно, будетъ автору благодаренъ всякій занимающійся судьбами нашего театра, такъ какъ найдетъ въ этой книгѣ много интереснаго. Было бы очень желательно, чтобы такого рода работы освѣтили театральную жизнь и другихъ городовъ нашей провинціи. В. К.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

А. В. Кругловъ. Лѣсные люди. Очерки и впечатлѣнія. Изд. 2-е, Спиридонова. М. 1898.

Суровый Зырянскій край, съ его природою и полудикими аборигенами, обращенными въ христіанство св. Стефаномъ Пермскимъ,— край очень интересный, но онъ недостаточно знакомъ обыкновенной публикѣ. Книга А. В. Круглова, вышедшая 2-мъ изданіемъ, довольно полно знакомитъ съ «коми-войтыръ», какъ зовутъ себя зыряне, написана интересно и читается легко. Авторъ рисуетъ величественныя картины сѣверной природы, полной своеобразной красоты, и отмѣчаетъ въ жизни зырянина такія характерныя особенности быта и нравовъ, что очеркъ, помимо интереса, представляетъ собою и соціальное значеніе. Образъ зырянина, несмотря на всю его некультурность, обладаетъ такими чертами, которыя дѣлаютъ его симпатичнымъ и заставляютъ любить этого полуномада сѣвера. Очень живо описаны зырянскія «лѣсованья»— одна изъ поэтическихъ страницъ зырянской жизни. Авторъ касается и зырянскаго языка, народной словесности, приводитъ въ переводѣ и въ оригиналѣ нѣсколько зырянскихъ пѣсенъ. По внѣшности 2-е изданіе во много разъ лучше перваго. Успѣхъ книжки показываетъ, что въ нашей публикѣ уже народился запросъ на этнографическія сочиненія въ беллетристической формѣ.

А. Н.

Л. Волковъ. Адамъ Мицкевичъ и его произведенія. Критико-біографическій очеркъ. Спб. 1898.

Въ виду близкаго юбилея А. Мицкевича въ нашихъ газетахъ и журналахъ появилась масса замѣтокъ, характеризующихъ личность поэта и его произведеній. Къ числу подобныхъ статей относится и настоящій очеркъ г. Волкова, имѣющій цѣлью «представить біографію этого писателя въ связи съ безпристрастной оцѣнкой его литературной и политической дѣятельности».

Приступая къ разбору первыхъ произведеній Мицкевича, авторъ заявляетъ, что уже въ нихъ видны основные мотивы его поэзіи: «коварство» и «обманъ». Поэма «Дяды» оказывается «произведеніемъ больного ума, исполосованнаго (?) вліяніями «Вертера», «Валеріи» и «Новой Элоизы»; «Ода къ молодости», высокопарная, фразистая и вычурная, не имѣющая никакихъ художественныхъ достоинствъ, побуждала поляковъ къ мятежамъ и революціонной пропагандѣ»; а «Гражина», съ исполненнымъ противорѣчіями (? противорѣчій) и неправдоподобностями (стей) содержаніемъ, дорога полякамъ за политическія идеи». Критика, очевидно, не сложная: ложь, клевета и ненависть,—вотъ единственныя слова, достойныя, по мнѣнію автора, музы польскаго поэта. Но критическій пылъ г. Волкова на этомъ не останавливается. «Въ «Валенродѣ» М. воспѣваетъ «ненависть къ русскимъ и рекомендуетъ разрушить Россію путемъ коварства, измѣны, обмана и притворства». Поэма «Панъ Тадеушъ», полная художественной прелести, оказывается, «произведеніемъ, полнымъ противорѣчій и натяжекъ, въ которомъ М. унижался до балаганнаго остроумія и ненависть свою къ Россіи довелъ до предѣла». Эти отрывки въ достаточной степени характеризуютъ критическій тактъ г. Волкова.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Интересны пріемы, при помощи которыхъ авторъ старается доказать безнравственность, коварство и трусость М. «М. до того боялся разбойниковъ, что даже еврей оказался храбрѣе его; а евреи, — глубокомысленно замѣчаетъ авторъ,—храбростью не отличаются». Вообще, по части курьезовъ въ этомъ очеркѣ можно найти немало любопытнаго. Слово «полякъ» и «либералъ» являются для автора браннымъ терминомъ. Этотъ патріотъ до того увѣренъ въ своей правотѣ, что считаетъ излишнимъ разсматривать М. съ художественной точки зрѣнія и, объявляя поэта «лжецомъ» и «измѣнникомъ», считаетъ всякаго несоглашающагося съ нимъ «полонофиломъ». Беззастѣнчивость г. Волкова, шокирующая здравый смыслъ, доходитъ до крайности; по адресу поэта сыплется цѣлый рядъ отборныхъ ругательствъ. «Всякій вправѣ бросить грязью въ М.,—говоритъ авторъ въ концѣ своего очерка,—потому что это пѣвецъ змѣиныхъ чувствъ и змѣиной тактики, пасквильныя произведенія котораго дышатъ клеветой и испещрены выходками балаганнаго остроумія, это лукавый и гнусный рабъ, ползавшій, какъ змѣя, у ногъ господина своего и старавшійся исподтишка ужалить его въ пяту».

Очевидно, о научномъ значеніи этого тенденціознаго очерка говорить не приходится, остается только пожелать ему возможно меньшаго распространенія.

Н. Л.

Игорь, князь Сѣверскій. Древне-русская поэма въ поэтическомъ переложеніи Д. Бохана. Съ введеніемъ, примѣчаніями и историческими комментаріями. Минскъ. 1897.

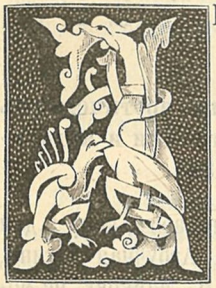
Еще одинъ переводъ «Слова о полку Игоревѣ»! Не понимаемъ, кому и для чего нужна эта маленькая неопрятно изданная книжка. Азбучная истина, что ни одинъ переводъ, хотя бы онъ принадлежалъ и А. Н. Майкову, не можетъ дать никакого представленія о такомъ древнемъ памятникѣ, какъ «Слово»: всѣ переводы являются болѣе или менѣе талантливыми, вполнѣ современными варіаціями на «Слово». Г. Боханъ скроменъ; онъ пишетъ: «не соревнованіе побудило меня взяться за переводъ «Слова», я знаю, что не переведу лучше А. Н. Майкова, Н. В. Гербеля, Л. А. Мея, а желаніе ознакомить возможно большій кругъ читателей съ такимъ произведеніемъ нашей древней литературы, которое смѣло можетъ стать на ряду съ лучшими произведеніями литературы всемірной». Желаніе г. Бохана является не совсѣмъ понятнымъ; изъ его словъ вовсе не ясно, почему нужно было печатать свой переводъ «Слова». Ознакомиться съ варіаціями на тему «Слова» всякій читатель можетъ, не прибѣгая къ помощи г. Бохана; переводы «Слова», кажется, не сдѣлались библіографическими рѣдкостями.

Впрочемъ, варіаціи г. Бохана если не лучше, то и не хуже большинства другихъ передѣлокъ.

П. Щ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.



ВТОРША ОДИССЕИ. Подъ этимъ заглавіемъ вышла недавно въ Лондонѣ курьезная книга [1]), которая возбудила живую полемику какъ въ Англіи, такъ и въ Германіи. Недовольствуясь тѣмъ, что ученые критики уже давно развѣнчали Гомера признавъ, что Иліада и Одиссея написаны не однимъ великимъ поэтомъ, а представляютъ народный эпосъ, или, другими словами, сборникъ народныхъ былинъ, Бутлеръ теперь старается доказать, что авторомъ Одиссеи была молодая женщина Навзикая, которая, какъ извѣстно, была дочерью царя Алкиноя и Ареты, а, главное, спасла самого Одиссея. Для того, чтобы обставить, какъ можно, научнѣе и основательнѣе свой парадоксъ, англійскій писатель изучилъ топографію Одиссеи, провелъ нѣсколько времени въ Сициліи и, въ концѣ концовъ, пришелъ къ тому заключенію, что вторая поэма Гомера написана въ Тропанѣ между 1100 и 1200 годами этой самой Навзикаей. Но, по его изслѣдованіямъ, она была дочерью не царя, а простого жителя Тропаны, извѣстнаго своей болтливостью. Мать ея, по его словамъ, была хорошей хозяйкой, а она сама, несмотря на свою молодость, мужественно отстаивала честь и интересы своего пола. Такимъ образомъ, если вѣрить Бутлеру, Навзикая была не только авторшей Одиссеи, но и прародительницей феминизма. Конечно, англійскіе, а въ особенности, нѣмецкіе критики даже оскорбились при такомъ легкомысленномъ отношеніи къ Гомеру, въ существованіе котораго вѣрятъ еще многіе почтенные авторитеты, между прочимъ, Гладстонъ. Они признаютъ, что трудъ Бутлера, во всякомъ случаѣ очень любопытный, представляетъ серьезный интересъ только относительно новыхъ географическихъ свѣдѣній, собранныхъ имъ на мѣстѣ;

[1]) The Authoress of the Odyssey. By Samuel Butler. London. 1898.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

но самая его гипотеза объ авторствѣ Навзикаи, по общему мнѣнію компетентныхъ лицъ, не заслуживаетъ даже обсужденія, тѣмъ болѣе, что всѣ его аргументы главнымъ образомъ сводятся къ тому, что въ Одиссеѣ вездѣ женщины обнаруживаютъ явное превосходство надъ мужчинами; такъ, самъ Одиссей, хитрый, но лживый, трусъ; Полифемъ—дуракъ; Эльпеноръ—пьяница, Телемакъ—слабодушный простякъ, и т. д.; а, напротивъ, Елена, Пенелопа, Калипсо, Авриклея и, наконецъ, сама Навзикая являются настоящими героинями, достойными всякаго уваженія. Несомнѣнно, что Одиссея отличается этой чертой превосходства женщинъ надъ мужчинами, и много разъ объ этомъ было писано, но всетаки основывать на этомъ цѣлую теорію о томъ, что поэму, приписываемую Гомеру, создала Навзикая—слишкомъ смѣло, чтобы не сказать больше. Другихъ же аргументовъ, которые имѣли бы хоть малѣйшій смыслъ, Бутлеръ вовсе не приводитъ, а потому приходится только пожалѣть, что онъ употребилъ столько труда и остроумія на подобный парадоксъ.

— Возстаніе англійскихъ поселянъ въ XIV вѣкѣ. Въ Revue Encyclopedique, отъ 7-го мая, помѣщенъ рефератъ Пети-Дютальи, въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій французской академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, за прошедшій годъ, о возстаніи поселянъ въ Англіи въ 1381 году. [1]) Хотя этотъ очеркъ знаменательнаго историческаго событія составленъ мастерски, но напрасно его авторъ увѣряетъ, что означенный эпизодъ англійской исторіи оставался необъясненнымъ до выхода, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, труда по этому предмету Андре Левиля, нашедшаго во французскихъ и англійскихъ архивахъ много драгоцѣнныхъ, дотолѣ никому невѣдомыхъ, документовъ, которые пролили свѣтъ на настоящія политическія, экономическія и соціальныя причины этого историческаго факта. Уже многіе англійскіе историки, и въ томъ числѣ Гринъ, въ своей краткой исторіи англійскаго народа, давно установили правильный взглядъ на означенный вопросъ, и гораздо ранѣе молодого французскаго профессора всѣмъ, занимающимся англійской исторіей, было извѣстно, что привело къ народному движенію, возбужденному Ватомъ Тайлеромъ. За два столѣтія до этого событія крестьяне въ Англіи пользовались лучшимъ положеніемъ, чѣмъ на континентѣ, потому что старинные обычаи охраняли ихъ отъ помѣщичьяго деспотизма. Мало-по-малу, они сдѣлались свободными арендаторами, благодаря замѣнѣ барщины рентой, а наконецъ, даже частью превратились въ собственниковъ-фермеровъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда землевладѣльцы, не желая сами эксплоатировать своей земли, дѣлили ее на участки и продавали поселянамъ. Однако, всетаки большинство сельскаго населенія состояло изъ рабочихъ, постоянныхъ и поденщиковъ. Во время земледѣльческаго кризиса, наступившаго въ половинѣ XIV вѣка, благодаря двумъ значительнымъ голодовкамъ и чумѣ 1348 года, Эдуардъ III не нашелъ лучшаго исхода изъ затруднительнаго положенія, какъ издать въ 1350 году «статутъ о рабочихъ», который обязывалъ всякаго ничѣмъ не

[1]) Sociétés Savantes: Academie des sciences morales et politiques. Revue Encyclopedique. 7 mai 1898.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

занятаго и неимѣвшаго никакихъ средствъ человѣка поступать въ работу къ лицамъ, заявлявшимъ на то требованіе, и по рыночной цѣнѣ на рабочій трудъ, существовавшій въ 1346 году. Вслѣдъ за этимъ «статутомъ» были изданы другія строгія постановленія, а землевладѣльцы, съ своей стороны, возстановили свои прежнія привилегіи и даже вернули крестьянъ къ барщинѣ. А такъ какъ суды систематично рѣшали не въ пользу бѣдныхъ поселянъ, если они осмѣливались жаловаться, то имъ осталось одно средство—возстаніе. Къ этимъ основнымъ причинамъ возстанія англійскихъ поселянъ въ XIV вѣкѣ надо еще прибавить непопулярность Плантагенетовъ, административныя злоупотребленія, недовольство мелкаго духовенства, притѣсняемаго крупными прелатами, и вліяніе народной литературы того времени, въ особенности же, коммунистическихъ балладъ о Робинѣ Гудѣ и мистической поэмы Вильяма Лангланда. Прежде всего возстали поселяне въ графствѣ Эссексѣ, а затѣмъ оно быстро распространилось во всѣ стороны, и Ватъ Тайлеръ, бывшій солдатъ, принялъ начальство надъ стотысячной рабочей арміей. Онъ прямо пошелъ на Лондонъ, ворота котораго были открыты, благодаря измѣнѣ королю, и когда Тайлеръ овладѣлъ лондонскою башнею, то молодой шестнадцатилѣтній король пошелъ на сдѣлку. Онъ вышелъ на встрѣчу поселянамъ и сказалъ имъ: «я вашъ король и повелитель, добрые люди. Что вамъ надо?» Они отвѣчали: «намъ надо, чтобы ты навсегда освободилъ насъ и наши земли». Король громко произнесъ: «я согласенъ, ступайте по домамъ, а я обѣщаю тотчасъ обнародовать указы о всеобщей амнистіи и свободѣ». Онъ сдержалъ свое слово, и дѣйствительно, въ канцеляріяхъ стали писать обѣщанныя бумаги, но тридцать тысячъ поселянъ, подъ начальствомъ Тайлера, остались въ Солотфильдѣ, чтобы наблюсти за исполненіемъ королевскихъ обѣщаній. Часть ихъ случайно столкнулась съ королевскими войсками, и произошла свалка, въ которой былъ убитъ Тайлеръ. Пользуясь этимъ счастливымъ для нихъ обстоятельствомъ, знатныя лица, бывшія вмѣстѣ съ тѣмъ и землевладѣльцами, убѣдили короля взять назадъ данное слово и затушить кровью народное возстаніе. Молодой Эдуардъ послушался и потомъ съ гордостью говорилъ матери: «радуйся и благодари Бога: я вернулъ свое наслѣдіе, которое, было, потерялъ». Хотя народное движеніе было прекращено, но оно осталось навсегда знаменательнымъ историческимъ фактомъ, бросающимъ яркій свѣтъ на соціальное положеніе Англіи въ XIV вѣкѣ.

— Прототипъ шекспировскаго Фальстафа. Сэръ Вальтеръ Безантъ продолжаетъ въ Pall Mall Magazine свои интересные очерки южнаго Лондона въ старину, и въ пятомъ изъ нихъ, помѣщенномъ въ іюльской книжкѣ этого журнала [1]), онъ разсказываетъ жизнь и приключенія сэра Джона Фастольфа, который признается оригиналомъ шекспировскаго Фальстафа. По его словамъ, если, дѣйствительно, великій драматургъ списывалъ своего несравненнаго Фальстафа съ историческаго сера Джона Фастольфа, то его портретъ не имѣетъ ни одной черты сходства съ оригиналомъ. Послѣдній былъ не трусъ, не пьяница, не ку-

[1]) South London. Y. A. Forgotten Worthy. By Sir Walter Besant. Pall Mall Magazine. June 1898.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

тила, не завсегдатай кабачковъ, а храбрый воинъ, сорокъ лѣтъ воевавшій во Франціи, энергичный администраторъ и достойный, трезвый человѣкъ. Въ одномъ отношеніи только Фальстафъ можетъ напоминать Фастольфа, именно, въ томъ, что хотя послѣдній не былъ трусомъ, но военачальникъ, подъ начальствомъ котораго онъ служилъ, лордъ Тальботъ, дѣйствительно, обвинялъ его въ трусости, чтобы спасти себя отъ нареканія въ потерѣ сраженія подъ Пате. Эта легенда такъ распространилась въ Англіи, что, дѣйствительно, трусости Фастольфа приписывали пораженіе англійскихъ войскъ и чуть не удаленіе ихъ изъ Франціи. Шекспиръ не имѣлъ никакого понятія о Фастольфѣ, кромѣ этого легендарнаго обвиненія въ трусости, и упоминаетъ въ двухъ мѣстахъ своего «Короля Генриха VI» о бѣгствѣ Джона Фастольфа отъ французовъ изъ трусости. Затѣмъ онъ уже превратилъ этого бѣднаго, ни въ чемъ неповиннаго, воина въ сэра Джона Фальстафа, этого типичнаго труса и пьяницу. Все это, по словамъ Безанта, основавшаго свой разсказъ на достовѣрныхъ документальныхъ фактахъ, — одинъ пустой вымыселъ. Въ дѣйствительности, сэръ Джонъ Фастольфъ, происходя отъ знатной норфольской семьи, родился въ 1378 г., началъ службу пажемъ у герцога Норфольскаго, а затѣмъ долго воевалъ во Франціи и занималъ видныя мѣста губернатора въ Гарфлерѣ и Конде, коменданта парижской Бастиліи и управляющаго дворомъ герцога Бетфорда, бывшаго регентомъ Франціи. Наконецъ, онъ исполнялъ должность намѣстника Нормандіи и всегда пользовался самой почетной репутаціей. Даже послѣ несчастной для Англіи битвы при Пате, отвѣтственность за которую Тальботъ старался свалить на Фастольфа, онъ продолжалъ занимать высокія должности, именно, былъ губернаторомъ Казена и два раза посланникомъ. Мало того, чтобы избавиться онъ несправедливаго обвиненія въ трусости, онъ потребовалъ слѣдствія и былъ судомъ вполнѣ оправданъ; но въ Англіи, въ особенности, въ народѣ, не было извѣстно объ этомъ оправданіи, и упорно сохранилась легенда о трусости Фастольфа, которая послужила Шекспиру основой для созданія безсмертнаго типа. Послѣ всѣхъ своихъ подвиговъ и оказанныхъ родинѣ услугъ, прототипъ Фальстафа вернулся въ Англію въ 1440 году, шестидесяти лѣтнимъ старикомъ, и получилъ правительственную пенсію. Что касается до его качествъ, какъ человѣка, то нѣтъ никакихъ доказательствъ, по словамъ Безанта, чтобы онъ хоть въ чемъ нибудь походилъ на Фальстафа. Напротивъ, сохранилось немало свидѣтельствъ современниковъ о томъ, что онъ въ старые годы былъ именитымъ гражданиномъ Лондона, жилъ въ прекрасномъ собственномъ домѣ, владѣлъ девяносто четырьмя помѣстьями, жертвовалъ большія суммы на устройство коллегій въ Кембриджѣ и Оксфордѣ, намѣревался устроить новую коллегію въ своемъ замкѣ Кестеръ и, вообще, пользовался почетной репутаціей и, конечно, никогда не подозрѣвалъ, что сдѣлается прототипомъ Фальстафа.

— Частная жизнь въ старой Франціи. Альфредъ Франклинъ продолжаетъ свои изслѣдованія о нравахъ, обычаяхъ, художествахъ, ремеслахъ, торговлѣ и модахъ во Франціи отъ XII до XVIII столѣтій [1]). Только что вышед-

[1]) La vie privée d'autrefois, par A. Franklin. XX—XXI. Paris. 1898.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

шіе томики 20 и 21, снабженные попрежнему копіями съ рѣдкихъ эстамповъ того времени, знакомятъ читателей, съ одной стороны, съ парижскими магазинами бѣлья, обуви, мѣховъ, тростей и зонтиковъ, въ доброе старое время, а съ другой, съ домашней жизнью и положеніемъ слугъ при Людовикѣ XIV. Авторъ до послѣднихъ мелочей исчерпываетъ свой предметъ, напримѣръ, посвящаетъ нѣсколько главъ исторіи рубашки и носового платка, которые считались въ старину такой дорогой роскошью, что нѣкоторые франты, одѣваясь по послѣдней модѣ, имѣли по одной рубашкѣ и по одному платку, которые они сами мыли рано утромъ на берегу Сены, тогда какъ люди богатые, знатные, посылали стирать свое тонкое бѣлье въ Голландію и даже на островъ Санъ-Доминго, а бѣдняки вовсе обходились безъ бѣлья. Весь томикъ, посвященный частной жизни въ царствованіе Короля-Солнца, занятъ перепечаткой, съ примѣчаніями и коментаріями, двухъ очень рѣдкихъ сочиненій Одиже «La maison reglée» (Регулированный домъ) и аббата Локъ-Дьё «Les devoirs des maitres et domestiques» (Обязанности господъ и слугъ), вышедшихъ въ 1692 и 1688 г. Первый изъ этихъ авторовъ былъ дворецкимъ во многихъ знатныхъ, богатыхъ семьяхъ и передаетъ намъ все, что знаетъ о господахъ и слугахъ, на основаніи своей долгой опытности, а послѣдній указываетъ, не безъ краснорѣчія, на то, какъ понимали въ XVII вѣкѣ взаимныя обязанности господъ и слугъ. Но, быть можетъ, интереснѣе этой обширной серіи маленькихъ книгъ для знакомства съ частной жизнью предковъ теперешнихъ французовъ служитъ небольшая статья Эрнеста Божита въ «Revue Hebdomadaire» о дворянахъ —стекольщикахъ въ Аргоннѣ[1]). Оказывается по достовѣрнымъ документальнымъ справкамъ, что съ XIV столѣтія существовали во Франціи дворяне, занимавшіеся производствомъ стекла, и по королевскимъ актамъ они сохранили свои дворянскія права, а бывали случаи, что и простолюдиновъ-стекольщиковъ производили въ дворянъ, но исключительно тѣхъ, которые производили стекла для церковныхъ оконъ. Что касается до дворянъ-стекольщиковъ въ Аргонѣ, то они стали появляться только въ XV вѣкѣ на берегахъ Бьемы, въ теперешнемъ департаментѣ Марны, а въ концѣ XVI, они завели цѣлый рядъ стекольныхъ заводовъ, на которыхъ преимущественно работали бутылки для бургундскаго и шампанскаго вина. Въ виду того, что они, пользуясь дворянскими привилегіями, не платили никакихъ податей и налоговъ, мѣщане и поселяне сильно протестовали, доказывая, что ремесло этихъ дворянъ гораздо ниже ихъ занятій, такъ какъ первые работали почти голые, въ одной длинной женской рубашкѣ, среди огненнаго пекла. Чтобы положить конецъ этимъ постояннымъ пререкательствамъ, дворяне-стекольщики въ концѣ XVII столѣтія обратились къ Генриху IV, при проѣздѣ чрезъ Аргонну въ Мецъ, съ просьбой урегулировать ихъ положеніе. Король ихъ уважилъ и далъ имъ патенты на производство стекла безъ нарушенія дворянскаго достоинства. Съ тѣхъ поръ никто уже не стѣснялъ этихъ тружениковъ, но они все-таки подтвердили свои права и привилегіи при Людовикахъ XIII, XIV и XV. Но зато аристократія, кичившаяся тѣмъ, что ничего не дѣлала, презрительно издѣвалась

[1]) Les gentilshommes verrier de l'Argonne, par Ernest Beaugitte. Revue Hebdomadaire. 26 mars.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

надъ ними, а мѣстные поселяне преслѣдовали ихъ самыми грубыми шутками. Но съ другой стороны, пользуясь правительственной поддержкой, дворяне-стекольщики не позволяли никому заводить стекольные заводы въ этой мѣстности, а когда одинъ богатый сосѣдъ буржуазнаго происхожденія, Вотье, вздумалъ устроить такой заводъ, то они судомъ заставили его снести всѣ возведенныя имъ постройки. Такимъ образомъ, они мирно существовали до революціи, не вмѣшиваясь въ общественныя дѣла, а исключительно занимаясь своимъ ремесломъ. Уничтоженіе ихъ привилегій и замѣна ихъ титула chevalier на всѣхъ документахъ словомъ гражданинъ очень оскорбили дворянъ-стекольщиковъ, и нѣкоторые изъ нихъ эмигрировали, а большинство хотя продолжало свою работу, но безъ большой пользы. Только при реставраціи они снова подняли голову, и ихъ годовой оборотъ достигъ 2 милліоновъ франковъ. Съ 1820 г. начался новый упадокъ въ дворянскомъ стекольномъ дѣлѣ Аргонны, такъ что изъ 13 заводовъ, процвѣтавшихъ въ XVIII вѣкѣ, передъ франко-прусской войной сохранилось только четыре, а теперь лишь одинъ, принадлежащій сестрамъ Парфонрю.

— Мемуары графа Молліена. Эти мемуары одного изъ самыхъ способныхъ министровъ Наполеона I уже были давно извѣстны, но составляли рѣдкую диковину въ немногихъ спеціальныхъ библіотекахъ. Теперь, наконецъ, они напечатаны для всѣхъ и снабжены предисловіемъ Шарля Гомеля, почтеннаго изслѣдователя французскихъ финансовъ во время революціи [1]). Почти всѣ записки и воспоминанія о наполеоновской эпохѣ, которыми съ нѣкоторыхъ поръ такъ наводнена французская литература, имѣютъ военный характеръ, а потому мемуары Молліена являются чѣмъ-то новымъ, оригинальнымъ. Читатель, которому надоѣли описанія походовъ, сраженій и т. д., съ любопытствомъ знакомится въ этихъ объемистыхъ трехъ томахъ съ финансовой, экономической и административной сторонами консульства и имперіи; при этомъ авторъ очень обстоятельно указываетъ, какъ на почвѣ старыхъ порядковъ королевской Франціи развился новый строй революціонной и императорской эпохъ. Графъ Молліенъ родился въ 1758 году и происходилъ отъ семьи руанскихъ купцовъ. Въ молодости онъ готовился въ адвокаты, но знаменитый представитель тогдашняго судебнаго краснорѣчія, Жербье, уговорилъ его бросить это намѣреніе, такъ какъ онъ предвидѣлъ въ скоромъ времени общественный переворотъ, который долженъ былъ, по его мнѣнію, унести съ собою все судебное устройство. Тогда Молліенъ предался изученію финансовъ и поступилъ сначала приказчикомъ къ одному изъ государственныхъ откупщиковъ, а потомъ чиновникомъ въ вѣдомство, контролировавшее откупа. Въ этихъ должностяхъ онъ основательно и практически познакомился съ положеніемъ французскихъ финансовъ, а въ извѣстной книгѣ Адама Смита почерпнулъ здравые экономическіе принципы. При подобномъ направленіи, очевидно, онъ не могъ отнестись сочувственно къ революціи и считалъ, что она только приведетъ къ разоренію страны. Удалившись отъ всякой общественной дѣятельности, онъ завелъ бумагопрядильную

[1]) Comte Mollien. Memoires d'un ministre du tresor public (1780—1815). Paris, 1898. 3 vol.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

фабрику, и хотя это не спасло его отъ тюрьмы, куда его посадили, какъ соучастника въ дѣлѣ откупщиковъ, которыхъ преслѣдовало республиканское правительство, но благополучно миновалъ гильотину. Не желая вторично подвергнуться опасности, онъ посѣтилъ Германію, Голландію и Англію, а на родину вернулся только послѣ 18 брюмера. Тогдашній министръ финансовъ, Годенъ, зналъ его, какъ опытнаго финансиста, а потому назначилъ его директоромъ комиссіи погашеній. Первый консулъ въ то время очень заботился о поднятіи финансовъ, и онъ часто по нѣскольку часовъ разговаривалъ съ Молліеномъ о финансовыхъ вопросахъ какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ. Каждый вечеръ Молліенъ записывалъ все, что говорилъ ему Наполеонъ, а такъ какъ его близкія отношенія съ нимъ продолжались четырнадцать лѣтъ, то, очевидно, разсказъ о нихъ представляетъ большой интересъ и является наиболѣе любопытной частью его мемуаровъ. Наполеонъ часто жаловался Молліену на недостатки своихъ министровъ, а они, завидуя его близости къ консулу, повели противъ него интригу. Одинъ изъ нихъ какъ-то сказалъ очень ехидно Наполеону: «говорятъ, Молліенъ вашъ учитель по финансовымъ дѣламъ». Эти слова оскорбили гордаго и щекотливаго диктатора; онъ прекратилъ съ нимъ всякія отношенія и впродолженіе пяти мѣсяцевъ даже не приглашалъ его къ себѣ. Но при созданіи имперіи онъ собралъ особый финансовый совѣтъ, и въ числѣ приглашенныхъ въ него экспертовъ находился Молліенъ. Засѣданіе было очень бурное, и тогдашніе министры финансовъ и казначейства подверглись страшному разносу со стороны Наполеона. Выходя изъ совѣта, онъ остановился передъ Молліеномъ и отрывисто сказалъ: «вы министръ казначейства и присягнете сегодня вечеромъ». Когда же на лицѣ Молліена выразилось сомнѣніе, то онъ прибавилъ: «вы не старайтесь меня увѣрить, что не хотите быть министромъ: отъ министерства никто не отказывается». Впродолженіе восьми лѣтъ Молліенъ былъ министромъ казначейства и совершилъ чудо изъ чудесъ, именно, добывалъ постоянно средства для войнъ Наполеона безъ одного займа. Не входя въ подробности всѣхъ проведенныхъ имъ финансовыхъ мѣръ, слѣдуетъ замѣтить, что онъ первый ввелъ въ своемъ министерствѣ двойную бухгалтерію и учредилъ контрольную палату. Конечно, во все это время онъ ежедневно видался съ Наполеономъ, который лично входилъ въ самыя мелочныя подробности финансоваго дѣла, а во время его отсутствія постоянно съ нимъ переписывался. Несмотря на рѣзкія манеры Наполеона и на его привычку всегда ставить на своемъ, онъ иногда подчинялся вліянію Молліена, который старался проводить въ каждомъ ввѣренномъ ему дѣлѣ разумныя финансовыя и экономическія теоріи. Естественно, что въ отношеніе коньковъ Наполеона, какъ, напримѣръ, континентальной системы, Молліенъ былъ обязанъ молчать и повиноваться, но за то онъ ясно понималъ, къ чему приведетъ отрицаніе Наполеономъ здравой финансовой политики, и прямо говорилъ: «Англія ведетъ борьбу современную, а Наполеонъ старомодную, въ которыхъ есть случаи, а анахронизмъ смертеленъ». Когда его предсказаніе осуществилось, и начались прежде пораженія, а потомъ катастрофы, Молліенъ лѣзъ изъ кожи, чтобы создать средства для войны. Въ январѣ 1814 года, онъ предложилъ перенести государственное казначейство за Луару, на случай нападенія

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

непріятеля на Парижъ, но императоръ цинично отвѣчалъ: «если непріятель дойдетъ до стѣнъ Парижа, то имперія перестанетъ существовать». При первой реставраціи, конечно, графъ Молліенъ не былъ призванъ къ участію въ правительствѣ, а во время ста дней, по просьбѣ Наполеона, вернулся въ свое министерство. Послѣ Ватерлоо онъ снова сдѣлался частнымъ человѣкомъ, и хотя впослѣдствіи Ришелье и Деказъ предлагали ему портфель министра финансовъ, но онъ отказался, по причинѣ разстроеннаго здоровья, и принялъ только званіе пэра, которое сохранилъ и при іюльской монархіи. Умеръ онъ, имѣя девяносто лѣтъ, въ 1848 году.

— Политическія предсказанія Наполеона I. Въ «Nouvelle Revue», отъ 15-го мая, помѣщены подлинныя слова Наполеона, слышанныя его послѣднимъ частнымъ секретаремъ, барономъ Флери-де-Шабулономъ, въ 1815 г. [1]). Эти слова были имъ записаны и найдены въ оставшихся послѣ него бумагахъ, которыя перешли къ его другу Биксіо, затѣмъ къ Барралю и, наконецъ, къ сыну послѣдняго Жоржу Барралю, напечатавшему ихъ теперь съ своими примѣчаніями. Онѣ не даромъ названы имъ пророчествами, такъ какъ, дѣйствительно, имѣютъ характеръ политическихъ предсказаній, и нѣкоторыя изъ нихъ уже давно, или недавно осуществились, хотя, конечно, попадаются и такія, которыя совершенно фантастичны, или все еще относятся къ области будущаго. Во время ста дней, именно, 31-го марта 1815 г., Наполеонъ сказалъ при Шабулонѣ тогдашнему министру внутреннихъ дѣлъ Карно: «Русскіе очень самолюбивы, и если они однажды сдѣлаются повелителями Европы, то все перевернутъ вверхъ дномъ. Когда меня не будетъ, они добьются первенства, и для этого они станутъ ухаживать за Франціей. Европа узнаетъ, чего я хотѣлъ, только лишившись меня. Тогда она пойметъ, что только я былъ достаточно силенъ, чтобы одной рукой укрощать Англію, а другой сдерживать Россію. Теперь я бросилъ мысль о созданіи великой западной имперіи, основы которой я только положилъ въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, и впредь лишь счастье и прочность французской имперіи будутъ предметомъ всѣхъ моихъ усилій. Александръ не понялъ меня въ Тильзитѣ, а иначе мы не были бы съ нимъ въ томъ положеніи относительно другъ друга, въ какомъ мы находимся теперь. Что касается до всесвѣтной монархіи, то я никогда о ней не мечталъ, и подобная утопія никогда не приходила мнѣ въ голову. Если же я погибну въ подготовляющейся борьбѣ, то Пруссія увеличится и, можетъ быть, составитъ ядро возстановленной Германіи, но это долго не продлится, и она исчезнетъ подъ ударами внутренней анархіи, или ее задушитъ славянскій элементъ, который ее поглотитъ и приведетъ къ ея первобытной формѣ. Франція возьметъ рано или поздно французскую Бельгію и сосѣднія провинціи, а также свою естественную границу на Рейнѣ, который столь же указанъ Богомъ ей въ предѣлы, какъ Альпы и Пиринеи. Италія достигнетъ единства. Испанія, овдовѣвъ относительно своихъ колоній, сдѣлается достояніемъ Португаліи. Греція пріобрѣтетъ Македонію и Іоническіе острова. Въ Балканахъ возникнутъ независимыя государства, которыя сдѣлаются, подобно Швейцаріи и Голландіи, нейтральными центрами. Австрія уступитъ

[1]) Les prophéties de Napoléon I, par Georges Barral. Nouvelle Revue. 15 mai.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

мѣсто обширной венгерской имперіи. Россія утвердится въ Константинополѣ и вмѣстѣ съ Англіей, которая заберетъ въ свои руки Африку, подѣлитъ коммерческое и матеріальное первенство. Франція останется всегда великодушной страной и лучезарнымъ свѣточемъ прогресса. Для чести человѣчества, она исчезнуть не можетъ, но ея роль будетъ преимущественно философская и интеллектуальная. Видя, что Александръ не понялъ меня въ 1812 г., я долженъ былъ возстановить польское королевство. Это было бы вмѣстѣ актомъ справедливости и ловкимъ политическимъ шагомъ. Наконецъ, я не могъ сдѣлать меньшаго для вѣрныхъ рыцарскихъ поляковъ». Произнося эти слова, Наполеонъ, по увѣренію Шабулона, прослезился, и голосъ у него задрожалъ.

— Юбилей Мишле. 23-го іюня будутъ праздновать во Франціи столѣтнюю годовщину рожденія знаменитаго историка, Жюля Мишле. Хотя онъ родился мѣсяцемъ позже, именно, 21 іюля 1798 года, но рѣшено ускорить это торжество, такъ какъ иначе учащаяся молодежь, въ виду наступающихъ каникулъ, не была бы въ состояніи принять въ немъ участіе. Программа празднествъ еще не установлена, но, по справедливому замѣчанію вдовы Мишле, преданной подруги его жизни и его помощницы въ литературныхъ трудахъ, необходимо, чтобъ приняли въ нихъ участіе, съ одной стороны, университетъ и школы, а съ другой, народъ, такъ какъ онъ одинаково служилъ дѣлу образованія и любилъ всѣми фибрами своего сердца народъ, не только на своей родинѣ, но во всемъ свѣтѣ. Эта мысль высказана г-жей Мишле въ только что напечатанной ею брошюрѣ, которая открываетъ собою юбилейную литературу. До сихъ поръ появились, кромѣ нея, еще только три статьи въ журналахъ и одна въ газетахъ, которыя заслуживаютъ вниманія, именно: «Столѣтіе Мишле», Жюля Левалуа[1]), въ первой майской книжкѣ «Revue des Revues», «Римская исторія Мишле», академика Гастона Буасье, въ первомъ апрѣльскомъ номерѣ «Revue des deux Mondes»[2]), «Неизданныя письма Мишле», Этьена Шаравея въ «Revue Bleue» отъ 28 мая[3]) и «Юбилей Мишле», анонимнаго автора въ «Temps» отъ 16-го мая[4]). Левалуа бѣгло характеризуетъ Мишле, какъ любимѣйшаго во Франціи историка, какъ писателя, впервые открывшаго широко двери исторической науки, какъ пламенно живаго профессора, сдѣлавшаго изъ каѳедры трибуну, какъ возстановителя старой Франціи и патріотическаго учителя новой, какъ философа и художника, постоянно будившаго, по мѣткому выраженію Тэна, своихъ читателей и слушателей. Буасье, въ своемъ взглядѣ на Римскую исторію Мишле, который составитъ предисловіе къ готовящемуся новому изданію этого труда, указываетъ на крупныя его достоинства и приходитъ къ тому заключенію, что хотя онъ напечатанъ впервые шестьдесятъ семь лѣтъ тому назадъ, но не потерялъ своего значенія, даже въ виду гигантскихъ шаговъ, сдѣланныхъ съ тѣхъ поръ историческими изслѣдователями древности, по той простой причинѣ, что Мишле умѣлъ воскресить прошедшее сначала въ своемъ со-

[1]) Le centenaire de Michelet, par J. Levalois. Revue des Revues. 1 mai.

[2]) L'histoire Romaine de Michelet, par G. Bouassier. Revue des deux Mondes. Avril. 1898.

[3]) Lettres inedites de Michelet, par E. Charavay. Revue Bleue. 28 mai.

[4]) Le centenaire de Michelet. Temps. 16 mai.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

знаніи, а потомъ передъ глазами читателей; поэтому, понявъ, чѣмъ Франція была обязана Риму, онъ счелъ нужнымъ, прежде чѣмъ взяться за исторію своей родины, составившей задачу всей его жизни, предпослать ей исторію Рима, которая читается до сихъ поръ съ интересомъ. Хотя статейка анонимнаго автора въ «Temps» очень краткая, но въ ней мастерски выяснена причина, почему всѣ во Франціи, безъ различія партій и убѣжденій, любятъ Мишле, зачитываются до сихъ поръ его сочиненіями и принимаютъ одинаково живое участіе въ подготовленіяхъ къ достойному празднованію его предстоящаго юбилея. По его словамъ, никто не сумѣлъ такъ, какъ онъ, соединить воедино двѣ любви, обыкновенно царящія по одиночкѣ въ человѣческомъ сердцѣ; одни любятъ прошедшее, а другіе—настоящее, но сердце Мишле было слишкомъ обширно, слишкомъ пламенно, чтобы удовольствоваться одной любовью прошедшаго или настоящаго; онъ соединялъ ту и другую, да еще прибавлялъ къ ней любовь къ будущему, а любя французскій народъ въ его прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ любилъ и все человѣчество. Что касается до отрывковъ изъ неизданныхъ писемъ Мишле, напечатанныхъ въ «Revue Bleue», то въ нихъ встрѣчаются любопытныя строки, бросающія яркій свѣтъ на его чистую, незапятнанную личность. Въ запискѣ къ одному публицисту, котораго онъ просилъ написать сочувственный отзывъ о брошюрѣ Герцена, вышедшей въ 1851 г., онъ прямо говоритъ: «Мой другъ Герценъ написалъ дружеское опроверженіе того, что я говорилъ о Россіи; это очень ново, намъ неизвѣстно и дышитъ глубокимъ интересомъ». Въ другомъ письмѣ къ одному французскому академику, Мишле горячо поддерживалъ кандидатуру Александра Ходзко на каѳедру Мицкевича въ французской коллегіи и, между прочимъ, говорилъ: «Ходзко воспитывался въ Петербургѣ, былъ долго русскимъ консуломъ на Востокѣ и одинъ изъ лучшихъ лингвистовъ Европы; къ тому же, онъ былъ другомъ и товарищемъ Мицкевича, хотя онъ столько же позитивистъ, сколько нашъ милый и великій поэтъ былъ мистикомъ». Наконецъ, въ письмѣ къ М. Проту, отъ 30-го января 1859 г., онъ разсказываетъ, какъ былъ профессоромъ исторіи у дочерей короля Луи-Филиппа, изъ которыхъ одна принцесса Клементина, мать болгарскаго князя, до сихъ поръ жива. «Я недолго былъ преподавателемъ принцессъ, которыхъ очень любилъ, говоритъ онъ, и отказавшись отъ получаемаго содержанія, которое мнѣ предлагали сохранить, я задолго до февральской революціи разстался съ своими ученицами. Я не ждалъ паденія монархіи, а убѣдившись, что и ученицы мнѣ не вѣрятъ такъ всецѣло, какъ я надѣялся, не вѣрятъ больше, чѣмъ отцу, я ушелъ; а какъ онѣ были прелестны, я полагаю, что люблю ихъ до сихъ поръ. Да проститъ мнѣ республика!» Во всѣхъ указанныхъ статьяхъ нѣтъ никакихъ біографическихъ свѣдѣній о Мишле, кромѣ этихъ строкъ, но въ сущности, его жизнь была очень однообразна и не представляетъ интересныхъ перипетій. Сынъ бѣднаго разорившагося типографщика, онъ, однако, получилъ хорошее воспитаніе въ лицеѣ Карла Великаго и поступилъ сначала репетиторомъ въ частный пансіонъ, а потомъ былъ учителемъ коллегіи Sainte-Barbe и профессоромъ въ нормальной школѣ. Въ 1830 году онъ посѣтилъ Италію, а въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ директоромъ историческаго отдѣла въ національномъ архивѣ. Три

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

года онъ замѣнялъ Гизо на каѳедрѣ исторіи въ Сорбоннѣ, а въ 1838 году занялъ такую же каѳедру въ College de France. Благодаря своему отказу присягнуть декабрьскому герою, онъ лишился этой каѳедры и мѣста въ архивѣ. Послѣдніе годы онъ провелъ частью въ окрестностяхъ Парижа и въ Нанси, а частью въ Женевѣ; умеръ же онъ въ 1874 г.

— Египетъ въ XIX вѣкѣ. По поводу египетскаго вопроса и происходящаго въ настоящее время новаго завоеванія Египтомъ Судана вышли двѣ книги, одна на англійскомъ, а другая на французскомъ языкахъ. Авторъ первой Д. Камеронъ [1]), бывшій судья въ Каирскомъ мѣстномъ судѣ, а теперь англійскій консулъ въ Портъ-Саидѣ, рисуетъ полную картину Египта за послѣднія сто лѣтъ, отъ французской экспедиціи 1798 года до занятія Египта англичанами. Конечно, главнымъ центромъ этой вѣковой исторіи служитъ эпоха знаменитаго Мегмета-Али, но чтобы его личность и необыкновенные успѣхи были понятны, то Камеронъ представляетъ бѣглый очеркъ могущества мамелюковъ въ средніе вѣка. Это могущество, выражавшееся содержаніемъ многочисленной арміи, роскошнымъ дворомъ въ Каирѣ и великолѣпными зданіями, поддерживалось тѣмъ, что въ ихъ рукахъ были всѣ морскіе и сухопутные пути на востокъ. До открытія пути вокругъ мыса Доброй Надежды въ 1498 г., мамелюки пользовались исключительной монополіей индійской торговли съ Левантомъ, а Венеція была ихъ агентомъ на континентѣ. Насколько велики были ихъ доходы, можно судить по одному подлинному документу, найденному Камерономъ въ консульскихъ архивахъ; въ немъ говорится, что одинъ аравійскій купецъ провезъ чрезъ Суецъ партію шелка, индиго и пряностей на 10.000 фун. стерл. а одной пошлины заплатилъ 4000. Пораженіе египетскаго флота на Красномъ морѣ португальцами въ 1509 году и послѣдовавшее затѣмъ завоеваніе Сиріи и Египта турками положило конецъ силѣ и монополіи мамелюковъ. По вполнѣ справедливому замѣчанію Камерона, желаніе забрать въ свои руки египетскую транзитную торговлю породило и экспедицію Наполеона, и политику Мегмета-Али, и оппозицію противъ нея Пальмерстона. Большая часть книги Камерона занята обстоятельнымъ разсказомъ о томъ, какъ Мегметъ-Али сдѣлался изъ табачнаго торговца въ Турціи и потомъ арнаутскаго вожака могущественнымъ пашей, который не только овладѣлъ всѣмъ Египтомъ и сдѣлался независимымъ отъ турокъ, но и успѣшно, долгое время, боролся съ европейскими державами. Также подробно описываетъ онъ уничтоженіе мамелюковъ, войны съ окрестными африканскими племенами, завоеваніе Судана и сирійскій походъ, во время котораго Мегметъ-Али столкнулся съ Англіей, послѣ чего его могущество поколебалось. Исторія Египта, отъ смерти великаго паши до появленія тамъ англичанъ въ 1882 году, передана болѣе въ сжатомъ видѣ. Что касается до французской книги объ Египтѣ, то она представляетъ не общій очеркъ, а спеціальную монографію завоеванія Судана при Мегметъ-Али и тогдашнее положеніе [2]). Ея авторъ, Генри Дегюренъ, рисуетъ рельефную картину Судана въ то время, когда Мегметъ-Али задумалъ его присоединеніе

[1]) Egypt in the nineteenth century. By D. Cameron. London. 1898.

[2]) Le Soudan Egyptien sous Mehemet-Ali, par H. Dehurain. Paris. 1898.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

къ Египту съ политической цѣлью. Завоеваніе этой обширной страны, занимавшей тогда значительную часть африканскаго континента, продолжалось два года. Затѣмъ Мегметъ-Али занялся эксплоатаціей этой страны и нетолько установилъ тамъ спокойствіе и безопасность, но развилъ производительныя ея силы, сдѣлалъ изъ Хартума большой коммерческій центръ и посылалъ нѣсколько экспедицій для открытія источниковъ Нила. При преемникахъ Мегмета-Али, хедивахъ Измаилѣ и Теффикѣ, предѣлы египетскаго Судана распространились на югъ до озера Альберта, на востокъ до Краснаго моря и Абиссиніи, а на западъ до Удая. Какъ извѣстно, вслѣдствіе событій 1881 и 1882 годовъ, восточный Суданъ былъ потерянъ для Египта, и только теперь египетская армія, подъ начальствомъ англичанъ, старается вернуть потерянное.

— Прусскій военный агентъ въ Вѣнѣ во время Крымской кампаніи. Недавно вышедшій первый томъ мемуаровъ генерала князя Гогенлоэ[1]) бросаетъ яркій свѣтъ на роль современныхъ военныхъ агентовъ и тѣ способы, которыми они пріобрѣтаютъ необходимыя свѣдѣнія. Въ началѣ 1854 года молодому князю, родственнику теперешняго канцлера и тогда гвардейскому артиллерійскому офицеру, предложено было занять постъ прусскаго военнаго агента въ Вѣнѣ. Хотя до тѣхъ поръ онъ только слушалъ лекціи въ военной академіи и велъ веселую жизнь въ свѣтскомъ обществѣ, но оказалось, что выборъ военнаго начальства былъ удаченъ. Онъ получилъ самую общую инструкцію и странные совѣты; такъ, напримѣръ, король сказалъ ему на прощанье: «веселитесь въ Вѣнѣ», а графъ Вальдерзее прибавилъ: «въ Австріи можно все узнать, только ухаживая за женщинами». Но, прибывъ на мѣсто, Гогенлоэ тотчасъ обнаружилъ замѣчательную ловкость, а когда австрійскія военныя власти, несмотря на то, что Пруссія была союзницей Австріи, отказались сообщать ему, подъ разными предлогами, свѣдѣнія о составѣ и дислокаціи своей арміи, то онъ сталъ собирать ихъ инымъ путемъ. То, что ему не удавалось узнать отъ австрійскихъ офицеровъ, во время дружеской бесѣды и веселой попойки, онъ узнавалъ чрезъ шпіоновъ, въ числѣ которыхъ главную роль игралъ нѣкто, котораго онъ называетъ Іереміей. Въ 1848 году, этотъ Іеремія участвовалъ въ вѣнскомъ возстаніи, а потомъ въ венгерской революціи; когда Россія явилась на помощь Австріи, то сталъ играть двойную роль, продавая русскихъ венгерцамъ и венгерцовъ русскимъ. Потомъ онъ былъ гражданскимъ инженеромъ у Лессепса на Суэзскомъ каналѣ, но такая работа ему не понравилась, и онъ снова вернулся къ любимому шпіонству, въ которомъ ему такъ везло, что онъ находился въ личныхъ отношеніяхъ съ императоромъ Наполеономъ III, Францемъ-Іосифомъ и турецкимъ султаномъ. Онъ находился въ Штутгартѣ при свиданіи Наполеона III съ Александромъ II, въ 1857 году, но два года спустя, передъ самымъ началомъ войны между Франціей и Австріей, Іеремію нашли однажды утромъ мертвымъ въ постели и тотчасъ похоронили безъ вскрытія тѣла по распоряженію полиціи. По словамъ князя Гогенлоэ, онъ никогда не видывалъ такого красавца, какъ этотъ шпіонъ, и его красота, его лазуревые глаза, свѣтлорусые

[1]) Aus meinen Leben. Aufzeichnungen des Prinzen Kraft zu Hohenloe Ingelfilgen. Berlin. 1898.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

волосы и мягкій, благородный, любезный взглядъ много помогали ему въ его позорномъ ремеслѣ. Заручившись его помощью, князь въ короткое время близко узналъ всю подноготную австрійской арміи и обо всемъ подробно донесъ въ Берлинъ. Эти свѣдѣнія были чрезвычайно важны для Пруссіи, такъ какъ въ то время Франція, воюя съ Россіей, всячески старалась переманить на свою сторону Австрію и Пруссію. Однако, не вполнѣ довѣряя Іереміи, князь Гогенлоэ самъ повѣрялъ доставляемыя имъ свѣдѣнія свидѣтельствомъ австрійскихъ офицеровъ, съ которыми онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и среди которыхъ образовалъ клубъ поклонниковъ Тальони. Въ этомъ клубѣ, гдѣ будто бы говорили и думали о балетѣ и балетной звѣздѣ, онъ хитро разставлялъ свои сѣти и ловилъ неопытныхъ юношей. Благодаря ловкости своего военнаго агента, Пруссія узнала всю правду о недостаткахъ военнаго устройства Австріи и, убѣдившись такимъ образомъ, что на свою союзницу разсчитывать плохо, сохранила сама нейтралитетъ и принудила ее къ тому же во все время крымской кампаніи. Относительно Іереміи еще слѣдуетъ прибавить, что, по увѣренію князя Гогенлоэ, онъ ему ничего не стоилъ, такъ какъ дѣйствовалъ подъ опасеніемъ, что князь, знавшій всѣ его тайны, предастъ его суду, а такъ какъ онъ получалъ жалованье отъ Россіи, то выходило, что русское правительство оплачивало прусскаго шпіона.

— Воспоминанія двухъ итальянскихъ генераловъ. Итальянскіе генералы Делла-Рока и Баратьери написали свои воспоминанія: первый — относительно борьбы за свободу и независимость родины [1]), а послѣдній — о своемъ несчастномъ походѣ въ Абиссинію [2]). Книга Делла-Рока называется автобіографіей и продиктована старымъ генераломъ, умершимъ недавно на девяностомъ году жизни. Вышедшій первый томъ доходитъ до 1859 года, и старикъ запретилъ выпускать второй и послѣдній томъ втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока не улягутся національныя и личныя страсти. Хотя эти воспоминанія страдаютъ многими длиннотами, но въ нихъ заключается немало интереснаго и даже новаго о важныхъ историческихъ событіяхъ, въ которыхъ принималъ участіе авторъ. Въ особенности, онъ старается обѣлить роль Наполеона III, какъ освободителя Италіи, такъ какъ въ послѣднее время принято въ Италіи умалять значеніе французской помощи и даже приписывать Наполеону постыдныя цѣли. Что касается до «Африканскихъ воспоминаній» Баратьери, то, конечно, побѣжденный генералъ лѣзетъ изъ кожи, чтобы доказать свою невиновность въ пораженіи абиссинцами итальянской арміи. По его словамъ, подтвержденнымъ фактами, во всемъ виновны были ошибочная итальянская политика и плохой составъ ввѣренныхъ ему войскъ, въ которыхъ большинство солдатъ были волонтеры и различные искатели приключеній. Конечно, онъ гнѣвно отрицаетъ взведенное на него обвиненіе въ томъ, что онъ рискнулъ напасть при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ на болѣе многочисленнаго врага, изъ злобы, что на его мѣсто уже былъ назначенъ генералъ Бальдисера. Его защиту призналъ вполнѣ правильной военный

[1]) Autobiografia di un Veterano. Di Enrico della Rocca. Bolonia. 1898.
[2]) Memoria d'Africa 1892—1896. Di Baratieri. Turino. 1898.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

судъ, оправдавшій его, и вообще его книга ясно доказываетъ, если въ этомъ было еще сомнѣніе, что подъ Адуей не былъ разбитъ неспособный генералъ, а была разбита неумѣлая политика Криспи.

— Взглядъ американскаго посланника на К. П. Побѣдоносцева. Съ нѣкоторыхъ поръ представители американской республики при европейскихъ дворахъ начали печатно высказывать свое мнѣніе о государяхъ, при которыхъ они были акредитованы, и о государственныхъ людяхъ, съ которыми они приходили въ столкновеніе. Въ майской книжкѣ «Century Magazine» появилась статья бывшаго американскаго посланника въ Петербургѣ и занимающаго теперь тотъ же постъ въ Берлинѣ, Андрю Вайта, подъ заглавіемъ «Одинъ изъ государственныхъ людей Россіи: Константинъ Побѣдоносцевъ» [1]). «Прибывъ въ Петербургъ въ ноябрѣ 1892 г.,—начинаетъ онъ свой очеркъ,—я желалъ познакомиться наиболѣе изъ всѣхъ русскихъ съ К. П. Побѣдоносцевымъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, въ англійскихъ и американскихъ газетахъ, этого человѣка обвиняли въ самыхъ ненавистныхъ человѣческихъ качествахъ: въ ханжествѣ, лицемѣріи и жестокости; его называли прямо «Торквемадой XIX столѣтія» и гонителемъ католиковъ въ Польшѣ, лютеранъ въ балтійскихъ провинціяхъ и въ Финляндіи, штундистовъ и другихъ сектантовъ во всѣхъ частяхъ Россіи. Фактически онъ всѣми признавался за самаго вліятельнаго человѣка въ Русской имперіи при Александрѣ III, какъ въ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ дѣлахъ. Естественно, что я очень желалъ видѣть и понять такую личность, а потому былъ очень радъ, что мнѣ дали порученіе изъ министерства войти съ нимъ въ соглашеніе, относительно разрѣшенія нѣкоторыхъ щекотливыхъ вопросовъ, возникшихъ между греческой церковью и властями на Аляскѣ, а также о представительствѣ Россіи на выставкѣ въ Чикаго. Признаюсь, я посѣтилъ его впервые въ его министерскомъ дворцѣ съ чувствомъ сомнѣнія. Но все въ его обстановкѣ напоминало о бывшемъ профессорѣ, а окружавшая его прекрасная библіотека доказывала его любовь къ искусству и литературѣ. Повидимому, это былъ добрый, ученый человѣкъ, и онъ охотно приступилъ къ обсужденію тѣхъ вопросовъ, которые я по порученію своего правительства представилъ его вниманію, обнаруживая большой интересъ къ общественнымъ дѣламъ. Конечно, было мало политическихъ или религіозныхъ вопросовъ, по которымъ наши мнѣнія сходились, но онъ обнаружилъ, насколько могъ, полную готовность удовлетворить желаніямъ моего правительства, и такимъ образомъ, началось одно изъ самыхъ интересныхъ знакомствъ, которое когда нибудь выпадало на мою долю. Онъ обыкновенно принималъ своихъ пріятелей по воскресеньямъ, вечеромъ, между девятью и двѣнадцатью часами, и много такихъ вечеровъ провелъ я съ нимъ въ кабинетѣ, обсуждая за стаканомъ ароматичнаго русскаго чая всевозможные вопросы съ полнѣйшей свободой». Затѣмъ Вайтъ излагаетъ мнѣнія К. П. Побѣдоносцева по главнѣйшимъ пунктамъ обвиненій, предъявляемыхъ противъ него въ англійской и американской прессѣ, и по словамъ американскаго посланника при-

[1]) A statesman of Russia: Constantine Pobedonostzeff. by A. White. Century Magazine. May.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

чины, побуждающія его держаться политики, называемой нѣкоторыми англійскими и американскими публицистами репрессивной и реакціонной, далеко не такъ поверхностны, какъ думаютъ эти публицисты. «Она основана на его религіозныхъ вѣрованіяхъ, — говоритъ Вайтъ, — и на его убѣжденіяхъ, какъ государственнаго человѣка. Считая въ качествѣ православнаго установленную въ имперіи церковь первобытнѣйшей, чистѣйшей формой существующаго нынѣ христіанства и видя съ эстетической точки зрѣнія въ ея обрядахъ и въ православномъ церковномъ искусствѣ осуществленіе его идеаловъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ государственный человѣкъ, признаетъ ее великимъ связующимъ началомъ для того громаднаго государства, въ предѣлахъ котораго она распространена. Ни въ одномъ изъ нашихъ разговоровъ онъ не произнесъ рѣзкаго слова о религіозныхъ идеяхъ или о церквахъ, противоположныхъ его идеямъ и церкви, но ясно было, что онъ считаетъ протестантство и вообще всѣ секты элементами той дезинтеграціи, которая въ его глазахъ близится въ Европѣ къ кризису, и католическую церковь къ Польшѣ политической силой, враждебной русской имперіи и русскому вліянію. Что касается до православной церкви, то г. Побѣдоносцевъ вполнѣ видитъ ея слабыя стороны и жаждетъ устранить вкравшіяся въ нее злоупотребленія. Относительно евреевъ онъ не высказывалъ мнѣ никакихъ враждебныхъ чувствъ, но мѣры противъ нихъ объясняются имъ тѣмъ мотивомъ, что нигдѣ нѣтъ столько евреевъ, какъ въ Россіи, что они не ассимилируются съ политическимъ строемъ Россіи, и что ихъ изолированье необходимо для огражденія сельскаго населенія. Для него соціализмъ и анархизмъ, со всѣми ихъ послѣдствіями, симптомы широко-распространеннаго политическаго и общественнаго недуга, который приведетъ къ погибели цивилизацію, отвергнувшую православіе, а съ тѣмъ вмѣстѣ отвернувшуюся отъ Богомъ данной власти, даровавшую силу закона капризамъ неграмотнаго большинства и признавшую голосомъ Божьимъ голосъ толпы, не понимающей ни своего высшаго блага, ни даже своихъ матеріальныхъ интересовъ. Ясно, что онъ смотритъ на Россію, какъ на носительницу среди другихъ націй идеи Богомъ данной и церковью освященной власти, какъ на имперію, которой суждено спасти принципъ божественнаго права». Среди другихъ мнѣній К. П. Побѣдоносцева, высказанныхъ Вайту и передаваемыхъ имъ въ его статьѣ, укажемъ на главнѣйшія. «Относительно воспитанія, замѣчаетъ американецъ, онъ придерживается того принципа, проводимаго повсюду въ Россіи, что для высшаго класса, управляющаго страной, необходимо высшее образованіе, но что народныя массы всего болѣе нуждаются въ религіозно-нравственномъ воспитаніи, которое научитъ ихъ быть довольными смиреннымъ положеніемъ, выпавшимъ по волѣ Божьей на ихъ долю». По словамъ Вайта, его собесѣдникъ высказывалъ во всемъ, что онъ русскій и гордится всѣмъ русскимъ, какъ бы противоположны ни были явленія, которыми онъ гордится, отъ петербургскихъ дрожекъ, хуже которыхъ трудно придумать, по мнѣнію американца, способа передвиженія, до Льва Толстого, мнѣнія котораго онъ считаетъ въ корнѣ ложными, но литературная слава котораго ему дорога. Обвиненіе англійскими и американскими публицистами К. П. Побѣдоносцева въ лицемѣріи Вайтъ отвергаетъ, какъ вполнѣ несправедливое, и видитъ въ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

немъ искренно религіознаго человѣка, хотя исключительно православнаго; что касается до страннаго на первый взглядъ пристрастія К. П. Побѣдоносцева къ американскимъ писателямъ, въ особенности къ Готорну, Лавелю и Емерсину, то Вайтъ объясняетъ это литературнымъ талантомъ К. П. Побѣдоносцева, сочиненія котораго, въ особенности рукописная поэма, отличаются, по замѣчанію американца, глубокимъ поэтическимъ чувствомъ и замѣчательной стилистической силой. Не менѣе любви своего героя къ американской литературѣ поразилъ Вайта приведенный имъ мотивъ противъ единенія православной и англиканской церквей. На вопросъ, мѣшаетъ ли этому единенію, о которомъ столько говорено было въ послѣднее время, разногласіе катехизисовъ, онъ отвѣчалъ: «Нѣтъ, это просто вопросъ діалектики. Но съ кѣмъ намъ соединиться: съ высокой англиканской церковью, съ широкой или съ низшей? Въ англиканской церкви существуютъ три опредѣленныхъ вѣтви съ различными идеями о церковномъ строѣ, съ различными догматами, которую же изъ нихъ православная церковь должна считать настоящей представительницей англиканской вѣры?» Въ концѣ концовъ, американецъ приходитъ къ тому заключенію, что К. П. Побѣдоносцевъ не только замѣчательный юристъ и богословъ, но человѣкъ съ замѣчательной силой характера, вполнѣ преданный русскимъ идеямъ, которыя такъ отличаются отъ европейскихъ, и производящій на всѣхъ глубокое впечатлѣніе своими крупными умственными способностями и искренностью.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

СМѢСЬ.

МУРАВЬЕВСКІЙ музей. Открытіе въ Вильнѣ памятника графу Михаилу Николаевичу Муравьеву громко говоритъ, какъ высоко цѣнитъ Россія подвигъ знаменитаго государственнаго дѣятеля, не только положившаго конецъ всѣмъ мечтаніямъ объ отторженіи Сѣверо-Западнаго края Россіи, но и направившаго жизнь этой окраины по историческому ея руслу. Не засыпаетъ и ненависть къ графу Муравьеву, возбужденная въ тѣхъ, чьи планы онъ разрушилъ въ 1863 году. Въ настоящеее время въ Вильнѣ, какъ и во всемъ краѣ, уже порѣдѣли ряды русскихъ людей, предъ глазами которыхъ совершилась въ теченіе двухъ лѣтъ пребыванія графа М. Н. Муравьева въ Вильнѣ коренная перемѣна въ положеніи края; а ближайшихъ сотрудниковъ графа, которые могли бы разсказать о дѣятельности его современнымъ работникамъ, почти совсѣмъ нѣтъ. Съ другой стороны, усиленно работаетъ и ненависть къ памяти графа М. Н. Муравьева и его дѣлу во всѣхъ сферахъ жизни. Полагаясь на двухъ своихъ союзниковъ — время и нашу забывчивость къ прошлому, она все сильнѣе пытается воздѣйствовать на сознаніе современнаго русскаго человѣка и представить ему дѣятельность графа въ искаженномъ видѣ. И работа эта совершается, къ сожалѣнію, не совсѣмъ безуспѣшно: уже теперь встрѣчаются русскіе люди, которые начинаютъ пѣть съ чужаго голоса, что мятежъ при графѣ Муравьевѣ былъ незначительный, что въ Ковенской губерніи его совсѣмъ не было. Пожалуй, скоро скажутъ, что мѣры, вызванныя мятежемъ, были при-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

няты графомъ М. Н. Муравьевымъ ради собственнаго его удовольствія. Такимъ образомъ, съ одной стороны, постепенное удаленіе отъ эпохи дѣятельности графа Муравьева, а съ другой усилія противниковъ его памяти и его дѣлъ затемняютъ дѣятельность графа М. Н. Муравьева, которую необходимо изучать по документамъ, по дѣламъ его. Но это не легкое дѣло; документы хранятся въ архивахъ, доступныхъ лишь избраннымъ, а вещественные памятники его дѣятельности разсѣяны по всему краю. Достиженію того, чтобъ эти препятствія къ изученію дѣятельности графа М. Н. Муравьева были устранены, чтобъ изученіе его дѣятельности было вполнѣ облегчено, можетъ способствовать Муравьевскій музей, который имѣетъ въ виду устроить въ Вильнѣ генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Троцкій. Въ этомъ музеѣ предполагается сосредоточить: 1) Муравьевскій архивъ, куда вошли бы дѣла по различнымъ отрослямъ управленія, рѣшенныя графомъ. 2. Муравьевскую библіотеку, въ составъ которой вошли бы періодическія изданія, выходившія въ краѣ при графѣ Муравьевѣ, а равно и книги и статьи періодической прессы, посвященныя описанію событій 1863—1865 годовъ и оцѣнкѣ трудовъ графа, записки и воспоминанія сотрудниковъ Муравьева. 3) Фотографическія изображенія тѣхъ церквей и часовенъ православныхъ, которыя возстановлены изъ развалинъ графомъ Муравьевымъ (желательно было бы имѣть фотографіи ихъ и въ состояніи разрушенія) и вновь построены; а равно и другихъ сооруженій 1863—1865 г. для правительственныхъ и общественныхъ учрежденій. 4) Памятныя записки о томъ, что сдѣлано графомъ для улучшенія различныхъ учрежденій. 5) Портреты графа Муравьева и его сотрудниковъ и картины, изображающія эпизоды изъ жизни края въ 1863—1865 гг. 6) Вещи, оставшіяся послѣ графа Муравьева, имѣющія отношенія къ пребыванію его въ Вильнѣ.

Такой музей могъ бы стать новымъ прекраснымъ памятникомъ графу Муравьеву, а вмѣстѣ съ тѣмъ и прекраснымъ воспитательнымъ учрежденіемъ для многихъ и многихъ изъ русскихъ людей. Посѣщающіе музей и изучающіе его легко могли бы составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ, въ какое тяжелое, безотрадное положеніе поставлена была Россія въ началѣ 1863 года системой уступокъ полонизму, съ одной, и разыгравшимся вслѣдствіе этого польскимъ мечтаніямъ, съ другой стороны; какъ быстро, энергично и умѣло подавилъ графъ Муравьевъ вспыхнувшій мятежъ и какъ удачно повелъ онъ затѣмъ трудное дѣло возрожденія края. Прослѣдить ходъ этой работы, обоснованной на несомнѣнно-вѣрномъ историческомъ положеніи, что Сѣверо-Западный край былъ искони русскимъ краемъ, въ высшей степени интересно и поучительно, не только потому, что такимъ путемъ легче всего прійти къ правильному взгляду на значеніе подвига графа Муравьева, но и особенно потому, что изученіе дѣятельности Михаила Николаевича въ указанномъ направленіи не можетъ не содѣйствовать воспитанію вѣрнаго историческаго смысла, вѣрнаго пониманія задачъ, которыя, по завѣту исторіи, должна выполнить Россія въ этомъ краѣ. («Виленскій Вѣстникъ»).

Чествованіе памяти П. С. Мочалова. 26-го апрѣля, общество любителей россійской словесности въ Москвѣ чествовало въ торжественномъ публичномъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

засѣданіи память знаменитаго артиста-писателя Павла Степановича Мочалова, по поводу исполнившагося пятидесятилѣтія со дня его кончины. Актовая зала университета, гдѣ происходило засѣданіе, была переполнена публикой. Каѳедра была убрана тропическими растеніями; среди зелени возвышался портретъ П. С. Мочалова, представляющій артиста въ роли Мейнау. Программа засѣданія была украшена снимкомъ съ этого портрета. Засѣданіе открылось заявленіемъ секретаря Д. Д. Языкова, сообщившаго, что общество любителей россійской словесности, признавая тѣсную связь литературы съ театромъ и съ давнихъ поръ имѣя въ ряду своихъ сочленовъ извѣстныхъ артистовъ-писателей, не могло не почтить память П. С. Мочалова по случаю пятидесятилѣтія со дня его кончины. Поэтому общество постановило устроить въ память П. С. Мочалова торжественное засѣданіе вмѣстѣ съ выставкой портретовъ, картинъ, афишъ и рѣдкихъ изданій. Предсѣдатель общества Н. И. Стороженко привѣтствовалъ прибывшую спеціально на засѣданіе дочь покойнаго артиста Е. П. Шумилову. Отъ общества ей былъ поднесенъ роскошный букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Послѣ этого Н. И. Стороженко произнесъ вступительное слово о П. С. Мочаловѣ, а В. Е. Якушкинъ прочелъ очеркъ жизни Мочалова. Послѣ перерыва, во время котораго публика осматривала выставку, князь А. И. Сумбатовъ (Южинъ) произнесъ рѣчь на тему: «Мочаловъ въ жизни и на сценѣ». Въ концѣ засѣданія почетный членъ общества, артистка М. Н. Ермолова продекламировала стихотвореніе А. А. Григорьева о Мочаловѣ. Рѣчи были покрыты апплодисментами. Устроенная обществомъ выставка въ память П. С. Мочалова была открыта 27-го апрѣля съ 10 до 5 час. дня. Дочь артиста доставила на выставку большіе портреты отца, матери и жены Мочалова.

Общество любителей древней письменности. I. 10-го апрѣля состоялось общее собраніе, подъ предсѣдательствомъ члена комитета общества И. А. Бычкова. Предсѣдателемъ было заявлено о томъ, что сербскій король прислалъ въ даръ обществу экземпляръ драгоцѣннаго изданія: «Евангеліе князя Мирослава». Затѣмъ П. К. Симони сдѣлалъ сообщеніе: «Нѣсколько замѣтокъ къ исторіи Сносудца или Сонника, какъ одной изъ отреченныхъ и гадательныхъ книгъ». Изложивъ вкратцѣ исторію ониромантики у народовъ древняго міра: евреевъ, ассиріянъ, вавилонянъ и особенно грековъ, и указавъ на фрагменты снотолкованій на глиняныхъ дощечкахъ, найденныхъ въ 1866 году въ Ниневіи въ развалинахъ Ассурбанапала, какъ на самый древній образецъ сонниковъ вообще, докладчикъ коснулся онирометрическихъ трудовъ византійцевъ и отчасти народовъ западнаго міра въ средніе вѣка и въ новѣйшія времена. Перейдя затѣмъ къ онирометріи у славянъ, докладчикъ перечислилъ замѣчанія о сносудцахъ и относящихся къ нимъ суевѣріяхъ по спискамъ книгъ истинныхъ и ложныхъ и по обличеніямъ русскихъ проповѣдниковъ, кончая Максимомъ Грекомъ, и представилъ собранію отрывокъ сербскаго Сновника по рукописи В. И. Григоровича XV вѣка. Въ заключеніе референтъ предложилъ вниманію общества два рукописныхъ русскихъ перевода Сонниковъ XVIII вѣка съ польскихъ изданій 1696 и 1700 гг. и сообщенные докладчику г. Вольскимъ латинскій текстъ гадальной книги XV вѣка и польскій текстъ книжки «Wyklad snów», много помогающіе изученію текста русскихъ Сонниковъ XVIII

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вѣка. С. Л. Пташицкій сдѣлалъ нѣсколько дополненій къ реферату П. К. Симони. Далѣе было прочитано присланное Н. М. Петровскимъ сообщеніе: «Къ исторіи русскаго театра». Авторъ сообщенія въ библіотекѣ Казанскаго университета нашелъ не упоминавшуюся до сихъ поръ въ нашей научной литературѣ «Комедію о графѣ Фарсонѣ». Найденный списокъ ея сдѣланъ, повидимому, въ 1738 году Алексѣемъ Ратоболевскимъ въ Пензѣ, но испорченность текста позволяетъ предполагать, что копія 1738 года—не близкій потомокъ оригинала. По мнѣнію автора сообщенія, пьеса является неумѣлымъ опытомъ переложенія въ драматическую форму романа, перешедшаго изъ нѣмецкой литературы въ русскую при посредствѣ польскаго перевода. II. Въ послѣднемъ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ графа С. Д. Шереметева, единогласно выбраны на новое трехлѣтіе: предсѣдателемъ графъ С. Д. Шереметевъ, членами комитета И. А. Бычковъ, Д. Ѳ. Кобеко, Л. Н. Майковъ, членами ревизіонной комиссіи, А. П. Барсуковъ и Г. Ѳ. Штендманъ, въ почетные члены Д. Ѳ. Кобеко. Затѣмъ былъ прочитанъ отчетъ за 1897—1898 гг. По даннымъ отчета, общество состоитъ въ настоящее время изъ 9 почетныхъ членовъ, 29 дѣйствительныхъ и 102 члена-корреспондента. Дѣятельность общества выражалась въ собраніяхъ комитета, для обсужденія и рѣшенія вопросовъ, вызывавшихся жизнью общества, въ общихъ собраніяхъ, гдѣ читались научныя сообщенія, и въ изданіи памятниковъ древне-русской письменности и древне-русскаго искусства. Въ заключеніе, по словамъ «Правительственнаго Вѣстника», было указано на то, что въ истекшемъ году его императорское высочество наслѣдникъ цесаревичъ и великій князь Георгій Александровичъ оказалъ обществу высокую честь подписаться на изданія общества. Въ томъ же засѣданіи С. Ѳ. Платоновъ сдѣлалъ сообщеніе: «Первые политическіе шаги Бориса Годунова», высказавъ главнымъ образомъ слѣдующія положенія. Московская титулованная знать была подвергнута такому преслѣдованію со стороны Грознаго, что среди «земскихъ» бояръ къ 1584 году не осталось ни одного Рюриковича, кромѣ окольничаго князя Ѳ. Троекурова. По смерти Грознаго государствомъ правила не «пентархія» бояръ, а ближайшіе родственники царя Ѳеодора, Н. Р. Юрьевъ, а затѣмъ Годуновъ съ помощью братьевъ Щелкаловыхъ. Князья же Мстиславскіе и Шуйскіе оставались въ роли первыхъ чиновъ двора, не имѣя дѣйствительнаго вліянія на дѣла. Незамѣтно, чтобы среди бояръ въ первые годы по смерти Грознаго успѣли образоваться правильныя партіи. Высылка въ Угличъ царевича Димитрія не была поэтому результатомъ борьбы придворныхъ партій, а имѣла лишь предупредительное значеніе. И столкновенія Годунова съ Мстиславскимъ и Шуйскими не имѣли характера борьбы «будущихъ династій», какъ выражался С. М. Соловьевъ, а было простою ссорою отдѣльныхъ семей за придворное положеніе и вліяніе. Однако, эта ссора побудила Годунова оформить свое положеніе у власти. Съ 1587 года, въ особенности съ того времени, когда Шуйскіе пытались составить мірское челобитье о расторженіи царскаго брака, Годуновъ начинаетъ распространять свой титулъ «правителя», добивается права постояннаго участія въ дипломатическихъ сношеніяхъ, организуетъ свой дворъ и усвоиваетъ ему особый этикетъ. Всѣ эти отличія дѣлаютъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

его формальнымъ регентомъ государства. Не позднѣе 1595 года Борисъ вводитъ въ церемоніи своего двора, въ качествѣ дѣйствующаго при посольскихъ пріемахъ лица, сына своего Ѳеодора, и въ этомъ впервые сказывается его мысль о пріобрѣтеніи наслѣдственной власти въ государствѣ.

Премія Г. О. Карпова. 24-го апрѣля состоялось засѣданіе императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ въ Москвѣ для объявленія о результатахъ VI присужденія преміи имени Г. Ѳ. Карпова. Избранная обществомъ комиссія по присужденію этой преміи, въ составѣ профессора Д. И. Иловайскаго, профессора В. О. Ключевскаго и членовъ общества С. А. Бѣлокурова, В. О. Эйнгорна и А. П. Сапунова, по выслушаніи представленныхъ ей избранными ею рецензентами отзывовъ о трехъ представленныхъ на соисканіе преміи сочиненіяхъ, постановила удостоить преміи сочиненіе В. А. Уляницкаго,—«Историческое развитіе русскихъ консульствъ за границею»—часть 1-я, и присудила золотую медаль профессору М. К. Любавскому за рецензію одного изъ представленныхъ на конкурсъ сочиненій.

Воронежская публичная библіотека. Изъ доставленнаго намъ отчета библіотеки и ея отдѣленій имени А. В. Кольцова и И. С. Никитина въ Воронежѣ и отдѣленія въ г. Бобровѣ за 1897 г. мы заимствуемъ слѣдующія свѣдѣнія. 19-го октября 1897 г. открыто отдѣленіе имени И. С. Никитина; комитетъ отдѣленія, впрочемъ, былъ выбранъ еще въ январѣ, но былъ занятъ пересмотромъ и разборкой пожертвованныхъ книгъ, переплетеніемъ ихъ, составленіемъ каталога, пріисканіемъ помѣщенія и проч. Библіотека помѣщена на окраинѣ города, близъ пригородной слободы Чижевки, и потому, сообразно характеру мѣстности, абонементъ установленъ чрезвычайно дешевый. Такъ какъ средства отдѣленія очень ограничены, то оно могло дѣйствовать главнымъ образомъ благодаря кредиту со стороны книжныхъ магазиновъ и сбору со спектакля въ пользу библіотеки. Приходъ отдѣленія составилъ 1.165 р. 84 коп., расходъ 1.125 р. 29 к., причемъ расходы пошли почти исключительно на первоначальное обзаведеніе. Книгъ состояло 1.648 томовъ, журналовъ 1.035 томовъ, дешевыхъ книгъ 523 тома, всего 3.206 книгъ, изъ которыхъ пожертвовано 2.585 и куплено 621 томъ. За 2 мѣсяца 12 дней дѣятельности отдѣленія поступило абонентовъ 630, выбыло 111, къ 1-му января 1898 г. состояло 519. Изъ статистическихъ матеріаловъ отдѣленія очень интересна таблица причинъ выбытія подписчиковъ, среди которыхъ встрѣчаемъ болѣзни, отъѣздъ, недосугъ, дальность разстоянія (наибольшее относительно число выбытій между учащимися дѣтьми), отсутствіе теплой одежды, денегъ передъ праздниками, неимѣніе въ отдѣленіи книгъ о войнѣ (2 выбытія—рабочіе разныхъ разрядовъ) и проч. Наиболѣе вліятельны, повидимому, отъѣзды, недосугъ, дальность разстоянія и неудовлетворенность разныхъ видовъ (послѣдняя составляетъ 9% всего числа выбытій). Еще скромнѣе была дѣятельность Бобровскаго отдѣленія, въ которомъ приходъ составилъ 634 р. 80 к., расходъ 333 р. 44 к., остатокъ 301 р. 36 к., въ томъ числѣ 80 р. залоговъ. Подписчиками состояло 76 лицъ, инвентарь увеличился на 292 тома. Отчетъ Кольцовской библіотеки отсутствуетъ въ доставленномъ намъ экземплярѣ. Наконецъ, центральное учрежденіе, Воронежская публичная библіотека, продолжала свою дѣятельность безъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

особыхъ измѣненій сравнительно съ прежними годами. Приходъ составилъ 4.288 р. 3 к., расходъ 3.634 р. 12 к., остатокъ на 1 января 1898 г. 653 р. 91 к. Залоговъ къ отчетному году состояло 1.739 р., поступило 2.199 р., возвращено 2.044 р., осталось 1.814 р. Къ 1 января 1897 г. книгъ состояло 43.876 томовъ, въ отчетномъ году куплено 402 названія въ 1.027 томахъ, пожертвовано 927 названій въ 2.033 томахъ, а всего 1.329 названій въ 3.060 томахъ; къ концу года состояло 46.936 томовъ. Посѣтителей въ читальнѣ было 12.791 чел., подписчиковъ состояло 1.218. Изъ пожертвованій особенно выдаются вклады П. П. Кривошеина, П. П. Олсуфьева, свящ. Ингеницкаго и П. И. Макарова.

Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки за 1897 г. свидѣтельствуетъ о непрекращающемся ростѣ этого учрежденія, хотя на содержаніе библіотеки городскимъ общественнымъ управленіемъ было въ этомъ году ассигновано 8.220 р., т. е. менѣе, чѣмъ въ предъидущемъ, на 300 р. Обогатилась библіотека книгами 4.074 названія въ 8.023 томахъ на сумму до 10.240 р., изъ числа которыхъ пожертвовано 3.541 названіе въ 6.672 томахъ на сумму до 8.500 р., куплено 451 названіе въ 1.169 томахъ на сумму 1.558 р. 84 к. и обмѣнено на дублеты 82 названія въ 182 томахъ на 181 р. 47 к., такъ что къ 1 января 1898 г. инвентарь библіотеки включалъ 53.169 названій въ 101.561 томѣ. Кромѣ книгъ, библіотека имѣетъ 15 рукописей, 177 гравюръ (нѣсколько очень рѣдкихъ), 280 автографовъ (въ отчетномъ году поступили автографы М. Н. Каткова, Н. П. Кондакова и друг.) и нѣсколько портретовъ. Сверхъ того, при городской публичной библіотекѣ находится въ распоряженіи ея правленія и для пользованія ея посѣтителей библіотека Одесскаго славянскаго благотворительнаго общества изъ 2.545 названій въ 3.647 томахъ и небольшой коллекціи рукописей и старопечатныхъ книгъ— 54 экз., которая въ отчетномъ году ничѣмъ не пополнилась, какъ и въ предшествующемъ. Изъ поступленій въ библіотеку на первомъ мѣстѣ должно поставить пожертвованіе барона П. Ѳ. Бюлера, принесшаго въ даръ библіотеку своего покойнаго отца, барона Ѳ. А. Бюлера, въ 2.029 томахъ, изъ которой очень цѣнными и рѣдкими изданіями пополнились отдѣлы исторіи, археологіи и всеобщей литературы. Освѣдомившись о столь цѣнномъ вкладѣ въ библіотеку, Одесская городская дума выразила пожертвователю благодарность отъ имени города особымъ приговоромъ. Засимъ, при особомъ содѣйствіи Г. Г. Маразли, наслѣдники одесскаго врача Д. К. Далласа пожертвовали его библіотеку изъ 760 томовъ исключительно медицинскихъ книгъ, и гг. Звенигородскій, Щукинъ, Ленцъ, Бранденбургъ и др. обогатили библіотеку цѣнными изданіями. Билетовъ на право занятія въ библіотекѣ въ отчетномъ году выдано 5.065: мужчинамъ 4.339, женщинамъ 726, больше противъ прошлаго года на 215. Означенныя лица посѣтили библіотеку 54.833 раза; требованій въ отчетномъ году удовлетворено 83.268; отказано было въ 293 требованіяхъ книгъ, изъятыхъ изъ обращенія по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ; статистика же отказовъ по другимъ причинамъ не велась, о чемъ нельзя не пожалѣть, такъ какъ, напримѣръ, отказы за неимѣніемъ той или другой книги очень характерны для дѣятельности каждой библіотеки.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Книжный складъ и типографія Саратовскаго земства. Отчетный годъ губернской управы охватываетъ 1½ года, съ 1-го мая 1896 г. по 1-е ноября 1897 г., ибо по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ всѣ земскіе отчеты должны составляться по однообразнымъ вѣдомостямъ и отчетные годы считаться отъ 1-го января по 1-е января. Изъ отчета по 1-е мая 1897 года видно, что чистой прибыли отъ всѣхъ операцій получено 8.417 руб. 30 коп., на лицо состояло 6.765 р. 99 к., а капиталы возросли съ 47.730 р. 24 к. до 54.764 р. 18 к., причемъ этотъ успѣхъ объясняется расширеніемъ операцій, особенно книжнаго склада, давшаго чистой прибыли 1.073 р. 86 к. За дальнѣйшее полугодіе, по 1-е ноября 1897 г. обороты еще болѣе увеличились и прибыль составила 4.352 р. 88 к. За отчетное время книжнымъ складомъ продано на 105.676 р. 56 к., причемъ возростаніе его оборотовъ соотвѣтствуетъ росту его популярности даже внѣ Саратовской губерніи. Въ числѣ покупателей скадъ насчитываетъ, кромѣ уѣздныхъ земствъ, народныхъ школъ и библіотекъ, также и средне-учебныя заведенія, разныя школы, врачей, священниковъ, учителей, юристовъ и проч. Одной изъ главныхъ своихъ задачъ складъ считаетъ распространеніе въ губерніи лучшихъ народныхъ книгъ по возможно дешевой цѣнѣ и на удобныхъ условіяхъ, для чего въ гг. Петровскѣ и Аткарскѣ и сс. Баландѣ, Базарномъ-Карбулакѣ и друг. открыты отдѣленія, а въ Аткарскомъ уѣздѣ имѣется особый книгоноша. Сверхъ того, увеличивая сбытъ учебныхъ книгъ и пособій, складъ дешевле ихъ пріобрѣтаетъ и потому дешевле продаетъ,—въ текущемъ году съ 15% уступки (въ прошломъ году—12%, а до того—10%), причемъ выписка по почтѣ изъ склада обходится, при маломъ разстояніи, въ 4—5 разъ дешевле, чѣмъ отъ издателей или изъ столицъ. На прочія же, кромѣ учебныхъ, книги складъ уступаетъ попрежнему 10% и лишь въ исключительныхъ случаяхъ повышаетъ скидку до 15%. Видное мѣсто въ дѣятельности склада занимаютъ народныя библіотеки, причемъ нерѣдко покупатели обращаются съ просьбой о высылкѣ книгъ по выбору склада. Наконецъ, складъ беретъ на себя и посредничество по выпискѣ книгъ, не имѣющихся въ немъ на лицо. Заслуживаетъ вниманія дѣятельность аткарскаго книгоноши, на которой можно изучать особенности и вырабатывать цѣлесообразные пріемы книжной торговли по деревнямъ.

Городецкій музей Волынской губерніи. Годъ тому назадъ («Историческій Вѣстникъ», т. LXVIII, стр. 613 сл.) мы сообщали объ открытіи Городецкаго музея Волынской губерніи барона Ѳ. Р. Штейнгель; въ настоящее время намъ доставленъ отчетъ за первый годъ существованія музея (25 ноября 1896—25 ноября 1897 г.), составленный г. Бѣляшевскимъ и посвященный XI-му археологическому съѣзду. Въ отчетномъ году музей пополнился вкладами гг. Мошкова (предметы народнаго быта, фотографіи, записи произведеній народнаго творчества, описанія различныхъ мѣстностей), Матвѣева (фотографіи съ памятниковъ старины), Яремича и друг. Приведеніе въ порядокъ, разборка и опись предметовъ производились при особомъ содѣйствіи баронессы Н. К. Врангель и графа Б. Г. Толстого. Всего поступило въ музей 950 №№, изъ коихъ въ географическомъ отдѣлѣ состоитъ 354, въ антропологическомъ 16, въ археологическомъ 103, въ этнографическомъ 252, библіотекѣ 179 и

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

не вошедшихъ въ отдѣлы 46 №№; естественный отдѣлъ еще не приведенъ въ порядокъ. Географическій отдѣлъ состоитъ главнымъ образомъ изъ фотографій, какъ новыхъ, такъ и старыхъ, изображающихъ различныя мѣстности Волынскаго края, и историко-географическихъ матеріаловъ: актовъ, церковно-приходскихъ лѣтописей и т. п. Антропологическій отдѣлъ составился изъ раскопокъ четырехъ могильниковъ въ Ровенскомъ уѣздѣ, произведенныхъ въ іюлѣ и августѣ 1897 г. барономъ Ѳ. Р. Штейнгелемъ и Н. Ф. Бѣляшевскимъ. Археологическій отдѣлъ, кромѣ того же источника, пополнился изъ разрытаго въ с. Большомъ Олексинѣ Ровенскаго уѣзда стариннаго (XVI в. ?) склепа и пожертвованій. Очень богатъ отдѣлъ этнографическій, состоящій изъ утвари, костюмовъ, обрядовыхъ принадлежностей и т. п.

† **Л. П. Сабанѣевъ.** 25 марта въ Ялтѣ скончался извѣстный охотникъ-зоологъ, редакторъ издатель журнала «Природа и Охота», Леонидъ Павловичъ Сабанѣевъ. Сынъ инженеръ-полковника, покойный родился въ Ярославлѣ въ 1844 г. и получилъ образованіе въ петербургскомъ 2-мъ кадетскомъ корпусѣ, откуда перешелъ въ ярославскій лицей (имѣвшій въ то время характеръ средняго камеральнаго училища) и, наконецъ, поступилъ вольнымъ слушателемъ въ Московскій университетъ по естественному отдѣленію физико-математическаго факультета. Своею склонностью къ естественнымъ наукамъ Л. П. былъ обязанъ, главнымъ образомъ, А. С. Петровскому, преподавателю естественной исторіи въ ярославской гимназіи, а потомъ и въ лицеѣ, и основателю мѣстнаго общества для изученія природы и населенія Ярославской губ. Знатокъ мѣстной флоры, любитель природы, человѣкъ увлекающійся и энергичный, А. С. Петровскій умѣлъ возбуждать и въ другихъ интересъ къ естественнымъ наукамъ, что сказывалось и на Л. П. Сабанѣевѣ, которому онъ давалъ уроки на дому. Еще ребенкомъ Л. П. собиралъ растенія, охотился, разводилъ пѣвчихъ птицъ, занимался уженіемъ рыбы; во время пребыванія въ университетѣ занятія эти приняли болѣе осмысленный характеръ и выразились, между прочимъ, въ изученіи водящихся въ Ярославской губ. звѣрей и птицъ, въ раскопкахъ мѣстныхъ кургановъ и т. п., давшихъ матеріалъ для статей, напечатанныхъ въ «Запискахъ ярославскаго общества» и въ «Трудахъ ярославскаго статистическаго комитета». Получивъ въ 1870 году степень кандидата, Л. П. отправился вскорѣ по окончаніи курса, по порученію общества испытателей природы, на Уралъ, гдѣ провелъ около года, занимаясь охотою и изученіемъ мѣстной фауны. Вернувшись на нѣкоторое время въ Москву, онъ затѣмъ вторично посѣтилъ Уралъ, пробывъ тамъ въ общей сложности около двухъ лѣтъ. Плодомъ этого пребыванія на Уралѣ было нѣсколько статей («Зауральскія озера», «Княспинское озеро» и др.), помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ, а также общій обзоръ фауны въ книгѣ «Позвоночныя средняго Урала». По возвращеніи въ Москву, Л. П. задумалъ основать, вмѣстѣ съ покойнымъ профессоромъ А. С. Усовымъ, научно-популярный естественно-историческій сборникъ, который и сталъ выходить съ 1872 года подъ названіемъ «Природа», четырьмя книжками въ годъ. Сборникъ издавался роскошно, на хорошей бумагѣ, съ хромолитографіями (исполнявшимися за границей), фототипіями, политипажами въ текстѣ, при участіи многихъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

извѣстныхъ ученыхъ; средства на изданіе Л. П. употребилъ отчасти свои, отчасти полученныя отъ владѣльца желѣзодѣлательныхъ заводовъ г. Пастухова. «Природа» издавалась нѣсколько лѣтъ, но не встрѣтила достаточной поддержки въ публикѣ и въ 1877 году прекратилась, принеся Л. П—вичу одни убытки. Въ 70-хъ же годахъ Л. П. основалъ другой органъ — «Журналъ Охоты», преобразованный впослѣдствіи въ «Природу и Охоту». Въ 1887 г. при этомъ журналѣ онъ сталъ издавать «Охотничью Газету». Изданіе это было въ цѣломъ, несомнѣнно, лучшимъ охотничьимъ журналомъ, который когда либо издавался въ Россіи, и въ немъ появилась масса статей, весьма интересныхъ и содержательныхъ какъ въ охотничьемъ, такъ и въ зоологическомъ отношеніи. Въ истекшемъ году исполнившееся двадцатипятилѣтіе издательской дѣятельности Леонида Павловича послужило поводомъ къ подачѣ ему адреса отъ императорскаго общества правильной охоты, котораго онъ былъ однимъ изъ членовъ-учредителей. Помимо редактированія журнала и гатеты, Л. П. Сабанѣевъ напечаталъ и выпустилъ въ свѣтъ большое количество научныхъ трудовъ, изъ которыхъ многіе составляютъ цѣнный вкладъ. Капитальнымъ его сочиненіемъ является «Рыбы Россіи» въ двухъ томахъ. Изъ другихъ научныхъ трудовъ его слѣдуетъ указать: «Очеркъ позвоночныхъ средняго Урала» и «Монографіи птицъ». Составленный имъ «Указатель» книгъ и статей охотничьяго и зоологическаго содержанія былъ награжденъ императорскимъ обществомъ акклиматизаціи животныхъ и растеній большою золотою медалью. Общество признало эту книгу замѣчательною по полнотѣ собраннаго въ ней матеріала. Особенною популярностью среди охотниковъ пользуется «Охотничій Календарь» Л. П. Сабанѣева, представляющій полную справочную книгу по вопросамъ охоты. Очень цѣнное и самостоятельное изслѣдованіе составляетъ недоведенный покойнымъ до конца трудъ «Собаки». Въ послѣднее время, по порученію министерства земледѣлія, Л. П. Сабанѣевъ готовилъ къ изданію «Библіографическій указатель» по рыболовству и рыбнымъ промысламъ, который въ рукописи почти доведенъ до конца. Покойный принималъ дѣятельное и близкое участіе по приглашенію министерства государственныхъ имуществъ и земледѣлія въ выработкѣ закона объ охотѣ и въ послѣднее время состоялъ постояннымъ членомъ высочайше утвержденной комиссіи по пересмотру законовъ объ охотѣ.

Л. П. Сабанѣевъ состоялъ членомъ многихъ естественно-историческихъ и охотничьихъ обществъ. Въ императорскомъ обществѣ испытателей природы онъ занималъ одно время въ началѣ своей дѣятельности мѣсто секретаря; въ императорскомъ обществѣ правильной охоты онъ былъ непремѣннымъ членомъ. Покойный былъ однимъ изъ учредителей Русскаго охотничьяго клуба. Онъ устроилъ въ Москвѣ первую выставку Общества правильной охоты; выставки птицеводства, рыбоводства также стали устраиваться по его иниціативѣ. Своими многочисленными статьями Л. П. Сабанѣевъ подготовилъ почву для новаго закона объ охотѣ. На Уралѣ имъ были собраны богатыя зоологическія коллекціи, которыя были переданы въ разные музеи. Покойный отличался крѣпкимъ здоровьемъ и лѣтъ до 50-ти едва ли когда болѣлъ; эта увѣренность въ своихъ силахъ, повидимому, и была причиной его преждевре-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

менной смерти. Онъ проводилъ, напримѣръ, цѣлые часы въ холодные осенніе дни на рѣкѣ, ночевалъ даже въ лодкѣ въ октябрѣ мѣсяцѣ и т. д. Въ молодости такіе эксперименты еще сходили, но въ извѣстномъ возростѣ они уже стали рискованными, и схваченный однажды и запущенный бронхитъ перешелъ на легкія и въ концѣ концовъ сломилъ крѣпкій организмъ на 54-мъ году жизни («Русск. Вѣд.» № 94; «Моск. Вѣд.» № 95; «Нов.» № 96).

† **Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій.** 21-го апрѣля, въ Москвѣ, скончался послѣ тяжкой болѣзни (отъ саркомы) извѣстный художникъ, профессоръ баталистической живописи Николай Дмитріевичъ Дмитріевъ-Оренбургскій. Сынъ помѣщика Оренбургской губерніи, Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій родился въ Нижнемъ Новгородѣ 1-го ноября 1838 г. Получивъ образованіе въ уфимской гимназіи, онъ готовился къ военной службѣ, но, по настоянію почетнаго вольнаго общника академіи художествъ Зацѣпина и Ростовцева, поступилъ въ академію художествъ, гдѣ занимался у тогдашняго ректора академіи Ѳ. А. Бруни. Получивъ четыре малыхъ и одну большую серебряныя медали, онъ въ 1860 г. получилъ малую золотую медаль за программу «Олимпійскія игры», а затѣмъ сталъ готовиться къ конкуррированію на большую золотую медаль. Два года подъ рядъ попытки его не увѣнчивались успѣхомъ (картины «Великая княгиня Софія Витовтовна на свадьбѣ великаго князя Василія Темнаго» и «Стрѣлецкій бунтъ»), а на третій годъ онъ, вмѣстѣ съ 12 товарищами, отказался отъ исполненія программы, заданной совѣтомъ, вышелъ вмѣстѣ съ ними изъ академіи съ званіемъ класснаго художника 2-й степени и образовалъ первую въ Россіи художественную артель. Выступивъ изъ академіи, онъ отказался также отъ духовно-историческихъ картинъ, по отдѣлу которыхъ онъ шелъ въ академіи, а сталъ писать портреты, рисунки для иллюстрацій и картины чисто народнаго жанра, за одну изъ которыхъ — «Утопленникъ въ деревнѣ», академія художествъ дала ему въ 1868 г. званіе академика. Въ слѣдующемъ году онъ совершилъ путешествіе въ свитѣ въ Бозѣ почивающаго великаго князя Николая Николаевича по Кавказу и Закавказью; результатомъ этой поѣздки явился альбомъ изъ 42 карандашныхъ рисунковъ. Въ 1871 г. онъ былъ отправленъ на 3 года въ Германію, гдѣ работалъ подъ руководствомъ Кнауса и Вотье въ Дюссельдорфѣ. По истеченіи этого срока, Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій оставался за границею въ Парижѣ около 10 лѣтъ и въ теченіе этого времени написалъ рядъ картинъ изъ русскаго народнаго жанра, сюжеты для которыхъ онъ бралъ во время своихъ лѣтнихъ пріѣздовъ въ Россію. Живя въ Парижѣ, онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ русско-турецкой войны, по окончаніи которой представилъ эскизы нѣкоторыхъ картинъ изъ этой войны императору Александру II. Эскизы понравились, и императоръ поручилъ художнику написать рядъ картинъ. Н. Д. горячо принялся за работу и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ написалъ свыше 30 картинъ, находящихся въ Зимнемъ дворцѣ (въ Помпеевской галлереѣ), въ великокняжескихъ дворцахъ и у частныхъ любителей. Изъ этихъ картинъ наибольшею извѣстностью пользуются «Аттака Зеленыхъ горъ 27-го августа 1877 г.», «Представленіе Османа-паши императору Александру II», «Въѣздъ великаго князя главнокомандующаго въ г. Тырново 30-го іюня 1877 г.», «Пожаръ въ деревнѣ», «Эпизодъ изъ бол-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

гарской войны» и др. Въ 1883 г. онъ получилъ званіе профессора баталистической живописи. Произведенія его выставлялись преимущественно въ парижскомъ салонѣ, и лишь съ 1885 г., когда онъ переселился въ Петербургъ, они стали появляться на петербургскихъ выставкахъ. Въ Петербургѣ имъ былъ открытъ, при его мастерской, рисовальный классъ, который, однако, не далъ художнику матеріальныхъ выгодъ. Кромѣ баталистическихъ и чисто народныхъ жанровыхъ картинъ, покойнымъ было сдѣлано много рисунковъ для разныхъ иллюстрированныхъ изданій, а также иллюстраціи на сюжеты изъ произведеній Пушкина, Некрасова и Тургенева. (Новости» № 111; «Нов. Вр.» № 7957).

† **О. Г. Топоровъ.** Въ первыхъ числахъ апрѣля, въ Москвѣ, скончался академикъ живописи Ѳома Гавриловичъ Топоровъ. Покойный родился въ 1820 году. Будучи сыномъ крестьянина, онъ провелъ дѣтство въ одной изъ деревень Галичскаго уѣзда, Костромской губерніи. Художественное дарованіе обнаружилось въ покойномъ съ раннихъ лѣтъ. Безъ руководителя, онъ еще мальчикомъ научился прекрасно владѣть углемъ и своими рисунками, преимущественно изъ священной исторіи, удивлялъ односельчанъ. Когда онъ узналъ о намѣреніи отца отправить его въ Москву для обученія ремеслу, то рѣшилъ бѣжать туда, гдѣ можно научиться рисовать. Вскорѣ представился удобный случай: одинъ изъ односельчанъ ѣхалъ въ Петербургъ и захватилъ съ собой будущаго художника. Ѳ. Г. поступилъ въ Петербургѣ въ ученье къ маляру, узналъ здѣсь объ академіи художествъ и сталъ усиленно стремиться попасть въ составъ академическихъ учениковъ. Стремленіе его осуществилось, и онъ кончилъ въ 1846 году академію по классу живописи, получивъ нѣсколько наградъ за свои картины. Въ 1855 году былъ удостоенъ званія академика живописи. Съ 1849 по 1884 годъ покойный преподавалъ рисованіе въ Николаевскомъ сиротскомъ институтѣ. Имъ произведено много работъ по церковной и портретной живописи. Нѣсколько его произведеній были пріобрѣтены для Эрмитажа. («Новое Время» № 7943).

† **П. В. Дворжецкій-Богдановичъ.** 2-го апрѣля, въ мѣстечкѣ Шавли, Ковенской губерніи скончался Павелъ Викторовичъ Дворжецкій-Богдановичъ, много поработавшій на поприщѣ провинціальной прессы. Съ 1885 г. по 1890 годъ онъ работалъ въ качествѣ секретаря редакціи «Курскаго Листка», гдѣ былъ помѣщенъ длинный рядъ статей его по вопросамъ мѣстной и общественной жизни; нѣкоторое время онъ состоялъ фактическимъ редакторомъ «Листка». Кромѣ того, онъ помѣстилъ множество замѣтокъ, корреспонденцій, разсказовъ въ слѣдующихъ изданіяхъ: «Орловскомъ Вѣстникѣ», «Минскомъ Листкѣ», «Русскомъ Курьерѣ», «Новостяхъ», «Русскихъ Вѣдомостяхъ», «Кіевской Старинѣ» и др. Смерть произошла отъ отравленія нашатырнымъ спиртомъ, принятымъ по ошибкѣ вмѣсто раствора бромистаго калія. («Русск. Вѣд.» № 86).

† **А. И. Лебедевъ.** Въ первыхъ числахъ апрѣля, въ С.-Петербургѣ, похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ художникъ-иллюстраторъ Александръ Игнатьевичъ Лебедевъ. Покойный, по окончаніи курса въ училищѣ топографовъ, служилъ недолго землемѣромъ, затѣмъ избралъ для своей дѣятельности поприще художника-иллюстратора. Въ 50-хъ годахъ онъ былъ приглашенъ со-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

трудничать въ «Искрѣ» В. С. Курочкина и Н. Степанова, впослѣдствіи помѣщалъ свои рисунки въ различныхъ юмористическихъ журналахъ—«Шутѣ», «Осколкахъ» и др. Особенно удавались покойному изображенія купцовъ, мелкихъ чиновниковъ и столичной богемы. Въ 60-хъ годахъ А. И. издалъ альбомъ рисунковъ подъ заглавіемъ «Погибшія, но милыя созданья» съ текстомъ, составленнымъ имъ вмѣстѣ съ покойнымъ Всеволодомъ Крестовскимъ. («Новое Время» № 7944).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

I.

О пресѣкшихся дворянскихъ родахъ князей Ромодановскихъ и князей Ромодановскихъ-Лодыженскихъ.

Въ майской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ А. В. Верещагинъ помѣстилъ небольшой разсказъ о посѣщеніи имъ «послѣдней княжны Ромодановской». Къ ней его свезъ пріятель его, помѣщикъ Великолуцкаго уѣзда, едва знавшій княжну и видѣвшій ее всего раза два. Очевидно, что онъ не могъ сообщить автору разсказа основательныхъ данныхъ, а потому въ напечатанную статейку вкрались нѣкоторыя неточности. Имѣя въ своемъ распоряженіи несомнѣнныя документальныя свѣдѣнія о послѣдней представительницѣ рода Ромодановскихъ, считаю полезнымъ огласить ихъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» для возстановленія дѣйствительныхъ фактовъ.

Время своего свиданія съ послѣдней представительницей рода памятнаго «князя-кесаря» А. В. Верещагинъ относитъ къ 1892 или 1893 г., говоря, что ѣздилъ къ ней «лѣтъ пять тому назадъ», и представляетъ ее женщиной «лѣтъ 60—65, богатырскаго сложенія». Со словъ, безъ сомнѣнія, своего пріятеля онъ считаетъ ее послѣдней Ромодановской.

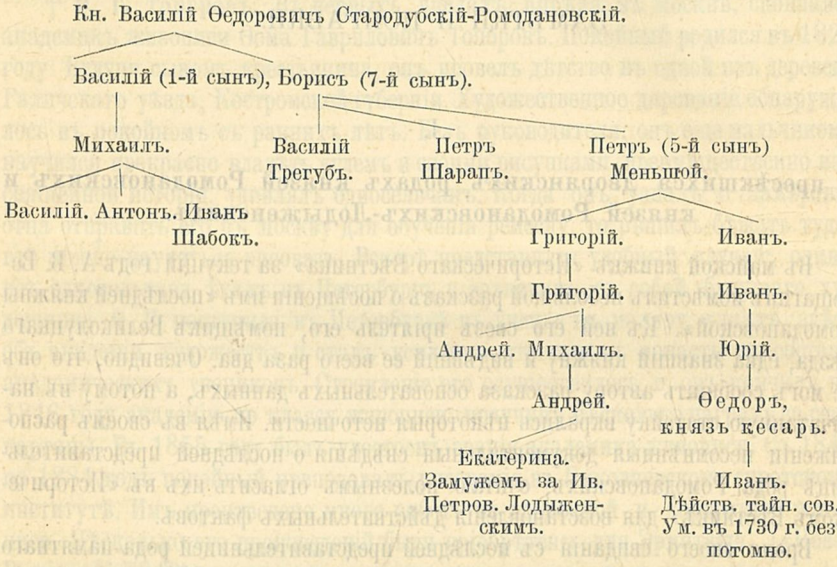
По документамъ же выходитъ такъ. Личность, которую посѣтилъ А. В. Верещагинъ, была княжной Софіей Александровной Ромодановской-Лодыженской, дочерью генералъ-лейтенанта Александра Николаевича и внукой дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора Николая Ивановича, перваго князя Ромодановскаго-Лодыженскаго. По метрическому свидѣтельству она родилась 20-го сентября 1811 года. Точное время ея смерти мнѣ неизвѣстно, но послѣднее прошеніе по ея семейному дѣлу, поданное отъ ея имени довѣреннымъ, подписано 11-мъ апрѣля 1890 года. Въ октябрѣ того же 1890 года ея дѣло вступило въ окончательный фазисъ, и насколько припомню, ея уже тогда не было въ живыхъ. Слѣдовательно, въ 1890 году, когда отъ ея имени поступило прошеніе, ей было 79 лѣтъ, и она, конечно, во время свиданія съ А. В. Верещагинымъ, въ началѣ 1890-хъ годовъ, будучи уже на девятомъ десяткѣ своей жизни, едва ли могла казаться женщиною 60—65 лѣтъ. Надо допустить, что

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

она, вѣроятно, благодаря своему богатырскому сложенію, сохранила необыкновенную моложавость.

Родъ князей Ромодановскихъ записанъ въ Бархатной книгѣ и происходилъ отъ удѣльныхъ князей Стародубскихъ, родоначальникомъ коихъ былъ князь Иванъ Всеволодовичъ (потомокъ Рюрика въ десятомъ колѣнѣ), получившій Стародубъ въ удѣлъ отъ роднаго своего брата великаго князя Ярослава Всеволодовича. Потомокъ его, въ шестомъ поколѣніи, князь Василій Ѳедоровичъ Ромодановскій былъ родоначальникомъ княжеской фамиліи этого имени.

Вотъ родословная князей Ромодановскихъ.



Въ 1730 году, послѣдній изъ рода Ромодановскихъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Иванъ Ѳедоровичъ — сынъ «князя-кесаря», умеръ безпотомно, и родъ этотъ пресѣкся, причемъ съ точностью я не знаю, пережила ли его княжна Екатерина Андреевна Ромодановская, по мужу Лодыженская, или ея тогда не было въ живыхъ.

Во всякомъ случаѣ, шестьдесятъ восемь лѣтъ князей Ромодановскихъ не существовало, и только 8-го апрѣля 1798 года сыну Екатерины Андреевны (рожденной княжны Ромодановской) и мужа ея Ивана Петровича Лодыженскихъ, дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору Николаю Ивановичу Лодыженскому, именнымъ указомъ императора Павла I, всемилостивѣйше дозволено принять титулъ и фамилію князей Ромодановскихъ и именоваться впредь потомственно княземъ Ромодановскимъ-Лодыженскимъ.

Новый княжескій родъ, какъ видно изъ приводимой вслѣдъ засимъ родословной, не существовалъ и столѣтія и имѣлъ всего четырехъ представителей мужскаго пола, изъ которыхъ двое были князьями по возведенію и двое (князья Константинъ и Юрій) по рожденію.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Кн. Екатерина Ромодановская—за Ив. Петр. Лодыженскимъ.

Николай, д. т. сов. сенаторъ,
князь Ромодановскій-Лодыженскій

Князь Александръ, ген.-лейт. съ 14-го ноября 1799 г.

Кн. Константинъ. Ум. въ 1871 г.	Кн. Юрій. Ум. въ 1869 г.	Княжна Марія. Ум. въ 1873 г.	Княжна Софія. Род. 20-го сент. 1811 г. Ум. въ 1890 (?).	Княжна Дарія. За отст. подпоручикомъ Бочковскимъ. Ум. въ 1887 г.

Со смертью въ 1871 году князя Константина новый родъ князей Ромодановскихъ-Лодыженскихъ тоже пресѣкся въ мужскомъ поколѣніи и вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась по смыслу закона (т. I, IX, Зак. сост. изд. 1876 г.) возможность ходатайства о передачѣ фамиліи какому либо соотвѣтственному лицу, потому что о передачѣ дворянской фамиліи, герба и титула можетъ просить только послѣдній представитель угасающей фамиліи.

Княжна Софія Александровна Ромодановская-Лодыженская, оставшись за смертью братьевъ и сестеръ послѣднею представительницею своего рода, исходатайствовала, въ путяхъ монаршаго милосердія, особое разрѣшеніе о томъ, чтобы ея заявленіе о передачѣ ея фамиліи было разсмотрѣно въ надлежащемъ порядкѣ, не стѣсняясь тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдовало отъ лица женскаго пола. Дѣло это разсматривалось въ 1890—1892 г. въ правительствующемъ сенатѣ, и ходатайство княжны Софіи Александровны оставлено безъ послѣдствій, такъ какъ лицо, которому она просила передать фамилію, не доказало своего родства съ фамиліей просительницы.

Такимъ образомъ оба рода князей Ромодановскихъ-Лодыженскихъ совершенно пресѣклись въ мужскомъ и женскомъ колѣнахъ.

Дмитрій Анучинъ.

II.

Путешествіе русскаго матроса.

Рукопись, съ этимъ заглавіемъ, досталась мнѣ совершенно случайно во время послѣдняго плаванія у береговъ Восточной Сибири. По своему характеру, это курьезное произведеніе является, несомнѣнно, однимъ изъ тѣхъ продуктовъ новѣйшаго народнаго творчества, какихъ теперь на Руси такъ много. Привожу его здѣсь безъ всякихъ дополненій или измѣненій.

«Отставной русскій матросъ однажды былъ въ Англіи. Пришелъ онъ въ церковь при совершеніи божественной литургіи, вынулъ изъ кармана колоду картъ и началъ оныя разбирать. Зрители тотчасъ увидали и приступили къ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нему, и вывели его изъ церкви, и отвели на гауптвахту, и сдали караульному офицеру. Офицеръ спросилъ того матроса:

— «Для чего ты, при совершеніи божественной литургіи, разбиралъ карты? За такое нарушеніе литургіи будешь строго наказанъ.

«Матросъ караульному офицеру на это отвѣчаетъ:

— «Ваше благородіе! Я—отставной русской службы матросъ; за выслугу лѣтъ службы своему отечеству получилъ малый пенсіонъ; потому изъ такого пенсіона купить библію не въ состояніи, для знанія Бога; а сіи карты были куплены моимъ родителемъ передъ вступленіемъ моимъ на службу и даны мнѣ не для вранья, а для познанія Бога.

«Офицеръ спросилъ того матроса:

— «А какое ты понятіе имѣешь объ нихъ?

«Матросъ началъ ему показывать:

— «Первый тузъ сей—Богъ; кромѣ его, нѣтъ другаго по всей вселенной. Двойка означаетъ небо и землю. Тройка—воспоминаніе о святой Троицѣ: Богъ Отецъ, Богъ Сынъ, Богъ—духъ святый. Четверка — четырехъ евангелистовъ: Іоанна Богослова, Матвѣя, Марка, Луку. Пятерка означаетъ пять мудрыхъ и пять глупыхъ дѣвъ. Шестерка—это семейство Ноя, оставшееся послѣ потопа, отъ котораго произошли всѣ люди-человѣки, всѣ мы, братія на землѣ. Семерка означаетъ, что Богъ сотворилъ все въ семь дней. Восьмерка означаетъ снятіе со креста Спасителя, при положеніи Коего во гробъ было восемь человѣкъ, а именно: Іоаннъ-Богословъ, Никодимъ-старецъ, Іосифъ, Марія Магдалина, Лазарь и двѣ сестры Лазаря. Девятка означаетъ дары Духа Святаго: любовь, радость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе, милость и смиреніе. Десятка показываетъ десять заповѣдей божіихъ, данныхъ Моисею на горѣ Синайской для познанія Бога и самого себя. А валетъ—тотъ самый глупый, который привелъ меня къ вашему благородію. Краля—восточная гроза, первая царица (?). Король есть основатель Россіи. Во всѣхъ картахъ, 4 масти означаютъ четыре страны свѣта: сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. Въ колодѣ, 52 карты показываютъ 52 недѣли въ году. Въ колодѣ 365 очковъ означаютъ 365 дней въ году, кромѣ високоснаго.

«Офицеръ удивился такому острому отвѣту и представилъ матроса къ своему правительству, которое за такое острое познаніе въ сихъ картахъ Бога щедро вознаградило и освободило его съ гауптвахты»... В. Ч.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А они, конечно, скажутъ то же о васъ.

— Они, кажется, очень достойные люди?

— О! да. Въ особенности сэръ Джорджъ. Онъ отличается всѣми добродѣтелями. Это у нихъ въ семьѣ: они всѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе образцы добродѣтели.

— Я васъ не понимаю, капитанъ Селлинджеръ, вы какъ будто подсмѣиваетесь надъ ихъ добродѣтелью, а вѣдь, признайтесь, они не бываютъ пьяны каждый вечеръ, какъ одинъ мой хорошій знакомый.

— Признаю, но не могу помочь горю! Если я утромъ просыпаюсь съ головною болью, то сожалѣю, что наканунѣ пилъ, а если голова свѣжа, то сожалѣю, что наканунѣ былъ трезвъ.

Въ это время мы уже достигли дверей нашего дома, и капитанъ съ нами распрощался.

— Теперь, прощайте!—сказалъ онъ:—я пойду вернуть потерянное время и напьюсь до чертиковъ послѣ всего, что я видѣлъ сегодня.

Что видѣлъ капитанъ, я рѣшительно не понимала, но по выраженію лица Изабеллы было очевидно, что отъ ея вниманія не ускользнула сцена въ каютѣ. Поэтому я нашла лучшимъ безъ всякихъ объясненій броситься къ ней на шею, какъ только мы остались вдвоемъ въ комнатѣ.

— Какъ я счастлива,—промолвила я:—нѣтъ женщины, счастливѣе меня! Онъ меня любитъ.

И я убѣжала въ свою спальню.

На слѣдующее утро добрая Изабелла не спрашивала меня ни о чемъ, а только была еще добрѣе и любезнѣе со мной, чѣмъ обыкновенно. Послѣ завтрака она отпустила меня гулять въ Гринъ-паркъ, такъ какъ я хотѣла остаться одна и на досугѣ обдумать свое новое положеніе.

По возвращеніи домой, я увидѣла въ дверяхъ доктора.

— Я надѣюсь, миссъ Нанси,—сказалъ онъ, почтительно кланяясь,—что вы вчера пріятно провели вечеръ? Я видѣлъ, какъ вы выходили изъ лодки, въ которой вы катались съ блестящимъ кавалеромъ. Позвольте мнѣ, миссъ Нанси, предложить вамъ одну изъ моихъ миніатюръ, которыя я уже вамъ показывалъ.

И онъ подалъ мнѣ портретъ прелестной женщины съ голубыми глазами и русыми волосами, какъ у меня.

— Это дѣвица Лавальеръ, первая любовь Людовика XIV,—продолжалъ онъ:—она была также невинна и прелестна, какъ вы. Ее ослѣпила любовь молодого принца, и говорятъ, что Людовикъ никогда и никого не любилъ такъ, какъ этотъ первый предметъ своей любви. Возьмите портретъ, миссъ Нанси, въ немъ есть что-то, схожее съ вами.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Я тогда не подозрѣвала, на что намекалъ докторъ, и взяла портретъ. Онъ до сихъ поръ находится у меня. И теперь, смотря на него послѣ столькихъ лѣтъ, я не могу не согласиться, что онъ былъ правъ. Въ глазахъ этой любимицы французскаго короля есть что-то родное мнѣ. Въ нихъ блеститъ такая же любовь, такая же печаль, какъ въ моихъ.

XI.

Вскорѣ, если не оба брата, то одинъ изъ нихъ замѣтилъ, что за ними караулятъ и ихъ эскортируютъ два добровольныхъ стража. Конечно, вниманіе на это обратилъ младшій братъ, а не старшій, у котораго голова была слишкомъ наполнена любовью, чтобы заниматься подобными пустяками. Я увѣрена, что, приходя ко мнѣ и уходя изъ моего дома, онъ мысленно выдерживалъ тяжелую борьбу. Умъ ему говорилъ: она дочь купца и не имѣетъ никакихъ связей. Она гораздо ниже тебя по положенію, а потому тебѣ не слѣдуетъ о ней думать. Но сердце возражало: нѣтъ, ты ее любишь, ты ей признался въ своей любви, и она отвѣчаетъ тебѣ взаимностью. Бросить ее—низко, жестоко; придумай какой нибудь способъ, чтобы тебѣ было возможно любить ее. Наконецъ, и совѣсть возвышала свой голосъ: помни Джорджъ, что люди высокостоящіе должны подавать примѣръ. Если, дѣйствительно, подобная борьба происходила въ его головѣ, то до того ли ему было, чтобы смотрѣть, караулитъ его кто, или нѣтъ.

Дѣло другое—Эдуардъ. У него умъ былъ свободный и всегда насторожѣ. Какъ только онъ замѣтилъ, что двое людей караулятъ его съ братомъ и провожаютъ ихъ издали по Сентъ-Джемской площади, то, выбравъ удобный случай, когда братъ вошелъ въ квартиру, онъ остался на лѣстницѣ и, приблизясь къ капитану, сказалъ довольно рѣзко:

— Послушайте, сэръ, я вижу, что вы устроили почетный караулъ и таковой же эскортъ для меня и брата.

— Позвольте мнѣ объяснить мое поведеніе,—отвѣчалъ Селлинджеръ, низко кланяясь.

— Я васъ хорошо знаю, и вы также хорошо знаете меня съ братомъ.

— Имѣю эту честь.

— Хорошо. Ваше усердіе очень похвально, но оно вовсе не прошено и нежелательно, поэтому я прошу васъ, даже приказываю, чтобы вы оставили это дѣло.

— Но позвольте мнѣ прежде объяснить...

— Какое тутъ объясненіе! Если я хочу сохранить инкогнито, и у меня есть шпага для защиты своей чести, то я никогда не позволю, чтобы мнѣ назойливо надоѣдали.

— Конечно, вы можете говорить, что угодно,—началъ спокойно капитанъ, но Эдуардъ его перебилъ:

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да, и буду говорить, что хочу, а если скажу что лишнее, то всегда готовъ дать отвѣтъ, какъ подобаетъ между джентльменами. Я, право, не понимаю, почему вы не приведете сюда вашихъ солдатъ и не устроите парадъ передъ окнами нашихъ дамъ.

— Я васъ увѣряю, что у меня есть серьезная причина для подобнаго поведенія, и я нимало не желаю быть назойливымъ, или непріятнымъ для васъ и вашего брата. Будьте такъ добры, выслушайте меня.

— Хорошо, говорите.

И онъ прислонился къ притолку наружной двери.

— Я не злоупотреблю вашимъ временемъ,—произнесъ капитанъ, понижая голосъ: — прежде всего я долженъ вамъ сказать, что въ этомъ домѣ живетъ ярый іаковитъ, а, можетъ быть, и французскій шпіонъ.

— Іаковитъ, іаковитъ! Ну, такъ чтожъ? Неужели вы такъ глупы, что считаете іаковитовъ опасными? Вѣдь младшему претенденту сорокъ лѣтъ, и онъ бездѣтенъ, а его братъ—католикъ. Если этотъ человѣкъ только іаковитъ, то чортъ съ нимъ. А если онъ еще и французскій шпіонъ, то скажите полиціи, и его живо повѣсятъ. Такъ вы изъ-за такого вздора слѣдите за каждымъ шагомъ моего брата?

— Нѣтъ. У меня причина поважнѣе. Выслушайте меня терпѣливо до конца. Каждый вечеръ у этого человѣка собирается пять или шесть пріятелей. Это, вѣроятно, внуки англійскихъ и ирландскихъ сторонниковъ Іакова. Они говорятъ прекрасно поанглійски, а потому ихъ никто не трогаетъ; вотъ они спокойно и живутъ, надѣясь, что когда нибудь имъ удастся возстановить Стюартовъ на англійскомъ престолѣ, а пока они составили заговоръ, въ которомъ и заключается вся суть.

— Какой заговоръ?

— А вотъ послушайте. Каждый вечеръ вы можете замѣтить, что у этого дома стоитъ карета. Вмѣсто кучера сидитъ на козлахъ одинъ изъ заговорщиковъ. У Вайтгольской пристани ждетъ лодка съ двумя гребцами, также заговорщиками. Они втроемъ готовы доставить двухъ пассажировъ на амстердамскій корабль, стоящій посреди Темзы, у Редрифа. Капитанъ подкупленъ ими, и онъ доставитъ пассажировъ въ Кале, гдѣ французы примутъ ихъ.

— А кто же эти пассажиры?

— Вы и вашъ братъ.

— Чортъ возьми! Да какъ же они насъ захватятъ?

— Очень просто. Каждый вечеръ пріятели іаковита только ждутъ удобной минуты, чтобы схватить васъ и отправить во Францію.

— Полноте! Это вздоръ!.. Это глупая шутка.

Однако Эдуардъ произнесъ эти слова шепотомъ.

— Нѣтъ, не шутка, и я могу всегда доказать справедливость

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

своихъ словъ. Ну, теперь скажите, правъ ли я былъ, что вмѣшался въ это дѣло, или мнѣ слѣдовало обо всемъ донести судьѣ и выставить вашихъ дамъ свидѣтелями?..

— Капитанъ Селлинджеръ,—сказалъ Эдуардъ, протянувъ ему руку,—это дѣло серьезное. Дайте мнѣ подумать.

Послѣ продолжительнаго молчанія онъ прибавилъ:

— Вы вполнѣ убѣждены въ основательности вашихъ свѣдѣній? Отъ кого вы ихъ узнали?

— Отъ сержанта моего же полка, человѣка образованнаго и говорящаго пофранцузски. Онъ самъ слышалъ разговоры сообщниковъ, и я могу вамъ доставить случай сдѣлать то же. Экипажъ же вы можете сами видѣть на улицѣ.

— Благодарю васъ, капитанъ Селлинджеръ, — сказалъ Эдуардъ, протянувъ ему руку, до которой офицеръ едва дотронулся, съ глубокимъ поклономъ,—простите меня за мое легкомысліе. Мнѣ слѣдовало сразу понять, что джентльменъ не рѣшится на такой странный поступокъ безъ уважительной причины. Ну, какъ же вы, сэръ, совѣтуете мнѣ поступить?

— Если позволите высказать мнѣ свое мнѣніе, то я полагаю, что намъ слѣдуетъ продолжать свой караулъ. Пока мы насторожѣ, заговорщики не рѣшатся на открытое насиліе. Пятеро или шестеро человѣкъ могутъ напасть на двухъ, но на четырехъ, да еще вооруженныхъ, они никогда не рѣшатся. Къ тому же подобныя дѣла творятся всегда въ тайнѣ, и заговорщики больше всего боятся огласки. Если же они будутъ продолжать свои продѣлки, то не дурно было бы ихъ предупредить о грозящей имъ опасности.

— Подобное дѣло требуетъ большой осторожности. Ни наши дамы, ни мой братъ не должны подозрѣвать объ этомъ. Вашъ сержантъ честный человѣкъ?

— Я полагаю и даже убѣжденъ. Конечно, онъ самолюбивъ, но за его благородство я ручаюсь.

— Что касается меня, то я не прочь вмѣстѣ съ вами и съ вашимъ сержантомъ вступить въ рукопашную съ заговорщиками, но я боюсь, чтобы дѣло не дошло до моего брата, и чтобы мы не впутали его въ какой нибудь скандалъ. Пока продолжайте съ сержантомъ вашу добровольную службу, а я, на досугѣ, серьезно подумаю, и когда рѣшу что нибудь, то сообщу вамъ.

Впродолженіе слѣдующихъ дней все шло по-старому. Съ одной стороны, заговорщики собирались въ опредѣленное время, карета стояла на улицѣ, а съ другой, добровольные сторожа караулили.

— Вы очень поздно гуляете по ночамъ, капитанъ Селлинджеръ,— сказалъ однажды докторъ, встрѣтивъ капитана утромъ на лѣстницѣ,— я иногда выхожу поздно, чтобы подышать чистымъ воздухомъ, и всегда вижу, что вы ходите или около дома, или на площади.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— А если бы вы, докторъ, имѣли свиданіе съ кѣмъ нибудь, и вамъ постоянно мозолила бы глаза карета, которая каждый вечеръ стоитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, то было ли бы вамъ это пріятно?

— Если дѣло идетъ о женщинѣ, капитанъ, то... и я бывалъ молодъ.

— О комъ бы дѣло ни шло, но я полагаю, что это скоро прекратится: вѣдь ночи стали холодными.

Въ этотъ вечеръ никто не приходилъ къ доктору, и карета не показывалась, но, спустя нѣсколько дней, снова стали появляться и заговорщики, и карета.

— Капитанъ, — сказалъ докторъ, встрѣтившись съ офицеромъ въ другой разъ, — посовѣтуйте, что мнѣ дѣлать. Сержантъ Бетцъ, живущій въ нашемъ домѣ, на чердакѣ, безпокоитъ меня постоянной ходьбой по коридору.

— Онъ не въ моемъ эскадронѣ, и я не могу съ нимъ переговорить. Лучше всего обратитесь къ Молли, или пріударьте за его женой.

Такимъ образомъ докторъ не имѣлъ ни малѣйшаго успѣха въ своихъ переговорахъ съ капитаномъ, котораго, очевидно, онъ сталъ подозрѣвать.

Что касается до меня и до Изабеллы, то мы рѣшительно ничего не знали. И не удивительно; по крайней мѣрѣ, мнѣ было не до того, чтобы обращать вниманіе на заговорщиковъ и добровольныхъ сторожей. Я жила въ какомъ-то заколдованномъ мірѣ и думала только о томъ, кто меня любилъ и предпочиталъ всѣмъ богатымъ, всѣмъ знатнымъ красавицамъ.

XII.

Я уже говорила, что сэръ Джорджъ ловко уклонился отъ исполненія моей просьбы показать намъ съ Изабеллой королевскій дворецъ, подъ предлогомъ, что король старъ, и что мы докажемъ свои вѣрноподданническія чувства, если не станемъ его безпокоить. Поэтому я очень удивилась, когда однажды онъ сказалъ мнѣ:

— Вы какъ-то хотѣли посмотрѣть дворецъ. Приходите завтра утромъ къ дворцовой рѣшеткѣ, во время смѣны караула, и я вамъ все покажу.

Мы обѣ были очень рады этому предложенію, и на слѣдующій день въ одиннадцать часовъ утра пошли къ Сентъ-Джемскому дворцу. Не успѣлъ смѣниться караулъ, какъ къ намъ подошелъ сэръ Джорджъ, въ красномъ мундирѣ, съ лентой и звѣздой.

— Я здѣсь, какъ бы власть имѣющій, а потому не удивляйтесь, что мнѣ будутъ всѣ кланяться. Я приказалъ никого не пускать сегодня утромъ во дворецъ, кромѣ лицъ, вызванныхъ королемъ по

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дѣлу. Весь дворецъ въ вашемъ распоряженіи, кромѣ личныхъ покоевъ короля.

Съ этими словами, онъ повелъ насъ по заламъ, и всѣ попадавшіеся намъ навстрѣчу какъ лакеи, такъ и придворные чины при видѣ его останавливались и почтительно кланялись.

Я, право, не помню всего, что я видѣла во дворцѣ, потому что въ моей памяти сохранились не блескъ и роскошь королевскаго жилища, а тѣ знаменательныя слова, которыя сказалъ сэръ Джорджъ въ этотъ счастливый для меня день.

Прежде всего мы посѣтили часовню, въ которой короли въ старину творили чудеса однимъ прикосновеніемъ своей руки къ больнымъ и страждущимъ.

— Если,—произнесъ сэръ Джорджъ,—дѣйствительно короли царятъ Божьею милостью, то нѣтъ ничего страннаго, они совершали чудеса, но Георгъ I отмѣнилъ этотъ обычай.

— Однако,—отвѣчала я,—вѣдь и мы всѣ живемъ Божьею милостью, но никто изъ насъ не творитъ чудесъ.

— Я не настаиваю на этомъ,—продолжалъ нашъ спутникъ,—и вообще преклоняюсь передъ всѣмъ, что установлено королевской властью и церковью. Если короли больше не творятъ чудесъ, и церковь на это согласна, то нечего и разговаривать. Ну, а теперь пойдемте въ парадные апартаменты.

Въ числѣ этихъ парадныхъ покоевъ были тронная зала, комната королевы Анны, оружейная палата и т. д., потому что всѣхъ названій я не помню. Всѣ эти комнаты были большія, высокія, съ коврами на полу и тяжелыми занавѣсами на окнахъ и дверяхъ; мебели было мало; преимущественно, золоченые стулья, картежные столы, диваны, громадныя зеркала и т. д. Всюду виднѣлись гербы, короны и вензеля, между которыми мнѣ бросились въ глаза вензеля Генриха VIII и Анны Болейнъ. На стѣнахъ висѣли картины, преимущественно, портреты. Мнѣ понравились портреты двухъ принцевъ Уэльскихъ, умершихъ въ юности: Артура, сына Генриха VII, Генриха, сына Іакова I, а также Дженни Симаръ, герцогини Іоркской и Карла I. Еще я помню большую картину, изображавшую Адама и Еву въ раю. Самыя комнаты напоминали трогательныя и важныя историческія событія, а потому я съ любопытствомъ смотрѣла вокругъ себя. Здѣсь умерла королева Марія, тамъ спалъ, если онъ только могъ спать, Карлъ I, наканунѣ своей казни, а далѣе жила и умерла королева Анна. Вообще, тутъ происходили придворные банкеты, балы, пріемы и т. д.

— Да,—произнесъ серъ Джорджъ:—этотъ дворецъ возбуждаетъ много интересныхъ воспоминаній, какъ всякое королевское жилище. Но бо́льшая ихъ часть грустнаго характера, словно надъ этимъ дворцомъ тяготѣетъ злой рокъ.

— Однако, нельзя назвать несчастнымъ дворецъ Георга I и Георга II.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Но нельзя сказать, чтобы семья этихъ обоихъ королей была очень счастлива. Но пора намъ перейти въ другую часть дворца. Я вамъ теперь покажу такія комнаты, въ которыя обыкновенно публику не пускаютъ.

Онъ провелъ насъ по нѣсколькимъ пустымъ коридорамъ и, наконецъ, отворилъ дверь въ комнату, въ которой сидѣлъ полудремавшій дежурный лакей. При видѣ сэра Джорджа онъ вскочилъ и молча стоялъ передъ нимъ, вытянувшись во весь ростъ.

— Гдѣ король?—спросилъ нашъ спутникъ.

— Его величество въ дворцовомъ саду,—отвѣчалъ лакей.

— Значитъ, мы можемъ войти,—продолжалъ сэръ Джорджъ,—я вамъ покажу собственные покои короля, а прежде зайдемъ въ комнаты покойной королевы.

Въ этой серіи комнатъ были спальня съ богато-украшенной золоченой кроватью, маленькая комнатка, гдѣ жила камеръ-юнгфера королевы, гардеробная, уборная и т. д.

— Здѣсь все осталось постарому, — произнесъ шепотомъ сэръ Джорджъ,—мебель стоитъ на томъ же мѣстѣ, и платья висятъ на томъ же мѣстѣ, какъ и въ минуту ея жизни. Она была прекрасная женщина.

— А вы ее видали?

Онъ на минуту задумался, а потомъ произнесъ:

— Нѣтъ, она умерла за годъ до моего рожденія, но я много слышалъ о ней и право удивляюсь, почему ея сынъ разссорился съ такой доброй и замѣчательной женщиной. На ея смертномъ одрѣ она послала ему свое прощеніе. Король, никогда не оправившись отъ удара, нанесеннаго ему ея смертью, всегда говоритъ, что онъ никогда не видалъ женщины, которая была достойна застегнуть пряжку ея башмака. А многіе государственные люди увѣряли меня, что ея умъ былъ столь же замѣчателенъ, какъ ея сердце.

Мнѣ тогда показалось страннымъ, отчего, при имени покойной королевы, онъ обнаруживалъ замѣтное волненіе.

— Вотъ и ея портретъ,—продолжалъ онъ, указывая на одну изъ картинъ, висѣвшихъ на стѣнѣ,—внѣшній міръ мало знаетъ о внутренней жизни двора. И тѣмъ лучше. Дворъ полонъ интригъ, и короля обманываетъ одинъ ложный другъ за другимъ, такъ что все искусство быть государемъ заключается въ томъ, чтобы умѣть распознавать правду.

Я ничего не отвѣчала, и онъ повелъ насъ далѣе въ собственныя комнаты короля: спальню, кабинетъ, пріемную, столовую и т. д. Меня особенно удивила ихъ простота и отсутствіе всякой роскоши.

— Вы понимаете, — замѣтилъ съ улыбкой сэръ Джорджъ, — почему сюда не пускаютъ публику. Короли должны всегда представляться въ глазахъ народа въ парадной одеждѣ и, если возможно, съ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

короной на головѣ, а если они верхомъ и съ оружіемъ въ рукахъ то еще лучше. Если бы народъ увидѣлъ своего короля въ видѣ добродушнаго старичка, спокойно и скромно живущаго въ обыденной обстановкѣ, то, быть можетъ, уменьшился бы его престижъ. Авторитетъ сильныхъ міра сего поддерживается ихъ достойной внѣшностью. Міръ еще не научился раздѣлять понятія о королѣ и человѣкѣ, иначе, король могъ бы въ свободную минуту свободно гулять по лондонскимъ улицамъ и сидѣть на скамеечкѣ въ паркѣ въ лѣтній вечеръ.

Вообще, я не могла не замѣтить, что не только въ комнатахъ короля, но и во всемъ дворцѣ преобладала какая-то странная простота, и все какъ будто невозмутимо спало.

— Говорятъ, здѣсь все было иначе при жизни королевы,—продолжалъ сэръ Джорджъ,—тогда всѣ придворные, лакеи и т. д. ходили по струнке, и никто не зѣвалъ, никто не дремалъ, какъ теперь. Король старъ, и теперь уже не даются балы, не играютъ въ карты и т. д. Если его наслѣдникъ вздумаетъ возстановить старый блескъ и прежнее веселье, то ему придется потратить не мало труда. Вообще, королямъ не легко жить, они никогда не могутъ дѣлать, что хотятъ, а всегда должны быть на показъ.

Онъ тяжело вздохнулъ и прибавилъ:

— Ну, теперь, кажется, ничего не осталось вамъ показывать. Свою библіотеку король отдалъ въ британскій музей, гдѣ она сослужитъ бо́льшую службу, чѣмъ здѣсь. Въ послѣднее время мало читаютъ во дворцахъ, а это жаль. Не мѣшало бы англійскому королю знать, что Ричардъ II дурно поступилъ, наложивъ секвестръ на сбереженія лондонскихъ купцовъ, и что Стюарты до сихъ поръ царили бы, если бы Карлъ II не ограбилъ лондонское Сити на полтора милліона, чего ему никогда не простили. Вотъ библіотеку королевы вы можете видѣть, если желаете.

Эта библіотека находилась отдѣльно отъ дворца и помѣщалась въ маленькомъ зданіи посреди сада.

— Библіотека построена для королевы Каролины,—сказалъ сэръ Джорджъ,—а она часто проводила тамъ время съ придворными дамами. У нея собрано много книгъ, болѣе легкаго содержанія, чѣмъ тяжелые фоліанты, наполнявшіе библіотеку короля.

Нѣкоторыя изъ книгъ лежали на столахъ, другія были разставлены на полкахъ, а были и такія, которыя валялись на полу.

— Вы, можетъ быть, желаете узнать, какія книги любила покойная королева?—сказалъ сэръ Джорджъ, обращаясь къ Изабеллѣ,—такъ не угодно ли вамъ обойти библіотеку и посмотрѣть любую книгу.

Изабелла улыбнулась и отошла отъ насъ, а онъ взялъ меня за руку и повелъ къ креслу, которое стояло у окна, выходившаго въ садъ.

Въ эту минуту въ противоположномъ концѣ комнаты отворилась

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

дверь, и вошелъ старикъ, опиравшійся на палку. За нимъ слѣдовали два лакея, которые остановились на порогѣ.

— Это король,—промолвилъ шепотомъ сэръ Джорджъ,—мнѣ надо съ нимъ поговорить.

Онъ подошелъ къ старику и преклонилъ одно колѣно.

— Это ты, Джорджъ? — промолвилъ съ удивленіемъ король, — какъ ты попалъ сюда?

— Да, это я. Надѣюсь, что ваше величество въ добромъ здравіи

— Такъ себѣ. Зайди ко мнѣ послѣ того, какъ проводишь своихъ друзей.

Онъ пристально посмотрѣлъ на меня и покачалъ головой, словно тщетно старался припомнить мое лицо. Затѣмъ онъ медленно вышелъ изъ комнаты.

— Король пришелъ въ библіотеку только потому, что она принадлежала королевѣ,—сказалъ сэръ Джорджъ,—онъ вообще не любитъ книгъ, но питаетъ культъ къ тому, что напоминаетъ ему жену.

И все-таки я ничего не поняла, и все-таки я не имѣла ни малѣйшаго подозрѣнія.

— Сядьте, Нанси, милая, милая Нанси,—произнесъ сэръ Джорджъ, взявъ мои руки и покрывая ихъ поцѣлуями, несмотря на присутствіе Изабеллы,—я васъ привелъ сюда для того, чтобы здѣсь разсказать вамъ конецъ исторіи благороднаго лорда и красавицы поселянки, въ томъ видѣ, въ какомъ, я полагаю, долженъ былъ бы кончиться этотъ разсказъ. По моему, онъ долженъ былъ показать ей свой замокъ, во всемъ его великолѣпіи, и когда она поняла, кто онъ такой, ему слѣдовало отвести ее обратно въ ея скромное жилище и сказать: «милая моя, вамъ жить не въ золоченомъ дворцѣ, а въ хорошенькомъ сельскомъ домикѣ, гдѣ я буду проводить съ вами все свободное время отъ государственныхъ дѣлъ». Что бы вы отвѣтили, Нанси, если бы находились на мѣстѣ красавицы-поселянки?

— А вы развѣ очень высокая особа, въ родѣ лорда Бурлея?

— Повыше. У меня дома почти такая же обстановка, какъ здѣсь.

И все-таки я ничего не отгадала, а, протянувъ ему руку, произнесла шепотомъ.

— Я ваша. Дѣлайте со мной, что хотите, что подскажетъ вамъ сердце и дозволитъ ваша честь.

Онъ нагнулся и поцѣловалъ меня въ лобъ.

— Моя честь,—отвѣчалъ онъ,—велитъ мнѣ показать вамъ все это, а сердце говоритъ мнѣ, чтобы я отказался отъ всего и посвятилъ вамъ свою жизнь до гробовой доски.

XIII.

Робертъ Сторей пришелъ еще разъ, но уже въ послѣдній. Это было на другой день послѣ нашего посѣщенія дворца, когда я еще находи-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

лась подъ живымъ впечатлѣніемъ всего, что тамъ произошло. По выраженію его лица я тотчасъ поняла, что почтенный книгопродавецъ явился ко мнѣ съ извѣстною цѣлью.

— Я оставилъ Изабеллу въ своей лавкѣ, — сказалъ онъ,—она разговариваетъ съ какимъ-то путешественникомъ, который только что вернулся изъ Сибири, если вѣрить его словамъ, хотя путешественники очень часто врутъ. Онъ разсказываетъ ей о своихъ приключеніяхъ среди людоѣдовъ; но одинъ поэтъ увѣрялъ меня вчера, что видѣлъ этого путешественника на лондонскихъ улицахъ въ то самое время, когда онъ, по его словамъ, жилъ съ людоѣдами. Онъ намѣренъ издать описаніе своего путешествія и продавать его по подпискѣ, по гинеѣ за экземпляръ. По всей вѣроятности, онъ такъ обворожитъ Изабеллу своей болтовней, что она сдѣлается первой подписчицей на его книгу.

Онъ замолчалъ и, покойно усѣвшись въ кресло, продолжалъ:

— Когда я былъ здѣсь въ послѣдній разъ, то позволилъ себѣ наговорить вамъ лишнее по поводу продолженія знакомства съ вами одной неравной вамъ особы.

— Говорите прямо, мистеръ Робертъ.

— Я всегда говорю прямо. Одинъ изъ моихъ пріятелей сатириковъ, которому я вчера далъ авансъ въ три гинеи, сказалъ мнѣ, что мои слова дороже золота.

— Будьте такъ добры, скажите сейчасъ все, что имѣете передать мнѣ, а то каждую минуту можетъ вернуться Изабелла.

— Хорошо. Такъ вотъ, извольте видѣть, джентельменъ, о которомъ идетъ рѣчь, бываетъ здѣсь каждый день, и его видѣли съ вами въ Мерилебонскомъ саду и на Темзѣ въ золоченой лодкѣ съ музыкой. Все это очень естественно для него. Онъ недаромъ джентельменъ, ему и подобаетъ увлекаться хорошенькимъ лицемъ. Вотъ мы, книгопродавцы, не обращаемъ вниманія на лица своихъ кліентокъ, да и въ свободное время, напримѣръ, я, дорожа своей репутаціей, никогда не бѣгаю за красавицами.

— Я вамъ охотно вѣрю, мистеръ Робертъ, но къ чему вы мнѣ объ этомъ говорите?

— Для контраста. Впрочемъ, я не только, по принципу, не бѣгаю за красавицами, а и по той причинѣ, что если бы былъ грѣшенъ въ этомъ отношеніи, то не считалъ бы себя въ правѣ явиться къ вамъ сегодня и высказать снова свои чувства. Переходя къ предмету моего посѣщенія, я прямо долженъ сказать, что простой книгопродавецъ можетъ питать такую же пламенную любовь, какъ первый человѣкъ въ королевствѣ.

— Я въ этомъ увѣрена.

— Прежде всего я позволю себѣ указать вамъ на различіе, которое существуетъ между мною и джентльменомъ. Послѣднему нечего дѣлать, и онъ можетъ на досугѣ заниматься своей любовью,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

а я, какъ человѣкъ занятой, не могу терять время на любовную канитель; но, повѣрьте мнѣ, моя любовь надежнѣе и преданнѣе того чувства, которое питаетъ къ вамъ кто-то.

— Вы снова оскорбляете моихъ друзей, мистеръ Робертъ, и, право, это напрасно.

— Я пришелъ съ другою болѣе важною цѣлью. Зачѣмъ мнѣ оскорблять вашего друга? По словамъ Изабеллы, онъ ведетъ себя очень прилично, и я, конечно, ей вѣрю. Я не сомнѣваюсь, что вы ему нравитесь, и что, можетъ быть, онъ любитъ васъ; но я хотѣлъ спросить васъ, миссъ Нанси, чѣмъ все это кончится.

— А какое право имѣете вы объ этомъ спрашивать?

Онъ не отвѣчалъ на мой вопросъ, а воскликнулъ съ большимъ оживленіемъ:

— Подумайте только о его высокомъ положеніи.

— А вы знаете, кто онъ?

— Еще бы не знать!

По тону его голоса было ясно, что онъ не вѣрилъ моему невѣдѣнію.

— Не обманывайте себя надеждой, что никому неизвѣстно его настоящее положеніе. Я съ перваго взгляда узналъ его и его брата. Всѣ знаютъ его: и капитанъ Селлинджеръ, и сержантъ Бетцъ, и сухощавый докторъ, котораго завсегдатаи моей книжной лавки называютъ іаковитомъ.

Итакъ, всѣ знали, кто былъ тотъ, кого я любила всѣмъ сердцемъ; одной мнѣ это было неизвѣстно, но я нимало этимъ не интересовалась, предоставляя ему самому открыть эту тайну, когда онъ захочетъ.

— Вы видите, миссъ Нанси,— продолжалъ Сторей — что всему міру извѣстна ваша исторія.

— Какая исторія?—воскликнула я, выходя изъ себя,—развѣ молодой человѣкъ не свободенъ ухаживать, за кѣмъ хочетъ, если даже признать, что онъ ухаживаетъ за мной.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что онъ недолго будетъ свободенъ! Вѣдь старику-то восемьдесятъ лѣтъ.

— Я не знаю ни о какомъ старикѣ!

— Полноте!—произнесъ книгопродавецъ съ нетерпѣніемъ,—будемъ говорить серьезно. Вѣдь онъ не можетъ на васъ жениться. Это безусловно невозможно! Вѣдь вы должны же съ этимъ согласиться!

— Я не считаю нужнымъ въ чемъ либо съ вами соглашаться!

— Но вѣдь вы не можете надѣяться быть его женой. Это просто было бы безуміемъ!

— Мистеръ Робертъ, я не желаю болѣе говорить съ вами объ этомъ предметѣ.

— Но если вы не можете быть его женой, чѣмъ же вы будете?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Мистеръ Робертъ! Ваши слова до того неприличны,—воскликнула я, вскакивая съ кресла,—что если вы сейчасъ не замолчите, то я выйду изъ комнаты!

— Ну, хорошо. Я больше не буду говорить,—отвѣчалъ онъ, не вставая съ мѣста,—но, пожалуйста, присядьте, я имѣю сообщить вамъ еще кое-что. Я вчера встрѣтилъ въ кофейной вашего брата, мистера Джозефа, и сообщилъ ему, что вы здоровы и живете у вдовы моего двоюроднаго брата, близъ Сентъ-Джемскаго дворца. Онъ отвѣчалъ, что вы это сдѣлали съ его согласія, и что онъ зайдетъ въ слѣдующій разъ, когда пріѣдетъ въ Лондонъ.

— Мой братъ былъ въ Лондонѣ?

— Да. Подумайте, если онъ зайдетъ сюда, то вѣдь ему много не понравится въ вашей новой жизни, и вамъ будетъ трудно объяснить, почему вы отказались отъ квакерскихъ обычаевъ.

Я молчала. Признаюсь, я никогда не вспоминала о моемъ братѣ и совершенно забыла о его существованіи.

— Джозефъ вамъ опекунъ, и хотя вы черезъ нѣсколько дней будете совершеннолѣтней, но онъ, конечно, постарается удержать, какъ можно, дольше въ своихъ рукахъ ваше состояніе, которое, говорятъ, очень крупное. Могу я васъ спросить: намѣрены вы вернуться въ Дартфордъ?

— Никогда!—воскликнула я, вспоминая съ ужасомъ о своей жизни въ этомъ провинціальномъ захолустьѣ.

— Ну, какъ бы то ни было, вы должны ожидать его скораго посѣщенія, и вамъ придется сказать ему, что вы желаете перемѣнить, или уже перемѣнили вашу религію. Я принадлежу къ установленной церкви, и меня очень радуетъ, что вы перешли въ нашу церковь; но вѣдь Джозефу это не понравится.

Извѣстіе о томъ, что братъ посѣтитъ меня, поразило меня, какъ громомъ, и хотя я рѣшилась сказать ему всю правду, но неизбѣжное столкновеніе съ нимъ было мнѣ очень непріятно, и я невольно почувствовала, что свѣтлые дни приходили къ концу.

— Конечно, я не сказалъ ни слова брату о вашихъ друзьяхъ, но, подумайте, какое впечатлѣніе произведетъ на него подобный фактъ.

— Джозефъ мой братъ и опекунъ, но я ему ни въ чемъ не подчинена и никогда не буду отъ него зависѣть. Если вы не имѣете болѣе ничего сообщить мнѣ, то, право, мистеръ Робертъ, напрасно вы безпокоились заходить сюда.

— Нѣтъ, миссъ Нанси, мнѣ еще надо сказать вамъ два слова. Я теперь спокойно повторю то предложеніе, которое сдѣлалъ вамъ сгоряча. Вы находитесь въ очень опасномъ положеніи, и ваша репутація можетъ быть на вѣки запятнанной. Но мнѣ это все равно,—прибавилъ онъ, опускаясь на колѣни:—я предлагаю вамъ свое сердце и руку. Мнѣ все равно, что бы объ васъ ни говорили, и я женюсь

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

на васъ, несмотря ни на что. Ваше состояніе можно вложить въ мое книжное дѣло. Оно идетъ очень хорошо, и вашимъ капиталомъ будетъ завѣдывать человѣкъ честный и знающій, а мужъ у васъ будетъ самый нѣжный и самый любящій!

— Встаньте, мистеръ Робертъ,—сказала я, не понимая ни оскорбительнаго смысла его словъ, ни его корыстнаго желанія присвоить мое состояніе,—встаньте! Ваше предложеніе неосуществимо.

— Отчего?—произнесъ онъ, попрежнему стоя на колѣняхъ,—ничто не можетъ помѣшать нашему браку. Я женюсь на васъ хоть завтра. Вамъ нечего и прощаться съ вашимъ другомъ. Вы просто покинете этотъ домъ и никогда болѣе его не увидите. Что касается вашего состоянія, то я заставлю Джозефа отдать его и потребую полнаго отчета въ долговременномъ завѣдываніи имъ. Подумайте серьезно, Нанси, милая Нанси, что будетъ съ вами, если вы не примете моего предложенія.

Онъ старался схватить мою руку и поцѣловать ее, но тщетно.

— Встаньте, мистеръ Робертъ! Какъ можетъ человѣкъ, уважающій себя, разыгрывать роль такого дурака?

Онъ поднялся съ пола и, вынувъ изъ кармана платокъ, отеръ себѣ колѣни.

— Во всякомъ случаѣ,—продолжалъ онъ,—вамъ понадобится дѣлецъ для того, чтобы добыть ваши деньги изъ рукъ брата и помѣстить ихъ выгоднымъ образомъ. Выйдя за меня замужъ, вы пріобрѣтаете даромъ услуги опытнаго дѣльца. Я выгодно помѣщу ваши деньги, и вы будете имѣть все, что пожелаете: экипажъ, дачу съ прекраснымъ садомъ; мнѣ же все равно, что ваша репутація съ грѣшкомъ.

— Низкій плутъ!—воскликнула я, вторично вскакивая съ кресла,—вы прикрываете любовью желаніе обобрать меня! И вы еще смѣете клеветать на благороднѣйшаго, честнѣйшаго человѣка въ свѣтѣ. Уходите! или я...

— Хорошо, я уйду,—отвѣчалъ Сторей, едва сдерживая свою злобу,—но вы дорого поплатитесь за то, что назвали меня низкимъ плутомъ. Я скажу обо всемъ вашему брату, и онъ, явившись сюда, потребуетъ отъ васъ отвѣта не только въ томъ, что вы перемѣнили вѣру, но и во многомъ другомъ.

И онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

XIV.

Однако, прошла недѣля, прежде чѣмъ явился Джозефъ; и когда онъ дѣйствительно пришелъ, то засталъ свою сестру въ такомъ настроеніи, что ей было не до его упрековъ, или угрозъ. Ея сердце было тогда переполнено такими заботами и такими опасе-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ніями, что гнѣвъ Джозефа не могъ произвести на нее никакого впечатлѣнія.

Я очень хорошо помню, что это было 24 октября, наканунѣ катастрофы, омрачившей всю мою жизнь. Я сидѣла у окна и смотрѣла на паркъ, залитый осеннимъ солнцемъ и полный пестрой толпой. Я была одна дома, такъ какъ Изабелла отправилась куда-то по дѣламъ. Хотя въ рукахъ у меня была книга, но я не читала, а думала о немъ.

Неожиданно я услышала шаги, но не того, о комъ я думала. Дверь отворилась, и Эдуардъ вошелъ одинъ.

— Эдуардъ!—воскликнула я, вскакивая съ мѣста,—а гдѣ Джорджъ?

— Я его не видалъ сегодня. Онъ не знаетъ, что я пошелъ сюда. Вы одни, Нанси?

— Да, Изабелла ушла по дѣламъ, съ Молли.

— Я очень радъ, что засталъ васъ одной. Мнѣ надо поговорить съ вами серіозно.

Онъ сѣлъ на стулъ и, взявъ мою руку, поцѣловалъ ее.

— Нанси,—произнесъ онъ съ чувствомъ,—вы знаете, что я васъ люблю, какъ сестру, и желаю вамъ всего, что вы сами себѣ желаете.

— Вы всегда были очень добры ко мнѣ, Эдуардъ; вы мой братъ, или будете моимъ братомъ.

— Я не слѣпой и не глухой, Нанси, а потому видѣлъ и слышалъ кое-что на лодкѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Джорджъ любитъ васъ до безумія, и вы... могу я сказать прямо?

— Нѣтъ, не говорите, но можете думать, что хотите.

— Бѣдная Нанси... Я во всемъ виноватъ.

— Какъ вы можете быть виновными въ томъ, что мы любимъ другъ друга и счастливы.

— Мы случайно встрѣтились съ вами въ первый разъ. На Джорджа эта встрѣча произвела большое впечатлѣніе, такъ какъ онъ не привыкъ къ подобнымъ приключеніямъ и, благодаря обстоятельствамъ, никогда не пользовался свободой, безъ чего они не мыслимы. Что же касается меня, то мнѣ, какъ младшему сыну, дозволяли дѣлать все, что угодно. Я всегда сожалѣлъ, что мой братъ не знаетъ общества внѣ тѣснаго свѣтскаго кружка, и былъ очень радъ, что явился случай показать ему людей изъ того почтеннаго класса, гдѣ мужья и братья работаютъ для своей семьи, а жены и сестры—сознательныя существа, вмѣсто куколъ, какъ въ большомъ свѣтѣ. Вотъ, почему я привелъ его сюда, и вы, конечно, замѣтили, какъ Джорджъ сначала былъ не ловокъ въ вашемъ обществѣ.

— Да, я замѣтила, что онъ совсѣмъ не зналъ жизни.

— А главное, онъ не зналъ женщинъ, а молодому человѣку необходимо знать кое-что по этому предмету.

— Но въ чемъ же вы упрекаете себя? Вы привели его сюда съ добрымъ намѣреніемъ, а онъ уже самъ сдѣлалъ все остальное.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Да. Сначала Джорджъ пришелъ къ вамъ чисто изъ учтивости, чтобы узнать о вашемъ здоровьѣ; но потомъ вы овладѣли его сердцемъ. Онъ никогда не видывалъ такого простого, безхитростнаго и прелестнаго существа, какъ вы. Удивительно ли, что онъ потерялъ и сердце, и голову? День за днемъ, онъ сталъ приходить сюда, и я долженъ былъ его сопровождать. Утромъ онъ только и говорилъ, что о васъ, вечеромъ разговаривалъ съ вами, а во все остальное время молчалъ, какъ рыба.

— Что же тутъ дурного?—спросила я со смѣхомъ.

— Нанси, онъ полюбилъ первый разъ въ жизни, а ему двадцать два года. Я—дѣло другое, хотя мнѣ только двадцать лѣтъ; мы, моряки, живо увлекаемся. Онъ впервые понялъ, что такое женщина, и вашъ образъ всецѣло наполняетъ его душу.

— Ну, такъ что же?

— Вотъ въ этомъ-то и бѣда,—произнесъ Эдуардъ съ такимъ печальнымъ лицемъ, что я невольно вздрогнула,—время, которое мы проводили у васъ такъ весело и счастливо, никогда не забудется нами. Джорджъ въ вашемъ обществѣ не только научился любить, но и понялъ, что простая, хорошая женщина выше всѣхъ свѣтскихъ и придворныхъ красавицъ. А я съ удовольствіемъ видѣлъ его постепенное развитіе. Все это хорошо,—прибавилъ онъ со слезами на глазахъ,—но пришло время положить конецъ нашимъ пріятнымъ отношеніямъ.

— Отчего?

— Повторяю, я во всемъ виноватъ: надо было прекратить это знакомство, прежде чѣмъ Джорджъ потерялъ свое сердце, а вы...

— Зачѣмъ же прекратить? Вы не знаете, Эдуардъ, какъ мнѣ больно слышать ваши слова.

— Развѣ Джорджъ ничего вамъ не говорилъ?... Развѣ вы сами ничего не подозрѣваете?

— Джорджъ—джентльменъ высокаго происхожденія. Вотъ все, что я знаю, и мнѣ нѣтъ причины въ чемъ либо подозрѣвать его.

— Пусть онъ самъ скажетъ вамъ правду. Я обѣщалъ ему не открывать вамъ этой тайны. Но поймите, Нанси, что онъ не можетъ жениться на васъ. Это невозможно и не зависитъ отъ него. Онъ обязанъ заключить бракъ, достойный его высокаго положенія.

— Такъ зачѣмъ же онъ клянется, что любитъ меня?—промолвила я послѣ минутнаго молчанія.

— Онъ говоритъ совершенную правду. Онъ, дѣйствительно, любитъ васъ. Его мнѣ не жаль: не ему одному приходится отказаться отъ любимой женщины. Но вы, вы, Нанси, меня озабочиваете.

— Зачѣмъ вы мнѣ все это говорите, чего вы отъ меня хотите?

— Я самъ не знаю. Какъ жаль, Нанси, что вы любите не меня. Я бы тогда показалъ всему міру, что не ставлю его въ грошъ; но мой братъ—дѣло другое. Вы не можете быть его женою, Нанси;

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

вѣрьте мнѣ, что онъ не можетъ этого сдѣлать, а предложить вамъ другую любовь онъ никогда и не подумаетъ: онъ слишкомъ васъ любитъ и уважаетъ. Что же дѣлать, Нанси? Что дѣлать?

— Вы пришли сюда по порученію Джорджа?

— Нѣтъ, онъ ничего объ этомъ не знаетъ. Онъ на седьмомъ небѣ отъ счастія, что вы его любите, и не думаетъ ни о чемъ. Я пришелъ къ вамъ по собственному почину, съ цѣлью предупредить васъ. Надо, во что бы то ни стало, положить всему конецъ.

— Вы всегда были моимъ добрымъ другомъ, Эдуардъ,—сказала я послѣ продолжительнаго молчанія,—и я вѣрю, что вы не желаете мнѣ зла. Помните, что Джорджъ самъ ухаживалъ за мною, а не черезъ ваше посредство. Онъ просилъ моей любви. Я всецѣло принадлежу ему, и только онъ можетъ порвать связывающія насъ узы. Я все сдѣлаю, что онъ мнѣ прикажетъ. Если онъ пожелаетъ жениться на мнѣ и скрыть отъ всѣхъ мое существованіе, то я радостно подчинюсь его волѣ. Я его раба, и онъ воленъ дѣлать со мной, что хочетъ.

— Милая Нанси, вы рѣжете меня тупымъ ножемъ. Дѣлать нечего, приходится сказать вамъ, чего я желаю. Уѣзжайте тайно, Нанси, и всему будетъ конецъ.

— Нѣтъ, я ни за что не убѣгу отъ Джорджа. Отъ него зависитъ моя судьба. Пусть онъ располагаетъ мною, какъ хочетъ.

— Такъ я напрасно терялъ время, а все-таки конецъ настанетъ но весь свѣтъ узнаетъ объ этой исторіи. Вы всю жизнь, Нанси, будете ненавидѣть меня.

— Нѣтъ, Эдуардъ, я всю жизнь буду считать васъ братомъ, хотя бы...

И я залилась слезами. Онъ также заплакалъ.

— Ну, пусть будетъ, что будетъ,—произнесъ онъ послѣ долгаго молчанія,—рѣшайте съ Джорджемъ, какъ знаете, я болѣе не вмѣшиваюсь въ ваше дѣло. Джорджъ васъ любитъ, и ему слѣдуетъ найти выходъ изъ этого невозможнаго положенія.

XV.

Онъ пошелъ къ дверямъ и удалился бы, если бы на порогѣ не показалась фигура моего брата Джозефа.

Эдуардъ посторонился и хотѣлъ пропустить Джозефа, но тотъ преградилъ ему дорогу и грубо произнесъ:

— Другъ, что ты тутъ дѣлаешь? Что ты дѣлаешь съ моей сестрой?

— Хотя она ваша сестра, и я у нея въ гостяхъ, но вамъ бы слѣдовало, сэръ, вести себя болѣе прилично, болѣе достойно вашего квакерскаго положенія.

— Я не хочу слушать твоихъ замѣчаній, а повторяю, что ты дѣлаешь съ моей сестрой?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Въ такомъ случаѣ, я не желаю болѣе съ вами разговаривать. Миссъ Нанси, вашъ братъ, если онъ дѣйствительно вашъ братъ, очень сердитъ, и не остаться ли мнѣ, чтобы оградить васъ отъ него?

— Пожалуйста, останьтесь,—отвѣчала я.

Очевидно, Джозефъ видѣлъ Роберта Сторея, и тотъ разсказалъ ему самую ужасную исторію о моемъ нравственномъ паденіи. Иначе нельзя было понять его гнѣвнаго настроенія. Но онъ попалъ ко мнѣ въ самую неудобную минуту. Мнѣ грозило гораздо бо̀льшее несчастье, чѣмъ его гнѣвъ, который только раздражалъ меня, но нисколько не пугалъ.

Остановившись посреди комнаты, Джозефъ молча осмотрѣлъ ее во всѣхъ подробностяхъ и потомъ спросилъ:

— Сестра, это твоя квартира или Изабеллы?

— Изабеллы. Она тебѣ нравится, Джозефъ?

— А эти дьявольскія навожденія,—продолжалъ онъ, указывая на картины миѳологическаго содержанія,—принадлежатъ Изабеллѣ или тебѣ?

— Изабеллѣ, но я очень сожалѣю, что они не мои.

— Нанси, я сяду съ вашего позволенія?—сказалъ Эдуардъ.

— Пожалуйста. Я боюсь, что мой братъ еще болѣе разсердится отъ дальнѣйшаго разговора со мной.

Джозефъ взглянулъ на него съ неудовольствіемъ, но ничего не сказалъ.

— Если бы эти картины принадлежали тебѣ, то я тотчасъ бы уничтожилъ ихъ,—продолжалъ онъ,—а эти цимбалы, подъ звуки которыхъ грѣшники низвергаются въ геенну огненную, твои или ея?

— Ея. Все, что здѣсь въ комнатѣ, принадлежитъ Изабеллѣ: и картины, и фортепіано, и ноты, и книги, и молитвенникъ англиканской церкви.

— Что же это такое? Здѣсь потѣшался дьяволъ?

— Просто Изабелла вернулась въ англиканскую церковь, къ которой она принадлежала до замужества.

— Робертъ Сторей мнѣ объ этомъ уже говорилъ; но ты, сестра, что дѣлаешь? Что значитъ этотъ свѣтскій человѣкъ, съ которымъ я засталъ тебя наединѣ?

— Ты узнаешь, Джозефъ, много новаго. Во-первыхъ, я навѣки покинула квакеровъ.

— Пойдемъ отсюда, сестра, пойдемъ изъ этого проклятаго вертепа!—воскликнулъ Джозефъ, внѣ себя отъ ярости и ударяя своей палкой по столу,—пойдемъ, или я вытащу тебя отсюда за волоса. Какъ тебѣ не стыдно покрыть такимъ позоромъ наше доброе имя!

— Братъ, нахалъ,—сказалъ Эдуардъ, вставая и подходя къ Джозефу,—я остался здѣсь, чтобы охранить твою сестру отъ тебя, и если ты еще скажешь одно грубое слово, то я спущу тебя по лѣстницѣ головой впередъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Эдуардъ говорилъ спокойно, но съ твердою рѣшимостью исполнить свою угрозу.

— Пойдемъ, сестра,—продолжалъ Джозефъ, значительно понижая свой тонъ,—вернись въ лоно друзей и покинь этотъ адъ кромѣшный!

— Джозефъ,—сказала я, подходя къ нему и смотря ему прямо въ глаза,—развѣ ты не видишь, что я совершенно и во всемъ измѣнилась. Къ тому же,—я прибавила, неожиданно вспомнивъ это обстоятельство,—мнѣ сегодня минуло двадцать одинъ годъ; слѣдовательно, я сама себѣ барыня.

— Какъ бы не такъ! это мы еще увидимъ. Слушайся своего опекуна, или я тебя силой вытащу отсюда.

— Ну, ужъ нѣтъ, другъ, ты этого не сдѣлаешь,—замѣтилъ спокойно Эдуардъ.

— Наконецъ, я перешла въ англиканскую церковь,—промолвила я,—и никогда не вернусь въ нашъ старый домъ.

— Другъ,—произнесъ снова Эдуардъ,—хотя никому не слѣдуетъ вмѣшиваться между братомъ и сестрой, такъ же, какъ между мужемъ и женой, но я позволю себѣ замѣтить, что если, дѣйствительно, этой молодой дѣвушкѣ минуло двадцать одинъ годъ, то никто не можетъ распоряжаться ею.

— Ты ничего не понимаешь!

— Но если ты имѣешь право такъ поступать съ ней, то обратись въ судъ. Я, слава Богу, не законникъ, но сомнѣваюсь, чтобы судъ позволилъ квакеру силой подчинить своей волѣ молодую дѣвушку, перешедшую въ установленную церковь.

— Это одинъ изъ твоихъ новыхъ друзей, о которыхъ мнѣ говорилъ Робертъ Сторей? Они принадлежатъ ко двору, къ развратному, безбожному двору и обольщаютъ неопытныхъ женщинъ. Ну, сестра, я не стану говорить крупныхъ словъ, не стану угрожать, но выбирай одно изъ двухъ: адъ или небо, меня или твоего...

— Миссъ Нанси совершеннолѣтняя,—перебилъ его Эдуардъ,—и поступитъ такъ, какъ пожелаетъ.

— Нанси? Ее зовутъ Ганна, а поступитъ она такъ, какъ я хочу, или не получитъ ни гроша. Слышишь, Ганна!

— Ну, ужъ нѣтъ,—произнесъ Эдуардъ,—повидимому, вашъ отецъ оставилъ значительное состояніе, и одно изъ двухъ: или онъ оставилъ это состояніе Нанси по завѣщанію, и вы не имѣете права имъ распоряжаться, по достиженіи ею совершеннолѣтія, или завѣщанія не осталось, и тогда состояніе нужно подѣлить по закону между вами обоими. Поэтому ваши слова не основательны и просто глупы. Знайте, что ея друзья обратятся въ судъ, для защиты ея правъ. Потому я вамъ совѣтую вернуться домой и приготовить всѣ отчеты по опекѣ.

— Судомъ или безъ суда, но она не получитъ ни гроша, если не уйдетъ отсюда со мной.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Судомъ или безъ него, но я не пойду съ тобой,—сказала я.

— Выслушай меня, другъ,—промолвилъ Джозефъ, обращаясь къ Эдуарду,—нѣсколько времени тому назадъ, Ганна подверглась тяжелымъ припадкамъ меланхоліи, что случается нерѣдко между нашими сестрами, живущими въ вѣчномъ созерцаніи своихъ грѣховъ. Моя двоюродная сестра предложила мнѣ взять ее къ себѣ для перемѣны воздуха, и я согласился, такъ какъ эта женщина вдова и принадлежала къ нашему обществу.

— И вы поступили очень разумно,—замѣтилъ Эдуардъ.

— Нѣтъ, теперь оказывается, что меня обманули. Мою бѣдную сестру совратили съ истиннаго пути и научили свѣтскому нечестію. Она отказалась отъ своей вѣры и стоитъ на краю геенны огненной. Ты видишь, другъ, что я не даромъ выхожу изъ себя: мою бѣдную сестру погубили, ея душу ввергли въ тьму кромѣшную!

— Но мнѣ кажется, сэръ, что вы преувеличиваете послѣдствія случившагося.

— Джозефъ,—произнесла я,—пора прекратить этотъ разговоръ. Мы такъ глубоко расходимся съ тобою во всемъ, что намъ нечего и пытаться убѣдить другъ друга. Но я желаю объяснить все, что случилось со мною, этому господину, котораго ты такъ оскорбилъ безъ всякой причины.

Джозефъ покачалъ головой, но ничего не отвѣтилъ.

— Я почти сошла съ ума,—продолжала я,—отъ ужаса, нагнаннаго на меня квакерскими порядками, и только благодаря Изабеллѣ, вырвавшей меня изъ квакерской среды, я стала человѣкомъ. Потомъ, Эдуардъ, благодаря вашему брату, я перешла въ англиканскую церковь и... Тутъ я расплакалась, сама не зная почему.

— Успокойтесь, Нанси,—сказалъ Эдуардъ, — пора покончить этотъ непріятный разговоръ. Вы бы лучше ушли, сэръ.

— И всѣмъ этимъ я обязана добрѣйшей и лучшей женщинѣ на свѣтѣ Изабеллѣ Сторей,—продолжала я,—я ни за что не вернусь въ твой домъ, Джозефъ, и скорѣе пойду служанкой къ Изабеллѣ, чѣмъ буду жить съ тобой. При одной мысли о твоемъ домѣ я дрожу, и голова моя кружится. Твоя власть надо мной кончилась. Уходи и оставь меня въ покоѣ.

— Если я уйду, то навѣки, и ты не получишь ни гроша изъ твоихъ денегъ.

— Нѣтъ, она всѣ получитъ,—замѣтилъ Эдуардъ.

— Еще послѣдній вопросъ,—произнесъ Джозефъ,—пойдешь со мной, сестра?

— Еще послѣдній отвѣтъ: не пойду, братъ.

Джозефъ молча вышелъ изъ комнаты.

Я его болѣе никогда не видала и, по всей вѣроятности, никогда не увижу. Говорятъ, онъ женился, и его жена, навѣрное, квакерша.

Что касается до угрозы Джозефа удержать мои деньги, то

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Эдуардъ исполнилъ свое обѣщаніе. Недѣли черезъ полторы или двѣ явился ко мнѣ какой-то законовѣдъ и предложилъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, а затѣмъ поѣхалъ въ Дартфордъ и переговорилъ подробно обо всемъ съ Джозефомъ. Оказалось, что послѣ смерти отца не сказалось никакого духовнаго завѣщанія, и Джозефъ забралъ въ свои руки все наслѣдство, которымъ и владѣлъ до сихъ поръ. Узнавъ отъ законовѣда, что ему придется уступить мнѣ половину всего состоянія, которое было очень велико, какъ движимое, такъ и недвижимое, онъ пришелъ въ такую ярость, что съ нимъ сдѣлался нервный припадокъ, и, придя въ себя, онъ расплакался, какъ ребенокъ.

— Половину,—бормоталъ онъ въ отчаяніи,—мнѣ надо отдать половину? Никогда! Скорѣе я умру, чѣмъ уступлю то, что мнѣ принадлежитъ.

Это отчаяніе ясно доказывало, что, несмотря на его квакерскія убѣжденія, онъ высоко цѣнилъ земныя блага.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, я, дѣйствительно, получила значительное наслѣдство, но, какъ увидитъ впослѣдствіи читатель, я уже тогда ни въ чемъ не нуждалась и стала посвящать большую часть денегъ на добрыя дѣла.

Но возвратимся къ моему разсказу.

Послѣ ухода Джозефа, Эдуардъ возобновилъ прерванный разговоръ, но я его перебила.

— Не забывайте, что я только отъ самого Джорджа готова выслушать все. Я все сдѣлаю, что онъ прикажетъ; но пусть онъ самъ скажетъ мнѣ, что мы должны разстаться. Васъ я никогда не послушаюсь, хотя увѣрена, что вы меня любите. Джорджъ придетъ сегодня вечеромъ, и я попрошу Изабеллу оставить насъ вдвоемъ. Тогда онъ можетъ сказать мнѣ все, что хочетъ, и я послушаюсь его приказаній.

XVI.

Уходя отъ меня, Эдуардъ не пошелъ внизъ по лѣстницѣ, а, напротивъ, поднялся наверхъ, въ квартиру капитана Селлинджера.

При видѣ такого неожиданнаго гостя капитанъ, бывшій безъ сюртука, растерялся и пробормоталъ:

— Какая неожиданность! Какая честь!

— Я только что былъ съ визитомъ у вашихъ прекрасныхъ сосѣдокъ,— отвѣчалъ Эдуардъ, отказываясь отъ предложеннаго стула и садясь на столъ,—пожалуйста, не церемоньтесь: безъ сюртука можно также разговаривать, какъ и въ сюртукѣ. Такъ я прямо перейду къ дѣлу.

— Сдѣлайте одолженіе, сэръ.

— Ночь за ночью, экипажъ стоитъ во дворѣ, и я слышу голоса въ нижнемъ этажѣ. Когда это кончится?

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Не знаю.

— Неужели имъ никогда не надоѣстъ ждать удобнаго случая, который все не является?

— Вѣдь намъ не надоѣдаетъ слѣдить за ними.

— Можетъ быть, вамъ не надоѣдаетъ, но мнѣ положительно противно уходить отсюда каждый вечеръ подъ конвоемъ, хотя бы и гвардейцевъ, и все изъ-за какихъ-то проклятыхъ полюжины іаковитовъ.

— Однако, сэръ, съ вашего позволенія...

— Знаю, знаю,—перебилъ его Эдуардъ, — моего брата нельзя подвергать опасности, и его репутація не должна омрачаться ни малѣйшей клеветой. Что же касается до молодой дѣвушки внизу, то она не должна быть вмѣшана ни въ какой скандалъ. Слышите, капитанъ!

— Да вѣдь до сихъ поръ, кажется, нѣтъ никакого скандала?

— Я все это время обдумывалъ дѣло и, наконецъ, нашелъ средство успѣшно покончить съ нимъ. Но мнѣ нужна помощь какъ ваша, такъ и сержанта.

— Мы оба къ вашимъ услугамъ.

— И вы обязываетесь до окончанія дѣла не проговориться ни пьяные, ни трезвые?

— Я никогда не напиваюсь, прежде чѣмъ вашъ братъ не достигнетъ безопасно своего дома.

— Это ничего не значитъ. Но скажите мнѣ, капитанъ Селлинджеръ, къ какому роду пьяницъ вы принадлежите? Одни во хмелю болтаютъ безъ устали, а другіе молчатъ. Вы въ числѣ первыхъ или послѣднихъ?

— Послѣднихъ; но если вы сомнѣваетесь, то я готовъ обязаться не пить болѣе двухъ бутылокъ въ день, пока не окончится это дѣло. Что же касается до нашей усталости, то не думайте объ этомъ. Они же, безъ сомнѣнія, поймутъ, наконецъ, что ихъ подозрѣваютъ, и сами откажутся отъ своего плана, тѣмъ болѣе, что вѣдь голландскій шкиперъ стоитъ имъ недешево, и ночи становятся холоднѣе,—даже иногда идетъ снѣгъ.

— Трудно разсчитывать, чтобы они сами отказались отъ своего плана.

— Но вѣдь нижнія дамы могутъ перемѣнить квартиру?

— Конечно. Но ужъ это дѣло касается не меня, а брата. Однако глупую исторію съ іаковитами я хочу самъ покончить, и какъ можно скорѣе. Сколько ихъ?

— Шестеро безъ доктора.

— Хорошо. А насъ трое. Вотъ мой планъ. Сержантъ спрячется въ назначенный день на кухнѣ или подъ лѣстницей, а вы останетесь насторожѣ въ своей комнатѣ. Въ половинѣ десятаго вы сойдете внизъ и постучитесь въ дверь мистриссъ Сторей. Я выйду

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

къ вамъ, и мы станемъ вмѣстѣ спускаться по лѣстницѣ, какъ можно, шумнѣе, давъ сигналъ сержанту, чтобы онъ былъ наготовѣ. Наши друзья-іаковиты, конечно, подумаютъ, что это выходитъ мой братъ. Они бросятся на насъ, а мы ихъ встрѣтимъ шпагой въ рукахъ. Что вы на это скажете, капитанъ?

— Я полагаю, что планъ прекрасный, и отвѣчаю за сержанта; вамъ стоитъ только назначить день для забавы.

— Мнѣ очень не нравится, что вы стѣсняете себя ради насъ, а потому устроимъ эту потѣху сегодня вечеромъ, а завтра вы спокойно вернетесь къ своей бутылочкѣ.

— Сегодня вечеромъ? И прекрасно!

Такъ дѣло и было рѣшено.

Въ половинѣ девятаго братья, по обыкновенію, пришли къ намъ. Джорджъ былъ очень взволнованъ, онъ сѣлъ за фортепіано и сталъ играть, но вскорѣ вскочилъ и, усѣвшись рядомъ со мной, началъ разговаривать о постороннихъ предметахъ. Эдуардъ нетерпѣливо ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, часто посматривая на часы.

Мы всѣ четверо были не въ своей тарелкѣ.

Наверху капитанъ сидѣлъ у окна и ждалъ, а во дворѣ стоялъ экипажъ, и подлѣ него находилось два человѣка.

Внизу, предупрежденный обо всемъ капитаномъ, сержантъ подслушивалъ въ устроенномъ имъ отверстіи, что говорили за стѣной. Заговорщики заявляли, что пора бросить дѣло, такъ какъ, очевидно, ихъ подозрѣваютъ и слѣдятъ за ними. Напротивъ, докторъ просилъ подождать еще нѣсколько дней, доказывая, что капитанъ Селлинджеръ узналъ высокихъ посѣтителей второго этажа и оказываетъ имъ честь, провожая ихъ до дому. Поэтому было глупо отказаться отъ хорошо подготовленнаго плана.

Съ этими словами онъ вышелъ, чтобы произвести рекогносцировку. Онъ прошелъ вдоль и поперегъ всю Сентъ-Джемскую площадь, а также заглянулъ въ Сентъ-Джемскую улицу, но капитана и сержанта нигдѣ не было видно. Тогда онъ вернулся и осмотрѣлъ всю лѣстницу. Она была совершенно пуста, и дверь въ садъ заперта. Убѣдившись въ этомъ, онъ постучалъ въ дверь кухни.

— Кто тамъ?—спросила Молли.

— Гдѣ капитанъ?

— Не знаю. Куда-то ушелъ.

— А сержантъ?

— Не знаю. Онъ также ушелъ.

Докторъ вернулся къ своимъ друзьямъ и объявилъ имъ, что, наконецъ, представился случай для выполненія ихъ плана, тѣмъ болѣе, что ночь была темная и вполнѣ способствовала осуществленію такъ давно подготовленнаго событія.

У доктора въ это время сидѣло четыре человѣка. Одного изъ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нихъ, рослаго, дороднаго молодца, сержантъ принялъ за шкипера голландскаго корабля, тѣмъ болѣе, что онъ былъ одѣтъ, какъ матросъ, и говорилъ на ломаномъ французскомъ языкѣ.

— Вы меня наняли, господа, и я готовъ вступить въ драку ради васъ, а также отвезти во Францію вашихъ плѣнниковъ. Но если вы будете откладывать это дѣло, то мы попадемся. Вы видите, что за нами слѣдятъ, и, конечно, наши молодцы никогда не выйдутъ изъ дома безъ прикрытія.

— Но вамъ говорятъ, что сегодня нѣтъ часовыхъ.

— Можетъ быть, они гдѣ нибудь скрываются? Я нанятъ вами, но не согласенъ рисковать своей жизнью и попасть въ руки солдатъ и офицеровъ.

Водворилось молчаніе, и сержантъ болѣе ничего не слыхалъ.

Въ девять часовъ съ четвертью онъ пересталъ подслушивать и, обращаясь къ Молли, сказалъ:

— Еще нѣсколько минутъ, и счастье, наконецъ, мнѣ улыбнется. Я могу теперь говорить откровенно, такъ какъ вполнѣ увѣренъ, что вы никому не скажете ни слова объ этомъ.

— Я не болтунья, сержантъ.

— Такъ узнай же, милая Молли, что черезъ нѣсколько минутъ я буду или офицеромъ, или мертвымъ.

— Избави Богъ!

— Конечно, избави Богъ, и я, на двадцать девятомъ году жизни, предпочитаю быть офицеромъ, чѣмъ переселиться въ другой міръ. Дай мнѣ, Молли, кружку пива. Вотъ, спасибо! Теперь я тебѣ скажу, что господа въ сосѣдней комнатѣ хотятъ напасть на двухъ джентльменовъ, проводящихъ ежедневно вечера у твоей госпожи, и отвезти ихъ во Францію.

— Зачѣмъ?

— Это я тебѣ разскажу въ другой разъ, а теперь пора готовиться къ дѣлу. Смотри, какая у меня твердая рука и вѣрный глазъ. Но еще рано, надо подождать, хоть руки у меня чешутся, чтобы вступить въ бой съ негодяями.

Наконецъ, пробило девять съ половиною часовъ, послышались шаги на лѣстницѣ и условленный сигналъ. Сержантъ выхватилъ шпагу и вышелъ на лѣстницу, которая смутно была освѣщена двумя свѣчами.

Капитанъ и Эдуардъ шли по лѣстницѣ съ обнаженными шпагами, а черезъ минуту дверь изъ квартиры доктора отворилась, и четверо людей бросилось на своихъ двухъ соперниковъ. Они не были вооружены, но, видимо, надѣялись на стремительность своего натиска.

Сержантъ бросился впередъ и встрѣтился съ дороднымъ шкиперомъ, который навалился на него. Сержантъ вонзилъ свою шпагу неизвѣстно въ какую часть его тѣла, и несчастный грохнулся на

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

полъ. Остальные трое обнажили шпаги, а сержантъ командовалъ, какъ на урокѣ фехтованія:

— Разъ, два, три! Впередъ!

Его громкій крикъ достигъ до нашихъ ушей, и сэръ Джорджъ сказалъ:

— Это вашъ другъ сержантъ кому-то даетъ урокъ фехтованія. Но странное онъ выбралъ для этого время и мѣсто.

Дѣйствительно, онъ давалъ урокъ, но совершенно другого рода.

Старый докторъ взялъ со стола своей комнаты двѣ свѣчки и освѣтилъ ими побоище. По словамъ капитана, который потомъ разсказывалъ мнѣ всю эту исторію, неизвѣстно, чѣмъ окончилось бы дѣло и сколько бы оказалось мертвыхъ, кромѣ толстаго голландца, который, впрочемъ, можетъ быть, былъ только раненъ, если бы на сцену не явилось новое дѣйствующее лицо—Молли. Она послѣдовала за сержантомъ и, видя, что началась свалка, взяла съ очага чугунъ съ кипѣвшей въ немъ похлебкой и вылила ее въ лицо тремъ противникамъ сержанта.

Они громко завопили, шпаги выпали у нихъ изъ рукъ. Въ глазахъ у нихъ потемнѣло, а лица покрылись сильными ожегами.

Между тѣмъ сэръ Джорджъ вскочилъ съ мѣста и хотѣлъ выбѣжать на лѣстницу, говоря:

— Это не урокъ, а какая-то драка!

Но я его не пустила и сказала:

— Пустяки, это какая нибудь шутка капитана.

На лѣстницѣ драма продолжалась: сержантъ поднялъ шпагу и сказалъ своимъ тремъ противникамъ:

— Сдавайтесь, господа!

— Я думаю, сэръ,—произнесъ капитанъ, обращаясь къ Эдуарду,—что Молли покончила бой. Что намъ теперь дѣлать?

— Ну, что же, господа,—произнесъ Эдуардъ,—неужели вы отъ ожеговъ не можете отвѣчать, сдаетесь ли вы, или я поручу сержанту покончить съ вами?

— Сдаемся,—отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

— Сдаемся,—прибавилъ докторъ, уходя со свѣчами въ свою комнату.

— Господа,—сказалъ Эдуардъ,—мнѣ очень жаль, что дѣло кончилось вопреки всѣмъ правиламъ, и, если вамъ угодно, я всегда готовъ дать вамъ удовлетвореніе. Теперь же я вамъ вотъ что скажу. Вашъ заговоръ пустяшный, и чѣмъ меньше о немъ будутъ говорить, тѣмъ лучше. Садитесь въ экипажъ, приготовленный моему брату и мнѣ, отправляйтесь на нанятый вами корабль и снимайтесь тотчасъ съ якоря. Если же завтра утромъ ваше судно будетъ стоять на Темзѣ, то васъ арестуютъ и повѣсятъ.

Никто ничего не отвѣчалъ.

— Возьмите съ собой вашего раненаго или умершаго товарища.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Полуослѣпленные и испытывая ужасныя страданія, заговорщики взяли на руки шкипера и понесли его въ экипажъ.

Капитанъ послѣдовалъ за ними и потомъ разсказывалъ, что шкиперъ жалобно стоналъ. Значитъ, онъ былъ живъ.

Когда всѣ помѣстились въ экипажѣ, капитанъ подошелъ къ окну кареты и торжественно произнесъ:

— Господа, я васъ поздравляю. Вы произвели смѣлую вылазку, но не разсчитали, что къ намъ на помощь явится женщина. Вѣрьте мнѣ, что если вашъ католическій претендентъ когда нибудь явится въ Англію, то съ нимъ поступятъ такъ же. А также не забывайте, что если кто изъ васъ вернется въ Англію, то самъ будетъ виноватъ, если покончитъ свою жизнь на висѣлицѣ. Ну, а теперь— добраго пути!

Произнеся эту рѣчь, капитанъ вернулся въ комнату доктора, въ которой засталъ хозяина и Эдуарда, сидѣвшаго за столомъ.

— Такъ они уѣхали, капитанъ?—спросилъ онъ, увидавъ Селлинджера,—а что толстякъ раненъ или убитъ?

— Не знаю. Другой заговорщикъ немного оцарапанъ. Вотъ и все. Имъ измѣна обошлась очень дешево.

— Вотъ руководитель и глава заговора,—продолжалъ Эдуардъ, указывая на доктора,—я задержалъ его, чтобы поговорить съ нимъ серьезнѣе.

Докторъ былъ одѣтъ подорожному и въ шляпѣ съ широкими полями. Сундукъ, въ которомъ онъ держалъ документы, былъ открытъ и пустъ, такъ что, очевидно, онъ приготовился къ бѣгству, каковъ бы ни былъ результатъ осуществленія его плана. Онъ стоялъ, прислонившись къ стѣнѣ, и на морщинистомъ лицѣ его не было ни малѣйшаго слѣда волненія. У дверей караулилъ сержантъ съ обнаженной шпагой. На столѣ лежала пачка бумагъ.

— Эти бумаги, капитанъ Селлинджеръ,—продолжалъ Эдуардъ,— были взяты изъ кармана арестанта, называвшаго себя докторомъ. Онъ собирался бѣжать и хотѣлъ ихъ взять съ собою. Я уже успѣлъ просмотрѣть нѣкоторыя изъ нихъ, и онѣ вполнѣ доказываютъ его двойную измѣну. Что мнѣ съ нимъ дѣлать?

— Повѣсить, если вы не найдете другой болѣе мучительной для него формы смерти.

Докторъ не дрогнулъ и не произнесъ ни слова.

— Послѣ моего разговора съ вами, капитанъ, я навелъ справки о томъ, что это за человѣкъ. Вы видите, что онъ старикъ и близокъ къ могилѣ, значитъ, ему слѣдовало бы вести себя честно и благородно.

— Не забывайте, сэръ, — промолвилъ докторъ,—что я не могу вызвать васъ на дуель.

— Еще бы. Я дерусь только съ джентльменами, а вы... фи! Представьте себѣ, капитанъ Селлинджеръ, что этотъ человѣкъ впро-

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

долженіе двадцатипяти лѣтъ былъ шпіономъ на жалованьѣ англійскаго правительства и все это время доставлялъ свѣдѣнія объ арміи и флотѣ Франціи.

— Эге! значитъ, онъ дѣйствительно былъ двойнымъ измѣнникомъ, — отвѣчалъ капитанъ, — но вѣдь отъ шпіона нечего ожидать, кромѣ подлости.

— Я, право, не знаю, какъ его такъ долго терпѣли, вѣроятно, по привычкѣ. Сегодня я узналъ, что онъ іаковитъ, сынъ одного изъ англичанъ, сопровождавшихъ Іакова II, одинъ изъ приближенныхъ претендента и шпіонъ французскаго правительства въ Англіи. Вы понимаете, что, ведя двойную игру, онъ былъ вполнѣ безопасенъ въ обѣихъ странахъ.

— Повѣсить его!—промолвилъ капитанъ.

— Что касается до составленнаго имъ заговора, то онъ, конечно, удался бы, если бы случайно его не открылъ сержантъ Бетцъ. Конечно, поимка меня съ братомъ не принесла бы никакой пользы ни претенденту, ни Франціи, такъ какъ, рано или поздно, безъ драки намъ не обойтись. Ну, сэръ,—прибавилъ Эдуардъ, обращаясь къ доктору,—что вы можете сказать въ свое оправданіе?

Докторъ поднялъ голову, снялъ шляпу и воскликнулъ громкимъ, твердымъ голосомъ:

— Да здравствуетъ король Іаковъ!

— Хорошо. Но не имѣете ли вы что либо прибавить, прежде чѣмъ мы васъ отправимъ въ тюрьму?

— Знайте, сэръ, — произнесъ докторъ съ достоинствомъ, — что я и мои друзья люди благородные и, по истинѣ, преданные своему королю. Вѣрность іаковита—все терпѣливо переноситъ: глупость одного короля, развратъ другого и упрямство третьяго, такъ какъ для него король, какъ бы онъ ни былъ дуренъ, Божій помазанникъ. Іаковъ II бросилъ свою корону, но онъ не могъ заставить своихъ сторонниковъ бросить его. Наша преданность королю безгранична, и мы готовы жертвовать для него не только жизнью, но и честью. Я джентльменъ, но исполняю обязанности шпіона. Я надѣваю на себя маску шпіона англійскаго правительства и будто бы передаю ему тайны своего короля, а въ сущности развѣдываю, что дѣлается при англійскомъ дворѣ, и доношу королю Іакову. Я беру отъ васъ деньги и сообщаю вамъ ложныя свѣдѣнія о французскомъ флотѣ.

— Вотъ подлецъ-то!—воскликнулъ капитанъ.

— За то, что я прикидываюсь шпіономъ, меня здѣсь всюду пускаютъ, и я свободно разговариваю съ министрами, отъ которыхъ узнаю всѣ ихъ планы. Я не спорю, что подобное поведеніе при другихъ обстоятельствамъ было бы въ высшей степени позорнымъ, но мы, іаковиты, считаемъ его честнымъ и благороднымъ. Мои дѣйствія вполнѣ одобряются моимъ королемъ и моими друзьями, а до вашихъ мнѣній мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Такъ по вашему, поддерживая правое дѣло, можно нарушать всѣ десять заповѣдей?

— Я знаю только одно, что преданно служу своему королю, и этого достаточно. Нечего болѣе разговаривать, я готовъ идти въ тюрьму. Мнѣ семьдесятъ пять лѣтъ, и я не слишкомъ старъ, чтобы умереть за моего короля, но слишкомъ старъ, чтобы бояться смерти.

— Можетъ быть, мы обойдемся и безъ тюрьмы. Вы, слуга претендента, однажды удалившись изъ нашей страны, не можете приносить намъ вреда. Поэтому мы заберемъ всѣ ваши бумаги, а васъ отпустимъ. Сержантъ, обыщите арестанта. Нѣтъ ли на немъ еще бумагъ?

Но обыскъ оказался лишнимъ: всѣ бумаги, находившіяся у него, уже лежали на столѣ.

— Ну, ступайте. Вы еще поспѣете на голландскій корабль, прежде чѣмъ онъ снимется съ якоря. Но помните, что если это судно будетъ завтра утромъ на Темзѣ, то васъ повѣсятъ вмѣстѣ съ вашими товарищами. Этотъ сержантъ знаетъ пофранцузски и можетъ быть свидѣтелемъ противъ васъ.

— О! — воскликнулъ докторъ, — вы понимаете пофранцузски? Такъ, можетъ быть, вы также слуга законнаго короля?

— Да, короля брауншвейгскаго дома!

— И вы подслушивали насъ, и вы донесли на насъ? Вотъ мерзавецъ! Да вы шпіонъ, подлый шпіонъ!

— А ты самъ-то кто!—воскликнулъ капитанъ,—ну, убирайся, да поживѣй, дьявольскій измѣнникъ!

Докторъ вышелъ изъ комнаты, гордо поднявъ голову.

— Сержантъ Бетцъ,—сказалъ Эдуардъ, когда докторъ исчезъ,—я никогда не забуду событій сегодняшняго дня. Если бы не вы, то этотъ заговоръ могъ бы удаться, и мы съ братомъ сидѣли бы въ какой нибудь французской тюрьмѣ. Или мы могли бы быть убитыми въ свалкѣ. Будьте увѣрены, что я при первой возможности разскажу брату о вашемъ подвигѣ, а теперь возьмите вотъ этотъ кошелекъ на память обо мнѣ.

Сержантъ взялъ кошелекъ, въ которомъ было около пятидесяти гиней, и молча поклонился. Онъ ожидалъ другой награды и, видимо, былъ не доволенъ.

— Я знаю, сержантъ Бетцъ, что вы человѣкъ способный, знаете нѣсколько языковъ, хорошо фехтуете и даете уроки фортификаціи, что вы, кромѣ того, трезвый человѣкъ, женаты на приличной женщинѣ и вообще не посрамите офицерскихъ эполетъ.

Сержантъ поблѣднѣлъ отъ счастія.

— Мнѣ извѣстно отъ капитана Селлинджера, что вы болѣе всего желаете быть офицеромъ.

— Да, это совершенно справедливо.

— Хорошо. Я буду ходатайствовать за васъ у его величества.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Лице сержанта вытянулось.

Капитанъ Селлинджеръ сказалъ что-то на ухо Эдуарду, и тотъ громко произнесъ:

— А, можетъ быть, вы желали бы сдѣлаться офицеромъ морской пѣхоты?

— Почелъ бы за величайшую честь.

— Такъ дѣло въ шляпѣ. Капитанъ Селлинджеръ, поручика Бетца перваго полка морской пѣхоты.

Новый поручикъ упалъ на колѣни, и слезы радости потекли по его щекамъ.

— Я теперь желаю только одного,—сказалъ онъ, — чтобы мнѣ удалось отличиться въ дѣлѣ передъ вашими глазами и тѣмъ заслужить оказанную мнѣ милость.

— Ну, господа, сегодня мы не нуждаемся въ эскортѣ. Прощайте!

И онъ удалился съ любезнымъ поклономъ.

— Поручикъ Бетцъ,—сказалъ капитанъ, оставшись наединѣ съ бывшимъ сержантомъ,—мы теперь съ вами братья по оружію и можемъ вмѣстѣ пить. Намъ придется провозгласить много новыхъ тостовъ: «за достойную кару измѣнниковъ и шпіоновъ», «за здоровье младшаго офицера на службѣ его величества короля», «за счастье божественной Нанси». Ну, пойдемъ, поручикъ, я васъ сегодня потоплю въ пуншѣ.

XVII.

Передъ приходомъ Джорджа въ этотъ день я откровенно передала Изабеллѣ все, что мнѣ говорилъ Эдуардъ.

— Какъ! Сэръ Джорджъ не можетъ жениться на тебѣ? Вотъ вздоръ. Положимъ, что онъ какой-то важный лордъ,—не даромъ онъ носитъ звѣзду, а мы съ тобой принадлежимъ къ купеческому сословію. Но вѣдь любовь равняетъ всѣхъ, и онъ мнѣ не разъ говорилъ, что онъ никогда не видалъ среди важныхъ барынь такой умной, пріятной и обворожительной красавицы, какъ ты.

— И все-таки Эдуардъ говорилъ, что онъ не можетъ на мнѣ жениться.

— Значитъ, онъ, подлецъ, женатъ!

— Нѣтъ, я въ этомъ убѣждена. Онъ мнѣ самъ объ этомъ говорилъ, и Эдуардъ утверждаетъ, что онъ до меня никого никогда не любилъ.

— Но въ такомъ случаѣ что это значитъ? Онъ совершеннолѣтній, отецъ его умеръ, и, значитъ, онъ можетъ дѣлать, что хочетъ. Можетъ быть, его въ дѣтствѣ обручили съ кѣмъ нибудь; вѣдь это не можетъ помѣшать ему жениться на тебѣ, если онъ дѣйствительно тебя любитъ.

— О! въ его любви я не сомнѣваюсь!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Такъ говорятъ всѣ женщины. Но не въ этомъ дѣло: намъ надо непремѣнно узнать, Нанси, почему онъ не можетъ на тебѣ жениться.

— Онъ долженъ самъ мнѣ сказать причину, не дозволяющую ему жениться на мнѣ.

— Не лучше ли мнѣ поговорить съ нимъ, а ты сегодня не выходи изъ своей комнаты.

— Нѣтъ. Я не хочу, чтобы кто либо вмѣшивался между мной и имъ. Пусть онъ самъ мнѣ скажетъ. И ужъ если разставаться...

Я горько расплакалась.

— Пустяки, не плачь. Онъ не можетъ бросить такой красавицы, какъ ты. Развѣ онъ король? Но вѣдь это невозможно. Успокойся, онъ поведетъ тебя къ алтарю. Зачѣмъ же онъ уговорилъ тебя перейти въ его вѣру и такъ упорно ухаживалъ за тобой, если намѣревался тебя бросить? Нѣтъ, онъ не похожъ на измѣнника.

— Но если женитьба на мнѣ принесетъ ему вредъ, то лучше я умру.

— Полно, полно, истинная любовь никогда не можетъ вредить. Кто бы онъ тамъ ни былъ, лордъ или герцогъ, но онъ тебя любитъ и никогда не обидитъ тебя.

Несмотря на утѣшеніе Изабеллы, у меня было тяжело на сердцѣ, и я предчувствовала, что мнѣ грозитъ большая бѣда.

Вечеромъ, по обыкновенію, къ намъ пришли наши друзья. Изабелла ушла изъ дому подъ предлогомъ какого-то дѣла, и когда Эдуардъ вышелъ на лѣстницу и долго пропадалъ тамъ по неизвѣстной причинѣ, то я осталась одна съ сэромъ Джорджемъ.

Мы еще впервые были съ нимъ наединѣ, и онъ, упавъ на колѣни передо мною, схватилъ мою руку и сталъ покрывать ее поцѣлуями.

— О Нанси!—говорилъ онъ,—моя любовь, сердце моего сердца

Я уже не помню всѣхъ нѣжныхъ, пламенныхъ словъ, которыя онъ произнесъ, но знаю только, что никто никогда не любилъ такъ женщины, какъ онъ любилъ меня. Я слушала его радостно и плакала отъ счастія.

— О Нанси, — промолвилъ онъ, нѣсколько успокоившись, — мы еще никогда не оставались вдвоемъ. Поговоримъ съ тобою по душѣ. Хочешь быть моей... моей женой?

— Дѣлай со мной, что хочешь! Я вся твоя!

— Я поговорю объ этомъ съ Эдуардомъ, такъ какъ я безъ него ничего не дѣлаю, и мы рѣшимъ, когда назначить свадьбу.

— Но онъ былъ у меня сегодня и говорилъ, что есть причина, по которой ты не можешь жениться на мнѣ.

— Какая причина? Что можетъ мнѣ помѣшать поступить, какъ я хочу.

— Не знаю. Онъ мнѣ не открылъ тайны, и я не настаивала,

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

такъ какъ желаю узнать только отъ тебя свою судьбу. Но если намъ суждено разстаться, то пусть это будетъ поскорѣй!

Онъ молча обнялъ меня, привлекъ на свою грудь и сталъ цѣловать пламенно, безумно.

— Намъ разстаться! — воскликнулъ онъ со смѣхомъ,— нѣтъ, Нанси, насъ разлучитъ только смерть! Пойми, дитя мое, что я не могу жить безъ тебя. Эдуардъ уже не разъ говорилъ мнѣ о какихъ-то преградахъ, но я ихъ не знаю и не признаю. Мнѣ все равно, что будетъ говорить свѣтъ, а если, дѣйствительно, мнѣ не дадутъ сдѣлать то, что я хочу, такъ я уйду и откажусь отъ всего въ пользу Эдуарда.

— Нѣтъ,— отвѣчала я, не понимая, на что онъ намекалъ,— я слишкомъ люблю тебя, Джорджъ, чтобы быть причиной твоего несчастія. Мнѣ довольно и твоей любви, но мы разстанемся, и ты будешь помнить, какую жертву я тебѣ принесла.

— Нѣтъ, я никогда съ тобой не разстанусь, Нанси, выслушай меня. Дѣйствительно, есть причина, по которой я не могу открыто жениться на тебѣ, но я женюсь тайно, и мы будемъ жить съ тобою въ уединенномъ уголкѣ, вдали отъ всѣхъ. Теперь я тебѣ все откровенно скажу. Мы уже порѣшили съ Эдуардомъ, что моя свадьба будетъ завтра утромъ. Я даже не знаю, въ какой церкви, но все это устроитъ Эдуардъ. Онъ нашелъ пастора, и они согласились, что я буду вѣнчаться подъ именемъ Лебретона. Въ восемь часовъ утра пріѣдетъ за тобой карета, а послѣ церемоніи мы поѣдемъ въ маленькій домикъ въ паркѣ, купленый и омеблированый Эдуардомъ. Въ этомъ уютномъ гнѣздѣ мы будемъ счастливы, будемъ любить, любить и любить другъ друга. Вѣрь мнѣ, что я никогда не зналъ, что такое любовь, прежде чѣмъ увидѣлъ тебя. Я всегда жаждалъ встрѣтить такую женщину, которой я могъ бы посвятить себя всецѣло и отдать ей мой умъ, мое сердце. И вотъ я нашелъ такую женщину въ тебѣ. Такого счастія, дѣйствительно, достоинъ только король, а оно выпало на мою долю; но ты должна жить со мной вдали отъ всѣхъ и быть моей тайной женой. Согласна ли ты на такую жертву?

— Я такъ люблю тебя, Джорджъ, что готова умереть за тебя!

Онъ снова сталъ безумно цѣловать меня, но скоро вернулся Эдуардъ, и нашему счастью наступилъ конецъ.

— Что это у васъ была за драка?—спросилъ Джорджъ у брата.

— Важная,— отвѣчалъ тотъ,— но это пустяки, а ты, Джорджъ, сказалъ ли прелестной Нанси о томъ, что ожидаетъ ее завтра?

— Да, и она согласна.

— Такъ, значитъ, Нанси, мы завтра съ вами будемъ братомъ и сестрой; но я начинаю думать, что Джорджъ васъ не достоинъ, хотя онъ искренно и преданно васъ любитъ. Я надѣюсь, Нанси, что выбранный мною домъ вамъ понравится. Хотя комнаты маленькія, но

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

хорошенькія, а одно венеціанское окно съ балкономъ выходитъ прямо въ паркъ.

— А вѣдь мы, братъ, еще не говорили ей нашего настоящаго имени,— произнесъ сэръ Джорджъ.

— Нѣтъ, не теперь,—отвѣчала я,—я сегодня и такъ слишкомъ счастлива, а завтра будь чѣмъ хочешь: барономъ, графомъ или герцогомъ.

— Хорошо. Я завтра буду тѣмъ, кѣмъ родился.

— Я помню, что вы мнѣ разсказывали о благородномъ лордѣ, который женился на поселянкѣ и перевезъ ее въ свой большой домъ. У васъ также большой домъ?

— У меня ихъ два или три, а со временемъ будетъ больше.

— Такъ не берите меня въ эти роскошныя жилища, а дозвольте мнѣ жить въ маленькомъ домикѣ, нанятомъ Эдуардомъ. Мнѣ не надо быть вашей женой для всего свѣта, а я буду довольствоваться сознаніемъ, что я принадлежу вамъ, и что вы меня любите.

Онъ снова обнялъ меня и началъ попрежнему пламенно цѣловать.

Въ эту минуту вошла въ комнату Изабелла.

— Извините, сэръ Джорджъ, что я такъ долго замѣшкалась, но мнѣ надо было навѣстить бѣдную вдову съ шестью дѣтьми.

— Позвольте мнѣ содѣйствовать вамъ въ этомъ добромъ дѣлѣ,— сказалъ сэръ Джорджъ, подавая ей кошелекъ, полный гинеями,— я такъ счастливъ сегодня, что хочу, чтобы и другіе были счастливы. Мы сегодня покончили съ Нанси, и она согласилась быть моей женой, какъ только мнѣ позволятъ обстоятельства устроить это дѣло, какъ слѣдуетъ. Вѣрьте, мистриссъ Изабелла, что я буду имѣть въ виду только желанія и счастье Нанси.

— Я въ этомъ увѣрена, но, признаюсь, хотя и ожидала такой развязки, никакъ не могу понять, что вы находите съ братомъ въ такихъ простушкахъ, какъ мы.

— Моя Нанси,—отвѣчалъ сэръ Джорджъ,—далеко не простушка: она научила меня многому, чего я не зналъ, вращаясь въ большомъ свѣтѣ. Вамъ неизвѣстно, какъ тяжела наша жизнь. Мы не работаемъ, а потому ничѣмъ не наслаждаемся; мы думаемъ, что все намъ доступно, и ничѣмъ не дорожимъ. Мы не заботимся о своей судьбѣ и увѣрены, что будемъ спокойны всегда. Конечно, исторія учитъ насъ, что иногда бываютъ печальные результаты подобнаго существованія. Но въ наше время не убиваютъ принцевъ въ Лондонской башнѣ и не казнятъ королей въ Вайтголѣ. Мы не вѣдаемъ жизненной борьбы и дѣлаемся черствыми эгоистами, тѣмъ болѣе, что никто намъ не противорѣчитъ. Моя милая Нанси, напротивъ, часто мнѣ противорѣчитъ, она мнѣ доказала, что я ничего не знаю, и что люди, о которыхъ я всегда отзывался съ пренебреженіемъ, гораздо лучше большого свѣта. Моя гордость унижена, но зато я

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

нравственно выросъ. Она безсознательно сдѣлала меня болѣе достойнымъ ея руки, хотя, увѣряю васъ, что нѣтъ никого на свѣтѣ, какого бы онъ ни былъ высокаго положенія, который былъ бы вполнѣ достоинъ ея.

XVIII.

Братья ушли отъ насъ очень поздно, и, оставшись со мной наединѣ, Изабелла бросилась ко мнѣ на шею.

— Ты рождена для любви, Нанси,— воскликнула она,— и что бы тамъ ни говорили, а жизнь безъ любви не полна! Одна любовь свѣтитъ и грѣетъ; ну, теперь пора спать. Тебѣ завтра нужно быть свѣжей, прелестной. Нельзя идти къ алтарю съ блѣдными щеками и мутными глазами.

Я легла спать, но во всю ночь не сомкнула глазъ.

Въ семь часовъ утра Молли подала мнѣ письмо, которое, по ея словамъ, принесъ лакей въ блестящей ливреѣ. Это было первое и единственное любовное письмо, когда либо мною полученное. Вотъ оно:

«Милая, милая, милая Нанси! Всю ночь я думалъ только о тебѣ и о нашей любви. Теперь шесть часовъ, и я пишу тебѣ эти строки, которыя застанутъ тебя въ постели. Часа черезъ два ты будешь моей. Эдуардъ все устроитъ, и намъ только остается исполнять его распоряженія. Это будетъ первымъ шагомъ на томъ новомъ пути, на который я вступаю сегодня. Отнынѣ я всегда буду повиноваться моей Нанси, хотя бы весь міръ повиновался мнѣ. Я сегодня въ церкви произнесу монашескій обѣтъ нищеты, повиновенія и нравственной чистоты, то-есть, я дамъ клятву, что у меня не будетъ ни гроша своего, а все будетъ принадлежать тебѣ, что я никогда не нарушу повиновенія твоей волѣ и никогда не буду знать другой женщины, кромѣ тебя. Голубушка моя, прочти эти слова въ постели, а потомъ встань и въ своей молитвѣ помяни меня. Затѣмъ одѣнься и спѣши въ церковь: сегодня день нашего счастія. Моя любовь, моя все!

Твой Джорджъ».

Я повиновалась. Покрывъ письмо поцѣлуями, я встала и одѣлась. Потомъ я разбудила Изабеллу и показала ей письмо. Молли я также объявила, что черезъ нѣсколько часовъ я буду женой сэра Джорджа, и обѣщала оставить ее у себя въ услуженіи.

Причесывая меня, она разсказала о вчерашней схваткѣ, и я поздравила ее съ ея геройствомъ.

Я надѣла свое бѣлое атласное платье, которое Изабелла украсила кружевами и бѣлыми лентами. Мою шляпку она также убрала бѣлыми лентами и дала мнѣ бѣлыя шелковыя перчатки.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Одно жаль,—говорила Изабелла, суетясь вокругъ меня,—что на твоей свадьбѣ никого не будетъ. Я желала бы, напротивъ, чтобы съ нашей стороны былъ твой братъ Джозефъ, Робертъ Сторей и цѣлая вереница квакеровъ, а съ его стороны—блестящій рядъ придворныхъ красавицъ, которыя кусали бы свои губы изъ зависти.

— Ничего, мнѣ никого не нужно, кромѣ тебя, Молли и Эдуарда

— Ну, ужъ нечего сказать, ты прелестная невѣста!—воскликнула она, осматривая меня съ ногъ до головы,—и какая ты веселая. Какъ у тебя блестятъ глаза и горятъ щеки! Но знаешь, Нанси,—прибавила она, горячо меня обнимая:—мнѣ сегодня очень радостно и вмѣстѣ съ тѣмъ грустно: что я буду дѣлать безъ тебя? Вѣдь эти три мѣсяца мы были такъ счастливы съ тобой.

Когда мой туалетъ былъ оконченъ, я подошла къ комоду и выбрала вещи, которыя Молли должна была отнести въ мое новое жилище. Ихъ было немного, но я положила въ число ихъ миніатюрный портретъ Лавальеръ, которая почему-то печально смотрѣла на меня.

Сердце мое екнуло, и мнѣ стало страшно за мое будущее счастье, словно что-то ужасное ему грозило.

XIX.

Въ половинѣ восьмого я была совершенно готова и стала поджидать жениха. Изабелла сидѣла рядомъ со мною и безъ умолку болтала, но я ея не слушала и только смотрѣла на часы, негодуя на стрѣлки, которыя слишкомъ медленно двигались.

Ровно въ восемь часовъ послышался стукъ колесъ, и черезъ минуту въ комнату вбѣжалъ сэръ Джорджъ.

Онъ бросился ко мнѣ, крѣпко меня обнялъ и сталъ горячо цѣловать.

— Милая моя, милая!—могъ онъ только промолвить.

Подъ его поцѣлуями я забыла о горькихъ мысляхъ и была снова счастлива.

— Извините, мистриссъ Изабелла, — сказалъ онъ, отходя отъ меня,—я васъ не замѣтилъ.

— Еще бы, въ такую радостную минуту. Я васъ охотно извиняю и поздравляю съ днемъ вашей свадьбы!

Онъ поцѣловалъ ея руку и со смѣхомъ произнесъ:

— Вы правы, я такъ счастливъ сегодня, что не помѣнялся бы ни съ кѣмъ своимъ положеніемъ.

— Даже съ королемъ?

Онъ поблѣднѣлъ, но тотчасъ оправился и отвѣчалъ:

— Я нимало не хочу быть королемъ. Но гдѣ Эдуардъ?

— Онъ еще не пришелъ.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Странно, Эдуардъ всегда очень аккуратенъ. Впрочемъ, еще рано, и мы можемъ его подождать десять минутъ, а если онъ и тогда не придетъ, то мы повѣнчаемся безъ него.

— А въ какой церкви?

— Не знаю. Эдуардъ знаетъ. Да не безпокойтесь, онъ придетъ.

— Не выпьете ли вы покуда шоколаду?—спросила Изабелла.

— Полноте, развѣ кто пьетъ или ѣстъ въ день своей свадьбы!? Но, право, куда это запропастился Эдуардъ?

Однако, когда Молли принесла шоколадъ, онъ выпилъ чашку и даже съѣлъ поджареннаго хлѣба съ масломъ.

— Эдуардъ—лучшій изъ братьевъ,—продолжалъ онъ,—и готовъ на все ради меня, тогда какъ бывали случаи, что младшіе братья желали смерти старшаго. Знаешь, Нанси, онъ тебя любитъ не меньше моего, но нимало не ревнуетъ меня. Вѣдь онъ устроилъ нашу свадьбу. Заведя объ этомъ разговоръ надняхъ, онъ сталъ требовать, чтобы я покончилъ съ тобой, такъ какъ нашъ бракъ, по его словамъ, не мыслимъ. Онъ увѣрялъ, что англичане не любятъ подобныхъ mesalliance, и что не разъ происходили отъ этого междоусобія. «Конечно,—говорилъ онъ,—тебѣ за это не отрубятъ голову, но будетъ общее неудовольствіе». А я ему на это отвѣчалъ: «будетъ, что будетъ, а женюсь, и завтра же утромъ, на моей Нанси». Тогда мы съ нимъ порѣшили, какъ устроить это дѣло. Ты будешь, Нанси, моей женой, но въ тайнѣ, и никто объ этомъ не узнаетъ. Не думай, однако, Нанси, что я гнушаюсь тобой. Нѣтъ, я вѣчно буду тобой гордиться!

— Ну, теперь мы, наконецъ, узнаемъ, кто вы такіе,—сказала Изабелла.

— Конечно, хотя признаюсь, что ваше незнаніе увеличивало прелесть нашего знакомства. Сначала мы съ братомъ думали, что вы знаете, кто мы, такъ какъ странно было, что только вы оставались въ невѣдѣніи, когда всѣ вокругъ знали насъ. Но теперь пришла минута сказать вамъ все. Ты хочешь, Нанси,— прибавилъ онъ, взявъ меня за руку и цѣлуя ее,—чтобы я сейчасъ открылъ свою тайну, а не послѣ нашего вѣнчанія?

— Нѣтъ, Джорджъ,—отвѣчала я,—я хочу прежде всего принадлежать тебѣ, а потомъ говори мнѣ все, что хочешь.

— Быть по-твоему. Но вотъ и Эдуардъ!

Я вскочила и взглянула въ окно. Эдуардъ бѣжалъ черезъ площадь, блѣдный и взволнованный. Снова дрогнуло у меня сердце, и снова закралось въ него предчувствіе грозившей мнѣ бѣды.

Черезъ нѣсколько минутъ Эдуардъ стоялъ въ дверяхъ и смотрѣлъ на насъ дикими блуждающими глазами.

— Джорджъ!—промолвилъ онъ, задыхаясь.

— Какъ ты опоздалъ, братъ, но все-таки время не ушло. Пойдемъ, Нанси.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Оставь ее и иди со мной! — воскликнулъ Эдуардъ, — иди со мной!

— Съ тобой? Нѣтъ, ты пойдешь съ нами въ церковь.

— Это невозможно, Джорджъ!

— Да ты съ ума сошелъ?

— Къ несчастью, нѣтъ. Мистриссъ Сторей, уведите бѣдную Нанси въ ея комнату и снимите съ нея вѣнчальное платье.

— Что это такое? Что случилось?—воскликнулъ сэръ Джорджъ.

— Всѣ тебя ищутъ, всѣ тебя ждутъ. Пойдемъ скорѣй.

— Что это значитъ? Говори!

— Если ты хочешь, чтобы я сказалъ при ней,—изволь: король умеръ.

Преклонивъ колѣно, онъ поцѣловалъ руку брата и торжественно произнесъ:

— Да здравствуетъ король!

Наступило тяжелое молчаніе. Я не знаю, сколько оно длилось. Джорджъ стоялъ неподвижно, поднявъ глаза къ небу.

Я все поняла и едва не упала въ обморокъ.

На лицѣ моего Джорджа я прочла ясно свою судьбу. Оно вдругъ измѣнилось. Глаза его болѣе не дышали любовью, а въ нихъ свѣтилась забота о благѣ ввѣренной ему страны. Что значила для него простая, молодая дѣвушка въ сравненіи съ цѣлымъ народомъ, благоденствіе котораго зависѣло отъ него. Любовь внезапно исчезла изъ его сердца, и онъ былъ теперь король и болѣе ничего.

— Да будетъ воля Божія!—промолвилъ онъ, наконецъ, и, обернувшись ко мнѣ, сказалъ торжественно:

— Нанси, мы должны покориться судьбѣ. Я король, хотя и не достойный. Забудь меня и молись обо мнѣ. Братъ тебя не оставитъ. Ты, Нанси, добрая, прости меня!

Онъ нагнулся и поцѣловалъ меня въ лобъ.

Въ глазахъ у меня потемнѣло, и я лишилась чувствъ.

Часто я потомъ думала, что напрасно я не умерла въ этотъ несчастный день; но нѣтъ, я бы тогда не могла вспоминать о немъ, о его любви. Я была его первой любовью, и когда мы съ нимъ встрѣтимся на томъ свѣтѣ, я подойду прямо къ нему и скажу:

— Джорджъ, ты меня любилъ прежде той, которую ты выписалъ изъ-за моря. Я твоя первая любовь, и такъ какъ я никогда не переставала тебя любить, то мы все-таки принадлежимъ другъ другу.

XX.

О дняхъ, слѣдовавшихъ за этимъ омрачившимъ всю жизнь событіемъ, нечего много говорить. Эдуардъ часто приходилъ ко мнѣ и старался меня утѣшить, хотя часто плакалъ вмѣстѣ со мной.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Подумайте,—говаривалъ онъ не разъ,—король не можетъ жениться, на комъ онъ хочетъ. Его невѣста должна принадлежать къ королевскому роду, такъ какъ отъ этого зависитъ польза всего государства. Если бы онъ женился на комъ нибудь, не столь высокаго положенія, то вся страна могла бы отъ этого пострадать. Я согласился на его тайный бракъ съ вами только потому, что онъ безумствовалъ, но я предчувствовалъ, что вамъ грозитъ бѣда. Вѣдь, еслибъ дѣйствительно вы вышли за него замужъ, и онъ потомъ сдѣлался бы королемъ, то какова бы была ваша роль. Вамъ пришлось бы вѣчно скрываться, и все-таки когда нибудь все обнаружилось бы; парламентъ вмѣшался бы въ дѣло и потребовалъ бы вашего развода. А если бы онъ сталъ упорствовать, то ему оставался бы одинъ выходъ—отказаться отъ престола. Наконецъ, какова бы была судьба вашихъ дѣтей? Они были бы рождены въ законномъ бракѣ, но не имѣли бы ни имени, ни титула.

Однако его слова меня нисколько не утѣшали.

— Что касается меня,—продолжалъ Эдуардъ,—то я не имѣлъ ни минуты покоя съ тѣхъ поръ, какъ узналъ о вашей любви. Повѣрьте мнѣ, что онъ теперь очень несчастливъ. Онъ васъ искренно любилъ и не можетъ разлюбить въ одинъ день, но онъ будетъ скрывать свое горе отъ всѣхъ, даже отъ меня.

Долго я ждала отъ него письма или какой нибудь вѣсточки, но ни того, ни другого не пришло, а Эдуардъ утѣшалъ меня тѣмъ, что лучше было разстаться разомъ, чѣмъ постоянно растравлять ужасную рану.

Не только моя судьба, но и судьба всѣхъ въ нашемъ домѣ совершенно измѣнилась. У капитана Селлинджера умеръ братъ, и онъ наслѣдовалъ его титулъ виконта Делиса и большое помѣстье, гдѣ и поселился, выйдя въ отставку. Поручикъ Бетцъ уѣхалъ на войну, и вскорѣ мы узнали о его славной смерти. Докторъ исчезъ, и никто никогда не зналъ ничего о его дальнѣйшей судьбѣ.

Наконецъ, въ концѣ ноября принцъ Эдуардъ, навѣщавшій меня ежедневно, сказалъ, что пора рѣшить вопросъ о моей дальнѣйшей жизни.

— Я уже давно хотѣла поговорить съ вами объ этомъ серьезно,—отвѣчала я.—Изабелла проситъ меня остаться жить съ нею, но я считаю себя вдовой, хотя никогда не была женой, и желаю жить отдѣльно.

— Вполнѣ разумно.

— Я не хочу жить въ Лондонѣ, а хотѣла бы поселиться въ маленькомъ сельскомъ домикѣ, съ моими книгами и Молли.

— Полноте! Вы молоды, и не пройдетъ много времени, какъ станете сохнуть по Лондонѣ.

— Какъ вы меня мало знаете, Эдуардъ!

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

— Во всякомъ случаѣ вы можете исполнить свой капризъ. Стряпчіе, которымъ я поручилъ дѣло о вашемъ наслѣдствѣ, говорятъ, что оно скоро кончится, и вы будете богаты, получивъ половину отцовскаго наслѣдства.

— Да, я буду очень рада имѣть свои деньги, хотя не для меня, а для бѣдныхъ, которыхъ такъ много на свѣтѣ. Но, Эдуардъ, я имѣю къ вамъ большую просьбу: не забывайте, что если бы вы пришли получасомъ позже, то я была бы законной женой вашего брата, а, слѣдовательно, вашей сестрой.

— Я и теперь вамъ братъ и всегда останусь имъ!

— Въ такомъ случаѣ поступите согласно этому. Подарите мнѣ сельскій домикъ, и пусть онъ будетъ моимъ свадебнымъ подаркомъ. Я проведу всю свою жизнь въ этомъ домикѣ и буду съ удовольствіемъ помнить, что обязана своимъ жилищемъ брату своего жениха.

Мой разсказъ конченъ. Домъ, въ которомъ я теперь живу, подаренъ мнѣ Эдуардомъ, герцогомъ Іоркскимъ, а не королемъ, какъ говорятъ злые языки. Живу же я на свое собственное довольно крупное состояніе.

Что касается до моего бывшаго жениха, то я никогда болѣе не видѣла его и не получала отъ него никакой вѣсточки. Я слышала, что онъ женился и былъ очень счастливъ. Я нимало не сержусь на него, а, напротивъ, утромъ и вечеромъ молюсь о немъ, утѣшая себя мысленно, что все-таки я была его первою любовью.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

БИБЛІОТЕКИ
КІЕВСКАГО
РЕАЛЬНАГО
УЧИЛИЩА.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Магазиновъ „Новаго Времени"

А. С. СУВОРИНА

(С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса и Саратовъ).

ВЪ МАѢ 1898 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 5-й.

Агаповъ, Д. Собраніе наиболѣе трудныхъ задачъ по математикѣ, служившихъ во всѣхъ учебныхъ округахъ Россіи темами на испытанія зрѣлости въ гимназіяхъ и на выпускныхъ экзаменахъ въ реальныхъ училищахъ, съ подробнымъ рѣшеніемъ и объясненіемъ ихъ. Ариѳметика, алгебра, геометрія и тригонометрія. Второе переработан. и дополнен. изданіе. Оренбургъ. 1898 г. Ц. 1 р. 35 к.

Адреса Правленій акціонерныхъ предпріятій Россіи. Изд. П. Пушкина Спб. 1898 г. Ц 2 р. 50 к.

Алексѣевъ, М., Варшавскій, Е., и Гедройцъ, А. Способы леченія и рецепты С.-Петербургскихъ клиникъ. Часть II. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 60 к.

Альфонсовъ, И. Механическій способъ повѣрки первыхъ четырехъ ариѳметическихъ дѣйствій. Казань. 1898 г. Ц. 10 к.

Анастасьевъ, А. Методика обученія начальной грамматикѣ. Казань. 1898 г. Ц. 35 к.

Angerstein и Eckler. Домашняя гимнастика для здоровыхъ и больныхъ. Переводъ съ нѣмец. подъ ред. проф. К. П. Ковальковскаго. Изд. 3-е, исправл. и дополн. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Андрэ. Къ сѣверному полюсу на аэростатѣ. Кіевъ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арженниковъ, К. Сборникъ ариѳметическихъ задачъ и примѣровъ для начальныхъ училищъ. Годъ второй. Первая сотня. Первая тысяча. М. 1898 г. Ц. 15 к.

Безгинъ, И. Нормальный карточный каталогъ всѣхъ русскихъ книгъ и повременныхъ изданій. Отдѣлъ I за 1890 — 1899 годы. Первая сотня карточекъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Березовскій, В. Русская музыка. Критико-историческій очеркъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 90 к.

Бехтеревъ, В. (проф.). Роль внушенія въ общественной жизни. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Брилліантовъ, А. Вліяніе восточнаго богословія на западное въ произведеніяхъ Іоанна Скота Эригены. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

Булозскій, А. Казенная винная монополія. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.

Бурже, П. Мучительная загадка. Съ иллюстраціями и портретомъ автора. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Бучихинъ, А. О культурѣ масличнаго растенія земляного гороха или земляной фисташки на югѣ Россіи. Одесса. 1898 г. Ц. 50 к.

Вереха, П. (проф.). Опытъ лѣсоводственнаго терминологическаго словаря. Съ 211 рисунками. Спб. 1898 г. Ц. 4 р.

Виндельбандъ, В. Исторія философіи. Переводъ съ нѣмецк. П. Рудина. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

Володихинъ, И. Архитектурный стиль. Часть первая. Архитектурные стили древняго міра. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Волынскій, А. Н. С. Лѣсковъ. Критическій очеркъ. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Вотчала, Е. О движеніи пасоки (воды) въ растеніи. Критическое и экспериментальное изслѣдованіе. М. 1897 г. Ц. 3 р.

Гальперинъ, С. Отголоски закона о ростовщичествѣ. Екатеринославъ. 1897 г. Ц. 15 к.

— Права и обязанности присяжнаго попечителя по дѣлу торговой несостоятельности. (Практ. замѣтки). Екатеринославъ. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гаринъ, Н. Студенты. Изъ семейной хроники. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Гимнасты. Изъ семейной хроники. Изданіе второе. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Герасимовъ, Н. Философія сознанія бытія безконечнаго. М. 1898 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гесдёрферъ, М. Комнатное садоводство. Уходъ за комнатными растеніями, ихъ выборъ и размноженіе. Вып. 3-й. Спб. 1898 г.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Ц. за 5 вып. 4 р. 50 к. Отдѣльно каждый выпускъ по 1 р.

Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англіи. Перев. съ 4-го англ. изд. А. Каменскаго. Изд. 2. Спб. 1898 г. Ц. 80 к.

Гигіена школьника. Перев. съ голландскаго. Спб. 1898 г. Ц. 6 к.

Гобсонъ. Эволюція современнаго капитализма. Съ предисловіемъ автора, писаннымъ для этого изданія. Переводъ съ англійскаго. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гогель, С. Проектъ швейцарскаго уголовнаго уложенія. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Горькій, М. Очерки и разсказы. Т. II. Спб. 1898 г. Ц. 1р.

Гоффманъ, К. (проф.). Обязанности молодой матери. Отношенія супруговъ. Указанія для жены и матери. Уходъ за дѣтьми. Перев. съ нѣмец. подъ ред. д-ра мед. В. И. Рамма съ приложеніемъ календаря беремен. д-ра мед. Я. А. Дедюлина. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Гофманъ, К. Ботаническій атласъ по системѣ Де-Кандоля. Изд. 2-е, испр. и дополн. Вып. 5. Ц. 1 р. 10 к.

Граціанскій, А. (д-ръ). Бесѣды о заразныхъ болѣзняхъ. (Оспа, корь, скарлатина, тифы, дифтеритъ, коклюшъ, холера, кровавый поносъ, сибирская язва, водобоязнь, чахотка, чума и др.). Свойства, признаки, леченіе и предохраненіе. Руководство для родителей, учителей и духовенства. Спб. 1898 г. Ц. 75 к.

Даниловъ, И. Сборникъ рѣшеній Правительствующаго Сената по крестьянскимъ дѣламъ, съ приведеніемъ положеній, извлеченныхъ изъ означенныхъ рѣшеній 1890—1898 гг. (по январь). Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

Двадцать четыре часа на воздушномъ шарѣ. Спб. 1898 г. Ц. 15 к.

Десятилѣтіе Харьковской Общественной Библіотеки. (26-го сент. 1886 г.—26-го сент. 1896 г.) Харьковъ. 1898 г. Ц. 50 к.

Дойль, К. Записки знаменитаго сыщика. Аристократы-убійцы и мошенники. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Дружининъ, Н. Общепонятное законовѣдѣніе. Научно-практическое пособіе съ приложеніемъ образцовъ и формъ дѣловыхъ бумагъ: прошеній, заявленій, жалобъ, договоровъ, завѣщаній и пр. М. 1898 г. Ц. 1 р.

Ддуммондъ, Г. Естественный законъ въ духовномъ мірѣ. Съ приложеніемъ рѣчей: «Какъ преобразить нашу жизнь» и «миръ съ вами». Перев. съ англ. М. 1898 г. Ц. 2 р.

Жизнь. Литературный, научный и политическій журналъ. Апрѣль. 1898 г. Ц. 40 к.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Александръ Македонскій и Юлій Цезарь. Ихъ жизнь и военная дѣятельность. Біографич. очеркъ. Е. Орлова. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.

Жизнь. Литературный, научный и политическій журналъ. Апрѣль. № 11. Ц. 40 к.

Журналъ журналовъ и энциклопедическое обозрѣніе. Апрѣль. Ц. 50 и 75 к.

Журналъ Юридическаго Общества. Книга V. Ц. 2 р.

Заколдованный (извозчичій) вопросъ и комическая сценка. Спб. 1898 г. Ц. 25 к.

Залѣсскій, В. Нужды земледѣлія юга Россіи. Можно ли предвидѣть степень урожая и особенности будущаго вегетаціоннаго періода? Курскъ. 1898 г. Ц. 25 к.

Записки Горона, бывшаго начальника парижской сыскной полиціи. Перев. съ франц. К. Военскій. Спб. 1898 г. Ц. 2 р.

Зуевъ, В. Бани и ванны, ихъ свойство, гигіеническое значеніе и историческое развитіе. Съ 65-ю рисунк. и чертежами въ текстѣ. Одесса. 1898 г.

Идельсонъ, Е. Алфавитный указатель болѣзнямъ и тѣлеснымъ недостаткамъ при освидѣтельствованіи лицъ, призванныхъ къ исполненію воинской повинности. Казань. 1898 г. Ц. 15 к.

— Первая помощь на полѣ сраженія. Пособіе для носильщиковъ. Казань. 1898 г. Ц. 10 к.

Іерархія Всероссійской Церкви отъ начала христіанства въ Россіи и до настоящаго времени. І. Д. Вып. III. М. 1898 г. Ц. 1 р. 75 к.

Индійскія повѣсти. 2. Сакунтала или узнанная по кольцу. Изд. 3-е. М. 1898 г. Ц. 8 к.

Истоминъ, В. Главнѣйшія особенности языка и слога произведеній М. М. Хераскова, А. П. Сумарокова и Императрицы Екатерины II въ лексическомъ, этимологическомъ, синтаксическомъ и стилистическомъ отношеніяхъ. Варшава. 1898 г. Ц. 1 р.

Исторія бѣдной сироты. Съ рис. Перев. съ франц. А. В. Погожевой. М. 1898 г. Ц. въ папкѣ 75 к.

Кавелинъ, К. Собраніе сочиненій. Т. 2-й. Публицистика. I. Крестьянскій вопросъ, дворянство и землевладѣніе.—II. Сельскій бытъ и самоуправленіе.—III. Общественныя направленія и политическіе вопросы.—IV. Воспоминанія и разныя статьи. Съ портретомъ автора, вступительной статьею В. Д. Спасовича и примѣчаніями проф. Д. А. Корсакова. Спб. 1898 г. Ц. 3 р. 50 к.

Карстаньенъ, Фр. Введеніе въ «критику чистаго опыта». Перев. В. Лесевича. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Карѣевъ, Н. Исторія западной Етропы въ новое время. Т. I. Переходъ отъ среднихъ вѣковъ къ новому времени. Ч. I. Политическія и соціальныя отношенія въ концѣ среднихъ вѣковъ. Вып. I. Изд. 2-е. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Клейнъ. Прошлое, настоящее и будущее вселенной. Общедоступное изложеніе основныхъ космологическихъ вопросовъ. Съ многими рисунками. Перев. съ послѣд. нѣмец. изд. К. П. Пятницкаго. Спб. 1898 г. Ц. 1 р. 50 к.

Коринъ, В. Зарницы. Стихи и пѣсни. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Клинге, А. Культура и обработка (добываніе эфирныхъ маслъ) лекарственныхъ и душистыхъ растеній. Вып. I. Спб. 1898 г. Ц. 40 к.

Кнейпъ, С. Мое водолеченіе, испытанное въ теченіе болѣе сорока лѣтъ. Съ 29 рис. 1898 г. Ц. 80 к.

Козловъ, А. О развитіи христіанскаго искусства и основахъ его, въ примѣненіи къ церковной живописи. М. 1898. Ц. 30 к.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Коренблитъ, А. Нѣмецко-русскій техническій словарь. М. 1898. Ц. 13 р. 50 к.

Корнаковъ, В. Измѣреніе площадей, поверхностей и объемовъ тѣлъ. 180 чертежей. Спб. 1898. Ц. 70 к.

Cosmopolis. Revue internationale. Mai. 1898. Ц. 1 р. 25 к.

Космополисъ. Русскій отдѣлъ. Май. 1898. Ц. 60 к.

Краевскій, А. Практическія замѣтки по вопросу о достиженіи скорости въ гражданскомъ судопроизводствѣ. М. 1898. Ц. 50 к.

Кренке, Руководство къ разбивкѣ закругленій на обыкновенныхъ и желѣзныхъ дорогахъ. Съ полными таблицами и чертежами. Изд. 2-е, испр. Спб. 1898. Ц. 80 к.

Курдюмовъ, Е. О вліяніи велосипедной ѣзды на здоровье. М. 1898. Ц. 20 к.

Лёвенфельдъ, Л. (д-ръ). Половая нейрастенія. (Нервныя разстройства полового происхожденія). Перев. съ нѣм. Изд. 2-е. Одесса. 1898. Ц. 60 к.

Лейкинъ, Н. Ребятишки. Разсказы. Изд. 3-е, дополненное. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Липицкій, П. Есть ли какая-либо связь между религіозной вѣрой и наукою. Харьковъ. 1898. Ц. 50 к.

Лоренцъ, Н. Орнаментъ всѣхъ временъ и стилей. Вып. 3-й. Спб. 1898. Ц. за 10 вып. 15 р.

Лысакъ, В. Подорожникъ. Разсказы. М. 1898. Ц. 80.

Люцэрнъ. Озеро четырехъ кантоновъ и большія экскурсіи по Швейцаріи. Путеводитель, составленный по новѣйшимъ даннымъ, Цюрихъ. 1897. Ц. 1 р.

Ляскоронскій, Вас. Иностранные карты и атласы XVI и XVII вв., относящіеся къ южной Россіи. Кіевъ. 1898. Ц. 2 р. 50 к.

М. М. Критическіе наброски. і. «Потонувшій колоколъ», сказка-драма Г. Гауптмана. ІІ. Поэзія. ІІІ. Бодлэра. Спб. 1898. Ц. 25 к.

Marssiaux, L. (prof.). Праксиноскопъ (Зеркальный стробоскопъ) и его изготовленіе. Руководство для любителей. Перев. съ англ. Л. А. Боровичъ. М. 1898. Ц. 40 к.

Матвѣевъ, Ѳ. Индивидуализація, какъ основа образованія. Спб. 1898. Ц. 50 к.

Матеріалы къ пересмотру общаго тарифа желѣзныхъ дорогъ I и II группъ. Отдѣлъ II. Рулы, металлы не въ дѣлѣ и въ издѣліяхъ и ихъ отбросы. Составлено подъ руководствомъ завѣдующаго дѣлами общихъ тарифныхъ съѣздовъ І. П. Зайцева. Спб. 1898 Ц. 6 р.

Миллеръ, В. Руководство консервативнаго зубоврачеванія. Съ 420 рис. Перев. съ нѣм. д-ра А. Г. Фейнберга. Спб. 1898. Ц. 2 р.

Мопассанъ (де), Гюи. Любовь. Веселые разсказы. Перев. съ франц. Г. П. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Моргулисъ, М. Современныя опасенія западно-европейскихъ евреевъ. Спб. 1898. Ц. 40 к.

Мюнцъ, А., и Жираръ, А. Изслѣдованіе кормового значенія люцерны. Перев. съ франц. Одесса. 1898. Ц. 30 к.

Назарьева, К. Любовь. Безъ любви «Ракитинская исторія». Спб. 1898. Ц. 1.

— Мелочи жизни. Разсказы. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Научное обозрѣніе. Ежемѣсячный научно-философскій журналъ. Апрѣль. Ц. 75 к.

Немировичъ-Данченко, Вас. Великій старикъ. Романъ. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Новое торжество православія. Обращеніе Сиро-халдейскихъ несторіанъ въ лоно православной церкви (25-го марта 1898 г.). Спб., 1898. Ц. 30 к.

Новый всеобщій путеводитель по жел. дор. и пароходнымъ путямъ Россіи. Лѣтнее движеніе. 1898. Ц. 40 к.

Нормальный уставъ потребительныхъ обществъ съ приложеніемъ указаній для ихъ учредителей. Спб. 1898. Ц. 20 к.

Оржешко, Э. Жертвы адвоката. Романъ. Переводъ съ польскаго. Спб. 1898. Ц. 60 к.

Орловъ, Н., проф. Походъ Суворова въ 1799 г. по запискамъ Грязева. Съ портретуми, рисунк. и планами. Спб. 1898. Ц. 2 р.

Орловскій, Петръ (протоіерей). Св. Софія Кіевская, нынѣ Кіево-Софійскій каѳедральный соборъ. Кіевъ. 1898. Ц. 25 к.

Отчего и почему. Маленькой Сусанны. Съ рис. М. 1898. Ц. въ папкѣ 75 к.

Паргаминъ (врачъ). Женщина съ медицинской точки зрѣнія. Спб. 1898. Ц. 2 р.

Плющевскій-Плющикъ, Я. Сужденія и толки народа объ однодневной переписи 28-го января 1897 г. Матеріалы для исторіи первой всеобщей переписи народонаселенія. Спб. 1898. Ц. 75 к.

Побѣдоносцевъ, К. П. Московскій сборникъ. Съ портретомъ К. П. Побѣдоносцева. Изд. 4-е. М. 1897. Ц. 1 р. 40 к.

Покровскій, І. Право и фактъ въ римскомъ правѣ. Часть 1-я. Право и фактъ, какъ матеріальное основаніе исковъ. Кіевъ. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Покровскій, И. Значеніе высшей русской іерархіи и историческія условія ея служенія церкви и государству до XVIII вѣка. Казань. 1898. Ц. 20 к.

Полѣновъ, А. Монетный вопросъ. М. 1898. Ц. 2 руб.

Полный карманный путеводитель. Лѣто и осень. 1898. Ц. 50 к.

Поповъ, И. Самоубійство. Этико-психологическій очеркъ. Сергіевъ-Посадъ. 1898. Ц. 25 к.

Прево, Марсель. Женщины (Lettres de femmes). Съ иллюстраціями и портретомъ автора. Изд. 3-е. Спб. 1898. Ц. 60.

— Послѣднія письма женщинъ. Пер. съ франц. М. 1898. Ц. 60 к.

— Мелкіе разсказы. Перев. съ франц. М. 1898. Ц. 75 к.

Прессансэ, Е. Христіанская семья. Перев. съ франц. подъ ред. проф. Н. И. Барсова. М. 1898. Ц. 75 к.

Путеводитель по кавказскимъ минеральнымъ водамъ. Пятигорскъ, Желѣзноводскъ, Ессентуки. Кисловодскъ. Съ 22 цинкографіями. Пятигорскъ, 1898. Ц. 50 к.

Пыляевъ, М. Замѣчательные чудаки и оригиналы. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Пѣтуховъ, Е. Лужицкіе сербы (лужичане). Изъ путевыхъ замѣтокъ лѣтомъ 1897 года. Юрьевъ. 1898. Ц. 25 к.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Регесты и надписи. Сводъ матеріаловъ для исторіи евреевъ въ Россіи (80 г. — 1800 г.). Вып. II (до 1600 г.). Спб. 1897. Ц. 1 р.

Риббингъ, Севедъ. Половая гигіена и ея нравственныя послѣдствія. Изд. 4-е. Одесса. 1898. Ц. 1 р.

Рибо, Т. Эволюція общихъ идей. Перев. съ франц. М. Гольдсмитъ. Спб. 1898. Ц. 60 коп.

Riedel (prof). Руководство къ операціямъ на трупѣ и живомъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на практическую, врачебную дѣятельность. Пер. съ нѣм. Спб. 1898. Ц. 1 р.

Риль, Алоизъ, Г. Зиммель, Фридрихъ Ницше. Одесса. 1898. Ц. 60 к.

Робине (д-ръ). Положительная философія Огюста Конта. Перев. съ франц. Спб. 1898. Ц. 50 к.

Ростанъ, Эдм. Сирано де-Бержеракъ. Героическая комедія въ 5 актахъ. Переводъ Т. Л. Щепкиной-Куперникъ. М. 1898. Ц. 2 р.

Русскій біографическій словарь. Т. II. Ибакъ-Ключаревъ. Спб. 1897. Ц. 10 р.

Рябининъ, К. Алкалоиды. Химико-физіологическіе очерки. Подъ ред. А. А. Волкова и М. М. Тихвинскаго. Спб. 1898. Ц. 60 к.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томы 101, 103 и 104. Спб. 1898. Ц. каждаго тома 3 р.

Свѣтловъ, В. Звѣзда любви. Флорентійская новелла въ двухъ частяхъ (1692 — 1695). Спб. 1898. Ц. 75 к.

Свѣтловъ, П. (свящ.). Опытъ апологетическаго изложенія православно-христіанскаго вѣроученія. Часть вторая. Т. II. Понетологія и христологія. Кіевъ. 1888. Ц. 2 руб. 75 коп.

Свирскій, А. Несчастныя дѣти. (Очерки). Съ портретами. Спб. 1898. Ц. 15 к.

Сеньобосъ, III. Политическая исторія современной Европы (1814—1896). Перев. съ франц. подъ ред. проф. А. Трачевскаго. Спб. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Слонимскій, Л. Экономическое ученіе Карла Маркса. Изложеніе и критическій разборъ. Спб. 1898. Ц. 1 р. 25 к.

Смирновъ, В, Турецкія легенды о святой Софіи и о другихъ византійскихъ древностяхъ. Спб. 1898. Ц. 3 р. 50 к.

Симоновъ, Л. (д-ръ). Пивовареніе (заводское и домашнее), квасовареніе и медовареніе. Производство солода, хмѣля и дрожжей. Разведеніе чисто-породныхъ дрожжей. Необходимыя справ. таблицы. Сост. при участіи М. С. Пумпянскаго. Съ 75 рис. Спб. 1898. Ц. 3 р. 50 к.

— Квасовареніе и домашнее пивовареніе. Съ 16 рис. Спб. 1898. Ц. 1 р.

— Медовареніе, заводское и домашнее. Спб. 1898. Ц. 75 к.

— Сахарометрическія Таблицы Mateg-czek'a и Scheibler'a съ необход. объясненіями. Для винокуровъ, медоваровъ и вообще для лицъ, имѣющихъ дѣло съ растворами, содержащими сахаръ. Спб. 1898. Ц. 25 коп.

Соколовъ, В. О соединеніи церквей. Публичное чтеніе. Сергіевъ-Посадъ. 1898. Ц. 20 коп.

— Іерархія англиканской епископальной церкви. Сергіевъ - Посадъ. 1899. Ц. 2 р.

Соловьевъ, Евг. (Скриба). В. Г. Бѣлинскій въ его письмахъ и сочиненіяхъ (1810 — 1848). Спб. 1898. Ц. 1 р. 75 к.

Сообщенія С.-Петербургскаго отдѣленія комитета о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Вып. 13-й. Спб. 1898. Ц. 50 к.

Сорокинъ, Н. Учебникъ вексельнаго права. Спб. 1898. Ц. 80 к.

Сперанскій, Н. Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. М. 1898. Ц. 1 р.

Спутникъ по Россіи, В. М. Ландцерта. Лѣтнее движеніе. 1898. Изданіе, составленное по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ. Ц. 60 к.

Сумпакъ, К. Новѣйшее открытіе въ области метеоромантіи. Пер. съ эстонск. Ревель. 1898. Ц. 50 к.

Таблицы для скораго и точнаго вычисленія объемовъ земляныхъ работъ по способу инженера Ф. Ф. Мурзо. Изд. 2-е. М. 1898. Ц. 1 р. 50 к.

Татищевъ, С. Дипломатическія бесѣды о внѣшней политикѣ Россіи. Годъ второй. 1890. Спб. 1898. Ц. 2 р.

Телешовъ, Н. Маленькій романъ. М. 1898. Ц. 60 к.

Тихонравовъ, Н. Сочиненія. Томъ первый. Древняя русская литература. М. 1898. Ц. за 3 тома 7 р. 50 к.

Тойнби, Арн. Промышленный переворотъ въ Англіи въ XVIII столѣтіи. Перев. съ англ. подъ ред. проф. А. И. Чупрова. М. 1898 г. Ц. 50 к.

Толстой, Л. Н. Что такое искусство? М. 1898 г. Ц. 50 к.

Троицкій, Іоаннъ. (свящ.). Духовный даръ законоучителя учащемуся и подростающему поколѣнію русскихъ женщинъ. Кіевъ. 1898 г. Ц. 40 к.

Тураевъ, Б. Богъ Тотъ. Опытъ изслѣдованія въ области исторіи древне-египетской культуры. Лейпцигъ. 1898 г. Ц. 2 р.

Указатель желѣзнодорожныхъ, пароходныхъ и другихъ пассажирскихъ сообщеній. Лѣтнее движеніе. 1898 г. Ц. 70 к., въ переп. 1 р.

Уоллесъ, А. Дарвинизмъ. Изложеніе теоріи естественнаго подбора и нѣкоторыхъ изъ ея приложеній. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

Урусовъ, С. (князь). Наружный осмотръ лошади. (Къ ученію объ экстерьерѣ). Практич. руководство для гг. кавалеристовъ и любителей верховыхъ лошадей. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

— Генеалогическія таблицы чистокровныхъ, англійскихъ жеребцовъ. М. 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.

Файнштейнъ, С. Искусство укрѣпленія памяти. Изданіе восьмое, исправленное и дополнен. Одесса. 1898 г. Ц. 25 к.

Федотовъ, Н. Новый Иллюстрированный путеводитель на Иматру. Съ картою, планами и чертежами Спб. 1898 г. Ц. 60 к.

Филатовъ, Н. (проф.). Гигіена дѣтей. Съ 30 рис. М. 1898 г. Ц 2 р.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

Филипповъ, А. Гигіена дѣтей. Съ предисловіемъ проф. Н. О. Филатова. Съ 30 рис. М. 1898 г. Ц. 2 р.

Фишеръ, В. Краткое руководство къ спеціальной архитектурѣ и инженерному дѣлу для помощниковъ инженеровъ. Текстъ и атласъ, съ 39 таблицами. Спб. 1898 г. Ц. 8 р.

Фрэцонъ, Г. Акварель. Натюръ-мортъ. Перев. г. Осѣевскаго. М. 1898 г. Ц. 1 р. 20 к.

— Акварель, головки, яица и фигуры. Искусство писать фигуры. Перев. съ франц. Г. Вуттке. М. 1898 г. Ц. 1 р.

Цытовичъ, А. Къ ученію о постоянныхъ множителяхъ. (Опытъ облегченія повѣрки начисленныхъ процентовъ по текущимъ и спеціальнымъ счетамъ). Кіевъ. 1898 г. Ц. 25 к.

Черепнинъ, Н. Бесѣды врача о заразныхъ болѣзняхъ. Законоположенія о нихъ, мѣры къ ограниченію, леченіе и прописи лекарствъ. Одобрены Ученымъ Комитетомъ М-ства Народнаго Просвѣщенія для учительскихъ библіотекъ, народныхъ школъ. При Свят. Синодѣ для библіотекъ церковно-приходскихъ школъ. При М-ствѣ Земледѣлія и Госуд. Имущ. для библіотекъ сельскохозяйств. школъ. Изданіе пятое, печатано съ дополн. и свѣрен. по послѣднимъ источникамъ изданія 4-го. Спб. 1898 г. Ц. 70 к.

Чеховъ, Антонъ. Мужики и моя жизнь. Изд. пятое. 1898 г. Ц. 1 р.

Шалтепи-де-ля-Соссей, Д. Иллюстрированная религія. Вып. 3-й. М. 1898 г. Ц. по подпискѣ 7 р.

Шевляковъ, М. Изъ области приключеній. По разсказамъ бывшаго начальника с.-петербургскй сыскной полиціи И. Д. Путилина. Съ его портретомъ и біографіей. Спб. 1898 г. Ц. 80 к.

Шенкъ, Л. (проф.). Опредѣленіе пола потомства. Перев. съ нѣмец. подъ ред. д ра А. Г. Фейнберга. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

— Вліяніе на образованіе пола. Теорія, имъ самимъ изложенная. Спб. 1898 г. Ц. 50 к.

Шерръ, Г. Всеобщая исторія литературы. Вып. XXV (послѣдній). М. 1898 г. Ц. за все сочин. 9 р.

Шершеневичъ, Г. Въ свою защиту. Казань. 1898 г. Ц. 10 к.

Шопенгауеръ, Арт. Метафизика любви. Перев. съ нѣмецкаго. А. Г. Изданіе второе. Спб. 1898 г. Ц. 20 к.

Шпановскій, Б. На судъ общественный. Правда объ одесской психіатрической эпопеѣ. Одесса. 1898 г. Ц. 85 к.

Шредеръ, В. (проф.). Женскій врачъ. Сущность, причины, предупрежденіе и лѣченіе женскихъ болѣзней. Перев. съ нѣмец. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Энциклопедическій словарь. Полутомъ 46-й. Петропавловскій—Поватажное. Спб. 1898 г. Ц. 3 р.

Эспинасъ, А. Соціальная жизнь животныхъ. Опытъ сравнительной соціологіи. Перев. съ франц. Ф. Павленковъ. Второе пересмотрѣнное изданіе. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

Ярмонкинъ, В. Звуки сердца. Спб. 1898 г. Ц. 1 р.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НОВАЯ БИБЛІОТЕКА А. С. СУВОРИНА.

60 коп.—каждый томъ—60 коп.

1. **Дюма, Ал.** Королева Марго. Ром. въ 6-ти част. Книга I-я, части 1-я, 2-я и 3-я.
2. — То же. Книга II-я. Части 4-я, 5-я и 6-я.
3. — Три мушкетера. Ром. Книга I-я.
4. — То же. Книга II-я.
5. **Бальзакъ.** Шагреневая кожа. Романъ.
6. **Прево, аббатъ.** Исторія Манонъ Леско и кавалера де-Гріе. Ром.
7. **Крэкъ, А. Д. Эмилій.** Повѣсть изъ эпохи гоненій на христіанъ при Деціи и Валеріи. Переводъ съ англійскаго.
8. **Кингслей, Ч.** Ипатія или новые враги подъ старой личиной. Романъ. Томъ I-й.
9. — То же. Томъ II.
10. **Жоржъ-Зандъ.** Орасъ. Романъ.
11. **Мериме, П.** Жакерія. Сцены изъ феодальныхъ временъ.
12 и 13. **Диккенсъ, Ч.** Лавка древностей. Ром.
14. **Гете, В.** Страданія молодого Вертера. Ром.
15. **Басанинъ, Маркъ.** Клубъ козицкаго дворянства. Романъ.
16. **Фильдингъ.** Исторія Тома Джомса Найденыша. Романъ. Томъ I-й.
17. — То же. Томъ II-й.
18. — То же. Томъ III-й.
19. **Ясинскій, Іер.** Старый другъ. Романъ.
20. **Дюма, А.** Двадцать лѣтъ спустя. Ром. Т. I-й.
21. — То же. Томъ II-й.
22. **Золя, Эмиль.** Докторъ Паскаль. Ром.
23. **Бульверъ, Эдвардъ, лордъ Литтонъ.** Послѣдніе дни Помпеи. Ром. Томъ I-й.
24. — То же. Томъ II-й.
25. **Бичеръ-Стоу, Генр.** Хижина дяди Тома. Съ приложеніемъ библіографіи этого произведенія Джоржа Буллена. Томъ I-й.
26. — То же. Томъ II-й.
27. **Сю, Евгеній.** Вѣчный жидъ. Ром. Первый, полный безъ пропусковъ переводъ съ французскаго. Томъ I-й.
28. — То же. Томъ II-й.
29. — То же. Томъ III-й.
30. — То же. Томъ IV-й.
31. — То же. Томъ V-й.
32. **Бальзакъ.** Женщина тридцати лѣтъ. Ром.
33 и 34. **Флоберъ, Г.** Госпожа Бовари. Провинціальные нравы. Ром. Перев. съ франц.
35. **Царь изъ дома Давида.** Съ англ. Е. М.
36. **Якушкинъ, П.** Великъ Богъ земли русской! и другіе разсказы.
37 и 38. **Грандъ, Сара.** Небесные близнецы. Перев. съ нѣм. А. Гердъ.
39 и 40. **Поэ, Эдгаръ.** Необыкновенные разсказы. Переводъ съ англійскаго. Книга первая и вторая.

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

стр.

XVII. **Заграничныя историческія новости и мелочи** 1050

1) Авторша Одиссеи.— 2) Возстаніе англійскихъ поселянъ въ XIV вѣкѣ.— 3) Прототипъ шекспировскаго Фальстафа.— 4) Частная жизнь въ старой Франціи.—5) Мемуары графа Молліена.—6) Политическія предсказанія Наполеона I.— 7) Юбилей Мишле.—8) Египетъ въ XIX вѣкѣ.—9) Прусскій военный агентъ въ Вѣнѣ во время Крымской кампаніи.— 10) Воспоминанія двухъ итальянскихъ генераловъ.—11) Взглядъ американскаго посланника на К. П. Побѣдоносцева.

XVIII. **Смѣсь** 1066

1) Муравьевскій музей.—2) Чествованіе памяти П. С. Мочалова.—3) Общество любителей древней письменности. — 4) Премія Г. Ѳ. Карпова. — 5) Воронежская публичная библіотека.— 6) Отчетъ Одесской городской публичной библіотеки.—7) Книжный складъ и типографія Саратовскаго земства.—8) Городецкій музей Волынской губерніи. — 9) Некрологи: Л. П. Сабанѣевъ; Н. Д. Дмитріевъ-Оренбургскій; Ѳ. Г. Топоровъ; П. В. Дворжецкій-Богдановичъ; А. И. Лебедевъ.

XIX. Замѣтки и поправки 1077

1) О пресѣкшихся дворянскихъ родахъ князей Ромодановскихъ и князей Ромодановскихъ-Лодыженскихъ. **Дмитрія Анучина.** — 2) Путешествіе русскаго матроса. **В. Ч.**

XX. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) Портретъ Ивана Петровича Клюшникова.—2) Невѣста короля. (A. Fountain Sealet). Романъ **Вальтера Безанта.** Переводъ съ англійскаго. Гл. XI—XX. (Окончаніе).

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

ЖУРНАЛЪ.

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ **„Новаго Времени“** (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ**, **Харьковѣ**, **Одессѣ** и **Саратовѣ**, при книжныхъ магазинахъ **„Новаго Времени“**.

Программа **„Историческаго Вѣстника“**: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, разсказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ **„Историческому Вѣстнику“** прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго.**

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ. **Редакторъ С. Н. Шубинскій.**

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 13

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

НАЦІОНАЛЬНА ІСТОРИЧНА БІБЛІОТЕКА УКРАЇНИ

2f 50K

